
ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ
ЛЕНИН
СТАЛИН
СТАЛИН
перед
судом пигмеев
2-е издание, расширенное и исправленное

СТАЛИНСКИЙ РЕНЕССАНС

Юрий Емельянов

Сталин перед судом пигмеев

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2008

ББК 63.3(2)622
Е 60

Оформление серии художника *П. Волкова*

Емельянов Ю.В.

Е 60 Сталин перед судом пигмеев. — М. : Яуза, Эксмо, 2008.— 544 с.

ISBN 978-5-699-31529-1

И.В. Сталин был убит дважды. Сначала — в марте 1953 года, когда умерло его бренное тело. Но подлинная смерть Вождя, гибель его честного имени, его Идеи и Дела всей его жизни случилась тремя годами позже, на проклятом XX съезде КПСС, после клеветнического доклада Хрущева, в котором светлая память Сталина и его великие деяния были оболганы, ославлены, очернены, залиты грязью.

Повторилась вечная история Давида и Голиафа — только стократ страшнее и гаже. Титан XX века, величайшая фигура отечественной истории, гигант, сравнимый лишь с гениями эпохи Возрождения, был повержен и растоптан злобными карликами, идейными и моральными пигмеями. При жизни Вождя они *не смели поднять глаз, раболепно* вылизывая его сапоги, но после смерти набросились всей толпой — чтобы унизить, надругаться над его памятью, низвести до своего скотского уровня.

Однако ни одна ложь не длится вечно. Рано или поздно правда выходит на свет. Теперь это время пришло. Настал срок полной реабилитации И.В. Сталина. Пора очистить его имя от грязной лжи, клеветы и наветов политических пигмеев.

Эта книга уже стала культовой. Этот бестселлер признан классикой Сталинианы. Его первый тираж разошелся меньше чем за неделю. Для второго издания автор радикально переработал текст, исправив, дополнив и расширив его вдвое. Фактически у вас в руках новая книга. Лучшая книга о посмертной судьбе Вождя, о гибели и возрождении Иосифа Виссарионовича Сталина.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-31529-1

© Емельянов Ю.В., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

(Вместо предисловия)

«ПОБЕДИТЕЛЕЙ МОЖНО И НУЖНО СУДИТЬ».

Вечером 9 февраля 1946 года мои родители, моя сестра и я собрались возле радиорепродуктора. После объявления о начале трансляции собрания избирателей Сталинского округа репродуктор некоторое время томительно молчал. А затем раздались долгие аплодисменты, и чей-то голос объявил: «Слово предоставляется товарищу Сталину!» Опять долго звучали аплодисменты, и вот заговорил Сталин. В конце речи Сталин сказал: «Говорят, что победителей не судят, что их не следует критиковать, не следует проверять. Это неверно. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности. Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над Коммунистической партией нашей страны, как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей». Словно подводя итог словам Сталина, моя мама сказала задумчиво: «Значит, завтра Сталина будут судить».

Видимо, я тогда еще не понимал многозначности слова «судить», а поэтому представил себе Сталина, сидящего на скамье подсудимых, так, как я мог это себе представить в свои восемь лет. И мне стало не по себе. Ведь в это время Сталин был самым главным и самым почитаемым человеком в том мире, в котором я жил. Восхищение Сталиным казалось единственно возможным способом отношения к нему. Еще с довоенной жизни я запомнил портреты Сталина в колоннах демонстрантов, которые проходили мимо нашего дома, небольшой гипсовый бюст Сталина, стоявший у

нас на книжном шкафу, слова песни о том, как «борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет».

С середины 1943 года, когда мы вернулись из эвакуации в Москву, чуть ли не каждый вечер наш репродуктор неожиданно замолкал. После долгой паузы и начальных тактов песни «Широка страна моя родная» раздавался знакомый голос Юрия Левитана, который объявлял: «Говорит Москва! Передаем важное сообщение!» А затем зачитывался приказ о новой победе Красной Армии, венчавшийся словами: «Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза Сталин». Вскоре после этого небо озарялось салютами.

В первом классе школы в 1944 году мы заучивали наизусть «Быль для детей» Сергея Михалкова. В ней рассказывалось, что напавшие на нас гитлеровцы хотели, чтобы мы «красный галстук не носили, хлеб на улице просили у окон и у дверей, чтобы не было у моря пионерских лагерей, чтоб командовали всюду Гансы, Фрицы и Гертруды... чтобы дома по-немецки, — даже дома по-немецки! — говорили я и ты». Но ничего у Гитлера не вышло, потому что, как говорилось в «Были»: «И сказал народу Сталин: «В добрый час за мной, друзья!» и от немцев люди стали очищать свои края!» Так как часть «Были» была переделана в песню, то последние строки мы пели на уроке пения.

Мы разучили и новый Гимн Советского Союза, в котором были слова: «Нас вырастил Сталин на верность народу, на труд и на подвиги нас вдохновил!» О детстве Сталина мы прочли в первой книге для чтения «Родная речь». Мы знали, что настоящая фамилия Иосифа Виссарионовича Сталина была Джугашвили, что в детстве его звали Сосо, а в революционном подполье его называли «Коба». Во время школьных утренников один из наших одноклассников всегда выступал с чтением наизусть стихотворения про «заключенного Кобу-Джугашвили», который томился в царской тюрьме. По случаю праздничных событий преподаватели и директор школы завершали речи на школьных собраниях здравицами в честь Сталина. Распевая же на празднике веселую песню про новогоднюю елку, мы посылали в ней привет «бойцам Красной Армии и маршалу Сталину».

В наших детских делах имя Сталина (как и Ленина) было эталоном честности. Слова «честное ленинское», «честное сталинское» считались самыми надежными свидетельствами

правдивости. Правда, прибегать к таким заверениям по пустякам считалось делом недостойным. В ответ на «ленинские» и «сталинские» клятвы можно было услышать слова осуждения: «Ленина не продают! Сталина не покупают!»

Поэтому сама мысль о суде над Сталиным представлялась мне кощунственной. В то время не только я, но и подавляющее большинство взрослых советских людей не знали, что еще в 1938 году в своем «Бюллетене оппозиции» Троцкий обещал устроить настоящий судебный процесс над Сталиным и завершить его суровым приговором. А вскоре в Мексике Троцким была предпринята попытка заочного суда над Сталиным.

Возникшие в ряде стран мира в ответ на московские процессы 30-х годов «Комитеты защиты Троцкого» создали «Международную комиссию по расследованию». Эту комиссию возглавил известный американский философ Джон Дьюи. Для удобства Троцкого комиссия заседала в Мехико. Троцкий объявил о своем намерении превратить заседание комиссии в «контрпроцесс», на котором Сталин будет осужден мировым общественным мнением.

Однако «контрпроцесса» не получилось. Сторонники Троцкого были разочарованы деятельностью комиссии и выступлениями их вождя. Горячий поклонник Троцкого Исаак Дейчер писал, что речи его кумира были путаными, неяркими и совершенно не походили на былые пламенные тирады «демона революции». Казалось, писал И. Дейчер, что «Демосфен выступал в суде, защищая свою жизнь, в ту пору, когда он еще не избавился от заикания, а его рот был забит камешками».

Причины неудачных выступлений Троцкого и провала всей его затеи с «контрпроцессом» были, видимо, вызваны не столько тем (как утверждал И. Дейчер), что лидер 4-го Интернационала плохо владел английским языком, а Джон Дьюи слабо разбирался в вопросах советской истории. В ходе заседаний комиссии Дьюи Троцкий вынужден был оправдываться, стараясь доказать несправедливость обвинений, выдвинутых против него и других бывших вождей оппозиции на московских процессах 1936—1938 годов.

Более того, Троцкому приходилось оправдываться и за его деятельность в годы Гражданской войны в России. Неожиданно он сам стал обвиняемым. Западные газеты напоминали

о «красном терроре» и «расказачивании», в осуществлении которых Троцкий сыграл значительную роль. Напоминали и о приказах Троцкого, в которых слово «расстрел» звучало через каждую строчку. Писали и о роли Троцкого в подавлении Кронштадтского мятежа. Троцкий с раздражением замечал, что можно подумать, будто события в Кронштадте произошли вчера. Правда, порой Троцкий переходил в контрнаступление. Так, пытаясь отвергнуть обвинения в причастности себя и своих единомышленников к убийству Кирова, Троцкий поставил вопрос: «А не было ли убийство Кирова выгодно Сталину как предлог для уничтожения оппозиции?»

Однако международная обстановка того времени не позволяла западной общественности, представленной на заседаниях комиссии Дьюи, предпринять действия, направленные на дискредитацию Сталина. Значительную роль Сталина в судьбах тогдашнего мира был вынужден признать и сам Троцкий. В заключение своих выступлений Троцкий неожиданно заявил: «В настоящее время советские рабочие стоят перед выбором между Гитлером и Сталиным. Они предпочли Сталина и в этом они были правы: Сталин лучше Гитлера».

Хотя Троцкий упрощал причины, почему советские люди поддерживали Сталина, он достаточно верно определил исторический выбор, который стоял в те годы и не только перед «рабочими СССР», но и перед значительной частью населения земного шара. В конце 30-х годов многие люди, в том числе и в западных странах, прекрасно осознавали, что единственной силой, способной остановить Гитлера, был СССР, возглавляемый Сталиным. Видные деятели западной общественности старались заручиться поддержкой Страны Советов и Сталина в грядущем конфликте с гитлеровской Германией. Выражая взгляды западной интеллигенции, известный писатель Лион Фейхтвангер так оценивал деятельность Сталина перед войной: «Сталин... работал, он шел по правильному пути. Он объединил крестьян в артели, возделывал почву для социализма в Советском Союзе и строил социализм... Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом... Действительность, создаваемая им, опровергала неопровержимые теории Троцкого». Мировая общественность не поддержала Троцкого, и его усилия по организации «контрпроцесса» провалились.

Правда, вскоре после завершения работы комиссии Дьюи Троцкий приступил к написанию книги о Сталине, которая должна была стать обвинительным актом против вождя СССР. Хотя эта книга часто цитировалась, а многие положения этой книги легли в основу последующих атак на Сталина, убедительного и полномасштабного обвинения Сталина Троцкий не смог представить. Выпады Троцкого в адрес Сталина представляли собой голословные утверждения, нередко на уровне бытовых сплетен. Биография Сталина, которую писал Троцкий, осталась единственной книгой, не завершенной им. Вадим Кожинов отмечал, что книга о Сталине и другие антисталинские публикации Троцкого «гораздо более легковесны, чем «Преданная революция», о чем без обиняков говорится даже в апологетической книге Исаака Дейчера «Троцкий в изгнании». Хотя, как справедливо замечал Кожинов, «сегодняшние авторы, зациклившиеся на Сталине, ценят более всего именно «сталиниану» Троцкого», в предвоенном мире его филиппики не получили широкой поддержки. Попытки политического банкрота Троцкого «судить» Сталина потерпели крах.

Вступление СССР во Вторую мировую войну еще более *изменило отношение* антигитлеровских стран Запада к нашей стране и Сталину. Уже 22 июня 1941 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль объявил по радио о намерении правительства Его Величества предложить помощь СССР в совместной борьбе против гитлеровской Германии. Он говорил: «Никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я за последние двадцать пять лет. Я не откажусь ни от одного слова из сказанного мною о нем. Однако все это отходит на задний план перед развертывающейся сейчас драмой». Черчилль исходил из того, что германское «вторжение в Россию является не более чем прелюдией перед вторжением на Британские острова», и объявлял: «Угроза, нависшая над Россией, является угрозой и для нас, и для Соединенных Штатов».

Правда, руководители Великобритании и США не верили в способность СССР выстоять под ударами гитлеровского вермахта. Военные эксперты этих стран считали, что СССР сможет продержаться лишь пару месяцев от силы. Для того чтобы выяснить, стоит ли помогать СССР и не попадет ли поставляемое оружие германским армиям, в СССР

были направлены правительственные миссии из Англии и США. В. Бережков, переводивший беседы представителей Англии и США со Сталиным, позже вспоминал: «В первые недели войны, когда казалось, что Советский Союз вот-вот рухнет, все высокопоставленные иностранные посетители, начиная с Гарри Гопкинса, были настроены весьма пессимистически. А уезжали они из Москвы в полной уверенности, что советский народ будет сражаться и, в конечном счете, победит. Но ведь положение у нас было действительно катастрофическое. Враг неотвратимо двигался на восток. Чуть не каждую ночь приходилось прятаться в бомбоубежищах. Так что же побуждало Гопкинса, Гарримана, Бивербрука и других опытных и скептически настроенных политиков менять свою точку зрения? Только беседы со Сталиным».

Вернувшись в США после встреч со Сталиным, личный представитель президента США Рузвельта Гарри Гопкинс писал в журнале «Американ»: «Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Иосиф Сталин знал, чего он хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Не было ни одного лишнего жеста или ужимки... Ни разу он не повторился. Он говорил так же, как стреляли его войска, — метко и прямо... Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как я ни устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы много лет назад... Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова. Если он хочет смягчить краткий ответ или внезапный вопрос, он делает это с помощью быстрой сдержанной улыбки — улыбки, которая может быть холодной, но дружественной, строгой, но теплой... Кажется, что у него нет сомнений. Он создает уверенность, что Россия выдержит атаки немецкой армии. Он не сомневается, что у вас также нет сомнений». Итогом этих бесед был перелом в настроениях Гарри Гопкинса в пользу помощи СССР, в чем он и убедил президента США Ф.Д. Рузвельта.

Понимание того, что от СССР и Сталина зависит судьба планеты, над которой нависла угроза нацистского порабощения и геноцида, привело к тому, что на Западе критика в адрес СССР была сведена к минимуму. Руководители Великобритании и США постоянно выражали свое восхище-

ние деятельностью Сталина и заверяли в своей готовности поддержать СССР.

Вернувшись в Лондон после своей первой встречи со Сталиным в августе 1942 года, Черчилль в своем выступлении в палате общин 8 сентября 1942 года сказал: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить. Он является человеком неистощимого мужества и силы воли, простым человеком, непосредственным и даже резким в разговоре, что я, как человек, выросший в палате общин, не могу не оценить, в особенности, когда я могу в известной степени сказать это и о себе. Прежде всего, Сталин является человеком с тем спасительным чувством юмора, который имеет исключительное значение для всех людей и для всех наций и в особенности для великих людей и великих вождей. Сталин произвел на меня впечатление человека, обладающего глубокой хладнокровной мудростью с полным отсутствием иллюзий какого-либо рода. Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова».

Эти оценки разделяли и государственные деятели США. Сын президента США Эллиот Рузвельт засвидетельствовал, что после первой же встречи его отца со Сталиным последний произвел на него «сильное впечатление» и понравился ему.

Делясь своими впечатлениями о Сталине, государственный секретарь США Корделл Хэлл говорил: «Сталин — удивительная личность. Он наделен необыкновенными способностями и разумом, а также умением схватывать суть практических вопросов. Он один из тех лидеров, наряду с Рузвельтом и Черчиллем, на плечи которых ложится такая ответственность, какой не будет знать ни один человек в ближайшие 500 лет».

Посол США в СССР и крупный предприниматель Аверелл Гарриман, неоднократно встречавшийся со Сталиным, писал о нем: «У него глубокие знания, фантастическая способность вникать в детали, живость ума и поразительно тонкое понимание человеческого характера... Я нашел, что он лучше информирован, чем Рузвельт, более реалистичен, чем Черчилль, в определенном смысле наиболее эффективный из военных лидеров».

В годы войны резко поменялось отношение к советским руководителям и лично к Сталину даже со стороны тех деятелей Белого движения, долго и упорно не признававших Советскую власть и боровшихся против нее. Вождь кадетов Павел Милюков в передовой газеты «Последняя новость» от 23 июня 1941 года писал, что отныне вся русская эмиграция должна поддерживать Советский Союз и Сталина, ибо «если мы это не сделаем, мы предадим собственные идеалы периода Гражданской войны».

В эти годы А.Ф. Керенский писал: «Сталин — великий человек. Таких было двое — Петр Первый и он. Они превратили Россию в могущественную державу. Только деспотизм создаёт настоящее величие из хаоса и убожества. По-хорошему в политике ничего не добьешься. Я слишком поздно это понял. Насилие, железная дисциплина, прекрасная цель стоит мученичества. Сколько Россия находилась в состоянии дремоты. Он ее пробудил. Цена ничего не значит, когда речь идет о могуществе народа. Промышленный гигант, военный колосс. Это ее заслуга. Он провел народ через ад и дал ему ощущение достоинства. Сейчас все считаются с Россией».

Разгром немецких войск и их союзников под Сталинградом заставил даже Гитлера признать сильные качества Сталина. Риббентроп вспоминал: «В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, несгибаемая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — гран-

диозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба».

Победа над гитлеровской Германией, решающий вклад в достижение которой внес СССР, еще в большей степени укрепила международный авторитет Сталина. 7 ноября 1945 года Уинстон Черчилль в своем выступлении в палате общин так говорил о Сталине: «Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во время мира и победоносному защитнику во время войны».

Однако в начале 1946 года официальные оценки СССР и его руководителей, которые высказывали лидеры западных держав, резко изменились. К этому времени США, овладев атомной монополией, стали наращивать арсенал ядерного оружия. 5 марта 1946 года в своем выступлении в университете города Фултон (штат Миссури) Уинстон Черчилль фактически объявил нашей стране «холодную войну». Это выступление было им согласовано с тогдашним премьер-министром Великобритании Клементом Эттли и произнесено в присутствии президента США Гарри Трумэна. К этому времени в штабах США уже были подготовлены планы ядерных бомбардировок СССР, предусматривавших уничтожение десятков миллионов советских людей. СССР был вынужден направить значительные средства на создание «ядерного щита» и других средств обороны от возможного нападения бывших союзников на нашу страну.

Вскоре были созданы НАТО и другие военно-политические блоки, направленные против СССР. Наша страна была окружена десятками военных баз США и их союзников. У советских границ постоянно летали американские самолеты с ядерным оружием. В радиопередачах, в газетах и журналах содержались многочисленные материалы, в которых СССР изображался агрессивной державой, угрожающей свободе остального мира.

И все же, когда в разгар «холодной войны» в 1949 году сторонник Троцкого Исаак Дейчер (порой его фамилию пишут у нас как «Дойчер») выпустил свой вариант биографии Сталина, ее автор не решился продолжить попытки Троцкого устроить «суд над Сталиным». В мире еще была свежа память о вкладе Сталина в разгром гитлеровской

Германии, а роль Сталина в послевоенном мире, даже расколотом «холодной войной», была слишком значительна.

Правда, будучи сторонником Троцкого, Дейчер призывал «очистить и перестроить деяния Сталина столь же решительно, как были очищены и перестроены деяния английской революции после Кромвеля и французской революции после Наполеона». В то же время он отметал попытки поставить Сталина в один ряд с Гитлером. Он писал: «Гитлер был лидером бесплодной контрреволюции, в то время как Сталин был одновременно лидером и эксплуататором трагической, внутренне противоречивой, но плодотворной революции. Как Кромвель, Робеспьер и Наполеон, он начал как слуга восставшего народа и стал его хозяином. Как Кромвель, он воплощал преемственность революции во всех ее фазах и метаморфозах... Как Робеспьер, он обескровил свою собственную партию. Как Наполеон, он создал свою отчасти консервативную, отчасти революционную империю и распространил революцию за пределы ее границ. Лучшая часть деяний Сталина переживает его самого, так же, как лучшие части деяний Кромвеля и Наполеона пережили их самих».

Несмотря на враждебное отношение к Сталину, Дейчер ставил Сталина в один ряд с величайшими людьми мировой истории и отдавал должное его деятельности по преобразованию великой страны. Дейчер писал: «Материальное производство, которое около 1930 года было ниже производства любой среднеразвитой европейской страны. Теперь же Россия стала первой индустриальной державой в Европе и второй в мире. Число школ всех ступеней многократно увеличилось. Вся страна пошла в школу... Жажда знаний, тяга к наукам и искусствам стимулировались правительством Сталина до такой степени, что их трудно было удовлетворить... Нельзя игнорировать тот факт, что сталинский идеал... это не господство человека над человеком, расы над расой, но их равенство. Даже диктатура пролетариата рассматривается как простой переход к бесклассовому обществу; сообщество свободных и равных людей, а не диктатура, осталась источником вдохновения».

Сам Сталин постоянно напоминал о преимуществах советского социалистического строя, особо отмечая, что они обеспечили победу над гитлеровской Германией. В своем выступлении 9 февраля 1946 года Сталин указывал, что в

партии существовала мощная оппозиция курсу на индустриализацию и коллективизацию. Сталин доказывал, что только благодаря модернизации народного хозяйства страна оказалась готовой к войне. Сталин подчеркивал, что наш народ одержал экономическую и моральную победу над врагом, а Красная Армия оказалась выше по своим боевым качествам по сравнению с германской армией.

Советские люди, слушавшие его выступление, прекрасно знали, что курс на ускоренное развитие страны был выдвинут Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным и реализовывался под его строгим контролем в годы первых пятилеток. Они знали, что за несколько недель до начала войны и в первые дни войны Сталин, заняв посты председателя Совнаркома СССР, председателя Государственного комитета обороны, народного комиссара обороны СССР, Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами СССР, сосредоточил всю власть в своих руках. Было ясно, что победа советского народа над гитлеровской Германией и ее союзниками по блоку «оси», благодаря которой мир был спасен от порабощения и геноцида, была одержана под руководством Генералиссимуса Советского Союза Иосифа Виссарионовича Сталина.

В ходе выборов, которые Сталин назвал «судом избирателей», советские люди своим голосованием вынесли свой «приговор», выразив полную поддержку Сталину и возглавляемой им правящей Коммунистической партии. Советский народ был готов приступить к реализации планов возрождения нашей страны и дальнейшего его развития, объявленных Сталиным в своей речи 9 февраля, на последующие 10—15 лет. В послевоенные годы зазвучала песня, в которой говорилось: «В коммунизм великий Сталин нас ведет! Он дал нам счастье и свободу, и любит Сталина народ за то, что верен он народу!»

Празднование 70-летия Сталина в декабре 1949 года свидетельствовало о горячей любви и уважении советских людей. В многочисленных поздравлениях Сталина постоянно говорилось о его выдающейся роли в победах нашей страны в годы войны и мира. Перечень организаций, учреждений, заводов, колхозов, совхозов, институтов, школ, направивших приветствия Сталину, печатался в каждом номере газеты «Правда», и эти публикации продолжались до марта 1953 года.

Подарки Сталину по случаю его 70-летия были экспонированы на выставке в нескольких залах Музея революции (затем в Музее изящных искусств имени Пушкина). Во время экскурсии на эту выставку на нас, учеников 6-го класса, особо сильное впечатление произвели экзотические подарки из различных стран мира: индейский головной убор из перьев, рисовое зернышко, на котором было написано послание Сталину (его можно было видеть лишь в оптический прибор). Поражало и огромное количество подарков, которые свидетельствовали о любви людей из разных стран мира к Сталину.

В юбилейные дни по радио звучала «Кантата о Сталине» и другие песни о Сталине. В кинотеатрах демонстрировались фильмы на исторические темы, в которых роль Сталина часто исполнял Михаил Геловани. 70-летию Сталина были посвящены театральные постановки, очерки, стихотворения многих поэтов. В «Огоньке» были опубликованы стихотворения Анны Ахматовой «И Вождь орлиным взором» и «21 декабря 1949 года».

21 декабря 1949 года «Правда» опубликовала статьи, подписанные всеми членами Политбюро ЦК ВКП(б). Юбилейная статья Л.П. Берии открывалась словами: «После великого Ленина в мире не было и нет имени столь близкого сердцам миллионов трудящихся, как имя великого вождя товарища Сталина». Статья, подписанная Н.С. Хрущевым, завершалась словами: «Слава родному отцу, мудрому учителю, гениальному вождю партии, советского народа и трудящихся всего мира товарищу Сталину!»

На состоявшемся вечером 21 декабря в Большом театре торжественном собрании в честь 70-летия Сталина выступали руководители коммунистических партий различных стран мира, включая председателя Китайской компартии Мао Цзэдуна. Поэт М. Исаковский зачитал свое стихотворение, в котором говорилось:

«Спасибо Вам, что в годы испытаний
Вы помогли нам устоять в борьбе.
Мы так Вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе...
Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живете на Земле».

Восторженные оценки были высказаны и наиболее авторитетными учеными нашей страны. По случаю 70-летия Сталина общее собрание Академии наук СССР приняло в декабре 1949 года обращение, в котором говорилось: «С каждым днем все яснее открывается перед трудящимися всего мира величие исторических подвигов, совершенных и совершаемых Вами в борьбе за победу дела социализма, мира и демократии, за создание счастливой и радостной жизни на Земле». Под обращением стояли подписи С.И. Вавилова, В.А. Обручева, А.Н. Несмеянова, П.Л. Капицы, М.М. Дубинина, Л.Д. Ландау и других академиков страны. Выступая по случаю собственного 90-летия, выдающийся химик страны академик Н.Д. Зелинский заявлял: «Я счастлив, что живу в эпоху Сталина Великого». Выдающийся ученый В.И. Вернадский писал еще раньше: «Мне вспомнились высказывания Ивана Петровича Павлова... Он определенно считал, что самые сложные структуры мозга — государственных деятелей. Божьей милостью, если так можно выразиться, прирожденных. Особенно ясно для меня становится это, когда в радио слышится Сталина речь».

Многие советские люди могли подтвердить свои высокие оценки конкретными примерами тщательно продуманных решений Сталина, его настойчивых действий, которые внесли огромный вклад в успехи Советской страны в годы войны и мира. В нашей семье отец не раз рассказывал о тех случаях, когда он был лично свидетелем того, с каким вниманием Сталин разбирал вопросы вооружений. Будучи одним из создателей литых башен танка Т-34 (за это он стал лауреатом Сталинской премии), мой отец участвовал в производственных совещаниях, проводимых Сталиным. Отец вспоминал, как Сталин внимательно выслушивал выступления участников танковых боев в Испании, а затем резюмировал их, указывая на типичные недостатки наших танков. Он рассказывал, как настойчиво Сталин требовал детальных технических характеристик танка Т-34, как Сталин лично проверял боевые качества броневого щитка для снайперов, давая при этом деловые советы. Хотя эти рассказы касались прозаических сторон производства, содержавшиеся в них точные детали больше подкрепляли мою веру в Сталина, чем юбилейные статьи членов Политбюро, в которых, как правило, содержались лишь общие фразы.

Подобные истории рассказывали советские люди, которые встречались со Сталиным. Порой такие истории в пересказах обрастали всевозможными дополнениями, часто неправдоподобными, и превращались в сказочные. Об этом было известно еще Лиону Фейхтвангеру, посетившему Москву в начале 1937 года. К сожалению, тогда публикации о подлинных встречах со Сталиным советских инженеров, ученых, хозяйственников, военных были крайне редкими. Среди исключений была, например, небольшая книжка авиаконструктора А.С. Яковлева «О великом и простом человеке». Может быть, по этой причине для многих советских людей Сталин оставался фигурой, окруженной ореолом легенд, но они мало знали подлинных фактов о его жизни и деятельности.

Внезапная болезнь и смерть Сталина в марте 1953 года потрясла советских людей. Утром 6 марта в вагоне метро, в котором я ехал в школу, стоявшие рядом со мной женщины рыдали навзрыд. В нашем девятом классе мужской школы никто не плакал, но царила гнетущая тишина. Если и разговаривали, то вполголоса.

Вечером в этот день по радио объявили состав комиссии по организации похорон Сталина. Председателем комиссии был назначен секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. В сообщении комиссии говорилось, что «гроб с телом Иосифа Виссарионовича Сталина будет установлен в Колонном зале Дома союзов. О времени доступа в Колонный зал Дома союзов будет сообщено особо». Но, не дожидаясь этого уведомления, сотни тысяч жителей Москвы и окрестных городов направились к Колонному залу.

На первых страницах своего романа «Битва в пути» Галина Николаева запечатлела картины московских улиц в ночь с 6 на 7 марта: «Пожилые женщина и мужчина шли, тесно прижавшись друг к другу. Подняв залитое слезами лицо, женщина говорила: «Мы привыкли: победа — это он! Гидростанция — это он! Лесные полосы — это он!»... С разных сторон, из разных домов, переулков, улиц шли и бежали люди и группы людей, обгоняя друг друга... К ночи скопище людей на улицах не уменьшилось, а разрослось. Беспорядочная людская лавина, захлестнув и мостовые, и тротуары, безостановочно катилась в одном направлении... Безжизненные жестянки ослепших светофоров висели не мигая, и не они, а иная сила направляла движение в одну

сторону — к центру. Народная лавина была слишком молчалива и трагична для демонстрации, слишком стремительна и беспорядочна для траурного шествия».

Уже вечером 6 марта стало ясно, что число людей, стремившихся попрощаться со Сталиным, так велико, что все центральные улицы оказались заполнены. Власти старались отгородить центр города от наплыва людей. Многие улицы были перегорожены грузовиками с песком. В город были введены дополнительные войска и людей оттесняли в узкие переулки центральной части столицы. Г. Николаева писала: «Броневики с юпитерами сплошной шеренгой преградили улицу». Герой ее романа инженер Бахирев поразился «пустоте, внезапно окружившей его», когда он, преодолев кольцо оцепления, подошел к Дому союзов. В этой пустоте «была настораживающая нарочитость». Бахирев думал: «Искусственно созданный вакуум... Вакуум в данном случае работает как амортизатор. Но что «амортизируется»? Амортизируется напор чувств человеческих? Зачем?!» Он понимал, что надо ввести в русло стихию этих чувств, и все же не покидало его ощущение противоестественности «вакуума», кем-то созданного здесь и охраняемого».

Покинув Дом союзов, герой романа становится свидетелем того, как волны народа разбивались о стену оцепления. «Снова цепи грузовиков, гул моторов, лязг железа, напряженные лица бойцов и торопливое движение людских потоков... Сила людского напора была так велика, что железные, массивные, запертые болтами ворота ближнего двора вздрагивали и скрипели, грозя сорваться с петель». На глазах героя романа лошадь милиционера ударила копытом молодого человека по голове, а затем толпа опрокинула лошадь и смяла ее. В эти часы много десятков людей были раздавлены в толпе.

Искусственно созданная стена отчуждения между покойным Сталиным и советскими людьми, хаос на улицах Москвы, столкновения солдат и милиционеров с мирными гражданами, жестокая и бессмысленная гибель людей стали первыми признаками времени, наступившего после смерти Сталина.

Тем временем по всей стране проходили траурные собрания, а в Кремль направлялись телеграммы. Советские люди вне зависимости от своего социального положения, нацио-

нальности или религиозных взглядов выражали чувство глубокого горя, охватившего их. Выражая чувства верующих православных людей в своей речи в Патриаршем соборе, патриарх Алексий I сказал: «Великого Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная; сила, в которой народ ощущал собственную силу, которою он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда не проникал глубокий взор великого Вождя. Люди науки изумлялись его глубокой научной осведомленности в самых разных областях, его гениальным научным обобщениям; военные — его военному гению, люди самого различного труда неизменно получали от него мощную поддержку и ценные указания. Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума... Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам... Нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, с глубокой, горячей любовью возглашаем **вечную память**».

Руководители крупнейших стран мира выражали свое соболезнование по поводу смерти Сталина. В послании председателя ЦК Компартии Китая Мао Цзэдуна говорилось: «С беспредельной скорбью китайский народ, китайское правительство и я лично узнали о кончине самого дорогого друга и великого учителя китайского народа товарища Сталина... Немеркнущий светоч товарища Сталина будет всегда озарять путь, по которому идет китайский народ». Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру писал новому главе Советского правительства: «Служба Сталина своему народу в мирное и в военное время принесла ему уникальную славу, и его смерть вырвала из современного мира личность исключительных дарований и великих достижений. История России и всего мира будет носить отпечатки его усилий и достижений. Передайте, пожалуйста, мои соболезнования и соболезнования моих коллег в правительстве осиротевшей семье и народу, который он вел с таким искусством через бурю и напряженные времена».

Соболезнования по поводу кончины Сталина были выра-

жены и правительствами США, Англии, Франции, находившимися в состоянии «холодной войны» против СССР. Премьер-министр Франции Рене Мейер писал: «В момент, когда Советская Россия, друг и союзник Франции в войне переживает утрату своего руководителя Генералиссимуса Сталина, я обращаюсь от имени французского народа и правительства к народу и правительству Советского Союза с выражением сочувствия, вызываемого смертью Великого государственного деятеля и руководителя Советской Армии».

В своем личном соболезновании по поводу смерти Сталина генерал де Голль, находившийся тогда не у дел, писал: «Имя Сталина навсегда останется связанным с памятью о великой борьбе, которую народы СССР, французский народ и союзные народы совместно довели до победы». В своем интервью для французского радио де Голль говорил 6 марта 1953 года: «Сталин имел колоссальный авторитет, и не только в России. Он умел «приручать» своих врагов, не паниковать при проигрыше и не наслаждаться победами. А побед у него было больше, чем поражений».

Даже такой враг коммунизма, как Чан Кайши, в своем интервью 7 марта признавал исторические достижения Сталина. Он говорил: «Сталин был первым среди равных в союзнической коалиции. Послевоенная внутренняя и внешняя политика сталинского государства обусловлена прежде всего стремлением Сталина укрепить державный статус России, обеспечить ее глобальные интересы». Враждебная Сталину югославская «Борба» писала 6 марта: «Югославия, выстояв в полемике и конфронтации со Сталиным, считает его великой исторической личностью, оказывающей существенное влияние на политическое развитие не только СССР, но и всего мира».

Враждебные по отношению к СССР ведущие органы печати западных стран также отдавали должное Сталину. 6 марта «Нью-Йорк таймс» писала: «Со Сталиным завершилась целая эпоха в мировой истории. Он заставил Запад уважать мощь новой России и постарался вывести ее в число великих держав». В тот же день газета «Фигаро» писала: «Пирамида великой, тотальной империи лишилась своего вдохновителя и руководителя... Но сохранится ли СССР в будущем, без Сталина?»

На похороны Сталина прибыли руководители Китая и других стран социалистического лагеря, руководители коммунистических партий мира, правительственная делегация Финляндии во главе с премьер-министром Урхо Кекконеном. Утром 9 марта вместе с советскими руководителями главы наиболее крупных компартий различных стран мира поднялись на трибуну Мавзолея, на фронтоне которого к надписи «Ленин» была добавлена надпись «Сталин».

9 марта в 10 часов 52 минуты траурный митинг, посвященный памяти И.В. Сталина, открыл председатель комиссии по организации похорон Н.С. Хрущев. Первым на митинге выступил Г.М. Маленков. В начале своей речи он заявил: «Имя Сталина безмерно дорого советским людям, широчайшим народным массам во всех частях света. Необъятно величие и значение деятельности товарища Сталина для советского народа и для трудящихся всех стран. Дела Сталина будут жить в веках, и благодарные потомки так же, как и мы с вами, будут славить имя Сталина».

Маленков построил свою речь по образцу выступления Сталина 26 января на II съезде Советов СССР. Тогда Сталин клялся в верности делу Ленина. Перечисляя ленинские принципы большевистской партии, Советской власти и международного коммунистического движения, Сталин называл их «заповедями», которые Ленин «завещал хранить», и завершал клятву верности каждому из них словами: «Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним эту твою заповедь». Называя последовательно заслуги Сталина в укреплении Советского государства, Вооруженных сил СССР, создания лагеря «мира, демократии и социализма», Маленков клялся продолжать эти дела Сталина, открывая каждый новый параграф словами: «Наша священная обязанность состоит в том...» или «Наша главная забота состоит в том...» Маленков завершил свою речь словами: «Вперед по пути к полному торжеству великого дела Ленина — Сталина!»

Затем Н.С. Хрущев предоставил слово Л.П. Берии. С сильным грузинским акцентом, Берия говорил: «Трудно выразить словами чувство великой скорби, которое переживают в эти дни наша партия и народы нашей страны, все прогрессивное человечество... Неутолима боль в наших сердцах, неимоверно тяжела утрата». Затем, словно чеканя слова, он

произнес: «Кто не слеп, тот видит, что наша партия в трудные для нее дни еще теснее смыкает свои ряды, что она едина и непоколебима. Кто не слеп, тот видит, что в эти скорбные дни все народы Советского Союза в братском единении с великим русским народом еще теснее сплотились вокруг Советского Правительства и Центрального Комитета Коммунистической партии... Вечная слава нашему любимому, дорогому вождю и учителю — Великому Сталину».

Последним выступал В.М. Молотов. Заметно волнуясь, он говорил: «В эти дни мы все переживаем тяжелое горе — кончину Иосифа Виссарионовича Сталина, утрату великого вождя и вместе с тем близкого, родного, бесконечно дорогого человека. И мы, его старые и близкие друзья, и миллионы-миллионы советских людей, как и трудящиеся во всех странах, во всем мире, прощаются сегодня с товарищем Сталиным, которого мы все так любили и который всегда будет жить в наших сердцах... Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в наших сердцах, в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества. Слава о его великих делах на пользу и счастье нашего народа и трудящихся всего мира будет жить в веках!»

В 11 часов 54 минуты Н.С. Хрущев объявил траурный митинг закрытым. А затем члены Президиума подняли гроб с телом Сталина и внесли его в Мавзолей, на котором были начертаны имена Ленина и Сталина. Раздался артиллерийский салют из тридцати залпов. В течение трех минут по всей стране звучали гудки фабрик, заводов, паровозов, пароходов. Страна прощалась со Сталиным.

Выражая чувства многих советских людей, поэт Николай Грибачев в эти дни написал стихотворение, помещенное в «Правде» и венчавшееся словами:

«Сталин умер — Сталин вечно с нами!
Сталин — жизнь, а жизни нет конца!»

Часть 1

ЧТО СКРЫВАЛОСЬ ЗА ВОСХВАЛЕНИЯМИ СОРАТНИКОВ?

Глава 1
ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА

В XX веке было несколько дней, в течение которых совершались переломные события в жизни нашей страны. Среди них – дни революций 1917 года, 22 июня 1941 года, два с половиной дня существования ГКЧП. И хотя ученые мужи не устают указывать на то, что история не знает сослагательного наклонения, многие авторы продолжают предлагать свои версии по поводу того, как развивалась бы Россия, если бы те дни прошли по-иному. При этом в ходе споров по поводу событий тех дней выясняется, что до сих пор многое в них окружено тайнами и загадками.

Однако попытки переосмыслить эти события предпринимаются много позже. В течение же таких дней потрясенные люди часто не успевают толком разобраться в них и лишь по прошествии некоторого времени они начинают обращать внимание на отдельные их детали, в том числе и те, что не укладывались в общий тон официальных сообщений.

К числу таких переломных дней относятся первые числа марта 1953 года. 3 марта страна была потрясена сообщением по радио о внезапной «болезни Председателя Совета Министров Союза ССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина». Сообщалось, что «в ночь на 2-е марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания».

Лишь много времени позже люди узнали, что в коротких строках этого сообщения было немало неправды. Во-первых,

Сталин в указанное время находился не «в Москве в своей квартире», а на даче в Кунцево. До 1960 года Кунцево не входило в пределы Москвы. Во-вторых, Сталин потерял сознание раньше, чем «в ночь на второе марта». Странно было и то, что об этом сообщили лишь 3 марта. Правда, в последующем радио и газеты регулярно передавали сообщения о состоянии здоровья Сталина, и поэтому смерть Сталина 5 марта не была неожиданной. Однако эта весть вновь потрясла страну.

В то же время официальная версия случившегося не удовлетворяла многих людей, и уже в дни прощания со Сталиным возникли иные объяснения его смерти. Сталин еще был жив, когда его сын Василий стал гневно обвинять руководителей страны в отравлении отца. Позже Василий говорил водителю своей машины про некую старуху, появившуюся в Колонном зале Дома союзов во время прощания со Сталиным. «Старуха с клюкой», по словам Василия, обратилась к стоявшим в почетном карауле членам Президиума ЦК КПСС и сказала: «Убили, сволочи! Радуйтесь! Будьте вы прокляты!»

О том, что рассказ Василия вряд ли был плодом его фантазии, свидетельствуют и мои собственные воспоминания. В дни прощания со Сталиным моя мама пыталась добраться до Дома союзов. Однако, попав в давку и едва уцелев, она решила повернуть назад. Находясь в троллейбусе, она слышала, как мужчина средних лет нарочито громко рассуждал о том, что «заступника рабочих убили» и теперь кое-кто «этому очень рад». Из педагогических соображений мама не говорила мне, кого обвинял этот человек.

Внезапная смерть президента Чехословакии Клемента Готвальда 14 марта 1953 года также стала причиной для объяснений кончины Сталина, противоречивших официальным сообщениям. Ведь еще 9 марта чехословацкий руководитель был жив, здоров и находился на трибуне Мавзолея во время церемонии похорон Сталина. Хотя официально было объявлено, что Готвальд умер от внезапно развившегося воспаления легких, ходили слухи о том, что он был отравлен.

Рассказывали, что Готвальд прибыл в Москву до смерти Сталина и сразу же приехал к умиравшему вождю. Увидев следы крови на губах Сталина, Готвальд вытер их своим носовым платком, который положил к себе в карман. Ут-

верждалось, что присутствовавшие при этом убийцы Сталина опасались, что Готвальд может распорядиться сделать анализ крови и обнаружить яд. Поэтому были приняты меры для отравления Готвальда.

Через много лет появилось несколько версий о том, как был убит Сталин. В одной из них утверждалось, что во время заседания Президиума ЦК 1 марта в Кремле Лазарь Моисеевич Каганович выступил против суда над кремлевскими врачами и кампании против сионизма. Большинство руководителей партии поддержали Кагановича. В ходе острого спора Сталин был убит. Затем его тело перевезли на дачу в Кунцево, где имитировалось лечение Сталина вплоть до 5 марта 1953 года. Эта версия была совершенно неправдоподобной, так как ей противоречили все известные обстоятельства смерти Сталина (паралич, происшедший на даче в Кунцево, несколько дней тяжелой болезни, свидетелями чего были десятки людей, включая врачей и других медицинских работников).

В показанном в начале 2007 года по телеканалу НТВ сериале «Сталин. Live» утверждалось, что покушение на жизнь Сталина готовили Л.П. Берия, Г. М. Маленков и Н.С. Хрущев, каждый по отдельности. Судя по сериалу, один из них преуспел в своих действиях. Но очевидно, что создатели сериала не претендовали на документальное изложение исторических событий, а лишь предлагали версию возможного их развития.

Между тем «медицинское заключение о болезни и смерти И.В. Сталина», переданное по радио и напечатанное в газетах 6 марта 1953 года, гласило: «В ночь на второе марта у И.В. Сталина произошло кровоизлияние в мозг (его левое полушарие) на почве гипертонической болезни и атеросклероза». Ни слова об отравлении в медицинском заключении не говорилось. Подлинник этого медицинского заключения был выставлен на всеобщее обозрение в марте 2003 года в помещении Государственного архива РФ, когда там проходила выставка «Между прошлым и будущим» к 50-летию со дня смерти И.В. Сталина.

С решительным опровержением этого медицинского заключения выступил Николай Добрюха в опубликованной в начале 2008 года книге (под псевдонимом Николай Над) «Как убивали Сталина». Дотошно разобрав журнал наблю-

дений за состоянием здоровья И.В. Сталина с 3 по 5 марта, а также тогдашние черновые записи медицинского персонала, Н. Добрюха пришел к категоричному выводу: «Слухи, что Сталин убит, имеют теперь документальное подтверждение. Скорее всего, вождь был отравлен ядом природного, органического, белкового происхождения. По оценкам современных специалистов, отравляющие вещества такого характера содержатся в ядах змей, пауков и скорпионов, а также в некоторых видах растений и бактерий. Действуют они путем нарушения дыхания и кровообращения, поражая лимфатические узлы, глаза, головной мозг и т.д., и в зависимости от обстоятельств поражения в той или иной мере ведут к гибели человека».

«Найденные мною документы, — утверждает Н. Добрюха, — свидетельствуют о бесспорном наличии яда в организме Сталина. Вместе с тем точный его состав и происхождение эти документы не отражают. Видимо, в те жуткие дни и ночи, когда делались анализы крови страшно умиравшего Хозяина Кремля, разрешения, а тем более указания на это медики не получали. Да и вряд ли бы получили, если бы даже очень захотели. Однако факт отравления они установили однозначно!»

В подтверждение обоснованности своей версии Николай Добрюха приводит оценку, которую незадолго до смерти дал бывший руководитель КГБ СССР Владимир Крючков: «Исследование «Как убивали Сталина» — сильный материал... Документы о последней болезни и смерти Сталина настолько значительны, что теперь от них никто не сможет отвернуться. Впервые мы имеем дело не с набором воспоминаний, слухов и предположений о смерти Сталина, а с исследованием подлинных документов».

Вместе с тем Николай Добрюха признает, что еще не все секреты событий в начале марта 1953 года раскрыты. Он сослался на слова некоего «высокопоставленного чиновника», который заявил, что причины болезни и смерти Сталина «это — личная тайна семьи Сталина и рассекретить ее будет разрешено только через 75 лет после случившегося, то есть в 2028 году». По оценке Н. Добрюхи, «эти слова... видимо, обычная отговорка, охраняющая не секреты семьи вождя, а тайну смерти Сталина».

Возникает вопрос: кем и каким образом был отравлен

Сталин? Еще три десятка лет тому назад развернутую версию о насильственной смерти Сталина предложил А. Авторханов, посвятивший этому целую книгу. Она была изложена также в 5-м номере журнала «Новый мир» за 1991 год. Там утверждалось, что после затянувшегося застолья Сталина с другими руководителями страны в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года все ушли, кроме Л.П. Берии. «Берия, — утверждалось в статье, — как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту — мужчина, адъютант Берии, а по-другому — женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные доказательства против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина и в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно».

В начале XXI века эту версию соединили с упоминанием Светланой Аллилуевой в своей книге «20 писем к другу» о молодой женщине-враче, которую она увидела у постели парализованного Сталина. Аллилуева писала: «Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где-то я ее видела?.. Мы кивнули друг другу, но не разговаривали». Авторы очередной версии утверждали, что на самом деле «молодая женщина-врач» была адъютантом Берии и якобы Аллилуева ее ранее знала как сотрудницу аппарата Берии. Однако теперь, когда она была одета в медицинский халат, не смогла ее узнать.

Противоречат этой версии свидетельства охранников, которые обнаружили Сталина вечером 1 марта на полу в состоянии паралича. Видимо, до того как потерять сознание, Сталин сам переоделся в пижаму, открыл себе бутылку с минеральной водой, приготовил газету для чтения. Кроме того, охранники еще в половине седьмого вечера заметили, что в кабинете загорелся свет. Именно в это время 1 марта в Москве наступают сумерки. Когда они вошли в кабинет, там

горела настольная лампа, которую, очевидно, зажег Сталин. Вряд ли все эти действия мог совершать человек, находившийся без сознания. Трудно поверить и тому, что никому неизвестная женщина могла попасть на тщательно охраняемую дачу под видом адъютанта Берии, а затем, переодевшись в медицинский халат, убедить охрану, что на самом деле она — врач, и умело изображать врача со 2 по 5 марта.

В защиту Л.П. Берии выступил Юрий Мухин. В своей книге «Убийство Сталина и Берия» он, ссылаясь на воспоминания Энвера Ходжи, уверял, что покушение на Сталина готовили А.И. Микоян и Н.С. Хрущев. Он писал: «Судя по всему, на ужине в субботу 28 февраля 1953 г. Хрущев как-то исхитрился отравить Сталина... Тогда вопрос — в какое блюдо он всыпал или влил яд? Думаю, что это было то самое молодое сухое вино, которое Сталин заказал к ужину со своими товарищами и которое назвал «соком». Мухин утверждал, что Берия знал об убийстве Сталина, но почему-то не имел возможности ни слова сказать об этом.

В отличие от Юрия Мухина, Николай Добрюха исходит из того, что организатором убийства был Л.П. Берия. О том, как было осуществлено отравление Сталина, автор изложил в «истории о трех бутылках минеральной воды». Добрюха пишет, что «работая с архивами, я обнаружил, как 8 ноября 1953 года музею Ленина из Санитарного управления Кремля решили передать для музея Сталина «медикаменты и три бутылки из-под минеральных вод», но отчего-то по не указанным причинам 9 ноября передали лишь «2 бутылки (одна из-под нарзана, другая из-под боржоми)».

Добрюха ставит вопрос: «Почему не передана третья бутылка, где она находится, и какой она могла бы дать анализ, если верить версии, что «Сталина нашли лежащим у стола, на котором стояли стакан и открытая бутылка минеральной воды (по одним данным — боржоми, по другим — нарзан)»? Впрочем, яд мог быть и... не в воде, а на дне и на стенках стакана, который легко мог подложить сам Берия, убрав прежний стакан, что называется с глаз долой».

Как и почему Берия или кто-то иной мог подложить Сталину бутылку с отравленной водой или стакан с ядом? Добрюха предполагает, что это случилось в ночь с 28 февраля на 1 марта во время затянувшегося застолья на сталинской даче.

Теперь широко известно, что вечером 28 февраля после

просмотра руководителями страны кинофильма на сталинской квартире в Кремле И.В. Сталин пригласил их к себе на Ближнюю дачу. Приняли приглашение лишь четверо (Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев и Н.А. Булганин). Остальные якобы отказались, сославшись на поздний час.

Во время застолья пили лишь молодое слабоалкогольное вино «марджани». Беседа за столом затянулась. По воспоминаниям Н.С. Хрущева и охранников, лишь около 4 часов утра гости разошлись. Сталин был в хорошем настроении и шутил с ними перед их отъездом. Между тем гости знали, что через несколько часов они должны были вновь приехать на дачу, поскольку были приглашены на обед к Сталину. Однако о точном времени обеда договоренности не было. Помимо руководителей страны на обед были приглашены дети Сталина.

Из воспоминаний Н.С. Хрущева и Светланы Аллилуевой следует, что он, а также дети Сталина весь день 1 марта ждали приглашения на Ближнюю дачу на обед. Время от времени Светлана Аллилуева звонила на дачу, но ей отвечали, что «на даче нет движения», а это означало, что Сталин не встал после сна.

День закончился, а приглашение на обед так и не поступило. Тем временем охранники дачи стали проявлять беспокойство затянувшимся сном Сталина. По каким-то причинам они долго не решались войти к нему в кабинет, где он остался переночевать. Позже охранники утверждали, что они успокоились, когда в кабинете загорелся свет, а затем снова стали волноваться по мере того, как Сталин продолжал оставаться в кабинете и никого не вызывал к себе. Лишь около половины одиннадцатого охранник Лозгачев прошел в комнату, в которой находился Сталин, и обнаружил его на полу. На вопросы Лозгачева Сталин пытался отвечать, но он не мог произносить слова связно.

Охранники (Лозгачев, Старостин, Туков) и домашняя хозяйка Матрена Бутузова перенесли Сталина в большой зал, положили на диван, накрыли его пледом. Кто-то из них стал звонить начальству, чтобы сообщить о случившемся.

По словам Хрущева, «уже было поздно, я разделся, лег в постель. Вдруг звонит мне Маленков: «Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным.

Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе, и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут 15. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?»

По воспоминаниям охранников, которых собрал бывший охранник А. Рыбин, Берия, осмотрев Сталина, стал уверять, что те зря волнуются по поводу его состояния. Он уверял, что Сталин спит, и обругал охранников за ненужную панику. Маленков приказал никому ничего не сообщать. Подтверждая в основном воспоминания охранников о поведении Берии и Маленкова, Хрущев умалчивал о том, как он реагировал на случившееся и что он говорил. Булганин же воспоминаний не оставил. Почему члены Президиума ЦК решили ничего не предпринимать для срочной помощи Сталину? Подобным образом могли бы вести себя некоторые люди, случайно натолкнувшиеся во время прогулки на валявшегося на дороге человека. Однако лишь очень невежественные и очень бессердечные люди не стали бы звонить в «скорую помощь», если есть хотя бы малейшее свидетельство того, что человек нездоров. Известно, что члены Президиума покинули Сталина почти сутки назад, когда он собирался лечь спать. Они могли догадаться, что сон, длившийся сутки, не мог быть нормальным. Они узнали, что охранники нашли Сталина на полу, что он не мог говорить, а лишь издавал бессвязные звуки. Они помнили о том, что у Сталина уже случались инсульты.

Несмотря на противоречия в различных воспоминаниях, из их содержания следует, что ни Берия, ни Маленков, ни Хрущев, ни Булганин не нашли ничего тревожного в том, что 74-летний человек, уже не раз страдавший от серьезных заболеваний, упал в обморок и был найден на полу в полупарализованном состоянии. Удивительным образом они не предложили вызвать врача и осмотреть Сталина, хотя бы для того, чтобы убедиться, не ушибся ли он при падении, чтобы измерить внутриартериальное давление и т.д. Неужели элементарный житейский опыт не подсказывал четырем бывалым людям, поднаторевшим в решении самых различных кризисных ситуаций, в том числе и житейских, что состояние Сталина настоятельно требует немедленного медицинского внимания? Приказ, исходивший от

Берии, Хрущева, Маленкова и Булганина, не вызывать врачей был равносилен преступному неоказанию медицинской помощи тяжело больному человеку.

Но почему был отдан такой приказ? Все, что известно о поведении четверых людей, позволяет предположить, что каждый из них старательно делал вид, что ничего необычного не происходит, хотя твердо знал, что Сталин уже находится между жизнью и смертью. А если это так, то что давало им основания для такой уверенности и почему они не старались использовать хотя бы малейший шанс для спасения его?

Хотя совершенно очевидно, что все четверо были виновны в преступном препятствовании оказанию помощи тяжело больному человеку, вряд ли все они вместе осуществляли отравление Сталина. Скорее всего, отравление было осуществлено одним человеком. В то же время поведение и остальных вызывает подозрение в том, что они старались не мешать фатальному концу, то ли наверняка зная, то ли догадываясь о том, почему Сталин находился в таком состоянии.

Но подозрение вызывает и поведение охранников. Почему они так долго не реагировали на то, что Сталин не встает после сна? Почему они поверили «диагнозу» членов Президиума ЦК, когда они видели, что Сталин был в полупарализованном состоянии и пребывает в нем, возможно, с полудня? Почему они лишь покорно ожидали прибытия врачей, ничего не предпринимая для ускорения этого прибытия? Создается впечатление, что события развертывались в далекой тайге или тундре и окрест Ближней дачи на сотни километров не было ни единого очага цивилизации, ни единого медицинского учреждения, ни одного врача. Неужели приказ Г.М. Маленкова «никому ничего не сообщать», разнос Берии, устроенный охранникам, произвели на них столь сильное впечатление, что они не решились действовать самостоятельно, хотя бы в обход этих приказов: например, вызвать врача якобы на помощь одному из них? Не исключено, что кто-то строго запретил охране действовать самостоятельно.

Это подозрение усиливается, если вспомнить то, что никто из охраны не пытался зайти к Сталину до 22.30. Возможно, что Сталину стало плохо гораздо раньше, чем зажегся свет в его кабинете, и он включил свет, напрягая последние силы, но уже будучи не в состоянии позвать охранников и прислугу. Но возможно и то, что кто-то включил свет в комнате Ста-

лина, уже увидев его на полу в бессознательном состоянии. Включенный свет якобы позволил охранникам успокоиться и отложить посещение Сталина на несколько часов. Уже на этом этапе многое вызывает недоумение. Почему, кроме детей Сталина, никто не старался узнать, почему задерживается обед и что происходит со Сталиным? Почему охранники, которые решились навестить Сталина в 22.30 и нашли для этого удобный предлог, не могли раньше придумать, каким образом можно разузнать, что с ним происходит?

Поведение охранников объясняли приказом начальника выездной охраны И.В. Хрусталева. Последний утверждал, что, проводив последних гостей около 4 утра 1 марта, Сталин сказал Хрусталеву: «Я ложусь отдыхать. Вызывать вас не буду. И вы можете спать». Сталин «подобного распоряжения», по утверждению Рыбина, «никогда не давал. Оно удивило Хрусталева необычностью». Хрусталев отметил, что «настроение у Сталина было бодрым».

Однако об этом Рыбин узнал со слов других охранников, так как Хрусталев вскоре умер. Н. Добрюха замечает: «Вызывает вопросы и внезапная смерть здоровяка Хрусталева через 10–15 дней после похорон Сталина, о чем мне рассказал Ю.С. Соловьев, около 10 лет являвшийся подчиненным Хрусталева и одним из самых приближенных телохранителей Сталина. Соловьев уверял, что вскоре после смерти Сталина Хрусталев был арестован, но... уже дней через 10 выпущен и вскоре скончался».

О противоречивом поведении охранников свидетельствует то, что, несмотря на строгие приказы никого не беспокоить и не нагнетать панику, в ту роковую ночь они вновь решились звонить высокому начальству по поводу состояния Сталина. Как утверждал Хрущев, ночью Маленкову опять позвонили охранники, которые сочли, что «сон» Сталина не похож на сон здорового человека. Тогда все участники последней трапезы со Сталиным в ночь с 28 февраля на 1 марта решили поехать снова на дачу, пригласив также Кагановича и Ворошилова. По словам Хрущева, «условились также, что вызовем и врачей». По словам Рыбина, «лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив: «Скоро будет медицина».

Документы, выставленные на всеобщее обозрение в начале марта 2003 года в здании Государственного архива РФ, свидетельствуют, что на самом деле в 7 часов утра (а не по-

сле половины восьмого) на дачу прибыли врачи во главе с профессором Лукомским. Опять возникает вопрос: почему не вызвали врача среди ночи, сразу после повторного звонка охранников? Получалось, что от времени обнаружения Сталина на полу до приезда врачей прошло более 8 часов! Если же предположить, что Сталин потерял сознание утром 1 марта, то это значит, что ему не была оказана помощь в течение суток. За это время даже в те годы «скорая помощь» из Москвы могла прибыть самолетом в любую точку СССР, включая стойбище оленеводов Крайнего Севера или кишлак в горах Памира. Возможно, если бы не настойчивость охранников, то и 2 марта к Сталину не допускали бы врачей.

Запоздалое же вмешательство медицины не могло спасти Сталина. Как утверждает Николай Добрюха, врачи лишь с опозданием стали принимать меры против отравления, обнаруженного ими. Однако врачи скрывали эти свидетельства за туманными медицинскими формулировками, так как боялись, что их же и обвинят в отравлении Сталина.

Хотя многое говорит в пользу насильственной гибели Сталина и ответственности за это Берии и других руководителей страны, менее ясно, почему вдруг они решили убить Сталина. Есть свидетельства о том, что Берия хотел избавиться от Сталина, так как последний хотел избавиться от Берии. Молотов сообщал Чуеву, что «Сталин иногда выражал пренебрежительное отношение к Берии. Убрать хотел». Подобные же мысли высказывал и Хрущев в своих воспоминаниях. На июльском пленуме 1953 года Каганович утверждал, что во время первомайской демонстрации 1953 года Берия, обратившись к некоторым членам Президиума ЦК, сказал, что Сталин замышлял убрать его, но «не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание». Факт такого заявления Берии подтвердили и другие члены Президиума ЦК.

В своей беседе с писателем Аркадием Первенцевым бывший секретарь и член Президиума ЦК КПСС П.К. Пономаренко, вспоминая заседание руководства страны, состоявшееся за полгода до смерти И.В. Сталина, говорил: «В конце заседания Иосиф Виссарионович поставил организационные вопросы. Сначала он зачитал заявление Берии, почему-то не включенного в одну из двух комиссий — ни в военную, ни во внешнеполитическую — хотя в них были

распределены все члены Президиума. Сталин сказал: «Берия — человек, желающий иметь власть везде, но нигде как следует не работающий. Не возражаете, чтобы включить его во внешнеполитическую комиссию...» Мы, впервые услыхав от вождя такую резкую характеристику Берии, промолчали. Сталин приказал включить».

Следует иметь в виду, что, хотя Пономаренко стал впервые свидетелем такого отношения вождя, Сталин на протяжении десятка лет не раз критиковал Берию и порой довольно резко. (Об этом, в частности, вспоминали Главный маршал авиации А.Е. Голованов и начальник сталинской охраны генерал Н.С. Власик.) Это не мешало Сталину отдавать должное организаторским способностям Л.П. Берии, которые особенно проявились в ходе создания советского ядерного оружия. Как известно, Л.П. Берия возглавлял руководство этими работами. Хотя свидетельства Молотова, Пономаренко и самого Берии (со слов Кагановича) говорят о неустойчивости положения этого руководителя, казалось, что Сталин лишь стремился одернуть его. Сталин имел основание быть недовольным излишним самомнением, характерным для Берии. Но, высказавшись прилюдно о том, как он низко оценивает заслуги Берии, Сталин, в конечном счете, включил его в комиссию по международным делам.

Наконец, следует иметь в виду, что не было прочным положение и других членов Президиума ЦК. В конце 40-х годов пошатнулось положение Г.М. Маленкова в связи с так называемым «делом авиаторов». Как отмечает историк Юрий Жуков, еще в феврале 1947 года Сталин в беседе со Ждановым ставил вопрос о том, чтобы вывести из состава ЦК Г.М. Маленкова.

В 1947 году был снят с поста первого секретаря ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущев и лишь к концу 1947 года был возвращен на этот пост. Н.С. Хрущев был подвергнут острой критике и за его курс на создание агрогородов в Московской области в начале 50-х годов.

Не раз критике Сталина подвергался и Н.А. Булганин. Хотя 7 апреля 1951 года он был назначен единственным первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, в ходе XX съезда его фамилию не называли второй после Сталина.

В то же время не существовало никаких признаков того,

что Берия, Маленков, Булганин или Хрущев могли вот-вот утратить свое высокое положение, а затем подвергнуться репрессиям. На состоявшемся в октябре XIX съезде КПСС эти лица были перечислены среди ведущих руководителей страны. В то время строго соблюдался порядок перечисления членов советского руководства. В официальном сообщении об открытии съезда вслед за Сталиным были названы Молотов, Маленков, Ворошилов, Булганин, Берия, Каганович, Хрущев, Андреев, Микоян, Косыгин. Почти в таком же порядке они были перечислены в сообщениях о ходе последнего заседания съезда и об их избрании в состав ЦК, за одним примечательным исключением: теперь Берия следовал сразу после Маленкова. Очевидно, что Берия даже несколько укрепил свое положение.

Однако высокое положение Молотова, Ворошилова, Андреева и Косыгина недолго сохранялось. Из-за тяжелого расстройства слуха утратил работоспособность Андреев, и он не был введен в состав Президиума. Косыгин был избран лишь кандидатом в члены Президиума. Самые старые члены руководства В.М. Молотов и К.Е. Ворошилова, хотя и были избраны членами Президиума ЦК, на съезде сыграли чисто ритуальные роли: первый открывал съезд, второй объявлял его закрытым. В то же время четыре гостя Сталина в ночь с 28 февраля на 1 марта явно сохранили свое высокое положение. Маленков сыграл самую значительную роль на съезде, выступив с отчетным докладом ЦК съезду. С докладами по другим пунктам повестки дня выступили Н.С. Хрущев и М.З. Сабуров, который после съезда и Пленума ЦК вошел в состав Президиума ЦК. Две большие речи произнесли Л.П. Берия и Н.А. Булганин. Теплая встреча в ночь с 28 февраля на 1 марта с четырьмя членами Президиума ЦК не свидетельствовала о том, что Сталин собирался «убрать» кого-нибудь из них.

Однако даже если это так, то почему четыре члена Президиума ЦК стали или соучастниками отравления Сталина, или как минимум соучастниками преступного неоказания помощи больному человеку? Для этого надо вернуться к событиям октябрьского Пленума 1952 года. Хотя стенограммы этого пленума нет, он запомнился его участникам выступлением И.В. Сталина, в котором он подверг резкой критике В.М. Молотова и А.И. Микояна. Позже считалось,

что эта критика была прелюдией для атаки Сталина на других руководителей страны и замены их новыми. Но, как свидетельствовал в своих воспоминаниях А.И. Микоян, во время пленума Г.М. Маленков и Л.П. Берия демонстрировали поддержку критики И.В. Сталина и недоверие к оправданиям А.И. Микояна. В дальнейшем именно они старались углубить рознь между Сталиным, с одной стороны, и Микояном и Молотовым, с другой.

Хотя по предложению Сталина Молотов и Микоян не были включены в состав Бюро Президиума ЦК, оба, по словам Микояна, «аккуратно ходили на его заседания». При этом Сталин не протестовал против появления Молотова и Микояна и не игнорировал их присутствие, а охотно выслушивал их выступления. Микоян, в частности, привел пример того, как он на заседании Бюро Президиума в присутствии Сталина стал доказывать необходимость поднять материальную заинтересованность колхозников в развитии животноводства. Как утверждал Микоян, «мое выступление, казалось, произвело на него впечатление». В результате Сталин принял решение включить Микояна в состав комиссии во главе с Хрущевым по этому вопросу.

Острый конфликт на октябрьском Пленуме не помешал Сталину вновь обратиться к Молотову, чтобы втянуть его в дискуссию по вопросам теории. Беседуя с Чуевым, Молотов вспоминал: «Сталин работал над второй частью «Экономических проблем», давал мне кое-что почитать, но куда все это делось, ничего не известно».

Микоян вспоминал, что 21 декабря 1952 года он и Молотов, предварительно созвонившись с Маленковым, Хрущевым и Берией, решили, как обычно, поехать вечером на дачу Сталина, чтобы поздравить его с днем рождения. По словам Микояна, «Сталин хорошо встретил всех, в том числе и нас. Сидели за столом, вели обычные разговоры. Отношение ко мне и Молотову вроде было ровное, нормальное. Было впечатление, что ничего не случилось, и возобновились старые отношения. Вообще, зная Сталина давно и имея в виду, что не один раз со мной и Молотовым он имел конфликты, которые потом проходили, у меня создалось мнение, что и этот конфликт также пройдет и отношения будут нормальные. После этого вечера такое мое мнение укрепилось».

Однако очевидно, что конкуренты Молотова и Микояна

в руководстве продолжали оказывать воздействие на Сталина. По словам Микояна, «через день или два» после празднования дня рождения Сталина, «то ли Хрущев, то ли Маленков сказал: «Знаешь, что, Анастас, после 21 декабря, когда все мы были у Сталина, он очень сердился и возмущался тем, что вы с Молотовым пришли к нему в день рождения. Он стал нас обвинять, что мы хотим примирить его с вами, и строго предупредил, что из этого ничего не выйдет: он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили». Обычно мы ходили к Сталину отмечать в узком кругу товарищей Новый год у него на даче. Но после такого сообщения в этот Новый год мы у Сталина не были». Скорее всего, инициаторами интриг против Молотова и Микояна выступали Маленков, Берия и Хрущев. Получается, что за осуждением Сталиным Молотова и Микояна на октябрьском пленуме не обязательно следовало бы ожидать опалы Берии, Маленкова или Хрущева.

На фоне резких заявлений Сталина в адрес Молотова и Микояна на октябрьском пленуме на второй план отошла другая часть его речи. В ней Сталин заявил о том, что ему трудно выполнять обязанности председателя Совета Министров СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС. Возможно, Сталин собирался поступить так, как потом поступали руководители Китайской Народной Республики, начиная с Дэн Сяопина: оставить посты, связанные с текущими вопросами управления, сохранив за собой идейно-политическое руководство страной. Правда, это заявление Сталина вызвало растерянность в президиуме пленума и протесты участников пленума. В этой обстановке вопрос об отставке Сталина с этих постов не был решен.

Между тем очевидно, что Сталин давно думал отойти от текущих дел, чтобы заняться пересмотром коренных вопросов организации советского общества. В 1951 году он говорил видному экономисту Д.Т. Шепилову: «Мы думаем сейчас проводить очень крупные экономические мероприятия. Перестраивать экономику на действительно научной основе... Для того, чтобы это сделать, нужно, чтобы люди, наши кадры, молодежь знали настоящую политическую экономию... Положение сейчас таково... либо мы подготовим наши кадры наших хозяйственников, руководителей экономики на основе науки, либо мы погибнем! Так поставлен вопрос

историей». Перед XIX съездом партии была опубликована работа Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», в которой он искал ответы на вопросы перспективного развития страны. Как указывалось выше, последние месяцы своей жизни Сталин работал над продолжением этой книги, но после его смерти текст исчез бесследно.

Осознавая необходимость пересмотра многих сторон советского общества на основе научного подхода, Сталин в то же время осознавал опасность пребывания у власти тех, кто по своей образовательной подготовке и профессиональному опыту более не отвечал задачам быстро развивавшегося советского общества. Такие люди, как Берия, Хрущев, Маленков, принадлежали к поколению советских руководителей, занявших управленческие посты в ходе и вскоре после Гражданской войны. При этом ни Хрущев, ни Берия, ни Микоян, ни Каганович, ни Молотов не имели законченного высшего образования. Их знания, их опыт, присущие им методы работы, которые сложились в годы экстремальных ситуаций, все в меньшей степени отвечали реалиям страны середины XX века и не позволяли решить многие насущные проблемы страны.

Сама победа Советской власти в Гражданской войне отражала глубокие противоречия общественного развития нашей страны. С одной стороны, эта победа стала возможной, потому что Советская власть доказала свое соответствие коренным интересам большинства трудящихся, в то время как ее враги не смогли даже выдвинуть программу решения главных вопросов, стоявших перед Россией. Победа голодных, плохо вооруженных и плохо одетых людей над армиями белых генералов и иностранных интервентов стала источником вдохновения для нескольких поколений советских людей.

С другой стороны, победа в Гражданской войне убедила многих партийных руководителей различных уровней в том, что методы управления, к которым они прибегали в годы войны, годятся и в мирное время. К тому же такие стороны послевоенной жизни, как сохранявшаяся острая классовая конфронтация, доходившая до вооруженных столкновений в деревне, наличие постоянной угрозы повторения иностранной интервенции, доказывали необходимость сохранения командных методов руководства. Они

полагались на багаж своего прежнего военно-политического опыта, в то время как усложнявшаяся хозяйственная и общественная жизнь требовала глубоких знаний, которыми они зачастую не обладали. Немало партийных и советских руководителей привыкли к своему властному положению и старались сохранить его, подбирая свое окружение по принципу преданности им лично.

Хотя влияние опыта Гражданской война на И.В. Сталина также было неоднозначным и это выражалось в его склонности чрезмерно прибегать к командным методам руководства, он остро сознавал опасность пребывания у различных рычагов управления людей, явно не отвечавших новым требованиям времени и мешавших выдвижению более образованных людей, обладавших опытом работы на современном производстве, не обремененных устаревшими представлениями о методах руководства и обязательствами перед широким кругом «своих людей». Еще в своей речи 4 мая 1935 года Сталин решительно требовал, чтобы партийные руководители выращивали новые кадры. На февральско-мартовском пленуме 1937 года Сталин осудил существовавшую практику, когда, получив новое назначение, любой крупный партийный руководитель переводил с собой несколько десятков «своих людей» на новое место своей работы. Тогда же Сталин выдвинул широкую программу политической переподготовки всех партийных руководителей снизу доверху. Одновременно он предложил, чтобы они подобрали себе по два заместителя. При этом Сталин предупредил: «Каждый... должен обязательно подобрать себе двух замов полноценных, способных их заменить, — будут ли это нынешние вторые секретари или нет, я не знаю, но мы больше не хотим терпеть того, чтобы секретари подбирали себе в заместители замухрышек, людей на побегушках. Не годится это. ЦК будет требовать, чтобы заместители были настоящие, полноценные и способные заменить... секретарей».

Говоря о «некоторых сторонах кадровой политики Сталина», бывший Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов в своей статье «Возвращение Сталина», опубликованной в «Правде» за 11—16 июня 2004 года, подчеркивал: «Ее не надо обелять или приукрашивать, нельзя забывать о нарушениях законности и репрессиях. Но это была глубоко продуманная политика, в основе которой лежала

забота о профессионализме и последовательном выдвижении кадров, политика, которая давала возможность не допускать к управлению дилетантов и карьеристов, не знающих реальной жизни, производства и нужд народа... Широко известно, как смело Сталин выдвигал молодые кадры перед войной и во время войны... После войны он действовал не менее целеустремленно, хорошо понимая, что на смену механизму военного времени должен прийти новый, более демократический механизм. В 1947 году Сталин предлагает всем руководителям министерств и ведомств создать у себя кадровый резерв «дублеров», способных их заменить. Видя, что министры стали подбирать замов, которые им «ничем не угрожали», Сталин называет такие действия саботажем и дает поручение навести в этом деле порядок».

А.И. Лукьянов отмечал, что тогда «в Секретариате ЦК появляются новые перспективные работники — такие как ленинградец А.А. Кузнецов, которого Сталин неосторожно отрекомендовал своим возможным преемником в руководстве партии. Производственники М.З. Сабуров, М.Г. Первухин, В.А. Малышев и ряд других специалистов народного хозяйства стали еще раньше работать в правительстве. Это не могло не насторожить «старую гвардию». При помощи так называемого «ленинградского дела» она убирает со своей дороги Кузнецова и председателя Госплана Вознесенского. Но Сталин не останавливается. Всеми силами он стремится вдохнуть новую жизнь в мобилизационную экономику, активнее использовать экономические рычаги развития производства, деньги, кредит, цены, обрушивается с критикой на догматизм и схоластику в идеологической работе. В этом свете заявление Сталина об отставке на Пленуме ЦК, проходившем после XIX съезда партии, было, пожалуй, апогеем его борьбы за обновление всех сторон послевоенной жизни страны. Тогда, как известно, Президиум ЦК расширился в два с половиной раза — до 25 человек. В него вошло значительное число представителей молодого поколения партийных и хозяйственных работников с мест. Появилась возможность гораздо более широкого коллективного рассмотрения и решения наиболее важных вопросов жизни страны».

Судя по воспоминаниям Микояна, расширение состава Президиума ЦК после XIX съезда до 25 членов и 11 кандидатов, главным образом за счет более образованных и опыт-

ных в хозяйственном отношении лиц, выдвижение Сталиным Первухина и Сабурова в члены Бюро Президиума ЦК насторожило «ветеранов Политбюро». В своем выступлении на октябрьском (1952 г.) Пленуме ЦК КПСС И.В. Сталин напомнил о том, что в последние годы он переместил наиболее близких к нему людей на посты заместителей Председателя Совета Министров, назначив на посты министров людей «более молодых и энергичных». Но очевидно, при этих назначениях главное придавалось знаниям и опыту работы в условиях современного хозяйства.

Не исключено, что, пока не все такие назначения состоялись, «ветераны Политбюро», которые еще в 1949 году утратили министерские посты, могли постараться принять меры, чтобы эти назначения не состоялись. Знаменательно, что за два часа до смерти Сталина решения XIX съезда КПСС о расширении состава Президиума ЦК были отменены, а многие сталинские выдвиженцы 1952 года, включая, например, Л.И. Брежнева, были отодвинуты на менее значительные посты.

Одним из последних решений И.В. Сталина было назначение в декабре 1952 года 50-летнего Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко заместителем Председателя Совета Министров СССР. А.И. Лукьянов подчеркивал: «К этому человеку Сталин присматривался давно, как бы сберегая его на будущее». Уроженец хутора Шелковского Кубанской области П.К. Пономаренко окончил в 1932 году Московский институт инженеров транспорта. Затем занимал различные управленческие посты. С июня 1938 года до 1948 года был первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Одновременно с 30 мая 1942 года по март 1944 года был начальником Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного главнокомандования. В 1948–1952 годах Пономаренко был секретарем ЦК ВКП(б), одновременно занимая пост министра заготовок СССР. На октябрьском Пленуме ЦК КПСС Пономаренко был избран членом Президиума ЦК и секретарем ЦК КПСС. Незадолго до своей смерти, вспоминал бывший министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов, Сталин направил членам Президиума ЦК проект решения о назначении П.К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР. По словам Бенедиктова, «Сталин, видимо, учитывал, что Пономаренко не входил в его ближайшее

окружение, имел собственную позицию и никогда не старался переложить ответственность на чужие плечи. Документ о назначении П.К. Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был завизирован уже несколькими членами Политбюро (видимо, И.А. Бенедиктов имел в виду членов Президиума ЦК, или его Бюро. — *Прим. авт.*), и только смерть Сталина помешала выполнению его воли». Это же подтверждает и А.И. Лукьянов, долго работавший с архивом Сталина и другими материалами Общего отдела ЦК: «Решение о назначении Пономаренко Председателем Совета Министров уже было согласовано с большинством членов тогдашнего партийного руководства, и только неожиданная смерть Сталина помешала выполнить его волю».

Возможно, это решение должно было быть официально принято на сессии Верховного Совета СССР, которая должна была состояться в марте 1953 года. Скорее всего, сессии должен был предшествовать Пленум ЦК. Не исключено, что во время обеда на сталинской даче, который должен был состояться в воскресенье 1 марта, Сталин собирался объявить о грядущих переменах в руководстве партии и страны. В пользу того, что Сталин собирался сказать нечто такое, что касалось не только руководителей страны, но и членов его семьи, говорило, что на воскресный обед были приглашены, помимо членов Бюро Президиума ЦК, также дети Сталина, Василий и Светлана, которые последний раз были у него лишь на Новый год.

Вряд ли это назначение, которое должно было состояться в первых числах марта, обрадовало «ветеранов Политбюро». Дело в том, что у некоторых из них имелись старые счеты к Пономаренко. Прежде всего, у Хрущева. После завершения Освободительного похода советских войск в Западную Украину и Западную Белоруссию, в конце ноября 1939 года в Москву были вызваны партийные руководители Украины и Белоруссии (Хрущев и Пономаренко), чтобы обсудить со Сталиным вопросы переустройства жизни новых областей страны. Еще в приемной в обществе помощника Сталина А.Н. Поскребышева произошел, по словам Пономаренко, «драматический инцидент между Хрущевым и мной, определивший на долгие годы его отношение ко мне».

Пономаренко вспоминал: «После того как я поздоровался, Хрущев спросил меня, подготовили ли мы свои предло-

жения о границе и в чем их суть. С должным уважением к нему, как к члену Политбюро ЦК ВКП(б) и известному деятелю партии, я, как можно деликатнее, сказал: «Мы подготовили предложения, но они не совпадают с Вашими». Далее я сказал, что мы предлагаем границу в соответствии с этнографическим составом населения и что граница, по нашему мнению, должна пройти южнее Пинска, Лининца, Кобрина, Барановичей и Бреста, а посему эти города и Беловежская Пуща должны остаться в составе Советской Белоруссий.

Хрущев вскипел и грубо спросил: «Кто Вам состряпал эту чепуху и чем Вы можете это обосновать?» Я ответил, что предложения, которые мы вносим, составили члены ЦК Компартии Белоруссии. Мы вовсе не считаем это чепухой и готовы привести обоснования на основе статистики и истории. Хрущев заявил, что украинские историки имеют другую точку зрения, и высказал свои наметки границы. На это я ответил: «Трудно предположить, чтобы ученые могли обосновать такую границу, противоречащую понятиям этнографии, статистики и истории».

Хрущев рассвирепел и со злостью стал кричать: Ага, Вы ученым верите, Вы что, больше других знаете? Да что Вы знаете? А слышали ли Вы о том, что, начиная со Средних веков, на территориях, которые вы хотите включить в состав Белоруссии, жили и продолжают жить украинцы, что Наливайко, Богдан Хмельницкий и другие включали население этих территорий в свои войска, что исторические книги вовсе не упоминают в связи с этими районами о белорусах и т.д и т.п.

Я ему ответил: Товарищ Хрущев, меня сейчас больше всего волнует то, в каком тоне и в какой грубой форме вы разговариваете со мной. Это ведь не личный вопрос. Даже если, вопреки нашим предложениям, эти районы включат в состав Украины, никакой катастрофы не произойдет. Мы одна страна, а Украина тоже советская. Но я обязан защищать интересы Белоруссии, и имею на этот счет свои предложения, которые опираются на обоснованные данные.

В этот момент нас позвали к Сталину. Он сидел в кабинете один. После нашего приветствия он ответил: «Здорово, гетманы, ну, как с границей? Вы еще не передрались? Не начали войну из-за границ? Не сосредоточили войска? Или договорились мирно?» Потом Сталин предложил нам

сесть и доложить свои варианты. Хрущев и я вытащили тексты предложений и схемы. Первым докладывал Никита Сергеевич. Он развернул на столе схемы, но, излагая содержание своего проекта, ни разу не сослался на них.

Сталин выслушал, поднялся, принес свою карту и попросил Хрущева показать на его схеме, как пройдет граница. После моего выступления и ответов на ряд вопросов Сталин твердо заявил: «Граница, которую предлагает товарищ Хрущев, совершенно неприемлема. Она ничем не может быть обоснована. Ее не поймет общественное мнение. Невозможно сколько-нибудь серьезно говорить о том, что Брест и Беловежская Пуща являются украинскими районами. Если принять такую границу, то западные области Белоруссии по существу исчезают. И это была бы плохая национальная политика».

Потом, обращаясь к Хрущеву, чтобы несколько смягчить свое заявление, он заметил: «Скажите прямо, выдвигая эти предложения, вы, наверное, имели в виду другое: вам хотелось бы получить лес, его на Украине ведь не так много?»

На это Хрущев ответил: «Да, товарищ Сталин, все дело в лесе, которым так богато Полесье, а у нас леса мало». «Это другое дело, — заметил Сталин, — это можно учесть. Белорусы предлагают правильную, обоснованную границу. Объективность их варианта подчеркивается, в частности, и тем фактом, что они сами предлагают район Камень-Каширска отнести к Украине. Мы утвердили границу, в основном совпадающую с проектом товарища Пономаренко, но с некоторой поправкой в соответствии с желанием украинцев получить немного леса».

Он взял карту и прочертил линию границы, почти совпадающую с нашим предложением. Только в одном месте сделал на зеленом массиве карты небольшой выгиб к северу и сказал: «Пусть этот район отойдет к Украине». Хрущев выразил свое согласие. Я был особенно доволен таким решением вопроса.

После этого Сталин пригласил Хрущева и меня к себе обедать. По лицу, по настроению Никиты Сергеевича чувствовалось, что он остался недоволен таким исходом и эту историю надолго запомнит. Я не ошибся.

Новый острый конфликт между Пономаренко и Хрущевым возник в 1942 году. К этому времени во всех советских

республиках, захваченных врагами, развернулось партизанское движение. Особенно большой размах оно приняло в Белоруссии. До половины территории республика оставалась партизанским краем, где фактически сохранялась советская власть. Поэтому, когда встал вопрос о создании единого центра по руководству партизанским движением на оккупированных территориях, к разработке этого вопроса были привлечены руководители этой республики во главе с первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко.

Как вспоминал Пономаренко в своей беседе с академиком РАН Г.А. Куманевым, «в декабре 1941 года и в первой половине 1942 года работа по созданию Центрального и республиканских штабов развернулась полным ходом. Но вдруг 26 января Г.М. Маленков сообщил мне, что ГКО решил приостановить все подготовительные мероприятия». Судя по последовавшим событиям, принятие важного решения было отложено из-за сложных маневров, предпринятых Хрущевым для того, чтобы установить свой контроль над партизанским движением всей страны. Союзником Хрущева на заседании ГКО выступил Берия.

Пономаренко вспоминал, что «в двадцатых числах мая 1942 года» он «был снова вызван в Москву по тому же вопросу». Тогда П.К. Пономаренко познакомился с наркомом внутренних дел Украины В.Т. Сергиенко, который ему представился как будущий начальник Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД). В своей беседе с писателем Аркадием Первенцевым, опубликованной в журнале «За семью печатями» в 2006 году, П.К. Пономаренко заметил, что перед заседанием ГКО, на котором должен был решаться вопрос о ЦШПД, «был представлен проект, подготовленный Маленковым, Берией, Хрущевым и Булганиным». 30 мая 1942 года состоялось заседание ГКО, на котором с докладом о ЦШПД выступил Л.П. Берия. Он заявил, что Сергиенко «очень хорошо проявил себя в должности наркома внутренних дел Украины». Очевидно, что этот человек устраивал и Хрущева, так как он оставался на посту украинского наркома, и Берию, так как он был подчинен ему по линии НКВД.

Но неожиданно хорошо подготовленный план натолкнулся на сопротивление Сталина. «А вам не жаль отдавать

в Центр такие хорошие украинские кадры?» — спросил не без иронии Сталин, обращаясь к Хрущеву и Берии. Вслед за этим, уже более резким тоном он сказал, смотря только на Берию: «У Вас — узко ведомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба — это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником Центрального штаба партизанского движения будет член ЦК ВКП(б)». «С этими словами, — рассказывал Пономаренко со слов Микояна, присутствовавшего на этом заседании ГКО, — Сталин взял синий карандаш, обвел стоявшую последнею в представленном списке мою фамилию и стрелочкой поставил на первое место».

По словам Пономаренко, «Хрущев и Берия, особенно Хрущев, были недовольны таким решением и моим назначением, сосчитав это «поражением Украины и НКВД»... Хрущев... расценил это как «унижение Украины или «белорусский подкоп» под нее и даже санкционировал тогда некоторые сумасбродные и рискованные противодействия». С одобрения Хрущева «одним из руководителей партизанского движения на Украине Алексеем Федоровым была подготовлена, растиражирована и разбросана в ряде оккупированных районов листовка, в которой говорилось примерно следующее: *«Я, батька всей Украины Алексей Федоров, провозглашаю себя главнокомандующим всеми партизанскими силами, требую, чтобы мне подчинялись, и мои приказы беспрекословно выполняли все партизанские соединения и отряды»*... и т.д., и т.п.»

Подобное послание могло бы появиться во времена Гражданской войны от лица руководителя анархистских или «зеленых» формирований, и Пономаренко сначала решил, что эта листовка является фашистской фальшивкой. Очевидно, что Хрущев и его союзники, прикрываясь спецификой партизанской войны, пытались взять реванш за провал своих попыток установить контроль над партизанским движением всей страны. Правда, как вспоминал Пономаренко, история с листовкой Федорова была замята, а иначе «не сносить «дорогому Никите Сергеевичу» головы, не говоря уже о Федорове».

Вероятно, что отказ Сталина поддержать предложение

Берии и Хрущева не в последнюю очередь был связан с тем, что в это время еще не остыли страсти после поражения советских войск в ходе Харьковской операции, инициатором которой был и Н.С. Хрущев.

А вскоре возник еще один конфликт с Хрущевым. Беседуя с А. Первенцевым, П.К. Пономаренко вспоминал: «В 1942 году меня пригласили к Сталину, у которого я застал вызванных на совещание украинцев: Корнейчука, Сосюру, Бажана, Рыльского, Тычину, Довженко. Обсуждался кинорежиссер и сценарист Александр Довженко, который ошибался, считая, что теперь во время войны, следует обращаться к народу не от имени ЦК, а от имени тех или иных деятелей культуры, интеллигенции, которых, мол, люди знают и ценят, а они-то должны поднимать народный дух. Сталин считал это неверным».

«Иосиф Виссарионович, обращаясь к Довженко, сказал: «Не заглядывайте в рот Хрущеву. Он плохо занимается идеологической работой на Украине, и эту работу провалил. Он считает, что национализм можно изжить репрессиями. Это неверно. Репрессии против националистов только расширяют и укрепляют национализм, создавая им ореол борцов и мучеников. Нужно проводить линию по изживанию пороков другими путями: убеждением, практикой работы, уважением к национальным традициям, привлечением национального в общий интернациональный фонд — только тогда можно изжить вредные националистические настроения буржуазно-реставрационного характера. Хрущев этого не понимает».

Довженко признал ошибки, извинился, что отрывает Сталина от более важных дел, и обещал исправиться. Сталин деликатно отнесся к Довженко. Подойдя ко мне, спросил: «Найдем другого на место Хрущева?» — и взял меня за плечо. Я ответил: «Товарищ Сталин, партия большая, на любое место можно найти человека». Хрущеву об этом, конечно, сообщили».

В это время положение Хрущева, пошатнувшееся после Харьковской катастрофы, еще более ухудшилось в ходе боев под Сталинградом. Сталин был недоволен действиями Сталинградского фронта, в состав Военного совета которого входил Н.С. Хрущев. Прибывшая в район Сталинграда правительственная комиссия, в состав которой входил Г.К. Жуков, пришла к выводу, что командование фронта в лице Ере-

менко и Хрущева не справилось с задачей, допустив прорыв немцев к Волге. Член комиссии будущий Главный маршал авиации А.Е. Голованов рассказывал, что Жуков поручил ему доложить Сталину, что следует сменить руководство фронта. Как говорил Голованов, «Сталин... понимал, что к Сталинграду приковано внимание всего мира, что смещение командования фронта в такой момент будет выглядеть как признание поражения. Сталин сделал такой ход. Он фактически снял Еременко и Хрущева, переименовал Сталинградский фронт в Донской и назначил туда Рокоссовского. А Юго-Восточный фронт, неизмеримо менее важный стратегически, переименовали в Сталинградский и переместили туда Еременко и Хрущева. Вроде понижения нет, а суть совсем иная».

О том, что эти события отразились и на положении Хрущева как руководителе Украины, свидетельствуют его собственные воспоминания. Хрущев вспоминал, что «в дни Сталинграда» Сталин «сказал мне, что я не украинец, и поэтому ее делами займется Корниец, который тогда являлся председателем Совета народных комиссаров УССР». Не исключено, что вслед за этим могла последовать отставка Хрущева с поста первого секретаря ЦК КП(б) Украины. Есть сведения, что Сталин собирался рекомендовать на пост первого секретаря ЦК Компартии Украины П.К. Пономаренко.

Поэтому замечания Сталина о Хрущеве в ходе дискуссии о состоянии культуры Украины в присутствии Пономаренко вряд ли можно было считать случайными. Однако, как говорил Пономаренко Первенцеву, «Маленков, Берия, Булганин сказали Сталину, что сейчас не время снимать Хрущева, идет война, сделать это нужно после войны. Сталин согласился, но неприязнь Никиты ко мне окрепла еще больше». Росли разногласия между Пономаренко и другими членами Политбюро, которые поддерживали Хрущева в этих спорах.

Война еще не кончилась, а у Пономаренко возник новый конфликт с руководителями страны. Пантелеймон Кондратьевич вспоминал: «В августе 1944 года, примерно через месяц после освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков, позвонил Г.М. Маленков и сообщил мне, что имеется указание об образовании Полоцкой области с центром в г. Полоцке и что секретариат ЦК составил по этому поводу проект решения, который он хочет согласо-

вать с ЦК КП(б) Белоруссии. Я ответил, что Центральный Комитет Компартии Белоруссии, как думается, не будет возражать и поддержит предложение об образовании Полоцкой области.

«Да, но Вы должны иметь в виду, — сказал Маленков, — что Полоцкая область будет образована в составе РСФСР и таким образом Полоцк и соответствующие районы отойдут из БССР в РСФСР». Это было для меня настолько неожиданным, что в первые минуты я не нашелся, что ответить. Чтобы исключить возможность возражений, Маленков добавил: «Не думаете же Вы, что Полоцкой области в Российской Федерации будет хуже, чем в составе БССР?»

Я ответил, что, конечно, не думаю, но есть причины для возражений против такого решения и я хочу их обдумать, обсудить с товарищами, а затем сообщить наше мнение. На это Маленков ответил: «Обсуждать не следует, выезжайте в Москву».

14 августа Пономаренко прибыл в Кремль на совещание к Сталину. В ходе дискуссии Маленков сказал: «Пономаренко возражает против передачи Полоцкой области в состав РСФСР». Пономаренко вспоминал, что Сталин спросил его: «Почему? Вы считаете Полоцк исконным белорусским городом?»

Пономаренко, по его словам, «прежде всего подчеркнул, что Полоцк принято считать старинным белорусским городом. Но это можно оспаривать, поскольку Полоцк существовал задолго до того времени, когда в силу исторических причин от одного могучего ствола, именовавшегося Русью, пошли три ветви: русская, украинская и белорусская. Следовательно, когда Полоцк называют старинным русским городом — это тоже правильно. Крайность в этих толкованиях отдает либо национализмом, либо великодержавным шовинизмом. Однако во все времена исторического существования Белоруссии Полоцк был в ее составе, включая и 25 лет существования Советской Белоруссии... Это первое».

«Что же второе?» — спросил внимательно слушавший Сталин. «Второе, — отметил я, — это то, что Полоцк в сознании белорусов, особенно интеллигенции, является старинным центром белорусской культуры. Там родился и вырос один из крупнейших белорусских просветителей Ско-

рина, первый доктор медицины, пожалуй, не только в Белоруссии, но и в России. Он также переводчик многих книг, в том числе Библии на белорусский язык, который, впрочем, тогда, более 400 лет назад, мало или почти не отличался от русского языка. Из Полоцка, — добавил я, — происходят многие другие виднейшие деятели культуры Белоруссии, в том числе немало известных современных писателей. Это важное, хотя тоже не главное обстоятельство».

«Когда же Вы скажете главное», — спросил, улыбаясь, Сталин. «Главное, по-моему, — сказал я в заключение, — состоит в следующем. Заканчивается победоносно для Советского Союза Великая Отечественная война. В ней народы всего Советского Союза понесли потери, огромные жертвы. Враг агонизирует, и могущество СССР возрастает не только в территориальном, но и в политическом отношении. Тяжелейшие жертвы на фронтах, в партизанской и подпольной борьбе понес и белорусский народ.

И вот к окончанию войны Белоруссия территориально и по населению сокращается за счет отхода ряда районов и г. Полоцка к РСФСР. Мне кажется, что это не будет народом понято и многих обидит. Тем более что это будет ассоциироваться с тем, что на западе Белостокская область и часть Беловежской Пущи, как известно, могут отойти к Польше. Кроме того, ведь накануне войны некоторые районы, находившиеся в составе БССР с основания республики, по бесспорным соображениям переданы Советской Литве. Поэтому, мне кажется, не следует образовывающуюся Полоцкую область передавать в состав Российской Федерации, хотя сама Полоцкая область от этого ничего не потеряла бы».

Сталин нахмурился, наступила тягостная пауза, все молчали и ожидали его решения. Наконец он поднялся, медленно прошел туда и обратно вдоль стола, потом остановился и сказал: «Хорошо, покончим с этим вопросом. Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует».

После этого заговорили все. И могло показаться, что по данному вопросу все думали точно так же. Один Маленков, главный инициатор проекта, был расстроен и мрачен, хотя все высказанные мною соображения я еще подробнее изложил ему перед заседанием. Плохо скрывал свою досаду и Хрущев».

В дальнейшем у Пономаренко были и другие столкновения с руководителями страны. В них проявились принципиально разные подходы к решению вопросов дальнейшего развития страны. Уже «за полгода до смерти Сталина», как говорил Пономаренко Первенцеву, в ходе заседания Бюро Президиума ЦК, Сталин дал оценку запискам различных руководителей по вопросу о развитии зернового хозяйства. Сталин сказал: «Вот вы, товарищ Хрущев, считаетесь у нас самым главным специалистом по сельскому хозяйству, а за все время не поставили ни одного дельного вопроса. А вот Пономаренко, который не считает себя таким крупным специалистом, как вы в этом деле, изложил свои соображения по зерновому балансу страны, который очень важен и в котором нам следует разобраться и решить. Поэтому, оставляя Пономаренко секретарем ЦК, я предлагаю сделать его моим заместителем по Совмину, советником по сельскому хозяйству, членом коллегии...» Как Сталин решил, так и сделал; естественно, эта история наших с Хрущевым отношений не улучшила». Судя по этим конфликтам, не только Хрущев, но также Маленков и Берия вряд ли могли сработаться с Пономаренко.

Имелись основания и у Булганина быть недовольным выдвижением Пономаренко. По воспоминаниям Акакия Мгеладзе, на которые ссылался в своей книге «Антисталинская подлость» Гровер Ферр, на октябрьском (1952 г.) Пленуме ЦК КПСС И.В. Сталин, говоря о своем желании уйти в отставку, сказал, что «есть, кому его заменить, например, Председателем Совета Министров можно было бы назначить Н.А. Булганина».

Ко всему прочему, внезапное возвышение Пономаренко нарушало сложившуюся иерархию в руководстве. Пономаренко воспринимался четырьмя ведущими заместителями Сталина как чужак, который разрушал сложившуюся очередность в преемственности. Назначение Пономаренко, который до октября 1952 года не был даже членом Политбюро, было неожиданным и неприятным сюрпризом для Н.А. Булганина, который с апреля 1951 года был единственным первым заместителем Сталина в Совете Министров, для Л.П. Берии и Г.М. Маленкова, которые были членами Политбюро с марта 1946 года, а в 1941—1945 годах были членами всевластного Государственного комитета

обороны СССР, для Н.С. Хрущева, который с марта 1939 года был членом Политбюро. При этом Пономаренко, занимая высший пост исполнительной власти, опирался бы на поддержку всесильного Сталина. А если бы Пономаренко преуспел в своей деятельности, то шансы стать наследниками Сталина у Маленкова и других сводились бы к нулю.

В своей беседе с автором этой книги в апреле 2008 года А.И. Лукьянов раскрыл еще одну и, возможно, решающую тайну тех роковых дней. Обычно, рассказывал Анатолий Иванович, визирование документов в руководстве шло «сверху вниз»: сначала визировали документ лица, занимавшие наиболее крупное положение, а затем — руководители менее значительного ранга. Но с бумагой о назначении Пономаренко вышло по-иному. Сначала ее подписали руководители, занимавшие не столь высокое положение, а затем стали подписывать вышестоящие лица. К 28 февраля все в руководстве завизировали решение, кроме Булганина, Хрущева, Берии и Маленкова. В своей статье «Возвращение Сталина» А.И. Лукьянов замечал, что назначение Пономаренко «могло приблизить гибель Сталина».

Ведь именно эти четыре человека, не завизировавшие решение относительно Пономаренко, отправились со Сталиным на поздний ужин на дачу. Можно предположить, что во время долгого застолья ими предпринимались попытки уговорить Сталина отказаться от кандидатуры Пономаренко или же хотя бы оправдать свое сопротивление его назначению.

Следуя версии Н. Добрюхи, можно предположить, что, если бы Сталин изменил свою позицию, то бутылка с отравленной минеральной водой или стакан с ядом не оказались бы у него на столе. В то же время, зная характер Сталина, четверо, вероятно, и не пытались оказать на него давление. Шла беседа о Пономаренко или нет в ту роковую ночь, но, скорее всего, Сталин не изменил своего решения до своей смерти. Очевидное же нежелание четверых руководителей страны направить врачей, чтобы оказать немедленную медицинскую помощь Сталину, нельзя не сопоставить с их сопротивлением назначению Пономаренко.

Знаменательно, что на сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся после смерти И.В. Сталина, П.К. Пономаренко получил спешно созданный новый пост министра культуры,

хотя до тех пор такого министерства не существовало. Вскоре его отправили в Казахстан первым секретарем подальше от Москвы. Затем Пономаренко постоянно находился за границей в ранге посла (в Индии, в Польше, Голландии, затем — постоянным представителем СССР в МАГАТЭ).

Глава 2
БЕРИЯ — ПЕРВЫЙ ОБВИНИТЕЛЬ СТАЛИНА... ИЛИ ЕГО УБИЙЦА?

Казалось бы, устранив Сталина и угрозу появления Пономаренко в роли его наследника, члены Президиума ЦК добились того, к чему они стремились. Но смерть Сталина лишь привела к появлению новых страхов, нависших над ними. Страх перед возвышением Пономаренко быстро сменился страхом друг перед другом.

Во время болезни Сталина Хрущев в беседах со своим напарником по ночным дежурствам Булганиным говорил ему: «Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?» — «Какой?» — «Он возьмет себе пост министра государственной безопасности (в ту пору Министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены. — *Прим. Н.С. Хрущева*). Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это сделает!» Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать».

Разумеется, мы не знаем, насколько точно Хрущев передавал свои слова и реакцию на них Булганина. По версии, изложенной сыном Г.М. Маленкова Андреем в его воспоминаниях, эти два руководителя на первых порах старались сблизиться с Берией, чтобы отстранить от власти Маленкова. Но, возможно, что стремление сблизиться с Берией объяснялось страхом перед ним.

Хотя версия Добрюхи о непосредственной ответственности Берии за отравление Сталина пока не доказана, есть

«признательные показания» самого Берии на этот счет. Эти признания были сделаны им не в ходе следствия, когда он был арестован, а в те дни, когда он был на вершине власти и славы. Из замечаний, которые делал Л.П. Берия 1 мая 1953 года в беседе с ним на трибуне Мавзолея, В.М. Молотов делал вывод: «Не исключено, что он приложил руку к его смерти». Для такого вывода были более чем веские основания. В своей беседе с писателем Феликсом Чуевым Молотов утверждал, что Берия сказал ему по поводу Сталина: «Я его убрал». Руководители партии видели, что Берия не скрывал, а бравировал своей ролью убийцы Сталина.

Мучительная смерть Сталина, свидетелями которой стали советские руководители, еще более запугивала их. Если Берия мог отравить Сталина, то где была гарантия, что не придет и их очередь?

Уже в дни болезни Сталина многие стали свидетелями того, что поведение Берии резко отличалось от поведения других руководителей, явно растерянных и подавленных. Светлана Аллилуева утверждала: «Только один человек вел себя неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, хитрость, власть, власть... Он так старался, в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным»... А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталев! Машину!»

В своих воспоминаниях Н.С. Хрущев писал: «Как только Сталин заболел, Берия стал распространять злобные слухи о нем, высмеивать его. Было невыносимо слушать Берию. Но, интересно, что, как только на лице Сталина появлялись признаки сознания, Берия бросался на колени, хватал Сталина за руку и начинал целовать ее. Как только Сталин терял сознание снова и закрывал глаза, Берия поднимался и плевался. В этом был весь Берия — изменнический даже по

отношению к Сталину, которого он якобы обожал и даже боготворил и, однако, на которого сейчас плевал».

В своей беседе с писателем Феликсом Чуевым Молотов подчеркивал, что как только Сталин «приходил в сознание... Берия держался Сталина!» В своем выступлении 3 июля 1953 года на пленуме ЦК КПСС Л.М. Каганович говорил: «Уже на другой день после смерти Сталина» Берия «начал свергать мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин говорил про тебя то-то, про другого то-то, то говорил, что Сталин и против него, Берия, шел».

Известно также, что сразу же после произнесения своей речи на траурном митинге во время церемонии похорон И.В. Сталина Л.П. Берия опять хулил покойного. По свидетельству же тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Грузии А. Мгеладзе, «сразу после похорон... Берия хохотал, крыл Сталина матом: «Корифей науки! Ха-ха-ха!»

Однако некоторые из этих заявлений, свидетельствующих о двуличии и вероломстве Берии и даже о его ответственности за смерть Сталина, вызывают вопросы и относительно людей, которые были свидетелями его поведения. Известно, что в эти дни сурово обходились со всеми, кто не разделял всеобщее горе. На выставке в Госархиве РФ 2003 года приводились документы об арестах таких людей. Так, была арестована одна женщина, которая в ходе бытовой ссоры пожелала своей соседке умереть, как умер Сталин. Почему же, став свидетелями явного желания Берии смерти Сталину, руководители СССР, собравшись в Кремле, дружно проголосовали за назначение его министром внутренних дел СССР и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР. При этом из порядка перечисления первых заместителей следовало, что Берия стал вторым человеком в стране? Неужели Берия говорил о том, что он «убрал» Сталина лишь Молотову, с которым у него не было близкой дружбы? Скорее всего, об этом же знали, но почему-то молчали другие руководители партии и страны. Наконец, зачем Берия откровенно демонстрировал свое неуважение к умирающему Сталину и сообщал о своей ответственности в убийстве?

Прежде всего, очевидно, что Берия так себя вел, потому что он был уверен в своей безнаказанности, а также в том, что они готовы сотрудничать с ним в действиях по отстра-

нению Пономаренко и других руководителей, которых в последние месяцы своей жизни выдвигал Сталин. Формирование ими 5 марта нового руководства страны за пару часов до смерти Сталина свидетельствовало о том, что они спешили пересмотреть решения XIX съезда КПСС и октябрьского Пленума ЦК. При новом распределении мест из руководства страны были исключены почти все новые выдвиженцы Сталина. Проект решения о назначении Пономаренко Председателем Совета Министров СССР был предан забвению. В новом руководстве Маленков стал Председателем Совета Министров СССР, то есть фактически первым руководителем страны. Перечисляя состав нового правительства, следом за Маленковым называли Л.П. Берию, который стал вторым человеком в стране.

Однако положение «второго человека» в руководстве никогда не бывает устойчивым. Поэтому с первых же дней после назначения на пост министра внутренних дел СССР Л.П. Берия постарался укрепить свое положение в министерстве, которое было создано путем слияния МВД и МГБ. Многие его сторонники были поставлены им на видные посты. Одновременно Берия внес ряд радикальных предложений, чтобы максимально освободить возглавляемое им министерство от многих обязанностей, которые до сих пор выполняли МВД и МГБ: охрана заключенных передавалась Министерству юстиции, резко сокращалось число строек, осуществляемых МВД. Кроме того, Берия внес предложение распространить амнистию, намеченную в связи с кончиной И.В. Сталина, на ряд категорий преступников, которых первоначально не собирались освобождать (например, воры-рецидивисты). Это предложение привело к существенному расширению числа амнистированных: до 1 181 264 человек (из 2,5 миллиона заключенных).

Стремлением освободить МВД СССР от обременительных занятий можно объяснить и предложения Берии, направленные на изменение политики в Литве и Западной Украине, где продолжались операции против противников советского строя. Берия предложил активнее выдвигать национальные кадры в Литве и областях Западной Украины. Однако вскоре стало ясно, что курс Берии на выдвижение национальных кадров не ограничивается Украиной и Прибалтикой и сопровождается устранением лиц русской

национальности из руководства всех союзных республик. Очевидно, Берия собирался снискать поддержку в руководящих кадрах, представлявших национальные меньшинства СССР. При этом он старался использовать аппарат Министерства внутренних дел СССР, освобожденный от многих хозяйственных дел и части забот по охране заключенных, для усиления контроля над партийными кадрами.

Берия давал указания своим сотрудникам на местах проверять национальный состав партийных кадров и направлял в Президиум ЦК записки МВД СССР для обоснования своих предложений по изменению политики партии в союзных республиках. В то же время в своей сложной игре Берия стремился заручиться поддержкой максимального числа членов Президиума ЦК. Уже в первые же дни своего пребывания у власти распоряжением Берии была освобождена из-под стражи жена В.М. Молотова — Полина Жемчужина. Известно, что в своем последнем выступлении на октябрьском Пленуме ЦК КПСС Сталин обвинил Молотова в том, что он пересказывал секретные решения Политбюро своей жене, а та сообщала эти сведения американским и израильским дипломатам. По распоряжению Берии было прекращено так называемое «дело врачей», которое провоцировало недоверие к лицам еврейской национальности, а, стало быть, затрагивало не только Молотова, но также Ворошилова и Первухина, жены которых были еврейками, а также Кагановича, являвшегося единственным евреем в составе Президиума ЦК.

В своих доверительных беседах с Молотовым, Кагановичем и другими, о которых они позже вспоминали, Берия изображал себя спасителем их лично и их супруг благодаря тому, что он убрал Сталина. В то же время Берия прекрасно понимал, что его усилия по укреплению своего положения могут вызвать контрмеры его коллег, и он старался объединить вокруг себя членов Президиума ЦК в борьбе против общего врага. Таким врагом стал покойный Сталин.

Очевидно, что Берия не собирался ограничить свой антисталинский поход рамками Президиума ЦК КПСС. Ведь обвинения в убийстве Сталина могли быть высказаны многими советскими людьми, помимо Василия Сталина и неизвестной «старухи с клюкой», как только они преодолели бы шок от смерти Сталина и осознали бы, кому был выгоден пе-

ресмотр решений октябрьского Пленума ЦК КПСС. Охранники сталинской дачи могли разнести на всю страну свои рассказы о том, как мешали Берия и другие советские руководители вызову врачей к парализованному Сталину. Люди из аппарата ЦК и Совета Министров СССР могли рассказать о готовившемся назначении Пономаренко председателем Совета Министров СССР и о том, как это решение было заменено назначением на этот пост Маленкова. Участники октябрьского Пленума ЦК могли рассказать о последнем выступлении Сталина, в котором он объявлял о своем желании выдвигать к руководству более молодых, энергичных и образованных деятелей. Эта информация могла бы стать взрывным материалом, который подорвал бы доверие к новому правительству. Однако если бы удалось убедить советских людей, что смерть Сталина — это не трагедия, а событие, которое облегчило жизнь страны, то обвинения в убийстве Сталина не получили бы большой поддержки.

Прежде всего Берия стал обвинять Сталина в том, что тот нес ответственность за различные беззакония, творившиеся в стране. Позже в своем выступлении на июльском Пленуме ЦК КПСС бывший член Политбюро А.А. Андреев отмечал «появление материалов за подписью Берия в протоколах Президиума по делу врачей, по Грузии и др., где на имя товарища Сталина бросается тень». В выступлении на том же пленуме заместитель Председателя Совета Министров СССР И.Т. Тевосян указывал, что «в записках МВД по делу врачей и работников Грузии, разосланных по его настоянию всем партийным организациям, отмечалось, что избиение арестованных производилось по прямому указанию товарища Сталина».

Утверждать, что фабрикация следственных дел и избиения допрашиваемых — вещи неслыханные, что следователи прибегали к недозволенным методам допроса лишь по приказу самого высокого начальства в стране, каким был Сталин, мог либо человек очень неосведомленный и наивный, либо профессиональный работник правоохранительных органов, который, как и многие его коллеги, предпочитал утверждать вопреки фактам, что пытки и истязания допрашиваемых в следственных органах давно исчезли. Однако Берия не был наивным и неосведомленным человеком. За десятилетия работы в правоохранительных органах Берия мог

узнать о методах ведения допросов, к которым зачастую прибегали и прибегают полицейские органы всех стран мира во все времена. В течение второй половины 1953 года в 40 томах «дела Берия» было собрано множество примеров нарушения законности работниками НКВД и лично Берией в ту пору, когда он возглавлял это учреждение. Исследователь истории советских правоохранительных органов Владимир Некрасов писал: «Судебный процесс над Берией еще раз подтвердил, что в 1939—1940 годах арестованных продолжали избивать по указанию Берии. Он и лично избивал их. По показаниям Мамулова, в приемной Берии в письменном столе хранились резиновые палки и другие предметы для избиений».

Угрозы пытками и истязаниями были настолько привычными для Берии, что стали его постоянным способом воздействия не только на заключенных, но и на свободных людей даже в те годы, когда он не занимал посты наркома и министра внутренних дел. Министр нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбаков вспоминал в июле 1953 года: «Зная Берия по совместной работе более 10 лет, я не помню случая, чтобы какой-нибудь разговор по телефону или при личной встрече проходил в спокойных тонах. Как правило, он любил выражаться нецензурными словами, оскорблял словами, вроде таких: «переломаю ноги», «переломаю ребра», «посажу в тюрьму», «пойдешь в лагерь»... и так далее». Так же известно, что эти угрозы не всегда были пустыми и порой завершались арестами и заключением в лагеря, пытками и избиениями тех, кто вызвал гнев Берии.

Проявив же инициативу в широкой амнистии заключенных по уголовным делам, а также по делам политическим, Берия рассчитывал на то, что люди, вышедшие на свободу весной 1953 года, воспринимали Берию как своего освободителя. Берия же старался заручиться поддержкой этих людей. На это обратил внимание в своем выступлении Н.А. Булганин на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК, рассказавший об обстоятельствах освобождения тех, кто проходил по «делу врачей»: «Сейчас выясняется такой штрих: Берия со всех освобожденных взял подписку... как они себя должны вести в дальнейшем. Ясно, что подписки взяты для того, чтобы держать этих людей и дальше в своих руках». Вина же за пребывание этих людей в заключении возлагалась на Сталина.

Берия не ограничивался обвинением Сталина в нарушении законности. Пересмотру подвергались и многочисленные решения по политическим и хозяйственным вопросам, принятым по инициативе Сталина. На июльском (1953 г.) Пленуме ЦК Байбаков вспоминал, что Берия, который до смерти Сталина всячески настаивал на ускорении выработки предложений по добыче нефти на дне Каспийского моря, «буквально через 5—6 дней после смерти Сталина... с надрывом в голосе буквально сказал следующее: «К черту авантюристический план Сталина. Выброси и сожги все документы по разведке на нефть в Каспийском море» и повесил трубку».

По предложению Берии 9 мая 1953 года было принято постановление Президиума ЦК КПСС, в котором приказывалось «отказаться от оформления портретами колонн демонстрантов и зданий предприятий, учреждений и организаций в дни государственных торжественных праздников». Таким образом, впервые за три десятилетия изображения Сталина переставали использоваться для украшения городов и сел страны во время праздников.

Между тем кампания, развязанная Берией по дискредитации Сталина, получала поддержку в Президиуме ЦК. Став соучастниками пересмотра решений XIX съезда и октябрьского Пленума ЦК по кадровым вопросам, члены Президиума ЦК стремились доказать неправоту Сталина, при жизни которого были приняты эти решения, и поддерживать версию о том, что эти решения были навязаны Сталиным съезду и ЦК. Одновременно бывшие коллеги Сталина, оказавшись у власти, стремились доказать, что они вполне пригодны для управления страной и даже не хуже Сталина справляются с этим делом.

В то же время у большинства из них не было готовых рецептов того, как решать насущные проблемы страны, и они подхватывали те предложения, которые, как из рога изобилия, сыпались от нового министра внутренних дел СССР. Впрочем, это длилось не так уж долго. По мере того, как Берия захватывал инициативу в формировании политического курса страны, это настораживало его коллег. Кроме того, последствия ряда решений, поспешно принятых по инициативе Берии, свидетельствовали об их непродуманности.

Так, радикальная амнистия, осуществленная по рекомендации Берии, породила рост беззакония и преступно-

сти. Целые города и поселки оказались в руках освобожденных воров-рецидивистов. Даже в Москве и в Подмосковье страх перед «амнистированными» терроризировал жителей столицы и ее окрестностей. На июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС утверждалось, что предложения Берии по изменению политики в союзных республиках, вроде бы направленные на улучшение межнациональных отношений, лишь способствовали подъему националистических настроений и росту межнациональных противоречий.

Инициативы Берии на международной арене лишь способствовали дестабилизации социалистического лагеря. По предложению Берии Совет Министров СССР принял 2 июня постановление «О мерах, направленных на улучшение политической ситуации в ГДР», в котором говорилось об отказе от политики ускоренного построения социализма и принятии курса на создание «единой, демократической, миролюбивой и независимой Германии». В духе этого постановления в Москве прошли переговоры с руководством ГДР. Позже утверждалось, что на этих переговорах Берия грубо и бесцеремонно вел себя в отношении В. Ульбрихта и других руководителей ГДР. На заседании Политбюро СЕПГ (Социалистической единой партии Германии), состоявшемся 5—6 июня, это постановление было названо «документом Берии». Сведения о готовности СССР уйти из ГДР вызвали панику среди членов СЕПГ и надежды на перемены среди противников существовавшего в республике строя. В условиях недовольства обострившимся материальным положением рабочих, слухи о скором уходе СССР из ГДР вызвали волнения, которые переросли в восстание в Берлине 17 июня 1953 года. Л.П. Берии пришлось лично выехать в ГДР, где он участвовал в организации подавления восстания.

Пример ГДР мог стать заразительным и для других просоветских стран Европы. А Берия в это время лично вмешивался в политические процессы в этих странах. По его настоянию премьер-министром Венгрии был назначен Имре Надь. (В 1955 году он был отправлен в отставку.)

Нет сомнения и в том, что предложения Берии об изменениях в оформлении колонн демонстраций, а также зданий в дни государственных праздников могли лишь способствовать дестабилизации обстановки в обществе. Отказ от сложившихся за более чем 30 лет традиций, а уж тем более за-

прещение портретов Сталина мог лишь спровоцировать возмущение у подавляющего большинства советских людей.

Ряд членов Президиума стали задумываться, куда могут привести действия Берии. Для этого были известные основания. Сын Берии Серго в своих воспоминаниях утверждал, что, вступив на путь отторжения сталинского наследия, его отец был готов далеко пойти в демонтаже советского строя. Ссылаясь на беседы со своим отцом в эти дни, Серго Берия утверждал, что Л.П. Берия готовил широкомасштабные изменения, схожие с теми, которые были осуществлены М.С. Горбачевым. Он писал: «Отец... бросил вызов системе... Провозглашенная на весь мир перестройка оказалась лишь неудачной реализацией идей, выдвинутых им за три десятилетия до «исторического» Пленума 1985 года». С.Л. Берия считал, что его отец собирался созвать чрезвычайный съезд партии, на котором должна была быть обсуждена предлагавшаяся им радикальная перестройка советского общества.

В своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия» Серго Берия писал, что его отец «видимо, рассуждал так: соберется Чрезвычайный съезд, расставит все по своим местам и каждому воздаст то, что заслужил... Выступи отец на съезде, думаю, его бы поддержали». Вряд ли можно считать, что опытный политик, каким был Л.П. Берия, стал бы выносить свои предложения на неподготовленную дискуссию съезда партии. Все действия Л.П. Берии с марта по июнь 1953 года свидетельствовали о его целенаправленной деятельности по укреплению своих политических позиций в руководстве страны. Если бы Чрезвычайный съезд КПСС, о котором говорил Л.П. Берия своему сыну, состоялся, он бы был, без сомнения, подготовлен таким образом, чтобы обеспечил единодушную поддержку Л.П. Берии.

Одновременно им была намечена широкая программа перемен в общественном устройстве страны и ее внешней политике, о которой отчасти писал сын Берии Серго. Оценивая деятельность Берии с точки зрения обретенного исторического опыта, ряд современных авторов видят в ней первую попытку разрушения СССР и советского строя, предшествующую событиям конца 80-х — начала 90-х годов. Так, профессор С. Бацанов в своей статье «Берия и другие «демократы», опубликованной в июле 1999 года, утверждал, что «Берия, как и Горбачев, был за ликвидацию

ГДР... разделение Советского Союза на ряд суверенных государств, против колхозов, за частную собственность». Логика борьбы за власть толкала руководителей страны к новым авантюрам, в ходе которых забота о великой стране и ее народах приносилась в жертву их корыстным интересам.

Возможно, что созыв Чрезвычайного съезда партии был приурочен к первому в СССР испытанию термоядерного оружия, которое должно было произойти на Семипалатинском полигоне в середине августа 1953 года. Лишь после ареста Берии члены советского руководства с удивлением узнали, что через полтора месяца в стране состоится испытание первой советской водородной бомбы. Маленков с возмущением докладывал пленуму о том, что Берия, который возглавлял атомную промышленность страны, «без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы». Нет сомнения в том, что Берия мог бы использовать это испытание как свидетельство личного успеха и существенно укрепить свое политическое положение.

Опираясь на аппарат МВД, сочувствие освобожденных им людей, используя пропагандистский эффект испытания невиданного в мире оружия, Берия мог бы существенно укрепить свое положение в стране и осуществить еще более активные действия по изменению общественного устройства в СССР. Для этого ему надо было публично дискредитировать Сталина и созданную им систему управления. Хотя Серго Берия уверяет в обратном, все, что было известно о прошлом Берии, его стиле работы, его стремлении действовать с позиции силы, не позволяют предположить, что такие перемены привели бы к насаждению в стране демократических институтов.

Напротив, можно предположить, что существовавшие в Советской стране различные институты, которые открывали возможности для критики начальства, защиты интересов рядовых граждан от произвола вышестоящих властей, были бы или ограничены в правах или ликвидированы. Было также очевидно, что в партийных институтах, которые обеспечивали возможность контроля над правоохранительными органами, Берия видел серьезное препятствие и стремился их ликвидировать. Сталинская система управления, в которой партия являлась главным инструментом, а остальные организации и учреждения — ее «приводными

ремнями», не устраивала Берию. Ему требовалась система управления, в которой господствовали любимые им методы воздействия на людей — от угроз «переломать ноги и руки» до настоящих пыток и истязаний.

Быстро освобождаясь от уголовников и лагерей, в которых сидели уголовники, Берия постарался сохранить в неприкосновенности лагеря для политических заключенных. В служебной записке, направленной в правительство, Берия приказным тоном писал: «В составе МВД СССР остаются особые лагеря для содержания особо опасных государственных преступников и для осужденных военных преступников из числа бывших военнопленных». Не исключено, что в случае переворота, в результате которого власть перешла бы к руководству МВД, а партийные органы оказались фактически или даже формально безвластными, Берия использовал бы в «особых лагерях МВД» места, освободившиеся после амнистии, для работников КПСС различного уровня.

Незадолго до своего ареста Берия внес на рассмотрение Президиума ЦК КПСС предложение о правах особых совещаний, созданных еще 5 ноября 1934 года. Не исключено, что Берия стремился укрепить положение особых совещаний МВД перед тем, как им пришлось бы много работать по разбору дел тех людей, кого стали бы направлять в лагеря для политических заключенных.

Нет сомнения в том, что разгром КПСС под лозунгами борьбы против беззаконий, совершавшихся якобы по приказу Сталина, потряс бы страну до основания. Слишком свежа была в сознании людей память о всенародном горе, вызванном смертью Сталина. Советские люди не могли забыть состоявшийся полгода назад XIX съезд КПСС, в котором участвовал Сталин, а также клятвы руководителей страны у гроба Сталина быть верными делу Ленина — Сталина и КПСС. Не исключено, что для того, чтобы сосредоточить все усилия на подавлении недовольства в обществе, Берии пришлось бы пойти на ряд уступок тем внутренним и внешним силам, которые могли воспользоваться дестабилизацией общества для нанесения по СССР мощных ударов. Многие руководители страны полагали, что Берия вольно или невольно вел дело к развалу Союза ССР. Н.С. Хрущев считал, что «предложения Берия были направлены на то, чтобы

поссорить русских с другими национальностями, чтобы разжечь вражду между народами нашей страны».

Потом Берию обвиняли также в попытках единолично наладить отношения с Югославией, фактически находившиеся на грани полного разрыва с 1948 года. По словам Молотова, Берия собирался «сговориться с Ранковичем и Тито, которые ведут себя как враги Советского Союза... Одного этого факта достаточно, чтобы сделать вывод: Берия — агент чужого лагеря, агент классового врага». В этой критике Молотов был поддержан другими участниками пленума.

Особое беспокойство вызвало предложение Берии об отказе от строительства социализма в Германской Демократической Республике. Оценивая предложение Берии об уходе из ГДР, В.М. Молотов сказал, что его принятие «значило — отказаться от того, что было завоевано кровью наших солдат, кровью нашего народа, в тяжелой борьбе с гитлеризмом». Вероятно, что за отказом от ГДР могло бы последовать и более широкое отступление СССР из Центральной и Юго-Восточной Европы.

Многие высказывания Берии позволяли прийти к выводу, что во имя укрепления своей поддержки он был готов пойти на серьезные перемены и в общественной организации страны. Суммируя свои впечатления от предложений и высказываний Берии, Молотов утверждал, что «у него был другой курс — курс на капитализм».

Опасаясь, что инициативы Берии поведут к развалу СССР и даже к ликвидации советского строя, считая, что они направлены на укрепление положения лишь самого Берии и возглавляемого им министерства, члены Президиума ЦК выступили против него. На заседании Президиума ЦК КПСС 26 июня 1953 года Маленков при поддержке большинства присутствовавших обвинил Берию в стремлении поставить МВД СССР над партией. Берия был смещен со всех постов и арестован.

На состоявшемся со 2 по 6 июля 1953 года Пленуме ЦК КПСС эти обвинения были поддержаны всеми ораторами. Вина за беззакония, которую Берия пытался возложить на Сталина, теперь перекладывалась исключительно на самого Берию, а также его предшественников на посту. В своем выступлении на пленуме Н.С. Хрущев говорил: «Давайте мы посмотрим назад, возьмем период последних 10 лет. Какие за-

говоры внутри страны были открыты Министерством внутренних дел, Министерством госбезопасности? Было много липовых, дутых дел, а заговоров никаких... Давайте посмотрим дела 1937 года и после 1937 года, среди них также было много липовых дел. (Голос из Президиума: «Больше половины липы, правильно»)... Возьмите дело «врачей-вредителей». Это позорное дело для нас. Мингрельское дело в Грузии — тоже «липа». (При этом Хрущев скрыл, что оба упомянутых им сфальсифицированных дела были инициированы, когда он сам курировал МГБ СССР, а были прекращены по требованию Берии.) «Почему же он стремился на пост министра внутренних дел?» — спрашивал Хрущев и отвечал: «Ему этот пост был нужен для того, чтобы взять в свои руки этот, я бы сказал, трудно контролируемый орган и использовать в своих гнусных целях... Берия, Ягода; Ежов, Абакумов, — все это ягодки одного поля». Получалось, что сама система государственной безопасности порождает беззакония и годна лишь для «гнусных целей». Объясняя «гнусные цели» Берии, Хрущев обвинял его в стремлении «установить через МВД свою диктатуру, поставить МВД над партией».

Хрущев возлагал на Берию ответственность за самые различные проблемы страны, в то же время замечая, что в последние годы своей жизни Сталин не вполне держал под контролем ситуацию в стране и излишне доверял Берии. Хрущев говорил: «К сожалению, мы не могли принять важных решений по сельскому хозяйству как в последний период жизни Сталина, так и после его смерти. Почему? Потому, что при постановке того или иного вопроса Берия сеял сомнения или часто при обсуждении добивался снятия вопроса с обсуждения. Мы все уважаем товарища Сталина. Но годы свое берут. В последнее время товарищ Сталин бумаг не читал, людей не принимал, потому что здоровье у него было слабое. И это обстоятельство ловко использовал прохвост Берия, очень ловко. Он, как провокатор, подсказывал товарищу Сталину, что, мол, вопрос не подработан и он снимался... Так было при жизни товарища Сталина, он это продолжал и после его смерти. Я хочу высказать свои соображения, почему он так поступал. Он — провокатор. Он считал — чем хуже, тем лучше... В результате многие отрасли сельского хозяйства находятся в запущенном состоянии: молока мало, мяса мало. А какой же коммунизм, если

нет лепешек и масла?.. Это делалось для того, чтобы свалить вину на других, а потом, добравшись до власти, объявить амнистию, чтобы сказали: вот Берия спасает. Это — дешевая демагогия... Это был провокатор, крупный провокатор... Ведь нам могут сказать наши друзья: слушайте, дорогие товарищи, вы нас учите, как строить социализм, а вы у себя картофель выращивать не умеете, не можете обеспечить свой народ, капусты у вас в столице нет. А почему? Потому, что не могли решить, срывает провокатор». Если Берия пытался свалить наличие различных проблем на Сталина, то Хрущев и другие выступавшие на пленуме обвиняли во всех бедах страны Берию.

Некоторые из выступавших энергично осудили антисталинскую кампанию Берии. В своем выступлении министр металлургии И.Т. Тевосян заявил: «Берия начал чернить имя товарища Сталина, имя, священное для всех нас, коммунистов, для всего нашего народа... чтобы возвысить себя, свое имя». Каганович утверждал, что «Берия хочет, дискредитируя Сталина, подорвать ту основу, на которой мы сидим, и очистить путь себе». Он признавал: «Надо сказать, что кое-чего он добился. Сталин постепенно стал сходить со страниц печати». Известно, что после появления на страницах «Литературной газеты» 19 марта статьи ее главного редактора К. Симонова, в которой он писал, что «самая важная» задача литературы состояла «в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть... образ величайшего гения всех времен и народов — бессмертного Сталина», его вызвали в ЦК и пригрозили немедленной отставкой с занимаемого им поста. (Симонов был снят с поста главного редактора в августе 1953 года.)

Каганович заявлял: «Мы знаем хорошо, что у каждого даже великого человека есть недостатки, были они и у товарища Сталина. И мы, его ученики, не намерены обожествлять его без недостатков... Однако это не означает, что мы позволим изменять направо и налево устои, основы великого учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. А именно к этому и вел дело этот новоявленный претендент в «диктаторы». ... Берия враждебно относился к заявлениям о том, что Сталин великий продолжатель дела Ленина, Маркса — Энгельса. Сегодня, ликвидировав этого предателя Берию, мы должны полностью восстановить законные права Сталина и имено-

вать Великое коммунистическое учение — учением Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (Аплодисменты)».

В своем выступлении бывший член Политбюро А.А. Андреев потребовал прекращения кампании против культа личности: «Появился откуда-то вопрос о культе личности. Почему стал этот вопрос? Ведь он решен давным-давно в марксистской литературе, он решен в жизни, миллионы людей знают, какое значение имеет гениальная личность, стоящая во главе движения, какое значение имели и имеют Ленин и Сталин, а тут откуда-то появился вопрос о культе личности. Это проделки Берии. (Из президиума товарищ Ворошилов: «Правильно».) Он хотел похоронить имя товарища Сталина и не только имя товарища Сталина, но это было направлено и против преемника товарища Сталина товарища Маленкова. (Голос из зала: «Правильно». Маленков: «Все мы преемники, одного преемника у товарища Сталина нет».) Вы являетесь Председателем Совета Министров, пост, который занимал т. Сталин. (Голос из зала: «Правильно». Бурные аплодисменты.)»

Пленум ЦК отменил решение Президиума ЦК от 9 мая о порядке оформления колонн демонстрантов и зданий в дни государственных праздников, в соответствии с которым запрещалось использовать во время праздников портреты Сталина, а также членов Президиума ЦК. Казалось, что Берия, как и Троцкий до него, потерпел провал в своих попытках «судить» Сталина.

Суд над Берией и его подельниками в декабре 1953 года сопровождался обвинением их не только в попытке «поставить МВД СССР над партией», но и в вопиющих нарушениях законности, совершенных ими в 30-х—50-х годах. Их всех приговорили к расстрелу и приговор был быстро приведен в исполнение. (В начале XXI века П.Я. Мешик и ряд других участников этого процесса были посмертно реабилитированы. Хотя сам Берия не был реабилитирован, вскоре появилась версия о том, что сам Берия был расстрелян до суда.)

Сообщения об аресте, суде, а затем расстреле Л.П. Берии вновь поразили советских людей в переломном 1953 году. По всей стране были проведены соответствующие митинги и собрания на предприятиях и в учреждениях, на которых бывшего «второго человека» страны именовали «агентом международного империализма», не приводя в

подтверждение этого никаких убедительных фактов. В результате отношение значительной части советских людей к происшедшему отличалось сочетанием цинизма и легкомыслия, что выразилось в популярной частушке:

«Берия, Берия
Вышел из доверия!
А Георгий Маленков
Надавал ему пинков».

Глава 3
МАЛЕНКОВ ПРОТИВ КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА

Арест Берии подвел черту под его попытками дискредитировать Сталина. Однако в своем заключительном выступлении на июльском Пленуме ЦК Г.М. Маленков подверг критике те положения выступлений А.А. Андреева и И.Т. Тевосяна на Пленуме ЦК, в которых осуждалась кампания против культа личности. Объявив, что культ личности органически чужд марксизму-ленинизму, Маленков зачитал отрывок из частного письма Карла Маркса, написанного в 1877 году историку, немецкому социал-демократу Вильгельму Блоссу. (По каким-то причинам Вильгельма Блоса в этом и многих последующих политических документах ЦК КПСС именовали «Блоссом».) В письме говорилось о «неприязни» Маркса «ко всякому культу личности». Он писал, что «никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — и даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал».

Кроме того, Маленков заявил: «Товарищи, здесь на Пленуме, неосторожно и явно неправильно был затронут вопрос о преемнике товарища Сталина. Я считаю себя обязанным ответить на следующее выступление. Никто один не смеет, не может, не должен и не хочет претендовать на роль преемника. (Голоса: «Правильно». Аплодисменты.) Преемником великого Сталина является крепко сплоченный, монолитный коллектив руководителей партии, проверенных в трудные годы борьбы за судьбы нашей родины, за

счастье народов Советского Союза, закаленных в борьбе с врагами партии, испытанных борцов за дело коммунизма, способных последовательно и решительно проводить выработанную нашей партией политику, направленную на успешное построение коммунизма. Такой коллектив, сплоченный на принципиальной основе великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, у нас есть. Партия его знает. Он и является преемником товарища Сталина. (Бурные аплодисменты.)» С этого времени в пропаганде постоянно стали говорить о решающей роли партии и ее «коллективного руководства». Постоянно говорилось и о том, что культ личности противоречит марксизму.

Фактически обвиняя Сталина в пренебрежении к этим положениям марксизма, Маленков заявил: «Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры, методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене вовсе отсутствовала. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений, и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной».

В качестве первого примера ошибок Сталина Маленков сослался на его выступление на октябрьском Пленуме ЦК, в котором он, по словам Маленкова, «без всяких оснований дискредитировал тт. Молотова и Микояна». Маленков также заявил, что в феврале 1953 года Сталин «настойчиво предложил увеличить налоги в деревне на 40 миллиардов рублей. Все мы понимали вопиющую неправильность и опасность этого мероприятия. Мы говорили, что все денежные доходы колхозов составляют немного более этой суммы. Однако этот вопрос не был подвергнут обсуждению, коллективность в руководстве была настолько принижена и подавлена, что приводимые т. Сталину доказательства были им безапелляционно отброшены». Маленков возложил на Сталина ответственность и за то, что план строительства Главного Туркменского канала оказался непродуманным, а расчет необходимых расходов и экономической эффективности этого строительства не был произведен. Осудил Маленков и положение из работы Сталина «Эко-

номические проблемы социализма в СССР» о постепенном переходе от товарообмена к продуктообмену.

Однако критика Маленковым Сталина умерялась его последующими заявлениями: «Как видите, товарищи, и у великих людей могут быть слабости. Эти слабости были и у т. Сталина. Мы должны об этом сказать, чтобы правильно, по-марксистски поставить вопрос о необходимости обеспечить коллективность руководства в партии, критику и самокритику во всех партийных звеньях, в том числе, прежде всего, в ЦК и в Президиуме. Мы должны об этом сказать, чтобы не повторить ошибок, связанных с отсутствием коллективного руководства и с неправильным пониманием вопроса о культе личности, ибо эти ошибки, в отсутствие т. Сталина, будут трижды опасными. (Голоса: «Правильно».) Мы обязаны остро поставить этот вопрос. Тут не может быть недомолвок. Если при т. Сталине возможны были ошибки, то тем более чревато большими опасностями повторение их в отсутствие такого вождя, каким был т. Сталин. (Голоса: «Правильно».) Уважать, чтить и свято следовать великому учению Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина — это значит, прежде всего, устранять то, что мешает последовательному его проведению».

Таким образом, хотя нападки Берии на Сталина были осуждены, впервые с официальной трибуны ЦК прозвучала критика ряда теоретических высказываний и практических действий Сталина. Несмотря на то, что обвинения Сталина в организации беззаконий были отвергнуты, все же создавалось впечатление, что Сталин проявил беспечность, позволив Берии и его подручным творить беззакония. В то же время выступление Маленкова не было опубликовано, и его критические заявления в адрес Сталина не распространялись в печати.

Указывая на ошибки Сталина, Маленков утверждал, что новое руководство готово в ближайшее время принять меры для их устранения и решения давно насущных проблем. В принятом пленумом постановлении «О преступных и антигосударственных действиях Берия» говорилось не только о бывшем министре внутренних дел. В нем обращалось внимание на нарушения порядка в созыве съездов партии и пленумов ЦК в течение последних лет (то есть в последние годы жизни Сталина). Указывалось на отступ-

ление «от марксистско-ленинского понимания вопроса о личности в истории». (После этого следовала все та же цитата из «письма Карла Маркса Вильгельму Блосу».)

В заключении постановления его авторы подчеркивали важность «неразрывной связи» КПСС с народом. Обращалось внимание на необходимость «чутко относиться к запросам трудящихся, проявлять повседневную заботу об улучшении материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей, памятуя, что забота об интересах советского народа является важнейшей обязанностью нашей партии... Было бы неправильно забывать о том, что у нас есть еще и нерешенные неотложные хозяйственные задачи, особенно в деле дальнейшего подъема сельского хозяйства (животноводство, овощеводство и т.д.). У нас имеются еще известные трудности роста, связанные с решением гигантской задачи максимального удовлетворения непрерывно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся».

Через месяц после завершения Пленума ЦК Маленков выступил 8 августа 1953 года на сессии Верховного Совета СССР. Значительную часть своего выступления Г.М. Маленков посвятил рассказу о серьезных проблемах советского сельского хозяйства. Под аплодисменты собравшихся он объявил о решении «пойти на значительное снижение норм обязательных поставок с личного подсобного хозяйства колхозников», «изменить систему обложения колхозников сельскохозяйственным налогом, снизить денежный налог в среднем примерно в 2 раза с каждого колхозного двора и снять полностью оставшуюся недоимку по сельскохозяйственному налогу прошлых лет». Маленков выразил надежду на то, что «задача создания в течение ближайших 2—3 лет обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности будет успешно решена». При этом Маленков обещал, что ежегодные сокращения цен на эти товары, осуществлявшиеся в последние годы правления Сталина, будут продолжены.

В заключение своей речи Маленков заверял, что «Коммунистическая партия и Советское правительство знают, куда и как вести народ, потому что они руководствуются научной теорией общественного развития — марксизмом-ленинизмом, знамя которой высоко поднято нашим отцом и учителем

гениальным Лениным и продолжателем его дела великим Сталиным. (Бурные аплодисменты.) Советское государство и Коммунистическая партия вооружают народ на основе учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина глубоким знанием объективных законов развития общества, законов строительства коммунизма и дают тем самым ясную перспективу созидательной деятельности советского народа».

Достаточно было сравнить речь Маленкова 8 августа 1953 года и его выступление с отчетным докладом на XIX съезде КПСС, чтобы заметить, насколько изменилась его оценка Сталина. Тогда Маленков упомянул имя Сталина и слово «сталинский» более 50 раз, многократно цитировал его высказывания, а целый раздел доклада был посвящен работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Тогда Маленков именовал Сталина «великим», «гениальным», «вождем», «учителем». Теперь упоминания Сталина были значительно реже, а цитат из работ Сталина не было. Так Маленков реализовал выдвинутые им на июльском пленуме положения о «борьбе против культа личности».

Провозглашенные Маленковым налоговые льготы и обещания быстро увеличить производство товаров широкого потребления были положительно оценены в народе. В той же форме, в какой была дана оценка аресту Берии, и в таком же легкомысленном духе теперь было высказано мнение по поводу отличия курса Маленкова от прежней политики страны:

«Батюшка Сталин
Дал угля и стали.
А Георгий Маленков
Дал нам хлеба и блинков!»

В то же время своим выступлением Маленков подчеркнул решающую роль возглавлявшегося им Совета Министров, а также Верховного Совета, на сессии которого он выступил. Это могло беспокоить партийных руководителей центрального и местного уровня. Этим воспользовался Хрущев.

Через месяц состоялся Пленум ЦК КПСС, посвященный развитию сельского хозяйства страны. На нем с главным докладом выступил секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. Казалось бы, доклад Хрущева развивал положения речи Маленкова от 8 августа. В то же время Хрущев явно старался перехватить у Маленкова инициативу, предложив програм-

му ускоренного развития сельского хозяйства. Судя по содержанию его доклада, Хрущев поддержал Маленкова в его стремлении ограничить упоминания о Сталине. В своем докладе Хрущев лишь однажды привел высказывание Сталина, а цитировал Ленина чаще и более подробно. Сентябрьский Пленум существенно укрепил положение Н.С. Хрущева, который был избран Первым секретарем ЦК КПСС.

Лишь в докладе Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова на торжественном собрании в Москве 6 ноября 1953 года по случаю 36-й годовщины Октябрьской революции о Сталине было сказано значительно больше и теплее. Ворошилов говорил о роли Сталина в советской истории, именуя его «великим вождем», «гениальным полководцем», «снискавшим общее признание и безграничное доверие народа и партии». Ворошилов завершил свое выступление словами: «Под знаменем Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к победе коммунизма!»

Правда, на следующий же день в своем выступлении на параде на Красной площади министр обороны Н.А. Булганин ограничил упоминание Сталина лишь дежурной фразой о «знамени Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина». Речь была завершена здравицей в честь КПСС. Создавалось впечатление, что у членов Президиума ЦК существуют разные оценки Сталина. Однако в статье о демонстрации на Красной площади 7 ноября, опубликованной в «Правде», говорилось: «Высоко над колоннами подняты портреты великих учителей трудящихся — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Не было сомнений в том, что Сталин по-прежнему занимает самое высокое место в пантеоне наиболее почитаемых вождей правящей партии и страны.

Через полтора месяца в день рождения И.В. Сталина 21 декабря 1953 года в центральных газетах страны было опубликовано постановление Комитета по международным Сталинским премиям, как это повелось с 21 декабря 1950 года. В «Правде» была опубликована статья члена-корреспондента АН СССР Ф.В. Константинова «И.В. Сталин и вопросы строительства коммунизма», в которой много говорилось о теоретической и практической деятельности Сталина.

В первую годовщину со дня смерти И.В. Сталина 5 марта 1954 года во всех центральных газетах страны были опубли-

кованы передовые статьи, посвященные этому событию, и большие фотографии Сталина. В этот день и накануне его на предприятиях и в учреждениях страны были проведены беседы, посвященные памяти Сталина. В «Правде» отмечалось, что такие беседы проводились в цехах заводов, в учреждениях, в учебных заведениях, на стройках, в клубах, на агитпунктах. Сообщалось, что «агитаторы партийной организации Киевского сахаротреста провели беседы с избирателями, проживающими в домах по улицам Парижской Коммуны и Крещатику». При этом говорилось, что «агитаторы и пропагандисты рассказывают трудящимся о жизни и деятельности И.В. Сталина, о великих победах, одержанных советским народом под руководством Коммунистической партии, под знаменем Ленина — Сталина». Также сообщалось, что «в эти дни усилился поток посетителей в Дом-музей И.В. Сталина в Гори».

Более широко было отмечено 21 декабря 1954 года 75-летие И.В. Сталина. На предприятиях, в учреждениях, вузах, научно-исследовательских институтах, колхозах, совхозах и МТС страны были зачитаны доклады о Сталине и проводились беседы, посвященные ему. В ряде крупных городов в библиотеках и музеях были организованы выставки, посвященные Сталину. В сообщении из Сталинграда говорилось, что «на зданиях, где работал и выступал И.В. во время пребывания в Царицыне, установлены мемориальные доски». По радио передавались статьи, посвященные Сталину. По телевидению и в кинотеатрах показывали фильмы о Сталине. На первых полосах газет публиковались портреты И.В. Сталина, постановление Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами» о присуждении этих премий ряду выдающихся общественных деятелей планеты, а также передовые статьи, посвященные Сталину. В центральных газетах и общественно-политических журналах были помещены большие статьи видных обществоведов, посвященные деятельности Сталина. Статья члена-корреспондента АН СССР Ф. Константинова в «Известиях» была озаглавлена «Великий продолжатель бессмертного дела Ленина».

В то же время в опубликованных в этот день статьях подчеркивалось, что Сталин являлся «учеником и помощником В.И. Ленина», а упоминания о Ленине в этих публикациях

были чаще, чем Сталина. И все же казалось, отношение к Сталину в стране принципиально не изменилось. На площадях различных городов страны, в интерьерах школ, учреждений, правлений заводов, колхозов и совхозов можно было увидеть изображения Сталина. Многие его работы и отредактированный им «Краткий курс истории ВКП(б)» изучались во всех высших учебных заведениях в ходе обязательных занятий по марксизму-ленинизму. Работы Сталина попрежнему можно было найти в книжных магазинах и библиотеках страны. В магазинах продавались наборы пластинок с речами И.В. Сталина. О выдающейся роли Сталина говорилось во всех учебниках по истории СССР.

В условиях, когда жизненный путь Сталина был завершен, а шаблонные и напыщенные славословия в его адрес были прекращены, создавались условия для того, чтобы приступить к объективному исследованию Сталина и его времени. Однако этого не происходило. Упоминания о Сталине в печати по случаю годовщины его смерти тщательно дозировались и укладывались в рамки сухих формул, лишенных каких-либо живых и конкретных фактов. По случаю годовщины со дня смерти Сталина никто из его бывших коллег не выступил в печати со своими воспоминаниями о Сталине. Публикация сочинений Сталина, которая к моменту его смерти дошла до работ 1934 года, была прекращена на 13-м томе. Уже подготовленные к изданию тома с работами Сталина не печатались. Не было принято никаких решений о создании центрального музея Сталина в Москве или иного центра по изучению жизни и деятельности Сталина.

Позже стало известно, что руководители страны лично одергивали тех, кто успел опубликовать свои мемуары о встречах со Сталиным. Так, от Н.С. Хрущева досталось авиаконструктору А.С. Яковлеву, автору известных воспоминаний о Сталине, опубликованных в книге «О великом и простом человеке». Обратившись к нему во время знакомства с самолетами «Як», Хрущев сказал: «Вы кто, конструктор или писатель, зачем книжки пишете?» «На такой странный вопрос, — вспоминал Яковлев, — я решил не отвечать и подождал, что будет дальше». «Вы конструктор и занимайтесь конструкциями, — продолжал Хрущев. — Для книг есть писатели, пусть они и пишут. А ваше дело конструкции...»

Впрочем, писателям о Сталине тоже не разрешалось пи-

сать. Об этом свидетельствовала реакция руководства страны на публикацию поэмы Александра Твардовского «За далью — даль» на страницах возглавлявшегося им журнала «Новый мир» в марте 1954 года (к первой годовщине смерти Сталина). Ряд строф в поэме, посвященных Сталину («Мы были сердцем с ним в Кремле...»; «Ему, кто вел нас в бой и ведал, какими быть грядущим дням, мы все обязаны победой, как ею он обязан нам»; «Да, мир не знал подобной власти отца, любимого в семье. Да, это было наше счастье, что с нами жил он на земле»), вызвали резкое осуждение в партийном руководстве. Как писал Вадим Кожинов, «вскоре же, с начала июня 1954-го, была развернута громкая критическая кампания против Твардовского, и в августе он был снят с поста главного редактора «Нового мира» и заменен... Симоновым, который после наказания за «сталинскую» статью более о вожде не заикался».

Тем временем в руководстве страны вновь обострилась борьба за власть. В борьбе против Г.М. Маленкова Н.С. Хрущев старался заручиться поддержкой партийного аппарата. Об этом красноречиво свидетельствовал следующий эпизод. Когда на совещании в ЦК КПСС по вопросам кадровой политики Маленков обрушился с критикой на проявления морально-бытового разложения и коррупции среди партийных работников, неожиданно Н.С. Хрущев из президиума совещания бросил реплику: «Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат — это наша опора». Как писал Р. К. Баландин в своей книге «Маленков. Третий вождь Страны Советов», «зал взорвался радостными аплодисментами. Судьба третьего вождя Советского Союза была решена».

Заигрывая с партийным аппаратом и получая его поддержку, Н.С. Хрущев все активнее вторгался в хозяйственные дела, то есть сферу деятельности Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова. При этом он получал поддержку своих главных союзников — Н.А. Булганина и А.И. Микояна. Одновременно предпринимались меры для того, чтобы ослабить организационные и политические позиции Г.М. Маленкова. В отставку отправлялись люди, которых в свое время выдвинул Маленков. В ноябре 1954 года канцелярию Президиума ЦК, которую возглавлял бывший секретарь Маленкова и его верный сторонник Д.Н. Суханов, заменили Общим отделом, который нахо-

дился под контролем Хрущева. (Суханов вскоре был арестован по надуманному обвинению.)

В апреле 1954 года Верховный суд реабилитировал А.А. Кузнецова, Н.А. Вознесенского и других, а в декабре 1954 года в Ленинграде состоялся процесс по делу бывшего министра государственной безопасности СССР В.С. Абакумова и других ответственных работников МГБ СССР. Их обвиняли в нарушении законности, особенно в связи с «ленинградским делом», в ходе которого были расстреляны видные партийные и советские руководители Вознесенский, Кузнецов, Попков и другие. В то время в верхах советского руководства многие считали очевидным, что инициаторами «ленинградского дела» были Берия и Маленков. Хотя Маленкова не обвиняли в ходе процесса, суровый приговор Абакумову и другим прозвучал серьезным предупреждением Маленкову.

В газетах уже не вспоминали о программе Маленкова, в соответствии с которой производство потребительских товаров (так называемой «группы Б») должно было осуществляться ускоренными темпами. 24 января 1955 года в «Правде» ее главный редактор Д.Т. Шепилов опубликовал статью «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма». Позиция тех, кто призывал отказаться от преимущественного развития продукции группы «А», приравнивалась к сторонникам «правоуклонистских идей», то есть бухаринских. Было ясно, что Хрущев, в ведении которого находился центральный орган партийной печати «Правда», решил оповестить страну, что Маленков не может руководить не только сельским хозяйством, но и промышленностью.

Еще за два дня до выхода в свет статьи Шепилова на заседании Президиума ЦК 22 января 1955 года обсуждался вопрос о Маленкове. Судя по черновым записям этого заседания, Маленкова обвиняли в «стремлении приобрести парламентскую популярность» (Сабуров), «недозрелости» (Каганович). Молотов счел, что у Маленкова «неясная политическая линия». Были также высказаны обвинения в «нечестности» и «близости к Берии». Маленков решительно отказался признать себя «нечестным», но согласился, что был близок к Берии. В постановлении Президиума говорилось, что Маленков, «не обладая необходимыми знаниями и опытом хозяйственной деятельности... плохо организует работу Совета Министров, не обеспечивает серьезной и свое-

временной подготовки вопросов и заседаний Совета Министров, проявляет нерешительность... не проявил себя также политически зрелым и твердым большевистским руководителем». Было принято решение об освобождении Г.М. Маленкова с поста Председателя Совета Министров СССР.

На состоявшемся в конце января Пленуме ЦК утверждалось, что Маленков был порой слепым орудием Берии. На него возлагалась моральная ответственность за «ленинградское дело», «дело Яковлева» и дела других военных работников. Решение об отставке Маленкова было утверждено на сессии Верховного Совета СССР. Новым Председателем Совета Министров СССР был назначен союзник Хрущева Н.А. Булганин. На посту министра обороны Н.А. Булганина заменил Г.К. Жуков.

Часть 2

ХРУЩЕВ ПРОТИВ СТАЛИНА

Глава 4

ПЕРЕД XX СЪЕЗДОМ КПСС И В ХОДЕ НЕГО

Отставка Маленкова способствовала укреплению положения Н.С. Хрущева. В то же время к середине 1955 года многие государственные деятели убедились в том, что энергия, инициативность Никиты Сергеевича сочетаются с его безудержной импульсивностью и непродуманностью его действий. Сказывалось и отсутствие у Хрущева достаточного образования. Не имея опыта высококвалифицированной работы на современном производстве, Хрущев плохо разбирался в сложных научно-технических проблемах. Не обладая общественно-теоретической подготовкой и общей культурой, Хрущев вульгарно представлял себе вопросы внутренней жизни страны и ее внешней политики. Но два года пребывания на высшем партийном посту лишь усилили самомнение Хрущева, и он стал смело вмешиваться в решение самых сложных проблем страны. Плохой урожай на казахстанской целине осенью 1955 года показал обоснованность сомнений Молотова по поводу освоения целинных и залежных земель штурмом, предпринятым по настоянию Хрущева. Не признавая своей ответственности за неудачу, Н.С. Хрущев, по воспоминаниям Л.И. Брежнева, сваливал на него и других руководителей Казахстана вину за неурожай на целине.

К этому времени Хрущев не только отвергал с порога критику в свой адрес, но и грубо обрывал всех, кто занимал отличную от него позицию. Вспоминая военное совещание в Крыму, проведенное в октябре 1955 года, адмирал Н.Г. Кузнецов писал: «На первом же заседании Хрущев бросил в мой адрес какие-то нелепые обвинения с присущей ему грубостью... Возмущало его злоупотребление властью. Я еще формально был Главкомом ВМФ, и он не имел права распоря-

жаться государственными делами, как в своей вотчине. В еще большее смятение я приходил, слушая в те дни его речь на корабле при офицерах всех рангов о флоте, о Сталине, о планах на будущее. Вел он себя как капризный барин, которому нет преград и для которого законы не писаны».

В руководстве страны все чаще высказывались возражения против действий Н.С. Хрущева. Особенно часто критиковал его В.М. Молотов, недавно сыгравший большую роль в отставке Маленкова. Именно он указал на «идейно-теоретические ошибки» Маленкова и таким образом подтвердил свое положение блюстителя идейно-политических норм в партийном руководстве.

С начала 1955 года Хрущев старался ослабить положение Молотова и для этого вытеснить его из контролируемой им сферы внешних сношений. Поводом для столкновения стала политика СССР в отношении Югославии. Н.С. Хрущев настаивал на немедленном восстановлении дружеских отношений с Югославией и возвращении ее в социалистический лагерь. Против этого решительно возражал министр иностранных дел СССР В.М. Молотов.

Хрущев выступил с предложением направить партийно-правительственную делегацию в Белград и поручить ей признать вину СССР в конфликте с Югославией. Но Молотов продолжал сопротивляться курсу на сближение с югославскими руководителями. На заседании Президиума ЦК 23 мая Молотов предложил включить в Директивы для советской делегации, направлявшейся в Югославию, слова о том, что Югославия отошла от позиции социализма. Это предложение было отвергнуто. Через два дня 25 мая Молотов раскритиковал проект речи, с которой должен был выступить Хрущев на аэродроме после своего прибытия в Белград. Однако внесенные Хрущевым директивы для делегации и проекты выступлений были одобрены.

Уже в своем первом выступлении 26 мая 1955 года по прибытии в белградском аэропорту Хрущев заявил, что «материалы, на которых основывались тяжкие обвинения и оскорбления, выдвинутые тогда против руководителей Югославии», «были сфабрикованы врагами народа, презренными агентами империализма, обманным путем пробравшимися в ряды партии, — Берией и Абакумовым». Берию, которого менее чем два года назад обвиняли в попыт-

ках наладить отношения с Тито и Ранковичем, теперь клеймили позором за разрушение этих отношений.

Расчет Хрущева на то, что признание им ошибочности прежних действий советского правительства произведет на югославов столь сильное впечатление, что они немедленно восстановят существовавшие до 1948 года отношения, не оправдался. Более того, когда Хрущев услыхал критические высказывания Тито о Сталине, он так энергично стал защищать покойного, что это чуть не привело к срыву официального визита. Правда, поездка советской делегации увенчалась принятием Белградской декларации, в которой говорилось о восстановлении добрососедских отношений, но возвращения Югославии в социалистический лагерь, на которое надеялся Хрущев, не произошло. Это позволило Молотову усилить свою атаку на политику Хрущева в отношении Югославии.

Выступая 9 июня на заседании Президиума ЦК в прениях по докладу Хрущева о поездке в Югославию, Молотов заявил: «Считаю неправильным утверждать, что мы в переговорах с Югославией основывались на позициях марксизма-ленинизма». Ему возражали все остальные члены Президиума. Хрущев заявил, что «исходные позиции Молотова неправильные». Микоян предложил доложить Пленуму ЦК о наличии в Президиуме двух точек зрения по югославскому вопросу.

Обсуждение итогов поездки Хрущева в Югославию состоялось на июльском Пленуме ЦК КПСС. В своем докладе на пленуме Хрущев особо остановился на разногласиях с Молотовым. Последний выступил против того, чтобы возлагать вину за разрыв на Берию и Абакумова. «Тогда ответственность за разрыв падет на Сталина, — заявил Молотов, — а этого нельзя делать». «На Сталина и Молотова», — бросил в ответ Хрущев. Тем самым Хрущев напоминал о том, что разрыву с Югославией предшествовала переписка руководителей этой страны со Сталиным и Молотовым. Теперь Хрущев не только не защищал Сталина, как это было во время пребывания в Югославии, но решительно атаковал его. Молотов был явно к этому не готов, а поэтому лишь заметил: «Это — новое». «Почему новое?» — спросил Хрущев. «Мы подписывали письмо от имени ЦК партии», — заявил Молотов. «Не спрашивали ЦК», — возражал Хрущев. Так логика борьбы за власть не-

ожиданно втянула Хрущева в борьбу против Сталина, которую он затем вел до конца своей жизни.

Хотя Молотов настаивал, что позиция Хрущева в югославском вопросе — это отход от принципов ленинизма, пленум одобрил итоги визита советской делегации в Югославию. Однако победа Хрущева над Молотовым не была полной. Молотов сохранил все свои правительственные посты, а главное — авторитет опытного партийного руководителя. Молотов воспринимался как живой ученик и продолжатель дела Ленина — Сталина, под начальством которых он работал в Секретариате ЦК, а затем в Политбюро с начала 20-х годов. Несмотря на острую критику Сталина в его адрес на октябрьском (1952 г.) Пленуме ЦК, Молотов в течение трех десятилетий был вторым человеком в стране после Сталина. Молотов вместе с Кагановичем и Ворошиловым были наиболее близкими людьми к Сталину в 30-е годы, в разгар острой внутрипартийной борьбы. Авторитет Молотова позволял ему давать наиболее весомые идейно-политические оценки. С такой же жесткостью, с которой Молотов обвинял Маленкова в «теоретически ошибочных и политически вредных взглядах» и критиковал политику в отношении Югославии за «отступление от ленинизма», он мог обрушиться на всю политику Хрущева. Поскольку неурожай на целине осенью 1955 года подтвердил опасения Молотова, высказанные им в период принятия решения по освоению целинных и залежных земель, Хрущев боялся, что Молотов станет обвинять его в «авантюризме» или в чем-нибудь похлеще.

Волнения Хрущева возрастали по мере приближения XX съезда КПСС. В своих воспоминаниях Хрущев писал: «Итак, мы подошли вплотную к очередному съезду партии. Я отказывался от отчетного доклада и считал, что раз мы провозгласили коллективное руководство, то отчетный доклад должен делать не обязательно секретарь ЦК. Поэтому на очередном заседании Президиума ЦК я предложил решить, кто будет делать отчетный доклад. Все, в том числе Молотов (а он как старейший среди нас имел более всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно высказались за то, чтобы доклад сделал я. Видимо, тут сыграло роль то обстоятельство, что по формальным соображениям именно Первый секретарь Центрального Комитета партии обязан выступить с отчетом. Если же обратиться к

другому докладчику, то могло оказаться много претендентов, что вызовет сложности. После смерти Сталина среди нас не было человека, который считался бы признанным руководителем. Поэтому и поручили сделать доклад мне».

Комментируя это замечание Хрущева, Эдвард Крэнкшоу писал: «Хрущев никогда бы не позволил кому бы то ни было выступать с отчетным докладом. Это было бы равносильно признанию им своего поражения». В то же время упоминание Хрущевым того, что Молотов «имел более всего оснований претендовать на роль докладчика», могло свидетельствовать о том, что о таком варианте говорили некоторые члены Президиума. Хрущев вряд ли мог спокойно воспринять выдвижение кандидатуры Молотова в качестве основного докладчика на съезде. Однако вряд ли в последние дни перед съездом партии могло подвергнуться пересмотру решение, о котором было объявлено в повестке дня съезда задолго до его начала. Не исключено, что Хрущев, как обычно, излагал события весьма неточно, и речь шла о другом.

Во-первых, речь могла идти о предложении Молотова выступить с докладом о программе партии. Как известно, на XIX съезде была создана комиссия, которая должна была доложить следующему съезду о проделанной работе. Каганович вспоминал, что еще во время отпуска Хрущев позвонил ему и сказал: «Молотов предлагает включить в повестку дня XX съезда вопрос о программе партии. Видимо, он, Молотов, имеет в виду, что докладчиком по этому вопросу будет он. Но если уже включать в повестку дня съезда вопрос о программе, то докладчиком надо назначать тебя, потому что ты этим вопросом занимался еще к XIX съезду. Но вообще, — сказал он, — мы не готовы к этому вопросу». Я ему ответил, что я тоже считаю, что мы не успеем подготовить этот вопрос, поэтому включать его в повестку дня XX съезда нельзя».

Во-вторых, Хрущев мог спутать вопрос о первом докладчике с вопросом о председательствующем на первом заседании съезда. Дело в том, что уже в течение нескольких десятилетий съезды партии открывал В.М. Молотов. Поэтому накануне XX съезда, вероятно, обсуждался протокольный вопрос, кто будет открывать его, и некоторые члены Президиума ЦК решили следовать сложившейся традиции. Хотя выступление в связи с открытием съезда было обычно крат-

ким, оно могло содержать ряд принципиальных оценок периода, прошедшего после XIX съезда. Хрущев стремился не допустить первого выступления Молотова на съезде, которое могло бы пойти вразрез с его позицией.

Для того чтобы одержать верх над Молотовым, Хрущеву надо было сокрушить его авторитет. А для этого надо было ударить по исторической основе авторитета Молотова, как второго человека в стране во времена Сталина. Чтобы доказать негодность Молотова как партийного руководителя, надо было опровергнуть правильность действий самого Сталина. Первую попытку такого рода Хрущев предпринял уже на июльском Пленуме ЦК, когда обвинил Молотова и Сталина в самовольном принятии решений о разрыве с Югославией в 1948 году. Видимо, после этого Хрущев решил пойти по тому же пути дискредитации Сталина, по которому уже шел Берия в марте — июне 1953 года.

В то же время Н.С. Хрущев прекрасно понимал, что в случае обострения борьбы в руководстве ему могут быть предъявлены обвинения, похожие на те, что были выдвинуты против Маленкова в январе 1955 года. Для обвинений Хрущева в моральной ответственности за многие нарушения законности были веские основания. Позже в записке комиссии Политбюро ЦК КПСС, составленной в декабре 1988 года, говорилось: «В архиве КГБ хранятся документальные материалы, свидетельствующие о причастности Хрущева к проведению массовых репрессий в Москве, Московской области... Он, в частности, сам направлял документы с предложениями об арестах руководящих работников Моссовета, Московского обкома партии». Возглавив партийную организацию Украины в 1938 году, Хрущев развернул репрессии в этой республике. В справке комиссии Политбюро 1988 года говорилось: «Лично Хрущевым были санкционированы репрессии в отношении нескольких сот человек... Летом 1938 года с санкции Хрущева была арестована большая группа руководящих работников партийных, советских, хозяйственных органов и в их числе заместители председателя Совнаркома УССР, наркомы, заместители наркомов, секретари областных комитетов партии. Все они были осуждены к высшей мере наказания и длительным срокам заключения».

Правда, устранению документов, свидетельствующих о

его роли в репрессиях, помогло назначение в 1953 году Хрущева главой комиссии по архиву Сталина. Хотя комиссия ни разу не собиралась, ее председатель получил возможность разбирать архивные документы Сталина. Затем в 1955 году Н.С. Хрущев взял под свой контроль Общий отдел ЦК, в ведении которого находились наиболее секретные партийные архивы. В книге Р. Баландина и С. Миронова «Заговоры и борьба за власть» приведено высказывание историка В.П. Наумова: «В 1955 году по распоряжению Хрущева были уничтожены бумаги Берии, документы о Сталине и о других руководителях партии. Всего было уничтожено 11 бумажных мешков. Чем более надежно скрывались документы, тем более эмоционально осуждал Хрущев преступления, в которых сам принимал участие».

С осени 1955 года Хрущев стал повторять действия Берии, который в марте — июне 1953 года пытался возложить всю вину за необоснованные репрессии на Сталина. Атакуя Сталина, Хрущев старался не только выгородить себя от возможных обвинений в причастности к репрессиям, но и дискредитировать Молотова, как ближайшего сподвижника Сталина. Одновременно Хрущев стремился убрать Сталина из перечня вождей мирового коммунизма, чтобы затем занять его место. Ведь в ходе посещения Югославии Хрущев увидел, что портрет Иосипа Броз Тито красуется всюду вместе с портретами Маркса, Энгельса и Ленина. Зная самомнение Хрущева, не исключено, что он не считал чрезмерным поставить себя рядом с великими вождями мирового коммунизма, коль скоро в небольшой Югославии это сделал ее президент. Хотя, наверное, Хрущев полагал, что сейчас ему еще рано ставить свой портрет рядом с изображениями основоположников марксизма-ленинизма, он, вероятно, решил для начала убрать Сталина из принятого у коммунистов всего мира с начала 30-х годов перечня четырех великих вождей.

Первый шаг по пути развенчания Сталина Хрущев сделал на заседании Президиума ЦК 5 ноября 1955 года, когда обсуждался вопрос о том, как отмечать очередной день рождения И.В. Сталина. Хрущев внес предложение: «Дату отмечать только в печати; собрания не проводить». Каганович возражал и предлагал провести ставшие обычными в этот день собрания по заводам. Его поддержал Ворошилов. Про-

тив них выступили Булганин и Микоян. Тогда Каганович сказал: «Расхождения у меня с тобой, т. Хрущев, не имею. Сталин меня критиковал... Я не мыслю, что Сталин выше Ленина... (И все же) я предлагаю отметить день рождения Сталина». В ответ Хрущев возражал Кагановичу. Протокольная запись гласит: «Т. Хрущев. Кадры перебили. Военные». В ответ Ворошилов заметил: «Все, что говорили — правда... Есть еще сторона: меня выгнали, но я и это прощал». Однако Ворошилов настаивал на решении: «О Ленине — так-то, о Сталине — в печати, по радио». В итоге было принято решение: «В день рождения Сталина И.В.—21 декабря осветить его жизнь и деятельность опубликованием статей в печати и в передачах по радио. Приурочить к 21 декабря присуждение Международных Сталинских премий».

21 декабря 1955 года в центральных газетах страны была опубликована фотография И.В. Сталина (правда, несколько урезанная по сравнению с теми, которые до сих пор публиковались). Тут же было помещено постановление Комитета по международным Сталинским премиям. В «Правде» на второй странице публиковалась редакционная статья «Жизнеутверждающая сила идей Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. К 76-летию со дня рождения И.В. Сталина». Статья была составлена в общих словах о значении коммунистической идеологии и завершалась восхвалением итогов недавно завершившегося визита Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина в Индию, Бирму и Афганистан.

Через десять дней 31 декабря на заседании Президиума ЦК имя Сталина было вновь упомянуто в связи с обсуждением вопроса о реабилитации. В ходе дискуссии А.И. Микоян внес на рассмотрение переданное ему письмо от его знакомой по бакинскому подполью О. Шатуновской, которая долго пробыла в заключении, а в середине 50-х годов проходила лечение от тяжелого нервного расстройства. В своем письме Шатуновская, ссылаясь на факты вопиющего попустительства органов НКВД действиям Л. Николаева, убившего в 1934 году С.М. Кирова, и гибели важных свидетелей этого убийства, утверждала, что Сталин организовал убийство Кирова. (По сути, это была попытка реанимировать обвинение, выдвинутое Троцким в Мехико.) Комментируя это письмо, Хрущев заявил: «Если проследить, пахнет нехорошим. Товарищам вызвать врача, шофера, Ку-

приянова» (то есть оставшихся в живых свидетелей). (Известно, что многочисленные правительственные комиссии, созданные в 1955—1989 годах для проверки версии Шатуновской, не смогли ее подтвердить.) Президиум ЦК принял решение о создании комиссии по реабилитации, которую возглавил секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов.

Очевидно, что в течение следующего месяца члены Президиума ЦК получили от комиссии Поспелова доклады, в которых вина за беззакония возлагалась исключительно на Сталина и самых ближайших к нему руководителей. Это видно из того, что 1 февраля 1956 года на заседании Президиума ЦК Хрущев бросил реплику в адрес Молотова: «Расскажите в отношении тт. Постышева, Косиора, как вы их объявляли врагами. Полууголовные элементы привлекались к ведению таких дел». Однако, видимо, не решаясь прямо обвинить Молотова, Хрущев заключал: «Виноват Сталин... Ежов, наверное, не виноват, честный человек». Стремление выгородить Ежова было объяснимо: Хрущев и Ежов были соавторами многих сфабрикованных дел.

Хрущеву возражал Молотов: «Но Сталина как великого руководителя надо признать. Нельзя в докладе не сказать, что Сталин — великий продолжатель дела Ленина». Его поддерживал Каганович: «Нельзя в такой обстановке решать вопрос. Много пересмотреть можно, но 30 лет Сталин стоял во главе». Ворошилов заявлял: «Страну вели мы по пути Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Молотов вновь выступил: «Присоединяюсь к Ворошилову. Правду восстановить. Правда и то, что под руководством Сталина победил социализм. И неправильности соразмерить. И позорные дела — тоже факт». Однако в поддержку Хрущева выступало большинство членов Президиума.

В заключение дискуссии Хрущев заявил: «Ягода, наверное, чистый человек. Ежов — наверное, чистый человек. Сталин — преданный делу социализма, но все варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все своим капризам подчинял. На съезде не говорить о терроре. Надо наметить линию — отвести Сталину свое место (почистить плакаты, литературу). Усилить обстрел культа личности».

9 февраля Президиум рассмотрел итоги работы комиссии П.Н. Поспелова. К этому времени Хрущев уже был готов низвергнуть авторитет Сталина. Он заявлял: «Несо-

стоятельность Сталина как вождя раскрывается. Что за вождь, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду... Может быть т. Поспелову составить доклад и рассказать. Причины: культ личности, концентрация власти в одних руках. Нечистых руках. Где сказать: на заключительном заседании съезда. Завещание (так принято было называть «Письмо к съезду» Ленина. — *Прим. авт.*) напечатать и раздать делегатам. Письмо по национальному вопросу (опять же Ленина. — *Прим. авт.*) печатать и раздать делегатам съезда».

Молотов возражал: «На съезде надо сказать. Но при этом сказать не только это. Но по национальному вопросу Сталин — продолжатель дела Ленина. Но 30 лет мы жили под руководством Сталина — индустриализацию провели. После Сталина вышли великой партией. Культ личности, но мы о Ленине говорим, о Марксе говорим». Каганович поддержал Молотова, считая, что «редакцию доклада преподнести политически, чтобы 30-летний период не смазать, хладнокровно подойти». «Осторожность нужна», — призывал Ворошилов. Однако большинство членов, кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК поддерживали Хрущева без всяких оговорок.

В конце дискуссии Хрущев постарался успокоить сомневающихся: «Нет расхождений, что съезду надо сказать... Не бояться. Не быть обывателями, не смаковать. Развенчать до конца роль личности. Кто будет делать доклад — обдумать». Каганович в своих мемуарах писал, что после обсуждения материалов комиссии Поспелова на Президиуме было принято решение заслушать ее доклад на пленуме после съезда партии. Однако в черновых протокольных записях заседаний Президиума ЦК от 13 февраля говорилось: «На закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности». Вероятно, твердого решения о том, когда огласить доклад Поспелова, не было. К тому же Молотов, Каганович и Ворошилов, требовавшие от Хрущева уравновешенной оценки Сталина, успокоились, поскольку в текст отчетного доклада был включен абзац: «Вскоре после XIX съезда партии, смерть вырвала из наших рядов великого продолжателя дела Ленина — И.В. Сталина, под руководством которого партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы».

Нарушив многолетнюю традицию (то есть не дав Молотову слова для вступительной речи), Хрущев сам открыл XX съезд партии 14 февраля 1956 года в 10 часов утра. В своей вступительной речи Хрущев заявил, что за период между съездами «мы потеряли виднейших деятелей коммунистического движения: Иосифа Виссарионовича Сталина, Клемента Готвальда и Кюици Токуда. Прошу почтить их память вставанием». То обстоятельство, что Хрущев не выделил особо Сталина и поставил его в один ряд с руководителями компартий Чехословакии и Японии, свидетельствовало о том, что Хрущев явно постарался снизить статус Сталина. Об этом же свидетельствовало и все содержание доклада Хрущева.

Правда, в разделе доклада, названном «Партия», было сказано: «Вскоре после XIX съезда партии смерть вырвала из наших рядов Иосифа Виссарионовича Сталина». Однако слов о том, что «под руководством Сталина партия на протяжении трех десятилетий осуществляла ленинские заветы», которые первоначально содержались в тексте доклада, Хрущев не произнес. Вторичное упоминание о смерти Сталина послужило Хрущеву лишь для того, чтобы сказать о том, что «враги социализма рассчитывали на возможность растерянности в рядах партии», но их «расчеты провалились». Слова, содержавшиеся в утвержденном проекте отчетного доклада о том, что Сталин был «великим продолжателем дела Ленина» и что «под его руководством партия осуществляла ленинские заветы», исчезли. В докладе не приводилось ни одной цитаты из Сталина, которыми обычно пестрели речи ораторов на предыдущих съездах, в том числе и речи Хрущева. Не было и ставшего традиционным упоминания имени Сталина вместе с именами Маркса, Энгельса, Ленина.

В то же время в докладе говорилось, что культ личности противоречит идеологии коммунизма: «Борясь за всемерное развитие творческой активности коммунистов и всех трудящихся, Центральный Комитет принял меры к широкому разъяснению марксистско-ленинского понимания роли личности в истории. ЦК решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя-чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс, ведет к снижению их творческой активности. Распространение

культа личности принижало роль коллективного руководства в партии и приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе». Этими общими фразами и туманными намеками ограничилось упоминание о культе личности в докладе. На «культ личности» была возложена ответственность не за беззакония в ходе репрессий, а лишь на отдельные, хотя и «серьезные упущения» в работе партии.

Подавляющая же часть стостраничного доклада была посвящена обычным для такого жанра темам — международное положение, внутреннее положение страны, внутрипартийная жизнь. В ходе обсуждения доклада делегаты съезда часто упоминали Хрущева и неизменно давали высокую оценку его деятельности. И это несмотря на осуждение «культа личности»!

Однако, судя по мемуарам Хрущева, по мере продолжения съезда он испытывал смешанные чувства. Он вспоминал: «Съезд шел хорошо. Для нас это было, конечно, испытанием. Каким будет съезд после смерти Сталина? Но все выступавшие одобряли линию ЦК, не чувствовалось никакой оппозиции, ходом событий не предвещалось никакой бури. Я же все время волновался, несмотря на то, что съезд шел хорошо, а доклад одобрялся выступавшими. Однако я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: «Вот кончается съезд, будет принята резолюция, и все это формально. А что дальше? На нашей совести остаются сотни тысяч безвинно расстрелянных людей, включая две трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII съезде. Мало, кто уцелел, почти весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко кому повезло так, что он остался. Что же теперь?» В своих мемуарах Никита Сергеевич лукавил. Он прекрасно знал о решении заслушать доклад Поспелова о реабилитации многих членов партии. Очевидно, что Хрущева беспокоило другое.

Его попытка снизить статус Сталина не получила одобрения среди зарубежных гостей съезда. В первом же выступлении на второй день съезда 15 февраля зарубежного гостя — главы китайской делегации Чжу Дэ прозвучало несогласие с тем, как оценивал Сталина Хрущев в своем докладе. Хотя в зачитанном на заседании съезда приветствии, подписанном Мао Цзэдуном, отдавалось должное Хрущеву, в нем говорилось: «Чем крепче Коммунистическая пар-

тия Советского Союза, чем больше побед одержано Советским Союзом во всех областях, тем больше проявляется непобедимость Коммунистической партии Советского Союза, созданной Лениным и выпестованной Сталиным вместе с его ближайшими соратниками». Эти слова были встречены продолжительными аплодисментами всего зала. Слова Мао Цзэдуна и реакция делегатов съезда свидетельствовали о том, что непризнание выдающейся роли Сталина Хрущевым не принимают ни в Пекине, ни в Кремле.

Ответом на послание Мао Цзэдуна стала речь М.А. Суслова, который уже на другой день 16 февраля высказался о вреде культа личности. Суслов заявил: «Чуждые духу марксизма-ленинизма теория и практика культа личности, получившие распространение до XIX съезда, наносили значительный ущерб партийной работе как организационной, так и идеологической. Они умаляли роль народных масс и роль партии, принижали коллективное руководство, подрывали внутрипартийную демократию, подавляли активность членов партии, их инициативу и самодеятельность, приводили к бесконтрольности, безответственности и даже произволу в работе отдельных лиц, мешали развертыванию критики и самокритики и порождали односторонние, а подчас ошибочные решения вопросов».

Очевидно, Хрущев и его союзники были не удовлетворены туманными и двусмысленными формулировками в выступлении Суслова. На следующем заседании в тот же день 16 февраля выступил А.И. Микоян, который заявил: «В течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем и Лениным, и это, конечно, не могло не оказать крайне отрицательного влияния на положение в партии и на ее деятельность. И теперь, когда в течение последних трех лет восстановлено коллективное руководство Коммунистической партии на основе ленинской принципиальности и ленинского единства, чувствуется все плодотворное влияние ленинских методов руководства. В этом-то и заключается главный источник, придавший за последние годы новую силу нашей партии». Так Микоян давал понять, что Сталин нарушал ленинские партийные нормы не только в последние годы, а на протяжении 20 лет.

Однако, выступая на следующий день 17 февраля, руко-

водитель Французской компартии Морис Торез подтвердил верность традиционной оценке места Сталина среди вождей коммунистического движения. Он заявил: «Коммунистическая партия Советского Союза всегда была образцом принципиальной твердости, нерушимой верности идеям Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина». Слова одного из самых авторитетных коммунистов Западной Европы были встречены аплодисментами всего зала. Вряд ли можно признать случайным, что в своей речи на съезде 18 февраля Л.М. Каганович неожиданно стал расхваливать Мориса Тореза. Правда, он хвалил его не за выступление на съезде, а за его заботу о положении трудящихся Франции. Однако таким образом Каганович выразил свою поддержку позиции Тореза.

Хрущев имел основания для волнений: гладкое течение съезда скрывало разногласия, которые могли неожиданно проявиться в конце съезда или после его завершения. Изгнание Хрущевым Сталина из великих вождей коммунизма не получало единодушной поддержки. А это можно было рассматривать как вызов ему лично. Напоминавшие же о выдающейся роли Сталина в советской истории невольно ставили под сомнение значимость достижений Хрущева, которые расхваливали ораторы на съезде. Хрущев мог заподозрить, что среди делегатов съезда бродит недовольство им и его политикой, что проявлялась в аплодисментах при упоминаниях имени Сталина. Хрущев мог осознать, что деяния Сталина оцениваются несравнимо более высоко, чем его собственные начинания.

Чтобы доказать, что достижения Сталина сильно преувеличены, надо было постоянно напоминать о культе его личности. Одновременно надо было принизить положительные деяния Сталина, шокировав слушателей сведениями о беззаконных репрессиях и свалив ответственность за них на Сталина. Однако Хрущев не был уверен, что доклад Поспелова, который решили огласить на закрытом заседании съезда, будет отвечать этим целям. Поэтому Хрущев решил сам выступить вместо Поспелова. 19 февраля Хрущев приступил к радикальной переработке доклада, представленного Поспеловым. Вместе с ним работали Аристов и Шепилов.

Хрущев придавал большое значение форме, в которой он собирался произнести доклад. Хотя до начала съезда Хрущев требовал, чтобы авторы доклада не были «обывате-

лями» и «не смаковали» ужасы репрессий, рассказ о беззакониях получился столь эмоциональным, что стенографистки, записывавшие за Хрущевым, расплакались.

Каганович вспоминал: «XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана нам напечатанная в типографии красная книжечка — проект текста доклада. Заседание проходило в ненормальных условиях — в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам внутрипартийной демократии принять решение. Все это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан».

Каганович утверждал, что он и ряд других членов Президиума сослались на решение обсудить доклад комиссии Поспелова на Пленуме ЦК после съезда партии: «Именно об этом говорили товарищи Каганович, Молотов, Ворошилов и другие, высказывая свои возражения, — писал Каганович. Он замечал: — Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с одной стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел... Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина».

В своих мемуарах Хрущев признавал, что «согласия никакого не было, и я увидел, что добиться правильного решения от членов Президиума ЦК не удастся. В Президиуме же съезда мы пока этот вопрос не поставили, пока не договорились внутри Президиума ЦК. Тогда я выдвинул такое предложение: «Идет съезд партии. Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад сделан, теперь каждый член Пре-

зидиума ЦК и член ЦК, в том числе и я, имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада». Я не сказал, что выступлю с сообщением о записке комиссии. Но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и изложить свою точку зрения касательно арестов и расстрелов. Сейчас не помню, кто после этого персонально поддержал меня. Думаю, что это были Булганин, Первухин и Сабуров. Не уверен, но думаю, что, возможно, Маленков тоже поддержал меня».

Микоян несколько иначе вспоминает это заседание: «К концу съезда мы решили, чтобы доклад был сделан на заключительном его заседании. Был небольшой спор по этому вопросу. Молотов, Каганович и Ворошилов сделали попытку, чтобы этого доклада вообще не делать. Хрущев и больше всего я активно выступали за то, чтобы этот доклад состоялся. Маленков молчал. Первухин, Булганин и Сабуров поддержали нас... Тогда Никита Сергеевич сделал очень хороший ход, который разоружил противников доклада. Он сказал: «Давайте спросим съезд на закрытом заседании, хочет ли он, чтобы доложили по этому делу, или нет». Это была такая постановка вопроса, что деваться было некуда. Конечно, съезд бы потребовал доклада. Словом, выхода другого не было».

Чувствуя отсутствие единодушной поддержки в Президиуме ЦК, Хрущев решил обратиться к съезду и предложить его делегатам свое изложение истории последних десятилетий. Хрущев шел на известный риск, но это было характерно для его натуры. Пытаясь очернить Сталина, память о котором была священной для миллионов советских людей, в том числе и для большинства делегатов съезда, Хрущев ставил под угрозу свой авторитет. Поэтому он постарался создать впечатление, будто доклад подготовлен от имени Президиума ЦК. Этому впечатлению способствовало решение не устраивать прений после доклада. Таким образом, Хрущев мог предотвратить выступления, в которых делегаты сразу бы увидели иные мнения среди членов Президиума, а это могло бы привести ко все более откровенной и резкой критике доклада. Кроме того, Хрущев предложил зачитать доклад после выборов в центральные органы партии. Хрущев подозревал, что те, кто оказался бы несоглас-

ным с содержанием доклада, голосовали бы против него и его сторонников в ходе выборов в ЦК.

Молотов так объяснял причины своего отступления перед Хрущевым на этом заседании: «Я считаю, что при том положении, которое тогда было, если бы мы, даже я выступил с такими взглядами, нас бы легко очень исключили. Это вызвало бы, по крайней мере, в некоторых слоях партии раскол. И раскол мог быть очень глубоким. Вот Тевосян, тогдашний министр черной металлургии, он мне кричал: «Как это так? Как это так?» Он сталинист, да. То же самое Юдин, посол в Китае. Вот они двое ко мне приходили на съезде... Некоторые, стоящие примерно на такой точке зрения, предъявляют Молотову обвинение: «А чего же вы молчали на XX съезде?»... Вот и получилось, что молчал, значит согласился». Отвечая на замечание беседовавшего с ним поэта и историка Чуева, что доклад Хрущев «перевернул всю политику», Молотов говорил: «Не с него началось... Началось это раньше, конечно. Югославский вопрос был в 1955 году... Я считаю, что уже в югославском вопросе поворот был совершен... А я сделал попытку выступить — все против меня, все, в том числе и те, которые через годполтора поддержали. Поворот-то был раньше съезда, а поскольку поворот был сделан, Хрущев на XX съезде подобрал такой состав, который орал ему «ура!»

Аналогичным образом объясняли свое поведение и другие члены Президиума, возражавшие тогда Хрущеву. Отвечая Чуеву на вопрос о причинах своего молчаливого отступления перед Хрущевым, Каганович говорил: «Мы тогда не выступили открыто лишь потому, что не хотели раскола партии». Страх перед расколом партии оказывал мощное психологическое давление на ее членов, особенно тех, кто вступил в нее еще до революции. Созданная в результате раскола РСДРП на две фракции, большевистская, а затем коммунистическая партия долго жила под угрозой повторения раскола внутри ее рядов. Вся ранняя история партии представляла рассказ о борьбе против различных оппозиций, платформ и группировок, которые могли довести свое соперничество с центральным руководством до распада партии. Хрущев прекрасно знал об этом и сознательно шантажировал ветеранов партии угрозой раскола КПСС.

Глава 5
МИФ XX СЪЕЗДА

25 февраля на утреннем закрытом заседании XX съезда КПСС, которое стало его заключительным, Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях». С первых же строк доклада стало ясно, что в нем идет речь не о роли личности в истории вообще, а исключительно о Сталине. При этом Сталину была дана принципиально новая и сугубо отрицательная оценка. Хрущев так обосновывал одностороннюю и негативную характеристику Сталина: «Целью настоящего доклада не является тщательная оценка жизни Сталина. О заслугах Сталина при его жизни уже было написано вполне достаточное количество книг, брошюр и работ». И хотя можно было подумать, что Хрущев не собирался критиковать содержание этих «книг, брошюр и работ», из последующего содержания доклада следовало, что все до сих пор опубликованное в СССР о Сталине следовало теперь признать ошибочным. Для того, чтобы объяснить, почему понятие «культ личности» используется для атаки на Сталина, Хрущев заявлял: «Мы имеем дело с вопросом... о том, как постоянно рос культ личности Сталина, культ, который стал на определенной стадии своего развития источником целого ряда чрезвычайно серьезных и грубых извращений партийных принципов, партийной демократии и партийной законности».

Получалось, что не будь неумеренных восхвалений в адрес Сталина, никаких «извращений» не было бы. Для придания научно-теоретической глубины в ход была пущена все та же цитата из «письма Карла Маркса Вильгельму Блосу», которая уже использовалась на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК в докладе Маленкова и в резолюции того же пленума. Хрущев привел и несколько цитат из Ленина, имевших, правда, довольно отдаленное отношение к обсуждаемому вопросу.

Свой рассказ о деятельности Сталина Хрущев начал с цитирования оценок Сталина из ленинского «Письма к съезду». Как известно, на протяжении дискуссий 20-х годов оппозиционеры постоянно повторяли слова Ленина о «грубости Сталина» и других чертах его характера, о том,

что эти черты характера Сталина создают проблемы, так как он занимает пост Генерального секретаря ЦК, а поэтому Ленин предлагал заменить Сталина другим человеком. Бывший сторонник троцкистской платформы Хрущев по сути возвращался к аргументам троцкистов 20-х годов. Он фактически начинал тот суд над Сталиным, который собирался устроить Троцкий.

Правда, использование этих аргументов предполагало, что недостатки Сталина возникли задолго до появления его культа личности, но Хрущев, видимо, не замечал очевидной натяжки в своих рассуждениях. Натяжки допускал Хрущев и в своем комментировании ленинского «Письма». Если Ленин писал о том, что «Сталин слишком груб» и не уверен, что Сталин «всегда будет в состоянии использовать... власть с необходимой осторожностью», то Хрущев истолковывал их так: «Ленин указал, что Сталин является чрезвычайно жестоким человеком, что он... злоупотребляет властью». Таким же вольным образом были процитированы письма Крупской Каменеву с жалобой на Сталина и письмо Сталину от Ленина, когда последний узнал о жалобе Крупской.

Бывший сторонник троцкистской платформы Хрущев, как и оппозиционеры в 20-х годах, умалчивал об отрицательных характеристиках, которые дал Ленин другим партийным руководителям того времени, а также о том, что в это время Ленин был тяжело болен и болезненно реагировал на события в жизни партии. Хрущев ничего не говорил о том, что Политбюро ЦК поручило взять под контроль лечение Ленина Сталину, как наиболее близкому к нему человеку из партийного руководства. Хрущев умалчивал, что обвинения Сталина в грубости провоцировались Крупской, которая была измучена затяжным и серьезным недугом Ленина, с одной стороны, а с другой стороны, болезненно воспринимала любой контроль за лечением ее мужа. Хрущев вольно использовал отдельные цитаты из ленинских писем для того, чтобы утверждать, будто Ленин провидчески разглядел отвратительные черты характера Сталина и их усиление в будущем.

К этому времени споры вокруг «Письма к съезду» Ленина уже были забыты. Мало кто помнил, что сам Сталин цитировал наиболее обидные для него строки из этого письма в своем выступлении от 23 октября 1927 года. Хрущев же

создавал впечатление о том, что он впервые знакомил своих слушателей с «завещанием» Ленина и что предложение Ленина об отставке Сталина с поста Генерального секретаря было скрыто. Не объяснял Хрущев и то обстоятельство, что в 1922 году, когда Ленин писал свое письмо, пост Генерального секретаря не считался главным постом в партии, а предлагавшаяся Лениным мера не означала опалы Сталина, а объяснялась лишь желанием Ленина предотвратить обострение разногласий в руководстве партии. Хрущев умалчивал и о том, что после ознакомления делегатов XIII съезда с ленинским «Письмом» Сталин подал в отставку, но она не была принята. Не говорил Хрущев и о других заявлениях Сталина с просьбами о своей отставке.

Лишь вскользь упомянув об острой борьбе, которая велась в 20-х годах в правящей партии между представителями различных политических направлений, Хрущев перешел к разбору особенностей характера И.В. Сталина. Описывая их, Хрущев утверждал, что Сталин «абсолютно не терпел коллективности в руководстве и в работе», «практиковал грубое насилие по отношению ко всему, что противоречило его мнению, но также и по отношению к тому, что, по мнению его капризного и деспотического характера, казалось, не соответствовало его взглядам». Хрущев уверял, что «Сталин действовал не методом убеждения, разъяснения и терпеливого сотрудничества с людьми, а путем насильственного внедрения своих идей и требования безусловного к себе подчинения. Тот, кто выступал против такого положения вещей или же пытался доказать правоту своих собственных взглядов, был обречен на удаление из числа руководящих работников, на последующее моральное и физическое уничтожение».

Как это часто бывает, Хрущев приписывал Сталину те недостатки, которые были в значительной степени характерны для него самого. Позже коллеги Хрущева, включая его союзника Микояна, подчеркивали в своих мемуарах «крайнюю подозрительность» Хрущева, его нетерпимость к чужим мнениям, идущим вразрез с его собственным, его «авторитарность», его «мстительность». Следует также учесть, что в то время воспоминаний очевидцев о Сталине почти не было. Лишь после отстранения Хрущева от власти были опубликованы мемуары, на основе которых можно

было достаточно полно воссоздать наиболее типичные черты характера Сталина и стиль его деловой активности. Благодаря им стало ясно, что, вопреки словам Хрущева, Сталин стремился к обеспечению максимальной коллегиальности в работе, очень ценил оригинальные суждения, не терпел тех, кто поддакивал ему и, напротив, поощрял острые споры, чтобы в ходе их найти истину.

Уже на закате своих дней Микоян, поддержавший Хрущева в его нападках на Сталина, да и сам Хрущев фактически признали абсурдность обвинений Сталина в нетерпимости к иным мнениям. Вспоминая свое участие в заседаниях со Сталиным, Микоян писал: «Каждый из нас имел полную возможность высказать и защитить свое мнение или предложение. Мы откровенно обсуждали самые сложные и спорные вопросы... встречая со стороны Сталина в большинстве случаев понимание, разумное и терпимое отношение даже тогда, когда наши высказывания были явно ему не по душе. Сталин прислушивался к тому, что ему говорили и советовали, с интересом слушал споры, умело извлекая из них ту самую истину, которая помогала ему потом формулировать окончательные, наиболее целесообразные решения, рождаемые, таким образом, в результате коллективного обсуждения. Более того, нередко бывало, когда, убежденный нашими доводами, Сталин менял свою первоначальную точку зрения по тому или иному вопросу».

Было известно, что Хрущев, в отличие от Микояна, избегал вступать в споры со Сталиным, и поэтому его заявление о нетерпимости Сталина к чужим мнениям могло прикрывать его склонность постоянно поддакивать Сталину. И все-таки даже он в своих воспоминаниях признал, что, когда доказывал Сталину «свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело и поддержит... Бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество». Однако в своем докладе Хрущев утверждал прямо противоположное.

Не замечая, что его доклад, в котором осуждался культ личности, должен был исходить из того, что движущей силой исторического развития являются общественные силы,

а не отдельная личность, Хрущев *сваливал вину за события* общественного масштаба исключительно на Сталина. «В чем же причина, что массовые репрессии против активистов начали принимать все большие и большие размеры *после XVII партийного съезда?* – спрашивал Хрущев и отвечал: – В том, что в это время Сталин настолько возвысил себя над партией и народом, что перестал считаться и с Центральным комитетом и с партией... Сталин думал, что теперь он может решать все один, и все, кто ему еще были нужны – это статисты; со всеми остальными он обходился так, что им только оставалось слушаться и восхвалять его».

Хрущев утверждал, что для обоснования своих злых дел «Сталин создал концепцию «врага народа». Осуждая эту «концепцию», Хрущев забывал, что всего 11 дней назад он использовал ее в отчетном докладе. Тогда он говорил: «Троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты и прочие злейшие **враги народа** (подчеркнуто мной. – *Прим. авт.*), поборники реставрации капитализма делали отчаянные попытки подорвать изнутри ленинское единство партийных рядов – и все они разбили себе головы об это единство». Это лишь свидетельствовало о том, что многие хрущевские оценки Сталина были сделаны наспех после 19 февраля, когда он спешно диктовал свой доклад стенографисткам.

Оправдывая разгром оппозиционеров, Хрущев в то же время предупреждал, что необходимости в применении суровых репрессий по отношению к ним не было, поскольку они «до этого были политически разгромлены партией». Сообщая, что «массовые репрессии происходили под лозунгом борьбы с троцкистами», Хрущев вопрошал: «Но разве троцкисты действительно представляли собой в это время такую опасность? Надо вспомнить, что в 1927 году, накануне XV партийного съезда, только около 4000 голосов было подано за троцкистско-зиновьевскую оппозицию, в то время как за генеральную линию голосовало 724 000. В течение 10 лет, прошедших с XV партийного съезда до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью обезоружен». Эти сведения Хрущев приводил для того, чтобы посрамить Сталина. Однако достаточно взять доклад Сталина на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК, чтобы убедиться в том, что Хрущев почти буквально повторил слова Стали-

на. Тогда Сталин говорил: «Сами по себе троцкисты никогда не представляли большой силы в нашей партии. Вспомните последнюю дискуссию в нашей партии в 1927 году... Из 854 тысяч членов партии голосовало тогда 730 тысяч членов партии. Из них за большевиков, за Центральный комитет партии, против троцкистов голосовало 724 тысячи членов партии, за троцкистов—4 тысячи... Добавьте к этому то обстоятельство, что многие из этого числа разочаровались в троцкизме и отошли от него, и вы получите представление о ничтожности троцкистских сил».

Объясняя же причины, почему «троцкистские вредители все же имеют кое-какие резервы около нашей партии», Сталин заявлял: «Это потому что неправильная политика некоторых наших товарищей по вопросу об исключении из партии и восстановлении исключенных, бездушное отношение некоторых наших товарищей к судьбе отдельных членов партии и отдельных работников искусственно плодят количество недовольных и озлобленных и создают, таким образом, троцкистам эти резервы». Однако, как было известно, именно для Хрущева в середине 30-х годов было характерно такое «бездушное» отношение и именно он был одним из инициаторов массовых исключений из партии, а затем и жестоких репрессий. 30 декабря 1935 года, будучи первым секретарем МГК и МК ВКП(б), Н.С. Хрущев сообщал о «разоблачении» 10 тысяч троцкистов в Московской партийной организации. А в своем выступлении в январе 1936 года на пленуме МГК ВКП(б) Хрущев заявлял: «Арестовано только 308 человек. Надо сказать, что не так уж много мы арестовали людей... 308 человек для нашей Московской организации это мало».

В своем докладе Хрущев утверждал, что «доклад Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК в 1937 году... содержал попытку теоретического обоснования политики массового террора под предлогом, что, поскольку мы идем навстречу социализму, классовая борьба должна обостряться». Во-первых, Хрущев существенно упрощал заявление Сталина, который говорил: «Чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государст-

ву, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных». При этом Сталин исходил из того, что эти «остатки эксплуататорских классов» малочисленны, но они «имеют поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР». То обстоятельство, что во время Великой Отечественной войны немецко-фашистские оккупанты нашли на оккупированных землях немало людей, из которых были сформированы полиция и местные администрации, то обстоятельство, что из части военнопленных были созданы власовская армия и воинские части, представлявшие различные народы СССР, свидетельствует о том, что Сталин реалистично оценивал потенциал сил, враждебных советской власти.

Во-вторых, главным в докладе Сталина был не тезис об озлоблении «остатков разбитых классов», а выдвинутый им лозунг «об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости». Этот лозунг конкретизировался в предложениях Сталина о создании системы учебы для партийных руководителей всех ступеней. Предложение Сталина о том, чтобы все партийные руководители подготовили себе по два заместителя, означало, что фактически в системе партийного управления объявлен конкурс на все существующие должности. Одновременно, как убедительно доказывал Юрий Жуков, Сталин и его ближайшие сторонники (Молотов, Ворошилов, Каганович и другие) настаивали на проведении выборов в Советы на принципах альтернативности с тем, чтобы добиться отстранения от руководства обюрократившихся и некомпетентных начальников и избрания на управленческие посты людей, более отвечающих современным историческим условиям и не оторвавшихся от народа.

Сталин предупреждал об опасности отрыва партийных верхов от масс, партии от народа: «Стоит большевикам оторваться от масс и потерять связь с ними, стоит им покрыться бюрократической ржавчиной, чтобы они лишились всякой силы и превратились в пустышку». Сталин пересказал собравшимся древнегреческий миф об Антее, напомнив, что «у него было все-таки свое слабое место — это опасность быть каким-либо образом оторванным от земли... И вот нашелся враг, который использовал эту его слабость и победил его. Это был Геркулес. Но как он его победил? Он оторвал его от земли, поднял его на воздух, отнял у него

возможность прикоснуться к земле и задушил его таким образом в воздухе. Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии Антея. Они так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют шансы на то, чтобы остаться непобедимыми».

Однако инициативы Сталина, направленные на укрепление связей партийных кадров с народными массами и усиление их компетентности, напугали многих партийных руководителей, вроде Хрущева, которые, заняв командные посты со времен Гражданской войны, давно оторвались от народа и не обладали ни достаточным образованием, ни опытом работы на современном производстве. Эти люди опасались, что они могут утратить свое командное положение, а потому на том же февральско-мартовском Пленуме 1937 года они требовали развертывать репрессии против мнимых оппозиционеров, чтобы под этим предлогом избавиться от своих конкурентов. Отдельные же партийные и военные руководители еще раньше встали на путь заговоров с целью избавиться от Сталина и его сторонников в руководстве страны.

Заговор наркома внутренних дел СССР Г.Г. Ягоды и секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе, заговор военных во главе с заместителем наркома обороны СССР М.И. Тухачевским имели целью осуществление государственного переворота и отстранение от власти Сталина и его сторонников. Такое развитие событий могло привести к гражданской войне и массовым репрессиям победителей против побежденных.

Хотя Хрущев был хорошо осведомлен обо всех сложных перипетиях событий 1937 года, включавших и заговоры с целью свержения Сталина, и острую политическую борьбу членов ЦК, в ходе которой они старались уничтожить друг друга, он умалчивал об этом в своем докладе. Он скрывал и то, как многие секретари обкомов при поддержке ряда членов Политбюро тормозили принятие сталинской Конституции 1936 года, препятствовали введению тайных, прямых и равных выборов, прекращению дискриминации ряда социальных групп населения, включая священников. Хрущев умалчивал о том, что в ответ на предложение Сталина о проведении альтернативных выборов в 1937 году поспешили подготовить квоты лиц, которых надо будет либо выслать,

либо расстрелять под тем предлогом, что они могут попытаться провести своих кандидатов в Верховный Совет СССР. (Об этом подробно писал историк Ю. Жуков в книге «Иной Сталин».) Ныне широко известно, что Хрущев и Эйхе опередили всех секретарей обкомов в составлении таких квот. Хрущев не стал говорить, что по его рекомендациям были арестованы почти все партийные руководители райкомов Москвы и Московской области, а затем руководители наркоматов и обкомов на Украине. Столкнувшись с широким сопротивлением альтернативным выборам в Советы и проведению конкурса среди партийных руководителей, Сталин и его ближайшие соратники вынуждены были отказаться от своих планов. Позже А.И. Микоян признавался в беседе с А.И. Лукьяновым: «Мы Сталина провалили!»

Лишь под давлением большинства членов ЦК Сталин и его сторонники, оставшиеся в меньшинстве, оказались вынужденными поддержать предложение Эйхе и пойти на создание «троек», которые составлялись из руководства республик и областей. Этим «тройкам» было разрешено осуществлять внесудебные расследования политических дел.

Когда же Сталин и близкие к нему люди получили неопровержимые доказательства заговоров Ягоды – Енукидзе, Тухачевского и других, они открыли «зеленую улицу» Ежову и другим работникам НКВД. В то же время после разоблачения заговора наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды в НКВД основательно перетряхнули кадры и в наркомат пришло много людей, не имевших опыта работы в правоохранительных органах. Их непрофессионализм, погоня за наградами и карьеризм приводили к тому, что они были способны лишь к фабрикации вымышленных дел.

В считаные месяцы своего пребывания на посту наркома внутренних дел Ежов представил Политбюро устрашающую картину страны, опутанной сетями троцкистских «заговоров» и зараженной «шпионскими гнездами». После же получения материалов из Берлина о заговоре советских военачальников, признательных показаний Тухачевского и других, эти сообщения воспринимались с доверием наверху. Оценки Ежова положения в стране казались особенно правдоподобными еще и потому, что совпадали с хвастливыми сообщениями Троцкого об успехах троцкистского подполья, которые публиковались в «Бюллетене оппози-

ции». Заявляя в своей новой книге «Преданная революция», изданной в середине 1937 года, после арестов многих «троцкистов», о том, что в СССР сохранилась мощная сеть «антисталинского подполья», Троцкий умело возбуждал недоверие к органам безопасности, которые, как следовало из его публикаций, все еще не сумели раскрыть врагов, и тем самым провоцировал новые и новые репрессии.

По мере же разрастания арестов в стране широко распространилась шпиономания, в ходе которой множество людей сводили личные счеты со своими конкурентами под видом разоблачения «врагов народа». Выдающийся летчик М.М. Громов вспоминал: «Аресты происходили потому, что авиаконструкторы писали доносы друг на друга, каждый восхвалял свой самолет и топил другого». Подобные обвинения выдвигали многие люди против своих коллег и в других отраслях науки, техники и промышленного производства. Сотрудник органов безопасности тех лет и личный охранник Сталина А. Рыбин вспоминал: «Осмысливая в разведывательном отделе следственные дела на репрессированных в тридцатые годы, мы пришли к печальному выводу, что в создании этих злосчастных дел участвовали миллионы людей. Психоз буквально охватил всех. Почти каждый усердствовал в поисках врагов народа. Доносами о вражеских происках или пособниках различных разведок люди сами топили друг друга».

Полностью игнорируя исторический контекст, а также сложности противоречивых социальных и политических процессов, которые породили массовые репрессии 30-х годов и нарушения законности, Хрущев сваливал вину за них исключительно на Сталина. Подменяя серьезный анализ эмоциями, Хрущев зачитывал отчаянные письма бывших видных советских руководителей, которые подвергались пыткам и издевательствам следователей. Эти строки сопровождались замечаниями Хрущева, из которых следовало, что в их мучениях был виноват исключительно Сталин. Хрущев утверждал: «Он сам был Главным Прокурором во всех этих делах».

Обвинения в адрес Сталина позволяли Хрущеву скрыть свой значительный вклад в репрессии. Уже в начале июля 1937 года Н.С. Хрущев сумел, по словам историка Юрия Жукова, «подозрительно быстро разыскать и «учесть» в

Московской области, а затем и настаивать на приговоре к расстрелу либо к высылке 41 305 «бывших кулаков» и «уголовников». В.М. Поляков, секретарь Военной коллегии Верховного суда СССР, рассказал, что «в 1937 году Хрущев ежедневно звонил в московское управление НКВД и спрашивал, как идут аресты. «Москва — столица, — поотечески напоминал Никита Сергеевич, — ей негоже отставать от Калуги или от Рязани». Оказавшись в 1938 году на Украине, Хрущев послал жалобу Сталину: «Украина ежемесячно посылает 17—18 тысяч репрессированных, а Москва утверждает не более 2—3 тысяч. Прошу принять срочные меры».

Хотя добрая половина доклада была посвящена репрессиям, в которых обвинялся Сталин, Хрущев попытался доказать порочность всей государственной деятельности Сталина. Особое внимание он уделил критике действий Сталина в период подготовки и ходе войны. Хрущев говорил: «Во время и после войны Сталин выдвинул тезис, что та трагедия, которую перенес наш народ в первый период войны, была результатом неожиданного нападения на Советский Союз». Хрущев так «доказывал» «абсурдность» утверждений Сталина: «... Это совсем не верно. Как только Гитлер пришел к власти в Германии, он поставил себе задачу уничтожить коммунизм. Фашисты открыто говорили об этом, не скрывая своих планов. Чтобы добиться этой агрессивной цели, они создавали всяческие пакты и блоки. Например, пресловутую ось Берлин — Рим — Токио. Многие факты из довоенного периода ясно показывают, что Гитлер готовился вовсю, чтобы начать войну против Советского государства, и что он сосредоточил у советских границ крупные воинские, в том числе танковые соединения».

Хрущев создавал впечатление о том, что Сталин не замечал этих действий Гитлера и его союзников. Хрущев ни слова не сказал об усилиях по созданию системы коллективной безопасности, предпринятых СССР с 1933 года. Он не сказал ничего о срыве этих усилий западными державами, которые пошли на подписание Мюнхенского соглашения в надежде направить агрессию Германии против СССР. Хрущев ни слова не сказал о действиях Сталина на международной арене в последние предвоенные годы, включавшие подписание договоров о ненападении с Германией 1939 года, о друж-

бс и ненападении с Югославией 1941 года, о нейтралитете с Японией 1941 года. Эти соглашения позволили оттянуть время нападения Германии и ослабить гитлеровскую коалицию стран, выступивших против СССР в июне 1941 года.

Зато Хрущев подробно рассказал о письме Черчилля, которое тот направил Сталину в начале апреля 1941 года. В этом письме Черчилль сообщал Сталину о том, что на западной границе СССР сосредотачиваются немецкие войска. Хрущев уверял, что Сталин не придал никакого значения этому письму. Последующие исследования, проведенные западными историками (например, Луи Килцером), свидетельствовали о том, что предупреждение Черчилля носило столь неопределенный характер, а желание Черчилля спровоцировать германо-советскую войну было столь явным, что посол Великобритании в СССР Криппс несколько дней отказывался передать это письмо советскому правительству.

Хрущев ссылался и на сообщение военного атташе из Берлина от 6 мая 1941 года, в котором говорилось, что 14 мая 1941 года Германия собирается начать нападение на СССР. И опять Хрущев обвинял Сталина в том, что он игнорировал это и подобные ему предупреждения. Оценивая эти заявления, Молотов позже говорил: «Когда я был Предсовнаркома, у меня полдня ежедневно уходило на чтение донесений разведки. Чего там только не было, какие сроки не назывались! И если бы мы поддались, война могла начаться гораздо раньше». Видный разведчик Судоплатов позже обращал внимание на то, что хотя многие разведчики сообщали о сроках нападения, они не могли точно назвать направление главного удара немецких войск, а поэтому их информация не позволяла Красной Армии сосредоточить свои силы в нужном месте.

Хрущев уверял, что благодаря бездействию Сталина перед войной страна оказалась не готовой к нападению Германии. Хрущев утверждал: «Если бы наша промышленность была вовремя и соответственным образом мобилизована для работы на нужды армии, наши потери во время войны были бы гораздо меньше. Однако такая мобилизация не была начата вовремя».

Хрущев игнорировал то обстоятельство, что свой курс на ускоренное развитие промышленности, предложенный им партии и стране в конце 20-х годов, Сталин объяснял, преж-

де всего, необходимостью создания мощного оборонного потенциала. Еще в феврале 1931 года Сталин заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». В значительной степени задача, поставленная Сталиным, была выполнена к середине 1941 года. Огромное отставание нашей страны от держав Запада в оборонной промышленности было во многом преодолено. Вплоть до середины 1941 года страна напрягала силы для того, чтобы сравняться с Германией по оборонному потенциалу. Вспоминая эти годы, Молотов говорил: «Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было бы невозможно! Перед войной народ был в колоссальном напряжении. «Давай, давай!» А если нет — из партии или арестовывают. Можно ли народ, или партию, или армию, или даже близких держать так год или два в напряжении? Нет».

Хрущев умалчивал о тех оборонительных мероприятиях на западной границе, которые были осуществлены в последние предвоенные месяцы. По свидетельству А.М. Василевского, «с середины мая 1941 года по директивам Генерального штаба началось передвижение ряда армий — всего до 28 дивизий — из внутренних округов в приграничные, положив тем самым начало к выполнению плана сосредоточения и развертывания советских войск на западных границах». В своем закрытом выступлении 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий Сталин прямо предупредил о неизбежности войны с гитлеровской Германией и необходимости готовиться к этой войне.

Хрущев уверял: «Накануне вторжения гитлеровской армии на территорию Советского Союза один немецкий гражданин перешел границу Советского Союза и заявил, что немецкие армии получили приказ начать военные действия против Советского Союза в ночь на 21 июня в 3 часа ночи. Об этом немедленно было сообщено Сталину, однако и на это он не обратил никакого внимания».

Однако еще весной 1945 года Хрущев рассказал гостившему в Киеве Миловану Джиласу, что 21 июня Сталин лично позвонил Хрущеву и сообщил ему о вероятности нападения немцев на следующий день. Судя по воспоминаниям генерала армии И.В. Тюленева, аналогичное предупре-

ждение сделал Сталин 21 июня и ему, так как он тогда командовал Московским военным округом. Как писал в своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков, после появления перебежчика 21 июня по распоряжению Сталина была подготовлена директива, требовавшая от пограничных войск «быть в полной боевой готовности, встретить возможный удар немцев или их союзников».

Н.С. Хрущев в своем докладе утверждал: «Было бы неправильным забывать, что после первых серьезных поражений Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда». После этого, в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще». Этот хрущевский миф рухнул лишь после того, как достоянием гласности стала тетрадь с указанием посетителей сталинского кабинета. Из ее содержания стало ясно, что с раннего утра 22 июня по 28 июня Сталин в течение недели подолгу находился у себя на рабочем месте в Кремле.

Из книги посетителей также известно, что лишь 29 и 30 июня Сталин не находился в своем кабинете. Но из воспоминаний Г.К. Жукова и А.И. Микояна известно, что 29 июня Сталин дважды посещал Наркомат обороны. Известно также, что 29 июня он работал над составлением «Директивы Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей», подготовленной Г.М. Маленковым и А.С. Щербаковым. Лишь в течение нескольких часов в конце 29 июня и начале 30 июня Сталин не общался с коллегами по работе. Не исключено, что неделя напряженной работы, начиная с 22 июня, измотала его. Он нуждался в отдыхе хотя бы на несколько часов и ему требовалось побыть недолго одному. Однако уже с середины 30 июня Сталин снова вернулся к государственной деятельности с бесконечными совещаниями, деловыми переговорами по телефону, перепиской. В дальнейшем он проводил почти каждый день войны в своем рабочем кабинете. Отсутствие же Сталина на несколько часов в Кремле Хрущев изобразил как отход от руководства страны в трудные дни 1941 года в течение «долгого времени».

Хрущев объяснял поражения Красной Армии в начале войны и ее отступление не нападением Германии, а дейст-

виями Сталина. Умалчивая о том, что в самые трудные месяцы лета 1941 года, когда многие военачальники проявили растерянность, Сталин взял на себя руководство военными действиями, заняв пост наркома обороны СССР, Верховного Главнокомандующего всеми вооруженными силами страны и возглавив Ставку Верховного главнокомандования. Хрущев уверял, что Сталин только мешал успешному руководству Красной Армией. Вопреки всем последующим воспоминаниям советских военачальников, в которых была дана высокая оценка полководческой деятельности Сталина, Хрущев голословно утверждал: «После начала войны нервность и истеричность, проявленные Сталиным, вмешательство в руководство военными действиями причинили нашей армии серьезный ущерб».

Хотя в последующем были опубликованы приказы, в которых Сталин решительно требовал от военачальников «воевать не числом, а умением», Хрущев заявлял с трибуны съезда: «Сталин вмешивался в проведение операций и издавал приказы, которые не учитывали действительного положения на данном участке фронта и которые не могли привести ни к чему иному, как к огромным людским потерям... Сталин, вместо проведения крупных оперативных маневров, с помощью которых, обойдя противника с флангов можно было прорваться ему в тыл, требовал лобовых атак и захвата одного населенного пункта за другим. Эта тактика стоила нам больших потерь».

В качестве же единственного примера неудачного руководства Сталиным военными действиями Хрущев привел Харьковскую операцию 1942 года. На самом деле наибольшую вину за провал этой операции несли члены Военного совета Юго-Западного фронта Тимошенко и Хрущев. Из этого следовало, что одна из целей доклада состояла в том, чтобы переложить на Сталина вину за собственные ошибки, провалы и преступления. Явно увлекшись собственными фантазиями, Хрущев сказал: «Следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе... Да, товарищи, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта». Вскоре после отставки Хрущева многие военачальники, бывшие свидетелями того, как работал Сталин во время войны, неоднократно опровергали в своих мемуарах это вопиющее измышление.

Особо Хрущев остановился на вопросе о ликвидации ряда автономных образований в годы войны и депортации их населения. Хрущев уверял, что Сталин был инициатором решений о судьбе этих народов. При этом Хрущев игнорировал всю сумму обстоятельств, предопределивших эти жестокие решения. Во-первых, Хрущев игнорировал сведения о сотрудничестве представителей ряда национальностей с немецко-фашистскими войсками. Следует учесть, что доля представителей ряда национальностей, участвовавших в созданных немцами формированиях, достигала 10% от их общей численности. Сведения о радостной встрече оккупантов, об ударах в спину частям Красной Армии, нанесенных отрядами, сформированными из ряда народов СССР, о зверствах по отношению к партизанам и мирному населению, совершенных этими отрядами, были широко известны в нашей стране. Поэтому на суровых мерах по отношению к тем, кто сотрудничал с оккупантами, настаивали многие советские люди.

Во-вторых, как это часто бывает во время войны, в ходе Второй мировой войны СССР была не единственной страной в мире, в которой ненависть к агрессору распространилась и на тех, кого весьма вольно рассматривали как возможных пособников агрессора. По этой причине после начала германского наступления в мае 1940 года во Франции, Бельгии и Великобритании были подвергнуты арестам десятки тысяч иностранцев, которые вызывали подозрения «бдительных граждан». При этом немало людей погибло в ходе внесудебных расправ. По вздорным обвинениям в пособничестве Японии более 120 тысяч граждан США были брошены в концентрационные лагеря в феврале 1942 года. Их единственной виной было то, что их отцы или дедушки эмигрировали в США из Японии. Впоследствии невиновность этих людей была доказана. Однако ни в США, ни в странах Западной Европы никто не стал осуждать Рузвельта, Черчилля и других руководителей этих стран в осуществлении жестоких репрессий.

Разумеется, решения об огульном осуждении целых народов СССР игнорировали тот факт, что большинство представителей этих национальных групп не сотрудничало с немецко-фашистскими оккупантами. Кроме того, немало представителей репрессированных народов геройски сража-

лись в рядах Красной Армии и заслуженно получили боевые награды. Однако несправедливость этих решений не была замечена подавляющим большинством советского общества в обстановке тяжелой войны, в ходе которой суд был нередко скор, суров и не всегда справедлив. Да и после войны мало кто сомневался в справедливости этих решений.

Хрущев утверждал: «Не только марксист-ленинец, но и просто ни один здравомыслящий человек не поймет, как можно обвинять в изменнической деятельности целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев; как можно применять против них массовые репрессии, обрекать их на бедствия и страдания за враждебные акты отдельных лиц или групп». При этом Хрущев игнорировал то обстоятельство, что факт ликвидации автономных республик и областей был известен всем в СССР, включая «марксистов-ленинцев», но никаких свидетельств неодобрения этих решений не было. Вопреки утверждению Хрущева, Сталин не был инициатором решения о ликвидации автономных образований и депортаций народов, хотя и поддержал предложенные жестокие меры, отвечавшие господствовавшим в обществе настроениям.

Кроме того, в своем докладе Хрущев перечислил лишь те автономные образования, которые были восстановлены в 1956 году. Он умолчал о судьбе автономных республик Крыма и Немцев Поволжья. Народы этих республик, а также высланные из Грузии турки-месхетинцы продолжали проживать в местах, куда их сослали во время войны, и, очевидно, это не волновало ни «марксистов-ленинцев», ни «здравомыслящих людей», ни самого Хрущева.

Перейдя к разбору деятельности Сталина в послевоенные годы, Хрущев уверял, что в то время как «страна переживала период послевоенного энтузиазма... Сталин стал еще более капризным, раздражительным и жестоким; в особенности возросла его подозрительность. Его мания преследования стала принимать невероятные размеры. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще более оторвался от коллектива. Он все решал один, не обращал внимания ни кого и ни на что». На самом деле в эти годы болезненное состояние Сталина не позволяло ему заниматься делами столь активно, как прежде, и с февраля 1951 года он даже передоверил подписание

правительственных документов троице в составе Маленкова, Берии и Булганина.

Хрущев взвалил целиком на Сталина ответственность и за так называемое «ленинградское дело». Впоследствии из мемуаров высших государственных деятелей стало ясно, что возникновение «ленинградского дела» стало результатом борьбы за власть между двумя группировками в верхах страны — «ленинградской» в составе: А.А. Жданова, Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова и других, и группы в составе: Г.М. Маленкова, Л.П. Берии, Н.С. Хрущева. Так как в 1948 году Сталин высказал мнение, что А.А. Кузнецов может возглавить партийный аппарат, а Н.А. Вознесенский — Совет Министров, то группа Маленкова — Берии — Хрущева стала делать все возможное, чтобы избавиться от конкурентов. 31 августа 1948 года внезапно умер А.А. Жданов. Вскоре Н.А. Вознесенский был уличен в подтасовке сведений о выполнении пятилетнего плана, а А.А. Кузнецов был обвинен в фальсификации данных о выборах на ленинградской партийной конференции. Так как Сталин терял доверие к тем, кто прибегал к обману, то он резко изменил отношение к двум видным лидерам «ленинградской» группы. Этим воспользовались участники группы Маленкова, которые, опираясь на министра госбезопасности Абакумова, представили сфабрикованные данные о заговоре Вознесенского, Кузнецова и других с целью противопоставления правительства РСФСР союзному правительству.

Снимая с себя ответственность за осуждение Вознесенского и других, Хрущев заявлял в своем докладе: «Большинство членов Политбюро в это время не знали всех обстоятельств этого дела и не могли вмешаться». Позже в своих мемуарах Хрущев вскользь признал свою вину в «ленинградском деле»: «Допускаю, что в следственных материалах по нему может иметься среди других и моя подпись». П.А. Судоплатов же исходил из того, что Хрущев был одним из инициаторов «ленинградского дела». Он писал: «Мотивы, заставившие Маленкова, Берию и Хрущева уничтожить ленинградскую группировку, были ясны: усилить свою власть. Они боялись, что молодая ленинградская команда придет на смену Сталину».

Особое внимание Хрущев уделил конфликту с Югославией. Уходя от разбора подлинных причин этого конфликта,

Хрущев заявлял: «Сталин в этом играл постыдную роль». Он уверял, что в этом конфликте проявилась «сталинская мания величия». В доказательство Хрущев приводил фразу, которую якобы сказал Сталин: «Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет». Затем Хрущев высмеивал эту выдуманную им же фразу.

На деле конфликт между руководством СССР и Югославии был порожден значительно более глубокими причинами, а отнюдь не своеволием Сталина. Разногласия между Югославией и СССР были первоначально вызваны опасениями Советского правительства, что ряд действий югославского правительства мог дестабилизировать обстановку на Балканах и спровоцировать военный конфликт, особенно опасный в условиях, когда США обладали атомной монополией и планировали ядерное нападение на СССР и его союзников. К тому же в это время внутри югославской компартии развернулась острая идейно-политическая борьба. Некоторые члены югославского руководства (Жуйович, Хебранг и другие) обвиняли Тито и его соратников в национализме. Они же информировали советское посольство о недружественной позиции Тито и его сторонников по отношению к СССР. Позиция Жуйовича и Хебранга пользовалась заметной поддержкой в югославской компартии. Впоследствии свыше 55 тысяч их сторонников (то есть около 12% всех коммунистов страны) были исключены из партии, а 16 312 из них были арестованы и заключены в специальные лагеря. Поэтому свалить на Сталина всю вину за создание конфликта с Югославией было нелепо.

Уходя от упоминания важнейших обстоятельств, связанных с противоречиями в создававшемся после 1945 года социалистическом лагере, «холодной войной», развязанной США и их союзниками, трудностями восстановления народного хозяйства, разоренного гитлеровским нашествием, Хрущев сваливал все проблемы послевоенного развития на Сталина. По Хрущеву получалось, что следствием пребывания Сталина у власти стало экономическое и научно-техническое отставание страны. Хрущев уверял: «Мы не должны забывать, что из-за многочисленных арестов партийных, советских и хозяйственных деятелей многие трудящиеся стали работать неуверенно, проявляли чрезмерную осторожность, стали бояться всех новшеств, боять-

ся своей собственной тени, проявлять меньше инициативы в своей работе». На самом деле в эти годы советские люди успешно осваивали новую технику и активно применяли новаторство. Вследствие этого хозяйство страны развивалось темпами невиданными ни прежде, ни после этих лет.

Хрущев обвинял Сталина в незнании жизни. Он заявлял: «Он знал страну и сельское хозяйство только по кинокартинам. А эти кинокартины приукрашивали положение в сельском хозяйстве». Между тем многочисленные свидетельства очевидцев показывали, что Сталин отличался тем, что по любому обсуждавшемуся в правительстве вопросу тщательно собирал достоверную информацию, беседовал с лучшими специалистами в данной области, сопоставлял их мнения в свободной дискуссии, старался получить наиболее реалистичное впечатление.

Подвергнув критике в конце своего доклада «Краткую биографию Сталина», «Краткий курс истории ВКП(б)», памятники, сооруженные в честь Сталина, а также слова в «Гимне Советского Союза» о Сталине, Хрущев призвал «по-большевистски осудить и искоренить культ личности, как чуждый марксизму-ленинизму». (Следствием доклада Хрущева стало запрещение исполнения текста «Гимна Советского Союза», который стали называть «Песней без слов».) Одновременно Хрущев потребовал «восстановить полностью ленинские принципы советской социалистической демократии, выраженные в Конституции СССР». При этом Хрущев не упоминал о том, что текст Конституции СССР был тщательно отредактирован Сталиным и содержал многие положения, написанные им лично.

Вспоминая это заседание партийного съезда, Н.К. Байбаков писал о шоке, который испытали первые слушатели доклада Хрущева: «Хорошо помню и свидетельствую, что не было тогда в зале ни одного человека, которого этот доклад не потряс, не оглушил своей жестокой прямотой, ужасом перечисляемых фактов и деяний. Для многих это все стало испытанием их веры в коммунистические идеалы, в смысл всей жизни. Делегаты, казалось, застыли в каком-то тяжелом оцепенении, иные, потупив глаза, словно слова хрущевских обвинений касались и их, другие, не отрывая недвижного взгляда от докладчика. С высокой трибуны падали в зал страшные слова о массовых репрессиях и произ-

воле власти по вине Сталина, который был великим в умах и сердцах многих из сидящих в этом потрясенном зале».

«И все же, — замечал Байбаков, — что-то смутно настораживало — особенно какая-то неестественная, срывающаяся на выкрик нота, что-то личное, необъяснимая передержка. Вот Хрущев, тяжело дыша, выпил воды из стакана, воспаленный, решительный. Пауза. А в зале все так же тихо, и в этой гнетущей тишине он продолжил читать свой доклад уже о том, как Сталин обращался со своими соратниками по партии, о Микояне, о Д. Бедном. Факты замельчили, утрачивая значимость и остроту. Разговор уже шел во многом не о культе личности, а просто о личности Сталина в жизни и быту. Видно было, что докладчик целеустремленно «снижает» человеческий облик вождя, которого сам недавно восхвалял. Изображаемый Хрущевым Сталин все же никак не совмещался с тем живым образом, который мне ясно помнился. Сталин самодурствовал, не признавал чужих мнений? Изощренно издевался? Это не так. Был Сталин некомпетентен в военных вопросах, руководил операциями на фронтах «по глобусу»?

«И опять — очевидная и грубая неправда. Человек, проштудировавший сотни и сотни книг по истории, военному искусству, державший в памяти планы и схемы почти всех операций прошедшей войны? Зачем же всем этим домыслам, личным оценкам соседствовать с горькой правдой, с истинной нашей болью? Да разве можно ли в наших бедах взять и все свалить только на Сталина, на него одного? Выходила какая-то густо подчерненная правда. А где были в это время члены Политбюро, ЦК, сам Н.С. Хрущев? Так зачем возводить в том же масштабе культ — только уже «антивождя»? Человек, возглавлявший страну, построивший великое государство, не мог быть сознательным его губителем. Понятно, что, как всякий человек, он не мог не делать ошибки и мог принимать неправильные решения. Никто не застрахован от этого... В сарказме Хрущева сквозила нескрываемая личная ненависть к Сталину. Невольно возникала мысль — это не что иное, как месть Сталину за вынужденное многолетнее подобострастие перед ним. Так, в полном смятении думал я тогда, слушая хрущевские разоблачения».

Не дав потрясенным делегатам возможности обсудить доклад, Хрущев объявил небольшой перерыв. После пере-

рыва он продолжил председательствовать. Возможно, он был готов лично остановить любые попытки начать обсуждение доклада. Сразу же после возобновления заседания Хрущев поставил на голосование резолюции съезда, которые были приняты единогласно. Была принята единогласно и короткая резолюция, которую было принято рассматривать, как одобрение закрытого доклада Хрущева. В ней указывалось о необходимости «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности» и говорилось, что съезд «одобряет положения доклада». (Обращая внимание на последнюю фразу, Виктор Трушков в своей статье в «Правде» от 10–13 февраля 2006 года справедливо замечал: «Значение этих слов не следует преувеличивать. Во-первых, потому, что сам доклад был доведен до сведения партии значительно позже. Во-вторых, по тексту постановления неясно, о каком докладе идет речь, так как одобрялись «положения доклада Центрального Комитета», а, как сегодня точно известно, доклад «О культе личности и его последствиях», прочитанный Н. Хрущевым на съезде 25 февраля 1956 года, Пленум ЦК не заслушивал и не одобрял».)

Был оглашен и новый состав ЦК КПСС. Известный американский советолог Джерри Хаф позже писал: «Среди членов Центрального комитета более трети—54 из 133 — и более половины кандидатов—76 из 122 — были избраны впервые. Во многих случаях можно увидеть, что эти люди были ранее связаны с Хрущевым. Более 45 процентов из вновь избранных работали на Украине, были на Сталинградском фронте, работали в Москве под непосредственным руководством Хрущева».

В заключение заседания Хрущев сказал: «Товарищи! Все вопросы, которые стояли на повестке дня XX партийного съезда, исчерпаны. Разрешите объявить XX съезд Коммунистической партии Советского Союза закрытым». Впервые в истории партии основной докладчик сам открывал и сам закрывал съезд партии. Фактически же Хрущев закрывал для объективного изучения почти тридцатилетний период, предшествовавший его приходу к власти. Вскоре этот период был объявлен «периодом культа личности» и стал изображаться как самое беспросветное время в советской истории.

Несмотря на то что в конце доклада Хрущев говорил о

том, что «у Сталина несомненно были большие заслуги перед партией, перед рабочим классом и перед международным рабочим движением», все остальное содержание доклада характеризовало Сталина как маниакального тирана и некомпетентного правителя. Такое изображение Сталина игнорировало исторический контекст описываемых событий и было откровенно лживым.

Встав на путь очернения Сталина, Хрущев подменил историческую правду мифическим вымыслом. Как и во всяком мифе, в докладе отражались многие реальные события, но им были даны искаженные объяснения, не имевшие ничего общего ни с исторической правдой, ни с законами общественного развития. Осуждая культ личности Сталина, Хрущев в то же время постоянно прибегал к использованию мифологизированных представлений, сложившихся в сознании советских людей. По сути, Хрущев лишь перевернул мифологизированные черты, приписываемые Сталину восторженным общественным мнением, превратив его из полубога в дьявольское существо.

Использовал Хрущев мифологизированные представления и для характеристики тех, кто принадлежал к первым поколениям партийцев и кто до сих пор составлял большинство в Президиуме ЦК. К тому времени несколько поколений советских людей были воспитаны на безграничном уважении к «старым большевикам», которое во многом опиралось на мифологизированные представления о дореволюционной подпольной работе и Гражданской войне. Поэтому, когда персонаж повести Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика» пожелал, чтобы юный Сергей Щербачев доверился уголовнику, сбежавшему из лагеря, он уверял, что тот — «старый партизан-чапаевец», «политкаторжанин», «много в жизни пострадал», «звенел кандалами и взвивал чапаевскую саблю... а когда нужно, то шел, не содрогаясь, на эшафот».

В таком же стиле Хрущев описывал репрессированных лиц, которые, по его выражению, «страдали и сражались за интересы партии и на фронтах Гражданской войны... храбро сражались против врагов и часто бесстрашно смотрели в глаза смерти». Когда Хрущев говорил о том, что «восемьдесят процентов участников XVII съезда, имевших право решающего голоса, вступили в партию в годы подполья, перед революцией и во время Гражданской войны», предполага-

лось, что эти сведения служат надежнейшими характеристиками честности и порядочности этих людей. При этом Хрущев умалчивал, что многие из этих людей были организаторами бесчеловечных расправ с крестьянами в начале 30-х годов, а затем способствовали развязыванию репрессий 1937–1938 годов, от которых они же впоследствии пострадали. Однако использование мифологизированных представлений о героях Гражданской войны не позволяло сомневаться в их невиновности.

Обращаясь к представителям партийной номенклатуры, Хрущев напоминал не только о революционных заслугах репрессированных лиц, но и об их высоком положении в партийной иерархии. Он так их представлял слушателям: «Рудзутак, кандидат Политбюро, член партии с 1905 года, человек, который провел 10 лет на царской каторге», «бывший кандидат в Политбюро, один из виднейших работников партии и советского правительства, товарищ Эйхе», «секретарь Свердловского областного комитета партии, член ЦК ВКП(б) Кабаков, член партии с 1914 года». Сообщив о том, что «с 1954 года по настоящее время Военная коллегия Верховного суда реабилитировала 7679 человек, и многие из них были реабилитированы посмертно», Хрущев обращал внимание, прежде всего, на представителей партийной номенклатуры. Скорее всего, Хрущев умышленно занижал в несколько раз цифры жертв репрессий, так как, узнав подлинное количество репрессированных, слушатели доклада могли бы поставить вопрос о том, что Сталин физически не мог контролировать аресты и расстрелы сотен тысяч людей. Люди могли бы попытаться выяснить, кто же на местах отдавал распоряжения об арестах и расстрелах.

Хрущев опирался и на мифологизированные представления о рабочем классе страны и советском народе, исключавшие возможность того, что люди из народа могут заниматься клеветническими доносами, что такие люди могут, добиваясь признания от арестованных по ложным обвинениям, прибегать к пыткам и издевательствам. Хрущев ни слова не говорил о том, что жертвы репрессий многократно умножились из-за желания различных людей свести счеты со своими противниками или конкурентами. Он не желал пускаться в анализ сложных и противоречивых социаль-

ных процессов, породивших массовую шпиономанию. Он умалчивал о том, что междоусобная борьба в руководстве в середине 30-х годов была развязана такими руководителями, какими были Хрущев, Эйхе и другие, а жертвами этой борьбы стали их коллеги (а нередко и они сами), а также многие люди, не занимавшие высоких должностей.

Зато, учитывая, что первые слушатели его доклада были делегатами партийного съезда, Хрущев привел данные о том, что было арестовано 70% всех делегатов XVII съезда партии и членов ЦК, избранных на этом съезде. Таким образом, он пугал присутствовавших ужасами, которые им пришлось бы пережить, если бы они были делегатами XVII, а не XX съезда.

В то же время миф Хрущева служил ему для сугубо практических целей. Во-первых, с помощью доклада, в котором впервые было столько сказано о незаконных репрессиях, Хрущев отводил от себя подозрения в том, что он лично ответственен за гибель и пребывание в заключении многих невиновных людей. Во-вторых, своим докладом Хрущев провозглашал, что лишь благодаря ему страна освободилась от произвола и параноидального страха, некомпетентности и застоя. Постоянно напоминая делегатам съезда о репрессиях прошлого, от которых пострадали многие партийные деятели, Хрущев давал им понять, что его пребывание у власти служит гарантией от предотвращения беззаконий. Своим решительным осуждением Сталина за то, что с его санкции арестовывали и судили членов и кандидатов в члены Политбюро, членов ЦК, делегатов съезда, Хрущев давал понять представителям партийной номенклатуры, что теперь никакие судебные преследования им не страшны. Он давал гарантию своим выдвиженцам и другим участникам съезда, что он берет их под свою защиту. Фактически с этого времени Хрущев ввел «принцип ненаказуемости» партийных верхов. В-третьих, исключая Сталина из перечня великих вождей мирового коммунизма, Хрущев освободил место, которое сам собирался занять по мере того, как стал создаваться культ личности Хрущева. Так доклад Хрущева стал его мощным инструментом для укрепления своей власти и собственного возвышения.

Справедливо обвиненный в последующем в субъекти-

визме и волюнтаризме, Хрущев, видимо, не принял во внимание возможных общественных последствий своего доклада. Обвинив Сталина во всех мыслимых и немыслимых беззакониях и ошибках, Хрущев не только оклеветал покойного генералиссимуса, но и возложил на возглавлявшиеся им Советское правительство, Коммунистическую партию, всю страну, а фактически и на весь народ, которым руководил Сталин, ответственность за все беды и трагедии прошедших десятилетий. Благодаря этому миф, созданный Хрущевым из смеси правдивых фактов с многочисленными искажениями исторической правды и логики, стал разрушительным средством огромной мощности и нанес немалый урон нашей стране и ее союзникам. Его разрушительность возросла еще и потому, что миф XX съезда оказался одним из наиболее живучих мифов XX столетия и дожил до XXI века.

Превратив тему о Сталине в предмет, не требовавший учета исторических реалий, Хрущев не только опошлял Сталина, но и снижал рассуждения о советской истории на обывательский уровень. На этом уровне положения доклада обретали доступность для самой невзыскательной публики, а поэтому и живучесть.

Глава 6
ОТТЕПЕЛЬ ОБОРАЧИВАЕТСЯ ПОЛОВОДЬЕМ

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», зачитанный им на закрытом заседании XX съезда КПСС, на первых порах был известен лишь его делегатам. Но вскоре было решено ознакомить с его содержанием членов партии, а также многих комсомольцев. А затем доклад попал в распоряжение средств массовой информации Запада, был ими широко растиражирован и соответствующим образом откомментирован. Так началось шествие по стране, а затем и по всей планете доклада, в котором под предлогом критики «культа личности» была вопиющим образом искажена личность Сталина, его деятельность, а также значительная часть советской истории.

Так как почти все советские люди знакомились с докла-

дом, воспринимая его на слух, они не имели возможности внимательно проанализировать аргументы Хрущева, а поэтому увидеть их очевидные логические натяжки, передержки, а то и откровенную ложь. Некритическому восприятию доклада способствовала и существовавшая тогда высокая степень доверия к слову, исходившему от руководства страны. А ведь доклад был представлен от имени ЦК КПСС, зачитан его Первым секретарем и содержал ловко подобранные высказывания В.И. Ленина (правда, весьма вольно прокомментированные Н.С. Хрущевым). Создавалось впечатление, что руководство страны решило поделиться с рядовыми членами партии и ВЛКСМ давно и тщательно хранимыми государственными тайнами.

Хрущев говорил просто и доходчиво. Он постоянно перемежал свой рассказ личными воспоминаниями, которые красочно излагал. Хрущев говорил как очевидец событий, о которых до него никто никогда не свидетельствовал. Впервые советские люди получали широкий доступ к информации о том, что делалось в кремлевском кабинете Сталина. Несмотря на то, что в стране много раз произносилось имя Сталина, а также слова «Советское правительство», «руководство партии», советские люди имели скудные и туманные сведения о том, как работали высшие руководители страны. Поразительным образом, но в СССР впечатления от общения со Сталиным чаще публиковались в книгах, написанных иностранными наблюдателями, такими, как Анри Барбюс, Лион Фейхтвангер и Эллиот Рузвельт. Предметы, о которых не было принято говорить или освещались лишь «дозированно» в редких публикациях, стали главными темами доклада Хрущева: как принимались решения в Кремле, личное поведение Сталина. Докладчик то и дело обращался к некоторым из делегатов съезда, которые якобы могли подтвердить сказанное им. И хотя они не получали слова, создавалось впечатление, что они могли бы дополнить докладчика множеством других ярких примеров.

Многих подкупало и то, что докладчик предлагал простые объяснения для многих трагичных событий прошлого, о которых знали советские люди (репрессии, поражения первых лет войны), и текущих проблем советского общества.

Наконец, трагический пафос доклада заставлял слушателей подавлять возможные сомнения в его правдивости. Док-

ладчик приводил страшные свидетельства об истязаниях людей и письма тех, кто испытал жестокие пытки. Эти трагические истории не могли не вызывать сочувствия и волнения слушателей. Хрущев создавал впечатление, что ему больно говорить о мрачных страницах советской истории, и это лишь усиливало ощущение того, что он – искренен и откровенен.

В то же время, несмотря на трагичность того, о чем говорил Хрущев, для многих доклад отвечал оптимистическим представлениям о постоянном прогрессе советского общества. Доклад вписывался в канву решений советского правительства по улучшению жизни советских людей. Казалось, что программы быстрого подъема сельского хозяйства, производства потребительских товаров, роста жилищного строительства, а также инициативы СССР, направленные на разрядку международной напряженности, свидетельствовали о возможности быстро решить давно назревшие вопросы, которые по непонятным причинам долго не решались. Многим казалось, что руководство страны во главе с Хрущевым, осуществляя всевозможные нововведения, сможет быстро улучшить их жизнь. Этому оптимистическому настроению отвечало и решительное осуждение былых беззаконий, начавшееся с освобождения кремлевских врачей и продолженное после ареста Берии и других. Как бы горько ни было многим людям принять жестокое осуждение Сталина, для них доклад отвечал представлениям о торжестве правды над неправдой, добра над злом. В своих воспоминаниях будущий Председатель Совета Министров СССР Н.А. Рыжков писал: «В 56-м году состоялся XX съезд, и я впервые душой услышал партию. И голос ее прозвучал так громко, так честно, с такой болью и откровенностью, что я не счел для себя возможным оставаться по-прежнему сам по себе. В декабре 56-го года меня приняли в КПСС». Можно поверить и словам Рыжкова, утверждавшего, что он был не один с такими настроениями и «достаточно велик был «призыв XX съезда».

Позже послесъездовский период стали называть «оттепелью» по названию повести Ильи Эренбурга, первая часть которой была опубликована за два года до XX съезда в мартовском номере журнала «Новый мир» за 1954 год. Название повести показалось созвучным позитивному восприятию XX съезда как события, положившего конец «замороженному» состоянию советского общества. Положительный герой по-

вести «новатор» Соколовский, обличая «консервативного» директора завода Журавлева, так размышлял о судьбах страны: «Нужны другие люди... Романтики нужны. Слишком крутой подъем, воздух редкий, гнилые легкие не выдерживают... Просвещать мало, нужно воспитывать чувства... Мы много занимались одной половиной человека, а другая стоит невозделанная». Туманные фразы о «романтиках», людях, способных выдержать «крутой подъем» и призванных стать воспитателями чувств, захватывали воображение части интеллигенции и впоследствии породили миф о «детях XX съезда», которые принялись смело «возделывать» советских людей.

Однако далеко не у всех в Советской стране отношение к докладу Хрущева было однозначно положительным. Несмотря на то, что уже почти три года в печати критиковался культ личности в истории, и привычные до тех пор восхваления Сталина стали редкими, уважение и любовь к Сталину сохранялись. Повсюду можно было увидеть статуи и портреты покойного вождя. Советские люди помнили, как три года назад они со слезами на глазах провожали Сталина в последний путь. Ведь жизнь целых поколений была связана со Сталиным и верой в него.

Судя по реакции моих сверстников и сверстниц, я видел, что для многих из них доклад Хрущева стал настоящим шоком. Я помню, с каким трудом преодолевал и непривычные фамилии, и собственное волнение, вызванное чтением душераздирающих писем смертников, член бюро комсомольской организации нашего курса Юрий Фокин, который, по поручению институтского парткома, зачитывал нам доклад Хрущева. Доклад ставил перед нами почти неразрешимую моральную задачу. Мы еще помнили прием в пионеры и наше «торжественное обещание», в котором клялись «быть верным делу Ленина — Сталина». Всего 4—5 лет назад, вступая в комсомол, мы писали в своих заявлениях о желании быть верными борцами за дело Ленина — Сталина. Теперь Хрущев фактически предлагал нам стать дважды клятвопреступниками. Фактически Хрущев убеждал нас в том, что наше восхищение Сталиным было необоснованным, наша печаль по поводу его кончины — напрасной. Все, что мы знали с детства о Сталине, оказывалось вздором. Поверить Хрущеву означало отвергнуть то, к

чему с детства привык относиться как к святыне. Не поверить ему означало стать бунтарем против существующего правительства.

И все же потрясение, которое испытывали те, кому было 18—20 лет, не шло ни в какое сравнение с чувствами людей, переживших значительную часть своей сознательной жизни с верой в Сталина. Многие из них не раз рисковали своей жизнью, терпели тяжелейшие лишения и страдания, веря в мудрость Сталина. С его именем шли на бой и его слова воспринимались как приказы, которых немыслимо было ослушаться. Система ценностей, в которой они были воспитаны при Сталине, требовала беспрекословного выполнения приказа партии. На сей раз партия, которую привыкли называть партией Ленина — Сталина, отдавала, казалось, немыслимый приказ — отречься от Сталина.

Осознав смысл содержания доклада, многие люди возмущались Хрущевым. Развенчание Сталина, имя которого было связано у миллионов советских людей с самым дорогим, было сделано Хрущевым столь грубо, что не могло не оскорбить их чувств. В Грузии, где доклад Хрущева был воспринят, помимо прочего, и как посягательство на память великого сына грузинского народа, произошли массовые митинги и демонстрации в защиту Сталина, которые усмиряли вооруженные силы. Десятки человек были убиты, сотни — ранены.

Хотя в других городах страны подобных выступлений не было, неприятие доклада Хрущева выразилось в ходе первомайских торжеств, когда повсеместно в праздничных колоннах несли портреты Сталина. То же самое происходило и на Красной площади. Демонстранты проходили под трибуной Мавзолея Ленина — Сталина, на которой стояли Хрущев и другие руководители, держа в руках знамена с изображениями Сталина. Эти проявления любви к Сталину до крайней степени раздражали Хрущева. На приеме, состоявшемся 1 мая 1956 года, Хрущев произнес тосты, в которых яростно атаковал Сталина.

В это время многие советские люди, оказавшись перед выбором, кому верить: Сталину или Хрущеву, отказывались теперь верить любым руководителям страны. Доклад Хрущева усилил настроения цинизма и неверия, дал мощный импульс процессам моральной и идейной эрозии советского

общества. Этим активно воспользовалась западная пропаганда, которая велась против нашей страны. Теперь западные радиоголоса вызывали больше доверия, поскольку они могли утверждать, что Хрущев, в сущности, повторил многие из обвинений, которые они выдвигали против советской власти с первых же лет «холодной войны».

Особенно усилилось влияние западной пропаганды на социалистические страны Европы. Авторы радиопередач указывали на то, что руководители этих стран были поставлены у власти Сталиным, а существовавшие там порядки мало чем отличаются от тех, что были установлены при Сталине в СССР. Начиная с весны 1956 года началось брожение в этих странах, особенно в Польше и Венгрии. В Будапеште в литературном клубе Петефи зазвучали призывы к смене правительства. 28 июня 1956 года требования перемен привели к волнениям в Познани, сопровождавшимся столкновениями с полицией.

Доклад Хрущева подорвал политические позиции многих руководителей коммунистических партий земного шара. Они должны были дать объяснения рядовым коммунистам, почему они прежде прославляли Сталина, а теперь стали обвинять его во всевозможных грехах. В этих условиях некоторые из них, как, например, руководитель мощной Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, старались отмежеваться от советского руководства. Тольятти ставил вопрос о «некоторых формах перерождения» советского общества. Руководство же Коммунистической партии Китая, на словах поддержав критику Сталина, на деле было крайне недовольно докладом Хрущева.

Неоднозначная реакция международного коммунистического движения, брожение в социалистических странах Европы, события в Грузии, вторичный провал попыток вернуть Югославию в социалистический лагерь в ходе визита Тито в СССР в июне 1956 года заставили руководство страны искать ответы на проблемы, порожденные докладом Хрущева. 30 июня 1956 года было опубликовано постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», в котором, в отличие от доклада Хрущева, не говорилось о негативных чертах характера Сталина, как первопричине беззаконных репрессий. Вместо этого на первый план выступило традиционное для коммунистов всех стран объяснение: Ста-

лин допустил отступления от марксизма-ленинизма. В постановлении вновь приводились слова Карла Маркса, обращенные к Вильгельму Блосу. (И это лишь свидетельствовало о том, что основоположники марксизма не занимались глубоко вопросом о роли личности в истории.)

Указывалось, что «Сталин повинен во многих беззакониях, которые совершались особенно в последний период его жизни». Однако это обвинение в адрес Сталина существенно смягчалось следовавшим за ним заявлением о том, что «советские люди знали Сталина, как человека, который выступает всегда в защиту СССР от происков врагов, борется за дело социализма». Подводя итог этим противоречивым рассуждениям, авторы постановления делали вывод: «В этом состояла трагедия Сталина. Но все это вместе с тем затрудняло и борьбу против совершавшихся тогда беззаконий, ибо успехи строительства социализма, укрепления СССР в обстановке культа личности приписывались Сталину». В постановлении подчеркивалось, что успехи, достигнутые Советской страной, «создавали такую атмосферу, когда отдельные ошибки и недостатки казались на фоне громадных успехов менее значительными, а отрицательные последствия этих ошибок быстро возмещались колоссально нараставшими жизненными силами партии и советского общества».

Постановление, построенное на туманных, противоречивых аргументах, не смогло остановить центробежных сил, развязанных реакцией на доклад Хрущева. Резкое обострение польско-советских отношений в октябре 1956 года после избрания нового руководства польских коммунистов во главе с В. Гомулкой, восстание в Венгрии, едва не приведшее к развязыванию войны в Европе, показали, что следствием «десталинизации», развернутой Хрущевым, стал тяжелый кризис в социалистическом лагере. Пытаясь спасти положение, Хрущев совершил в конце октября — начале ноября 1956 года молниеносные визиты в социалистические страны. В ходе своих переговоров с Тито Хрущев был явно растерян. Он говорил: «Люди будут говорить, что пока был Сталин, все слушались, не было никаких потрясений, а сейчас, после того, как «они» пришли к власти, Россия потерпела поражение и потеряла Венгрию».

Для многих людей становилось ясно, что гибель венгров

и советских людей в ходе подавления венгерского восстания 1956 года — это прямое следствие доклада Хрущева и его взбалмошных, непродуманных действий. Следствием же волнений в Венгрии и Польше стали усилия СССР по оказанию срочной экономической помощи этим странам. На эти цели было выделено не менее миллиарда долларов. При этом на такую же сумму была сокращена советская помощь Китаю, что не могло не вызвать раздражения правительства этой страны. В середине 1957 года руководители Китая объявили о необходимости «полагаться на собственные силы», не рассчитывая на помощь «других стран». И в этом также проявлялись последствия доклада Хрущева.

Кажется, что Хрущев осознал опасные последствия своего доклада. В своих мемуарах Хрущев писал: «Решаясь на приход оттепели и идя на нее сознательно, руководство СССР, в их числе и я, одновременно побаивались ее: как бы из-за нее не наступило половодье, которое захлестнет нас и с которым нам будет трудно справиться... Мы боялись лишиться прежних возможностей управления страной, сдерживая рост настроений, неугодных с точки зрения руководства. Не то пошел бы такой вал, который бы все снес на своем пути».

Глава 7
ЗИГЗАГИ ХРУЩЕВА В ОЦЕНКАХ СТАЛИНА

Вскоре Хрущев начал фактически отрекаться от положений антисталинского доклада. Во время приема в китайском посольстве в честь Чжоу Эньлая 17 января 1957 года Хрущев заявил: «В последнее время на Западе нас обвиняют в том, что мы «сталинисты». В ответ на это мы уже не раз заявляли, что в нашем понимании «сталинист», как и сам Сталин, неотделимы от великого звания коммуниста. Мы критиковали Сталина не за то, что он был плохим коммунистом. Мы критиковали за некоторые отклонения, отрицательные качества и ошибки Сталина... Но, даже совершая ошибки, нарушения законности, Сталин был глубоко убежден в том, что он делает это в интересах защиты завоеваний революции, дела социализма. В этом состояла трагедия Сталина. В основном же, в главном, — а основное и

главное для марксистов-ленинцев это защита интересов рабочего класса, дела социализма, борьба с врагами марксизма-ленинизма, – в этом основном и главном, как говорится, дай Бог, чтобы каждый коммунист умел так бороться, как боролся Сталин. (Бурные аплодисменты).

Противники коммунизма нарочито изобрели слово «сталинист» и пытаются сделать его ругательным. Для всех нас, марксистов-ленинцев, посвятивших свою жизнь революционной борьбе за интересы рабочего класса и его боевого авангарда – ленинской партии, имя Сталина неотделимо от марксизма-ленинизма. Поэтому каждый из нас, членов Коммунистической партии Советского Союза, хочет быть верным делу марксизма-ленинизма, делу борьбы за интересы рабочего класса, так, как был верен этому делу Сталин. (Аплодисменты).

Враги коммунизма пытались ухватиться за нашу критику недостатков и ошибок Сталина, использовать эту критику в своих целях. Они хотели направить критику культа личности Сталина против основ нашего строя, против основ марксизма-ленинизма, но из этого ничего не вышло и не выйдет, господа! Вам не удастся сделать этого, как не удастся увидеть без зеркала ваших ушей! (Аплодисменты.)» Таким образом, Хрущев с опозданием «уравновесил» свою критику Сталина признанием его заслуг, как того и требовали Молотов, Каганович и Ворошилов до зачтения им антисталинского доклада.

О том, что это заявление Хрущева не было лишь данью вежливости китайским руководителям, недовольным кампанией против Сталина, свидетельствовало выступление Хрущева в болгарском посольстве в Москве 18 февраля 1957 года. Опять сказав немного об «ошибках и извращениях, которые связаны с культом личности Сталина», Хрущев заявил: «Сталин, с которым мы работали, был выдающимся революционером. Идя по ленинскому пути, партия разгромила врагов социализма, сплотила весь наш народ и создала могучее социалистическое государство. Советский народ в тяжелой борьбе разгромил гитлеровский фашизм и спас народы от угрозы фашистского порабощения. Эта великая победа была достигнута под руководством нашей партии и ее Центрального Комитета, во главе которого стоял товарищ Сталин. (Аплодисменты.) Сталин преданно

служил интересам рабочего класса, делу марксизма-ленинизма, и мы Сталина врагам не отдадим. (Аплодисменты.)»

Резкие повороты Хрущева в оценках Сталина отражали его неуверенность в своем положении. Некомпетентность Хрущева как руководителя становилась все более очевидной. Пытаясь решить разом многочисленные проблемы страны, он лишь мешал осуществлению уже принятых программ развития народного хозяйства. Сложившийся при Сталине пятилетний ритм экономического развития был нарушен. Пятилетний план, принятый на XX съезде партии, оказался под угрозой срыва. Хрущев решил, что корень зла в чрезмерной централизации экономики, и выдвинул предложение о создании множества совнархозов на местах, в руки которых он решил передать контроль над производством. Радикализм такой реформы вызвал серьезные возражения со стороны многих министров СССР и членов Президиума ЦК. Однако Хрущев грубо обрывал критические выступления против его реформы.

Обострение борьбы в руководстве страны достигло крайней точки на заседании Президиума ЦК 19 июня 1957 года, когда против Хрущева выступили Булганин, Ворошилов, Молотов, Маленков, Каганович, Первухин, Сабуров, Шепилов. Хрущев большинством голосов был снят с поста Первого секретаря ЦК. Однако на стороне Хрущева выступил Жуков, который угрожал обратиться за помощью к армии. На самолетах ВВС в Москву со всех концов страны срочно перебрасывали сторонников Хрущева на Пленум ЦК. Хрущев добился того, что на Пленуме ЦК он сумел сплотить вокруг себя подавляющее большинство. Попытки Маленкова, Молотова, Кагановича и других убедить членов ЦК в том, что Хрущев не способен к руководству великой страной и его надо убрать, провалились. Им не давали говорить, прерывали оскорбительными замечаниями. Разбор деловых качеств Хрущева был подменен обвинениями в репрессиях, которые бросали участники пленума в адрес Молотова, Маленкова, Кагановича.

Июньский Пленум ЦК завершился объявлением Молотова, Кагановича, Маленкова и «примкнувшего к ним Шепилова» «антипартийной группой» и исключением их, а также Сабурова и Первухина из членов Президиума ЦК. (Позже по обвинению в участии в «антипартийной группе»

были изгнаны из руководства также Н.А. Булганин и К.Е. Ворошилов.)

Однако неожиданным следствием июньских событий для Хрущева стало усиление позиций Жукова. В октябре 1957 года Хрущев настоял на отъезде Жукова в Югославию и Албанию. В отсутствие маршала на Президиуме ЦК был поставлен вопрос о неверном отношении Жукова к роли партии в вооруженных силах. На состоявшемся 28 октября Пленуме ЦК выступил с докладом секретарь ЦК М.А. Суслов. Он, в частности, заявил: «Культа Сталина нет, зато всячески возвеличивается Жуков». Жуков был снят с поста министра обороны, а также выведен из состава Президиума ЦК и ЦК КПСС.

Избавившись от наиболее сильных своих политических противников, Хрущев не стал менять своих оценок Сталина, которых он стал придерживаться с начала 1957 года. Выступая 6 ноября на юбилейной сессии Верховного Совета СССР, посвященной 40-летию Октября, в недавно открытом Дворце спорта в Лужниках (в ней приняли участие делегации социалистических стран и коммунистических партий во главе с Мао Цзэдуном, Гомулкой, Ульбрихтом, Кадаром и другими), Хрущев в пространном докладе охарактеризовал исторический путь, пройденный Советской страной с 1917 года. Положительно оценив XX съезд за то, что он «подверг принципиальной критике ошибки, связанные с культом личности И.В. Сталина, и наметил меры по преодолению культа личности», Хрущев заявил: «Но мы не можем согласиться с теми, кто пытается использовать критику культа личности для нападок на социалистический строй, на Коммунистическую партию. Критикуя неправильные стороны деятельности Сталина, партия борется и будет бороться со всеми, кто будет клеветать на Сталина, кто под видом критики культа личности неправильно, извращенно изображает весь исторический период деятельности нашей партии, когда во главе Центрального комитета был И.В. Сталин. (Продолжительные аплодисменты.) Как преданный марксист-ленинец и стойкий революционер Сталин займет должное место в истории. Наша партия и советский народ будут помнить Сталина и воздавать ему должное. (Продолжительные аплодисменты.)»

Хрущев защищал не только Сталина, но и «сталини-

стов». «Некоторые «критики», — продолжал Хрущев, — всячески пытаются опорочить этот период борьбы нашей партии, опорочить столбовую дорогу, которую проложила Советская страна в борьбе за социализм. Они называют верных ленинизму деятелей, которые не щадя своих сил боролись и борются за интересы народа, за дело социализма, сталинистами, придавая этому отрицательный смысл. Тем самым они хотят принизить и скомпрометировать деятелей коммунистических и рабочих партий, преданных марксистов-ленинцев, принципиальных пролетарских интернационалистов. Такого рода «критики» являются или отъявленными клеветниками, или людьми, которые сползают на гнилые позиции ревизионизма, пытаясь криками о «сталинизме» прикрывать свой отход от принципов марксизма-ленинизма. Не случайным является тот факт, что империалистическая пропаганда взяла себе на вооружение провокационный лозунг борьбы против «сталинизма» и «сталинистов».

Несмотря на резкий разворот Хрущева в оценке Сталина, «сталинистов» и «сталинизма», в стране ничего не изменилось по отношению к Сталину. Хотя памятники Сталину по-прежнему находились во многих городах, а его портреты носили демонстранты во время первомайских и ноябрьских торжеств, Сталин оказался исключенным из персонажей художественных произведений, спектаклей и кинофильмов, посвященных советской истории. На исследования жизни и деятельности Сталина фактически был наложен запрет. Произведения Сталина по-прежнему не переиздавались. Собрание его сочинений так и осталось незавершенным. Умалчивалось о том, что успехи СССР в экономическом и научно-техническом развитии, в том числе и те, что позволили СССР запустить первые искусственные спутники Земли в октябре и ноябре 1957 года, были прямым следствием усилий Сталина, направленных на ускоренное развитие народного хозяйства страны, в том числе и ракетной промышленности.

Правда, частичным прорывом информационной блокады, созданной вокруг Сталина, стала публикация в середине 1957 года двух томов его переписки с Черчиллем, Эттли, Рузвельтом и Трумэном в 1941—1945 годах. Такое издание стало возможным благодаря тому, что комиссию по изданию дипломатических документов при МИД СССР возглавлял

министр иностранных дел СССР А.А. Громыко, сохранявший чувство ответственности перед исторической правдой и обладавший немалым весом в руководстве страны.

Содержание двухтомника вызвало огромный интерес в СССР и за его пределами. Впервые читатели узнавали о том, как решались вопросы «второго фронта», «ленд-лиза» и другие аспекты сотрудничества между странами антигитлеровской коалиции. Читатели получали достоверную информацию о том, как отстаивал Сталин интересы Советской страны, с каким достоинством и тактом он вел переписку с руководителями Англии и США, как он умело разоблачал неискренность своих союзников по коалиции и какую требовательность он проявлял в отношении них. (Впоследствии цитаты из этой переписки были использованы в сценах самого популярного советского телесериала «Семнадцать мгновений весны».) Хотя в предисловии к сборнику не давалось никаких оценок дипломатической деятельности Сталина, сам факт публикации сталинских писем свидетельствовал о том, что сугубо негативная оценка государственной деятельности Сталина во время войны, которая была дана Хрущевым в его докладе, не соответствует действительности. Об этом же свидетельствовали и высокие оценки успехов Красной Армии и деятельности Советского правительства, которые были не раз высказаны Черчиллем и Рузвельтом в своих посланиях Сталину.

К оценке Сталина Хрущев вернулся в начале 1959 года в докладе на Внеочередном XXI съезде КПСС. Первый раздел своего доклада «Великие победы советского народа» Хрущев открыл цитатой из Ленина о том, что окончательной целью социалистических преобразований является построение коммунистического общества. Далее Хрущев сказал: «Осуществляя политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, наш народ под руководством партии и ее Центрального комитета, во главе которого долгие годы стоял И.В. Сталин, совершил глубочайшие преобразования. Преодолевая все трудности на своем пути, ломая сопротивление классовых врагов и их агентуры — троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов и других, наша партия, весь советский народ добились исторических побед, построили новое, социалистическое общество».

На протяжении всего доклада Хрущев не высказывал никаких критических высказываний в адрес Сталина. За исключением выступления на съезде П.Н. Поспелова, заметившего, что «в последние годы жизни Иосифа Виссарионовича Сталина» наметился «опасный разрыв между теорией и практикой», иных замечаний в адрес Сталина на съезде не прозвучало.

Зато немало критики было высказано в адрес руководства Югославии, сближение с которым стало причиной острого конфликта между Хрущевым и Молотовым и в значительной степени спровоцировало антисталинский доклад на XX съезде. Одновременно Хрущев подчеркивал прочность советско-китайских отношений.

Однако в течение лета 1959 года отношения между СССР и КНР ухудшились. Китайские руководители стали обвинять Хрущева в том, что он сеет иллюзии относительно миролюбия правительства США. Споры между Мао Цзэдуном и Хрущевым во время пребывания последнего в Пекине в октябре 1959 года были столь жаркими, что Хрущев сократил свой визит с 7 до 4 дней. После ознакомления с записью бесед Хрущева с китайскими руководителями членов Президиума ЦК, последние приняли решение: «Запись бесед с китайскими друзьями не хранить в архиве, а уничтожить».

С октября 1959 года Хрущев сделал ряд заявлений, в которых содержалась завуалированная критика политики КНР. Перемена в отношениях с КНР отразилась и на отношении руководства страны к Сталину. Было принято решение издать доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда. 23 ноября 1959 года «Доклад» был подписан к печати в «Госполитиздате». Вскоре был отпечатан миллион экземпляров «Доклада», и он выборочно распространялся среди части членов партии.

21 декабря 1959 года в подвалах второй и третьей страниц «Правды» была опубликована редакционная статья «Стойкий борец за социализм. К 80-летию со дня рождения И.В. Сталина». На протяжении всей статьи положительные оценки Сталина постоянно перемежались с негативными. В статье говорилось, что «И.В. Сталин принадлежит к числу виднейших и активнейших деятелей Коммунистической партии Советского Союза, Советского государства и международного коммунистического движения. Он был выдаю-

щимся теоретиком и пропагандистом марксизма-ленинизма. В течение долгих лет, как в дореволюционный период, так и в годы Советской власти, Сталин боролся против многочисленных врагов ленинизма. Он был непримиримым борцом против царского самодержавия и капитализма, за победу рабочего класса, за дело социализма». Но после этих слов говорилось: «Вместе с тем Сталин, особенно в последний период своей жизни, допустил серьезные ошибки, чем нанес большой ущерб делу партии и народа. На XX съезде, в последующих выступлениях руководящих деятелей партии, в постановлениях Центрального Комитета «О преодолении культа личности и его последствий», в труде по истории Коммунистической партии и других работах дана принципиальная партийная оценка деятельности Сталина». Затем следовала длинная цитата из Хрущева, в которой говорилось о «двух сторонах жизни и деятельности И.В. Сталина».

В статье были перечислены различные посты, которые занимал Сталин в годы Великой Отечественной войны. После этого было сказано: «На этом посту (!) он сплачивал и мобилизовывал все силы советского народа на борьбу за оборону Родины и разгром захватчиков. В то же время им были допущены серьезные ошибки, из которых наиболее тяжелые последствия имели неправильная оценка военно-стратегического положения страны накануне войны, недооценка готовящегося военного нападения на СССР со стороны фашистской Германии».

Затем вкратце перечислялся ряд положений закрытого доклада Хрущева 1956 года: упоминалось «Письмо к съезду» Ленина 1922 года, утверждалось, что Сталин «отошел от норм партийной демократии», что его тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму прикрывал произвол карательных органов. Завершалась статья осуждением «антипартийной группы», культа личности, заявлениями об успехах СССР в самых различных областях. Под самый конец было сказано об «историческом визите Н.С. Хрущева в США». Очевидно, что под влиянием обострения отношений с Китаем в официальной оценке Сталина менее чем за год после XXI съезда произошли изменения и даже в юбилейной статье вновь были повторены положения Постановления ЦК от 30 июня 1956 года.

Мало кто в СССР знал, что в тот же день 21 декабря 1959

года в палате общин Великобритании бывший премьер-министр этой страны Уинстон Черчилль произнес речь, посвященную 80-летию Сталина. Оставаясь убежденным врагом коммунизма и нашей страны, Уинстон Черчилль заявил: «Большим счастьем для России было то, что в годы тяжелых испытаний Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И.В. Сталин. Он был выдающейся личностью, импонирующей жестокому времени того периода, в котором протекала вся его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал большим чувством сарказма и юмора, а также способностью точно выражать свои мысли. Статьи и речи писал только сам, и в его произведениях звучала исполинская сила. Это сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей всех времен и народов. Сталин производил на нас величайшее впечатление. Его влияние на людей было неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам.

Он обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Сталин был непревзойденным мастером находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трудные моменты, а также в моменты торжества, он был одинаково сдержан, никогда не поддавался иллюзиям. Он был необычайно сложной личностью. Он создал и подчинил себе огромную империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов и заставил нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайшим, не имевшим себе равных диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием. Нет! Что бы ни говорили о нем, таких история и народы не забывают!»

Это заявление Черчилля впоследствии было включено в «Британскую энциклопедию» и стало считаться канонической оценкой Сталина. Однако в то время заявление Черчилля о Сталине осталось неизвестным в нашей стране. В

СССР оценка Сталина определялась сухими и двусмысленными формулами, содержавшимися в статье газеты «Правда» *от* 21 декабря 1959 года.

В то же время в неформальной обстановке Хрущев то и дело срывался на выпады в адрес Сталина, превращал его имя в обидную кличку. Так, на совещании компартий, состоявшемся в Бухаресте 25 июня 1960 года, Хрущев, критикуя политику Компартии Китая, заявил, что Мао Цзэдун ведет себя как «новый Сталин». Правда, это заявление не было предано гласности. Лишь из сравнения передовиц «Правды» и «Женьминьжибао», в которых комментировались итоги Бухарестского совещания, стало ясно, насколько велики разногласия между КПСС и КПК.

Отношение к Сталину чуть не стало предметом открытой и жаркой дискуссии на Московском совещании компартий в ноябре 1960 года. Поддержав позицию китайской делегации во главе с Дэн Сяопином, руководитель Албанской партии труда Энвер Ходжа резко осудил антисталинский доклад Хрущева на XX съезде. (Еще в ходе визита Хрущева в Албанию весной 1959 года Энвер Ходжа на митинге советско-албанской дружбы под громкие аплодисменты собравшихся заявил, что в годы войны против фашизма албанские коммунисты держали сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» у себя на груди.) Однако тогда Хрущев не стал вступать в полемику с Ходжей и Дэн Сяопином по сталинскому вопросу.

К этому времени в СССР на основе публичных заявлений Хрущева 1957–1959 годов и публикаций в партийной печати сложились жесткие установки относительно того, что и как можно говорить о Сталине, а чего нельзя о нем говорить. Свидетельством этого может служить многотомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945». Для характеристики Сталина на первых страницах первого тома этого сочинения, подписанного к печати 28 мая 1960 года, была использована приведенная выше цитата из доклада Н.С. Хрущева на XXI съезде партии, в которой была дана положительная оценка деятельности Сталина как руководителя Советской страны предвоенного времени. В томе публиковались и фотографии И.В. Сталина.

Правда, в этом томе, в котором шла речь о предвоенной истории СССР, Сталин был упомянут реже, чем Хрущев (22 раза против 24), хотя роль Сталина в руководстве страны в

эти годы была неизмеримо более значительной, чем Хрущева. Правда и то, что в томе были слова осуждения «культа личности Сталина». Наконец, многие заявления Сталина и его действия были закамуфлированы словáми «Советское правительство», или «руководство страны», или «партия». И все же в томе приводились позитивные примеры государственной деятельности Сталина, а также его высказывания из официальных речей. В качестве положительного примера усилий по идейно-политическому воспитанию советских людей приводилось издание сборника Сталина «Вопросы ленинизма» тиражом в 4 миллиона экземпляров. Были даже отмечены положительные стороны «Краткого курса истории ВКП(б)». (Правда, тут же было сделано замечание о том, что «некоторые положения Краткого курса были изложены с позиций культа личности Сталина».)

В томе приводилась положительная оценка Хрущевым деятельности Сталина в связи с заключением советско-германского договора о ненападении 1939 года, сделанная им в речи 27 марта 1960 года. Тогда Хрущев заявил: «Вы что думаете, разве Сталин не видел агрессивных шагов Гитлера? Он видел их и понимал серьезную угрозу новой мировой войны. Он видел, что Англия и Франция толкают Гитлера против Советского Союза. Но у него в тех условиях не было иного выхода, кроме как согласиться на этот договор». (Эта оценка входила в противоречие с заявлениями Хрущева на XX съезде о том, что Сталин игнорировал опасность нападения Германии.)

Во втором томе, подписанном к печати 12 апреля 1961-го, речь шла о периоде войны с 22 июня 1941 года по ноябрь 1942 года. На сей раз упоминания о Сталине были чуть чаще, чем о Хрущеве (36 против 31). В томе не раз утверждалось, что Сталин допустил ряд просчетов перед войной и в первый период войны. Положительная же деятельность Сталина была почти скрыта словами «партия», «Государственный Комитет Обороны», «Верховное Главнокомандование», «Ставка». В то же время в томе приводились наиболее важные заявления Сталина в эти месяцы. Были не раз процитированы выступления Сталина 3 июля, 6 и 7 ноября 1941 года и им была дана высокая оценка.

В третьем томе, посвященном событиям с ноября 1942 года по декабрь 1943 года и подписанном к печати в августе

1961 года, выдерживалась такая же тональность. Правда, теперь Н.С. Хрущев был намного чаще упомянут, чем И.В. Сталин (41 раз против 27). Деятельность же Сталина как Верховного Главнокомандующего была дана скупо, но без критических оценок. К тому же 10 упоминаний о Сталине касались его взаимоотношений с главами правительств США и Великобритании, главным образом по материалам «Переписки», вышедшей в свет в 1957 году.

Примерно в таком же духе излагалась деятельность Сталина в годы войны в опубликованных в эти годы мемуарах советских маршалов и других военачальников. Лишь через несколько десятилетий стало известно, что эти мемуары подвергались жесткой идеологической цензуре и редактуре. Мемуары маршала А.И. Еременко («На западном направлении»), И.В. Тюленева («Через три войны») и ряд других с первых же страниц, посвященных началу войны, открывались ставшими традиционными с доклада Хрущева упреками в адрес И.В. Сталина по поводу его «невнимания» к предупреждениям о возможном нападении гитлеровской Германии.

В то же время хотя положительные оценки деятельности Сталина зачастую скрывались за словами «Ставка», «Верховное Главнокомандование», «Государственный Комитет Обороны», в воспоминаниях Тюленева и Еременко не было никаких нареканий по поводу действий Сталина после начала войны. В этих мемуарах приводились примеры того, как умело осуществлял Сталин военное руководство, как он был внимателен к настроениям военачальников, то проявляя заботу о раненом Еременко, то откликаясь на желание Тюленева как можно быстрее после его ранения вернуться из тыла на фронт. Эти примеры разрушали утверждения Хрущева и о некомпетентности Сталина, и о его жестоком отношении к окружающим.

Хотя в этих публикациях тщательно соблюдалось равновесие между позитивными и негативными оценками государственной деятельности Сталина, его дореволюционная деятельность всегда получала исключительно положительную оценку. Так, выступая в мае 1961 года в Ереване и Тбилиси с официальными речами по поводу 40-летия установления Советской власти в этих республиках, Хрущев с уважением говорил о роли Сталина в руководстве револю-

ционной борьбой в Закавказье. Поэтому поворот к очередному туру антисталинской кампании был неожиданным.

Первая грозовая вспышка, которая предвещала грядущую кампанию, прозвучала в Кремле 1 мая 1961 года. В этот день, находясь на гостевой трибуне на Красной площади в качестве переводчика иностранной делегации, я видел, что демонстранты пронесли не меньше двух десятков новеньких полотнищ с изображением Сталина. После завершения демонстрации в Кремле состоялся прием. На нем Хрущев с неожиданной яростью стал атаковать Сталина, выкрикивая: «Правление Сталина было царством топора!» Очевидно, Хрущев увидел в знаменах с портретами Сталина вызов себе. Поскольку украшение праздничных колонн всегда было предметом пристального и заблаговременного внимания высших руководителей страны, Хрущев мог заподозрить, что кто-то из его коллег вольно или невольно потворствовал появлению сталинских знамен. Возможно, что атакой на Сталина Хрущев старался приструнить своих коллег.

На XXII съезде (октябрь 1961 г.) Хрущев собирался продемонстрировать свое право войти в историю мирового коммунизма как творец первого в мире коммунистического общества, то есть добиться осуществления такой цели, которая оказалась недостижимой при Сталине. К съезду Хрущев приготовил новый проект программы КПСС, в котором торжественно провозглашалось: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» При этом Хрущев недопустимо преувеличивал возможности советской экономики, к тому же сильно разбалансированной его непродуманными экспериментами. Проект программы КПСС, разработанный Хрущевым, был подвергнут острой критике в подробной аналитической записке Молотова, который в это время был постоянным представителем СССР в МАГАТЭ.

К сожалению, многие советские люди не замечали вопиющего разрыва между обещаниями Хрущева и возможностями страны. Для ошибочных представлений были известные основания. Несмотря на срывы в выполнении плановых заданий, экономика страны продолжала развиваться быстрыми темпами. В стране бурно развивалось жилищное строительство. Большие успехи были достигнуты в науке и технике. Впервые в мире был создан ледоход с атомным двигателем. Запуски советских ракет в сторону Луны в 1959 го-

ду, состоявшийся в 1961 году первый в мире полет человека в космосе — Юрия Гагарина, а затем полет Германа Титова показали явное преимущество СССР в освоении космического пространства. В то же время Хрущев постоянно преувеличивал степень советского превосходства в ракетах дальнего действия. С помощью угроз применения межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками Хрущев рассчитывал к началу съезда добиться крупного внешнеполитического успеха — подписать мирный договор с ГДР и заставить западные державы покинуть Западный Берлин.

Однако, получив надежные сведения с помощью разведывательных спутников, а также от англо-американского шпиона Пеньковского о реальном ракетном потенциале СССР, правительство Соединенных Штатов в начале октября 1961 года предъявило правительству СССР фотоматериалы об установленном ими факте наличия у СССР значительно меньшего количества ракет, чем предполагалось, и об очень большом превосходстве США в этой области. Хрущевский блеф потерпел крах. Вытеснить Запад из Берлина не удалось.

Как и 5 с лишним лет назад, атакуя Сталина, Хрущев преследовал чисто политиканские цели. Во-первых, Хрущев стремился прикрыть свою крупную внешнеполитическую неудачу. Во-вторых, новая кампания должна была послужить ответом на критику Молотова в отношении разработанного Хрущевым проекта новой программы КПСС. Хрущев прекрасно понял, что его утопическая программа построения материально-технической базы коммунизма к 1980 году может вызвать большие сомнения и Молотов в своих письменных замечаниях по проекту лишь высказал критическое отношение, которое, возможно, разделяли и другие советские люди. Особые опасения вызывали у Хрущева те коллеги по Президиуму ЦК, которые могли поддержать критику Молотова. Тогда Хрущев решил исключить Молотова, а также Маленкова и Кагановича, по обвинению в причастности к «сталинским репрессиям». Наказывая своих политических противников, Хрущев одновременно реанимировал обвинения в адрес Сталина.

В-третьих, к этому времени существенно обострилась полемика с руководством Китая по самым различным идейно-политическим вопросам. Заодно Хрущев стремился ударить и по руководителям Албании, поддержавшим

китайское руководство. Но не решаясь открыто критиковать китайских руководителей на XXII съезде, Хрущев заявил, что «албанским руководителям не по душе решительное осуждение культа личности Сталина и его вредных последствий». Атакуя Сталина и руководителей Албании, Хрущев нападал и на руководство Китая.

В-четвертых, Хрущев стремился закрепить свое продвижение к поставленной им цели — занять место Сталина в перечне великих вождей мирового коммунизма. К этому времени Хрущев стал постоянным объектом выспренних восхвалений во всех официальных выступлениях. В июне 1961 года состоялась премьера документального фильма «Наш дорогой Никита Сергеевич», в котором безмерно восхвалялся Хрущев.

Хотя комиссии, созданные на основе письма Шатуновской, не подтвердили ее версию, Хрущев вновь намекал на ответственность Сталина за убийство Кирова. В отчетном докладе на съезде он говорил: «Начало массовым репрессиям было положено после убийства Кирова. Надо еще приложить немало усилий, чтобы действительно узнать, кто виноват в его гибели... Наш долг тщательно разобраться».

Кто-то поверил этому обвинению Хрущева, едва скрытому намеком. Кто-то решительно отвергал его. Кое-кто использовал это заявление для того, чтобы лишний раз поиздеваться над властями, а заодно и над советской историей. Об этом свидетельствовала частушка, возникшая в те дни:

«Эх, огурчики-помидорчики,
Сталин Кирова убил
В коридорчике».

Все версии и обвинения в адрес Сталина, высказанные на XXII съезде, уже прозвучали на XX съезде. Но на этот раз Хрущев излагал их на открытом заседании. Кроме того, он решил прибегнуть к драматическому жесту, который должен был бы вместе с сообщениями об испытательном взрыве 57-мегатонной бомбы на Новой Земле и провозглашением программы построения коммунизма скрыть его внешнеполитическое поражение в ходе берлинского кризиса. Поэтому, ссылаясь на решения собрания Кировского (Путиловского) машиностроительного завода, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС И.В. Спиридонов внес предложение «о

перемещении праха Сталина в другое место. Жизнь и имя великого Ленина могут с полным правом быть названы Справедливостью с большой буквы... Нельзя мириться с тем, чтобы рядом с Владимиром Ильичем Лениным находился человек, запятнавший свое имя большой несправедливостью».

Некоторые партийные руководители отказались произнести речи в поддержку выноса тела Сталина из Мавзолея. Среди них был Первый секретарь ЦК Компартии Грузии В.П. Мжаванадзе, сказавшийся больным, и член Президиума ЦК КПСС Н.А. Мухитдинов. Последний за это лишился места в Президиуме ЦК. И опять против Сталина были пущены в ход ссылки на «волю Ленина», на сей раз совершенно фантастические. Среди тех, кто выступил в поддержку предложения Спиридонова, была член КПСС с 1902 года 77-летняя Д.А. Лазуркина, пробывшая в заключении до середины 50-х годов. Она заявила: «Вчера я советовалась с Ильичем, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии».

По предложению Н.В. Подгорного, съезд принял резолюцию, в которой признавалось «нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В. Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И. Ленина».

В.Е. Семичастный, который после XXII съезда стал председателем КГБ СССР, вспоминал: «Останки Сталина были похоронены у Кремлевской стены при свете прожекторов. Надпись на фронтоне «Ленин — Сталин» удалили, оставив лишь одно имя — Ленин. На утро следующего дня никакой заметной реакции общественности не последовало. Появились только любопытные — посмотреть, как стал выглядеть Мавзолей. Однако нельзя сказать, что на погребение Сталина народ вообще не обратил никакого внимания. Приходили письма от несогласных с решением людей, в них отмечалась огромная роль Сталина в исторической победе над фашистской Германией. Долго никто не хотел брать на себя ответственность за установку давно готового бюста. В течение многих лет могилу Сталина украшали цветы. Каждый день — свежие».

Перезахоронение тела Сталина сопровождалось переименованием всех городов, улиц, площадей, носивших имя Сталина. Сталино стало Донецком, Сталинабад — Душанбе, Сталинири — Цхинвали. Не пощадили и Сталинград. Парадоксальным образом во Франции оставались улицы и площади в честь Сталинграда, а в нашей стране имя города, символизировавшего героическую борьбу советского народа и решающий перелом в войне против гитлеризма, было вычеркнуто. Московская станция метро «Сталинская» была названа «Семеновской». Чтобы удалить изображение Сталина, переделывались мозаичные картины на стенах московского метро. В вестибюле станции метро «Арбатская» огромный мозаичный портрет Сталина был замазан толстым слоем известки и белой краски.

Повсюду были сняты с постаментов статуи Сталина, сбиты или замазаны его барельефы. Лишь на родине Сталине в Гори сохранился его памятник, расположенный неподалеку от дома, где он родился, и музей, посвященный его жизни и деятельности. Даже после революций 1917 года, когда в стране повсеместно свергались памятники царям и многим выдающимся деятелям дореволюционной России, «иконоборческая» кампания не принимала столь широких масштабов. Тогда в северной столице все же сохранились памятники Петру I, Екатерине II, Павлу I, Николаю I и ряду других царей, а также многим верным слугам царского престола.

Из библиотек изымались труды Сталина и оставшиеся книги о нем. Из хроникальных и документальных фильмов старательно вырезали кадры, в которых появлялся Сталин. Даже тексты песен в кинофильмах, в которых звучало имя Сталина, переозвучивались. Так, слова из «Марша артиллеристов» из фильма «В шесть часов вечера после войны» («Артиллеристы! Сталин дал приказ...») звучали теперь так: «Артиллеристы! Срочный дан приказ...). В фильме «Трактористы» знаменитые слова: «Тогда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет!» были изменены так: «Когда суровый час войны настанет и нас в атаку Родина пошлет»! Из «Песни о Родине» (кинофильм «Цирк») был удален целый куплет, прославляющий «всенародный сталинский закон». Казалось, что Хрущев старался не толь-

ко выбросить Сталина из пантеона великих советских вождей, но и удалить его из исторической памяти народа.

Все эти действия под знаменем борьбы против «культа личности Сталина» сопровождались все более шумным возвеличиванием Н.С. Хрущева. На XXII съезде не было ни одного делегата, который бы в своей речи не упомянул Хрущева несколько раз и только в хвалебном тоне. При этом особенно старались коллеги Хрущева по Президиуму ЦК КПСС. Так, Н.В. Подгорный упомянул его 18 раз, а Л.И. Брежнев – 19 раз.

Как правило, в речах звучали восторженные характеристики Н.С. Хрущева и его деятельности. Козлов: «Творческое отношение к теории, связь с жизнью, умение правильно выражать коренные интересы народа характеризуют т. Хрущева как верного ленинца, выдающегося политического деятеля и теоретика марксизма-ленинизма». Брежнев: «Товарища Хрущева отличает великая вера в народ, в силу нашей партии, твердость и непоколебимость в проведении ее линии, непримиримость к врагам коммунизма, смелость и решительность в осуществлении внешней и внутренней политики партии и Советского государства». Подгорный говорил, что для Н.С. Хрущева характерны «неисчерпаемая кипучая энергия, подлинно революционный, ленинский подход к решению сложных вопросов теории и практики, его неразрывная связь с народом, человечность и простота, умение постоянно учиться у масс и учить массы». Все это, по словам Подгорного, являлось «вдохновляющим примером для всей партии, для каждого коммуниста». Кириленко: «Трудящиеся Среднего Урала, как и все советские люди, приносят слова горячей, искренней любви и сердечной благодарности своему испытанному авангарду – Коммунистической партии, ее Центральному комитету, талантливейшему продолжателю дела Ленина, выдающемуся теоретику и практику коммунистического строительства – нашему дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву!» Теперь дорога для провозглашения Хрущева одним из вождей мирового коммунизма, наряду с Марксом, Энгельсом, Лениным, была открыта.

Между тем восхваления Хрущева, как творца новой партийной программы, провозгласившей построение материально-технической базы коммунизма, скрывали серьезные проблемы, с которыми столкнулась страна к XXII съезду партии. В своих попытках быстро добиться улучшения ма-

териального благосостояния населения Хрущев игнорировал возможности страны.

К этому времени стало ясно, что сельское хозяйство, развитию которого Хрущев уделял столько сил и внимания, начиная с сентябрьского (1953 г.) пленума ЦК, находится в тяжелом состоянии. Падение сельскохозяйственного производства и рост цен на сельскохозяйственную продукцию ухудшили продовольственное снабжение советских людей. Резкое увеличение цен на мясо, масло и молоко 1 июня 1962 года вызвало брожение в ряде городов и привело к открытому выступлению рабочих в Новочеркасске. Это выступление было жестоко подавлено по распоряжению Хрущева. Расправа с рабочими Новочеркасска свидетельствовала об окончательном банкротстве Хрущева как руководителя партии, провозгласившей примат интересов рабочего класса.

Одновременно Хрущев пытался взять реванш за свое внешнеполитическое поражение в Берлине в 1961 году. С этой целью он предложил разместить советские ракеты на Кубе и добился соответствующего согласия от кубинского правительства. С помощью этих ракет Хрущев рассчитывал держать под прицелом США и навязывать Западу свою волю. Хрущев собирался объявить о размещении ракет в ноябре 1962 года во время подписания соответствующего договора с Кубой, а затем прибыть на Генеральную ассамблею ООН и заставить правительство Кеннеди пойти на уступки в Берлине.

Однако и здесь Хрущев потерпел крупное поражение. Американское правительство узнало о работах по размещению ракет до их завершения и объявило блокаду Кубы. В течение недели, пока президент США Кеннеди под угрозой вторжения на Кубу требовал вывода советских ракет, а Хрущев отказывался это сделать, мир висел на волоске и угроза тотального термоядерного уничтожения планеты была весьма реальна. Решение Хрущева о выводе ракет, сделанное без ведома кубинских руководителей, существенно осложнило советско-кубинские отношения. Мир и Советская страна лишний раз убедились в опасности пребывания Хрущева во главе великой державы.

Кроме того, еще летом 1962 года Хрущев выдвинул очередной план решения острых проблем страны. На сей раз он решил разделить местные партийные органы на промыш-

ленные и сельскохозяйственные. Это предложение вызывало глухое недовольство среди партийных работников. Но Хрущев рассчитывал, что на ноябрьском пленуме, который должен был состояться после триумфальной поездки Хрущева на Кубу и в США, члены ЦК вновь безоговорочно поддержат его очередную реформу. Однако к началу Пленума ЦК, вместо ожидавшейся Хрущевым победы, СССР выводил свои ракеты и другую военную технику из Кубы.

К этому времени его первый заместитель по Совету Министров СССР и Секретариату ЦК Ф.Р. Козлов значительно укрепил свои позиции. Позже в своих мемуарах Микоян постоянно именовал Козлова «сталинистом» и, возможно, это было вызвано критикой Козловым очередных антисталинских инициатив Хрущева. Недовольством очередной реформой Хрущева и его поражением в ходе карибского кризиса решили воспользоваться Козлов и его сторонники. Ноябрьский (1962 г.) Пленум ЦК КПСС, созванный для обсуждения новой структуры партийных органов, мог превратиться в суд над Хрущевым. Видимо, не будучи уверенным в том, что его предложение о разделении партийных органов на промышленные и сельскохозяйственные получит поддержку после провала на Кубе, и даже в том, что он вернется с этого пленума Первым секретарем, Хрущев сделал неординарный ход.

Присутствовавший на Пленуме ЦК мой отец рассказал мне подробно содержание доклада Хрущева, который не был полностью опубликован. В своем докладе Хрущев неожиданно стал рассказывать о том, что главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский обратился к нему с просьбой помочь в публикации рассказа нового автора. Оказалось, что рассказ школьного преподавателя математики А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» был забракован идеологической цензурой. Как утверждал Хрущев, он был слишком занят, чтобы читать рассказ, и поэтому попросил прочесть его своих коллег по Президиуму. Хрущев не уточнял, кому он дал читать этот рассказ, но из его слов можно было понять, что таких читателей было несколько. Как утверждал Хрущев, все, прочитавшие рассказ, в один голос стали убеждать его, что публиковать произведение Солженицына не стоит. Тогда, по словам Хрущева, он решил сам ознакомиться с содержанием рассказа и, прочтя его, пришел к выводу, что его обязательно надо изда-

вать. Рассказ был опубликован на страницах ноябрьского номера журнала «Новый мир». (А вскоре Хрущев сказал, что рассказ заслуживает Ленинской премии.)

Главная ценность рассказа, говорил Хрущев с трибуны пленума, состояла в том, что в нем говорится о тех преступлениях, которые творил Сталин, и надо, чтобы советские люди знали об этом. Затем Хрущев набросился на своих коллег: «Мне ясно, товарищи, что мы еще не до конца изжили из себя сталинизм, что он еще очень силен, в том числе и среди наших руководителей». Скорее всего, Хрущев имел в виду Козлова, но, возможно, не только его.

Мысль о том, что некоторые руководители партии не изжили в себе «сталинизм», содержалась и в стихотворении «Наследники Сталина» Евгения Евтушенко. Оно было опубликовано в «Правде» по инициативе Хрущева незадолго до Пленума ЦК КПСС. В стихотворении говорилось:

«Мы вынесли из Мавзолея его.
Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?!
Иные наследники розы в отставке стригут,
А втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
А сами ночами тоскуют о времени старом».

Строки стихотворения, в которых говорилось, что «наследников Сталина, видно, сегодня не зря хватают инфаркты», явно намекали на Козлова, который пережил инфаркт в середине 1962 года. А слова «покуда наследники Сталина есть на земле, мне будет казаться, что Сталин еще в Мавзолее» могли означать, что поэт и те, кто его поддерживал, желают физического уничтожения «тайных сталинистов».

Только человек, очень неопытный в вопросах борьбы за власть, не мог понять, что поддержкой рассказа Солженицына и публикацией стихотворения Евтушенко Хрущев занес дамоклов меч над «тайными сталинистами» в Президиуме ЦК. Было ясно, что под предлогом борьбы за искоренение сталинизма может начаться кампания по устранению противников Хрущева. Хотя это место в речи Хрущева не было опубликовано, но члены ЦК услышали, что в любой момент может быть развернута кампания по изгнанию «сталинистов» из руководства страны.

На пленуме Хрущеву не только удалось сохранить свое положение, но и добиться принятия желанного решения по разделению местных органов партии. В то же время своими скрытыми угрозами Хрущев основательно напугал тех, кто прочел и раскритиковал рассказ Солженицына. Пока они не утратили своего положения, они решили дать отпор Хрущеву. С этого момента в руководстве страны начинается своеобразное перетягивание каната между Хрущевым и его сторонниками, с одной стороны, и Козловым и его сторонниками, с другой. Для этого Козлов и его сторонники постарались доказать Хрущеву, что его выбор рассказа Солженицына для атаки на них был ошибочным. (Из части, посвященной «сталинской теме», в стенограмме были оставлены лишь очередные рассуждения Хрущева о Сталине, в которых покойный обвинялся в незнании жизни и нежелании посещать хозяйственные предприятия. — *Прим. авт.)*

Первый контрудар противники Хрущева решили нанести по рассказу «Один день Ивана Денисовича» и его автору. Были предприняты усилия для того, чтобы не допустить присуждения Солженицыну Ленинской премии за его рассказ. Кандидатура Солженицына на звание лауреата Ленинской премии была снята. Хрущев прекрасно понял, что отказ Комитета присудить Солженицыну Ленинскую премию — это было его небольшим, но реальным поражением.

Хрущев вновь решил сманеврировать. Прежде всего, он обрушился с резкой критикой на тех представителей творческой интеллигенции, которые в духе героя «Оттепели» возомнили себя лицами, способными «возделывать» советских людей, и все решительнее выступали как духовные руководители страны.

Грубые заявления Хрущева в адрес ряда художников и скульпторов, сделанные им на выставке в «Манеже», вызвали шок среди либеральной интеллигенции, которая до тех пор активно его поддерживала. Один из видных представителей этой части интеллигенции кинорежиссер М. Ромм так характеризовал свое отношение к Хрущеву в это время: «Надо сказать, что я... принадлежал к числу поклонников Хрущева. Меня даже называли «хрущевцем». Я был вдохновлен его выступлением на XX съезде... Я старался ему прощать все... В области культуры дела шли хорошо, дышалось свободно, искусство двигалось вперед». Получалось, что ряд видных

деятелей культуры готовы были простить Хрущеву «все», то есть бесконечные невыполнения Хрущевым его обещаний, его очевидные ошибки в ведении хозяйства, затормозившие развитие страны, его провалы во внешней политике, не раз ставившие мир на грань всеобщего уничтожения, его действия по разгрому Вооруженных сил. Их даже не смутил расстрел рабочих в Новочеркасске, осуществленный с разрешения Хрущева. Они были готовы все простить ему за «десталинизацию» и некоторые послабления контроля со стороны руководства партии над их деятельностью.

В своем письме к Хрущеву в декабре 1962 года Михаил Ромм, Илья Эренбург, Корней Чуковский и другие выражали ему признательность за борьбу против «культа личности Сталина». В то же время в ответ на разнос, устроенный Хрущевым художникам и скульпторам, они призывали Хрущева к «мирному сосуществованию» разных направлений в литературе и искусстве. Во время встречи с деятелями культуры 17 декабря Хрущев ответил авторам письма: «Мирного сосуществования в вопросах идеологии не будет. Не будет, товарищи! И я предупреждаю всех, кто подписал это письмо. Вот так!»

К этому времени Хрущев резко изменил свое отношение к тем авторам, произведения которых он недавно использовал в политиканской борьбе против своих коллег. 25 апреля 1963 года Хрущев, выступая на заседании Президиума ЦК, говорил: «Вот Солженицын написал одну дрянную книгу (имелась в виду книга «В круге первом». — *Прим. авт.*), одну хорошую книгу, теперь, наверное, бросил школу». Голос: «Бросил». Хрущев: «Ну, это никуда не годится. И не известно, напишет ли он третью. Вот вам Литфонд. Уже к кормушке, писатель. А он не писатель, а едок, а кормушка — Союз писателей».

Хотя впоследствии утверждалось, что Н.С. Хрущев поощрял массовые вечера поэзии, ставшие знамением «оттепели», на том же заседании досталось и автору стихов «Наследники Сталина» Евтушенко: «Вот говорят, кричат — Женя! Женя! Так то кричат 15 тысяч оболтусов. Этих оболтусов на такое население Москвы не трудно собрать... Это — банда. Говорят: там были и хорошие. Хорошие были, а аудитория была на стороне тех, которые против нас выступают... Деньги платить, и дерьмо слушать! А это дерьмо

шло». Атаковал Хрущев и автора «Оттепели», заявив: «Сложилось такое понятие о какой-то «оттепели» — это ловко этот жулик подбросил, Эренбург».

7—8 марта 1963 года во время очередной встречи с представителями творческой интеллигенции Хрущев еще резче обрушился на ряд деятелей культуры, которых он обвинял в идеологической крамоле. Одновременно Хрущев стал говорить о заслугах Сталина перед революцией и страной. Он напомнил о роли Сталина в проведении курса на индустриализацию и коллективизацию. Он вспоминал: «Когда хоронили Сталина, то у меня были слезы на глазах. Это были искренние слезы». Правда, тут же Хрущев оговаривался и сообщал, что «Сталин был в последние годы жизни глубоко больным человеком, страдающим подозрительностью, манией преследования». Но затем приводил отрывки из переписки Сталина с Шолоховым, из которых следовало, что Сталин пресекал репрессии на местах, когда узнавал о них, и оказывал помощь колхозникам, как только узнавал об их бедственном положении. Казалось, что мысли о Сталине не отпускали Хрущева, и он продолжал путаться между позитивными и негативными оценками покойного, не в силах дать единую оценку.

Однако как только Хрущев опять приступил к полемике с руководителями китайской компартии, он снова возобновил нападки на Сталина. Когда на переговорах в июле 1963 года глава китайской делегации Дэн Сяопин заявил, что Хрущев осквернил память Сталина, тот снова обрушился на покойного с оскорблениями. 19 июля 1963 года в своем очередном выступлении Хрущев объявил, что «нельзя обелить черные деяния периода культа личности... Каждый советский человек, каждый коммунист знает, что знамя, которое некоторые люди хотят поднять, покрыто кровью революционеров, коммунистов, честных трудящихся Советского Союза». (Возможно, что Хрущев вспоминал о знаменах с изображением Сталина, которые последний раз проносили на Красной площади 1 мая 1961 года.)

К этому времени нападки на Сталина стали непременной составной частью многих публикаций на исторические темы в СССР. В изданных в 1962 и 1963 годах очередных двух томах «Истории Великой Отечественной войны», в которых речь шла о событиях 1944—1945 годов, о Сталине говорилось главным образом плохо. Даже рассказ о приеме в Крем-

ле 24 мая 1945 года в честь советских военачальников, на котором Сталин произнес знаменитый тост за русский народ, свелся к замечанию о том, что «от многих выступлений веяло духом восхваления и обожествления И.В. Сталина». Если поверить содержанию «Истории», то получалось, что в начале войны Сталин умело руководил боевыми действиями, а в конце войны он лишь мешал Красной Армии.

Правда, исключением из этих бесконечных выпадов в адрес Сталина были позитивные примеры его международной деятельности, как правило, подтвержденные содержанием его переписки с Черчиллем и Рузвельтом. Двухтомная «Переписка», изданная под руководством А.А. Громыко, оставалась единственным бастионом, с помощью которого удерживался авторитет Сталина в «Истории Великой Отечественной войны». Это не было случайностью. Несмотря на то что своим антисталинским докладом Хрущев нанес огромный урон международному престижу СССР, он отдавал себе отчет в том, что основой для послевоенного мира и прочных внешнеполитических позиций нашей страны являются договоренности, достигнутые участниками антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны. Поэтому внешнеполитическая деятельность Сталина в годы войны критике не подвергалась.

В то же время в стране постоянно подчеркивалась «заслуга Н.С. Хрущева в разоблачении культа личности Сталина». Об этом вновь было сказано в ходе празднования 70-летия Н.С. Хрущева в апреле 1964 года. Вручая Н.С. Хрущеву орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза, Л.И. Брежнев, который после того, как Ф.Р. Козлов слег с тяжелым инфарктом, стал первым заместителем Хрущева, говорил: «Советские люди всегда будут благодарны Вам за то, что, став у руля партии, Вы проявили мужественную инициативу в разоблачении культа личности Сталина и возглавили огромную работу по устранению его вредных последствий в различных областях жизни. В стране восстановлены ленинские нормы партийной и общественной жизни, возродился бессмертный дух Ленина во всей его чистоте и правдивости». Юбиляр не знал, что к тому времени Л.И. Брежнев и многие из членов Президиума ЦК, поздравлявших его в тот день, уже давно готовили заговор с целью его свержения.

Часть 3

ПОЛУЗАПРЕТНАЯ СТАЛИНСКАЯ ТЕМА

Глава 8

ПОЧЕМУ ПРИ БРЕЖНЕВЕ ВОЗНИКЛА НОСТАЛЬГИЯ ПО СТАЛИНУ?

12 октября 1964 года Хрущев был вызван своими коллегами на внеочередное заседание Президиума ЦК с правительственной дачи в Пицунде, где он проводил свой отпуск. Прибыв на другой день, 13 октября, в Кремль, он услышал множество критических выступлений в свой адрес.

В ходе заседания, продолженного на другой день 14 октября, член Президиума ЦК Д.С. Полянский резко высказался и по поводу антисталинизма Хрущева, заметив: «Сталина поносите до неприличия». Полянский первым внес конкретное предложение: «Вывод — уйти вам со всех постов в отставку. Вы же не сдадитесь просто». Его поддержал секретарь ЦК КПСС Н.В. Подгорный, заметив: «Культ личности процветает... Ссылки на Сталина — ни к чему. Сам делает хуже».

В конце заседания было принято решение освободить Хрущева от всех занимаемых им постов. Это решение было утверждено на состоявшемся в тот же день спешно созванном Пленуме ЦК КПСС. Первым секретарем ЦК КПСС был избран Л.И. Брежнев, Председателем Совета Министров СССР — А.Н. Косыгин.

Новые руководители старались как можно быстрее ликвидировать последствия ошибок Хрущева. Через месяц после отставки Хрущева на Пленуме ЦК было отменено решение о разделении местных органов партии. Вскоре были ликвидированы совнархозы.

Однако сохранялась неясность, какую оценку даст новое руководство Сталину. Академик Ю. Арбатов в своих воспоминаниях писал: «Помню, в первое же утро после октябрьского Пленума Ю.В. Андропов (я работал в отделе ЦК

КПСС, который он возглавлял) собрал руководящий состав своего отдела, включая несколько консультантов, чтобы как-то сориентировать нас в ситуации. Рассказ о пленуме он заключил так: «Хрущева сняли не за критику культа личности Сталина и политику мирного сосуществования, а потому что он был непоследователен в этой критике и в этой политике».

Но все было не так просто, как тогда объяснил Ю.В. Андропов. Когда консультант ЦК КПСС Ф.М. Бурлацкий представил свои проекты выступлений А.Н. Косыгина, направлявшегося во Вьетнам и Китай, его вызвал к себе А.А. Громыко. Судя по воспоминаниям Бурлацкого, Громыко говорил: «Что, вы не понимаете происходящих перемен? Что вы насовали в речь — мирное сосуществование с Западом, XX съезд, критику Сталина? Все надо переписать заново в духе новой политики — жесткой борьбы против американского империализма, который пытается задушить революцию во Вьетнаме. По-моему, тепло сказать о нашей неизменной дружбе с китайским народом». К этому времени статья Бурлацкого, озаглавленная «Культ личности Сталина и его пекинские наследники», была забракована «Правдой».

Было очевидно, что в руководстве страны идет напряженная борьба по вопросу о том, как следует оценивать Сталина и исторический период развития страны, связанный с его деятельностью. Эта борьба особенно остро проявилась в ходе подготовки доклада Л.И. Брежнева по случаю 20-летия Победы советского народа над гитлеровской Германией. Пока Бурлацкий и другие готовили доклад, А.Н. Шелепин представил свой вариант доклада. Вспоминая этот вариант, Бурлацкий писал, что в нем шла речь о «восстановлении доброго имени Сталина».

Вариант доклада, предложенный Шелепиным, был отвергнут. Однако в Президиуме и Секретариате ЦК началась дискуссия о том, какую оценку дать Сталину. Бурлацкий вспоминал: «Подавляющее большинство членов руководства высказалось за то, чтобы усилить позитивную характеристику Сталина. Некоторые даже представили большие вставки со своим текстом, в которых говорилось, что Сталин обеспечил разгром оппозиции, победу социализма, осуществление ленинского плана индустриализации и коллективизации, культурной революции, что стало предпосылками для победы в Великой Отечественной вой-

не и создания социалистического лагеря. Сторонники такой позиции настаивали на том, чтобы исключить из текста доклада само понятие «культ личности», а тем более «период культа личности». Больше других на этом настаивали Суслов, Мжаванадзе и некоторые молодые руководители, включая Шелепина. Другие, например Микоян и Пономарев, предлагали включить формулировки, прямо позаимствованные из известного постановления «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года.

«Особое мнение высказал Андропов. Он предложил полностью обойти вопрос о Сталине в докладе, попросту не упоминать его имени, учитывая разноголосицу мнений и *сложившееся соотношение сил* среди руководства... Брежнев, в конечном счете, остановился на варианте, близком к тому, что предлагал Андропов. В докладе к 20-летию Победы фамилия Сталина была упомянута только однажды». По ходу доклада Брежнев произнес: «Был образован Государственный Комитет Обороны во главе с Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным для руководства всеми действиями по организации отпора врагу».

В своей книге «Брежнев. Правитель «золотого века» Сергей Семанов вспоминал: «Речь эта передавалась по всем каналам радио и телевидения в прямом эфире, я смотрел... как и миллионы граждан, очень внимательно... И вот Брежнев зачитал упомянутый краткий текст. Что началось в зале! Неистовый шквал аплодисментов, казалось, сотрясет стены Кремлевского дворца, так много повидавшего. Кто-то стал уже вставать, прозвучали приветственные клики в честь Вождя. Брежнев, окруженный безмолвно застывшим президиумом, сперва оторопело смотрел в зал, потом быстро-быстро стал читать дальнейшие фразы текста. Зал постепенно и явно неохотно затих. А зал этот состоял как раз из тех, кто именуется «партийным активом», то есть тех лиц, которые именуются «кадровым резервом». Это был именно ИХ глас».

Вскоре в «Правде» появилась статья видного историка страны академика В.Г. Трухановского, в которой говорилось, что положение о «периоде культа личности» является антиисторическим понятием. Очевидно, что эта статья, инспирированная руководящими идеологическими инстанциями, была направлена не на то, чтобы разобраться с фе-

номеном Сталина и периодом, когда он был у власти, а раз и навсегда снять острую тему. Бесконечные упоминания «культа личности Сталина» в печати прекратились. Очередная антисталинская кампания завершилась.

Еще в начале 1965 года в «Воениздате» вышел шестой, заключительный том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945», в котором на 38 страницах было упомянуто имя Сталина. При этом на каждой из этих страниц Сталина всякий раз оценивали сугубо негативно. Публикация этого тома не вызвала никаких нареканий со стороны властей. Однако когда в начале осени 1965 года в издательстве «Наука» вышла в свет книга А.М. Некрича «1941. 22 июня», в которой лишь развивалось положение хрущевского доклада о невнимании Сталина к предупреждениям о возможности германского нападения на СССР, она подверглась острой критике. Правда, критики не говорили о неверном освещении роли Сталина, а лишь утверждали, что Некрич неправильно описал подготовку СССР и Красной Армии к войне. (Через некоторое время А.М. Некрич выехал в Израиль на постоянное жительство.)

Упоминание Брежневым имени Сталина в своем докладе на торжественном собрании 8 мая 1965 года вызывало одобрение не только среди партийного актива, но и многих советских людей, считавших, что настало время решительно осудить хрущевскую кампанию против Сталина. Хотя стихотворение молодого поэта Феликса Чуева «Зачем срубили памятники Сталину?» не было опубликовано, его машинописные копии передавали из рук в руки. Позже Чуев вспоминал: «Мне приходило изрядное количество писем: одни читатели разделяли мои чувства, другие обещали расстрелять у Кремлевской стены».

Другое свое стихотворение Чуев опубликовал в журнале «Молодая гвардия». В нем поэт рассказывал о своей мечте: создать пантеон славы всех героев Великой Отечественной войны. Чуев писал:

«Пусть, кто войдет, почувствует зависимость
От Родины, от русского всего.
Там посредине — наш Генералиссимус
И маршалы великие его».

Пока литературные журналы, в которых преобладала либеральная интеллигенция, ругали Чуева и его стихотворение, «маршалы великие» стали публиковать мемуары, в которых неудачи Красной Армии первых лет войны объяснялись не столько просчетами Сталина, сколько объективными причинами, мощью врага, недостатками советских войск и собственными ошибками. Говоря же о победах Красной Армии, они отдавали должное не только героизму советских воинов, растущему совершенствованию военной техники и собственного военного мастерства, но и решениям, принимавшимся в Ставке во главе со Сталиным. Хотя их похвала в адрес Сталина нередко умерялась замечаниями о разногласиях с ним по ряду вопросов, их рассказы о встречах со Сталиным в годы войны были конкретными и создавали емкое представление о его полководческой деятельности.

Из книги воспоминаний маршала Конева «Сорок пятый», опубликованной в 1966 году, следовало, что, вопреки заявлениям Хрущева, И.В. Сталин принимал активное участие в разработке важнейших боевых операций Красной Армии. Уже на первых же страницах своей книги маршал подробно рассказал, какие указания давал Сталин в ходе подготовки операции по овладению Силезским промышленным районом, обратив особое внимание на его огромную роль в хозяйстве Европы. По ходу книги Конев не раз упоминал, как уже в ходе боевых операций его фронта Сталин контролировал их проведение, а порой брал под контроль и действия отдельных армий. В то же время, по словам Конева, получалось, что, вопреки утверждению Хрущева, Сталин предпочитал коллегиальное решение вопросов ведения военных действий, проявляя со своей стороны глубокое знание обсуждавшихся предметов.

В своей книге «Солдатский долг» маршал К.К. Рокоссовский рассказал о своих впечатлениях от разговоров со Сталиным, которые в корне противоречили созданному Хрущевым образу Сталина, как человека с дурным, капризным характером, грубо обращавшимся с окружающими. Вспоминая тяжелые дни ноября 1941 года во время боев под Москвой, Рокоссовский писал, как он был вызван для телефонного разговора с И.В.Сталиным вскоре после того, как немцы в очередной раз потеснили наши войска на истринском участке фронта. По этому поводу генерал уже имел

«бурный разговор» с командующим фронтом Г.К. Жуковым. «Идя к аппарату, я представлял, под впечатлением разговора с Жуковым, какие же громы ожидают меня сейчас. Во всяком случае, я приготовился к худшему. Взял разговорную трубку и доложил о себе. В ответ услышал спокойный, ровный голос Верховного Главнокомандующего. Он спросил, какая сейчас обстановка на истринском рубеже. Докладывая об этом, я сразу же пытался сказать о намеченных мерах противодействия. Но Сталин мягко остановил, сказав, что о моих мероприятиях говорить не надо. Тем подчеркивалось доверие к командиру. В заключение разговора Сталин спросил, тяжело ли нам. Получив утвердительный ответ, он сказал, что понимает это: «Прошу продержаться еще некоторое время, мы вам поможем...» Нужно ли добавлять, что такое внимание Верховного Главнокомандующего означало очень многое для тех, кому оно уделялось. А теплый отеческий тон подбадривал, укреплял уверенность. Не говорю уже, что к утру прибыла в армию и обещанная помощь — полк «катюш», два противотанковых полка, четыре роты с противотанковыми ружьями и три батальона танков. Да еще Сталин прислал свыше 2 тысяч москвичей на пополнение».

Полностью опровергая заявление Хрущева о том, что Сталин не терпел возражений и навязывал свою волю, не считаясь с объективными условиями, Рокоссовский приводил рассказ о разговоре И.В. Сталина с Г.К. Жуковым, свидетелем которого он стал: «Сталин поручил Жукову провести небольшую операцию, кажется, в районе станции Мга, чтобы чем-то облегчить положение ленинградцев. Жуков доказывал, что необходима крупная операция, только тогда цель будет достигнута. Сталин ответил: «Все это хорошо, товарищ Жуков, но у нас нет средств, с этим надо считаться». Жуков стоял на своем: «Иначе ничего не выйдет. Одного желания мало». Сталин не скрывал своего раздражения, но Жуков твердо стоял на своем. Наконец, Сталин сказал: «Пойдите, товарищ Жуков, подумайте, вы пока свободны». Мне понравилась прямота Георгия Константиновича. Но когда мы вышли, я сказал, что, по-моему, не следовало бы так резко разговаривать с Верховным Главнокомандующим. Жуков ответил: «У нас еще не такое бывает».

В своих воспоминаниях «Служу народу» маршал Мерецков высмеивал утверждение Хрущева о том, что Сталин раз-

рабатывал военные операции на глобусе. К.А. Мерецков писал: «Ничего более нелепого мне никогда не приходилось читать. За время войны, бывая в Ставке и в кабинете Верховного Главнокомандующего с докладами, присутствуя на многочисленных совещаниях, я видел, как решались дела. К глобусу И.В. Сталин тоже обращался, ибо перед ним вставали задачи и такого масштаба. Но вообще-то он всегда работал с картой и при разборе предстоящих операций порой, хотя далеко не всегда, даже «мельчил». Последнее мне казалось излишним... Но неверно упрекать его в отсутствии интереса к деталям. Даже в стратегических военных вопросах И.В. Сталин не руководствовался ориентировкой «по глобусу». Тем более смешно говорить это применительно к вопросам тактическим, а они его тоже интересовали, и немало». Следует заметить, что и Мерецков, и Рокоссовский были репрессированы и лишь накануне войны вернулись к активной работе. Однако они не пытались свалить на Сталина вину за беззакония, совершенные в отношении них, и не старались исказить правду о нем, мстя за свои злоключения.

Подробным образом рассказал о том, как осуществлялась ежедневная деятельность Верховного Главнокомандующего Сталина маршал С.М. Штеменко, работавший во время войны в Генеральном штабе. В течение суток Сталин трижды получал подробный доклад о положении на фронте, а сам давал указания для передачи на фронт. При этом Штеменко отмечал, что Сталин точно знал по фамилиям всех командующих фронтами, армий, корпусов. Знал он фамилии и многих командиров дивизий.

Эти воспоминания опровергали выдумки Хрущева о некомпетентности Сталина как военного руководителя и пагубности его руководства Красной Армией. Одновременно мемуары маршалов показывали, что в «Истории Великой Отечественной войны» и других публикациях хрущевского времени была скрыта огромная позитивная роль Сталина в руководстве действиями советских Вооруженных сил в годы войны. Особое внимание привлекла книга маршала Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления». Как известно, в 1946—1951 годах маршал был подвергнут опале при Сталине и лишь в последние месяцы жизни Сталина он вернулся к руководящим постам в Министерстве обороны. Казалось бы, он мог высказать много недоброжелательных замеча-

ний в адрес своего непосредственного начальника по Наркомату обороны. Не скрывая разногласий со Сталиным (например, по вопросу об обороне Киева в 1941 году), Жуков приводил множество примеров, свидетельствующих о выдающемся вкладе Сталина в Победу.

Как и другие маршалы, Жуков подчеркивал высокий уровень компетентности Сталина, который он проявлял в ходе подготовки боевых операций. По словам Жукова, «идти на доклад в Ставку, к Сталину, скажем с картами, на которых были хоть какие-то «белые пятна», сообщать ему ориентировочные данные, а тем более преувеличенные данные — было невозможно. И.В. Сталин не терпел ответов наугад, требовал исчерпывающей полноты и ясности. У него было какое-то особое чутье на слабые места в докладах и документах, он тут же их обнаруживал, и строго взыскивал с виновных за нечеткую информацию. Обладая цепкой памятью, он хорошо помнил сказанное, не упускал случая резко отчитать за забытое. Поэтому штабные документы мы старались готовить со всей тщательностью, на какую только способны были в те дни».

Опровергая хрущевскую версию о сталинском своеволии в руководстве во время войны, Г.К. Жуков писал: «После смерти Сталина появилась версия о том, что он единолично принимал военно-политические решения. С этим согласиться нельзя. Выше я уже говорил, что если Верховному докладывали вопросы со знанием дела, он принимал их во внимание. И я знаю случаи, когда он отказывался от своего собственного мнения и ранее принятых решений. Так было, в частности, с началом сроков многих операций».

Давая общую оценку полководческой деятельности Сталина, Г.К. Жуков писал: «Как военного деятеля И.В. Сталина я изучил досконально, так как вместе с ним прошел всю войну... В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, богатая интуиция. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную крупную наступательную операцию... И.В. Сталин владел вопросами организации фронтовых операций и операций групп фронтов и руководил ими с полным знанием дела, хорошо разбираясь и в больших стратегических вопросах. Эти способности И.В. Сталина как Главнокомандующего особенно проявились, на-

чиная со Сталинграда... Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим. Конечно, И.В. Сталин не вникал во всю ту сумму вопросов, над которой приходилось кропотливо работать войскам и командованию всех степеней, чтобы хорошо подготовить операцию фронта или группы фронтов. Да ему это и не обязательно было знать».

Подробные описания в воспоминаниях маршалов деятельности Сталина как Верховного Главнокомандующего, обстановки в кремлевском кабинете Сталина, стиля работы Сталина позволили советскому писателю Юрию Бондареву ввести в свой знаменитый роман «Горячий снег» сцену, в которой его герой — генерал Бессонов обсуждал со Сталиным в Кремле ход боевых действий под Сталинградом. Писатель мастерски изобразил характерные особенности сталинского стиля общения с людьми, его манеру ведения дискуссии и принятия решений. Это было первым появлением Сталина в советской художественной литературе после 1964 года.

В это же время вышли в свет воспоминания Валентина Бережкова, который работал переводчиком на Тегеранской конференции, а также протокольные записи Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций. Эти публикации еще в большей степени подтверждали представление об умелом руководстве Сталиным внешними делами страны.

Воспоминания маршалов о войне и публикации о международных конференциях отразились и на подготовке кинорежиссером Юрием Озеровым отдельных эпизодов киноэпопеи «Освобождение». В сценарий, который он писал вместе с Юрием Бондаревым и Оскаром Кургановым, были включены сцены, основанные на воспоминаниях Жукова, Рокоссовского, а также протоколах конференций Большой Тройки и воспоминаниях Бережкова. Впервые после 1953 года в советском фильме появлялся И.В. Сталин. Летом 1968 года работа над первыми двумя сериями из эпопеи («Огненная дуга» и «Прорыв») уже близилась к концу. В августе должны были снять сцены, посвященные Тегеранской конференции. На роль переводчика Сталина подобрали моего школьного друга Вячеслава Сулиму. Однако Слава должен был выезжать в качестве переводчика в составе делегации в Канаду и он попросил меня, чтобы я заменил его на съемках.

Это было совершенно неожиданно для меня, так как я не только никогда не снимался в кино, но после новогоднего праздника в первом классе я никогда не участвовал в каких-либо самодеятельных спектаклях. Однако Юрий Озеров справедливо рассудил, что, имея опыт переводческой работы, я буду естественно вести себя, когда мне придется по ходу сцены переводить переговоры Сталина.

Во время съемок мне было все в новинку, и я волновался. Но я заметил, что и опытные актеры были заметно взволнованы, увидев артиста Бухути Закариадзе в гриме Сталина. Неожиданно в павильон Мосфильма, где снимался зал Тегеранской конференции, вошел Юрий Никулин, который в это время был занят в сцене из «Бриллиантовой руки». Войдя в домашнем наряде своего героя и увидев «Сталина», он так и застыл, утрированно изображая свое удивление.

Сцена прибытия Сталина в Тегеран снималась на Тушинском аэродроме. Помимо участников киногруппы к месту съемки подошли летчики и работники аэродрома. Многие из них старались завязать разговор с Закариадзе, сфотографироваться рядом с ним. Артист подыгрывал общему настроению, поддерживая себя «в образе». Многие улыбаясь говорили, что Сталину давно пора вернуться. Другие, шутя, журили «Сталина» за то, что тот излишне доверился Берии. Было очевидно, что появление «Сталина» вызывало лишь теплые эмоции и не было таких, кто бы возмущался его возвращением на экран.

Сцена встречи Сталина с Рузвельтом снималась, когда на Мосфильм пришла экскурсия дипломатических работников, аккредитованных в Москве, с их женами и детьми. Об этой экскурсии узнали иностранные журналисты в Москве, а вскоре в ряде журналов и газет США были опубликованы фотографии, изображавшие «Сталина», «Рузвельта» и их «переводчиков». Публикуя эту фотографию в журнале «Ньюсуик» за 7 октября 1968 года, корреспонденты из Москвы писали, что съемки фильма — «это часть тихой кампании Кремля с целью реабилитировать Сталина, по крайней мере, как военачальника».

Но дело обстояло совсем не так, как писали американские журналисты. Завершился 1968 год, а затем прошел 1969 год, но уже готовые фильмы Юрия Озерова упорно не пускали на экран. Препятствия чинились правительствен-

ными учреждениями из-за тех небольших сцен, в которых появлялся Сталин. Подавляющее большинство советских людей и не подозревали, что в верхах не было единства относительно того, как оценивать Сталина.

С одной стороны, новое руководство представляло собой то поколение советских руководителей, на которых Сталин давно сделал свою ставку. Перелом в карьерах Брежнева, Косыгина, Подгорного и других членов постхрущевского руководства произошел в середине 30-х годов, когда они, закончив высшие учебные заведения и поработав на современном производстве, оказались на ответственных партийных и государственных постах, освободившихся главным образом в результате взаимоуничтожения партийных руководителей в ходе междоусобной борьбы 1937–1938 годов. Многих из них на высокие государственные посты лично назначал Сталин. На XIX съезде Сталин ввел Брежнева и ряд других представителей нового поколения советских руководителей в состав расширенного Президиума ЦК.

Подъем их политической деятельности пришелся на годы Великой Отечественной войны и они были связаны дружескими узами со многими ветеранами фронта и тыла тех героических лет. А многие люди из этого поколения, пережив первый шок от доклада Хрущева, отказывались верить в огульные и бездоказательные обвинения Сталина. Верховный Главнокомандующий, с именем которого они шли на смертный бой и выдерживали нечеловечески тяжелые условия труда и жизни в тылу, оставался для них великим героем даже в годы разгула хрущевского антисталинизма.

Кроме того, новые руководители не забыли того, как над некоторыми из них нависла угроза расправы, после того как Хрущев счел их носителями сталинизма, подвергнув их тесту с помощью рассказа А.И. Солженицына. Они решили не только прекратить «тестирование на наличие сталинизма», но и наказать автора произведения, с помощью которого они были подвергнуты этой проверке. Несостоявшийся лауреат Ленинской премии Солженицын стал объектом травли, подобной тем, что давно научились устраивать в СССР писателям и другим творческим работникам. Даже те произведения Солженицына, которые лишь весьма косвенно касались проблем репрессий, как его роман «Раковый корпус», были запрещены к публикации, а затем по-

следовала долгая кампания преследования писателя. Как это часто бывало в ходе таких кампаний, объект преследований, испытывая массу материальных и психологических неудобств, заметно выигрывал в общественном признании.

С другой стороны, за 11 лет в правящих кругах советского общества произошли серьезные перемены. Ряд лиц, которых выдвигал Сталин на первые посты в руководстве (как, например, П.К. Пономаренко), были постепенно отстранены от руководства. На руководящих постах Хрущев оставлял тех, кто демонстрировал свою поддержку ему. Хотя эти люди могли заменить Хрущева и ему подобных руководителей еще в середине 50-х годов, в течение 11 лет пребывания на различных партийных и хозяйственных постах, они активно поддерживали хрущевскую политику и проводимые им реорганизации. Правда, плачевные результаты хрущевских экспериментов заставили их убрать Хрущева и отказаться от ряда его реформ, но 11 лет сотрудничества с Хрущевым не прошли для них даром. Они привыкли жить без глубокого теоретического осмысления политики страны, подменяя его пропагандистской трескотней. Придя к власти, они не желали пересматривать политику страны на научной основе, что признал необходимым Сталин еще в 1951–1952 годах. Они продолжали двигаться по инерции, повторяя дежурные фразы о верности ленинизму. Попытки же пересмотреть экономическую политику страны были недостаточно продуманы, а затем остановлены. Авантюристическая самонадеянность Хрущева постепенно сменялась спесивой самоуспокоенностью.

Вряд ли наследники Хрущева задумывались и о том, что за годы хрущевского правления лозунги партии, ее программные требования оказались так дискредитированы, что требовались значительные усилия для того, чтобы восстановить утерянное доверие и утраченную привлекательность коммунистических идеалов. Программа КПСС, принятая на XXII съезде и содержавшая совершенно нереальные задачи создания материально-технической базы коммунизма к 1980 году, не была изменена. В значительной степени это объяснялось тем, что новые руководители были связаны своими заявлениями в поддержку этой программы и других обещаний Хрущева.

Шаблонные фразы о преодолении «волюнтаризма» и победе ленинских идей прикрывали неспособность власть

имущих критически взглянуть на глубокие изъяны политической жизни СССР, позволившие Хрущеву 11 лет находиться на ведущих государственных постах и безнаказанно совершать авантюристические действия, наносившие урон стране. Судя по всему, партийные группировки, свергнувшие Хрущева, не были готовы глубоко разбираться в причинах, породивших провалы советской внутренней и внешней политики 1953–1964 годов. Руководители страны не собирались пересматривать те условия, которые позволили им прийти к власти и удерживаться у власти. Они не понимали, что отрыв партийных верхов от народа, об опасности которого предупреждал Сталин в 1937 году, существенно усилился за годы Хрущева, а внезапное объявление об его отставке без всяких разумных объяснений лишь усугубило недоверие народа к властям.

Принцип «ненаказуемости» верхов, фактически введенный Хрущевым на XX съезде под предлогом защиты от незаконных репрессий, способствовал тому, что ошибки советского руководства за 11 лет не были глубоко проанализированы. Отказавшись от очернительства сталинского периода советской истории, но не попытавшись глубоко проанализировать это время, руководство фактически закрыло и этот период для серьезного и объективного исследования. История СССР превратилась в собрание шаблонизированных оценок, скрывавших правду, а нередко искажавших ее.

Нежелание глубоко анализировать прошлое во многом объяснялось также воспоминаниями о катастрофичных последствиях доклада Хрущева на XX съезде. Повторение потрясений, вроде тех, что произошли после XX съезда, пугало руководителей страны, и они избегали глубокого анализа советской истории, чтобы обеспечить стабильность и спокойствие в стране. Они боялись, что признание того, что в огромном количестве жертв виновен не Сталин, а многие партийные руководители различного уровня, работники органов безопасности и правоохранительной системы, а также миллионы рядовых советских граждан, могло нанести удар по основным положениям пропаганды, провозглашавшим безупречную мудрость партии, совершенство советского государства, высочайшие моральные качества представителей рабочего класса и всего народа.

В то же время разногласия в международном коммуни-

стическом движении, усугубившиеся после отставки Хрущева, кризис в Чехословакии 1968 года, который начался с осуждения репрессий конца 40-х – начала 50-х годов и увенчался вводом войск стран Варшавского договора в эту страну, а также появление в стране собственных «диссидентов», лишь убеждали руководителей СССР в опасности поднимать взрывоопасные вопросы. В этой обстановке руководители страны панически боялись «раскачивать лодку» и стремились сглаживать разногласия между собой, а поэтому уходить от любых сложных и острых идейно-политических вопросов.

К тому же новые руководители были причастны к молчаливому одобрению доклада Хрущева на XX съезде КПСС. Новые руководители поддержали Хрущева в его борьбе против Молотова и других, которые обвинялись в сотрудничестве со Сталиным в проведении репрессий. Как сказано выше, на XXII съезде КПСС Н.В. Подгорный лично предложил вынести тело Сталина из Мавзолея, а делегаты съезда его поддержали.

Все эти обстоятельства привели к тому, что в докладе о 50-летии Октябрьской революции, с которым в ноябре 1967 года выступил Л.И. Брежнев, не было ни слова сказано о роли Сталина в советской истории. Эти же обстоятельства объясняли противоречивое отношение руководства страны к оценке Сталина, проявившееся в ходе обсуждения вопроса о 90-летии Сталина на заседании Политбюро 17 декабря 1969 года.

Во вступительном слове Л.И. Брежнев сказал, что был подготовлен вариант статьи в «Правде» к 90-летию Сталина, и предложил всем высказаться. Первым выступил М.А. Суслов, который считал, что «такую статью ждут в стране вообще, не говоря о том, что в Грузии особенно ждут». Он заметил, что «молчать совершенно, сейчас нельзя. Будет расценено неправильно, скажут, что ЦК боится высказать открыто свое мнение по этому вопросу». Однако он тут же оговорился, что «не нужно широко отмечать 90-летие и вообще никаких иных мероприятий не проводить, кроме этой статьи». Суслов выразил удовлетворение содержанием предложенного варианта статьи, так как она «говорит и о положительной роли Сталина, и о его ошибках. Говорится в соответствии с известным решением ЦК КПСС», то есть решением от 30 июня 1956 го-

да. «Я думаю, — замечал Суслов, — что нас правильно поймут все, в том числе и интеллигенция... Неправильно могут понять Солженицын и ему подобные, а здоровая часть интеллигенции (ее большинство) поймет правильно».

Ему возражал Н.В. Подгорный. Он напомнил, что «все присутствующие здесь, или, во всяком случае, большая часть, — участники XX и XXII съездов партии. Большинство из нас выступали на этих съездах, говорили, критиковали ошибки Сталина. Об этом говорил, как мы помним, и т. Суслов в своем выступлении». Подгорный заявил: «Я не думаю, что надо как-то отмечать 90-летие со дня рождения Сталина. Если выступить со статьей в газете, то надо писать, кто погиб и сколько погибло от его рук. На мой взгляд, этого делать не нужно... Сейчас все успокоились. Никто нас не тянет, чтобы мы выступили со статьей, никто не просит. И, мне кажется, кроме вреда, ничего эта статья не принесет. А уж если писать, то надо писать в строгом соответствии с решением Центрального Комитета партии, принятым в свое время и опубликованным». Н.В. Подгорного поддержал А.П. Кириленко, а также А.Я. Пельше.

За публикацию статьи выступил П.Е. Шелест, который заметил: «Надо учитывать, что за последние годы в мемуарах наших маршалов, генералов много понаписано о Сталине с разных точек зрения, кое в чем расходящихся с решениями ЦК, принятыми ранее». П.Е. Шелеста поддержал К.Т. Мазуров, заметив: «Мне кажется, более того, надо подумать о том, чтобы поставить бюст на могиле Сталина. Я вам скажу, как реагировал т. Гусак[1] на этот факт, когда мы подошли с ним во время посещения Мавзолея к могиле Сталина. Он спросил, а почему нет бюста? Я ему сказал, что вначале не поставили, а потом как-то к этому вопросу не возвращались. Он говорит: по-моему, это неправильно. Надо было поставить бюст. Вот вам точка зрения т. Гусака, который был в свое время, безусловно, обижен Сталиным. Да, по-моему, и любой здравый человек рассудил бы так». Решительно выступил за публикацию статьи А.Н. Шелепин, который считал, что «в народе это будет встречено хорошо».

[1] Густав Гусак — тогдашний руководитель Компартии Чехословакии, а затем президент этой страны. В начале 50-х годов был репрессирован.

За публикацию статьи выступил В.В. Гришин. Его поддержали А.Н. Косыгин и Д.Ф. Устинов.

Однако с возражениями выступил заведующий международным отделом и секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев. Он заявлял: «Любое выступление о Сталине, и особенно это, надо рассматривать с точки зрения интересов партии и коммунистического и рабочего движения. Вы помните, как после XX съезда партии было много разговоров на этот счет, много волнений разного рода. Что нам лучше сейчас — поднимать снова эти волнения или пусть будет так, как сейчас, т.е. спокойное состояние?... Если уж писать, то надо освещать две стороны медали. Но надо ли писать вообще, я не знаю. Что, например, скажут тт. Гомулка, Кадар?[1] Словом, будут возникать разного рода вопросы. Это очень сложная фигура — Сталин в истории и с ним нужно быть осторожным».

Надо сказать, что Пономарев, ориентировавшийся на взгляды руководителей ряда европейских компартий, явно игнорировал настроения многих рядовых коммунистов этих стран. Судя по моим личным беседам, многие коммунисты различных стран высказывали недоумение по поводу отказа вернуть Сталинграду его название. Я помню, как во время собрания итальянских левых сил за признание ГДР во Флоренции в декабре 1971 года в зале раздались бурные аплодисменты, когда показали документальный фильм, в котором появился Сталин на Потсдамской конференции. В 1976 году я видел небольшие портреты Сталина на улицах португальских городов, а в Лиссабоне в это время можно было приобрести значки с его изображением.

Пономареву возражал Ю.В. Андропов, заявивший: «Я за статью... Вопрос этот, товарищи, внутренний, наш и мы должны решать, не оглядываясь на заграницу... А насчет заграницы я вам скажу. Кадар, например, в беседе со мной говорил: почему вы не переименуете Волгоград в Сталинград? Все-таки это историческое наименование. Вот вам и Кадар».

После этого за публикацию статьи высказались все остальные, принявшие участие в дискуссии (Г.Н. Воронов, М.С. Соломенцев, И.В. Капитонов, П.М. Машеров, Д.А. Ку-

[1] Руководитель польских коммунистов Владислав Гомулка и руководитель венгерских коммунистов Янош Кадар были репрессированы в начале 50-х годов.

наев, В.В. Щербицкий, Ш.А. Рашидов, Ф.Д. Кулаков). При этом В.В. Щербицкий заметил: «Что преподают в школах по этому вопросу? Ничего определенного, кроме культа». (Видимо, он имел в виду стандартные упоминания о «культе личности Сталина».)

Подводя итоги дискуссии, Брежнев признал, что «вначале занимал отрицательную позицию» относительно публикации статьи. Он объяснял это так: «У нас сейчас все спокойно, все успокоились, вопросов нет в том плане, как они в свое время взбудоражили людей и задавались нам. Стоит ли нам вновь этот вопрос поднимать?» Однако, замечал Брежнев, «побеседовав со многими секретарями обкомов партии, продумав дополнительно и послушав ваши выступления, я думаю, что все-таки действительно больше пользы в том будет, если мы опубликуем статью... Если мы дадим статью, то будет каждому ясно, что мы не боимся прямо и ясно сказать правду о Сталине, указать то место, какое он занимал в истории, чтобы не думали люди, что освещение этого вопроса в мемуарах отдельных маршалов, генералов меняет линию Центрального Комитета партии». Брежнев предлагал поручить Суслову, Андропову, Демичеву, Катушеву доработать статью «с учетом обмена мнений сегодня».

Статья, опубликованная в «подвале» второй страницы «Правды» 21 декабря 1969 года, называлась «К 90-летию И.В. Сталина» и во многом была похожа на статью, которая была опубликована ровно 10 лет назад при Хрущеве. В то же время статья была не только меньше (сравнив обсуждавшийся вариант статьи с опубликованным в «Правде», Василий Сойма указал, что статья существенно сократилась в объеме — с 12 до 5 машинописных страниц), но и стала еще суше по изложению материала.

В статье подчеркивалось, что «в оценке деятельности Сталина КПСС руководствуется известным постановлением ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий». В одном абзаце было упомянуто об индустриализации, коллективизации и вскользь упомянуто о роли Сталина в руководстве страной в эти времена. Хотя было сказано о значении Сталина как теоретика, это замечание умерялось словами: «Вместе с тем Сталин допускал теоретические и политические ошибки, которые приобрели тяжелый характер в последний период его жизни».

Вновь было рассказано о «Письме к съезду» Ленина. После этого говорилось, что сначала Сталин считался с критикой Ленина, «однако в дальнейшем он постепенно начал отступать от ленинских принципов коллективного руководства и норм партийной жизни, переоценил собственные заслуги в успехах партии и всего советского народа, уверовал в свою непогрешимость. В результате были допущены факты неоправданного ограничения демократии и грубые нарушения социалистической законности, необоснованные репрессии против видных партийных, государственных и военных деятелей». В таком же духе излагалась деятельность Сталина в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. После ритуального осуждения культа личности шли фразы о программе КПСС и решениях XXIII съезда КПСС.

Разногласия, проявившиеся в руководстве партии по «сталинскому вопросу», порождали боязнь дать достаточно полные и ясные оценки Сталину. Видимо, не случайно выход в свет 13-го тома «Советской исторической энциклопедии», в котором должна была появиться статья о Сталине, долго задерживался. Том был сдан в набор 3 ноября 1969 года, но подписан в печать лишь 27 февраля 1971 года. Как известно, редакция «СИЭ» до 1964 года особенно активно публиковала материалы о «культе личности Сталина» (этому была посвящена специальная статья, опубликованная в вышедшем в 1965 году 8-м томе энциклопедии.) В конечном счете, статья о Сталине, которая вошла в том, содержала все те же шаблонные фразы, из которых состояли статьи «Правды» 21 декабря 1959 года и 21 декабря 1969 года.

В то же время в статье было больше сказано о дореволюционной деятельности Сталина с упоминанием основных ее вех. Вкратце и без критических высказываний была изложена и деятельность Сталина до 1922 года. Затем шли известные цитаты из «Письма к съезду» Ленина. После слов о борьбе Сталина с внутрипартийной оппозицией и его выступлениях по вопросам индустриализации и коллективизации приводилась длинная цитата из постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года, содержавшая критические оценки Сталина.

В статье говорилось, что «С. постепенно начал отступать от ленинских принципов коллективного руководства и норм

партийной жизни. В результате были допущены факты неоправданного ограничения демократии и грубые нарушения социалистической законности, необоснованные массовые репрессии против видных парт., гос., воен. деятелей и других кадров, что нанесло большой ущерб партии, сов. народу и армии». Упоминания о ряде теоретических работ Сталина оговаривались замечанием: «Допускавшиеся С. теоретич. и политич. ошибки не подлежали критике, что нанесло тогда ущерб развитию обществ. наук».

Оценка деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны отвечала уже отработанным шаблонам: «Накануне Вел. Отечеств. войны С., принимая руководящее участие в напряженной деятельности партии по укреплению обороноспособности страны, допустил серьезный просчет в оценке сроков возможного нападения фаш. Германии на СССР, что имело тяжелые последствия в первые месяцы войны». Затем перечислялись посты, которые занимал Сталин в годы войны, и полученные им правительственные награды. В конце статьи содержались дежурные осуждения культа личности и вниманию читателей предлагалась статья из 8-го тома энциклопедии на эту тему.

И все-таки даже эти официальные публикации, содержавшие немало критических замечаний в адрес Сталина, свидетельствовали о том, что однозначное очернение Сталина кончилось и вычеркнуть его заслуги из советской истории нельзя. Василий Сойма заметил, что через год после публикации статьи в «Правде» 21 декабря 1969 года на могиле И.В. Сталина у Кремлевской стены был установлен бюст работы скульптора Н.В. Томского.

Тем временем кинорежиссер Юрий Озеров постарался ознакомить с готовыми сериями своей киноэпопеи видных советских военных и партийных работников. Специальный сеанс был организован для членов Политбюро. Л.И. Брежневу и его коллегам фильмы понравились и они были довольны тем, как был изображен в них Сталин. Фильмы разрешили пустить в прокат. Одновременно продолжились съемки других фильмов киноэпопеи.

Съемки сцен Ялтинской конференции для фильма «Битва за Берлин» в апреле 1970 года проходили в Ливадийском дворце, который тогда являлся домом отдыха. В это время года среди отдыхающих всегда преобладали немолодые лю-

ди. Они и работники дома отдыха постоянно подходили к съемочной площадке, жадно следили за ходом съемки и ловили каждое слово и каждый жест «Сталина». Во время перерыва в съемках Бухути Закариадзе подошел к толпе людей и неожиданно произнес: «Вы любите меня?» Ответом было всеобщее: «Да! Любим!» А затем люди бросились к Закариадзе, пожимая ему руки, как будто он на самом деле был Сталиным. Кто-то взял фотоаппарат и начал фотографировать Закариадзе и окруживших его людей. При этом каждый из присутствовавших норовил оказаться поближе к «Сталину». Попытки администратора съемок навести порядок на площадке успеха не имели. Какая-то женщина, держа «Сталина» за руку, доверительно говорила ему, что она подала заявление о вступлении в партию 5 марта 1953 года. Другая женщина хотела непременно показать «Сталину» дом отдыха и в ответ на попытки администратора оставить Закариадзе в покое, стала возмущаться: «Я из Сибири приехала. Что же вы не хотите, чтобы мы показали, как живем мы, простые люди?» Казалось, что на фабрике киногрез время повернулась вспять и люди видели в актере великого вождя, в то же время воспринимая себя как тех «простых людей», о которых постоянно заботился Сталин их юности.

В том, что теплое отношение к Сталину отнюдь не ограничивалось отдыхающими и сотрудниками дома отдыха в Ливадийском дворце, я убедился во время просмотров серий «Освобождения» в московских кинотеатрах весной 1970 и летом 1971 года. Всякий раз, когда на экране появлялся Закариадзе в роли Сталина, в зале раздавались аплодисменты. Такими же аплодисментами встретили зрители кадры из кинохроники, показывавшие Сталина на Мавзолее на Параде Победы 1945 года в фильме «Посол Советского Союза». Было очевидно, что, несмотря на умолчание официальных властей, несмотря на злобствование либеральной интеллигенции, у многих советских людей сохранялась любовь к Сталину.

Вскоре вышли в свет книги воспоминаний маршалов К.Е. Ворошилова, С.М. Буденного, А.М. Василевского, И.Х. Баграмяна и многие другие мемуары людей, сыгравших выдающуюся роль в советской истории. В этих публикациях содержались новые свидетельства о военной деятельности Сталина. С.М. Буденный показывал, как разумно

организовал Сталин оборону Царицына в годы Гражданской войны. А.М. Василевский свидетельствовал: «В ходе Великой Отечественной войны, как, пожалуй, ни в какое время, проявилось в полной степени самое сильное качество И.В. Сталина: он был отличным организатором... Возглавляя одновременно Государственный Комитет Обороны, Центральный Комитет партии, Советское правительство, Верховное Главнокомандование, Сталин изо дня в день очень внимательно следил за всеми изменениями во фронтовой обстановке, был в курсе всех событий, происходивших в народном хозяйстве страны. Он хорошо знал руководящие кадры и умело использовал их».

Снова и снова военачальники приводили примеры того, как Сталин, вопреки созданному Хрущевым мифу, был терпелив и внимателен к мнениям других людей, даже если они противоречили его собственным представлениям. Маршал И.Х. Баграмян вспоминал: «Мне... частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал».

Однако многое, о чем могли поведать очевидцы исторических событий, не было опубликовано. Прежде чем дойти до читателя, их воспоминания подвергались дотошной проверке на предмет наличия в них рассказов или суждений, которые бы противоречили постановлению 1956 года о «культе личности». Ни Ворошилову, ни Буденному не разрешили писать о событиях после середины 20-х годов. Авторам, занимавшим более скромное положение, редакторы издательств, действовавшие по указаниям вышестоящих идеологических администраторов, вычеркивали страницы, посвященные их встречам со Сталиным, или тщательно редактировали их. Из мемуаров Главного маршала авиации А.Е. Голованова были опубликованы лишь несколько глав в журнале «Октябрь», но подготовленную им рукопись воспоминаний власти издать не разрешили. Публикация работ Сталина была по-прежнему под запретом, а его книги, имевшиеся в библиотеках, еще при Хрущеве были переведены в отделы специального хранения.

В конце 1970 года разразился скандал вокруг публикации за рубежом воспоминаний Н.С. Хрущева. Их автор вновь повторял свои обвинения против Сталина, украсив их новыми байками собственного сочинения. Публикация мемуаров Хрущева лишний раз убедила руководство страны во взрывоопасности «сталинской темы». Вместо того, чтобы разобрать, что было правдой, а что ложью или сокрытием правды в мемуарах Хрущева, руководители партии заставили Хрущева подписать заявление, в котором его собственные мемуары объявлялись фабрикацией. Однако, несмотря на эти меры, переправляемые тайно в СССР воспоминания Хрущева способствовали возобновлению дискуссии по «сталинскому вопросу». Поэтому руководство решило еще реже упоминать Сталина.

В. Сойма отмечает: «В 1972 году при обсуждении на заседании Политбюро доклада «Пятьдесят лет великих побед социализма» вновь стал вопрос, упоминать ли имя Сталина. Выступившие по этому вопросу Н.В. Подгорный, Д.С. Полянский, А.Н. Косыгин и А.М. Суслов высказались против упоминания Сталина. В результате в докладе Л.И. Брежнева были названы лишь четыре имени — К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и Мао Цзэдуна. Последний был назван в отрицательном плане». Получалось, что в юбилей Союзного государства о Сталине, под руководством которого произошло его создание, а затем в течение 30 лет были достигнуты самые значительные его успехи, не было сказано ни слова.

Под предлогом заботы о стабильности страны руководство страны проводило «политику страуса», умалчивая о Сталине и его времени. Считалось, что таким образом страна сможет направить все силы на решение практических задач развития народного хозяйства и социальных проблем страны. Для страны, пережившей сначала сталинские годы великой войны и великих строек, а затем период хрущевских сумбурных экспериментов, такой выбор приоритетов многим представлялся разумным. Руководители страны не выдвигали нереальных планов решения острых проблем экономического и социального развития за 2—3 года, как это было при Маленкове и Хрущеве. Ровное, хотя и не слишком быстрое движение страны позволило ей сущест-

венно поднять уровень во многих отраслях промышленного производства.

За 18 лет пребывания Л.И. Брежнева во главе партии — с 1964 по 1982 год — добыча железной руды, производство чугуна, стали в стране увеличились в 1,6 раза, добыча угля возросла на 25%, нефти — в 2,5 раза, газа — в 3,9 раза, производство электроэнергии — в 2,7 раза, цемента — в 1,7 раза, минеральных удобрений — в 3,6 раза, тракторов — в 1,6 раза. Как отмечал в отчетном докладе на съезде КПСС (1981 г.) Л.И. Брежнев, «выпуск средств производства вырос в таких же масштабах, как за предыдущие двадцать лет».

В результате постоянного роста промышленности СССР обогнал все страны мира по общему объему производства ряда наиболее важных видов промышленной продукции. Выступая с отчетным докладом на XXV съезде КПСС (1976 г.), Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев заявлял: «Еще внушительнее стал перечень важных видов продукции, по объемам производства которых Советский Союз вышел на первое место в мире. К углю, железной руде, цементу и ряду других продуктов в последние годы добавились сталь, нефть, минеральные удобрения».

К 1982 году было преодолено отставание от наиболее развитых капиталистических стран по производству ряда многих видов промышленной продукции и на душу населения. Тогда СССР обогнал все страны мира в производстве и добыче на душу населения нефти, чугуна, стали, железной руды, минеральных удобрений, магистральных тепловозов и электровозов, тракторов, зерноуборочных комбайнов, древесины, пиломатериалов, цемента.

На XXVI съезде КПСС Л.И. Брежнев отмечал, что с 1971 по 1980 год «производительность труда... выросла... почти в полтора раза. На основе достижений науки получили дальнейшее развитие или созданы заново такие современные отрасли, как атомное машиностроение, космическая техника, электронная и микроэлектронная, микробиологическая промышленность, лазерная техника, производство искусственных алмазов, а также новых синтетических материалов».

Правда, СССР все еще отставал от США в производстве химических волокон на душу населения (в 2,5 раза), серной кислоты (на 20%), металлорежущих станков (на 30%), газа

(на 15%), электроэнергии (в 1,8 раза). Отставала наша страна и по развитию электроники. Однако это отставание постепенно преодолевалось.

Наращивание промышленного производства позволяло укреплять техническую базу села. Л.И. Брежнев констатировал: «Усилились химизация, комплексная механизация и индустриализация земледелия и животноводства... Интенсификация сельского хозяйства позволила — даже при сокращении численности работников — неуклонно увеличивать объем продукции. В расчете на один гектар он вырос в истекшем десятилетии по сравнению с предыдущим в 1,3 раза».

В результате этих усилий, несмотря на ряд неурожайных лет, валовая продукция сельского хозяйства выросла с 1965 по 1982 год на 27%. В результате этих успехов ежегодное потребление продуктов питания на душу населения с 1970 по 1982 год выросло: по мясу с 48 до 57 кг, по рыбе – с 15,4 до 18,4 кг, по овощам и бахчевым — с 82 до 101 кг, по фруктам и ягодам — с 35 до 42 кг, по яйцам — с 159 до 249 штук, по растительному маслу — с 6,8 до 9,3 кг, по сахару — с 38,8 до 44,5 кг. Потребление молока и молочных продуктов мало изменилось, сохранившись на уровне 300 кг. Потребление же менее ценных продуктов сократилось. Так, потребление картофеля снизилось с 130 до 110 кг, а хлеба и хлебопродуктов — с 149 до 137 кг.

Однако достигнутый уровень сельскохозяйственного производства был признан недостаточным. На майском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа, предусматривавшая значительное увеличение капиталовложений в сельское хозяйство и ряд организационных мер, с помощью которых страна должна была достичь к 1990 году производства основных продуктов питания в таком объеме, чтобы полностью удовлетворить необходимые потребности советских людей в питании, рекомендованные врачами (мясо и мясопродукты—70 кг, рыба и рыбопродукты—19 кг, молоко и молочные продукты—330—340 кг, яйца—260—266 штук, растительное масло—13,2 кг, овощи и бахчевые—126—135 кг, фрукты и ягоды—66—70 кг, картофель—110 килограммов, сахар—45,5 кг, хлеб и хлебопродукты—135 кг). Было очевидно, что по ряду продуктов необходимый уровень потребления уже был достигнут к 1982 году или почти достигнут. В то же

время производство мяса, фруктов, овощей должно было существенно возрасти. Ответственным за реализацию Продовольственной программы был назначен сравнительно молодой секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев.

Доля расходов в семейном бюджете на питание среднего рабочего промышленности неуклонно сокращалась (с 37,9% в 1965 году до 30,7% в 1982 году). Доли же расходов на приобретение одежды, обуви, тканей, мебели, социально-культурные и бытовые услуги за этот же период выросли. Доля расходов на оплату квартир, коммунальных услуг, содержание собственных домов несколько сократилась (с 2,7 до 2,6%.) На налоги, сборы и иные платежи приходилось 8,7% семейного бюджета.

Постоянный рост заработка позволял уверенно планировать свое будущее. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве, составлявшая 96,5 рубля в 1965 году, выросла к 1982 году до 177,3 рубля. При этом в промышленности заработная плата составляла 196,1 рубля в месяц, а в сельском хозяйстве—158,7 рубля в месяц.

В расчете на одну семью среднемесячная заработная плата с добавлением выплат и льгот в 1982 году составляла 443 рублей. Кроме того, на строительство жилищ, школ, культурно-бытовых и медицинских учреждений государство расходует в расчете на семью рабочих и служащих более 300 рублей в год.

Сумма среднего вклада в сберегательных кассах равнялась 53 процентам средней годовой заработной платы. Эти вклады позволяли людям иметь средства для проведения ежегодного отдыха, приобретения домашней техники или мебели, копить для приобретения кооперативной квартиры или строительства дачного домика. Каждый третий житель страны имел такие вклады. Ежегодно эти вклады продолжали расти.

Рост денежных накоплений у советских людей и одновременный рост производства потребительских товаров позволял им повысить качественный уровень своего быта. По сути, за эти годы совершилась подлинная революция в быту советских людей. Если в 1960 году из 100 семей 8 имели телевизоры, 4 — холодильники и 4 — стиральные машины, то к концу 1982 телевизоры были в 91 семье, в 89 семьях имелись — холодильники, а в 70 — стиральные машины. Правда, страна по-

прежнему заметно отставала от развитых стран мира по автомобилизации населения, но ускоренный рост производства легковых автомобилей (рост в 2,8 раза с 1970 по 1982 год) создавал почву для оптимизма и в этом отношении.

Быстро решалась жилищная проблема. В 1981 году Л.И. Брежнев заявлял: «В 70-е годы построены жилые дома, площадь которых превышает весь городской жилищный фонд в начале 60-х годов». При этом, если с середины 50-х годов до середины 60-х годов в СССР строили главным образом дешевые пятиэтажные жилые дома, то с середины 60-х годов новые дома были существенно добротнее и комфортабельнее.

В эти годы быстро развивалась сфера бытового обслуживания населения. Объем реализации бытовых услуг населению вырос только с 1970 года по 1982 год в 2,6 раза. При этом в сельской местности он увеличился за этот период в 3,3 раза. Число прачечных увеличилось на 38%, химчисток — в 2,3 раза, предприятий по строительству и ремонту квартир, а также прокатных пунктов — на 60%. Жизнь становилась все более удобной и комфортной.

Рост городов сопровождался развитием городского транспорта. Только число пассажирских троллейбусов возросло с 1965 по 1982 год в 2,5 раза. К 1965 году в стране было три города со своим метрополитеном (Москва, Ленинград и Киев), а к 1982 году таких городов стало 8. При этом стоимость пользования городским транспортом не увеличивалась с довоенного времени. Быстро развивался и городской таксопарк. С 1965 года по 1982 год платный пробег такси возрос (в километрах) почти в три раза. Тогда такси не было слишком дорогостоящим видом транспорта для большинства советских людей.

В ту пору поездка к родным или в места отдыха на любом виде транспорта не была связана с чрезмерными расходами. К тому же все виды всесоюзного транспорта быстро развивались. Число пассажиров, перевезенных железнодорожным транспортом, выросло с 1965 года по 1982 год с 2301 миллиона человек до 3579 миллионов человек, воздушным транспортом — с 42,1 миллиона человек до 108,1 миллиона человек. *Перелеты из Москвы в Ленинград* и обратно, который совершали герои фильма «С легким паром!», не были слишком обременительными для них (билет стоил 13 рублей), хотя они и жаловались на невысокую зарплату.

Число медицинских учреждений неуклонно росло. С 1965 по 1982 год число врачей всех специальностей выросло в СССР с 554,2 тысячи до 1071,2 тысячи, численность среднего медицинского персонала — с 1691,8 тысячи до 2963 тысяч, число больничных коек — с 2225,5 тысячи до 3443 тысяч. Количество лиц, находившихся под диспансерным наблюдением, только с 1970 по 1982 год увеличилось с 26 789 до 53 303 тысяч, а число лиц, охваченных профилактическими осмотрами — с 101 281 до 115 109 тысяч. Деятельность органов здравоохранения способствовала быстрому уменьшению многих заболеваний, особенно инфекционных. С 1965 по 1982 год число заболеваний инфекционными болезнями сокращалось: по скарлатине — с 530,8 тысячи до 324,7 тысячи, по дифтерии — с 4,7 тысячи до 920, по коклюшу — с 190 тысяч до 27,5 тысячи, по кори — с 2128,7 тысячи до 466,2 тысячи.

В то время принимались энергичные меры по борьбе с производственным травматизмом. Затраты на них возросли с 1971 по 1982 год в полтора раза. В итоге только с 1975 года по 1982 год производственный травматизм сократился по народному хозяйству страны на 32%.

Постоянно росло число санаториев, домов и баз отдыха, пансионатов и туристских баз, в которых советские люди могли укрепить свое здоровье. С 1965 по 1982 год их количество возросло с 3600 до 13 877. В 1982 году в санаториях, учреждениях отдыха, на туристских маршрутах и базах лечилось и отдыхало 59 миллионов человек. Из них 49 миллионов пользовались длительным лечением и отдыхом. Около трети лечившихся и отдыхавших получили путевки за счет средств социального страхования и государственного бюджета по льготным ценам с оплатой только 30% или 50% стоимости. Сотни тысяч людей получили путевки бесплатно.

В 1982 году свыше 27 миллионов детей и подростков в течение лета отдыхали в пионерских лагерях, на экскурсионно-туристских базах или выезжали на летнее время в дачные местности с детскими учреждениями. Приметой лета были вереницы автобусов, в которых сидели детишки. Им давали «зеленую улицу» и перед ними ехала машина ГАИ. Все знали: едет очередная смена пионерлагеря.

Быстрыми темпами развивались физкультура и спорт. С 1970 года по 1982 год число стадионов выросло с 2918 до

3554, число плавательных бассейнов — с 905 до 2074, число спортивных залов — с 45 тысяч до 73 тысяч. Численность людей, систематически занимавшихся физкультурой и спортом, увеличилась с 61,1 до 84,6 миллиона. При этом число мастеров спорта СССР выросло с 80,1 до 190,7 тысячи. В 1982 году в стране было 30,6 миллиона значкистов ГТО.

Успехи наших спортсменов на международных состязаниях рождались, прежде всего, благодаря развитию массового распространения занятий физкультурой и спортом. Свидетельством признания высокой роли СССР в спорте стало проведение в Москве в 1980 году Олимпийских игр.

Усилия по укреплению здоровья советских людей проявлялись в постоянном росте народонаселения. Несмотря на некоторое сокращение темпов прироста населения, с 1966 по 1982 год число советских людей увеличилось с 232,2 до 272,5 миллиона человек — на 40 миллионов, что превышало тогдашнее население Испании или Польши. При этом население РСФСР с 1959 по 1982 год увеличилось с 117,5 до 137,5 миллиона человек — на 20 миллионов. В 1982 году превышение числа родившихся над числом умерших составляло 8,8 на 1000 человек населения.

Существенным плюсом тогдашней жизни была безопасность рядовых граждан. Хотя статистику преступности не публиковали, но ее огласка лишь свидетельствовала бы о значительных преимуществах СССР по сравнению с капиталистическими странами. Тогда страна не знала ни массовой наркомании, ни широко развитой организованной преступности.

Начавшаяся с первых лет Советской власти культурная революция существенно углубилась в 1964—1982 годах. В докладе XXVI съезду КПСС Л.И. Брежнев констатировал: «Взят важный рубеж — завершен переход к обязательному всеобщему среднему образованию». По сравнению с 1965/66 учебным годом, когда общее число обучавшихся составляло 71,8 миллиона человек, в 1982/83 учебном году их количество равнялось 105,7 миллиона.

Хотя число учеников в общеобразовательных школах в силу некоторого сокращения рождаемости сократилось, за этот период заметно возросло число учащихся в средних специальных заведениях (с 3,6 до 4,5 миллиона) и студентов в высших учебных заведениях (с 3,8 до 5,3 миллиона).

В 1982 году 75% учащихся дневных отделений средних специальных учебных заведений и 77% студентов высших учебных заведений получали стипендии.

За 18 лет советские люди приобрели еще больше возможностей повышать уровень своих знаний, расширять свой общекультурный кругозор. Успешно развивались народные университеты, позволявшие их слушателям существенно пополнить свои знания. С 1969 по 1980 год их число увеличилось с 15,9 до 47,5 тысячи. Число слушателей за эти годы возросло с 3,2 миллиона до 13,8 миллиона.

С 1965 по 1982 год число библиотек возросло с 127,1 тысячи до 133,2 тысячи, а число находившихся там книг и журналов увеличилось с 1097,1 до 1945,1 миллиона экземпляров. В 1982 году библиотеками пользовались 148 миллионов читателей. При этом число выданных одному читателю книг и журналов составило 21.

С 1965 по 1982 год число названий опубликованных книг и брошюр увеличилось с 76,1 до 80,7 тысячи, а их тираж возрос с 1279 до 1925 миллионов экземпляров. Дешевизна книг делала их широко доступными для каждого читателя. Именно в эти годы стала расхожей фраза о Советской стране как «самой читающей в мире».

Произведения популярных авторов в считаные часы исчезали с полок магазинов. Со второй половины 60-х до начала 80-х годов были созданы многие выдающиеся произведения таких известных советских писателей, как Юрий Бондарев, Василий Шукшин, Юрий Трифонов, Валентин Распутин, Федор Абрамов, Василий Белов, Виктор Астафьев, Чингиз Айтматов, Нодар Думбадзе, Фазиль Искандер, Василь Быков и многих других авторов. В их произведениях отражалась реальная жизнь, остро и глубоко ставились сложные проблемы человека в современном обществе.

С 1965 по 1982 год число журналов и других периодических изданий (без газет) возросло с 3846 до 5243, а их годовой тираж увеличился с 1548 до 3126 миллионов экземпляров. Тиражи нескольких «толстых» журналов превышали сотню тысяч экземпляров, и на них трудно было подписаться. В ряде из них все чаще публиковались материалы по актуальным проблемам развития общества, велись острые дискуссии.

Такие же острые темы поднимались в ежедневных газетах, которые становились все интереснее читателям. Их

стало больше (с 7687 до 8285) и их разовый тираж возрос с 103 до 176 миллионов (годовой — с 23,1 до 39,9 миллиарда). Разовый тираж ряда ведущих газет страны перевалил за 10 миллионов экземпляров.

Росли возможности для удовлетворения интереса советских людей к изучению прошлого своей страны, ее культурных традиций. С 1965 по 1982 год число музеев в СССР возросло с 954 до 1691, а число их посещений увеличилось с 75 до 166,1 миллиона.

Расцвет переживал и советский театр. За тот же период число театров в стране выросло с 501 до 615. При этом число театров оперы и балета возросло с 36 до 46, а театров для детей и юного зрителя — со 123 до 180. В 1982 году 121 миллион зрителей посетил театральные постановки. Достать билеты на спектакли ряда популярных театров страны было чрезвычайно трудно.

Преподавание музыки в школе, постоянная пропаганда музыкальных шедевров по радио и телевидению способствовали популярности выступлений симфонических оркестров и сольных музыкантов. Во время проводившихся раз в 4 года Международных конкурсов исполнителей имени Чайковского толпы энтузиастов во дворе Московской консерватории «болели» за еще недавно неизвестных миру молодых пианистов.

В эти годы засверкали и многие эстрадные звезды, такие как Иосиф Кобзон, Алла Пугачева, София Ротару, Николай Гнатюк, Роза Рымбаева, которые до сих пор блистают на сценах России и стран СНГ.

Со многими театральными постановками, концертными выступлениями драматических артистов, оперных и эстрадных певцов, музыкальных исполнителей советские люди знакомились в дворцах и домах культуры. В 1970 году в СССР их существовало 134 тысячи, а в 1982 году — уже 138 тысяч. Здесь выступали не только профессиональные театральные труппы и музыканты. При дворцах и домах культуры существовали центры художественной самодеятельности. 21 миллион человек занимались в драматических, музыкальных и хореографических кружках. Свыше 400 тысяч из выпускников этих кружков, став членами самодеятельных групп, активно занимались исполнительской деятельностью. Концерты этих групп привлекали столько же

зрителей, сколько и выступления профессиональных актеров—120 миллионов.

Несмотря на широкое распространение телевидения, в стране продолжали строиться новые кинотеатры. Киноустановок было 145,4 тысячи в 1965 году, а стало 151 тысяча в 1982 году. Число посещений кинокартин составляло в 1982 году 4,2 миллиарда. Как художественная литература и театр, киноискусство в то время переживало период подъема. Не случайно до сих пор созданные тогда фильмы самых разнообразных жанров (киноэпопеи Сергея Бондарчука и Юрия Озерова, кинокомедии Рязанова, Данелии и Гайдая, сложные кинематографические решения Тарковского и многие другие кинокартины) до сих пор часто показывают по телевидению.

Телевидение развивалось особенно быстро: если в 1965 году в СССР имелось 653 телевизионных станции, то в 1982 году их стало 4861. Завершение строительства Останкинского телевизионного центра и тогда самой высокой в мире телевизионной башни знаменовало качественные перемены в развитии телевидения.

О творческой силе советского телевидения свидетельствует то обстоятельство, что многие передачи и программы тех лет пережили свое время. Большинство телесериалов 70-х годов (например, «Семнадцать мгновений весны», «Рожденная революцией», «Следствие ведут знатоки») до сих пор с успехом идут по телевизионным каналам. Вечерняя детская передача «Спокойной ночи, малыши!», начатая в то время, пользуется успехом и среди нынешних детей. Сохранились до сих пор и другие передачи, начатые в те годы: студенческая импровизационная программа «КВН», интеллектуальная игра «Что? Где? Когда?», программа новостей «Время».

Хотя ныне период после 1964 года часто объявляют прекращением «оттепели», или подавлением демократических тенденций в развитии советского общества, на деле отстранение Н.С. Хрущева от власти положило конец самовольным действиям высшего лица в партии и стране. Были приняты меры по упорядочению политической жизни. С 1964 по 1982 год руководство партии, как никогда прежде, придерживалось уставных норм. Это, в частности, проявля-

лось в строгом соблюдении сроков созыва съездов КПСС и пленумов ее Центрального комитета.

Численность КПСС росла. С 1966 по 1981 год ее состав вырос с 11,5 до 17,5 миллиона членов. Это означало вовлечение в более активную политическую жизнь 6 миллионов граждан СССР. 1 миллион членов партии были депутатами Советов различных уровней. Новая Конституция СССР, принятая 7 октября 1977 года, закрепила в 6-й статье реально существовавшую «руководящую и направляющую» роль КПСС. В последующем успех антисоветских сил в борьбе за отмену 6-й статьи способствовал развалу советского государства.

Заметно усилились в эти годы и общественные организации, такие как ВЛКСМ, объединявший 40 миллионов членов к 1981 году, и профсоюзы, членами которых было тогда 129 миллионов человек. О росте влияния профсоюзов и других общественных организаций свидетельствовало положение новой Конституции, в котором, помимо государственной и колхозно-кооперативной собственности, была названа собственность профсоюзных и иных общественных организаций.

Как подчеркивал Л.И. Брежнев в своем докладе на Пленуме ЦК КПСС в мае 1977 года, «главное направление» новой Конституции — «это расширение и углубление социалистической демократии». В Конституции подчеркивалось, что «государство является общенародным». Органы власти отныне именовались — Советы народных депутатов. Советы получали право решать не только все вопросы местного значения, но и в пределах своих прав контролировать и координировать деятельность других организаций на своей территории. Особо был подчеркнут, как отмечал Брежнев, «систематический характер контроля Советов за исполнительными и распорядительными органами, за деятельностью организаций и должностных лиц».

Новая Конституция расширила права и обязанности советских людей. Право на труд было дополнено правом на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями и профессиональной подготовкой и образованием гражданина. Конституция 1977 года гарантировала право на охрану здоровья. Право на образование было дополнено положениями об обязательном

среднем образовании, широком развитии профессионально-технического и высшего образования. Впервые в мире в Конституцию было введено право советских граждан на жилище. Теперь эти права советских людей попраны.

Свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций, провозглашенная в Конституции 1936 года, теперь дополнялась положениями о многочисленных возможностях рядовых граждан участвовать в управлении государством и защите их прав (право вносить предложения в государственные и общественные органы, право критиковать недостатки в работе, право обжаловать в суд действия должностных лиц, право на судебную защиту от посягательств на жизнь, здоровье, имущество, личную свободу, честь и достоинство). В отличие от нынешнего времени, предложения в органы управления выслушивались, учитывались и могли на самом деле способствовать улучшению их работы.

Утверждения нынешних хулителей советского строя о политическом терроре «во времена Брежнева» против инакомыслящих не выдерживают критики. Сами бывшие диссиденты признают, что их было не более нескольких сотен. В то же время в эти годы десяткам тысяч людей была предоставлена возможность выехать из СССР. При этом выезжавшие, как правило, ссылались на свое желание воссоединиться со своими родственниками. На самом деле многие из них ехали в надежде на «молочные реки» и «кисельные берега» идеализированной ими Заграницы.

Никаких серьезных выступлений против существовавшего строя в стране не было. Материалы, содержащиеся в исследовании В.А. Козлова «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 – начало 80-х гг.)», свидетельствуют о том, что с конца 1964 года по 1982 год отдельные «беспорядки», как правило, не носили массового характера, а представляли собой несколько спонтанных стычек в небольших городах страны между милицией и теми, кто вступался за задержанных ими людей. В подавляющем числе случаев задержанные лица совершали хулиганские поступки.

Проблемы, которые возникали в межнациональных отношениях (например, требования представителей абхазского народа о выходе из Грузинской ССР и вступлении в

РСФСР), решались мирным путем. Страна не знала ничего похожего на разгул межэтнических конфликтов, в которые она была ввергнута в последующие годы. Совершенно очевидно, что в то время существовали все условия для мирного эволюционного совершенствования политического строя.

Одним из выдающихся достижений СССР во второй половине 60-х — начале 80-х годов стало укрепление его международного положения. Благодаря усилиям рабочих, техников и ученых оборонной промышленности, воинов Советской Армии, всего советского народа в начале 70-х годов СССР добился военно-стратегического равновесия с Соединенными Штатами.

Главным следствием достигнутого равновесия стало улучшение международного климата. Подписание соглашений об ограничении стратегических вооружений между СССР и США, расширение взаимовыгодных отношений со странами Западной Европы и Японией, достижение Хельсинкского соглашения о безопасности и сотрудничестве в Европе и многие другие события свидетельствовали о наступившем периоде разрядки международной напряженности. В те годы продолжался, начавшийся с мая 1945 года, самый длительный период мира в истории нашей страны.

Правда, США и их союзники не прекращали попыток вмешаться во внутренние дела СССР и других социалистических стран и, воспользовавшись событиями в Афганистане, возобновить «холодную войну». Рассказывая в ноябре 1991 года о враждебных действиях Запада против СССР во время своего выступления в Хьюстоне (Техас) на заседании Американского нефтяного института, бывший премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер сообщала: «Советский Союз — это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее в сущности не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, Советскому Союзу удалось достичь высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть ог-

ромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Основным было навязывание гонки вооружений. Мы знали, что советское правительство придерживалось доктрины равенства вооружений СССР и его оппонентов по НАТО. В результате этого СССР тратил на вооруженные силы около 15% бюджета, в то время как наши страны — около 5%. Безусловно, это негативно сказывалось на экономике Советского Союза. Советскому Союзу приходилось экономить на вложениях в сферу производства так называемых товаров народного потребления. Мы рассчитывали вызвать в СССР массовое недовольство населения. Одним из наших приемов была якобы «утечка» информации о количестве вооружения у нас гораздо большем, чем в действительности, с целью вызвать дополнительные вложения СССР в эту экономически невыгодную сферу... К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась весьма стабильной».

Растущая мощь СССР не позволяла претендентам на мировое господство разговаривать языком силы ни с нашей страной, ни с ее союзниками, сдерживала их агрессивные действия во всех концах планеты. Впервые в советской и мировой истории наша страна на съездах партии стала намечать пятилетние программы мирных инициатив, которые успешно осуществлялись.

Несмотря на политический кризис в Чехословакии 1968 года, военно-политический союз Варшавского договора сохранял свою прочность. Успешно развивалось хозяйственное сотрудничество между странами Совета экономической взаимопомощи. В те годы были сооружены газопровод «Дружба» и энергосистема «Мир», обеспечивавшие европейских союзников СССР газом и электричеством.

Все большее число стран мира объявляли о своей «социалистической ориентации». Только с 1976 по 1981 год были подписаны договоры о дружбе и сотрудничестве СССР с Анголой, Эфиопией, Мозамбиком, Афганистаном, Южным Йеменом, Сирией. Растущее число партийно-пра-

вительственных делегаций, прибывавших на съезды КПСС, демонстрировало усиливавшееся международное влияние СССР. Празднование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина при участии ЮНЕСКО и многих стран мира ярко показало, как возросла в те годы притягательность идей Великого Октября на земном шаре.

В своем докладе на XXVI съезде КПСС Л.И. Брежнев имел основание сказать: «Нет такой страны или группы стран, такого идейного или политического течения, которое не испытало бы на себе в той или иной мере влияния социализма... Двадцатый век принес с собой больше перемен, чем любое предшествующее ему столетие. И ни одна страна не внесла в эти перемены более весомого вклада, чем Союз Советских Социалистических Республик — Родина Великого Октября, первая страна победившего социализма». Нет сомнения в том, что значительный вклад в эти перемены XX века внесло советское руководство во главе с Л.И. Брежневым в период с 1964 по 1982 год.

Неоспоримые успехи, достигнутые страной в 1964—1982 годах, рождали надежды на то, что будущее станет непрерывной чередой побед советского народа и Коммунистической партии Советского Союза. Тогда мало кто сомневался в обоснованности слов Л.И. Брежнева, сказанных им в заключение своего доклада на XXVI съезде КПСС: «Советские люди с уверенностью смотрят в завтрашний день. Но их оптимизм — не самоуверенность баловней судьбы. Народ знает: все, что он имеет, создано его собственным трудом, защищено его собственной кровью. И мы оптимисты потому, что верим в свою партию, знаем — путь, который она указывает, — единственно верный путь!»

Казалось, что устойчивое и уверенное продвижение страны вперед может продолжаться бесконечно долго. Однако успехи СССР в его стабильном развитии имели и свою обратную сторону. В стране консервировались устаревшие методы управления, уже не отвечавшие современным требованиям организации и техники производства.

Правда, в те годы предпринимались попытки осуществить преобразования в экономике. Характеризуя усилия Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина в этом направлении, профессор М.И. Кодин писал: «Приступая к реформам 1973 года, А.Н. Косыгин привлек в свою

команду молодых тогда Л.И. Абалкина, С.А. Ситоряна и других. В то же время Алексей Николаевич дал от ворот поворот «лысенковцам» от экономической науки – А. Аганбегяну, П. Буничу, С. Шаталину, Г. Попову, которые из кожи лезли, чтобы попасть в команду Предсовмина СССР. Отвергнутые дельцы от науки объединились в своего рода «экономическую оппозицию» и взялись за разработку системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ) – аналога пресловутой лысенковской «палочки-выручалочки», обещавшей мгновенное преодоление всех хозяйственных затруднений. Эта оппозиционная группа состояла из Федоренко, Бирмана, Петракова, Шаталина. Их поддерживал всесильный тогда «агент влияния» академик Г.А. Арбатов. Они-то и били наотмашь по косыгинской реформе. Кто прямо, кто косвенно. Своими «р-революционными» прожектами эта группа экономистов отвлекла на себя внимание высших партийных руководителей и резко затормозила начавшиеся реформы. И хотя своим высоким авторитетом А.Н. Косыгин не допустил развития событий по этому гиблому сценарию, но и продолжить свои реформы все же не смог».

Сохранение сложившихся методов хозяйствования консервировало разрыв между производством товаров потребления и денежными возможностями населения. Дефицит тех или иных товаров стал хроническим явлением брежневских лет, что создавало почву для распространения хищений и коррупции. В советском обществе медленно, но верно стала складываться «теневая экономика» со своей «подпольной буржуазией». В этой социальной среде складывалось свое общественное сознание, глубоко чуждое социалистическим принципам страны. Медленно, но верно представители этого слоя стремились взять управление страной в свои руки.

Внешне же казалось, что в стране ничего не меняется. Однажды я заметил, как нелегко учить историю этого времени. Когда в 1983 году я готовил дочку к вступительному экзамену по истории СССР, то обнаружил, что после 1964 года в истории страны крайне трудно найти заметные исторические вехи. Движение СССР в историческом времени с 1964 года по 1982 год напоминало перемещение по ровной

степи. Съезды и пятилетки как близнецы походили друг на друга.

В день открытия очередного съезда партии, которое обычно транслировалось по телевидению, не составляло большого труда узнать, что и как произойдет. Для этого было достаточно взять в руки стенограмму предыдущего съезда партии и, держа ее в руках, словно партитуру во время оперного спектакля, следить за ходом съезда и отдельными выступлениями. Любые изменения сразу же бросались в глаза, но обычно отклонений от текста пятилетней давности было не так уж много. Даже юбилейные торжества и награждения Л.И. Брежнева очередной звездой Героя шли бесконечной и однообразной чередой.

Руководство делало все от себя зависящее, чтобы никакое потрясение не отклоняло страну от избранного курса. По этой причине внутренняя крамола или то, что воспринималось как крамола, давились в зародыше. По этой же причине правительство стремилось как можно быстрее разделаться с опасностью на границе СССР или с тем, что воспринималось как такая опасность. Эти соображения в значительной степени объясняли действия правительства на границе с Китаем, в Чехословакии и Афганистане, в отношении «диссидентов» и оппонентов Брежнева в руководстве. К тому же правительство старалось, чтобы отклонения от спокойного движения страны вперед не становились заметными. Демонстрации небольших групп инакомыслящих, растущие разногласия внутри социалистического лагеря и особые позиции отдельных руководителей страны не становились достоянием гласности. Даже о покушении на Брежнева на территории Кремля в январе 1969 года сообщили так, как будто речь шла об ординарном дорожно-транспортном происшествии.

И хотя руководство страны отказалось от очернительской кампании Хрущева против Сталина, общество оставалось пленником страха перед появлением «нового Сталина». Этот страх парализовал решительные действия, направленные на укрепление дисциплины и порядка, способствовал отторжению любых предложений такого рода. Порой инициативных и требовательных работников отодвигали в сторону под предлогом их склонности к диктаторствованию.

Без громких обвинений постепенно были отправлены в отставку все бывшие соратники Брежнева в борьбе против Хрущева: Шелепин, Семичастный, Шелест, Подгорный, Воронов, Полянский, Мазуров.

По официальным сообщениям 17 июля 1978 года скоропостижно скончался член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Ф.Д. Кулаков, курировавший сельское хозяйство. Но теперь известно, что Кулаков покончил жизнь самоубийством после острого разговора с руководством страны. Вопросы сельского хозяйства стал курировать молодой секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. (Он стал кандидатом в члены Политбюро в ноябре 1979 г.)

Кроме того, как свидетельствовал в своих воспоминаниях В. В. Гришин, к середине 70-х годов «мы все постоянно чувствовали натянутость отношений между Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным». Однажды Брежнев, обратившись к Гришину, прямо сказал ему: «Ты, Виктор, придерживайся моей линии, а не линии Косыгина». В октябре 1980 года Косыгин подал в отставку и был освобожден от обязанностей члена Политбюро и Председателя Совета Министров СССР. (Через два месяца А.Н. Косыгин скончался.)

В том же октябре 1980 года погиб в автокатастрофе, случившейся при загадочных обстоятельствах, Первый секретарь ЦК КП Белоруссии П.М. Машеров. На место этих лиц выдвигались люди, близкие к Л.И. Брежневу со времен его работы в Днепропетровске и Молдавии: Н.А. Тихонов, К.У. Черненко и другие.

В то же время, как замечал В.В. Гришин, «в последние годы Л.И. Брежнев... был серьезно болен, не вина его, а беда. К концу своей жизни фактически не он стал руководить делами, а им руководили его приближенные». Все более активную роль в руководстве страны стал играть негласный триумвират из Ю.В. Андропова, Д.Ф. Устинова и А.А. Громыко. Зачастую эти трое готовили решения правительства, которые затем предлагались на утверждение Л.И. Брежневу.

Одновременно, по словам Гришина, «во многом влияли на выработку внутренней и внешней политики такие люди в аппарате ЦК или внештатные консультанты, как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Черняев, Шахназаров, Загладин и другие. Это, конечно, плохо». Правда, Гришин не разъяснял, почему это было «плохо», но, видимо, многие, кто находил-

ся тогда в руководстве страны, не сомневались в таком выводе. А позже активная роль Арбатова, Бовина, Черняева в разрушении нашей страны в период горбачевской перестройки не оставила сомнений в справедливости такого суждения и у многих граждан России.

Тем временем, как и при Хрущеве, слова о верности постановлению ЦК КПСС против культа личности служили прикрытием для появления культа личности Л.И. Брежнева. Гигантские фотопортреты Брежнева украшали все крупные города СССР. Исчезновение из истории страны почти всех имен, кроме Ленина и других «канонизированных» руководителей страны (Свердлов, Калинин, Дзержинский, Киров и другие), компенсировалось обильным упоминанием фамилии Брежнева. Роль, которую сыграл Л.И. Брежнев в ходе сражений на «Малой земле» под Новороссийском, и значение этого участка героических боев в общей истории Великой Отечественной войны чрезвычайно преувеличивались. Также преувеличивались достоинства воспоминаний Брежнева, которые стали предметом публичного и восторженного обсуждения на читательских конференциях по всей стране. Любое официальное выступление сопровождалось бесконечным славословием в адрес Брежнева. Так, в своем небольшом выступлении на XXVI съезде партии первый секретарь Свердловского обкома КПСС Б.Н. Ельцин пять раз воздал хвалу Л.И. Брежневу.

Оценка же Сталина оставалась прежней. Словно исходя из того, что у всех читателей «Правды» отшибло память, 21 декабря 1979 года в нижней части второй страницы этой газеты была опубликована статья «К 100-летию со дня рождения И.В. Сталина», основные положения которой текстуально повторяли положения статей «Правды», опубликованных к 80-летию и к 90-летию Сталина. Снова, как и 10, как и 20 лет назад вкратце перечислялись факты о деятельности Сталина до 1917 года и в первые послереволюционные годы. Затем следовал выделенный в особый абзац ключевой тезис статьи, который гласил: «И.В. Сталин является весьма сложной и противоречивой исторической фигурой». После этого вновь напоминалось о постановлении от 30 июня 1956 года.

Пожалуй, новым явилось лишь положение о том, что в сложных исторических условиях «требовалась централи-

зация руководства, железная дисциплина, высокая бдительность. Приходилось идти и на некоторые временные ограничения демократии, подлежавшие устранению по мере укрепления нашего государства и развития сил демократии и социализма во всем мире». Однако эти общие положения не пояснялись конкретными примерами деятельности Сталина.

Перечислив основные достижения Советской страны за годы пребывания Сталина у власти, авторы статьи свели к минимуму его собственную роль. В статье говорилось: «В борьбе за победу социализма огромную роль сыграли руководящие кадры Коммунистической партии и Советского государства. В их числе был и Сталин». Хотя роль Сталина в разгроме оппозиции была оценена положительно и даже сказано, что «в этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность», тут же следовал абзац, открывавшийся словами: «Однако в последующем его заслуги стали непомерно возвеличиваться. Восхваление Сталина вскружило ему голову, способствовало усилению присущих ему отрицательных черт характера, о которых предупреждал партию Ленин». После этого следовали многократно процитированные с 1956 года слова Ленина из «Письма к съезду».

И снова, как и 10, как и 20 лет назад, было сказано, что «в первые годы без В.И. Ленина Сталин считался с его критическими замечаниями. Но в дальнейшем он стал переоценивать свои заслуги, уверовал в свою непогрешимость». Опять говорилось о том, что Сталин выдвинул «ошибочный тезис» об «обострении классовой борьбы в условиях социализма».

После краткого перечисления постов, которые занимал Сталин в годы Великой Отечественной войны, подчеркивалась решающая роль Коммунистической партии в это время. Без упоминания Сталина рассказывалось и о послевоенном восстановлении народного хозяйства и начале «холодной войны». Во второй части статьи о Сталине вообще не говорилось, если не считать двух фраз о культе его личности. Правда, в статье отмечалось, что враги нашей страны пытаются «под видом критики культа личности Сталина ослабить влияние марксизма-ленинизма, подорвать единство рядов международного коммунистического

движения, опорочить реальный социализм, нашу партию». В заключительном абзаце подчеркивалось: «Благодаря усилиям КПСС, ее Центрального Комитета во главе с верным продолжателем великого ленинского дела, неутомимым борцом за мир Л.И. Брежневым в нашем обществе прочно установились ленинские нормы и принципы партийной и общественной жизни, атмосфера доверия, товарищеских, уважительных отношений между людьми».

Забота об «уважительных отношениях между людьми» зачастую прикрывала стремление создавать максимально благоприятные условия для жизни и деятельности партийных руководителей. Стремление «не раскачивать лодку», сохранять все «по Брежневу» существенно ослабило ту требовательность к партийным и государственным руководителям, которая существовала при Сталине и отчасти сохранялась и при Хрущеве. При Сталине никто не имел иммунитета от любого наказания и любой нарком (затем министр), секретарь обкома или ЦК мог быть смещен со своего поста и даже оказаться за решеткой. При Хрущеве партийные и государственные руководители фактически обрели гарантию от любых судебных преследований, но могли быть в считаные дни смещены со своих должностей и превращены из всесильных членов Политбюро в директоров рядовых предприятий, а директора предприятий и секретари райкомов — в пенсионеров.

Хотя при Брежневе утратили свои посты многие его коллеги, но те, кто был достаточно отдален от Политбюро, мог рассчитывать на долгую жизнь в качестве руководителя. Подавляющая часть партийных и государственных руководителей обрела возможность постоянно занимать свои высокие посты. Публиковавшиеся в газетах раз в четыре года по случаю формирования нового правительства фотографии министров и председателей государственных комитетов свидетельствовали о поразительной устойчивости состава Совета Министров. Люди, изображенные на этих фотографиях, лишь постепенно седели, лысели и полнели, но почти все те же лица заполняли те же самые места на газетных полосах вне зависимости от прошествия лет. Точно такая же устойчивость наблюдалась в перечне секретарей обкомов, председателей облисполкомов и других высших чинов советской иерархии.

Было очевидно, что под прикрытием фраз о борьбе с беззаконием «во времена культа личности Сталина» и восстановлении «ленинских норм партийной жизни», многие представители правящего слоя страны получили сначала гарантию от судебных преследований, а затем право на пожизненное пребывание у рычагов власти. Более того, растущее кумовство позволяло руководителям различного уровня устраивать на выгодные управленческие вакансии своих детей и других родственников. По своим бытовым условиям, поведенческим чертам, жизненным интересам и культурным ориентирам верхи советского общества все в большей степени отрывались от остальной части населения страны, превращаясь в замкнутую касту правителей.

Перерождение значительной части правящего слоя страны оправдывало худшие опасения Сталина, которые он выразил на последней странице «Краткого курса», повторив собственные слова, сказанные на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК, об опасности отрыва партии от народа. Поскольку в этом заявлении Сталина упоминался также миф об Антее, который венчался гибелью этого героя, можно считать, что Сталин не исключал подобной судьбы у Коммунистической партии, если она оторвется от народа.

Растущие свидетельства разложения верхов и их безнаказанности вызывали все большее раздражение в народе. Многие люди не без основания полагали, что не знающие житейских забот правители игнорируют накопившиеся проблемы. В народе все чаще обращались к воспоминаниям о Сталине и его времени. Вспоминали о ежегодных сокращениях цен, о наличии большого ассортимента продуктов в магазинах по доступным ценам, о том, как хорошо жилось советским людям перед войной и как быстро восстанавливалась страна после войны. Советские люди с ностальгией вспоминали энтузиазм тех лет, простоту и равноправие в отношениях между людьми и вместе с тем массовую тягу к культуре. Люди противопоставляли требовательность Сталина к себе и другим начальникам усиливавшейся бесконтрольностью поведения власть имущих. К собственным воспоминаниям о Сталине добавлялись те, что были вычитаны из мемуаров Жукова и других военачальников. Даже сцены из новых художественных филь-

мов, в которых появлялся Сталин, использовались как свидетельства сталинской мудрости и требовательности.

В стране рождались новые устные рассказы о Сталине. Они продолжали и дополняли описанные еще Лионом Фейхтвангером анекдоты, которые сочиняли о нем при его жизни. Эти истории, отчасти связанные с правдивыми событиями, отчасти придуманные, перекликались с древней традицией народного фольклора — устных рассказов о «добрых царях». В них Сталина противопоставляли представлениям, которые складывались в советском обществе о современных правителях: самодовольных, ленивых и отчасти маразматичных, с трудом читавших готовые тексты по бумажке. (В популярном в ту пору анекдоте рассказывалось, как Брежнев в ответ на стук в дверь вынимал из кармана бумажку и читал: «Кто там?») В устных сочинениях Сталин выглядел находчивым, остроумным, умевшим быстро решить любой сложный вопрос, выразить свое отношение к проблеме в одной яркой фразе или даже в одном коротком слове, в сопровождении красноречивого жеста. (Образчиком для таких баек служили подлинные истории, вроде той, что рассказал И.С. Конев в своих воспоминаниях о подготовке Сталиным Силезской операции. Вместо того чтобы долго рассуждать о хозяйственном значении Силезии, Сталин обвел на карте этот район рукой и бросил одно слово: «Золото!»)

Рассказчики входили в роль Сталина и, подражая скорее характерному акценту Михаила Геловани или Бухути Закариадзе, чем самого Сталина, с нажимом произносили последнюю в рассказе ключевую сталинскую фразу. В одном рассказе Сталин встречал проворовавшегося начальника с протянутой ладонью и язвительно говорил ему: «Поделись!» В другом рассказе Сталин по прибытии в Ленинград в день убийства Кирова в ответ на приветствие местного руководителя ОГПУ Медведя хлопнул его по животу и сурово произнес: «Потолстел!» В третьей истории в ответ на вопрос, что делать с генералом армии И.Д. Черняховским, на которого жаловались за его чрезмерное увлечение женщинами, Сталин говорил: «Что будем делать? Что будем делать?.. Завидовать будем!»

Откликаясь на популярность образа Сталина, неизвестные фотомастера выпускали и продавали календари с изо-

бражениями Сталина. На этих фото можно было увидеть Сталина с Кировым, дочкой Светланой, маршалами Советского Союза. Появились брелки с портретами Сталина и Жукова. Ветровые стекла многих машин, особенно грузовых, были украшены самодельными фотопортретами Сталина в форме генералиссимуса. Описывая мир начала 80-х годов в своей популярной книге «Третья волна», известный американский футуролог Элвин Тоффлер увидел в фотографиях Сталина на ветровых стеклах советских автомашин свидетельство недовольства правителями страны и расценил его в контексте всемирного стихийного протеста против господства во всем мире коррупции и бюрократизма.

Народная ностальгия по Сталину, проявлявшаяся постоянно в брежневские годы, стала их постоянной спутницей. Несмотря на наивность многих форм этой ностальгии, эти настроения, помимо прочего, свидетельствовали о насущной потребности народа вернуть ему героическую историю, которая была выхолощена и высушена правящими верхами в угоду увековечения своего господствующего положения. Та официальная история, которая рассматривала настоящее как бескрайнее ровное плато, а прошлое как пространство, скрытое туманом пустых фраз о «направляющей роли партии», «ленинских нормах партийной жизни» и «подлинно научном учении марксизма-ленинизма», а также о «культе личности Сталина и его последствий», давно перестала удовлетворять значительную часть народа. У многих людей возникла острая потребность в восстановлении подлинных черт Сталина и его эпохи.

Глава 9
АНТИСТАЛИНСКИЙ СИНДРОМ СТОЛИЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ностальгию по Сталину и сталинским временам разделяли не все советские люди. Напротив, прекращение антисталинской кампании в 1965 году вызвало негативную оценку среди либеральной интеллигенции. В ИМЭМО, где я работал, распространялось письмо публициста Эрнста Генри, написанное Илье Эренбургу. Публицист обвинял Эрен-

бурга в недооценке последствий «культа личности Сталина», указывая на значительное число военачальников, репрессированных в 1937—1938 годах. Игнорируя очевидные военные и экономические преимущества гитлеровской Германии в первые годы войны, Эрнст Генри объяснял лишь репрессиями поражения Красной Армии в 1941—1942 годах. Это письмо нередко вызывало безоговорочную поддержку у его читателей.

Антисталинские настроения среди значительной части столичной интеллигенции объяснялись разными причинами. Прежде всего, почти десять лет, прошедшие после доклада Хрущева, и, особенно, четыре года после выноса тела Сталина из Мавзолея, разрушения всех памятников Сталину и переименования всех городов, названных в его честь, не прошли даром. Публикации же воспоминаний бывших заключенных, а ныне реабилитированных, постановки спектаклей на «лагерную тему», устные рассказы бывших узников лагерей, многие из которых вернулись в Москву (таких было немало и в ИМЭМО), произвели глубокое впечатление на столичную интеллигенцию. Искреннее сочувствие к тем, кто подвергся беззаконным арестам и наказаниям, претерпел мучения в тюрьмах и лагерях, сочеталось с резким осуждением тех, кто был виноват в этих страданиях людей.

В то же время эмоциональное стремление найти виновных не могло опереться на достаточно основательные рациональные аргументы. Прежде всего, для объяснения общественных процессов, происходивших в советском обществе, у советских людей не хватало нужных знаний. Лишь в 1983 году Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов признал: «Мы не знаем общества, в котором живем». В своих произведениях Маркс, Энгельс и Ленин, на которые было принято ссылаться в советской стране, не могли еще описать социалистический строй. Теоретические же труды Сталина были отвергнуты. После же Сталина разработка теории социалистического общества была подменена пропагандистской игрой в цитаты из классиков марксизма-ленинизма.

Это проявилось и в том, как трактовался вопрос о Сталине и сталинском времени. Цитата, выхваченная из письма Карла Маркса Вильгельму Блосу (Блоссу), постоянно использовалась для осуждения «культа личности». Однако возложение главной ответственности на одну личность, да-

же занимавшую самые крупные посты в стране, за столь широкомасштабные события, как массовые репрессии или неудачи первых лет Великой Отечественной войны, противоречило и идее этого высказывания Маркса, и самой сути марксистской теории, исходившей из примата общественных факторов в развитии исторических процессов. Эти обвинения в адрес Сталина ярко иллюстрировали пренебрежение Хрущева к теории, его склонность к волюнтаризму и субъективизму. Но и новые руководители не сумели дать теоретически обоснованное объяснение беззакониям советского времени, а предпочли сваливать ответственность за них на Сталина.

Социологические же исследования, которые бы помогли лучше понять роль руководителя в общественных процессах, находились в нашей стране в зачаточном состоянии, а заграничные исследования социологов многим не были известны. Советская интеллигенция не была знакома с трудами одного из основоположников современной социологии Питирима Сорокина, который писал: «Наивно полагать, что так называемый абсолютный деспот может себе позволить все, что ему заблагорассудится, вне зависимости от желаний и давления его подчиненных. Верить, что существует такое «всемогущество» деспотов и их абсолютная свобода от общественного давления — нонсенс». При этом Питирим Сорокин ссылался на Герберта Спенсера, который утверждал: «Как показывает практика, индивидуальная воля деспотов суть фактор малозначительный, его авторитет пропорционален степени выражения воли остальных». Ссылался П. Сорокин и на Ренана, замечавшего, что каждый день существования любого социального порядка в действительности представляет собой постоянный плебисцит членов общества, и если общество продолжает существовать, то это значит, что более сильная часть общества отвечает на поставленный вопрос молчаливым «да». Комментируя эти слова, П. Сорокин заявлял: «С тех пор это утверждение стало банальностью». Однако для советской интеллигенции это утверждение не было «банальностью»: она была просто незнакома с этими высказываниями.

В то же время сваливание на Сталина всей ответственности за беззакония сопровождалось полным отрицанием его позитивной роли в организации экономического, социаль-

ного и культурного преобразования страны, руководстве победами Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Достижения страны объяснялись ролью «народных масс», «народа», «партии». Так, с одной стороны, возрождались толстовские представления о том, как творится история, а с другой стороны, они были эклектически перемешаны с идеями народовольцев о главной роли личности (тирана и героя, который уничтожал тирана). Подобная мешанина из взаимоисключающих и давно опровергнутых историческим опытом идейных принципов порождала иррациональность объяснений Сталина и его времени. .

Приняв заведомо антинаучные посылки и фактически игнорируя закономерности общественного устройства, многие интеллигенты в то же время демонстрировали свое незнакомство с конкретными фактами всемирной истории, отечественной истории, истории Советской страны. Это печально, но не удивительно. Узкая специализация не позволяла даже историкам достаточно хорошо знать смежные отрасли исторической науки.

Я помню, как в своем выступлении в ходе «устного журнала» известный писатель-фантаст, а также крупный специалист по истории стран Юго-Восточной Азии Кир Булычев заявил, что ему не составило труда увидеть лживость шарлатанских сочинений фон Деникена, когда речь шла о Юго-Восточной Азии. Однако, откровенно признавал Кир Булычев, когда в фильме фон Деникена и его книгах шла речь о Южной Америке и Африке, он терялся и не рисковал столь же уверенно разоблачать фальсификатора, так как он не так основательно был знаком с историей и культурой этих регионов. Что же говорить о людях, считавших себя «интеллигентами», но познания которых исчерпывались уже изрядно позабытыми школьными уроками истории или же популярными историческими материалами, которые излагались в средствах массовой информации?!

Следует также учесть, что изложение событий мировой истории, дореволюционной и советской истории нашей страны в школьных учебниках и материалах средств массовой информации страдало существенными недостатками. Позитивно оценивая революционные события всех времен и народов, а уж особенно в России, и сообщая немало о гнете власть имущих, авторы этих работ по истории свели к

минимуму такие стороны революций, как революционные массовые репрессии. Создавая идеализированное представление о народных массах, авторы этих работ ни слова не говорили о жестоких расправах, чинимых в годы народных восстаний толпами самых обычных людей или же отдельными представителями народа, оказавшихся в ходе революционных событий у власти и во главе органов правосудия. По этой причине советские люди, в том числе и интеллигенция, плохо представляли себе, что и в массовых репрессиях 30-х годов сыграли немалую роль народные массы, включая и интеллигенцию.

Недостаточно полно характеризовалась и обстановка, в которой совершались революции в России. Отдавая должное Великой Октябрьской революции в России, авторы работ по истории невольно принижали место Первой мировой войны во всемирной истории. Они не сумели показать, что следствием этой войны явились не только революции в России, Германии, Австро-Венгрии, но и победы фашизма в Италии и нацизма в Германии, установление фашистских и авторитарных режимов в Польше, Прибалтике, Венгрии и других странах Европы. Советские люди не представляли себе достаточно ясно, что массовость жертв, жестокость уничтожения миллионов людей стали следствием этой войны, в которой впервые применялись качественно более мощные средства человекоубийства. Многие последующие события XX века во многом объяснялись тем, что методы массового человекоубийства, пропаганда ненависти к другим народам, толкавшая людей к кровавым расправам над мирным населением (достаточно вспомнить хотя бы геноцид армянского народа, жертвами которого стали около 2 миллионов человек), были приняты на вооружение с начала Первой мировой войны и возведены в норму во многих странах мира.

Недостаточно всесторонним было и изложение истории Второй мировой войны. Справедливо осуждая человеконенавистнические действия нацистской Германии и ее союзников, советские историки и пропагандисты умалчивали о массовых репрессиях, совершенных в разгар этой войны в США, Великобритании, Франции, Бельгии и ряде других стран мира, не входивших в гитлеровскую коалицию. Сотни тысяч людей стали жертвами этих репрессий, порож-

денных шпиономанией. Между тем незнание об этих репрессиях позволяло части советской интеллигенции считать, что абсурдные обвинения в пособничестве врагу сотен тысяч людей выдвигались лишь в СССР.

Наконец, советские люди, в том числе и интеллигенция, имели весьма туманные представления о том, что на самом деле происходило в СССР в 30-е годы. Уже в начале 60-х годов личный переводчик А. Гитлера Пауль Шмидт (он использовал псевдоним «Пауль Карелл») написал книгу «Гитлер идет на восток», в которой раскрывал подоплеку заговора Тухачевского и других советских военных и тем самым свидетельствовал об обоснованности их ареста советскими органами правопорядка. Об этом же свидетельствовал в своих мемуарах и шеф гитлеровской разведки Вальтер Шелленберг. Эти и другие книги о заговоре советских военачальников, опубликованные на Западе, были не известны советским людям.

Не знали советские люди и подлинных фактов о заговорах Ягоды, Енукидзе и других. Советские люди и не подозревали о том, что Эйхе, изображенный Хрущевым в его докладе лишь как жертва беззаконий, был инициатором предложений о развязывании массовых репрессий. Они не знали и об аналогичных инициативах Хрущева и других. Они не имели ясного представления о тех интригах, которые плелись на различных уровнях управления, в ходе борьбы за власть. К этому времени выступления Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 года, которые могли хотя бы отчасти просветить этот вопрос, давно стали закрытыми для общего пользования.

В то же время, сознавая недостаточность хрущевских аргументов против Сталина, многие представители интеллигенции стали их подкреплять аргументами, взятыми из дореволюционных времен противостояния русской интеллигенции против «тирана». При этом не учитывалось, что эти аргументы часто были нарочито упрощенными, оглуплявшими правителей России и их слуг и преувеличивавшими умственные и моральные достоинства их «интеллигентных» противников.

Справедливо отдавая должное заслугам российской интеллигенции в выполнении не только своих профессиональных обязанностей, но и общественного долга, ее на-

следники не желали замечать теневой стороны в исторической роли этой общественной прослойки. Высокие достоинства дореволюционной интеллигенции нередко сочетались с самомнением и огульным презрением к другим общественным слоям и классам. Немало дореволюционных интеллигентов, обладая ограниченными знаниями и не внося существенного вклада в развитие страны, претендовали на роль ее руководителей и страстно ненавидели строй не столько за его несправедливость или иные недостатки, а за то, что не они стояли во главе общества. При этом многие интеллигенты не замечали, что лишь слепо исполняют приказы самозваных «гуру», которые становились во главе интеллигенции и ее кружков. А эти лжепророки нередко подменяли глубокие знания об обществе, государстве, исторических процессах эмоциональной мешаниной из случайных фактов и явного вымысла.

Парадоксальным образом значительная часть советской интеллигенции, вооруженная современными знаниями, не избавилась от ряда недостатков, которые были свойственны дореволюционным интеллигентам. Более того, возросшая специализация людей умственного труда лишь усугубила их зависимость от тех, в ком они видели «передовых носителей общественной мысли». Приобретение же свидетельств об окончании различных учебных заведений рождало нередко иллюзию всезнайства и способности быстро и верно разбираться в любой информации.

К сожалению, многие знания, полученные в школе или иных учебных заведениях, быстро выветривались из головы. Как с грустью замечал Карл Левитин в своей книге «Геометрическая рапсодия», многие выпускники школ забывают основы математических знаний, которые они освоили в детстве и юности, и при этом не стыдятся этого. Даже те, кто имел отличные отметки по химии и физике, порой через несколько лет после окончания школы не могут разъяснить своим чадам, что такое «валентность» или «джоуль».

Но если утрата знаний в естественных науках не считается чем-то стыдным, то аналогичные утраты знаний в гуманитарных предметах стараются скрыть как недостойную слабость. Хотя школьные знания уроков истории многими подзабываются, в этом не принято признаваться. Об этом свидетельствовал опрос, проведенный доктором историче-

ских наук С.И. Васильцовым. В опрос был встроен тест. Сначала опрашиваемым предлагали ответить, любят ли они историю. Судя по ответам, 90% опрошенных горячо любили историю, жить не могли без нее, читали напропалую исследования по истории и уж, по крайней мере, исторические романы. Но когда им был предложен тест, в котором надо было сопоставить того или иного правителя России с теми или иными событиями, то подавляющее число опрошенных не смогли это сделать верно. Победу под Полтавой приписали Ивану Грозному, Северную войну победоносно завершал Александр II, а относительно строительства железной дороги между Москвой и Петербургом решили, что оно было завершено при Николае II. (Некоторые допустили, что этот путь был построен при Петре I.)

К сожалению, многие из представителей интеллигенции не обладали смелостью и честностью, которая была свойственна герою рассказа А.П. Чехова «Огни» Ананьеву. Известно, что он вдруг осознал, что он — молодой инженер, по сути, не умеет самостоятельно мыслить, что все его «умственное и нравственное богатство состояло из специальных знаний, обрывков, ненужных воспоминаний, чужих мыслей», что его «психические движения несложны, просты и азбучны». К тому же, мало находилось смелых людей, подобных другому чеховскому герою фон Корену, который спрашивал своего близкого знакомого: «Зачем он... не читает, зачем он так мало культурен и мало знает». Но, возможно, что обладатели дипломов и аттестатов не поверили бы чеховским героям и не пожелали следовать примеру великого ученого Ивана Павлова, сказавшего: «Никогда не стыдись признаться себе в том, что ты — невежда».

К сожалению, получение аттестатов и дипломов для значительной части современной интеллигенции знаменовало прекращение ими усилий по самообразованию. Прочтение же какой-то книги по тому или иному вопросу или даже просмотр телепередачи нередко создавали у них иллюзию в том, что они стали знатоками еще одной темы. Острой самокритичности, которую проповедовали Чехов, Павлов и другие выдающиеся деятели России, явно недоставало многим современным интеллигентам. Зачастую они ссылались на темп современной жизни, оправдывая ле-

ность ума, нелюбознательность, а также самодовольство своим положением «интеллигента».

Самомнение, мешавшее заметить нехватку знаний или их утрату, способствовало тому, что многие люди, считавшие себя интеллигентами, не замечали банальности своих рассуждений, неспособности отличить вздорный вымысел или дремучие предрассудки от последних достижений науки. Нежелание признаться в собственном невежестве приводило к упорству в приверженности к нелепейшим идеям, касались ли они экономики и истории, медицины и сообщений о неопознанных летающих объектах. Поэтому в этой среде так легко принимали на веру однозначные «обличительные» суждения относительно Ивана Грозного, Петра Первого, Александра Невского. Последнего со злорадством именовали «коллаборационистом».

Эти оценки служили такими же «паролями» для входа в кружки либеральной интеллигенции, как и убогий набор высказываний русских классиков художественной литературы. Из мыслей Чехова было выхвачено лишь его замечание о том, как он «выдавливал из себя раба». Эти слова либеральные интеллигенты постоянно повторяли, считая, что они давно сделали то, что долго было не под силу Чехову. Из Гоголя они взяли на вооружение фразу про «дураков» России и ее плохие дороги. И эта фраза служила знаком их презрения к «отсталой» стране, в которой они «были вынуждены мучиться». Из Достоевского повторяли фразу про «слезинку ребенка». А это означало осуждение ими всяческих революций, особенно же Октябрьской, и придавало им ощущение смелого бунтарства.

Как и дореволюционные интеллигенты, немало лиц умственного труда находилось в «оппозиции» к властям и существующему строю. Справедливо отмечая многие проблемы страны и нелепости ряда сложившихся порядков, они, преувеличивая свои знания, огульно издевались над «глупостью» всех и вся, а особенно начальства. Таким образом, они компенсировали свои неудачи или свое подчиненное положение. Немалые возможности для подобной психологической компенсации открывались во время атак на высокие авторитеты, когда приводились «неопровержимые свидетельства» их ничтожности по сравнению с их критиками. И хотя порой эта критика адресовалась давно скончавшим-

ся деятелям, она создавала иллюзию «смелой» борьбы за правое дело.

И хотя преследования за подобные высказывания давно ушли в прошлое, авторы критических выступлений предпочитали произносить их в узком кружке друзей и знакомых, которые либо разделяли такие же взгляды, либо готовы были простить ораторам крайности в их заявлениях, так как были с ними в хороших отношениях. Такие выступления создавали ощущение причастности к подпольной борьбе против несправедливых порядков. Впечатление о своем сходстве с отважными подпольщиками царских времен или периода фашистской оккупации, описанными в советской литературе и изображенными во многих советских кинофильмах, усиливалось постоянными подозрениями в том, что все телефоны «прослушиваются», а кругом находятся «стукачи». Эта игра в «подпольную» борьбу вносила немалое разнообразие в жизнь ряда интеллигентов. Изображая застолье интеллигентов в спектакле «Старый новый год» по комедии драматурга Рощина, Калягин и другие артисты МХАТа шепотом, но с пафосом произносили «крамольный» тост: «За свободу!»

Наконец, несмотря на то, что советская интеллигенция представляла собой главным образом выходцев из рабочих и крестьянских семей, многие интеллигенты испытывали отчужденное, презрительное отношение к той среде, из которой они вышли. Многие представители умственного труда высмеивали «вечно пьяных» рабочих и крестьян, не замечая собственных недостатков, в том числе и нередко наблюдавшейся среди них склонности к неумеренному питью.

Следует заметить, что «форумы», на которых ниспровергалось начальство живое или давно отошедшее в лучший мир, зачастую проходили в ходе застолий с распитием крепких напитков. Хотя и дореволюционные интеллигенты во время своих неформальных встреч не обязательно ограничивались чаем и воздерживались от спиртных напитков, но все же крепкие напитки во время таких собраний были редкостью. (Впрочем, фон Корен спрашивал дворянского интеллигента Лаевского, «зачем он много пьет» и возмущался тем, что «ему обыватели обязаны сведениями по части разных сортов водки».) Выпивка больших доз

крепких напитков в ходе «кухонных дискуссий» 60-х—80-х годов зачастую влияла на их содержание и форму.

Трезвость суждений в этих случаях заведомо исключалась. В этих дискуссиях доминировали те, кто быстрее достигал «высокого градуса». В таком состоянии они проявляли повышенную несдержанность в выражениях и не терпящую возражений агрессивность. Они высказывали самые крайние суждения, противоречащие и общеизвестным фактам и здравому смыслу. В атмосфере, разгоряченной винными парами, такие люди становились «душой общества». Их выслушивали, им верили. Разгоряченных ораторов с энтузиазмом поддерживала «подогретая» аудитория. В этой обстановке рождались самые невероятные слухи относительно настоящего и самые чудовищные версии относительно прошлого. Порой, продолжая находиться в таком же состоянии, люди вели свои горячие речи в рабочей обстановке или выступая с общественных трибун.

Анализируя пагубное влияние алкоголя на поведение людей, академик АМН СССР Ф.Г. Углов писал: «Под влиянием алкоголя парализуются психические центры, что резко сказывается на процессах, которые мы называем суждением и критикой. У человека начинают преобладать чувства, не умеряемые и не сдерживаемые критикой. Он становится чересчур откровенным и общительным, легкомысленным... Активное и пассивное внимание под влиянием малых и «умеренных» доз алкоголя нарушается, из-за чего страдает в первую очередь память. Алкоголь, принятый в больших дозах, вызывает более грубые нарушения... Внимание и память нарушается еще в большей степени. Ассоциации качественно расстраиваются, у человека ослабевает критика, утрачивается способность внимательно выслушивать других, следить за правильностью своей речи, контролировать свое поведение. Ослабевает нравственное чувство, теряется стыд. Человек не стыдится вести себя непристойно, привлекать внимание окружающих... Все уговоры его окружающими бесполезны, он еще больше куражится и ведет себя даже наглее».

Может быть, алкогольный фактор отчасти объясняет фантастичность исторических версий, рожденных в кружках либеральной интеллигенции. Иначе трудно понять, почему люди, обладавшие немалыми познаниями в различных

областях современной общественной науки и известными сведениями об истории XX века и нашей страны, забывали о них (утрата памяти под влиянием алкоголя). Вместо них они оперировали архаическими представлениями о решающей роли в истории «добрых» и «злых» правителей, взятых из седой древности, о «тиранах» из трагедий Шекспира, литературных и даже фольклорных представлений об Иване Грозном и других «злых» царях Руси (утрата способности критически оценивать собственные суждения). Видимо, под влиянием этих сдвигов в психике авторы этих версий забывали, что архаические представления об общественных процессах родились в пору, когда люди еще верили в ведьм, привидения, колдовство и другие дикие суеверия.

В то же время поразительным образом сочинения, рожденные в состоянии пьяного бреда, получали распространение и среди людей, находившихся в трезвом состоянии. Дело в том, что суждения либеральной интеллигенции о Сталине прикрывались мнимостью правдоподобия и этим они напоминали рисунки «невозможных фигур» голландского художника Маурица Эшера. В этих «невозможных фигурах» параллельные линии пересекаются, а изображения поднимающихся вверх ступеней создают парадоксальную иллюзию движения вниз. Создавая свои парадоксальные рисунки, Эшер исходил из того, что изображение на плоскости может так искажать реальное трехмерное пространство, что глаз не воспринимает очевидной нелепости изображенного.

Подобным же образом оценки Сталина либеральной интеллигенцией были лишены «третьего измерения» — реального исторического контекста сталинского времени. Без него нельзя было понять ни массовых репрессий, ни беззаконий, совершавшихся в ходе них. Устранение исторического контекста позволяло скрыть реальную роль Сталина как организатора подготовки страны к Великой Отечественной войне, полководца великой Победы, руководителя восстановления разрушенного народного хозяйства и создания ракетно-ядерного щита в ходе «холодной войны». Плоскостное изображение Сталина и советского общества лишало его реального исторического объема. Произвольное же соединение отдельных утверждений нарушало логику общественных законов и создавало «невозможную

фигуру» Сталина. Но если парадоксальность фигур Эшера можно легко увидеть, то плоскостное изображение Сталина и лишение его исторического контекста в устной или письменной речи оставались нередко незамеченными и к тому же скрывались завесой эмоциональных заявлений.

Уверенность в правомерности своей алогичной и антиисторичной «фигуры» Сталина сочеталась у либеральной интеллигенции с растущей претенциозностью. В антисталинизме либеральной интеллигенции проявился рост ее оппозиционности, нараставшей со времен хрущевской «оттепели». Мысли о том, что не руководители партии, а они, «романтики» с крепкими легкими, должны встать во главе страны и «возделывать» советских людей, крепко запали в умы тех советских интеллигентов, которые позже себя называли «шестидесятниками», или «детьми XX съезда». Правда, лишь немногие из них вступали на путь открытой конфронтации с советским строем. Большинство ограничивалось фрондерскими разговорами в курилках и на кухнях, в ходе которых тогдашняя советская жизнь подвергалась беспощадным насмешкам, будущее советского общества представлялось безнадежным, а его прошлое выглядело кошмаром. Особо же суровому осуждению подвергались Сталин и его время. При этом собеседники зачастую пугали друг друга, утверждая, что этот «кошмар» может легко повториться.

Страх перед «неосталинистами» был велик. Особые подозрения вызывал А.Н. Шелепин. Хотя Шелепин произнес антисталинскую речь на XXII съезде, многие московские интеллигенты считали его «тайным сталинистом», стремившимся к установлению личной диктатуры. Как обычно, в подобных случаях распространялись панические слухи. Когда мы, сотрудники ИМЭМО, проработав в сентябре 1965 года в подмосковном совхозе, собрались вместе на одной квартире, вспоминать о недавнем необычном событии в нашей жизни нам не пришлось. В течение нескольких часов разговор с поразительным упорством сбивался на одну и ту же тему: «Железный Шурик» (так называли Шелепина его ненавистники) в скором времени установит жестокий режим, а в восстановленные на Колыме «сталинские» лагеря будут отправлять интеллигенцию Москвы.

Мысль о том, что они могут стать жертвами «шелепинских» репрессий, заставляла многих столичных интелли-

гентов еще с большим страхом воспринимать сталинское время. В распространявшейся в машинописных копиях книге А.И. Солженицына «В круге первом» изображался трудовой лагерь и судьба героя, который был обречен на арест и заключение.

В то же время в качестве душевной компенсации за страх перед Сталиным и сталинским временем складывалась легенда об умственном и моральном превосходстве интеллигенции над теми, кто мог отправить ее представителей в лагеря. Особо принижались умственные и моральные качества Сталина. Достоинства Сталина, о которых говорили все лица, общавшиеся с ним, его заслуги перед миром, которые признавали все руководители антигитлеровской коалиции, государственные и военные деятели нашей страны, включая даже Хрущева, полностью перечеркивались. В среде либеральной интеллигенции было безоговорочно принято окарикатуренное изображение Сталина Солженицыным в романе «В круге первом». В своем романе писатель вложил в уста Сталина «внутренние монологи», которые должны были изобличить его умственную и моральную ущербность.

Словно в противовес народным байкам, в которых прославлялся Сталин, в среде «шестидесятников» был создан цёлый цикл историй, в которых Сталин изображался ущербным существом. Впоследствии более тысячи антисталинских баек были собраны Юрием Боревым и опубликованы в сборнике «Сталиниада». Юрий Борев увидел в них «феномен особого рода — городской, интеллигентский фольклор». Судя по именам действующих лиц и рассказчиков, на которые ссылался Борев, многие из них были сочинены в Москве и таким образом являлись скорее «столичным, интеллигентским фольклором».

Искусственная модель Сталина и сталинского времени, созданная усилиями «шестидесятников», заставляла меня вспоминать историю, рассказанную мне одним советским дипломатом. Как-то в ходе поездки по Тихоокеанскому побережью Штатов он увидел здание причудливой формы, на котором была вывеска с названием — «Гнездо дьявола». Заинтересовавшись вывеской, дипломат остановил машину и зашел в дом, который показался ему чем-то вроде музея. Получив соответствующую плату, хозяин дома вручил гостю брошюру об этом необычном здании и рассказал, почему

оно получило такое название. Он уверял, что так называли индейцы этот участок гор, считавшие его обителью дьявола из-за его необычных физических свойств. Он предложил гостю самому убедиться в этом и для этого провел дипломата в огромный пустой зал. Хозяин попросил своего гостя встать в углу одной стены, а сам прошел в другой ее угол. К удивлению дипломата, хозяин стал неожиданно уменьшаться в размерах. Затем хозяин, не спеша, двинулся к другому углу, попросив дипломата двинуться ему навстречу. Дипломат видел, как на его глазах хозяин сначала сравнялся с ним ростом, а затем превратился в гиганта, упиравшегося головой в высокий потолок. Потом произошло новое превращение, и великан вновь стал карликом. В ответ на недоуменные вопросы удивленного дипломата хозяин сказал, что это явление до сих пор не получило объяснения, несмотря на старания многочисленных ученых.

Лишь через некоторое время дипломат узнал, что он стал жертвой оптического обмана в специально сконструированной комнате. Стены в ней были сооружены таким образом, что лишь создавали иллюзию ровных поверхностей. Переходя от одного угла такой стены, человек то упирался головой в потолок, «превращаясь» в великана, то едва достигал трети высоты до потолка и казался лилипутом.

Именно в такое «Гнездо дьявола» попадали участники постоянных антисталинских дискуссий, происходивших среди либеральной интеллигенции. В искаженном историческом пространстве Сталин превращался в пигмея. Знаменательно, что в одной из баек, собранных Боревым, утверждалось, что Сталин был низкого роста (измерения тела Сталина после его смерти показали: его рост составлял 170 см, то есть он был человеком среднего роста). Особенно яростно старались антисталинисты занизить умственный, духовный и моральный уровень Сталина. Находившийся в искусно искаженном пространстве человек не замечал, что для сопоставления Сталина с другими людьми используются разные способы измерения. К тому же в искусственной постройке не было ничего, что позволяло бы сопоставлять Сталина с историческими реалиями его времени.

Тот, кто занимал позицию наиболее удаленную от Сталина, то есть особенно преуспевал в антисталинизме, в рамках искусственного пространства превращался в титана,

возвышавшегося над Сталиным. Такой гигант казался достойным роли вершителя судеб великой страны, а может быть, и всего человечества. Возможно, что те, кто страдал от сознания своего «невысокого положения» (независимо от физического роста), получал в антисталинском «Гнезде дьявола» психологическую компенсацию. Те же принципы определяли и усилия Хрущева, предпринятые им на XX и XXII съездах с целью до предела принизить Сталина и возвыситься над искусственно уменьшенным Сталиным. Моральный и интеллектуальный пигмей мог таким способом вообразить, что он выше Сталина.

Многое в содержании баек показывает, что они возникли после XX и XXII съездов партии, а некоторые из них представляли собой импровизации на темы антисталинских выступлений Хрущева; а поэтому их правдивость была изначально сомнительна. В то же время, пересказывая хрущевские истории, авторы баек шли значительно дальше в изображении злых начал Сталина. Эпизод о конфликте Сталина с Постышевым, изложенный в докладе Хрущева, развертывался на партийном собрании высокого уровня. Хрущев утверждал, что Сталин «в одном из своих выступлений высказал свое недовольство Постышевым и задал ему вопрос: «Кто ты, собственно говоря?» Постышев ответил твердо: «Я — большевик, товарищ Сталин, большевик». В байке эта же история переносилась в пыточный застенок, и автор байки утверждал: «Сталин лично допрашивал Павла Петровича Постышева. Он тряс его за плечи и кричал: «Кто ты, Постышев?! Признавайся! Кто ты есть?!» В ответ Постышев произносил слова из доклада Хрущева: «Большевик, товарищ Сталин, большевик я».

Там, где Хрущев не решался прямо обвинить Сталина в совершении преступлений, авторы баек приводили «неопровержимые» доказательства вины Сталина. В своей книге Ю. Борев писал: «есть достоверное предание, что Николаев встречался со Сталиным и что Сталин... сказал: «Вы ведете себя правильно. Вы должны вести себя как мужчина. То, что Киров большой человек — ничего не значит. Вы имеете право на месть, и мы поймем вас как мужчина». После этого Николаев получил доступ во все «коридоры власти» Ленинграда».

Поскольку вряд ли Николаев мог рассказывать о подобной встрече до убийства, а вскоре после своего ареста он

был казнен, то трудно предположить, что он имел возможность распространять эту выдумку. Сталин же вряд ли стал бы рассказывать такую историю. Очевидно, что ни автору байки, ни Бореву не приходила в голову простая мысль: «Кто же тогда был свидетелем беседы Сталина с будущим убийцей Кирова?» Однако, исходя из истинности этого «достоверного предания», Борев, видимо, исходил из того, что некий свидетель, невидимый для Сталина и Николаева, донес до нас слово в слово указания Сталина, данные Николаеву перед убийством Кирова.

Наличие такого же «невидимого свидетеля» предполагалось и в байке, повествовавшей о том, что Сталин якобы убил свою жену Надежду Аллилуеву, когда та неожиданно вошла к нему в кабинет со стаканом чая. Сталин почему-то вдруг испугался и с перепугу застрелил свою жену. Кто мог видеть эту сцену и затем рассказать о ней? Опять-таки надо полагать, что в кабинете Сталина где-то спрятался третий человек, который затем сумел уйти незаметно из кремлевской квартиры и даже рассказать всему свету о происшедшем.

Третий невидимый свидетель, видимо, оказался во время сцены, якобы разыгравшейся в Кремле, когда, разгневавшись на Хрущева, Сталин стал избивать его телефонной трубкой. Известно, что Хрущев такой унижающей его достоинство истории не рассказывал. Нет никаких свидетельств, что об этом рассказывал Сталин. Стало быть, опять надо предположить, что, возможно, под письменным столом Сталина прятался третий человек, который затем вылез из-под стола и рассказал об этой драке.

Остается только ломать голову, каким образом могли вообразить себе доверчивые слушатели сцену такого избиения в ту пору, когда не существовало радиотелефонов, а были лишь телефонные аппараты, к которым короткими проводами были присоединены трубки. То ли они представляли себе, что Сталин, оторвав телефонную трубку, бегал за Хрущевым по кремлевскому кабинету. То ли они воображали, что Никита Сергеевич покорно положил свою голову возле телефонного аппарата и ждал, пока Сталин не закончил молотить по его черепу трубкой.

Если верить авторам баек, то кажется, что ни одна смерть, случившаяся в СССР и даже за его пределами в годы пребывания Сталина у власти, не обошлась без его вме-

шательства. (Прямо как в «Борисе Годунове»: «Кто ни умрет, я всех убийца тайный!») Помимо реанимированной лживой троцкистской версии о том, что Сталин виноват в гибели Фрунзе на операционном столе, авторы баек возводили на Сталина ответственность за уничтожение многих советских военачальников еще до того, как он стал главным руководителем страны.

В байке под заглавием «Тихий уход из жизни» рассказывается, что бывший помощник Троцкого Эфраим Склянский в 1925 году утонул в озере, находясь в США в командировке. Автор байки утверждал, что его утопил Сталин. Правда, Сталин в это время находился в Москве, а американская полиция не установила факта насильственной гибели Склянского. Однако авторы байки, явно используя сюжет «Американской трагедии», не только приписывали Сталину роль Клайда Гриффита, но и старались, подобно следователю из романа Теодора Драйзера, сфальсифицировать улики, чтобы посадить его, хотя бы посмертно, на электрический стул.

В одной из баек, приведенных в книге Борева, говорится о том, как 14 июля 1922 года погиб большевик Камо (С.А. Тер-Петросян), известный советским людям по популярному в 50-х—60-х годах историко-революционному фильму «Лично известен». Рассказ гласит: «Камо погиб в 1922 году в Тбилиси при загадочных обстоятельствах. Он был сбит машиной (чуть ли не единственной в городе), когда ехал на велосипеде. Еще в те годы существовало подозрение, что он был устранен Сталиным: Камо хотел пробиться в Горки и освободить Ленина из-под домашнего ареста».

Всякому человеку, знакомому с историей, известно, что летом 1922 года Ленин был не под домашним арестом, а находился на лечении в Горках. Время от времени о пребывании Ленина в Горках писали в газетах. В сентябре 1922 года об этом написал и Сталин для иллюстрированного приложения к «Правде».

Почему работник Наркомфина Грузии Камо не знал об этом? Почему ему, подобно новому Дон Кихоту, пригрезилось, что Сталин держит Ленина под арестом, и он призван его освободить? Почему Сталин, узнав о намерении своего старого друга Камо поехать в Горки, не стал сообщать ему о состоянии здоровья Ленина, а решил убить его? Все эти во-

просы остаются без ответа. Вполне возможно, что уровень познаний в истории и географии автора рассказа позволял ему считать, что, если бы не дорожно-транспортное происшествие, то Камо смог без труда доехать на велосипеде из Тбилиси до Горок и вызволить Ленина из плена.

Одна байка за другой описывала чудовищные проявления жестокости, цинизма и вероломства Сталина. В одной из них утверждалось, что Гитлер перед войной был готов освободить вождя германских коммунистов Эрнста Тельмана и передать его Советскому Союзу. Однако Сталин отказался принять Тельмана. Почему? Рассказчик байки с торжеством заключал: «Живой вождь немецких единомышленников Сталину был не нужен».

Утверждалось, что Анри Барбюс, автор книги о Сталине, был убит по его распоряжению, так как вождь якобы боялся, что французский писатель отречется от своей книги. По логике этих рассказов, Сталин должен был уничтожать всех руководителей зарубежных коммунистических партий и всех авторов произведений, в которых его восхваляли. И хотя, как известно, этого не происходило, слушатели этих вздорных историй верили в них, сокрушенно покачивая головами и вращая широко раскрытыми глазами.

Помимо имевших место репрессий, авторы баек придумали планы массовых расправ, которые Сталин якобы не успел осуществить из-за своей смерти. «Согласно сталинскому сценарию, — утверждалось в байке Борева, — должен был состояться суд над «врачами-убийцами», который приговорил бы их к смерти. Казнь должна была состояться на Лобном месте на Красной площади. Некоторых «преступников» следовало казнить, других позволить разъяренной толпе отбить у охраны и растерзать на месте. Затем толпа должна была устроить в Москве и других городах еврейские погромы. Спасая евреев от справедливого гнева народов СССР, их предстояло собрать в пунктах концентрации и эшелонами выслать в Сибирь». Утверждалось, что в феврале 1953 года была напечатана миллионным тиражом брошюра члена Президиума ЦК КПСС Д.И. Чеснокова «Почему необходимо было выселить евреев из промышленных районов страны». В своей книге Ю. Борев писал: «Один из старых железнодорожников, живущий ныне в Ташкенте, рассказывал мне, что в конце февраля 1953 го-

да... были приготовлены вагоны для высылки евреев и уже были составлены списки высылаемых, о чем ему сообщил начальник областного МГБ».

Однако всех этих «чуть не состоявшихся» событий авторам антисталинских сочинений было мало, и они утверждали, что «Сталин увидел в этой истории ряд важных политических перспектив: путь к новой волне большого террора и «к окончательному решению» еврейского вопроса, а также возможность усиления международной напряженности и обвинения США в бесчестных акциях против СССР... Все это, по расчетам Сталина, давало выход к мировой войне, к возможному захвату Европы и даже овладению миром».

В подтверждение своих слов сочинители антисталинских баек не могли предъявить ни одного документа, ни странички из миллионов страниц неведомого сочинения Чеснокова, ни списков высылаемых, ни даже Старого Железнодорожника из Ташкента, то есть ничего, кроме Лобного места.

Поскольку сочинителями баек и их главными слушателями были представители интеллигенции, то во многих из этих сочинений Сталину приписывалась особо изощренная грубость и жестокость по отношению к представителям интеллигенции. То Сталин доводил до обморока писателя Авдеенко (опять-таки на основе показаний невидимого свидетеля), то обижал невниманием Утесова во время его выступления на концерте в Кремле (на самом деле известно, что Сталин был в восторге от фильма «Веселые ребята», главную роль в котором играл Утесов во главе джаз-оркестра), то воровал у философа Стэна его философские труды и выдавал их за свои (какие труды — не указывалось, ибо таковых не было). Вопреки многочисленным свидетельствам очевидцев, на первых же страницах «Сталиниады» подчеркивалось: «Не обладая большой культурой, Сталин не любил интеллигентность».

Даже любовь Сталина к классическим операм истолковывалась как проявление его моральной ущербности. Рассуждение «Любимый оперный образ», приведенное Боревым, гласило: «Сталин любил «Пиковую даму» Чайковского. Проблема игры, судьбы игрока-авантюриста, человека, живущего вне нравственности, азартом выигрыша, — была близка Сталину». Борев не привел версий, которые предла-

гали «интеллигентные» люди для объяснения любви Сталина к «Ивану Сусанину» или «Аиде». Но можно не сомневаться, что их ненависть к Сталину и их убожество в восприятии шедевров культуры позволили бы им найти немало гаденьких слов для истолкования художественных вкусов Сталина в самом превратном смысле. Ведь даже для любви Сталина к народной грузинской песне «Сулико» было найдено ущербное объяснение: «Слова этой песни... звучали весьма в духе вождя: они в меру сентиментальны, в меру жестоки и обращены к могиле».

В байках, собранных Боревым, Сталина не раз называли «недоучившимся семинаристом». При этом следует учесть, что представления о церковном образовании были столь туманны в Советской стране, что многие образованные люди были тогда уверены, будто полеты Гагарина и Титова окончательно опровергли церковные представления о существовании Бога. Возможно, что многие люди с дипломами о получении ими высшего образования полагали, что священники и семинаристы и в конце XIX века верили тому, что Бог сидит на небесном куполе, водруженном над плоской Землей. Исходя из таких представлений, многие антисталинисты были убеждены в том, что по своим интеллектуальным качествам Сталин неизмеримо ниже современной городской интеллигенции, а потому не мог не совершать вопиющих ошибок в руководстве страной.

Длинный перечень ошибок Сталина, допущенных им в годы Великой Отечественной войны (главным образом, преувеличенных или мнимых), автор мини-опуса «Поражение, превращенное народом в победу», венчал утверждением о том, что война была Сталиным проиграна: «Ни один полководец мира не сделал столько для поражения своего народа, сколько сделал Сталин. Он проиграл войну, что заставило народ под угрозой иноземного фашистского господства мобилизовать свои последние силы и проявить невиданный героизм для спасения Родины. Великую Отечественную войну народ выиграл вопреки Сталину».

Что же касается индустриализации страны, осуществленной под руководством Сталина, то и тут слагатели антисталинского эпоса обнаруживали, что вождь не заботился об интересах страны. Оказывается, «проводя индустриализацию, Сталин решал... проблемы утверждения своей лич-

ности. Не случайны поэтому постройки самых больших тракторных заводов, плотин, каналов. Гигантомания имела не экономические, а политические корни».

Из комментариев к байкам ясно, что их создатели и распространители были видными фигурами среди столичной интеллигенции. Тем удивительнее, что люди, которые в своих профессиональных занятиях должны были проявлять большую внимательность к фактам, разборчивость в их оценках, умение различать нюансы в явлениях природы или человеческой психики, довольствовались самыми грубыми мерками и карикатурными изображениями, а то и сбивались на откровенную небывальщину, когда говорили о своей великой стране, событиях в ее истории, ее руководителях. Слепая вера в созданный Хрущевым «миф XX съезда» и многочисленные дополнения к нему, сочиненные в кружках столичной интеллигенции, разлагали общественное сознание. Если люди могли поверить в реальность придуманных ими же баек о Сталине, то они могли поверить и в другие неправдоподобные измышления. Видимо, не случайно в брежневское время среди столичной интеллигенции росли, как грибы, увлечения антинаучными бреднями.

В то же время склонность авторов баек к безудержной фантазии еще больше усиливалась по мере распространения среди столичной интеллигенции мистических поверий. Тогда появились байки о том, что во время войны Сталин получал сведения о Гитлере и его планах от телепата Вольфа Мессинга, который «считывал» информацию с мозга Гитлера. В байках также утверждалось, что Сталин направлял десантников в Тибет, чтобы выбить оттуда отряд гитлеровцев, пытавшихся пройти в Шамбалу и «повернуть там ось мира в свою сторону». Ссылаясь на оккультиста Андреева, рассказывали, что Сталин никогда не спал, но в течение 2—3 часов впадал в транс, заряжаясь мировой энергией.

Раз ступив на стезю искажения истины и наотрез отказавшись признать заслуги Сталина в руководстве Советской страной, люди скатывались в болото дремучего вымысла и далее брели среди топей безграничного фантазирования. Одна ложь не могла не порождать другую, но при этом откровенно фантастические истории, изложенные в

книге Борева, выдавались за правду. Их с важным видом рассказывали знаменитые актеры, режиссеры, писатели, а представители столичной интеллигенции более скромного положения (врачи, учителя, рядовые научные сотрудники и служащие госучреждений невысокого ранга), но также обладавшие различными аттестатами и дипломами о высоком образовании, слепо верили в эту чушь и повторяли ее.

Высокий авторитет лиц, которые были сочинителями и распространителями этих лживых версий, парализовал сомнения у людей более скромного положения. Как и в московском обществе времен Грибоедова, многие московские интеллигенты брежневского времени опасались бросить вызов мнению «княгини Марии Алексеевны». Страх высказать мнение, которое идет вразрез с общепринятым, всегда понуждал людей из московского общества (и порой отнюдь неглупых людей) слепо доверяться оценкам тех, кто считался «авторитетными лицами». Герой неоконченного романа Льва Толстого «Декабристы» Иван Павлович Пахтин, «мужчина лет сорока», решительно не знал, как оценить возвращение из сибирской ссылки декабриста Лабазова, пока не посетил так называемую «умную комнату» одного из московских клубов. Сначала Иван Павлович даже толком не знал, как сообщать эту новость, а потому произнес ее в сопровождении стихотворной строки «выпытывающим тоном, готовый на то, чтобы эту цитату сделать шуточной или серьезной». Лишь получив надежные свидетельства того, что люди «умной комнаты» относятся к Лабазову с уважением и почтением, Пахтин понял, как надо следует оценивать его возвращение в Москву. Отмечая подобное хамелеонство части российской интеллигенции, Герцен писал: «У нас тот же человек готов наивно либеральничать с либералом, прикинуться легитимистом, и это без всяких задних мыслей, просто из учтивости и из кокетства; бугор de l'approbativite (*франц.* — желание получить одобрение) сильно развит в нашем черепе».

Страх прослыть дураком или некомпетентным, который, как следует из сказки Г.Х. Андерсена, заставил жителей целого королевства поверить в красоту несуществующего платья короля, парализовал слушателей невежественных баек о Сталине. Только, в отличие от сказки Андерсена, слушателей убеждали, что король — был постыдно гол, а

его видимые достоинства — это иллюзия, в которую верят лишь дураки. Поддержание веры в антисталинские бредни стало пропуском в общество лиц, считавших себя интеллигенцией, а сомнения в них осуждались как признак непорядочности. Некритический подход к грубой и примитивной лжи углублял духовную деградацию людей и расширял ее масштабы. По сути антисталинизм стал устойчивым психическим заболеванием, охватившим определенные круги интеллигенции.

В то же время в этом безумии была своя последовательность. Перечеркнув все положительные деяния Сталина и превратив его в олицетворение вселенского зла, авторы баек весьма логично объявляли порочными и его действия по возрождению исторических связей России с прошлым. Обстоятельства восстановления патриаршества в России излагались в нарочито издевательском тоне как по отношению к Сталину, так и к священнослужителям. Сама констатация неоспоримого факта об интересе Сталина к истории России звучала для авторов баек как обвинение: «Сталин интересовался историей России и особенно теми эпохами, когда правители любой ценой стремились к усилению власти и развитию государственности, царствование Ивана IV, Петра I, Николая I... Классовый принцип был заменен национальным. Сталин стал императором всея Руси».

Чем же была Русь для сочинителей антисталинских историй и их постоянных слушателей? Этому было посвящено мини-эссе под названием «Исторические факторы». Эссе содержит длинный перечень отрицательных исторических и природных факторов, породивших «ужасную» страну: «Века татарского ига, относительно Европы более суровая природа, мрачная и кровавая бесчеловечность Ивана Грозного и других российских деспотов, три сотни лет царствования дома Романовых, петровское творение прогресса». Все это, по мнению творцов эссе, создало «укорененное в социальном бытии России противоречие личной жизни человека и державности». Кажется, что авторы в духе писателя Кармазинова из романа «Бесы» стремились изобразить «банкротство России во всех отношениях перед великими умами Европы» и высмеивали тысячелетнюю историю «беспорядка и бестолковщины».

Помимо прочего, оценки Сталина и России обнажали

вопиющее незнание отечественной истории и воскрешали стенания дореволюционной российской интеллигенции об «отсталости» России от «передовой» Европы. Для истолкования правления Сталина нередко использовались аналогии с оценками правления Ивана Грозного в художественной литературе и фольклоре. При этом не замечалось, что жестокости царя Ивана IV происходили в тот же XVI век, который прославился жестокими массовыми казнями и в других странах. В том же веке в Великобритании при короле Генрихе VIII были казнены сотни тысяч англичан «за бродяжничество», испанский герцог Альба залил кровью Фландрию, при испанском короле Филиппе II безжалостно сжигали на кострах десятки тысяч «еретиков», а за одну Варфоломеевскую ночь во Франции было уничтожено больше гугенотов, чем за все казни, совершенные по приказу Ивана Грозного.

Народное сознание страны изображалось как ущербное, сложившееся под давлением тяжелых обстоятельств. В «Сталиниаде» утверждалось: «Национальная ущемленность многих больших и малых народов России, вырвавшаяся наружу» в годы правления Сталина, «использование органов безопасности в целях поддержания личной власти, слившись в воедино в сталинском мышлении, характере и типе властвования, сформировали ту державную традицию, тот несчастливый образ жизни и тот тип государственности вопреки личности, которые и определили жизнь России в XX веке, фигуру Сталина и особенности созданного им режима».

Для посрамления народа, любившего Сталина, использовали даже известную древнюю историю про казнь Яна Гуса и старушку, бросившую вязанку хвороста в костер инквизиции. Теперь история венчалась притянутой за уши сентенцией: «В этой вязанке хвороста увязаны в пучок все проблемы взаимоотношений народа, интеллигенции и власти в сталинскую эпоху. Отечественная интеллигенция сгорала на костре сталинских репрессий, и обманутый пропагандой народ в святой простоте подбрасывал в этот костер хворост». Отождествляя себя со всей интеллигенцией и окружив себя ореолом героического мученичества, авторы баек и их распространители недвусмысленно противопоставляли себя не только Сталину, но и всему советскому народу.

Глава 10
STALIN MADE IN THE USA

События политической и общественной жизни в нашей стране не проходили мимо внимания нашего главного противника на международной арене — Соединенных Штатов Америки. К началу «холодной войны» в США при активной помощи государства была создана разветвленная сеть советологических центров. Изучая текущую жизнь СССР и его историю, американские советологи сталкивались как с объективными, так и с субъективными трудностями. Им были недоступны архивы советских государственных и партийных учреждений. Они имели довольно ограниченные возможности для встреч и бесед с советскими людьми, особенно с теми, кто имел отношение к принятию государственных решений.

Однако эти трудности успешно преодолевались. Советологи старательно анализировали литературу и периодику, проводили социологические опросы эмигрантов из СССР и даже американских туристов, посетивших нашу страну, и готовили на этой основе аналитические материалы о настроениях советских людей, то в виде фундаментальных трудов, то в виде регулярно публикуемых сводок.

На помощь советологам пришло и американское государство. Хотя, в отличие от СССР, в США не существовало единой системы научно-исследовательских институтов, изучавших международные вопросы, деятельность самых различных независимых научных центров, существовавших главным образом при американских университетах, координировалась специальным Советом. В его состав входили представители Государственного департамента, Министерства обороны и ЦРУ. Через посредство Совета направлялись государственные средства на изучение тех или иных проблем СССР и проводились сотни всевозможных семинаров, конференций, которые обсуждали самые различные стороны советской жизни. Это позволяло объединять и направлять усилия независимых научных центров и даже отдельных ученых, изучавших нашу страну.

Достаточно ознакомиться с тематикой семинаров, которые состоялись лишь за один 1983 год и лишь в одном сове-

тологическом центре США — столичном Вильсоновском центре при Институте Джорджа Кеннана, чтобы понять, насколько широк был диапазон этих исследований: «Этнонационализм и политическая стабильность в СССР», «Этническая теория и политика в СССР: различия в языках, теориях, выводах», «Советская мусульманская интеллигенция», «Жизнь и социальные условия в Советском Таджикистане», «Политика в отношении религии на Украине», «Отношения между писателями и правительством в СССР» и т.д.

Государственная опека над советологией и ее государственное субсидирование привели к тому, что эта наука обрела политизированную направленность. С одной стороны, американскому государству нужны были максимально достоверные сведения о нашей стране. С другой стороны, изучение СССР позволяло решать важные пропагандистские задачи, необходимые для американской экономики. Эту сторону советологии отчасти раскрыл известный американский экономист Джон Гэлбрайт: «Капиталистическая экономика страдает от ограниченного рынка. Расходы на вооружение... вносят необходимую коррективу». Как указал Гэлбрайт, «фантазия и создание образов играет важную роль в отношении между индустриальной системой и государством... Если создан образ нации, осажденной врагами, ответом будут капиталовложения в вооружения».

Стремление создать страшный и отталкивающий образ врага проявлялось и в усилиях по дискредитации Сталина, особенно активизировавшихся после XX съезда КПСС. 23 апреля 1956 года на страницах журнала «Лайф» бывший видный работник ОГПУ-НКВД Александр Орлов (Лев Фельдбин), давно эмигрировавший на Запад, заявил, что его коллега по НКВД Штейн якобы еще в 1937 году обнаружил в архиве царской полиции папку с агентурными донесениями Иосифа Джугашвили заместителю директора Департамента полиции Виссарионову. Ссылаясь на рассказ тех, кто якобы знакомился с содержанием этой папки, А. Орлов утверждал, что Сталин был агентом полиции вместе с Р. Малиновским, но «решил устранить Малиновского со своего пути на секретной работе в Охранке» и написать письмо в полицию против этого провокатора. Орлов писал, будто на полях письма Сталина, направленного против Ма-

линовского, «была начертана резолюция товарища министра внутренних дел, которая гласила примерно следующее: «Этот агент ради пользы дела должен быть сослан в Сибирь. Он напрашивается на это»... Несколько недель спустя Сталин был арестован вместе с другими большевиками в Санкт-Петербурге, по иронии судьбы попав в западню, которая была уготована ему Малиновским». Однако в подтверждение своих слов Орлов не смог привести какие-либо документы.

В том же номере журнала «Лайф» были опубликованы обвинения подобного рода против Сталина в публикации Исаака Дона Левина. Позже они более подробно были изложены в книге этого же автора «Величайший секрет Сталина», вышедшей в свет в 1956 году. Автор утверждал, что располагал документальными свидетельствами сотрудничества Сталина с царской полицией. Согласно версии Левина, Сталин стал сотрудничать с полицией с 15 апреля 1906 года, когда был арестован в Тифлисе. Он якобы выдал расположение подпольной Авлабарской типографии РСДРП, которая в тот же день была разгромлена. За эту помощь полиции он тут же был не только отпущен на свободу, но и переправлен полицией в Стокгольм для участия в IV (Объединительном) съезде РСДРП. В подтверждение сотрудничества Сталина с полицией Левин приводил машинописное письмо, которое, по его словам, он получил в 1947 году от трех эмигрантов из России, проживавших после Октябрьской революции 1917 года в Китае. Вот его содержание:

«М.В.Д.

Заведывающий особым отделом Департамента полиции

12 июля 1913 года

2898

Совершенно секретно

Лично

Начальнику Енисейского Охранного отделения А.Ф. Железнякову.

[Штамп «Енисейское Охранное отделение»]

[Входящий штамп Енисейского Охранного отделения:]

«Вх. № 65 23 июля 1913 года».

Милостивый Государь!

Алексей Федорович!

Административно-высланный в Туруханский край Иосиф Виссарионович Джугашвили-Сталин, будучи арестован в 1906 году, дал начальнику Тифлисского г[убернского] ж[андармского] управления ценные агентурные сведения. В 1908 году н[ачальни]к Бакинского Охранного отделения получает от Сталина ряд сведений, а затем, по прибытии Сталина в Петербург, Сталин становится агентом Петербургского Охранного отделения.

Работа Сталина отличалась точностью, но была отрывочная.

После избрания Сталина в Центральный комитет партии в г. Праге Сталин, по возвращению в Петербург, стал в явную оппозицию правительству и совершенно прекратил связь с Охранкой.

Сообщаю, Милостивый Государь, об изложенном на предмет личных соображений при ведении Вами розыскной работы.

Примите уверения в совершенном к Вам почтении

[Подпись:] Еремин».

Левин писал, что он не удовольствовался приобретением этого письма, но решил провести собственное расследование в 1950 году и для этого отправился в Западную Европу. В окрестностях Парижа он разыскал бывшего генерала жандармерии Александра Спиридовича. По словам Левина, генерал не только узнал подпись своего коллеги Еремина на письме, но даже презентовал ему серебряный графин с дарственной надписью от сослуживцев, среди которых была выгравирована подпись и Еремина. Генерал заверил Левина, что ему знаком и шрифт письма и высказал мнение, что письмо было напечатано на машинке типа «Ремингтон» или «Ундервуд», которые использовались в России до Первой мировой войны. А.И. Спиридович удостоверил и личность того, кому направлялось письмо, заявив, что «в США находятся несколько беженцев из Сибири, лично знавшие Железнякова».

К тому же Спиридович предложил Левину разыскать в Германии некоего офицера Охранного отделения, которого он знал по кличке «Николай Золотые очки». Генерал сказал, что после революции этот офицер долго жил в Берлине и служил пономарем в православной церкви под фамилией «Добролюбов». Генерал считал, что «Николай Золотые оч-

ки» «может быть, единственный, кто занимался проблемой отношений Сталина с Охранкой и, возможно, знал его лично». Левин подробно описал, как он съездил в Западный Берлин, нашел нужную церковь, священник которой ему сказал, что «Добролюбов» переехал в Висбаден. По словам Левина, приехав в этот город, он нашел на местном кладбище могилу Добролюбова и на этом исчерпал свои попытки найти живых свидетелей сотрудничества Сталина с царской полицией.

Утверждения И.Д. Левина были подвергнуты уничтожающей критике почти сразу же после выхода в свет его книги видным советологом Дэвидом Даллиным. В еженедельнике «Нью-Йорк таймс бук ревью» за 21 октября 1956 года он доказывал, почему «письмо Еремина», на котором держалась версия Левина, можно считать фальшивкой. Он обратил внимание на то, что письмо датировано 12 июля 1913 года, когда полковник Еремин уже не занимал пост в Санкт-Петербурге, а перешел на работу в Финляндию. Даллин указал, что полиция никогда не именовала революционеров по их партийным псевдонимам, а использование двойной фамилии «Джугашвили-Сталин» было бы необычным для полицейского документа. Даллин обращал внимание на то, что во всех полицейских документах, в том числе и относившихся к 1913 году, говорилось о «Джугашвили». Кроме того, в этих документах призывалось принять меры против его возможного побега. Вряд ли такие предупреждения рассылались бы, если бы речь шла об агенте полиции. Также известно, что впервые Джугашвили стал подписывать свои работы фамилией «Сталин» лишь с начала 1913 года, в то время как в письме утверждалось, что «Джугашвили-Сталин» сотрудничал с полицией с 1908 года. (Пытаясь оправдаться, Левин, вопреки фактам, уверял, что Сталин подписывался этим псевдонимом за два года до «письма Еремина».)

Совершенно абсурдным было, по оценке Даллина, и «заявление» Еремина о том, что полицейский агент разорвал связь с полицией и стал революционером. При этом Даллин обращал внимание на то, что Левин «не пытается объяснить, каким образом полицейский шпик поразительным образом превратился в революционера и почему полиция не помешала такому развитию событий».

Будучи знакомым с множеством подобных фальшивок, Д. Даллин предположил, что «письмо Еремина» было, скорее всего, сфабриковано на Дальнем Востоке в среде харбинской эмиграции: «Изготовитель фальшивки, вероятно, был человеком, лично связанным с российской полицией и владевшим образцами официальных писем и подписей. В остальном же он был человеком не слишком искусным и не обремененным глубокими историческими познаниями». Опыт Д. Даллина подсказывал ему, что на подобные фабрикации шли «обычно люди, испытывавшие сильные финансовые трудности, и стремившиеся быстро заработать йены или марки, не обладая достаточными знаниями или временем для проведения исторического исследования, чтобы сделать их документы более правдоподобными».

К мнению Д. Даллина присоединились и многие авторы известных тогда биографий Сталина на Западе, такие как Бертрам Вольф и Борис Суварин. Доказывая поддельный характер «письма Еремина», Г. Аронсон в журнале «Нью Лидер» от 20 августа 1956 года писал: «Стиль документа противоречит тому, который обычно использовался в царском департаменте полиции. Например, в этом предполагаемом официальном документе приставка «Санкт» опущена в слове Санкт-Петербург, что было немыслимо в 1913 году. Более того, Сталин упоминается не только его подлинным именем — Джугашвили, но также псевдонимом — Сталин, хотя он принял его только недавно, что не было широко известно. В те дни Сталин был известен в подпольных кругах, как... Коба, Иванович и Васильев, а не Сталин. В документе Сталин фигурирует как «агент», в то время как агенты Охранки на самом деле назывались «секретными сотрудниками». Наконец, Сталин подается как член Центрального комитета партии, не уточняя какой партии. В 1913 году в царской России существовали ряд партий социалистических и иных, на легальной и полулегальной основе».

Вскоре появилось еще одно опровержение версии Левина и его «документа». Сотрудник Нью-Йоркского университета штата Нью-Йорк М. Титтел, который специализировался на изучении машинописных шрифтов, без труда установил, что «письмо Еремина» не было отпечатано на машинках «Ремингтон» и «Ундервуд», а на машинке «Адлер» германского производства, на которой стали приме-

нять русский шрифт лишь в 1912 году. Однако, так как шрифт «письма» был изношен и разбит, то Титтел пришел к выводу, что текст был написан значительно позже. Знакомство Титтела в Хельсинки, где до революции служил Еремин, с документами, подписанными им, убедило его и финских графологов, что подпись Еремина не похожа на ту, что венчает письмо, представленное Левиным.

Приехав в Западный Берлин и посетив церковь, в которой якобы служил «Николай Золотые очки», Титтел побеседовал с отцом Сергием и отцом Михаилом, которые заверили американца, что в их церкви никогда не было пономаря «Добролюбова», ни кого-либо, соответствующего описаниям Спиридовича. Поиски на кладбище Висбадена не позволили «найти никаких следов Добролюбова». Расследование Титтела поставило под сомнение добросовестность Левина как исследователя, реальность его встречи со Спиридовичем и подлинность серебряного графина. (Правда, Левин пытался оправдаться, сообщая, что на висбаденском кладбище похоронен некий «Добровольский», а это, мол, у русских в сущности одно и то же, что и «Добролюбов».)

Казалось бы, фальшивка Левина была разоблачена. Однако в борьбе против Сталина даже добросовестные исследователи готовы были пожертвовать профессиональной этикой. Поразительным образом уничтожив версию Левина буквально «на корню», Д. Даллин не считал необходимым отказаться от ее использования в дальнейшем и он писал в заключение своей рецензии: «В отношении Сталина все сгодится и чем грязнее подозрение, тем больше оснований, что оно окажется правдивым». На деле «правдивость» означала лишь внешнее правдоподобие «грязного подозрения», достигавшееся с помощью приемов грязной пропаганды. Творцы антисталинской пропаганды исходили из того, что нельзя прибегать к фальшивкам, которые легко разоблачить. Однако это не означало, что они не были готовы прибегать к такому искажению истины, которое не так легко поддавалось разоблачению и не вызывало недоверия у читателей. Такое освещение фигуры Сталина отвечало задачам внешней политики США.

Внешнеполитические стратеги США всячески поощряли изучение жизни и деятельности Сталина. Беседуя с советскими участниками Пагуошской конференции в конце

60-х годов, известный враг нашей страны Збигнев Бжезинский поведал им об этих советологических исследованиях, сказав: «Восстанавливается каждый день, прожитый Сталиным».

Характерно, что в своих вводных замечаниях перед началом своих книг, в которых выражалась признательность тем, кто помог им в работе над биографиями, Р. Таккер («Сталин как революционер»), Адам Улам («Сталин. Человек и его эра»), а также английский автор Эдвард Смит («Молодой Сталин. Ранние годы неуловимого революционера») спешили выразить признательность Джорджу Кеннану. Хотя последний был историком, но не следует забывать, что, прежде всего, он был видным американским дипломатом, сыгравшим решающую роль в развязывании «холодной войны». В своей телеграмме из 8 тысяч слов, направленной в начале 1946 года из Москвы в Вашингтон, советник американского посольства Джордж Кеннан, искажая историю нашей страны как дореволюционную, так и советскую, писал о якобы извечной непримиримости России к Западу и ее извечной агрессивности. «Главным элементом любой политики США по отношению к СССР, — призывал Кеннан, — должно быть долговременное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание русских экспансионистских тенденций». Сформулированная Кеннаном «доктрина сдерживания» была положена в основу внешней политики США с начала 1946 года. В дальнейшем же Кеннан стал «крестным отцом» американского и даже всего англосаксонского сталиноведения. Следует также учесть, что Роберт Таккер был сам профессиональным американским дипломатом, а Эдвард Смит — профессиональным английским разведчиком.

Ориентируясь, прежде всего, на отечественную аудиторию, американские авторы исходили из тех представлений о мире и жизни других стран, которые сложились у среднего американского читателя историко-политической литературы. А поскольку со времен создания Соединенных Штатов средний американец убежден в извечном противостоянии своей «демократической» державы «тираниям», существующим или существовавшим в других странах мира, то образ Сталина вписывался в канонические представления о «тиране», на которых были воспитаны многие по-

коления американцев. Поэтому аннотация к книге Роберта С. Таккера «Сталин как революционер», помещенная на суперобложке, открывалась словами: «То, что Сталин был одним из величайших тиранов в истории, стало ясно еще при его жизни и стало пользоваться широким признанием через 20 лет после его смерти». В предисловии к своей книге, опубликованной в 1973 году, ее автор писал: «Поток разоблачений из России после смерти Сталина в 1953 году не оставляет никаких сомнений в том, что он войдет в историю как олицетворение тирании. Эти разоблачения делают неопровержимым утверждение о том, что он был диктаторской личностью». Аналогичным образом оценивали Сталина и другие американские авторы его биографий.

В то же время незнакомство значительной части американской аудитории со многими краями за пределами США вынуждало авторов биографий Сталина давать краткие пояснения относительно России и Грузии. Так, в своем труде «Сталин как революционер. 1879—1929» Роберт Таккер открывал главу, посвященную первым годам жизни Сталина, длинной цитатой из книги князя В. Багратиона «Географическое описание Грузии», написанной в конце XVIII века. В ней говорилось, что грузины — «упорны в бою, любители оружия, гордые и дерзкие. Они настолько любят личную славу, что готовы пожертвовать своей родиной или своим владыкой ради личного успеха. Они гостеприимны, приветливы. Если собираются два или три грузина, они быстро найдут возможность весело провести время. Они щедры и даже расточительны по отношению к своей и чужой собственности. Они никогда не думают о накоплении богатства... Они проявляют преданность по отношению друг к другу и оказывают поддержку друзьям, они помнят добро и обязательно за добро платят добром, но будут стараться отомстить обидчику. Они быстро переходят от одного настроения к другому. Они упрямы, честолюбивы, склонны к лести и обидчивы». Видимо, предполагалось, что этот перечень противоречивых качеств, названных грузинским князем почти два столетия назад, в какой-то степени помогал читателю понять образ мысли и жизни Сталина.

Однако вскоре Таккер поспешил подчеркнуть, что Сталин утратил эти в целом привлекательные качества грузин, так как демонстративно отвернулся от своей родины. Он

утверждал, что постепенно у Сталина развилась «определенная враждебность по отношению к Грузии». Объясняя такую перемену, которая якобы произошла в сознании Сталина, Таккер считал, что, по мнению Сталина, Грузия в ходе своей истории постоянно терпела поражения, а Россия постоянно побеждала. Поэтому, полагал Таккер, Сталин «активно отверг... свою принадлежность к Грузии... Это означало переход Джугашвили от побежденной стороны к победителю». При этом Таккер ссылался на высказывание Сталина на XII съезде партии о «маленькой советской территории, именуемой Грузией». Грубо искажая подлинные чувства Сталина к своей родине, Таккер подгонял характеристику сына грузинского народа под привычный для рядового американца образ диктатора, попирающего любые человеческие чувства в угоду властолюбию.

Пригодились Таккеру и воспоминания бывшего одноклассника Сталина Ирамешвили. По его словам, юный Сталин «был бесчувственен по отношению к живым существам, его не трогали радости и горе его одноклассников, он никогда не плакал. Он хотел лишь одного — побеждать и внушать страх». В последующем эти заявления Ирамешвили использовали американский исследователь и профессиональный дипломат Роберт Таккер в своей книге «Сталин как революционер» и английский историк Алан Баллок в своей книге «Гитлер и Сталин. Параллельные биографии».

Не обремененный глубокими познаниями об истории внутриполитической борьбы в России и Грузии, американский читатель мог не придать значения тому обстоятельству, что, в отличие от своего соученика, Иосиф Ирамешвили стал меньшевиком и эмигрировал из Грузии после установления там Советской власти, когда Сталин стал одним из руководителей Советского правительства. Не имело большого значения для американского читателя и то обстоятельство, что книга Ирамешвили вышла в свет в Германии в 1932 году, когда Сталин уже несколько лет был фактическим полновластным правителем СССР, а Веймарскую республику сотрясал глубочайший экономический и острый политический кризис. Пользовавшаяся поддержкой СССР Коммунистическая партия Германии во главе с Эрнстом Тельманом подвергалась в это время травле не только со стороны нацистов, но и подавляющего большинства других политиче-

ских партий страны. Кампания против германских коммунистов постоянно подкреплялась антисоветской пропагандой, одним из главных объектов которой был руководитель СССР — Сталин. Как вспоминал мой отец, проходивший в 1932–34 годах производственную практику на заводах Круппа в Германии, в ту пору на стенах домов в Германии можно было увидеть плакаты, на которых изображались жертвы голода в СССР, устрашающие физиономии красных комиссаров и карикатурные изображения Сталина. Антисоветская истерия сопровождала приход нацистов к власти, запрет компартии, а затем и других политических партий. Поэтому выход книги Ирамешвили за несколько месяцев до прихода Гитлера к власти можно рассматривать как часть пропагандистского обеспечения нацистского переворота. Эти обстоятельства, позволявшие увидеть конъюнктурный характер замечаний Ирамешвили или, по крайней мере, его желание свести счеты со своим политическим врагом, не были знакомы американским читателям.

Зато американские читатели неплохо разбирались в психоаналитических интерпретациях человеческих характеров и с готовностью принимали объяснения поведения политического руководителя на основе произвольного истолкования его отношения к своим родителям в детстве. Весьма произвольно и упрощенно истолковывая отношения внутри семьи Сталина, Таккер утверждал, что «победа над сердцем матери» породила в Сталине «самообожание», развила в нем «чувство победителя», а также «уверенность в успехе». Однако вряд ли любовь матери к сыну является настолько редким явлением в жизни людей, что это приводит к «успехам» и «победам» сталинского масштаба. Кроме того, Таккер обходит то обстоятельство, что любовь Екатерины к сыну не была слепой и не мешала ей быть строгой к нему и порой сурово его наказывать.

Рассказ о пребывании Сталина в училище и семинарии православной церкви также усиливал у многих американских читателей предубеждение к человеку из чужой им церкви. Существенным недостатком семинарии, по мнению А. Улама, было также то обстоятельство, что в ней «не было возможностей для общения с семьями из более культурных слоев общества. Большинство студентов были грузинами; здесь было лишь немного русских и армян из обедневших

средних классов или крестьян. Там не было возможности познакомиться и развить дружеские отношения с евреем или католиком, расширить свой кругозор и подумать о других предметах, кроме стремления к выдвижению или борьбы против угнетения, научиться терпимости не через приобщение к политической философии, а благодаря личному опыту». А. Улам сожалел, что пребывание в семинарии не «могло развить у деревенского паренька утонченные манеры, любовь к женскому обществу и легкость общения с женщинами». Улам уверял, что «русская православная церковь и полувосточный характер Грузии пропитаны мужским шовинизмом», и замечал, что отсутствие утонченных манер проявились затем в «ночных банкетах на даче Сталина».

Кроме того, Адам Улам подчеркивал, что в семинарии не было курсов естественных наук и не изучались современные иностранные языки. Из этого обстоятельства Улам делал два вывода. Во-первых, он считал, что из-за этого «в ходе своей революционной учебы Сталин никогда не смог добиться понимания немецкой мысли в той степени, в какой это было необходимо для будущего марксистского руководителя». Во-вторых, «нехватка подготовки в предметах, позволявших освоить научный метод мышления, а также отсутствие математики, несомненно способствовало его обскурантизму и отрицанию им чистой научной теории, что нанесло огромный ущерб советской науке и советским ученым».

Разумеется, семинария могла дать Сталину лишь то, что она могла дать скорее всего, и для него было бы лучше, если бы он имел возможность получить более углубленное и современное образование по ряду предметов. В то же время тенденциозность и ошибочность замечаний Улама и многих подобных комментариев по поводу семинарского обучения Сталина в значительной степени объясняются не только враждебностью их авторов к Сталину, но и их отчужденным отношением к православной церкви. Многие из этих авторов, будучи протестантами, католиками или иудеями, видели в православии лишь византийскую ветвь христианства, отставшую в своем развитии вследствие догматизма и консерватизма.

Кроме того, сводя образование Сталина лишь к программе его обучения в семинарии, западные авторы игнорировали то обстоятельство, что многие пробелы в своих

знаниях Сталин компенсировал самообразованием и поглощением самой разнообразной информации. Говорить об «отрицании» Сталиным научной теории нелепо. Впрочем, американские биографы Сталина старались избегать многих примитивных измышлений, к которым прибегал Троцкий. Так, А. Улам решительно опровергал мнение Троцкого, который, по его словам, «изображал Сталина почти как неграмотного человека». Подобные заявления, подчеркивал А. Улам, «игнорировали то обстоятельство, что семинария дала ему немалые знания: он должен был изучать латынь, греческий, церковнославянский, а также русскую историю и литературу».

И все же в своих критических оценках Тифлисской семинарии англосаксонские биографы Сталина противопоставляли сложившиеся у них и их читателей представления об обычном для англо-американского государственного деятеля пребывании в элитарном учебном заведении. Нет сомнения в том, что помимо замечательных условий для получения образования здесь всегда существовали большие возможности для общения, знакомств друг с другом, а стало быть, для установления связей и освоения стиля разговора и манер поведения, которые потом становились необходимы студентам в обществе.

Однако помимо сомнительности замечаний о том, что, находясь в обществе грузин, «обедневших армян и русских» и не развивая «дружеских отношений с евреем или католиком», Сталин закрывал себе путь к культуре и ограничивал свой кругозор, столь же сомнительны и утверждения о якобы сохранившемся у Сталина на всю жизнь неумении вести себя с людьми иного социального круга. Подавляющее большинство людей, в том числе иностранцев, встречавшихся со Сталиным, отмечали его умение не только вести себя с людьми из разных слоев общества, но и очаровывать их. Несмотря на отказ от грубых передержек в характеристике Сталина, американские и другие западные авторы, сотрудничавшие с ними, старались очернить Сталина.

В своей книге «Юный Сталин» Э. Смит попытался реанимировать версию о сотрудничестве Сталина с полицией. Как отмечал А.В. Островский в своей книге «Кто стоял за спиной Сталина?», «отказавшись от использования «письма Еремина», Э. Смит выдвинул некоторые «новые аргу-

менты» в пользу версии о связях И.В. Сталина с охранкой. Так, обратив внимание на то, что в 1906 г. в протоколах IV (Стокгольмского) съезда РСДРП И.В. Сталин фигурирует под фамилией Иванович, а в стокгольмской гостинице он проживал под фамилией Виссарионович, Э. Смит сделал вывод, что в Стокгольме И.В. Сталин жил по паспорту, выданному ему не партией, а Департаментом полиции. Смехотворность этого «открытия», сделанного бывшим разведчиком, поражает. Иванович — это партийный псевдоним, а Виссарионович — фамилия для легального проживания. Но даже если бы было установлено, что И.В. Сталин имел два паспорта на обе названные выше фамилии, полицейское происхождение одного из них требовало бы доказательств, которые в книге Э. Смита отсутствуют».

Островский далее писал: «Столь же «убедительно» и другое его «научное открытие». Исходя из того, что в 1909 г. из сольвычегодской ссылки И. Джугашвили бежал в июне, а паспорт, с которым его задержали в 1910 г., был выдан в мае 1909 г., Э. Смит тоже сделал вывод о полицейском происхождении этого документа. Между тем, если И.В. Сталин использовал чужой паспорт, он мог быть выдан в любое время. Любую дату можно было поставить в паспорте и в том случае, если он является фальшивым».

Кроме того, ссылаясь на то, что после своего исключения из семинарии Сталин некоторое время находился без работы, Э. Смит предположил, что в это время жандармерия могла завербовать его. Вопреки фактам, Смит утверждал, что с мая по декабрь 1899 года Сталин не скитался по домам своих друзей, а находился в некоем тайном полицейском заведении, в котором его обучили, как стать агентом полиции. Однако с таким же успехом можно утверждать, что Сталин провел эти полгода в тибетской Шамбале или обучался в германской разведшколе. Никаких данных у Смита для обоснования своего предположения не было, вероятно, за исключением страстного желания скомпрометировать Сталина.

В то же время, отдавая должное силе своего противника, советологи, как правило, не следовали распространенной среди либеральной интеллигенции нашей страны моде оглуплять Сталина. Отвергли Улам, Таккер и ряд других советологов попытки Троцкого принизить роль Сталина как

видного деятеля революционного подполья и автора самостоятельных теоретических работ. Оценивая работы Сталина по национальному вопросу, Адам Улам писал: «Создается впечатление, что они были сделаны начитанным человеком, который высказывал разумные суждения». Вопреки измышлениям Троцкого о «серости Сталина», которые повторялись в байках либеральной интеллигенции, советологи, как правило, отдавали должное и способностям Сталина как государственного деятеля.

Опровергли американские авторы биографий Сталина и многие фантастические россказни о «злодействах» Сталина. Так, Адам Улам привел убедительные доказательства абсурдности обвинений Сталина в причастности к смерти Фрунзе на операционном столе и убийству Кирова.

Решительно отвергая утверждения Троцкого и других оппозиционеров, которые заявляли, что Сталин пришел к власти с помощью злодейских интриг, к которым они, «честные революционеры», были неспособны, многие американские специалисты по советской истории указывали, что приход Сталина к власти объяснялся тем, что его программа была более привлекательной для правящего слоя советского общества, чем программы, предложенные Троцким, Зиновьевым и Бухариным. Заявляя, что подавляющее число видных партийных руководителей поддерживало Сталина, С. Коэн писал: «Представляется очевидным, что они поступили так не из-за его бюрократической власти, которой он обладал, сколько потому что они предпочитали его руководство и его политику». Соглашаясь с этим мнением, Джерри Хаф утверждал, что «программа индустриализации, предложенная Сталиным, была привлекательна для растущего числа хозяйственных руководителей в составе Центрального комитета».

В частных беседах с советскими людьми советологи вспоминали о том времени, когда И.В. Сталин вместе с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем возглавлял антигитлеровскую коалицию. Они не могли игнорировать высокие оценки лидеров США и Великобритании, высказанные ими в отношении Сталина. Беседуя с советским критиком Овчаренко, Алекс де Джонг утверждал: «Ни французская революция, ни Наполеон, ни кто другой не сделали столько, сколько сделал он. Ведь и после 1917 года Россия долго не менялась. А он действительно преобразовывал ее, поста-

вил на путь, по которому она шла сорок лет, да, пожалуй, идет и до сих пор. Во-вторых, считаю, что с его именем неразрывно связано существование нас всех. Победи Гитлер СССР, уже не было бы русских. Но не было бы уже и французов, англичан, американцев. Как хотите, он гениален еще и потому, что сумел сделать в годы последней мировой войны своими союзниками и англичан, и американцев, и французов. Сталин сумел и Черчилля, и Рузвельта заставить следовать линии, начертанной им».

Однако, отвергая примитивные попытки оглупить Сталина, изобразив его заурядным негодяем, и даже отдавая должное его сильным сторонам, советологи в своих трудах не упускали из виду своей главной цели: изобразить его и возглавлявшуюся им страну как лютых врагов человечества. Сталин должен был отвечать представлениям об умном «диктаторе», который возглавлял мощный «тоталитарный» режим, глубоко чуждый «свободным» и «демократическим» странам Запада, а потому смертельно опасный для всего мира, который, по мысли этих авторов, неминуемо должен был принять безоговорочно западную модель развития.

Стремясь убедить своих читателей в сходстве Советской страны с фашистскими режимами, советологи старались изобразить советско-германский договор о ненападении 1939 года как сговор «тоталитарных держав». В то же время они обходили обстоятельства Мюнхенской сделки 1938 года и других попыток Запада направить агрессию Германии против СССР. Американские авторы книг о Сталине и его времени старались возложить на СССР ответственность за развязывание «холодной войны», обходя факт появления атомного оружия у США, умалчивая об американской политике «атомного шантажа» и планах атомных бомбардировок Советской страны, разработанных в Пентагоне уже в конце 1945 года. В своих описаниях «советской угрозы» некоторые авторы теряли чувство меры и прибегали к фантазированию. Так, на страницах своей книги Алекс де Джонг («Сталин и создание Советского Союза») утверждал, что Сталин хотел повернуть Гольфстрим, чтобы заморозить Европу и обогреть Сибирь.

Реализм, который отчасти проявляли авторы в оценках Сталина, особенно в неофициальных беседах, изменял им. Прекрасно зная, что они говорят неправду, советологи сле-

довали принцину: чем грязнее обвинение, выдвинутое против Сталина, тем оно прилипчивее, тем больше оно сгодится в «холодной войне». Сталин подгонялся под образ «Большого Брата» из популярного антиутопического романа Джорджа Оруэлла «1984», а советская жизнь при Сталине выглядела как жалкое существование Смита и других героев этого романа, обитателей «Океании», живущих в атмосфере гнетущего страха перед арестами, пытками и казнями.

Американские авторы книг о Сталине охотно прибегали к крайне преувеличенным данным о жертвах репрессий. Большую роль в этом отношении сыграл работавший значительную часть времени в США в постоянном контакте с американскими советологами английский ученый Роберт Конквест. Пытаясь достичь наиболее впечатляющей цифры, Роберт Конквест в своей книге «Великий террор» использовал самые неожиданные методы, то приводя частный пример того, как сложилась жизнь арестованных за пособничество немецким оккупантам в Курске после отправки их в лагеря (утверждалось, что из 6000 осужденных в 1943 году к 1951 году остались в живых 60 человек), то ссылаясь на мысли героя рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», то на произвольные оценки числа жертв, сделанные А.П. Сахаровым («по крайней мере, от 10 до 15 миллионов погибло от пыток и казней, в лагерях для ссыльных кулаков... и в лагерях, где не было права переписки»). Все это позволило Р. Конквесту в своей книге «Великий террор» говорить о 20 миллионах, якобы погибших в лагерях и расстрелянных в годы правления Сталина. Впрочем, Конквест заявлял, что эту цифру «можно увеличить еще на 50 процентов».

Эти цифры жертв стали подобны количеству мощных пропагандистских боеприпасов, накопленных стратегами «холодной войны», перед началом активных боевых действий против Сталина. Очевидно, что появление книги «Архипелаг ГУЛАГ», в которой число жертв Сталина было доведено до 66 миллионов, позволило создать необходимый арсенал, который, очевидно, удовлетворил руководителей операций «холодной войны». Объясняя суть своего метода, которым он пользовался при создании «Архипелага ГУЛАГа», Солженицын говорил: «Там, где научное исследование требовало бы сто фактов, двести — а у меня их два! три! И между ними бездна, прорыв. И вот этот мост, в который

нужно бы уложить еще сто девяносто восемь фактов, — мы художественным прыжком делаем, образом, рассказом, иногда пословицей». Именно такими «прыжками» была преодолена пропасть между реальным весьма большим числом приговоренных за антисоветскую деятельность и неправдоподобно колоссальным числом жертв, названным А. И. Солженицыным. На самом деле за все годы советской власти по обвинению в «контрреволюционных государственных преступлениях» были вынесены приговоры 3 778 234 человекам; из них 789 098 человек были приговорены к расстрелу.

Преувеличенные сведения о числе репрессированных содержались и в книге Роя Медведева «К суду истории». Сын репрессированного комиссара РККА Рой Медведев, судя по названию своей книги, собирался возобновить суд над Сталиным, начатый Н.С. Хрущевым. Целые главы этой книги представляли собой перечни партийных и советских руководителей, репрессированных в 30-х годах. Ответственность за их гибель Медведев целиком возлагал на Сталина. Книга Медведева была издана на Западе в 70-х годах и широко распространялась.

Значительно умножил количество жертв «сталинских репрессий» в широко публиковавшихся на Западе книгах А.В. Антонов-Овсеенко. Будучи сыном репрессированного в 1938 году бывшего члена первого Советского правительства, а затем активного сторонника Троцкого, Антонов-Овсеенко в своих книгах («Портрет тирана», «Сталин без маски», «Театр Сталина») не скрывал своей жгучей ненависти к Сталину.

Подобные искажения фактических данных содержались и в других книгах о репрессиях сталинских лет, изданных в то время в США.

О том, что число репрессированных и казненных значительно преувеличивалось, свидетельствовали данные, приведенные в справке кандидата исторических наук А.Н. Дугина, представленной им для заседания Конституционного суда 7 июля 1992 года, на котором обсуждался вопрос о запрете Коммунистической партии в нашей стране. Справка Дугина была подготовлена на основе архивных материалов, включая архивы НКВД, МВД и ГУЛАГа. (Эту справку воспроизвел в своей книге «Поверженная держава» доктор социологических наук М.И. Кодин.)

Сопоставляя распространявшиеся в издававшихся в

США книгах данные о репрессиях с подлинными, Дугин писал:

«В 1930–1931 гг. раскулачены и выселены в спецпоселки 10–15 млн. крестьян (А.И. Солженицын, Р.А. Медведев. Р. Конквест и др.)». На самом деле «в 1930–1931 гг., выселено в спецпоселки 1,6 млн. крестьян (ЦГАОР, фонд отдела спецпоселений, РЦХИНДИ – ф. 17 – документы Политбюро ЦК ВКП(б) и Комиссии А. А. Андреева)».

«В 1937–1938 гг. по политическим мотивам арестованы 5–7 млн. человек (С. Коэн, Р. Конквест, Р.А. Медведев и др.)». На самом деле «за контрреволюционные преступления» в исправительно-трудовых лагерях находилось на 1. 1. 1937–104 826 человек, на 1.1.1938–185 324 человека (ЦГАОР, фонд ГУЛАГа)».

«К высшей мере наказания (ВМН) приговорены 7–8 млн. человек (А.Б. Антонов-Овсеенко, В.А. Чаликова и др.)». На самом деле «с 1921 по 1953 г., к ВМН приговорено (в т. ч. за воинские, общеуголовные преступления) 0,7 млн. человек (ЦГАОР, особая папка Н.С. Хрущева)».

«К концу 1939 года число заключенных увеличилось до 9–10 млн.». На самом деле «общее число заключенных в лагерях, колониях и тюрьмах на 1.1. 1940 г.–1 659 992 человека (ЦГАОР, фонд ГУЛАГа, фонд тюремного отдела (управления) НКВД)».

«В конце 30-х годов из мест заключения освобождались не более 1–2% заключенных (А.И. Солженицын, Р.А. Медведев и др.)». На самом деле «в 1937 г. из лагерей и колоний освобождено 32% заключенных, в 1938–27% (ЦГАОР, фонды ГУЛАГа и Верховного суда СССР)».

«В 1937–1950 гг. в лагерях ежегодно находилось 8–12 млн. человек. (Т. Клифф, Джувиллер, В.А. Чаликова и др.)». На самом деле «максимальное количество заключенных, в т. ч. и за общеуголовные преступления в лагерях, колониях находилось по состоянию на 1.1. 1951–2 561 351 человек (ЦГАОР, фонд ГУЛАГа, фонд Прокуратуры СССР, фонд Верховного суда СССР)».

«Ежегодная смертность в лагерях достигала 10%, общее количество погибших–12 млн. человек (В.А. Чаликова и др.)». На самом деле «смертность в лагерях: 1939–3,29%, 1945–0,46%, 1946–0,16%». (ЦГАОР, фонд НКВД – МВД)».

«В 30-е – начале 50-х годов репрессиям подверглось 40–60 млн. советских людей (Р. Конквест, Т. Клифф, А.И. Солженицын и др.)». На самом деле «с 1921 по 1953 г. «за контрреволюционные преступления» (в т. ч. воинские) были осуждены 3,7 млн. человек (ЦГАОР, особая папка Н.С. Хрущева)».

Однако по всему миру распространялись искаженные данные о количестве репрессированных. Содержание «Архипелага ГУЛАГа» транслировалось западными радиостанциями на СССР по главам. Одновременно не прекращался поток радиопередач, посвященных бывшим заключенным в СССР. Книги и другие письменные материалы, в которых период пребывания Сталина у власти характеризовался исключительно как время массовых репрессий и казней, тайно переправлялись в СССР.

К концу 70-х годов американские советологи осознали, что «сталинский вопрос» может оказаться «ахиллесовой пятой» советского строя. Оценивая его значение, видный американский советолог Стивен Коэн писал: «Сталинский вопрос... имеет отношение ко всей советской и даже российской истории, пронизывает и заостряет современные политические вопросы ... Сталинский вопрос запугивает как высшие, так и низшие слои общества, сеет распри среди руководителей, влияя на принимаемые ими политические решения, вызывает шумные споры в семьях, среди друзей, на общественных собраниях. Конфликт принимает самые разнообразные формы, от философской полемики до кулачного боя». Под влиянием таких оценок внешнеполитические стратеги США могли рассматривать историю сталинского времени как поле боя, на котором могли разыграться решающие сражения «холодной войны», а сфабрикованные ими образы Сталина в качестве эффективных орудий в этих сражениях. Эти сражения имели далеко идущие цели.

Советологи прекрасно сознавали, что, несмотря на хрущевские кампании по дискредитации Сталина, несмотря на ненависть к Сталину со стороны либеральной интеллигенции, уважение к нему сохраняется в советском народе. Они увидели в этом глубокие причины, объясняющие народные основы Советской страны. В своей книге Алекс де Джонг писал: «Сейчас среди водителей грузовых автомобилей и таксистов модно выставлять портреты Сталина в своих машинах...

Хотя «эксперты» объясняют их лишь протестом против слабости нынешнего руководства, на самом деле причина для этого проще: появление таких икон показывает наличие в великом русском народе устойчивой любви к «великому человеку» в их истории и возможно даже ностальгического желания возвращения к «старым добрым временам»... Сила сталинской иконы такова, что трудно себе представить, чтобы ее вновь не признали официальные власти. Эта икона воплощает самую суть советского представления о государстве».

Де Джонг писал: «Сталин не был одинок. Дело совсем не обстояло таким образом, будто злой человек управлял угнетенной страной. Он опирался на всенародную поддержку на любом уровне, потому что Сталина и его стиль управления любили; он по-настоящему был народным диктатором. Его партия следовала за ним, потому что видела в нем победителя. За ним шли, потому что видели в нем делового политика, на которого можно было положиться, в то время, когда стоял вопрос об их жизни или смерти. Он нравился населению страны, удовлетворив глубокие потребности, присущие их культуре... Он восстановил пуританские ценности старой Московии, в которой каждый служил царю и государству, как только мог и умел, потому что такая служба была морально оправданной, а для сомнений, инакомыслия и бузотерства там не было места... Он взял на вооружение ту особую форму мессианского национализма, в соответствии с представлениями которого Москва являлась «третьим Римом»; такое восприятие позволяло русским ощущать свою особую историческую роль. Сталин превратил это чисто русское ощущение в острое осознание каждым советским человеком особой роли советского народа в мировой истории».

Фактически отвергая представление о том, что Сталин управлял людьми с помощью террора, де Джонг в заключение своей книги перечислял мотивы, которыми в первую очередь руководствовались советские люди, трудившиеся в годы правления Сталина: «Сталин создал систему, которая работала; потому что люди были согласны работать на таких условиях. Они работали с охотой, трудясь во имя идеалов, или из ненависти к своим соседям, а иногда во имя любви. Более того, любовь к Сталину настолько глубока, что она пережила более тридцати лет официальной полу-

опалы. Даже теперь дух Сталина неким мистическим образом ощущается».

Советологи осознавали, что сохранявшееся уважение к Сталину служит гарантией сохранения многих последствий созидательных дел советского народа, осуществленных в период пребывания Сталина у власти и под его непосредственным руководством. В своей биографии Сталина Адам Улам писал: «Человек, который создал этот мир, умер более чем двадцать лет назад. Его репутация была подвергнута нападкам, его тело было вынесено из Мавзолея, где оно лежало рядом с телом Ленина. Но по духу сегодняшняя Россия гораздо более сталинская, чем ленинская... Лишь когда советские люди смогут взглянуть на свое недавнее прошлое и признают, чем оно действительно было — да, конечно, трагическим и героическим, но во многих отношениях ужасным — тогда чары спадут и сталинская эра, наконец, закончится».

Советологи сознавали, что сохранявшаяся привязанность советского народа к Сталину означает, что советский народ сознает «свою особую историческую роль», «воплощает самую суть советского представления о государстве». А такие черты общественного сознания являлись препятствием на пути осуществления целей правителей США. Советологи видели свою задачу в том, чтобы разработать способы «освобождения» России от «сталинизма», а следовательно, от исторического сознания советских людей и от государственнических идей.

Образ Сталина, который фабриковался советологами, отвечал поставленной задаче: изобразить его бездушным деспотом, который руководит жестокой машиной страха и уничтожения непокорных. В то же время, заботясь о том, чтобы этот образ выглядел правдоподобным, американские стратеги «холодной войны» поощряли те публикации, которые позволяли бы увидеть в Сталине сильные человеческие черты.

Таким задачам отвечали, например, воспоминания Милована Джиласа «Беседы со Сталиным», переправленные им нелегально из Югославии и изданные в США. С одной стороны, Джилас отдавал должное уму Сталина, его эрудиции и проницательности. С другой стороны, уходя от серьезного анализа причин советско-югославского конфликта, Джилас сосредоточил внимание на резких высказываниях Сталина в ходе переговоров с лидерами Югославии и Болгарии и под-

робных описаниях застолий на даче Сталина, чтобы максимально подогнать образ Сталина под представления о жестоком и грубом диктаторе. Несмотря на то, что мелочность придирок к Сталину и явная раздраженность обиженного политика были очевидны, воспоминания Джиласа стали постоянно использоваться в советологических сочинениях для оценки личности Сталина и его политического курса.

Таким же образом изображался Сталин и в изданной в США книге «Хрущев вспоминает». С одной стороны, некоторые замечания Хрущева позволяли читателям оценить сильные стороны Сталина. С другой стороны, главное внимание было уделено хрущевским обвинениям Сталина в жестокости, подозрительности, коварстве. Эти обвинения постоянно перемежались замечаниями о бедственном положении советских людей. При этом Хрущев не раз упоминал о случаях людоедства в голодные годы. Все это лишь усиливало ощущение ужаса от Советской страны, возглавлявшейся Сталиным.

Этим же задачам отвечали и изданные в США воспоминания Светланы Аллилуевой, сбежавшей из СССР в 1966 году. (Есть основания предполагать, что побег Аллилуевой был умело спровоцирован западными спецслужбами и их «агентами влияния» в СССР, впоследствии также оказавшимися на Западе. К тому же до сих пор неизвестно, какой редакционной обработке подверглась книга Аллилуевой до ее публикации в иностранном издательстве.)

С одной стороны, в своей книге С. Аллилуева представила многие факты, которые никак не вписывались в распространенные среди столичной интеллигенции представления о мрачном и безумном тиране. Она рассказала о жизнелюбии Сталина, о его любви к детям, его участии в их играх. Она даже представила немало писем и записок Сталина, в которых он шутливо именовал себя «секретарем» «хозяйки» Светланы, а также свои письма, в которых она отдавала «приказы» своему отцу то повести ее в кино или театр, то одеть шубу по случаю наступления морозов.

С другой стороны, наиболее впечатляющим свидетельством о характере Сталина, приведенным Светланой, стал рассказ о том, как отец разрушил ее первую любовь и как жестоко он поступил с ее возлюбленным. Объясняя контекст этой любовной истории, Владимир Аллилуев в своей книге «Хроника одной семьи. Аллилуевы — Сталин» обра-

тил внимание на условия, в которых росли дети Сталина, и на их окружение. Он отмечал, что Сталин, которому с конца 1932 года приходилось в одиночку заниматься воспитанием своих детей, «практически уже давно устранился от семейных забот, передоверив свои чада близким родственникам, и жизнь всей семьи знал неглубоко, не в деталях».

Об этом, в частности, свидетельствовало письмо преподавателя 2-й артиллерийской спецшколы в Москве В.В. Мартышина И.В. Сталину о плохой успеваемости и плохом поведении его сына Василия. В ответе В.В. Мартышину И.В. Сталин писал: «Василий — избалованный юноша средних способностей... Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он «сын Сталина». Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят директора, вроде упомянутого Вами, люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец-Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуску капризному барчуку». Сталин признавал: «К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот».

Как отмечал Владимир Аллилуев, для Сталина «в годы войны семья отодвигалась на совсем второстепенные позиции». После захвата немцами в плен сына Сталина Якова, военные старались держать другого его сына Василия в тылу, направив в Инспекцию ВВС.

В своей книге В. Аллилуев подробно описал нездоровую обстановку, которая сложилась в Зубалово, где жили дети Сталина и его другие родственники. По словам В. Аллилуева, «Василий познакомился с Каплером, а через него со многими деятелями литературы и искусства. В Зубалове начались гульбища и застолья, в них принимали участие А.Я. Каплер, Р. Кармен со своей красавицей женой Ниной», а также другие видные представители столичной интеллигенции. В атмосфере этих беспрерывных «гульбищ» и «застолий» «Василий сошелся с женой Р. Кармена, а у Светланы начался роман с Люсей — так звали Каплера».

Характеризуя личную жизнь лауреата Сталинской премии Алексея Каплера, Э. Радзинский, видимо, имел осно-

вания назвать его «главным сердцеедом столицы» и «плейбоем». Судя по воспоминаниям С. Аллилуевой, «главный сердцеед столицы» активно занялся «воспитанием» 16-летней дочери Сталина. По словам Аллилуевой, «он давал мне «взрослые» книги о любви, совершенно уверенный, что я все пойму».

Роман же Василия с Ниной Кармен сопровождался скандалами в Зубалово. А в это время, весной 1943 года, как писал Владимир Аллилуев, сын наркома Шахурина убил из трофейного «вальтера» дочку советского посла Уманского, а затем покончил жизнь самоубийством. Вскоре выяснилось, что дети Микояна, а также ряд других детей высокопоставленных лиц вели странную игру в подпольную фашистскую организацию, «фюрером» которой был сын Шахурина. Участники «подпольной организации» были подвергнуты аресту, а затем направлены на принудительные работы. (За год до этих событий сын Н.С. Хрущева Леонид после выхода из госпиталя весной 1942 года, оказавшись в пьяной компании, выстрелил по бутылке, поставленной на голову офицеру, и, промахнувшись, убил его. Дело Леонида рассматривал военный трибунал, ему грозил расстрел, но он был направлен на фронт.)

Узнав о скандалах в Зубалово, И.В. Сталин поручил Генеральному прокурору СССР разобраться в поведении Василия в отношении жены Р. Кармена. Василий получил 15 суток ареста, а 26 мая 1943 года И.В. Сталин как нарком обороны приказом снял В.И. Сталина с должности командира авиационного полка и запретил ему давать какие-либо командные посты «впредь до моего разрешения». Нарком обороны также приказывал: «Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что портит и развращает полк».

Лично вмешался Сталин и в отношения Алексея Каплера и своей дочери. Как вспоминала Светлана Аллилуева, Сталин неожиданно пришел в ее комнату, чтобы изъять письма и фотографии А. Каплера, объявил ей, что у того есть немало других женщин, и он, к тому же, является английским шпионом. По этому обвинению А. Каплер был арестован и сослан на пять лет в Воркуту.

Можно сокрушаться по поводу несправедливых обвине-

ний в адрес А. Каплера, суровых наказаний, которым были подвергнуты он, дети А.И. Микояна и другие подростки, оскорблений, высказанных в адрес Светланы Аллилуевой. Однако вряд ли можно оценивать все эти события в отрыве от контекста тех лет. И.В. Сталин знал, что пока Василий, Светлана и дети других высокопоставленных родителей проводили время в гульбищах и пьянках, играли в «подпольные организации» во главе с «фюрерами», стреляли друг в друга из трофейных пистолетов, в стране шла война, которая уже унесла миллионы жизней. Сталин знал, что подавляющее большинство советских людей испытывали крайние материальные лишения, что миллионы людей на оккупированных землях превращены в рабов немецких хозяев, что сотни тысяч людей томятся в немецком плену, умирая от голода. Утверждалось, что Сталин отказался обменять своего родного сына Якова Джугашвили на фельдмаршала Паулюса, не желая делать для него исключение среди сотен тысяч советских военнопленных. Сталин постоянно получал сообщения о геройских подвигах советских людей. За несколько дней до скандала вокруг Каплера 23 февраля 1943 года рядовой Александр Матросов закрыл своей грудью амбразуру вражеского ДЗОТа. Указом Президиума Верховного Совета СССР А.М. Матросову было присвоено звание Героя Советского Союза, а приказом Сталина 254-му гвардейскому стрелковому полку было присвоено имя Матросова. За годы Великой Отечественной войны такие же подвиги совершили более 300 советских молодых воинов. Сталин знал, что Зоя Космодемьянская, многие партизаны, в том числе члены краснодонской «Молодой гвардии», которые шли на смерть с его именем и свято веря в него, были ровесниками Светланы Аллилуевой и детей членов Политбюро, избравших «фюреров» в качестве образцов для подражания. Поэтому вряд ли он мог легко простить подростков и взрослых дядей из советской богемы, которые вели разгульную жизнь в Зубалово в разгар Великой войны.

Однако С.И. Аллилуева в своей книге игнорировала и особенности ее окружения, и — главное — исторический контекст событий в ее жизни. Хотя книгу писала молодая женщина, блестяще окончившая исторический факультет МГУ и привлекавшаяся отцом к встречам с Черчиллем, ру-

ководителями Югославии, членами Политбюро, можно подумать, что ее автором является особа, не имевшая ни малейшего представления о текущих делах советского государства и его истории. В книге Аллилуевой Сталин был представлен исключительно как отец своих детей, муж Надежды Аллилуевой, а его напряженнейшая государственная деятельность оставалась практически невидимой. Между тем самоотдача Сталина государственной работе была таковой, что бросалась в глаза даже советским людям тех лет, которые сами отдавали все свои силы во имя страны. Главный маршал авиации Голованов вспоминал о Сталине: «В его личной жизни не было чего-либо примечательного, особенного. Мне она казалось серой, бесцветной, видимо, потому, что в привычном нашем понимании ее у него просто не было».

Сосредоточив все внимание на том, чего почти не существовало, и закрыв глаза на самое главное в жизни Сталина, Светлана Аллилуева, хотела она того или нет, но превращала Сталина из государственного руководителя в рядового обывателя, о котором можно было судить исключительно по его личной жизни. И в этом была причина сильного воздействия книги на многих читателей, как на Западе, так и в нашей стране. Сталин становился удобным для понимания миллионов читателей, не обремененных знаниями ни истории, ни законов общественного развития и часто не желавших признавать значимость государственных дел. Более того, приводившиеся в книге примеры о жизнелюбии Сталина, о его любви к детям лишь создавали иллюзию психологической глубины портрета Сталина. По сути, книга Аллилуевой должна была подтвердить правильность главного вывода хрущевского доклада на XX съезде: главной причиной бед СССР был характер Сталина, который, по мнению Хрущева, был исключительно дурным. Свою книгу С. Аллилуева венчала осуждением тех, «кто добивался Добра средствами и методами зла». Читателя же подводили к выводу: человек, который не сумел сделать счастливыми членов своей семьи, не смог бы принести счастья и народам великой страны.

Опираясь на негативные характеристики Сталина в книгах Милована Джиласа, Никиты Хрущева, Светланы Аллилуевой, советологи стремились убедить читателей в бесчеловечности Сталина как личности, а заодно в бесчело-

вечности той общественной системы, которую возглавлял Сталин. И эти оценки отвечали целям «холодной войны», в ходе которой СССР изображался «империей зла». В то же время координаторы советологических исследований готовились превратить споры о Сталине, которые не прекращались в СССР, в крупномасштабную кампанию по разрушению нашей страны. Постоянное управление массовым сознанием американцев с помощью рекламы и пропаганды вооружило правящие классы США огромным опытом в осуществлении психологических операций и на международной арене. Особенность этой кампании на психологическом фронте «холодной войны» состояла в том, что она должна была быть проведена в искусственно созданном времени, в котором давно прошедшие события воспринимались как максимально приближенные к настоящему.

Стратеги «холодной войны» предлагали альтернативы сталинскому курсу, которые могли бы восторжествовать в СССР, если бы в конце 20-х годов партию не возглавил Сталин. В конце 70-х годов Стивен Коэн предлагал «найти в советской истории до 1929 года вождей и программные идеи, представлявшие подлинно коммунистическую альтернативу Сталину и сталинизму». Для того, чтобы использовать эти фигуры и идеи в боях против Сталина, достаточно было разрешить применение слова «если» для описания необратимых исторических процессов. Именно таким образом Исаак Дейчер доказывал огромные возможности различных партийных оппозиций, существовавших в 20-е годы в СССР, для разгрома сталинизма: «Если бы троцкистская, зиновьевская, бухаринская оппозиции дожили до 50-х годов, то задача десталинизации выпала бы на их долю; они бы осуществили бы ее с честью, от всей души и последовательно».

Почему Троцкий, Бухарин и другие могли посмертно помочь американской внешней политике нанести удар по СССР в 80-е годы? Во-первых, борьба за восстановление «добрых имен» Троцкого, Бухарина и других, павших в борьбе против Сталина, позволяла нанести мощный удар по социалистическому лагерю и международному коммунистическому движению. Признание, что десятилетиями проклинаемые во всех просоветских коммунистических партиях мира лидеры партийных оппозиций 20-х годов были невинными жертвами Сталина, что идейная критика

этих платформ была ошибочной, могло сокрушить идеологические основы, с трудом скреплявшие и без того сотрясавшиеся от внутренних разногласий мировое коммунистическое движение и содружество просоветских социалистических стран.

Во-вторых, опора на Бухарина и особенно на Троцкого позволяла противопоставить сталинскому курсу на укрепление великой Советской державы их позицию, в соответствии с которой СССР должен был стать лишь базой грядущей мировой пролетарской революции. Пренебрежительные высказывания Троцкого и Бухарина о русской культуре, русском народе были известны на Западе. Их аргументы можно было бы вновь бросить на борьбу против русского патриотизма, изолировав его от советской традиции и даже объявив его врагом Советской страны. Посмертная победа Троцкого и Бухарина над Сталиным позволяла бы нанести мощный удар по патриотическим силам страны.

Объясняя выгоды опоры на Бухарина и его идей в намечавшейся кампании против Сталина, Стивен Коэн писал, что Бухарин «стал и поныне остается символом борьбы между реформаторами-антисталинистами и консерваторами-неосталинистами в коммунистическом мире — от Москвы до столиц еврокоммунизма». Рекламируя «бухаринскую альтернативу» Сталину, Коэн утверждал: «После десятилетий восточного деспотизма и сталинской бюрократии интернациональное мировоззрение и личное обаяние Бухарина представляются особенно привлекательными».

Активным апологетом другой, троцкистской альтернативы выступал в советологии Исаак Дейчер. Он рассматривал посмертное признание Советской страной правоты Троцкого как необходимое условие очищения марксизма, «осквернённого Матушкой Русью и превращенного в сталинизм». Такое «покаяние» помогло бы, по словам Дейчера, преодолеть ненависть Запада к России.

Добившись искусственного приближения условного прошлого к современным событиям, стратеги психологического фронта собирались перенести успешные действия против Сталина в реальное время и реальное политическое пространство. Доказывая большие потенциальные возможности бухаринской альтернативы в современной жизни,

С. Коэн писал: «Когда в какой-либо из стран Восточной Европы реформаторы-антисталинисты становятся действенной силой (находятся они у власти или нет), там происходит возрождение идей и политических установок, сходных с бухаринскими... Реальный потенциал бухаринской альтернативы сегодня находится в самом Советском Союзе».

По мнению С. Коэна, главной силой «десталинизации» должны были выступить многие представители творческой и научной интеллигенции страны, связанные с ее правящими кругами, которых он именовал «реформаторами». Коэн и другие советологи перечисляли многие имена советских публицистов, журналистов, писателей, критиков, историков, экономистов, которые должны были сыграть видную роль в грядущих идейных боях против Сталина. Коэн подчеркивал особое значение «передовых» публикаций 60-х годов, написанных «реформаторами» Роем и Жоресом Медведевыми, А. Антоновым-Овсеенко, Ю. Карякиным, О. Лацисом, В. Чалидзе, Ю. Левадой, В. Лакшиным, А. Беком, Л. Копелевым, В. Аксеновым, Л. Карпинским, Г. Лисичкиным, Ф. Бурлацким, Е. Амбарцумовым. Коэн так определял главное направление их деятельности: «Реформаторы должны... критиковать наследие сталинизма практически во всех областях».

Помимо «реформаторов», за творчеством которых следили американские советологи, а также преследуемых властями диссидентов, включая Солженицына и Сахарова, произведения которых широко издавались в США, большое внимание исследовательских центров США было привлечено к правящей элите. Это исследовательское направление получило название «кремленология». Некоторые из «кремленологов» не ограничивались изучением деятелей Политбюро, а пытались исследовать и местное руководство. Видный советолог Джерри Хаф говорил мне, что у него дома имеются досье на 4 тысячи видных партийных и государственных деятелей СССР. Эти досье он пополнял, регулярно читая почти все республиканские и областные газеты СССР.

В номере американского журнала «Проблемы коммунизма» за июль—август 1979 года Джерри Хаф опубликовал статью «Разрыв в поколениях и проблема преемственности Брежнева». Рассуждая о шансах тех или иных руководителей страны сменить Брежнева, Хаф исходил из вероятно-

сти того, что претендентами на пост станут Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, В.В. Гришин и М.С. Горбачев. По мнению Хафа, наибольшие шансы имел самый молодой из них — секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев. Автор статьи видел в Горбачеве будущего реформатора. Но советолог затруднялся дать ответ, когда Горбачев придет к власти. То обстоятельство, что в советологических кругах уже с середины 1979 года было обращено внимание на Горбачева как на потенциального первого руководителя СССР, означало, что отныне каждый его шаг, а также каждое событие в жизни близких к нему людей становились предметом пристального внимания государственных служб США.

Между тем некоторые советологические прогнозы исходили из того, что в середине 80-х годов в СССР и сопредельных с ним странах произойдут большие потрясения. В США всемерно популяризировалась книга советского диссидента Андрея Амальрика «Доживет ли Советский Союз до 1984 года?» Амальрик исходил из того, что ожидавшаяся им война между СССР и Китаем вызовет волнения среди населения, которые будут подавляться войсками. А это, по его прогнозу, «обострит межнациональную вражду... резко усилит националистические тенденции среди нерусских народов Советского Союза, сначала в Прибалтике, на Кавказе и Украине, затем в Средней Азии и на Волге». Автор полагал, что «во многих случаях партийные руководители различных национальностей могут стать инициаторами таких тенденций». «Падение режима, — предвещал Амальрик, — произойдет примерно между 1980 и 1985 годом». «Демократическое Движение, — по словам Амальрика, — будет не в состоянии взять контроль в свои руки и решить проблемы страны». В результате этого «власть перейдет в руки экстремистских элементов и групп, а страна начнет погружаться в анархию, насилие и острую межнациональную ненависть. Границы новых государств, которые станут возникать на территории бывшего Советского Союза, будет чрезвычайно трудно определить».

В другой популярной книге «Третья мировая война. Август 1985 года», написанной в 1978 году британскими генералами и подаренной премьер-министром Великобритании Джеймсом Каллагеном президенту США Джимми Картеру, речь шла также о событиях в середине 80-х годов. Многие события, описанные в книге, казались в 1978 году

невероятными: распад Югославии и вооруженный конфликт между сербами и хорватами, в который вмешиваются силы НАТО и Варшавского пакта, военные действия на территории Германии, которые вызовут волнения в Германской Демократической Республике, подъем массового рабочего движения в Польше, парализующий всю страну, военные действия Ирана в Персидском заливе, демонстрация в Алма-Ате с требованием убрать «русские войска» из Казахстана и заявление правительства Казахстана о провозглашении независимости, заговор украинских националистов, атомный взрыв, поражающий территорию Белоруссии. Развязка событий, назначенных на август 1985 года, происходила вследствие государственного переворота в Кремле, жертвами которого становились члены Политбюро во главе с руководителем страны Воротниковым, распад СССР и крах советской системы.

Не ясно было, являлся ли этот перечень событий прогнозом или планом действий на 1985 год, но очевидно, что многие американские советологи исходили из того, что СССР и другие социалистические государства Европы, в которых они видели сохранявшееся наследие Сталина, должны были рухнуть в середине 80-х годов.

Часть 4
АНТИСТАЛИНСКОЕ ЦУНАМИ

Глава 11
ГОРБАЧЕВСКОЕ ПУТАЛО СТАЛИНИЗМА

И вот наступил август 1985 года, который должен был, по прогнозу английских генералов, стать последним месяцем существования Советской власти. К этому времени Андрей Амальрик, предсказавший гибель СССР на 1984 год, уже давно погиб в автомобильной катастрофе в Испании. Премьер-министр Великобритании Джеймс Каллаген и президент США Джимми Картер, зачитывавшиеся прогнозом британских генералов о разгроме СССР, уже покинули свои высокие посты. Война между СССР и КНР, предсказанная А. Амальриком, не началась. Не случилось и войны между странами Варшавского договора и НАТО. Воротников не стал главным руководителем СССР. Из других же прогнозов британских генералов к этому времени сбылось немногое. В районе Персидского залива началась кем-то умело спровоцированная кровопролитная война между Ираном и Ираком, но она не затронула СССР. А в Польше, словно по мановению волшебной палочки, летом 1980 года был создан многомиллионный профсоюз «Солидарность», парализовавший своими выступлениями жизнь в этой стране. Однако к 1985 году этот профсоюз был уже почти 4 года как запрещен, а Польша по-прежнему управлялась польскими коммунистами под руководством генерала Войцеха Ярузельского.

СССР продолжал существовать, хотя к этому времени успели скончаться Л.И. Брежнев, а также побывавшие на постах Генеральных секретарей Ю.В. Андропов и К.У. Черненко. Хотя В.В. Гришин мог быть поддержан большинством членов Политбюро, но неожиданное отсутствие ряда из них на первом заседании после смерти К.У. Черненко

привело к тому, что в марте 1985 года Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран М.С. Горбачев. Прогноз Джерри Хафа сбылся. К этому времени в США уже несколько лет изучали Горбачева и его окружение, а стало быть, предпринимали действия, направленные на то, чтобы использовать его возвышение в интересах США.

Объясняя причины, почему он верил в приход Горбачева к власти, Джерри Хаф писал, что он является в Политбюро первым представителем нового поколения советских руководителей, получивших законченное образование после войны, а потому имеющих несомненные преимущества над остальными руководителями. Однако чисто формальный учет числа лет, проведенных в высшем учебном заведении, не всегда свидетельствовал о подлинных знаниях. Поскольку вместе с партбилетом диплом о высшем образовании стал обязательным условием для движения вверх, амбициозные молодые люди стремились приобрести эти два документа, даже если они не были сильно привержены к идеям марксизма-ленинизма и не очень уж стремились овладеть специализированными знаниями и высокой культурой. В брежневское время, когда человека нельзя было проверить в острых ситуациях напряженного строительства 30-х годов и Великой Отечественной войны, возрастала вероятность прихода к власти энергичных и небесталанных людей, но глубоко чуждых принципам господствовавшей идеологии, лишенных тяги к образованию и культуре и стремившихся достичь вершин власти с помощью овладения политиканскими навыками. Все легче к высшей государственной власти могли прийти карьеристы, озабоченные лишь мыслями о собственном благополучии.

По мере растущего отрыва правящего слоя от народа многие его представители все больше отходили от идеалов общества всеобщего равенства, вдохновлявших народ при Сталине. Воспоминания о героической и суровой жизни сталинских лет также перестали служить примером для немалого числа представителей правящего слоя. Они думали, прежде всего, о том, как сохранить и приумножить личные блага, имевшиеся в настоящей жизни. Возможности сохранения и умножения своего материального благосостояния эти люди видели не в далекой перспективе коммунистического общества, достижение которого откладывалось на не-

определенный срок, а в приобщении к потребительскому стилю и образу жизни, существовавшим на Западе.

Крах капиталистического строя, который предсказали Маркс и Энгельс, на который рассчитывали Ленин и Сталин и который был обещан Хрущевым как событие ближайшего будущего, не состоялся. Подъем экономики развитых капиталистических стран продолжался. Капиталистическая система, сохранившая социальное неравенство и даже усилившаяся благодаря активной манипуляции общественным сознанием, вступила в стадию «массового потребления». Рыночная экономика предлагала все более разнообразные и изысканные товары для всех, имевших возможности для их приобретения. По мере же развития связей со странами Запада представители советского правящего слоя получали по сравнению с остальным населением страны наилучшие возможности пользоваться благами западного рынка.

Правда, возможность приобретать западные товары, ездить по странам Запада, пользоваться различными услугами капиталистического производства открывалась представителям правящего слоя лишь постольку, поскольку они были частью социалистического общества, а потому у них, казалось бы, не было причин желать его ликвидации. Представители правящего слоя извлекали все выгоды своего пребывания в социалистической системе с бесплатностью многих видов социальных услуг, гарантией от безработицы, а также теми многочисленными благами, которые вытекали из их привилегированного положения. В то же время они постоянно сталкивались с теми ограничениями, которые накладывал социалистический строй на их растущие потребительские аппетиты. Условия социализма не позволяли им жить на такую «широкую ногу», как могли себе позволить представители правящего класса в странах Запада. Самое же главное: социализм существенно ограничивал увековечение достигнутого ими высокого положения.

Какими бы материальными благами ни пользовался представитель правящего слоя в СССР, они завершались с переходом на пенсию. Пользователь роскошной государственной дачи и персональной машины, прекрасных лечебных центров и санаториев, закрытых магазинов и ателье, человек, который мог совершать многочисленные бесплат-

ные поездки за границу ежегодно, с переходом на пенсию лишался всего и мог довольствоваться лишь теми благами, которые имелись у рядового советского пенсионера, отчасти подкрепленными повышенными размерами пенсии. В то же время, находясь в высшем слое партийного руководства, он зачастую не имел права приобрести дачу, кооперативную квартиру и машину, что мог сделать рядовой советский человек, если у него было достаточно денег.

Хотя представители верхов научились обходить многие из этих партийных правил, сложившихся еще в начале Советской власти, порой получалось, что они после своего ухода на пенсию оказывались в худшем положении по сравнению с рядовыми советскими людьми. Это обстоятельство во многом объясняло стремление высших государственных и партийных руководителей оставаться на своих постах после достижения пенсионного возраста до самой смерти. Однако в случае их смерти они не могли оставить своим наследникам ни государственных дач, ни государственных квартир, ни персональных машин, ни прав на пользование многими другими благами. Никто так остро не ощущал контраст между положением правящих слоев на Западе и в нашей стране, как представители верхов СССР, и никто так не стремился покончить с неудобствами такого положения.

В национальных же республиках Союза к этому добавлялось ощущение «униженности», когда местные партийные и государственные руководители сравнивали свое положение со статусом руководителей небольших, но независимых национальных государств. В своих поездках по миру они видели, что глава страны, население которой намного меньше советской автономной области, пользуется такими привилегиями, которые не снились советским руководителям областного и республиканского уровня. Секретари ЦК, обкомов и райкомов советских социалистических республик, министры многочисленных АССР, председатели исполкомов автономных областей и автономных округов не могли не сравнивать свое положение с положением правителей мелких стран «третьего мира», лишь слегка прикрывших свое всевластие фасадом демократических институтов. Военные комиссары из местных военкоматов мечтали о маршальских мундирах после провозгла-

шения независимости их края. Заведующие отделами обкомов и райкомов видели себя министрами в будущих правительствах или послами своих суверенных государств. Эти заветные мечты о возможном будущем превращали многих представителей правящего слоя в лютых ненавистников существующего строя и его создателей. Сталин же, олицетворявший крайнюю непримиримость к малейшим отклонениям от советского порядка, не мог не представляться им исчадьем ада.

Эти настроения совпадали с намерениями постоянно усиливавшейся «теневой буржуазии» страны. Стремление сохранять сложившееся при Хрущеве отношение к Сталину, прежде всего, как к инициатору массовых репрессий, а к сталинскому времени исключительно как к периоду беззаконий способствовало сдерживанию деятельности правоохранительных органов, направленной против коррупции, проникновению криминалитета в систему управления. Многие попытки нанести удары по преступным организациям сдерживались обвинениями в стремлении возродить «сталинские времена». В криминальной среде вся деятельность советских правоохранительных органов в сталинское время объявлялась «репрессивной», а некоторые уголовные преступники, отсидевшие свои сроки в лагерях в 30—50-е годы, объявляли себя «жертвами сталинских репрессий». Преступный мир активно использовал жупел сталинизма для того, чтобы остановить меры по наведению законности и порядка. Прогрессирующий паралич правоохранительных органов способствовал коррумпированию партийных и государственных верхов и криминализации общества.

В этой атмосфере возрастала возможность того, что в правящий слой будут проникать люди, глубоко чуждые государственным идеям социального равенства и желавшие установить порядки, схожие с теми, что существовали в странах, враждебных СССР. А, стало быть, вероятность появления среди руководителей страны антипатриотов увеличивалась. Более того, можно предположить, что трудности, которые приходилось преодолевать амбициозным и энергичным молодым людям в ходе обретения необходимых документов для движения вперед (партбилет и диплом о наличии высшего образования), лишь усугубляли

их глубокую внутреннюю неприязнь и к коммунистическим идеям, и к образованности, и к общей культуре, и к патриотизму. Ярким примером в этом отношении был сам М.С. Горбачев. Его приверженность к идеям коммунизма оказалась мнимой. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи его секретаря Черняева, которые говорят о радости Горбачева в разгар распада СССР по поводу того, что он «раскачал такую страну». Об этом же свидетельствует и та поспешность, с которой он в 1991 году вышел из коммунистической партии, как только Советская власть стала рушиться. Не менее сомнительной была его образованность. Как-то в разгар заседания Съезда народных депутатов он откровенно признался: «Юрист-то я, по правде, никакой».

Его же умение сделать несколько ошибок в слове «Азербайджан», привычка говорить «лОжить», «нАчать», «углУбить» и делать многие другие ошибки в произношении заставляли усомниться и в его грамотности. Эти ошибки не были следствием умственной ущербности Горбачева. Нет сомнения в том, что человек, сумевший так долго обманывать советских людей, обладал недюжинным интеллектом, но его внутреннее, возможно подсознательное, сопротивление знаниям и культуре проявлялось в его нежелании говорить грамотно. Однако речевые ошибки Горбачева были лишь частным проявлением его несоответствия впечатлению о нем как об образованном, компетентном и патриотично настроенном государственном деятеле, которое он умело создавал.

Хотя Джерри Хаф видел в приходе Горбачева к власти свидетельство закономерной и позитивной эволюции советского общества, вероятно, далеко не все было так просто в выдвижении Горбачева и ряда других руководителей местного уровня на высшие посты в государстве. В начале 80-х годов я участвовал на общественных началах в деятельности различных комиссий по молодежи в обществе «Знание», на заседаниях которых с беспокойством говорили о растущем влиянии различных маргинальных группировок на молодежь. Однажды после очередного такого заседания, на котором, как обычно, возмущались поведением наиболее агрессивных «неформалов», но никто не мог предложить действенных рецептов по преодолению их влияния, один участник дискуссии продолжил со мной разговор на-

едине. Он сказал, что по имеющимся у него сведениям за спиной многих «неформалов» стоят лица из оппозиционной интеллигенции. По его словам, «интеллигенты» направляют буйные выходки «неформалов», но сами остаются в стороне.

Однако, продолжал мой собеседник, за этими «интеллигентами» стоит высший эшелон людей, направляющий их активность. Это — видные руководители обкомов и республиканских ЦК, рвущиеся к власти. Они управляют этой группой интеллигенции для того, чтобы прикрыть красивыми словами о демократии, свободе и правах человека свое стремление установить свою власть, возможно, при этом разделив СССР на свои «уделы». В ту пору такое описание заговора внутри СССР показалось мне фантастическим.

Лишь в ноябре 1991 года в своем выступлении в Хьюстоне Маргарет Тэтчер объяснила, какие надежды возлагала она и другие руководители Запада на внутриполитические интриги в СССР и лично на Горбачева. Она говорила: «Поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов). Этим человеком был М. Горбачев, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен».

Однако в Советской стране мало кто знал о таких расчетах западных руководителей, и поэтому избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева не вызывало беспокойства. Напротив, новый руководитель партии пользовался бесспорной поддержкой большинства советских людей. Он олицетворял энергию, призывая к «ускорению» производства, а каждый свой визит в крупный город страны он превращал в откровенные беседы с обычными людьми, стоявшими на улице. При этом в отличие от

Л.И. Брежнева, он не пользовался заготовленным текстом, и люди были готовы прощать ему некоторые неточности в ударениях и произношении ряда слов.

Представлялось, что новый руководитель партии продолжит те инициативы по наведению порядка в стране и борьбе с коррупцией, которые были предприняты во время недолгого пребывания у власти Ю.В. Андропова и приторможены во время еще более недолгого пребывания у власти К.У. Черненко. Впечатление о том, что новый руководитель страны стремится возродить динамизм и требовательность, характерные для сталинских времен, усилилось после того, как в своем докладе по случаю 40-летия Победы Горбачев упомянул фамилию Сталина, как одного из организаторов торжества над нацистской Германией.

Ко дню Победы по телевидению был показан многосерийный документальный телефильм «Стратегия Победы», в котором отдавалось должное роли Сталина в руководстве страной в годы войны. Правда, фильм был подготовлен еще во время пребывания у власти К.У. Черненко, который, восстановив В.М. Молотова в партии, дал понять, что он готов пересмотреть сложившееся отношение к И.В. Сталину и его соратникам. Новое руководство во главе с Горбачевым не помешало показу сериала. Председатель Государственного комитета по телевидению и радио С.Г. Лапин уже дал указания подготовить к концу мая 1985 года концерт, посвященный 40-летию приема в Кремле командующих фронтами Великой Отечественной войны. Концерт должен был повторить программу, составленную Сталиным для этого приема, и сопровождаться воспоминаниями участников этого события. Однако в последнюю минуту указания Лапина были отменены, а вскоре и он сам был отправлен в отставку.

Вскоре стало ясно, что Горбачев не собирается пересматривать сложившееся официальное отношение к Сталину, выражавшееся в умолчании о нем. Более того, размеры исторического прошлого, которое оказалось покрытым завесой молчания, возросли по мере того, как из книжных магазинов исчезли и многотомные издания выступлений Брежнева, и его воспоминания. Вслед за ними исчезали и работы Андропова и Черненко. Вскоре период Брежнева стал именоваться «периодом застоя», короткие периоды

правлений Андропова и Черненко новое руководство старалось не вспоминать, отношение же к периодам правления Сталина и Хрущева не изменилось с брежневских времен. Получилось, что почти вся история СССР с 1924 по 1985 год стала безликой и безымянной.

Отсчет новой эры советской истории теперь начинался с апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, на котором новый Генеральный секретарь определил главные задачи страны. И хотя на первых порах имя нового руководителя еще не слишком часто упоминали, слова «решения апрельского Пленума ЦК КПСС», «после апрельского Пленума ЦК КПСС» служили для обозначения ведущего положения в стране М.С. Горбачева. Его частые и длинные выступления постоянно транслировались полностью по телевидению, а его активное участие в участившихся официальных мероприятиях постоянно сопровождалось появлением его фотографий на первых полосах всех ежедневных газет. Появление культа новой личности шло по проторенному пути.

Уже весной 1985 года Горбачев выдвинул целый ряд программ, в которых содержались обещания решить наиболее насущные проблемы советских людей в 2—3 года. Вспоминая первые политические заявления Горбачева, бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков в своей книге «Личное дело» писал: «Из уст Горбачева посыпались, словно град, обещания кардинальным образом изменить жизнь, в кратчайшие сроки улучшить ее, сделать высокорентабельным промышленное и сельскохозяйственное производства, поднять материальную заинтересованность людей и на этой базе обеспечить более высокое их благосостояние. Приводились сравнения с тем, как обстоят дела на Западе, разумеется, в пользу последнего. Людей убеждали в том, что до сих пор все было плохо, что они шли (или их вели) по ложному пути и что сейчас руководство партии и государства примет меры к тому, чтобы быстрейшим образом исправить создавшееся положение. Это сопровождалось усиливающейся, уничтожающей, сокрушающей критикой всего сделанного до сих пор. Получалось так, что до Горбачева никто не хотел и не умел, а что Горбачев может и умеет». Горбачев явно следовал по пути Хрущева, полагаясь на скоропалительные планы добиться рывка в развитии стра-

ны за 2—3 года, а также на различные реорганизации системы управления и политиканскую трескотню.

Подчеркивая политиканские качества М.С. Горбачева, бывший член Политбюро В.И. Воротников писал в своих мемуарах: «Способность его в потоке слов, сложных, запутанных построениях фраз, всяких обоснований, ссылок на авторитеты и свой опыт, сделать собеседников своими союзниками и в итоге словоблудия так запутать вопрос, что каждая из противоположных сторон начинала считать, что именно ее позицию Генсек и поддерживает, была уникальной... Постепенно скрываемые до поры до времени честолюбие, тщеславие, склонность к интриге стали проявляться в нем даже внешне».

К концу 1986 — началу 1987 года стало ясно, что надеждам преодолеть острые проблемы за 700—1100 дней явно не суждено сбыться. Советские люди испытывали все меньше уверенности, что новый Генеральный секретарь сумеет добиться достижения и объявленной им цели — обеспечить каждую советскую семью отдельным благоустроенным жильем к 2000 году. И если сначала Горбачев своим умением поговорить с людьми на улице о насущных проблемах захватил воображение советского общества, то вскоре советские люди стали уставать от бесконечного потока длинных речей Горбачева, в которых он доказывал необходимость «перестройки», «ускорения», «нового мЫшления» в международных отношениях. Люди разочаровывались в Горбачеве по мере того, как обнаруживали, что за его громкими словами не следовало никаких существенных сдвигов в преодолении насущных проблем страны.

Поразительным образом в 1986 году произошли два события, которые были спрогнозированы британскими генералами еще в 1978 году. Отстранение от руководства Компартией Казахстана Кунаева и замена его секретарем Ульяновского обкома Колбиным в декабре 1986 года вызвали массовые студенческие демонстрации в Алма-Ате, сопровождавшиеся требованием удалить русских из руководства Казахстана. В ходе столкновений между милицией и демонстрантами погибло 28 человек, включая 7 милиционеров, около 200 было ранено.

А еще раньше 26 апреля 1986 года в результате аварии на реакторе Чернобыльской АЭС произошел выброс ра-

диоактивности на ряд областей Украины и Белоруссии. Так своеобразно реализовался британский прогноз о ядерном взрыве, поразившем территорию Белоруссии в ходе запланированной ими войны 1985 года. (Незадолго до этой аварии в своей последней книге «О науке и цивилизации» мой отец, работавший в атомной промышленности с 1945 года, написал: «Атомные станции не могут взорваться, но их могут взорвать». За несколько дней до выхода книги в свет в июне 1986 года редакция попросила отца снять эту фразу. Он уступил этой просьбе, но до конца жизни продолжал мучиться сомнениями относительно того, каким образом произошла Чернобыльская авария.) И Чернобыльская авария, и волнения в Алма-Ате сильно подорвали престиж Советского Союза и его руководства.

Обещания Горбачева добиться разрядки международной напряженности также не увенчались успехом. Американцы размещали в Западной Европе крылатые ракеты, нацеленные на СССР. Попытка же Горбачева добиться от президента США Рейгана в октябре 1986 года в Рейкьявике отказа от осуществления программы «звездных войн» ни к чему не привела и лишь показала слабость Генерального секретаря ЦК КПСС как международного политика.

По мере нарастания проблем во внутренней и внешней политике страны и по мере того, как Горбачев запутывался в осуществлении своих непродуманных программ, он и его союзники требовали новых радикальных реорганизаций в системе управления. Это вызвало большие разногласия в Политбюро, о которых уже открыто говорили в средствах массовой информации Запада. Эти заявления распространялись и на СССР. Стараясь высмеять эти заявления, Горбачев говорил на заседании Политбюро 4 июня 1987 года: «На Западе нас уже разделили, а здесь у нас подхватили: Горбачев за вестернизацию, это новый Петр I. Лигачев — за русификацию. Яковлев — это масонская группа. Рыжков — технократ, противник всякой идеологии. Сейчас большое желание у них — это перессорить, расколоть».

Однако в заявлениях средств массовой информации были зерна истины, и разногласия внутри руководства вызывались отнюдь не этими сообщениями. Тогдашний председатель Совета Министров СССР Рыжков вспоминал: «Ультрарадикалы требовали вообще отказаться от идеи

плана, утверждали, что производители сами быстро во всем разберутся и наладят взаимовыгодные отношения друг с другом... На Политбюро эту точку зрения отстаивали Яковлев, Медведев, Шеварднадзе, которых поддерживал Горбачев... Моя позиция, с которой я никогда не сходил, состояла в том, что, как бы ни были привлекательны новации в экономике, их надо проводить в жизнь, тщательно обдумав и всесторонне взвесив. Ведь дело-то имеем с огромной, разбросанной от Карпат до Сахалина страной».

Испортились и отношения Горбачева с Громыко. В отличие от Андропова и Черненко, которые вскоре после своих избраний на посты Генеральных секретарей стали председателями Президиума Верховного Совета, Горбачев не смог сразу добиться совмещения двух постов. На пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был избран А.А. Громыко. Несмотря на то что именно Громыко был инициатором избрания Горбачева на пост Генерального секретаря, по словам В.А. Крючкова, «вскоре Громыко стал высказывать сожаление по поводу сделанного им выбора... Со временем же отношения между Горбачевым и Громыко... становились все более натянутыми, и вскоре наступил момент, когда Горбачев всем своим видом стал показывать, что не может дальше с ним работать».

Разногласия внутри Политбюро принимали все более широкий и острый характер. Помимо споров Горбачева с Рыжковым и Громыко, которые занимали ведущие посты в иерархии исполнительной и законодательной власти, обострялись и отношения Горбачева и его союзников с Лигачевым, занимавшим второй по значению пост в Секретариате ЦК КПСС. В своей книге воспоминаний «Предостережение» Е.К. Лигачев замечал, что «примерно со второй половины 1987 года начали вырисовываться мои разногласия с некоторыми членами высшего политического руководства».

Особенно обострились отношения Лигачева с союзником Горбачева Яковлевым. По мнению Лигачева, «из-за явно недостаточного внимания к реальным процессам, протекающим в конкретной экономике, его суждения нередко страдали кабинетной умозрительностью и радикализмом». Таким образом, вместо того, чтобы обрести поддержку лиц, занимавших три из четырех ведущих постов в руководстве

страны, Горбачев столкнулся с их активным противостоянием ему и его политике. Учитывая, что у каждого из троих были союзники в Политбюро, было ясно, что достаточно им было объединиться, и карьера Горбачева была бы завершена уже в 1987 году.

Будучи опытным политиком, Горбачев прекрасно понимал неустойчивость своего положения. Наблюдая Горбачева «на многих ответственных совещаниях», В.А. Крючков замечал: «Горбачев начал раздражаться, нервничать, и было видно, что проявляет нервозность от бессилия, стремительного роста настроения против его политики, от того, что сам не знает, что, собственно говоря, ждет страну в самом ближайшем будущем, не говоря уже о более отдаленной перспективе. Но, главное, что вызывало у него тревогу, — это ослабление его личной власти, прочности его положения». Как отмечал Е.К. Лигачев, «в сознание Генерального секретаря стали внедрять так называемый «синдром Хрущева», который, как известно, был смещен на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1964 года». Особые усилия к раздуванию страхов Горбачева прилагала, по словам Лигачева, зарубежная «антисоветская пресса», которая «поднимала шум о каком-то «заговоре» со стороны Лигачева чуть ли не каждый раз, когда Михаил Сергеевич отлучался из страны».

«Синдром Хрущева» способствовал тому, что Горбачев постепенно взял на вооружение методы Хрущева в его борьбе против своих оппонентов. Как и Никита Сергеевич, Михаил Сергеевич не сразу решил воспользоваться пугалом «сталинизма» для того, чтобы подавить возможное выступление против него со стороны его коллег. Но зато, встав под знамя антисталинизма, он действовал решительнее и последовательнее, чем Хрущев. Использованию Горбачевым антисталинизма в значительной степени способствовало его постоянное общение с теми представителями столичной интеллигенции, которые с 70-х годов активно участвовали в процессе формирования политики страны. В своих воспоминаниях член Политбюро ЦК КПСС В.В.Гришин утверждал, что «к концу своей жизни фактически не он (Брежнев) стал руководить делами, а им руководили его приближенные. Во многом влияли на выработку внутренней и внешней политики такие люди в аппарате ЦК или

внештатные консультанты, как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Черняев, Шахназаров, Загладин и другие. Это, конечно, было плохо». Судя же по воспоминаниям Черняева, влияние Арбатова, Бовина и других усилилось при последующих Генеральных секретарях ЦК КПСС.

Одним из влиятельных советников Кремля был и В.М. Фалин. В своих воспоминаниях «Без скидок на обстоятельства» он утверждает, что летом 1986 года в беседе с Горбачевым, в которой принимали участие также Лигачев, Яковлев, ряд главных редакторов газет и журналов, писателей и политологов, он призвал «сказать всю правду о сталинизме». По сути, повторяя обвинения троцкистов, Фалин утверждал: «На рубеже 20—30-х гг. Сталин совершил или, правильнее, завершил контрреволюционный переворот в стране. Одновременно он покончил с партией, которая делала Октябрьскую революцию». Он выносил свой безапелляционный приговор: «Сталин и социализм несовместимы; нет ничего более противоестественного, чем понятие «сталинская модель социализма». Сталин выступал как абсолютное отрицание социализма и в теории, и на практике».

Исходя из чисто теоретических представлений о социализме, рожденных в Западной Европе, Фалин объявлял все созданное в СССР несоответствующим книжному идеалу. На деле такой подход означал уничтожение всего созданного в СССР в угоду социалистической утопии. Выдвигая, как это советовали сделать американские советологи, «социалистическую» альтернативу «сталинизму», Фалин фактически предлагал обменять советскую реальность на теоретическую схему, или шарлатанскую пустышку. Он решительно призывал к отказу от «преемственности... тогда как перестройка должна была быть разрывом».

Однако в своей книге «Шесть лет с Горбачевым» помощник Генерального секретаря А.С. Черняев претендовал на свой приоритет в развертывании антисталинской кампании. Черняев уверял, что он был единственным на собрании, посвященном 40-летию Победы, который не стал аплодировать при упоминании имени Сталина. Черняев подготовил для Горбачева специальную записку, в которой были изложены антисталинские идеи. Черняев способствовал знакомству Горбачева с трудами американских советологов, пропагандировавших «альтернативы» сталинскому

пути развития. Черняев писал: «Помню, известный американский историк-советолог Стивен Коэн прислал Горбачеву книгу «Н.И. Бухарин». Мы, некоторые из его окружения, тоже получили эту книгу, изданную в «тамиздате», обратили на нее внимание Михаила Сергеевича. Он взял ее с собой в отпуск. Изучал тщательно, то и дело зачитывал мне цитаты из нее. Восхищался интеллектуальной силой этого человека. И уже тогда решил, что должен быть снят запрет с Бухарина».

Черняев не упускал ни одного случая, чтобы не выступить с дискредитацией Сталина. Так, оказавшись участником узкого совещания по подготовке доклада для пленума ЦК по вопросам экономического развития, Черняев внес свой «ценный» вклад в его работу, выступив с предложением решительно осудить хозяйственные методы, сохранившиеся с 30-х годов. Заявления некоторых участников заседания о том, что тогдашние методы были неплохи для своего времени, Черняев отверг, заявив, что «это оправдание сталинизма». Он записал в своем дневнике, что его «Яковлев поддержал».

Позже стало известно, что КГБ СССР располагало сведениями о том, что А.Н. Яковлев был завербован американской разведкой еще в период своей учебы в Колумбийском университете Нью-Йорка в 1959 году. Однако, получив официальное донесение об этом в 1990 году от председателя КГБ Крючкова, Горбачев сделал вид, что оно не заинтересовало его.

Был ли А.Н. Яковлев агентом ЦРУ или нет, осталось пока недоказанным, но его двуличие было поразительным даже по сравнению с двуличием других «перевертышей». Во всех своих публикациях советского времени Яковлев постоянно атаковал «американский империализм» и его идеологическое оружие — «антикоммунизм». В своей книге о США, которая неоднократно переписывалась и дополнялась, а в 1986 году вышла в издательстве «Молодая гвардия» под заглавием «От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века», Яковлев выступал как яростный противник капиталистической системы и ревнитель основ марксизма-ленинизма. При этом выводы о пороках американского общества Яковлев заметно утрировал, а соответствующие статистические данные преувеличивал

раза в 2–3. Говоря о двуличии Яковлева, В.И. Воротников писал: «А.Н. Яковлев в книге «Обвал» утверждал, что он уже в 1987 году понял, что от марксизма надо отказаться. Факты... показывают, что он продолжал тогда активно руководить деятельностью, направленной на идеологическое развитие в защиту социализма и обличение капитализма».

Кто мог предположить в то время, что столь яростный ненавистник капитализма и активный разоблачитель антикоммунизма, член Политбюро и секретарь ЦК КПСС превратится в наиболее яростного антикоммуниста и проповедника капиталистических ценностей? Мало кто знал, что в момент выхода в свет его антиамериканской книги Яковлев открывал зеленую улицу тем лицам, которые, по оценке американских советологов, должны были сыграть ведущую роль в антисталинской кампании.

А.С. Грачев, который работал в международном отделе ЦК КПСС и в 1991 году недолго был пресс-секретарем Горбачева, писал в своих воспоминаниях «Кремлевская хроника», что реализации целей Генерального секретаря помог «хитроумный замысел Горбачева, разделившего идеологический участок: позволить молодой демократической прессе окрепнуть под прикрытием Александра Яковлева. Так, в ЦК начали складываться, по существу, параллельные структуры: с одной стороны, официальный Отдел пропаганды, подчиненный Лигачеву, с другой — не менее легальный «подотдел» Яковлева с коллективом собравшихся вокруг него сотрудников и консультантов. Редакторы газет и журналов отныне могли выбирать, с кем посоветоваться относительно неортодоксальных материалов... Наиболее дерзкие материалы первого революционного периода гласности прежде, чем попасть на страницы газет, готовились за спиной официального Отдела пропаганды в кабинетах яковлевского подотдела. Так происходило и с разоблачительными статьями репрессий сталинских, а потом и ленинских времен». Защита Горбачева и его политики прикрывалась атаками на Сталина. Благодаря этим усилиям в стране стала осуществляться программа, заготовленная в США по меньшей мере за десять лет до начала перестройки.

В отличие от Хрущева, Горбачев правил в то время, когда советские люди уже успели позабыть острые споры по Сталину 50–60-х годов. Поэтому он и ставленники «яков-

левского подотдела» ЦК постарались реанимировать «сталинский» вопрос. Старт кампании был задан сюрреалистическим фильмом Тенгиза Абуладзе «Покаяние», вышедшим на широкий экран в начале 1987 года. Специфика фильма, в котором рассказ про жестокого и коварного Варлаама представлял собой фантастическое видение главной героини фильма, невольно отражала фантастический характер мифов о Сталине. Еще до его выхода на экран началась шумная кампания по пропаганде фильма, организованная ставленниками Яковлева. В опубликованных восторженных рецензиях на этот фильм Амбарцумова, Евтушенко, Лакшина говорилось не столько о художественных достоинствах или недостатках фильма, сколько о его публицистической направленности. Писатель Борис Васильев в «Советском экране» призывал превратить дискуссию по «Покаянию» в антисталинскую кампанию. Аналогичное мнение высказывал Булат Окуджава на страницах «Московских новостей», главным редактором которых был Лен Карпинский. Под лозунгом защиты фильма «Покаяние» в бой против Сталина вступали многие из тех, на кого возлагали большие надежды американские советологи еще с середины 70-х годов.

Хотя слово «покаяние» в его религиозном смысле предполагало смиренное признание собственной вины перед Богом, энтузиасты фильма адресовали обвинения не себе, а Сталину, а также всем, кто его поддерживал и даже их потомкам. Сам автор фильма на встрече с московскими зрителями его фильма в январе 1987 года так объяснял смысл своего произведения: «Дети и внуки виноваты в грехах своих родителей, а потому должны за них покаяться». Позже, выступая на страницах «Московских новостей», Тенгиз Абуладзе пояснял, что «покаяние» должно сопровождаться изгнанием с работы всех, кто был прямо или косвенно причастен «к преступлениям» сталинского времени. Одновременно Абуладзе предлагал распространить репрессии на родственников и знакомых людей. По подсчетам Абуладзе, таких в СССР было около 18 миллионов человек. Видимо, сюрреалистическое восприятие действительности так сильно влияло на автора «Покаяния» и его поклонников, что они не замечали очевидной абсурдности: во имя искуп-

ления жертв былых репрессий Абуладзе предлагал репрессии гораздо более широких масштабов.

Антисталинская кампания была перенесена и на театральные подмостки. В своей пьесе «Брестский мир», поставленной в ряде театров, драматург М. Шатров постарался не только изобразить Сталина самым отталкивающим образом, но и впервые за советское время выпустил на сцену Троцкого и Бухарина, которых изобразил достойными руководителями страны. Вожди двух «альтернатив», на которые возлагались такие большие надежды в советологических центрах США, появились в условном историческом пространстве и вступили в бой со Сталиным.

Вскоре удары по Сталину, нанесенные на киноэкране и на театральной сцене, были поддержаны художественным произведением, предназначенным для читателей. В 1987 году вышел в свет роман А.Н. Рыбакова «Дети Арбата». Хотя в романе было множество действующих лиц, а судьба одного из них, Саши Панкратова, находилась в центре внимания повествования Рыбакова, никто не сомневался, кто был главным героем книги. В послесловии к роману критик В. Чубинский писал: «Именно Сталин, а отнюдь не Саша Панкратов — истинный герой романа».

Описывая внешний облик главного героя своего романа, Рыбаков следовал традиции баек столичной либеральной интеллигенции, занизив его рост на 10 сантиметров. «Его рост—160 сантиметров», — уверял Рыбаков. Он отметил также, что «щеки и подбородок закрывали белую каемку подворотничка, френч топорщился на животе. Низкий лоб... оспинки». Кроме того, Рыбаков сравнил внешность юного Сталина с известным описанием Григория Отрепьева из драмы «Борис Годунов» («А лет ему от роду 20... А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, волосы рыжие»). Рыбаков убеждал читателей в том, что, прочитав впервые драму Пушкина, Сталин обнаружил сходство между собой и Отрепьевым. В романе сказано: «Ему тогда было 20 лет, он за год до окончания семинарии отказался от духовной карьеры, и он был мал ростом, широк грудью, и волосы рыжеватые, одна рука малоподвижна». Хотя, по словам Рыбакова, юного Сталина «не привлекал этот неудачник», он постарался подвести читателей к мысли, что сходство между ним и Лжедмитрием не ограничива-

лось чисто внешне. Для этого была даже придумана история о романтических отношениях между Иосифом Джугашвили и народоволкой Софьей Перовской, которая сравнивалась Рыбаковым с Мариной Мнишек. Читателям подсказывали: Сталин был очередным самозванцем в истории нашей страны.

Первые же оценки, которые дают Сталину положительные герои романа, настраивали читателей на недоброжелательное отношение к нему. Один из таких героев Иван Будягин, находившийся до революции вместе со Сталиным в Туруханской ссылке, вспоминал в своем длинном «внутреннем монологе», что «со Сталиным всегда было сложно. В ссылке он перестал разговаривать с товарищем, пошутившим над его привычкою спать в носках... Эти шутки Сталин воспринимал как подчеркивание его неприспособленности, слабости... С ним нельзя было ссориться — он не умел мириться». Будягин помнил и другие проявления чрезмерной обидчивости, а также эгоизма Сталина: «Он считал само собой разумеющимся, если товарищ отдавал ему валенки, в которых нуждался сам. Но он никогда бы не взял валенок у того, с кем спорил накануне».

Покончив с рассказами о конфликтах Сталина из-за носков, стеганого одеяла и валенок, Будягин уверял читателей в том, что «со своими капризами, обидами, тягостными недоразумениями он был несносен. Другие ходили на охоту, на рыбалку, только он никуда не ходил, сидел вечерами у окна и занимался при свете керосиновой лампы». (На самом деле известно, что в Туруханской ссылке Сталин постоянно охотился и ловил рыбу и этим обеспечивал себе скудное пропитание.) Будягин также сообщал читателям, что «одинокий непримиримый грузин... молча слушал споры своих образованных товарищей» и таким образом давал понять, что Сталин не был образованным и не мог поддержать разговор образованных людей. В то же время Будягин признавал, что Сталин «много читал, даже изучал английский язык». Затем было сказано, что «большинство изучали немецкий, французский, только Сталин не занимался языками». Возможно, что Будягин и Рыбаков не считали английский, который учил Сталин, языком. Видимо, презирая тех, кто не знал немецкого и французского, Будягин быстро разочаровался в Сталине, а затем «встретил на

своем пути людей более образованных и блестящих, чем Сталин».

Отметил Будягин и другие недостатки Сталина, сказав о «его прямолинейности, семинарской склонности к толкованиям, непоколебимой уверенности, что его знания — предел мудрости». Главной же чертой Сталина Будягин считал его «грубость». По его словам, Сталин говорил ему в ссылке: «Грубости надо противопоставлять еще большую грубость — люди принимают ее за силу».

Для того чтобы объяснить, почему бывший выпускник духовного училища и бывший семинарист стал апологетом грубости, Рыбаков дал такое объяснение устами самого Сталина, который вспоминал: «Отец вечерами пил с приятелями атенское вино и пел с ними песни — щемящее сердце грузинское многоголосье. Хорошо пели, хорошо пили — по-грузински, добрея и веселея от вина, не так как пьют русские мужики, впадая от водки в пьяный кураж, драки и поножовщину». Очевидно, что лишь в России Сталин столкнулся со столь грубым поведением подвыпивших людей. Но он признавал очевидное количественное преобладание русских над грузинами и приходил к выводу: «В Советском Союзе, насчитывающем сотню народов, ведущим может быть только один народ — русский». А поэтому Сталин решил пренебречь дурными качествами русского народа.

Однако это ему нелегко. По словам Рыбакова, Сталин рассуждал так: «Русские — это не грузины. В училище, в семинарии никто не трогал его из-за поврежденной руки, в этом проявлялось исконное грузинское благородство. Но потом люди не считались с этим его физическим недостатком, ни в Баку, ни в Батуми, ни в Сибири, были грубы и безжалостны». Хотя получалось, что грубы были люди не только в Сибири, но также в Баку и Батуми, изначальное противопоставление русских грузинам не оставляло сомнений в том, что главное отличие между этими народами Рыбаков видел в «грубости» первых и «благородстве» других. Хотя Рыбаков и постарался скрыть свою русофобию упоминанием о Баку и Батуми, получалось, что в «грубости» Сталина виноваты русские, которые являются «грубыми» по своей природе.

Стараясь выжить среди «грубых» русских, Сталин якобы «противопоставил им еще большую грубость. За гру-

бость Ленин упрекал его, но только так можно управлять: грубость аппарата держит в узде грубость народа. Деликатничают с ним только интеллигенты, которых потом же и выкидывают, как хлам. Еще тогда, в молодости, он понял, что демократия в России — это лишь свобода для развязывания грубых сил. Грубые инстинкты можно подавить только сильной властью, такая власть называется диктатурой».

Напомнили Будягин и Рыбаков также про другие замечания Ленина о Сталине из «Письма к съезду», которые были своеобразно изложены в романе. Говоря о своих встречах со Сталиным в годы Гражданской войны, Будягин замечал: «Его воля, энергия могли служить революции; нелояльность, грубость, стремление к единовластию были терпимы, революция применяет и крайние средства. Но в эпоху созидания эти недостатки становились опасными. Сталин овладевал властью всеобъемлющей и бесконтрольной. В этом и заключался смысл ленинского письма». Но Будягин и Рыбаков шли дальше критических высказываний Ленина, делая безоговорочный вывод: «Преданность идее Сталин изменял преданностью себе».

Эта «преданность себе», видимо, выражалась в исключительном самомнении Сталина, доходящем до приписывания себе Божественных качеств, хотя, как убеждены Будягин и Рыбаков, со времени Туруханской ссылки Сталин сохранил все свои малоприятные качества и низкий уровень образования. В ходе своей встречи со Сталиным Будягин, который во время действия романа был полпредом, чувствовал, что «в неумолимом азиатском боге проснулся одинокий ссыльный грузин в сибирской избе», который так и остался «необразованным» и «грубым». А так как «Сталин не знал Европы», то он не сумел оценить значения прихода к власти Гитлера. Будягин считает «концепцию Сталина, сложившуюся еще во времена Веймарской республики, устаревшей, способность Сталина все упрощать — катастрофой».

Разоблачения Сталина в романе продолжает сам Сталин. Хотя в романе немало бесед Сталина с различными советскими руководителями и зубным врачом Липманом, значительно больше места уделено «внутренним монологам» Сталина. Следуя примеру Солженицына, который

впервые изложил неизвестно каким образом подслушанные им мысли Сталина (а затем — мысли Ленина), лауреат Сталинской премии Рыбаков решил «озвучить» мыслительный процесс, происходивший в голове Сталина. В своих «внутренних монологах» «Сталин» так дискредитировал себя, как ни одно сочинение Хрущева, ни одна самая вздорная байка из собрания Борева. Рыбаковский «Сталин» выбалтывал свои зловещие планы. Он выдавал себя с головой, рассказывая изумленным читателям, насколько он ограничен и злобен.

«Сталин» сообщил читателям, что увидел в Будягине врага, потому что тот «не включился в общий хор, не славословил. Этого для Сталина достаточно». «Сталин» заподозрил Будягина в том, что он «пришел по поручению. От тех, кто якобы помог ему, Сталину, разгромить противников, на кого он будто бы опирался, опирается и должен опираться, иначе они отстранят его так же, как отстранили тех». Поэтому Будягин обречен.

Многочисленные рассуждения «Сталина» должны были убедить читателей в том, что главными в его жизни были стремление к неограниченной личной власти и фантастическое самомнение. «Сталин» заявлял: «Истинный вождь приходит САМ, своей властью он обязан только САМОМУ СЕБЕ... Он стал вождем не потому, что ему удалось разгромить своих противников. Он разгромил своих противников потому, что он вождь, именно он предназначен вести страну». Даже война, которая грозит Советскому Союзу, по мнению «Сталина», нужна его врагам только потому, что «других путей свалить ЕГО у них нет, других путей к захвату власти они не видят».

Критику работ М.М. Покровского, в которых очернялось дореволюционное прошлое России, «Сталин» объяснял тем, что этот историк якобы отрицал «роль личности в истории, желая этим умалить прежде всего ЕГО роль в истории партии, в истории России». «Сталин» убежден в том, что он «является единственным толкователем ленинского наследства, в том числе и в области истории, ибо ОН эту историю ДЕЛАЕТ... ОН создаст не только новую историю России, но и выработает новые критерии в оценке исторических событий — только так можно обеспечить правильное суждение нынешних и будущих поколений об эпохе,

ЕГО эпохе». Как диктатор из фантастического романа Джорджа Оруэлла «1984», «Сталин» убежден в своей способности менять прошлое по своему произволу и таким образом управлять настоящим и будущим.

Созидательные планы «Сталина» подчинены стремлению увековечить самого себя. В своих монологах он заявлял: «Памятником ЕГО эпохе будет Москва, город, который ОН воссоздаст заново... Дворец Советов построит ОН, построит как архитектурный центр новой Москвы, прорубит новые магистрали, проложит метрополитен, возведет современные жилые дома и административные здания, сооружит новые мосты и набережные, воздвигнет гостиницы, школы, библиотеки, театры, клубы, сады и парки. Все это будет величественным памятником ЕГО эпохи».

Однако «Сталин» убежден, что есть немало людей, которые готовы сорвать выполнение его эгоцентричных замыслов. Он знает, что есть народ, который всегда выступал против всех «вождей». «Сталин» рассуждает: «Евреи никогда не понимали, что такое ВОЖДЬ. Они никогда не умели по-настоящему подчиняться, это у них сложилось исторически, в этом их национальная трагедия... Для них нет абсолютного авторитета... Все народы подчинились Риму и сохранили себя как нации. Евреи единственные не подчинились». Из этих замечаний ясно, что Рыбаков толком не знал истории Римской империи, что он забыл даже школьные уроки про восстания разных народов против гнета Рима, про исчезновение многих народов вместе с римлянами и многое другое.

«Только у евреев нет обожествленного вождя, только иудейская религия не допускает олицетворения бога в человеке, — продолжает «Сталин». — Во всех религиях бог воплощается в человека: Христос, Магомет, Будда». Из последней фразы следует, что Рыбаков слыхом не слыхал мусульманского догмата: «Нет Бога, кроме Аллаха, а Магомет — пророк Его». Эта фраза Рыбакова вызывает также сомнение в том, что он был знаком с буддизмом, так как Будда, или Сиддхартха Гаутама не считал себя богом или его воплощением. Возможно, что эти ошибки Рыбаков легко мог бы объяснить тем, что их делал не он, а придуманный им персонаж, одержимый неприязнью к евреям.

Помимо евреев, «Сталин» испытывает неприязнь к чле-

ну Политбюро и секретарю ЦК ВКП(б) С.М. Кирову, о чем он много раз сообщает читателям. А «Киров», созданный воображением автора, разъясняет читателям, почему он также испытывает неприязнь к Сталину. Он якобы понимает «какую цель преследует Сталин... Он нагнетает обстановку террора, в то время как никакого повода для террора нет».

Между тем «Сталин», переходя от «внутреннего монолога» к диалогу и обращаясь к Ягоде, выражает сомнение в преданности Кирова делу партии. Говоря о том, что Киров сохранил на прежних постах немало партийных деятелей, которые раньше поддерживали Зиновьева, «Сталин» замечает: «Да, они за товарища Кирова, но это не значит, что они за ЦК! Как им не быть за товарища Кирова, если товарищ Киров сберег их в Ленинграде в целости и сохранности?... Не принимает ли товарищ Киров преданность себе за преданность партии? Не ставит ли товарищ Киров знак равенства между собой и партией? Не рано ли он это делает?... Киров держит за пазухой троцкистскую змею против Сталина, а не укусит ли она самого товарища Кирова?» Никаких свидетельств того, что подлинный Сталин разделял такие мысли, нет.

Нет никаких фактов, подтверждающих заявление автора о том, что «Киров тяготился пребыванием в Сочи» в обществе Сталина. Напротив, все имеющиеся свидетельства говорят о том, что отношения Сталина и Кирова были дружескими, что они не раз вместе проводили отпуск. Летом 1934 года Сталин вместе с Кировым и Ждановым написали совместные тезисы об учебниках истории. (Рыбаков утверждает, что Киров неохотно участвовал в работе над этими тезисами.)

Также нет никаких фактов, подтверждающих утверждение «Сталина» о том, что «еще в 1929 году» он «остановил свой выбор» на Ягоде как будущем руководителе НКВД. На самом деле в начале 1929 года Сталин и другие члены Политбюро получили тайно распространявшуюся запись беседы Бухарина и Каменева. Из нее следовало, что Бухарин рассчитывал на поддержку тогдашнего заместителя председателя ОГПУ Ягоды в борьбе против Сталина. Однако «Сталин» из романа Рыбакова полностью доверяет Ягоде и дает ему указания действовать решительно против

Кирова. Отпустив Ягоду после беседы с ним, «Сталин» размышляет: «Понял ли он его? Все понял».

Приговор «Сталина» Кирову выражен в его фразе: «Смерть решает все проблемы. Нет человека, и нет проблем». Эту фразу затем стали приписывать настоящему Сталину. Лишь незадолго перед своей смертью А. Рыбаков признался, что он ее придумал.

Самому тугодумному читателю детективных романов, в том числе и тех, что прежде сочинял Рыбаков, не так трудно догадаться, кто же был организатором убийства Кирова, о котором сообщается на последних страницах романа. Хрущевская версия, которую никак не удавалось доказать ни одной из комиссий ЦК, была «доказана» с помощью показаний «Сталина» из романа Рыбакова. На многих страницах пытался доказать справедливость дурацкой частушки про «огурчики» и «помидорчики», сочиненной четверть века назад.

Роман распространялся миллионными тиражами. Критики обнаруживали в нем одни достоинства и не находили никаких недостатков. Критик В. Чубинский сразу же отметал попытки искать несообразности и ошибки в романе. Говоря о фактических неточностях, замеченных в романе рядом авторов, он писал, что «мог бы пополнить их перечень. Но не стану этого делать, потому что не в них суть...» К тому же Чубинский опасался, что «противники романа будут рады ухватиться за все, что может подорвать его престиж в глазах читателей».

В подавляющем большинстве рецензий на роман преобладали восторженные ноты. В печати, ориентировавшейся на яковлевский подотдел, роман был объявлен небывалым явлением в современной литературе. Критик В. Кавторин писал: «Детям Арбата» присуще одно, редчайшее в наши дни, несмотря на обилие романов, качество — романное мышление». Критик В. Чубинский отвечал В. Кавторину: «Оказалось, что во всех основных вопросах, касающихся «Детей Арбата», мы с вами согласны... В романе немало сильно написанных страниц и мастерски разработанных характеров». Казалось, зачем тогда устраивать публичную переписку? Но Чубинский предупреждал: «У романа Рыбакова много противников, гораздо больше, чем можно было пока судить по печатным изданиям. Против романа все, кто за-

ражен сталинистскими предрассудками и иллюзиями. Их голоса уже слышны и становятся все громче. И потому каждый голос в поддержку писателя не останется втуне».

Эти «голоса» не оставались втуне. Кавторин писал: «Рыбаков предпринял смелую попытку воссоздать внутренний мир Сталина этой поры, его истинный характер, реальные причины и мотивы его поведения и принимаемых решений». Выдавая черное за белое, критик писал: «Перед нами — отнюдь не одномерная фигура, покрытая в зависимости от позиций и настроений пишущих то ослепительным лаком, то густой черной краской». Однако карикатурность изображения Сталина была очевидной. Пытаясь соединить несоединимое (заявление о реалистичном изображении Сталина и явную карикатурность его образа), Чубинский прибегал к демагогическим приемам, рассуждениям об онкологах и древнеримским афоризмам: «Я утверждаю, ... что Рыбаков охвачен... священной яростью ...справедливым гневом... Это — ярость и гнев особого рода. Они сродни чувству, с каким ученый изучает раковую опухоль, чтобы избавить человека от нее и порождаемых ею метастазов. Чтобы исследование увенчалось успехом, ученый должен сохранять спокойствие, трезвость ума, если хотите «объективность». Но он ненавидит болезнь и более всего хочет ее искоренить. Ira facit poetam (гнев рождает поэта), говорили древние римляне. Думаю, что без гнева Рыбакову попросту не удалось бы создать такой живой, полнокровный, «объемный» образ «великого вождя народов».

Демагогические приемы Чубинского напоминали увертки «дяди» из повести «Судьба барабанщика». Когда 14-летний Сергей Щербачев напомнил «дяде» о краже, совершенной им в поезде, тот «объяснил..., что вор не всегда есть вор, что я молод, многого в жизни не понимаю и судить старших не должен. Он спрашивал меня, читал ли я Чарльза Дарвина, Шекспира, Лермонтова. И тогда у меня от всех этих вопросов голова пошла кругом. Я уже не помню, с чем-то я соглашался, чему-то поддакивал». Видимо, на такой же эффект рассчитывал и Чубинский. Упоминание о метастазах, сравнение Рыбакова с онкологом, афоризм, приведенный на латыни, позволяли критику скрыть отсутствие у Рыбакова элементарной объективности, о необходимости которой Чубинский тут же говорил. В результате у некото-

рых читателей «голова пошла кругом», они с чем-то соглашались и чему-то поддакивали. Впоследствии антисталинская критика постоянно прибегала к этим давно апробированным приемам «интеллектуального каратэ».

Чубинский подсказывал читателям, как следует читать роман Рыбакова: «Все мы, проглатывая страницу за страницей, с нетерпением ждем, когда же, наконец, появится низкорослый, узколобый и рябой виртуоз политической интриги и начнет на своем своеобразном и сразу же узнаваемом наречии излагать свое исповедание веры». Чубинский давал понять: роман следовало читать взахлеб и с восторгом. Чубинский убеждал: «Нигде его (Рыбакова. — *Прим. авт.*) мастерство не поднимается на такой высокий уровень художественности и зрелости, как на страницах, посвященных Сталину... Создается иллюзия того, что мы слышим (именно слышим!) живого Сталина со своей своеобычностью голоса и акцента, индивидуальными особенностями мыслительного процесса и стилистического оформления мыслей... Вот бы поучиться у Рыбакова тем многочисленным авторам, которые вкладывают в уста исторических героев дословные отрывки из их речей и сочинений и считают, что задача решена! Рыбаков идет тем путем, которым и должен идти подлинный художник. Он проник в психологию героя, он проникся его психологией, как бы перевоплотился в него, стал думать и чувствовать, как он, и заговорил его языком».

В то же время Чубинский уверял читателей в исторической достоверности романа и его научной обоснованности. Он писал, что проделанная Рыбаковым работа «по изучению исторических документов, печати, мемуаров, исследований, свидетельств очевидцев и участников событий... огромна и скрупулезна. Сочинения же самого Сталина писатель, похоже, знает наизусть». На самом деле в романе не приводилось никаких цитат из подлинных письменных работ Сталина и его речей. Слова, которые произносил «Сталин», не имели никакого отношения к содержанию его сочинений. Поэтому критик не имел никакого основания предполагать, что Рыбаков изучил работы Сталина наизусть.

Чубинский ставил Рыбакова в пример всем советским историкам: «Мне кажется, что далеко не все наши истори-

ки-профессионалы, развращенные навязанными сверху запретами и установками, так тщательно и так полно изучают источники, как это сделал А. Рыбаков. Поэтому я смело утверждаю, что, во-первых, «Дети Арбата» могут быть по праву названы (что и сделал В. Каверин) «исследовательским романом», и, во-вторых, проделанный писателем анализ психологии и взглядов Сталина имеет не только художественное, но и научное значение».

Позже Нина Андреева объяснила источники «исторических документов, печати, мемуаров, исследований, свидетельств очевидцев», восхитивших Чубинского, а заодно указала на мнимость их объективности и документальности. Она уличила Рыбакова в использовании публикаций предшествовавших ему антисталинистов. В письме писателю она обратила внимание на присутствие в его романе множества положений, взятых из троцкистского «Бюллетеня оппозиции», книг Исаака Дейчера, высказываний самого Троцкого (вплоть до текстуальных совпадений, которые давались без указания источника), советологических книг Д. Роберта, С. Коэна, Д. Боффа, а также из произведений популярного на Западе диссидента Роя Медведева. Это открытие Андреевой позволяет говорить о том, что антисталинская волна конца 80-х годов в СССР родилась в ходе слияния потоков американских советологических сочинений и фольклора московской интеллигенции.

Соединение этих потоков в романе Рыбакова означало, что антисталинская кампания достигла нового качественного уровня. Подводя итог «политическому роману» Рыбакова, Чубинский писал: «Итак — был ли Сталин настоящим коммунистом? Настоящим — в смысле коммунизма Маркса, Энгельса, Ленина, большевистской партии? Конечно, нет». Так, члены КПСС Рыбаков и Чубинский попытались посмертно исключить Сталина из коммунистической партии, в рядах которой он состоял более полувека и возглавлял которую около тридцати лет.

Одновременно Чубинский определял направления дальнейшей кампании: «Бесспорно, предпринятый А. Рыбаковым анализ Сталина и сталинщины далеко не полон... Говорю это не в упрек Рыбакову. Он честно сделал свое писательское дело, предоставил нам свое понимание Сталина как человека, как личности. А дальше миссия философов,

социологов, историков или, как принято теперь говорить, обществоведов».

Восторженная реклама романа в средствах массовой информации, ажиотаж вокруг него среди значительной части читающей интеллигенции сделали свое дело. Роман Рыбакова стал самым модным чтивом 1987 года. Монологи «Сталина» и прочие выдумки Рыбакова поразили воображение взрослых читателей, как до сих пор не поражали детское воображение ни «Кортик», ни «Бронзовая птица», ни какой-либо иной его приключенческий роман для детей, ни один фильм, снятый по его сценариям. Я помню, как люди, прочитавшие роман Рыбакова, с возмущением рассказывали своим друзьям в вагоне метро о том, что они узнали из этой книги про Сталина из его «внутренних монологов». Сомнения о том, что говорящее вслух писательское изделие, является подлинным Сталиным, редко возникали у энтузиастов романа «Дети Арбата».

Сталин превращался в удобную мишень для битья, вроде фигур начальников, которые устанавливали в некоторых учреждениях Японии для того, чтобы дать выход эмоциям подчиненных. На недостойность этого занятия обратил внимание писатель Юрий Бондарев, сравнив поведение хулителей Сталина с теми, кто пинает мертвого льва. В то же время нелепость этого ловко спровоцированного сражения с вымышленным образом Сталина напоминала борьбу Братца Кролика против Смоляного Чучелка из афроамериканских сказок дядюшки Римуса. Ведь фигура главного персонажа фильма «Покаяние», вытащенного из его могилы, а также персонажи Шатрова и Рыбакова, носившие фамилию «Сталин», были так же не похожи на живых людей, как и Смоляное Чучелко, сделанное Братцем Лисом. По необъяснимым причинам смышленый Братец Кролик принял Смоляное Чучелко за чернокожего ребенка. Когда же Чучелко промолчало в ответ на его приветствие, Братец Кролик обиделся на «грубияна», стал с ним драться и прочно прилип к нему. Искусственно созданная модель «Сталина» должна была стать безответной фигурой, которая не могла оправдаться. А по мере того, как распалявшиеся зрители и читатели наносили бы удары по конструкции из тряпок и смолы, они прочно прилеплялись к ней и становились беспомощными для нападения на них

таких же безжалостных ловкачей, каким был Братец Лис из известной сказки.

Призыв Чубинского к «обществоведам» был подхвачен. Умело разжигаемая потребность в новых «разоблачениях Сталина» удовлетворялась новыми публикациями. Выступления против Сталина, которые, на первый взгляд, казались стихийными, все очевиднее приобретали характер широкомасштабного и глубоко эшелонированного наступления. Одно обвинение против Сталина следовало за другим в статьях, помещенных в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Огонек», в газетах «Московские новости», «Аргументы и факты». Даже журнал «Знание — сила», специализировавшийся на популяризации достижений современной науки и техники среди молодежи, из номера в номер публиковал статьи, в которых «разоблачал» Сталина. К печатным изданиям присоединились и электронные средства массовой информации. Программы «Взгляд», «Пятое колесо» и ряд других постоянно атаковали покойного генералиссимуса. Словно по команде, на страницах почти всех журналов и газет, во всех публицистических теле- и радиопередачах публиковались материалы о репрессиях 30-х — начала 50-х годов, в которых обвинялся исключительно Сталин. В то время казалось, что, если включить утюг, то он тоже стал бы транслировать антисталинские передачи.

На возобновившийся процесс по «делу Сталина» спешили все новые и новые свидетели, хотя их незнакомство с подлинной историей тех лет было очевидным. Казалось, что вернулись времена, описанные Н.С. Лесковым, когда, по его словам, на Юге России существовали целые «банды бессовестных и грубо деморализованных людей», зарабатывавших на жизнь лжесвидетельством. В его рассказе «Владычный суд» говорилось, что лжесвидетели «бродили шайками по двенадцать человек, ища работы, то есть, пытая везде: «чи нема чого присягать?»

На новом историческом этапе, в иных географических условиях и иной культурной среде через 200 с лишним лет повторялись события, подобные тем, что разыгрались в Англии в 1778—1780 годах. Тогда «Союз протестантов» буквально завалил страну листовками и брошюрами с осуждением правления Марии Кровавой (1553—1558 гг.), а по-

всюду происходили митинги, на которых ораторы клеймили давно умершую королеву, инквизиторов XVI века и обнаруживали параллели между ними и нынешними прихожанами католических храмов. Известно, что эта пропаганда привела к массовым погромам против католиков. А затем «ревнители исторической правды», во главе которых стоял лорд Гордон, освободили уголовников из лондонских тюрем, чуть не сожгли Лондон и попытались захватить власть в стране. Также известно, что активную поддержку лорду и «Союзу протестантов» оказывали ведущие деятели недавно созданных Соединенных Штатов, воевавших в это время с Англией. В силу каких-то причин история заговора Гордона почти не освещалась в советских сочинениях по мировой истории. О событиях в Англии 1778—1780 годов можно было узнать лишь по немногим английским исследованиям, имевшимся в центральных библиотеках Москвы, и роману Ч. Диккенса «Барнеби Радж».

Теперь на просторах одной шестой планеты люди, забывая о текущих делах, вчитывались, всматривались и вслушивались в сообщения о событиях полувековой давности, изображавшиеся в самых мрачных красках. К тому же их постоянно пугали, что история может вот-вот повториться. О том, что на их глазах, на самом деле, повторяется давняя история, имевшая место в другой стране, мало кто догадывался. Мало кто знал, что подобные манипуляции с историческим материалом уже совершались в Англии 200 лет назад и что тогда они служили прелюдией к попытке государственного переворота.

Свою активность авторы антисталинских материалов объясняли своим стремлением «освободить» советских людей от «культа личности Сталина и его последствий». Особенно часто упоминали негативное влияние «Краткого курса» на общественное сознание. На самом деле эта книга была под запретом тридцать лет, и выросли целые поколения людей, которые и в глаза не видели «Краткого курса». В стране уже 35 лет Сталина не прославляли, не звучало песен, посвященных ему, не издавалось его книг. Сохранившийся каким-то чудом в одной среднеазиатской республике до 1988 года памятник Сталину был срочно демонтирован после публикации о нем сообщения в центральной

печати. В стране давно не осталось и следа, хоть в какой-нибудь мере напоминавшего о былом официальном восхвалении Сталина, что получило название «культ личности Сталина».

Поток публикаций и материалов электронных средств массовой информации, направленных против Сталина, не мог не оказывать воздействия на общественное мнение. Во-первых, антисталинские публикации конца 80-х годов отвечали уже сложившимся за тридцать лет негативным представлениям о Сталине. К тому же многолетнее умалчивание о том, как работает государственный механизм, о разногласиях в советском правительстве, о противоречиях в советском обществе позволяло многим легко поверить, что виной всех бед был Сталин и небольшая группа исполнителей его решений.

Во-вторых, значительная часть населения сохраняла доверие к советским средствам массовой информации, а поэтому многие воспринимали антисталинские материалы некритически. Новые публикации создавали впечатление, что они раскрывают ту правду, которая до сих пор была спрятана за тяжеловесными формулами постановлений и официальных статей о Сталине.

В-третьих, «разоблачительным материалам» трудно было что-либо противопоставить. История КПСС давно превратилась в сухую схему, практически лишенную каких-либо упоминаний о Сталине, а также других советских руководителей. В ней содержались лишь общие слова, среди которых преобладали критические замечания в адрес «культа личности Сталина». Воспоминания маршалов, генералов, руководителей производства, конструкторов, которые шли вразрез с основными положениями антисталинской кампании, многие люди или не прочли, или уже успели позабыть. Противоядием против антисталинских аргументов могли служить лишь кадры из фильмов «Освобождение», художественного телесериала «Семнадцать мгновений весны» и документального телесериала «Стратегия Победы». Но, разумеется, этого было недостаточно, чтобы остановить цунами антисталинизма.

Наконец, в-четвертых, яркая, эмоциональная форма этих антисталинских материалов создавала впечатление искренности исстрадавшихся авторов, говоривших о давно

наболевшем. Мало у кого возникало подозрение, что подавляющее большинство материалов являются хорошо проплаченными заказными работами. Почти никто не знал, что эти выступления были частью кампании, давно задуманной и тщательно запланированной правительственными учреждениями США.

Тем временем в бой против Сталина вступали новые силы, а первые ударные отряды отводили с поля боя. Уже в августе 1987 года Отто Лацис в «Известиях» жаловался на недостаточное воздействие на публику антисталинского романа Рыбакова. Читающей публике предлагали новые художественные произведения, которые позволяли существенно расширить фронт антисталинских операций в историческом времени и общественном пространстве. Писатель Приставкин в книге «Ночевала тучка золотая» решительно осудил выселение чеченцев, осуществленное в годы войны и ответственность за которое Хрущев еще в 1956 году возложил единолично на Сталина. Писатель Дудинцев в романе «В белых одеждах» осудил поддержку, которой пользовался Т.Д. Лысенко при Сталине. В «Комсомольской правде» от 1 сентября 1987 года Ю. Афанасьев предлагал читателям газеты список романов, абсолютно необходимых для «правильного» понимания И.В. Сталина. В него, помимо романа Приставкина, входили «Карьер» Быкова, «Назначение» Бека. В этих произведениях, рожденных художественным воображением, историк Афанасьев видел путь к восстановлению подлинной истории страны. Он сокрушался по поводу того, что три поколения советских людей не знают истинного прошлого и воспитаны в «неверной» исторической традиции.

Воспитывать в «правильной» исторической традиции означало разрушать представления о созидательных делах Сталина. В одной за другой статье Сталина обвиняли в том, что он был главным тормозом развития страны. В телефильме «Риск» «доказывалось», что Сталин мешал созданию ракет в СССР... потому что он якобы ненавидел Сергея Королева. И хотя в этом телефильме были перепутаны почти все выдающиеся события XX века, он был восторженно принят «передовой» интеллигенцией страны.

От нападок на реальные и главным образом мнимые ошибки и упущения Сталина, якобы повлиявшие на отста-

вание СССР в различных отраслях науки и техники, организаторы антисталинской кампании перешли к обвинениям Сталина в том, что все его решения по хозяйственным вопросам были ошибочными, а поэтому вся экономика страны была выстроена неверно.

В июне 1987 года сталинскую экономическую политику атаковал экономист Николай Шмелев, провозглашавший теперь нечто прямо противоположное тому, что он писал еще несколько лет назад и за что он получил свои научные звания. Но если Н. Шмелев в своей критике Сталина все же обращался к своим познаниям в экономике, то выпускник философского факультета и 60-летний младший научный сотрудник без степени Института международного рабочего движения Ю.Ф. Карякин набросился на экономическую политику Сталина, не имея для этого решительно никаких оснований, кроме агрессивного апломба. В журнале «Знамя» он высмеивал Сталина за то, что в своей речи 9 февраля 1946 года тот говорил о необходимости увеличить производство стали и чугуна, а также добычу нефти и угля. Карякин объявил, что эта сталинская программа развития ведущих отраслей народного хозяйства на ближайшие 15 лет была подобна плану увеличить производство кремневых наконечников для дротиков. На уровне представлений Карякина об истории и экономике ему показалось очевидным, что Сталин должен был наладить производство персональных компьютеров уже в 1946 году и остановить производство таких «отсталых» видов продукции, как сталь и чугун. Несмотря на явное невежество автора, эта статья была встречена с восторгом читающей публикой и журнал «Знамя» со «смелой» статьей Карякина ходил по рукам.

Утверждения о никчемности созданных при Сталине отраслей производства были подкреплены заявлениями о том, что в ходе сталинских пятилеток вообще мало что было создано. Два журналиста В. Селюнин и Г. Ханин в статье «Лукавая цифра», опубликованной в журнале «Новый мир», уверяли, что при Сталине так искажали статистическую отчетность, что по сути никаких успехов в годы сталинских пятилеток и не было. Получалось, что не было ни построенных заводов и гидроэлектростанций, не было создано ни новых отраслей производства, ни оборонной промышленности.

Изображение Сталина воплощением разрушительных сил вопиющим образом игнорировало неоспоримые и яркие свидетельства созидательных дел сталинской эпохи, вклад Советской страны и лично Сталина в разгром самой разрушительной силы XX века — гитлеризма. Составив биографию Сталина на основе советских публикаций конца 80-х годов, советолог Роберт Конквест объявил: «Трудно найти более отрицательное явление, или более отрицательный характер, чем Сталин... Сталин был воплощением очень активной силы, находившейся в конфликте с человечеством и реальностью, напоминая тролля, лишь отчасти имеющего гуманоидные формы, или демона из иной сферы или иного измерения, в котором действуют иные физические и моральные законы. Это существо пыталось навязать Серединной Земле свои правила». Превратив Сталина в подобие сил зла из романов Толкиена, Конквест вопиющим образом искажал реальные факты истории. Опираясь на материалы крикливой антисталинской кампании, Конквест, вопреки правде, сообщал, что за годы сталинских пятилеток объем хозяйственного производства СССР вырос всего в 1,5 раза (на самом деле в десятки раз). Путая самые известные даты, перевирая даже широко известный лозунг Ленина об электрификации, Конквест, сочинения которого постоянно использовались в нашей стране для «обличения» Сталина, выдавал свое полное невежество в вопросах истории СССР.

Очевидные нелепости и демагогичность антисталинской кампании вызывали растущее недовольство не только многих советских людей, но и некоторых руководителей страны. В середине 1987 года вышла в свет двухтомная книга «Памятное» Председателя Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко. В ней ветеран советской дипломатии подробно осветил участие Сталина в различных международных конференциях и свои беседы со Сталиным. На множестве убедительных примеров Громыко доказывал справедливость своего определения: «Сталин — это человек мысли». Книга, изданная 200-тысячным тиражом, произвела сильное воздействие на читающую публику.

В этих условиях Горбачев старался маневрировать, изображая из себя беспристрастного судью в дискуссиях о Сталине. В своей программной книге «Перестройка и но-

вое мышление для нашей страны и для всего мира» Горбачев прибегал к осторожным, обтекаемым оценкам сталинского времени. Он писал: «Да, индустриализация и коллективизация были необходимостью. Иначе страна не смогла бы подняться. Но методы и способы этих преобразований не всегда и не во всем отвечали социалистической идеологии и теории. Сказывались прежде всего внешние условия — страна ощущала постоянную опасность военного нападения. Но были и собственные перегибы, преобладал административный нажим, страдали люди. Такова реальность. Такова судьба народа со всеми противоречиями: и с великими достижениями, и с драматическими ошибками, и с трагическими страницами».

Нарастание антисталинской кампании беспокоило многих членов Политбюро по мере приближения 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. На заседании Политбюро 28 сентября 1987 года Горбачев признал: «Прав Медведев, который здесь заметил, что сейчас явный крен в критике того, что было при Сталине». В ходе дискуссии по проекту доклада Горбачева на торжественном собрании по этому случаю, состоявшейся на заседании Политбюро 15 октября, Лигачев заметил: «Многое опубликовано о 20—30-х годах с полярно противоположных позиций. Написано столько — что неясно — как официально оценивать теперь коллективизацию, культ личности и т.д.».

Его поддерживал Чебриков, заявив: «В литературе господствуют Рыбаков, Бек, Дудинцев. Почему художественные произведения у нас стали основами марксизма-ленинизма? Я за то, чтобы усилить тему о ликвидации кулачества. Это — последний эксплуататорский класс». С ним соглашался Соломенцев, который предложил «поднять оценки наших достижений. Но в печати как у нас? Кто постарше — сталинист». Давая оценку проекту доклада, Лигачев говорил: «И по объективным, и по субъективным факторам нужны уточнения, хотя в целом — шли правильно».

В таком же духе высказался и Громыко, заявив: «Как бы ни подчеркивали теперь теневые стороны во время культа личности и ни выпячивали преступления того времени, нужно видеть положительную сторону нашей истории. Партия обеспечила победу в войне, выживание социализма и его дальнейшие успехи».

В то же время, выражая свое удовлетворение тем, как в проекте доклада была отражена роль Сталина в событиях 30-х годов, Громыко заявил: «Правильно сказано о произволе и беззаконии. Это надо сказать со всей четкостью. Заслуга Хрущева в том, что было сказано народу о Сталине. Другое дело — не совсем так, как можно было бы. И не разделено, в какой степени виноват Сталин, в какой не он, особенно в период войны. Бывает трудно все расставить по своим местам и через 100 лет. А Хрущев-то ведь шел по свежим следам». Таким образом, Громыко не отмежевался от мифа XX съезда. Более того, он поддержал краеугольное положение антисталинского доклада Хрущева, заявив: «Культ личности ударил по нашему потенциалу. Если бы не это, мы бы выглядели сейчас еще лучше». Такая двусмысленная позиция открывала путь для дальнейших атак на Сталина.

Поэтому Рыжков требовал более резких оценок Сталина: «О потерях 30-х годов. Стоит ли говорить об их объективной неизбежности. Ведь попраны ленинские принципы. И этому нет оправдания». А Яковлев, по словам Горбачева, пытался даже возложить на Сталина ответственность за начало Второй мировой войны. (Горбачев замечал: «Александр Николаевич предлагает датировать начало Мировой войны 23 августа 1939 года». Горбачев возражал Яковлеву: «Но ведь и до того были признаки ее возникновения: и политика Англии с натравливанием Гитлера против нас, и интервенции в Испании и Абиссинии, был и Мюнхен».)

Дискуссия по докладу была продолжена 31 октября 1987 года. Лигачев вновь подчеркивал необходимость большего внимания в докладе к историческим достижениям Советской власти. Он говорил: «У нас идет замалчивание достижений. И это продолжается. Вот посмотрите статью Бутенко в «Московских новостях». Он вообще отрицает какие бы то ни было достижения». Лигачев подчеркивал необходимость более четкой положительной оценки коллективизации. Ему возражал Горбачев, обращая внимание на произвол в ходе коллективизации.

И тут в ходе дискуссии выяснилось, что ее участники не имеют ясного представления о причинах репрессий 30-х годов, вокруг которых кипели такие страсти. Хотя Рыжков не сомневался в том, что в них виноват исключительно Сталин, объяснение репрессий, которое было принято со вре-

мен антисталинского доклада Хрущева и было включено в доклад Горбачева, показалось Рыжкову сомнительным: «Что заставило Сталина перейти к террору. В докладе говорится об отсутствии демократии. Меня это не убеждает. До сих пор не понимаю — что же заставило?! Личная власть? Она у него и так была... Может быть, еще подумать на эту тему? Какие причины толкнули на такой террор, когда, казалось, все уже пошло вперед?»

Отвечая ему, Горбачев прибег к аргументам Хрущева и Рыбакова: «После убийства Кирова... У Сталина засело в голове после XVII съезда, когда его предложили заменить и голосовали даже. Вот в чем дело! Какие мотивы тут? Вроде ясно... Но вообще-то трудно объяснить. Я много думал об этом. Представили нам целые мешки из комиссии по реабилитации, которая этим занимается. Но она сама не может разобраться — кто конкретно в каких случаях давал команды».

Таким образом, высшие руководители страны, безапелляционно обвинявшие Сталина в чудовищных преступлениях, не имели ни ясного представления о том, кто виноват в них, и не знали, в чем их была причина. О том, что, как и прежде, оценка Сталина использовалась лишь для политиканской игры, было ясно из следующих слов Горбачева: «Отсутствие демократии позволило сформировать «культ личности» и приучить массу людей мириться с репрессиями». Поскольку Горбачев постоянно использовал лозунг о демократической перестройке, то получалось, что он преодолевает наследие Сталина и таким образом спасает страну от террора и репрессий.

И все же у Рыжкова оставались сомнения: «Да. Но почему Сталин прибег к террору?» В ответ Горбачев же лишь повторял свой тезис, сдобрив его дозой обывательской молвы и мыслями, почерпнутыми из «внутренних монологов» «Сталина», которыми была заполнена книжка Рыбакова: «Мотивации не было никакой. В судах вызвало подозрение, например: а почему этот человек старается так хорошо работать?! Что-то тут не так, не чисто! Главная причина, думаю, борьба за власть. XVII съезд партии насторожил Сталина, испугал его. И вместо процесса демократизации, который был возможен после первых успехов в строительстве страны, вышедшая из революции система стала перерождаться».

Правда, под конец заседания Горбачев дал иное объяснение событиям 30-х годов, сославшись на объективные факторы. Он утверждал: «Мы не обвиняем Сталина в глупости, в недомыслии. Причины в основе своей — экономические, наследие Гражданской войны, непримиримость к НЭПу. Кулак, конечно, подбрасывал хворосту. Внешняя опасность. Все это наложило отпечаток на процессы, исключая выход на демократизацию. Я убежден — в этом суть. В этом и вся сложность ситуации тогда».

Но неожиданно Громыко, который в только что вышедшей в свет книге воспоминаний именовал Сталина «человеком мысли», объявил: «Сталин никогда не был теоретиком. Он не касался теоретических проблем. Отсюда несуразица, которую он допускал».

Для подтверждения своей мысли Громыко рассказал о том, как на Ялтинской конференции Сталин, представляя Берию английской и американской делегации, в шутку назвал его «советским Гиммлером». Громыко сурово осудил Сталина за эту неудачную шутку. И это говорил человек, который в своих недавно мемуарах подробно описывал деятельность Сталина на Ялтинской конференции, высоко оценивая его ум и его достижения в защите интересов СССР!

Громыко привел и другой пример, с помощью которого он решил посрамить Сталина: «Заседает Политбюро. Какой-то вопрос внешней политики обсуждается. Сталин вдруг говорит ни с того ни с сего: почему бы нам не вернуться к дореволюционному периоду в формировании московской власти — городской голова и т.п. Тянуло его к авторитарным приемам. Микоян, помню, сразу поддержал. Но на решение тогда не пошли».

Правда, не исключено, что Громыко говорил и какие-то слова в пользу Сталина, которые не вошли в записи А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова, потому что после этих осуждений Сталина весьма нелогично следовала фраза Громыко: «Надо честно сказать, что Сталин выступал за социализм. И в международных делах он сражался как лев за интересы Советского Союза». В то же время очевидно, что своими предыдущими высказываниями Громыко лишь поддерживал антисталинскую кампанию, которой исподволь руководили Яковлев, Горбачев, Черняев и другие.

Выступления на заседаниях Политбюро накануне юби-

лея Октября отразили ту путаницу в «сталинском вопросе», которая была характерна для части руководства страны, политиканские интересы, которыми руководствовались другие члены Политбюро в постановке этого вопроса.

В своем докладе по случаю 70-летия Октябрьской революции «Октябрь и перестройка: революция продолжается» Горбачев постарался создать впечатление о том, что в своих оценках Сталина он придерживается взвешенного подхода. Явно не желая повторить ошибки Хрущева, который старался свалить на Сталина вину за первые поражения Красной Армии во время войны, Горбачев отдал должное роли Сталина в годы Великой Отечественной войны, сказав: «В достижении Победы сыграли роль огромная воля, целеустремленность и настойчивость, умение организовать и дисциплинировать людей, проявленные в годы войны И.В. Сталиным».

Делая вид, что он лишь откликается на антисталинскую кампанию (на деле спровоцированную им же и его окружением), Горбачев говорил: «Сейчас много дискуссий о роли Сталина в нашей истории. Его личность крайне противоречива. Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм, защиту его завоеваний, так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением, за которые наш народ заплатил великую цену и которые имели тяжелые последствия для нашего общества».

Фактически Горбачев повторял известные положения Постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года. К этому времени атака на Сталина уже продвинулась значительно дальше по сравнению с этими формулировками. Антисталинисты не признавали за Сталиным ни единого сильного положительного качества, ни одного полезного деяния, так как целью их кампании было разрушение всего созданного при Сталине и даже в послесталинские годы. Да и сам Горбачев, по словам Черняева, в узком кругу откровенно заявлял: «Сталин... — это система, во всем — от экономики до сознания... Все, что теперь надо преодолевать, все оттуда». Таким образом, Горбачев ставил для себя ту же задачу, которую давно желали навязать советским «реформаторам» американские стратеги «холодной войны»: под лозунгами реформ уничтожить Сталина, а вместе с ним его наследие,

воплощенное в великом, богатом и быстро развивавшемся государстве.

Однако свои сокровенные замыслы Горбачев высказывал лишь в среде своих единомышленников. Поэтому сдержанные оценки Сталина, сделанные Горбачевым в начале 1987 года вызвали смятение в лагере антисталинистов. Поясняя смысл высказываний М.С. Горбачева на специально созванной пресс-конференции, А.Н. Яковлев заявил, что положения доклада не ставят рамки для историков, изучающих годы правления Сталина. Кампания продолжилась с прежней силой.

С середины ноября 1987 года антисталинская кампания сконцентрировалась на предотвращении «угрозы» возможного «реванша сталинистов». В бой двинулись те, кто именовал себя «детьми XX съезда». В ноябре 1987 года в газете «Советская культура» Евгений Евтушенко публиковал свои старые антисталинские стихи, в которых клеймил «тайных защитников Сталина». В это же время Булат Окуджава публиковал свои антисталинские стихи 30-летней давности в журнале «Дружба народов». Вновь пошли в ход публикации, изображавшие Сталина как лютого врага науки и интеллигенции. «Литературная газета» утверждала: «Сталин профессоров не любил». Тяжелые последствия наследия Сталина для интеллигенции страны писатель Даниил Гранин усмотрел в том, что когда он в 1987 году упал на улице и разбил себе нос, то никто из жителей крупного города не пришел к нему на помощь. Этому событию в своей жизни знаменитый писатель посвятил большую статью, в которой обвинял целые поколения советских людей в черствости и бессердечии. При этом главным виновником своего несчастья он называл Сталина. По мнению Гранина, именно Сталин способствовал развитию невнимательности среди вечно спешащих горожан и не замечающих валяющихся на тротуарах писателей с разбитыми носами.

Постоянный обстрел фигуры Сталина из газет и журналов с миллионными тиражами, а также с телеэкрана и по радио оказывал свое воздействие на значительную часть общественного сознания страны. Провозглашаемое постоянно в материалах средств массовой информации стремление восстановить справедливость вызывало поддержку миллионов людей. Законное желание осудить жестокость,

беззакония, творившиеся в прошлом, заставляло людей терять чувство меры и ощущение реальности. Бесконечное повторение одних и тех же обвинений создавало впечатление о том, что они доказаны, а постоянное возвращение к этой теме порождало иллюзию о том, что аресты и расстрелы 37-го года являются самыми главными событиями в истории нашей страны. Многие советские люди прочно прилипли к сталинской теме, как Братец Кролик к Смоляному Чучелку. Появление Сталина в беседе провоцировалось самыми неожиданными ассоциациями, вызывая бесконечные монологи о покойном, 37-м годе, XX съезде и прочем, и это наводило на мысли о массовом психическом заболевании.

В начале 1988 года страсти закипели вокруг вышедшей в свет в декабре 1987 года пьесы Михаила Шатрова «Дальше... дальше... дальше!», которая вскоре была поставлена на многих сценических площадках страны. В пьесе Шатрова, имевшей подзаголовок «Авторская версия событий, происшедших 24 октября 1917 года и значительно позже», Смоляное Чучелко «Сталина» без конца бросало со сцены разоблачавшие его реплики, вроде такой: «Я предпочитаю людей, которые поддерживают меня из страха, а не по убеждениям». «Сталин» угрожал остальным персонажам пьесы. Обращаясь к «Орджоникидзе», «Сталин» выкрикивал: «Я расстрелял твоего брата Папулию, и тебе обещаю — ни одного Орджоникидзе не останется! Ни одного! Это я тебе твердо гарантирую». Остальным действующим лицам не составляло труда разоблачать «Сталина». Фантазия автора позволила «Ленину» произнести такие изобличающие слова в адрес «Сталина», которые должны были бы быть произнесены им, если бы он знал многие события после 1924 года и оценивал их точно так же, как Шатров. Щедро одарив своими мыслями многих героев своей пьесы, Шатров заставил «Дзержинского», «Свердлова», «Орджоникидзе», «Бухарина», «Троцкого» выкрикивать, обращаясь к «Сталину»: «Все равно будет возмездие, все равно придут за тобой — живым или мертвым!» В заключении пьесы «Сталин» пытался оправдаться, но «Ленин» прогонял его с исторической сцены, бросая на ходу загадочные слова: «Надо идти дальше... дальше... дальше!»

Однако многие советские люди возмущенно заявляли,

что дальше уже ехать было некуда. Они осуждали политически конъюнктурную и примитивную пьесу Шатрова, указывали на очевидные несуразности в освещении событий прошлого. Один автор такого письма писал Шатрову, что, читая его пьесу, «невозможно избавиться от гадливого чувства». Прочитав же пьесу, автор письма пришел к выводу о том, что Шатров — «1. человек малопорядочный (бросаться тягчайшими обвинениями, не имея доказательств, может только человек низкий, сам способный на такие поступки); 2. безответственный демагог... 3. философский и политический невежда, причем невежда воинствующий; 4. человек «грубый и ограниченный», т.е. характеристика, данная им Сталину, прежде всего и в полной мере относится к нему самому. Полемизировать с вами не хочется, да и не имеет смысла; вы не искатель истины — вы клеветник, «ругатель высшего класса», говоря словами Ремарка. А читать вас гадко и скучно... Не подписываюсь тоже от скуки и неуважения к вам».

Критические замечания в адрес пьесы Шатрова вызвали гневное письмо «По новому кругу?», подписанное К. Лавровым, М. Ульяновым, М. Захаровым, А. Гельманом и другими. Артисты и драматурги в письме, опубликованном в «Правде» от 29 февраля 1988 года, прямо связывали сценическую судьбу пьесы Шатрова с судьбой горбачевской перестройки: «Перестройку и гласность наша страна поистине выстрадала, поэтому любые попытки повернуть процесс вспять, какими бы высокими лозунгами они ни прикрывались, вызывают глубочайшую тревогу. Именно эту тревогу вызвала у нас критическая кампания вокруг новой пьесы М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» Получалось, что «гласность» должна была быть улицей с односторонним движением и осуждение антисталинских произведений должны были пресекаться как вызов демократии и прогрессу.

Тем временем свое несогласие с пьесой Шатрова выразила ленинградская преподавательница химии Нина Андреева. В своем письме, написанном в ответ на предложенную «Советской Россией» дискуссию по актуальным проблемам отечественной истории, она заявляла, что «Шатров искажает историю социализма... явно игнорирует объективные законы истории». Попутно Андреева высказывала

свое возмущение рядом других публикаций на темы советской истории. Как преподаватель, она высказывала свои сомнения в их пользе для воспитания молодежи. Она писала: «Что, к примеру, могут дать молодежи, кроме дезориентации, откровения о «контрреволюции в СССР на рубеже 30-х годов», о «вине» Сталина за приход к власти в Германии фашизма и Гитлера? Или публичный «подсчет» числа «сталинистов» в разных поколениях и социальных группах?» Нина Андреева возмущалась тем, что «взахлеб расхваливаются романы и фильмы, где линчуется эпоха бури и натиска, подаваемая как «трагедия народов».

Андреева решительно осуждала «словотечение о «терроризме», «политическом раболепии народа», «всеобщем страхе», «бескрылом социальном прозябании», «нашем духовном рабстве», «всеобщем страхе», «засилии хамов у власти». Она считала, что объективное «видение истории и современности несовместимо с политическими анекдотами, низкопробными сплетнями, остросюжетными фантазиями, с которыми можно нередко встретиться сегодня».

Андреева настаивала на пересмотре отношения к Сталину, господствовавшего в средствах массовой информации. Она предлагала обратиться к воспоминаниям советских военачальников о Сталине. Вспомнила она и высказывания Черчилля о Сталине. Она призывала дать Сталину «конкретно-историческую, внеконъюнктурную оценку, в которой проявится — по историческому результату! — диалектика соответствия личности основным законам развития нашего общества». При этом Андреева подчеркивала: «Сразу же отмечу, что ни я, ни члены моей семьи не имеем никакого отношения к Сталину, его окружению, приближенным, превозносителям». Она особо отметила, что «один из родственников был репрессирован и после XX съезда реабилитирован. Вместе со всеми советскими людьми я разделяю гнев и негодование по поводу массовых репрессий по вине тогдашнего партийно-государственного руководства». Это не мешало Андреевой высказать свое полное несогласие с антисталинской кампанией: «Здравый смысл решительно протестует против одноцветной окраски противоречивых событий, начавшей ныне преобладать в некоторых органах печати».

Письмо Нины Андреевой, опубликованное в «Совет-

ской России» от 13 марта 1988 года под заглавием «Не могу поступиться принципами», вызвало поток письменных откликов в редакцию «Советской Россию». Многие поддерживали автора, другие резко осуждали. Было очевидно, что письмо не оставило советских людей равнодушными.

Неожиданно письмо получило поддержку на самом высоком уровне. Выступая на совещании редакторов 15 марта, Е.К. Лигачев, как он свидетельствует в своих мемуарах, «посоветовал редакторам прочитать совсем свежую, вчерашнюю статью «Не могу поступиться принципами». В этой статье привлекло именно то, что меня особенно интересовало в те дни... — неприятие сплошного очернительства, безоглядного охаивания прошлого».

Такая позиция Лигачева не была случайной. Не являясь поклонником Сталина и тем более репрессий 30-х годов (в своих мемуарах Лигачев положительно оценил XX съезд КПСС; напомнил он и о репрессированных родственниках его супруги), секретарь ЦК КПСС не стал мириться с огульным оплевыванием советской истории. Как он писал в своих мемуарах, его возмущали «современные герострaты», которые, «перечеркивая собственные кандидатские и докторские, опрометью кинулись сокрушать все святыни прошлого: пожалуй, самый яркий здесь пример — это историк Ю. Афанасьев. Они действовали как хищники, терзавшие наше общество, разрушавшие историческую память народа, оплевывавшее такое святое понятие, как патриотизм, порочившее чувство гордости за Родину». Еще осенью 1987 года Лигачев, выступая в городе Электросталь, вступился за советское прошлое. Он говорил о порочности попыток представить его «как цепь сплошных ошибок, заслонить фактами необоснованных репрессий подвиг народа, создавшего могучую социалистическую державу».

Эти высказывания Лигачева вызвали большое беспокойство за рубежом. Комментируя их, Лигачев писал: «Получалось, что я — главный сталинист, препятствующий реформам Горбачева, тянущий страну назад, в прошлое». Все высказывания иностранной печати о выступлении Лигачева были подобраны секретарями Горбачева, и тот направил их своему коллеге с сопроводительной запиской, в которой высказал свое недовольство речью Лигачева в Электростали. Вскоре, по словам Лигачева, через западные «радиого-

лоса» «развернулась мощная пропагандистская кампания по дискредитации Лигачева, который якобы желает возврата к временам сталинщины и противостоит Горбачеву».

Однако Лигачев был не единственным членом Политбюро, недовольным антисталинской кампанией в советской печати. Воспоминания Горбачева о реакции членов Политбюро на письмо Нины Андреевой привел в своих воспоминаниях Черняев со слов Яковлева (учитывая враждебное отношение Яковлева и Черняева к этим лицам, нельзя ручаться за точность воспроизведения их реплик). Разговор Горбачева со своими коллегами по руководству страной возник в комнате президиума Кремлевского Дворца съездов в перерыве между заседаниями Съезда колхозников. «Воротников ни с того, ни с сего: «Да-а-а!... Вот в «Советской России» была статья! Настоящая, правильная статья. Эталон — так бы держать идеологическую работу». После этой реплики Лигачев, похвалив статью, заметил: «Хорошо, что печать стала давать по зубам этим... А то совсем распустились».

Громыко поддержал: «Думаю, это хорошая статья. Ставит все на свои места». Соломенцев начал было высказываться в этом духе».

Видимо, сначала Горбачев не был готов к дискуссии, потому что ограничился замечанием, что он «мельком проглядел» письмо Андреевой «перед отъездом в Югославию». В книге «В Политбюро» далее сказано: «Его перебивают... мол, очень стоящая статья. Обратите внимание... Горбачев. Да, я прочитал ее потом, вернувшись...» Опять наперебой хвалят статью...»

Только тут Горбачев, по словам Черняева, неожиданно заявил: «А у меня вот другое мнение». Это вызвало недоумение Воротникова, который промолвил: «Ну и ну!» Эти междометия были расценены Горбачевым как вызов. «Что «ну и ну?!» — закричал Горбачев. В книге «В Политбюро» записано: «Неловкое молчание, смотрят друг на друга. Горбачев. Ах, так. Давайте на Политбюро поговорим. Я вижу дело куда-то не туда заходит. Расколом пахнет. Что «ну и ну»! Статья — против перестройки, против февральского Пленума. Я никогда не возражал против того, если бы кто-то высказывал свои взгляды. Какие угодно — в печати, письма, статьи. Но до меня дошло, что эту статью сделали

директивной. Ее в парторганизациях уже «проходят» как установочную. Запретили печатать возражения этой статье... Это уже другое дело. А на февральском Пленуме я не «свой» доклад делал. Мы его все обсуждали и утвердили. Это доклад Политбюро, и его Пленум утвердил. А теперь оказывается, другую линию дают... Я не держусь за свое кресло, но пока я здесь, пока я в этом кресле, я буду отстаивать идеи перестройки... Нет! Так не пойдет. Обсудим на Политбюро».

Таким образом, более чем через 25 лет повторилась история, подобная той, что разыгралась с рассказом «Один день Ивана Денисовича». Если осенью 1962 года Хрущев воспользовался отрицательным отношением своих коллег к рассказу учителя математики Солженицына, чтобы обвинить их в сталинизме, то весной 1988 года Горбачев расценил положительное отношение своих коллег к письму преподавательницы химии Нины Андреевой как вызов своей политике. Объявляя о расколе в руководстве и угрожая собственной отставкой, Горбачев хотел упрочить свой контроль над Политбюро. Он давал понять, что никто не имеет права высказывать мнение по поводу «сталинской темы», отличное от его собственного.

На заседании Политбюро 24 марта 1988 года был обсужден вопрос о письме Нины Андреевой. Как отмечал Лигачев, «обмениваясь мнениями перед заседанием... некоторые члены Политбюро и секретари ЦК весьма позитивно оценивали статью Нины Андреевой. С таким настроением и начали обсуждение. Однако сразу же стало ясно, что впервые за все годы перестройки вдруг возобладал не рассудительный, а совсем другой — расправный стиль».

В своем дневнике В.И. Воротников записал, что обсуждение открыл М.С. Горбачев, который заявил, что статья Нины Андреевой «носит деструктивный характер, направлена против перестройки. Не ясно, как она появилась в газете. Кто смотрел, или нет, ее в ЦК? Насколько меня информировали, смотрели, — подчеркнул Горбачев, — даже, мол, после опубликования рекомендовали обсудить статью в партийных организациях. Что же это такое?!»

В книге «В Политбюро» к этому добавлено: «Горбачев... Вряд ли Андреева сама написала эту статью. Как могла она знать, о чем говорил Федосеев с Горбачевым, Лигачевым с

Яковлевым». (На самом деле в письме Андреевой не было упомянуто ни этих разговоров, ни этих имен. Очевидно, проявляя типичный снобизм высокого руководителя, Горбачев полагал, будто вопросы, о которых шла речь в этих разговорах, поднимались лишь людьми такого ранга, как он, другие члены Политбюро и вице-президент АН СССР Федосеев, но не могут обсуждаться в кругу преподавательницы химии. Впоследствии автор данной книги в беседах, состоявшихся летом и осенью 1989 года в Ленинграде со знакомыми Андреевой и в редакции «Советской России», смог установить, что Нина Андреева была единственным автором письма и его никто не правил в редакции.)

В книге «В Политбюро» утверждалось, что следующим выступил Воротников, заявивший: «Моя первая оценка статьи во время вчерашнего обмена мнениями как интересной была продиктована реакцией на нее как на одно из рядовых выступлений в прессе. В результате более внимательного прочтения я убедился, что в ней скрывается нечто большее — выражение определенной политической позиции, продиктованное неприятием перестройки, несогласием с политическим курсом страны».

По словам Воротникова, он сам выступил так: «Статью смотрел, правда, прочел «по диагонали». Давайте не накалять страсти. Почему сразу такая реакция?» Однако, как писал Воротников, «моя миротворческая реплика только подлила масла в огонь. Горбачев опять «завелся». Он говорил: «Статья направлена против перестройки, что, мол, обойтись и без нее! Если и мы так думаем, то надо все менять?»

В книге «В Политбюро» утверждалось, что после Воротникова выступил Яковлев и он «дал развернутую критику статьи, которая позднее нашла отражение в редакционной статье «Правды».

Затем слово взял Громыко, который, как говорилось в книге «В Политбюро», заявил: «Неприемлемы попытки повернуть развитие страны вспять. Преступления Сталина не идут ни в какое сравнение с жестокостями Петра или Грозного». (Оценки обсуждаемой статьи в выступлении не дано.)

По воспоминаниям Воротникова, выступивший затем Лигачев попытался «смягчить ситуацию». Оправдываясь, он говорил, что «не давал никаких установок... Что касается содержания статьи, то с ней можно соглашаться или нет.

Да мало ли у нас сейчас публикуют не только противоречивых, но и провокационных, лживых, клеветнических материалов».

В то же время в книге «В Политбюро» говорилось, что Лигачев заявил: «В освещении исторических событий в печати все больше дает о себе знать стремление к очернительству: фильм «Рокоссовский», два фильма о разведке 30—40-х годов. С Запада нам подбросили термин «сталинизм». По страницам газет и журналов гуляет тезис о необходимости других партий, о роспуске комсомола, о том, что и профсоюзы якобы исчерпали себя». Вывод авторов книги гласил: «Оценка статьи Н. Андреевой в выступлении отсутствовала».

Дискуссия по статье Нины Андреевой была продолжена на следующий день 25 марта. Ее открыл А.Н. Яковлев. По словам В.И. Воротникова, «Яковлев сделал 20-минутный разбор статьи. Спокойно, рассудительно, менторским тоном». Однако, несмотря на внешне спокойный тон оратора, Лигачев запомнил несдержанность его речи, по сути: «Тон задал Яковлев, который в крайне резких выражениях обрушился на письмо Нины Андреевой и газету «Советская Россия». Здесь-то и были пущены в ход обороты: «манифест антиперестроечных сил», «сопротивление перестройке», «силы торможения»... Яковлеву вторил Медведев. Они хотели навязать Политбюро свое мнение. А оно состояло в следующем: статья Андреевой — не рядовое выступление, речь идет о рецидиве сталинизма, о главной угрозе перестройке».

Резко осудил письмо Андреевой и Медведев, который заявил: «Отношение статьи к критике культа личности Сталина достаточно ясно. Автор не согласен с оценками, данными в докладе о 70-летии Великого Октября. Это подтверждается и тем, что период 30-х годов назван не иначе как «эпохой бури и натиска»... Статья вызвала негативную, я бы сказал, тревожную реакцию среди интеллигенции. Оставить без должной оценки ее нельзя. Но это должен быть не окрик, а обстоятельный разбор в той же газете «Советская Россия», а еще лучше в «Правде».

Рыжков также осудил статью и призвал «усилить идеологическую работу». По словам Воротникова, Рыжков сказал: «Надо подумать о расстановке сил в Политбюро. У нас

двойственность в руководстве идеологической сферой (Лигачев и Яковлев) и сельским хозяйством (Никонов и Лигачев). Надо Горбачеву разобраться с расстановкой сил в Политбюро». Комментируя это предложение Рыжкова, Воротников писал: «Здесь, по моему мнению, Николай Иванович покривил душой. Предложение это — не по просьбе ли самого Горбачева?» Фактически, как считал Черняев, Рыжков «предложил освободить Лигачева от курирования идеологии».

Э.А. Шеварднадзе, по словам Воротникова, «повторил высказывание Рыжкова о недопустимости параллелизма в руководстве, в кадрах». Шеварднадзе восхвалял доклад Хрущева на XX съезде, но отмечал: «Интеллектуальная ограниченность не позволила Хрущеву довести до конца начатое дело».

Шеварднадзе назвал «статью Андреевой» «вредной, консервативной, мещанской», утверждал, что она «собирает слухи». Он вопрошал: «Что это — специальный заказ или случайность? Если это переживание одного человека, то ничего страшного. Если же это заказ каких-то кругов в ЦК или правительстве, то это другое дело. Это отражение мнения какой-то части людей — обывательщина, примитивное понимание социализма, и в этом опасность».

Щербицкий предложил даже «заняться ведомству Виктора Михайловича (КГБ) этой историей. Кто стоит за этой статьей? Ведь она, видимо, обсуждалась на редакции. Как это все произошло?... Нельзя создавать оппозиционные группировки... На Украине же дела идут нормально».

И все же некоторые выступавшие фактически поддержали основные положения статьи Нины Андреевой. Так, Чебриков осудил «кощунственные спектакли — «Брестский мир», где образ Ленина искажен. Партийная печать втягивается в групповщину. Появляются легковесные статьи, с подачи родственников».

Долгих, по словам авторов книги «В Политбюро», заявил: «О средствах массовой информации. Их роль велика. Но нужно регулировать их деятельность. Ленин решительно восставал против использования печати антисоциалистическими элементами. Многое вызывает вопросы: например, превознесение Шагала в «Огоньке», Некрасова (имелся в виду Виктор Некрасов, автор книги «В окопах

Сталинграда», затем эмигрировавший из СССР) в «Московских новостях», предложения о роспуске комсомола. Можно ли отдавать оценку исторических деятелей и событий отдельным лицам? ЦК не должен быть в стороне. Например, оценки Бухарина, оценки Сталина. Согласен с критикой статьи Андреевой, но она привлекла к себе внимание контрастом с негативистскими выступлениями».

Выразил беспокойство «некоторыми тенденциями в области культуры» Язов.

По словам Воротникова, Соломенцев «стал пространно рассуждать о серьезных недостатках в идеологической сфере. Спектакли, кино, эстрада, бульварная пресса развращают молодежь, пропагандируют низменные инстинкты». Но как только Соломенцев начал говорить о статье, его перебил Горбачев, заявивший, что главное в том, что статью Н. Андреевой «представляют как эталон, рекомендуют изучать, перепечатать».

Выступивший в заключение заседания Горбачев заявил: «Ясно, что сама Андреева неспособна написать такую статью. Кто ее вдохновил? Неясно. Но есть главный редактор газеты — кандидат в члены ЦК. Это не просто литературный прием. Это концепция, суть которой в том, что до этого вроде все было хорошо. Нужна ли тогда перестройка, не слишком ли далеко ушли в вопросах гласности и демократии? Поэтому должно было состояться принципиальное обсуждение статьи, несмотря на настроения не придавать ей серьезного значения... Отступление от перестройки — самое большое предательство, а участие в ней — самое великое счастье».

Лигачев верно расценил направление главного удара Горбачева: «Стало ясно... Андрееву хотят превратить в жупел сталинщины, затем пристегнуть к ней Лигачева и объявить его главным сторонником возврата к временам культа личности. Яковлев настойчиво, целеустремленно поворачивал разговор на Политбюро в эту сторону». Горбачев полностью поддержал Яковлева. По словам Лигачева, «Горбачев буквально «ломал» тех, кто недостаточно четко, по его мнению, осуждал письмо Нины Андреевой». Сосредоточив обвинения на Лигачеве как на мнимом инициаторе публикации письма Нины Андреевой, если даже не соавторе этого письма, Горбачев добился разъединения своих потенциаль-

ных противников. Лигачев писал: «Здесь нет нужды называть фамилии, но скажу, что несколько участников заседания по ходу обсуждения были вынуждены изменить свою точку зрения — под тем предлогом, что вначале, мол, недостаточно внимательно прочитали письмо Нины Андреевой. А вчитавшись снова и снова, действительно обнаружили, что в нем есть нечто противостоящее перестройке».

Добившись подчинения членов Политбюро своей воле, Горбачев затем закрепил свой успех. В течение 1988 года он, отстранив А.А. Громыко с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР, занял его место, совместив эту должность с обязанностями Генерального секретаря ЦК КПСС. Одновременно со второй половины 1988 года начинается последовательное оттеснение Лигачева из руководства страны. Послушная Горбачеву пресса выдвигала против Лигачева одно лживое обвинение за другим, и он был вынужден заниматься опровержением клеветы. Весной 1989 года Горбачев вынудил уйти в отставку 110 членов ЦК, в поддержке которых он не был уверен. А в конце 1990 года Горбачев отправил в отставку своего последнего возможного соперника — Рыжкова. Успех Горбачева объяснялся в значительной степени тем, что страх оказаться обвиненными в сталинизме парализовал сопротивление ему. Созданное Горбачевым и его сторонниками пугало сталинизма стало их надежным оружием в борьбе за власть.

Глава 12
КУДА НАПРАВЛЯЛИ СОВЕТСКИЙ САМОЛЕТ «ПРОРАБЫ ПЕРЕСТРОЙКИ»?

5 апреля 1988 года «Правда» опубликовала редакционную статью о письме Нины Андреевой. В грубой демагогической манере, выдававшей стиль А.Н. Яковлева, статья извращала содержание письма Андреевой. Автор статьи приписывал Андреевой намерение возродить беззакония. Аргументы Андреевой о необходимости проявлять объективность в отношении Сталина отвергались. Проявляя характерную для него смесь апломба с невежеством, Яков-

лев утверждал, что известное высказывание Черчилля о Сталине, приведенное Андреевой, не могло принадлежать бывшему английскому премьеру, а взято, «скорее всего, из Дейчера». Следствием этой статьи стал поиск «антиперестройщиков» и «тайных сторонников Нины Андреевой», а фактически травля всех, кто выражал беспокойство за судьбу страны, охваченной массовой психопатической эпидемией. Поиск «врагов перестройки» и «сторонников Нины Андреевой» начался с партийных верхов.

Как писал Черняев, «с 11 по 18 апреля Горбачев в три приема провел совещание с секретарями обкомов и ЦК нацкомпартий всей страны... Всего... 150 «генералов», главная ее сила. Формально в повестке дня — выяснение позиций в связи со статьей Нины Андреевой». Теперь Горбачев уже не считал нужным играть роль беспристрастного судьи, взвешивающего все плюсы и минусы в Сталине и в сталинской эпохе. Объясняя секретарям обкомов свою антипатию к письму Нины Андреевой, Горбачев повторял наиболее грубые антисталинские измышления, повторявшиеся Хрущевым, а затем в либеральных кругах столичной интеллигенции и в советологической литературе Запада: «Сталин — преступник, лишенный всякой морали. Один миллион партийных активистов расстрелян, три миллиона отправлено в лагеря, их сгноили... Списками выбивали лучших людей... И Нина Андреева, если пойти по ее логике, зовет нас к новому 1937 году. Вы этого хотите? Вы — члены ЦК? Вы должны глубоко думать о судьбе страны. И постоянно помнить: все мы за социализм. Но за какой? Такой, как при Сталине, нам не нужен...»

Замечание первого секретаря Свердловского обкома КПСС Петрова на одном из этих совещаний о том, что Нина Андреева в чем-то права, вызвало гнев Горбачева. Как записывал Черняев, Генеральный секретарь «багровеет, еле сдерживает себя». Но он брал на заметку «непокорных», и, как писал Черняев, «вскоре Петрова отправили послом на Кубу — поближе к его единомышленникам». Немедленно отстранялись от работы и другие реальные или мнимые «сторонники Нины Андреевой». Борьба против «тайных сторонников Нины Андреевой» и самого Сталина набирала обороты, превращаясь в истребительную кампанию.

Особенно активизировались в разоблачении «антипере-

стройщиков» те вечные конъюнктурщики, которые всегда хотят поспеть в любой массовой кампании. В гораздо более широких масштабах повторялись события, описанные Ф.М. Достоевским в романе «Бесы»: «В смутное время колебания или перехода всегда и везде появляются разные людишки... Во всякое переходное время поднимается эта сволочь, которая есть в каждом обществе, и уже не только безо всякой цели, но, даже не имея и признака мысли, а лишь выражая собою изо всех сил беспокойство и нетерпение. Я не про тех, так называемых, «передовых», говорю, которые всегда спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определенною более или менее целью. Я говорю лишь про сволочь. Между тем, эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадает под команду кучки «передовых», которые действуют с определенной целью, и та направляет весь этот сор куда ей угодно, если только сама не состоит из совершенных идиотов, что впрочем, тоже случается». С начала апреля 1988 года подобные «людишки» стали терроризировать советское общество.

На партийном собрании в Институте международного рабочего движения АН СССР, в котором я работал, почтенная дама яростно требовала от работника райкома КПСС, присутствовавшего на собрании, ответа: «За кого вы — за курс Горбачева и ЦК КПСС, или за линию Нины Андреевой?» Даму поддерживали другие члены партии, считавшие себя истинными интеллигентами, а потому ярыми врагами «сталинизма» и верными последователями горбачевской перестройки.

В среде городской интеллигенции малознакомые люди нередко спешили на всякий случай объявить себя «демократом» или противником «сталинизма». Вновь созданная организация «Мемориал», в состав которой вошли видные представители интеллигенции (как, например, академик Лихачев) и правящих кругов (как, например, Ельцин), пропагандировала материалы, в которых рассказывалось о страданиях несчастных людей. Главным виновником их страданий, как и прежде, начиная с версий Берии и Хрущева, объявлялся Сталин. Эти трагические истории вызывали искреннее сочувствие миллионов людей, и они не могли не возмущаться тем, кого называли ответственным за чело-

вческие жертвы и страдания. Этим нередко пользовались те, кто никакого отношения к жертвам репрессий не имел, но ловко спекулировал на сочувствии советских людей «узникам ГУЛАГа».

Резкая смена общественно-политических ориентиров имела далеко идущие последствия. Стремление «освободиться от сталинизма» позволяло отказаться от многих знаний и духовных ориентиров прошлого. Все, чему обучали в школе или было прочитано в «доперестроечной» литературе, следовало поставить под сомнение или забыть, как «сталинистское» наваждение. Насмешкам и издевательствам подвергалась учебная и художественная литература «доперестроечного» времени, фильмы и спектакли тех лет. В библиотеках прятали в закрытые архивы или выбрасывали книги, которые считались «сталинистскими» или «застойными». Из репертуаров театров, из текущего радио- и телевещания убирали спектакли, фильмы и песни советского прошлого. Все же, что прежде воспринималось со знаком «минус» или с вопросительным знаком, теперь оценивалось знаком «плюс» и даже с восклицательным знаком.

В беседе со мной автор работы о Коммунистическом Интернационале Молодежи разглядел даже в фильме «Зеркало для героя» по сценарию С. Рыбаса опасную ностальгию по сталинскому прошлому, а потому заклеймил фильм как вещь, «страшнее письма Нины Андреевой». Подвыпивший молодой человек в автобусе проклинал «стариков», которые «в сталинское время творили массовые убийства». Эти проклятия адресовались почтенной пожилой женщине, которая ехала в том же автобусе и о жизни которой юный «обличитель» явно ничего не знал.

И все же, хотя выступать в защиту Сталина после начала травли Нины Андреевой никто публично не решался, журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия», газета «Литературная Россия» и ряд других органов печати давали отпор политической кампании, которая все больше приобретала характер «охоты на ведьм».

В это время в либеральной печати поднялась еще более высокая волна нападок на Сталина и сталинистов. Одной из таких публикаций стала статья Юрия Карякина «Ждановская жидкость» или против очернительства». Начиная

свою статью с обвинений в адрес А.А. Жданова, Юрий Карякин переходил к атакам на И.В. Сталина, а затем выдвигал развернутую программу расследования «дела Андреевой». Именуя письмо Андреевой «Манифестом» антиперестроечных сил, Карякин писал: «Убежден: будет воссоздана — день за днем, во всех драматических и комических подробностях — вся хроника событий вокруг «Манифеста», вся хроника его замысла, написания, публикации, хроника организации его одобрения. Чем определялся выбор дня для публикации? Какой стратегией? Почему не появился «Манифест», скажем, 10 марта или 21-го? Особенно будет интересна хроника событий между 13 марта и 5 апреля. Сколько местных газет перепечатали «Манифест»? Сколько было размножено с него ксероксов? Сколько организовано обсуждений-одобрений? По чьему распоряжению? Как пробуждалась местная инициатива? Кем? Почему три недели не было в печати ни одного слова против, за исключением, кажется лишь «Московских новостей» и «Тамбовской правды»? Почему Нину Андрееву хочется назвать лишь соавтором «Манифеста» и, к тому же, далеко не главным? А кто главный? Почему частное мнение, совершенно очевидно противопоставленное всему курсу партии и государства на обновление, почему оно фактически господствовало беспрекословно и безраздельно в течение тех трех недель (точнее: двадцати четырех дней)? Почему оно фактически навязывалось — через печать или как-то еще — всей партии, всему народу, всей стране? Как это согласуется с лозунгом «больше демократии, больше социализма», с гласностью, с Уставом и Программой партии, с Конституцией государства, наконец? Что это за Нина Андреева такая, обладающая столь небывалым и непонятным всемогуществом? А если это действительно не она, то кто? Стало быть, речь идет о чьей-то платформе? О чьей конкретно? И почему тогда ее истинные создатели спрятались за бедного химика? И последний вопрос: если оказалось возможным такое, то почему невозможно и худшее?»

Эти вопросы позволяют воссоздать атмосферу, в которой разворачивалась травля Нины Андреевой, ее письма и тех, кто поддержал преподавателя химии. Поток вопросов, заданных Карякиным, отражает не только его натуру, но и характер словопрений в кружках столичной интеллиген-

ции. Запугивая себя и других ужасами «доносов» и «следствий», Карякин, как и прочие участники подобных «непросыхающих» дискуссий, на деле доносили на Нину Андрееву, на тех, кто публиковал ее письмо, на тех, кто ее поддержал, и давали четкие указания, каким образом вести следствие по «делу Нины Андреевой». Постоянно возмущаясь «заговорщическими» версиями, которыми изобиловали процессы 30-х годов, и объявляя параноиками советских руководителей тех лет, Карякин и его друзья демонстрировали параноидальную одержимость, увидев в частном письме Нины Андреевой широко разветвленный заговор, направленный против правящей партии и Советского государства. Карякин, не упускавший случая, чтобы выразить свое негодование по поводу произвольных приговоров 30-х — начала 50-х годов, спешил подсказать компетентным органам партии и государства, что Андреева и «другие» нарушили Устав и Программу партии, а также Конституцию СССР. Видимо, все те, кого хотел привлечь к ответственности Карякин, должны были быть исключены из партии, а затем преданы суду по всей строгости закона за покушение на конституционный строй.

Пугая читателей картиной репрессий, которые должны были обрушиться на страну в случае, если бы сторонники Нины Андреевой восторжествовали, Карякин изображал из себя и своих единомышленников жертв возможного, хотя и несостоявшегося террора. Доказывая правоту своих измышлений, он обрушивал на читателей новую серию вопросов: «Или все эти вопросы неправомерны, и надо запретить их задавать? А может быть, надо еще запретить над ними и думать? Или они нас не касаются? Не нашего ума дело? Почему это не нашего? А чьего тогда, позвольте узнать? Разве от прямого ответа на них не зависит тоже ход, судьба обновления?»

На протяжении своей статьи Карякин постоянно обыгрывал сходство названия ароматического препарата, использовавшегося в России в XIX веке («ждановская жидкость»), с фамилией А.А. Жданова. Поскольку никакой связи между данным препаратом и покойным партийным руководителем Карякин не мог логично проследить, то для объяснений этой поверхностной ассоциации приходилось опять обращаться к работе Ф. Углова. Ссылаясь на иссле-

дователя проблемы алкоголизма И.А. Сикорского, Углов утверждал, что «под влиянием алкоголя» особенно сильно разрушаются «более сложные» умственные процессы — «ассоциации»: «Вместо внутренних ассоциаций часто проявляются ассоциации внешние, нередко стереотипные, основанные на созвучии, случайном внешнем сходстве предметов... Иногда подобные ассоциации появляются без малейшего основания, но зато упорно держатся в уме, всплывая снова и снова. Человек как бы «зацикливается» на них. Такие ассоциации напоминают собой патологическое явление, замечаемое при неврастении и психозах... Все это указывает на глубокие изменения механизма мышления человека».

Очевидно, став давно жертвой «стереотипных», «внешних», «случайных» ассоциаций, Карякин старался уничтожать глубинные ассоциации, сложившиеся в общественном сознании советских людей. В характерной для него агрессивной манере он писал: «Знаю, знаю, всю жизнь от вас слышу: в сознании народа слова социализм и Сталин — слились, отождествились, и надо с этим считаться. Да, к беде нашей великой, это так (впрочем, далеко не у всех). Я бы даже добавил: слова эти — склеились! Ну и что?» И опять прибегая к случайным ассоциациям и подменяя логику ее видимостью, Карякин с торжеством провозглашал: «Были в свое время склеены слова христианство и инквизиция, Христос и Торквемада. Расклеились».

Вместо сложившихся в общественном сознании ассоциаций, Карякин навязывал иные. Он требовал признания постулатом следующее положение: «Сталин — это беспрерывное, систематическое понижение цены человеческой жизни — до нуля, понижение цены личности — до отрицательной величины: личность — вот главный враг, вот что всего подозрительнее, всего опаснее». О тех, кто не признавал этот постулат, автор говорил, что они задыхаются в «чистой атмосфере». Обращаясь к ним, он утверждал: «Лишь в темноте вы чувствуете себя сильными (да и в самом деле — сильны), а на свету? На свету вы бессмысленно хлопаете глазами, как филины».

Эти явно не человеческие существа, не способные дышать свежим воздухом и теряющие ориентацию на свету, совершали, по словам Карякина, фантастические преступ-

ления: «Вы пытаете факты точно так же, как ваши предшественники пытали живых людей. Вы снова хотите их, эти факты, арестовать, заточить, испепелить. Для вас преступлением является само раскрытие преступлений... Совесть для вас (со-весть) — это весть не о боли, не о судьбе народа, а весть о воле начальства сталинско-ждановской выучки... Вы боитесь, боитесь и народа своего, и правды, и совести».

В стране, в которой развернулась охота на «сторонников Нины Андреевой», статья Карякина пользовалась огромной популярностью, особенно среди части интеллигенции. Поэтому она была включена в сборник «Иного не дано». Что же было это «нечто», чему не было альтернативы?

В сборнике было представлено 34 статьи различных авторов на самые разные темы. Писатель С. Залыгин высказался на обычную для него тему, протестуя против попыток вернуться к отвергнутому уже плану о переброске северных рек. Указав в начале своей статьи о том, что он не хотел участвовать в сборнике, так как он «детально знаком лишь со сравнительно узким кругом вопросов, касающихся в основном работы научных учреждений и публикации научной литературы», академик В. Гинзбург в своей статье «Против бюрократизма, перестраховки и некомпетентности» высказал справедливые упреки в адрес невероятно усложненной процедуры оформления научных публикаций.

В своей большой статье социолог Т. Заславская приводила данные опросов относительно отношения к перестройке. При этом оказывалось, что за перестройку выступают поголовно «передовые рабочие и колхозники», а против перестройки почти поголовно «ответственные работники управлений», «ответственные работники торговли и обслуживания», «необоснованно привилегированный слой рабочих» и «представители организованной преступности». Хотя невольно возникали сомнения, каким образом авторы опросов смогли выделить такие группы (неужели люди сами именовали себя «представителями организованной преступности» или «передовыми рабочими и колхозниками»?), статья содержала обычные для того времени в советской печати положения о необходимости перестройки.

Несмотря на зазывное название своей статьи («Зачем дорога, если она не ведет к храму?»), в таком же духе высказывался и Н. Моисеев: «Наука, современный научный мар-

ксистский анализ состояния нашего общества как никогда нужны именно сегодня, на начальном этапе трудного и длительного переходного пути, на который, как мы все надеемся, вышла наша страна». Резко осудив бюрократию и высказав ряд замечаний о возможных позитивных последствиях введения рыночных механизмов, Моисеев тут же оговаривался и замечал: «С помощью рынка ГОЭЛРО не реализуешь. Вот почему и на рынок нужна определенная управа». Затем Моисеев рассказывал об истории ГОЭЛРО и его огромной роли в развитии советской экономики.

В этих статьях не было ничего радикального. Против значительной части их содержания трудно было возразить, а громкое название «Иного не дано», объединявшее эти статьи, казалось излишним. Но статьи академика Гинзбурга, писателя Залыгина и ряда других авторов служили лишь удобным прикрытием для других материалов, предлагавших программу радикальных перемен в обществе. Лозунг борьбы против бюрократии использовался для того, чтобы доказать необходимость коренного демонтажа советской системы. «Иного», кроме разрушения существующего строя, «не дано», — утверждали большинство авторов, которых в то время стали именовать «прорабами перестройки».

В своей статье «Перестройка управления экономикой» Г. Попов писал: «Речь идет о решительной перестройке. Быстрой. Глубокой... Очистительная экономическая буря скорее всего за два-три года отбросит нас по показателям назад, но смоет все неэффективные предприятия, как монстров, рожденных администрированием, так и — главное — смоет Административную Систему, которая, эксплуатируя и прошлом и свою неизбежность, и свои былые заслуги, на десятилетия продлила свое существование, вырождаясь в механизм торможения, обрекая страну на предкризисную ситуацию».

«Вместе с уходом администрирования из экономики, — предрекал Попов, — создадутся условия для его преодоления в культуре, науке и других областях. Диалектика такова, что нельзя перестроить экономику, не перестраивая одновременно — и даже раньше — политику. Ибо политика — концентрированное выражение экономики, и надо начать с нее». Такая «очистительная буря» приведет к кардиналь-

ным переменам даже в быту советских людей, уверял Попов. «При демократическом варианте» перестройки, писал экономист, «между семейной фермой и имеющей заработанные трудом деньги городской семьей или никого не будет или молоко будет доставляться прямо в квартиру в установленное время, в договоренном количестве и по договоренной цене».

То ли читатели сборника очень истосковались по молочницам, которые еще сравнительно недавно доставляли молоко на дом, то ли у каждого из них накопились иные претензии к советскому строю и они жаждали «очистительной бури», но эта статья Попова, как и другие его сочинения, пользовалась большим успехом. Однако об этой статье мало кто вспоминал, когда «очистительная буря» смела целые отрасли производства, оставив без работы миллионы людей, уничтожила научные учреждения и оставила без средств театры, музеи, нанесла мощные удары по системе здравоохранения и образования, разломала Советский Союз. Эта статья была забыта к тому времени, когда под руководством мэра Попова столица нашей страны превращалась в грандиозную мусорную кучу, сборный пункт бомжей, а передвижение по ней с наступлением темноты стало небезопасным. Никто не спрашивал московского мэра Попова, куда подевались те молочники и молочницы, о которых он сочинял свои оды?

И все же, поскольку жажду «очистительной бури» (лишь после которой можно было получать молоко на дом) испытывали далеко не все, то авторы сборника постарались как можно более мрачными красками изобразить главного врага перестройки — сталинизм и его творца — Сталина. Предстоявшая «очистительная буря» должна была нанести удар по «сталинской системе». Свою статью «Возобновление истории» Л. Баткин завершал призывом: «От России сталинской к России гуманной и демократической!»

В своей статье «Почему сталинизм не сходит со сцены?» Л. Карпинский утверждал, что «под сталинизмом... следует понимать не только реальную административно-бюрократическую систему, охватившую практическую жизнь общества, но и систему соответствующих взглядов и представлений, навязанную общественному сознанию. Сталинизм обернулся идейно-психологическим комплексом». Кар-

пинский безапелляционно изрекал: «Одним из тяжелых преступлений сталинизма явилось внедрение рабской психологии в жизнь народа... Под прессом сталинизма разум свелся к рассудку, а рассудок — к предрассудкам».

В качестве примера таких «предрассудков» Карпинский привел убеждения советских людей в том, что «без Сталина мы бы не создали могучую индустрию и не победили в Великой Отечественной войне; путь, по которому повел Сталин, был единственно возможным и объективно предопределенным историей». Карпинский опровергал этот «предрассудок» так: «Гласность обнаружила, «кто есть кто». Вполне выяснилось, что Сталин, стоя в центре нас, был с нами всего лишь попутно, «между прочим», а по существу, преследуя цели самовластия, шел *против* нас. И в этой роковой «неувязке», пожалуй, и заключается главная драма нашей истории». Вывод, который сделал критик Чубинский из романа Рыбакова, теперь принимался Карпинским как доказанная истина.

Подразумевая, очевидно, книгу Рыбакова, пьесы Шатрова, а также ряд публицистических статей, появившихся в период «гласности», Карпинский уверял, что теперь советские люди узнали всю правду о Сталине. На деле эта «правда» лишь повторяла многократно повторенный вывод, сформулированный в байках либеральной интеллигенции: «Все победы советские люди достигали *вопреки* Сталину».

Одновременно Карпинский говорил и о «неправомерной» цене советских побед. Но тогда возникал вопрос: если они были достигнуты вопреки Сталину, то и «неправомерная» цена не была следствием усилий Сталина. Однако логика явно не была сильной стороной мышления Карпинского, обожавшего в свою бытность секретарем ЦК ВЛКСМ не логически обоснованные выводы, а трескучие фразы, вроде «фантазия — это стартовая площадка мечты».

Вторя Карпинскому в своей статье «Чтобы это не повторилось», В. Фролов попытался разбить все «сталинские мифы». Для начала он выделил «пять категорий апологетов культа Сталина». 1) Молодежь, которая о времени культа может знать либо по литературным (историческим) источникам, либо вследствие определенного воспитания в семье. 2) Сравнительно небольшое (в силу чисто возрастного фактора) количество людей, являвшихся участника-

ми тех событий и бывших проводниками идей культа личности и его методов. 3) Представители «того самого «маргинального» слоя, повязанные коллективной ответственностью за содеянное или хотя бы «бывшие пассивными свидетелями происходившего», а также «люди, фанатично преданные революционным идеалам, для которых все, связанное с Советской властью, может рассматриваться только в положительном аспекте». Фролов спешил заметить, что «любой вид фанатизма, даже продиктованный лучшими побуждениями, не является предметом подражания». 4) Носители ностальгии «по сильной личности», которые подчеркивают, что «при Сталине не было воровства, была железная дисциплина, мы выиграли войну, общество, в том числе и его экономика, развивалось». Фролов тут же оговаривался, что в их «утверждениях заложено много ошибок». 5) «Противники гласности и демократизации. На мой взгляд, это самая опасная группа...».

Получалось, что против очернения Сталина и его времени выступают враги общественного прогресса, лица, запятнавшие себя преступлениями в прошлом, «зеленая» молодежь», фанатики или люди, допускающие грубые исторические ошибки. Читателям предлагалось сделать несложный выбор: с кем они — с заблуждающимися, несмышленышами, одержимыми и преступниками, или с такими «честными», «умными», как автор статьи.

В. Фролов также предлагал краткий перечень ответов «сталинистам», которые могли бы направить их на путь истинный. Повторяя тезис Карпинского, Фролов писал: «Во-первых, многое в нашей истории было достигнуто не благодаря Сталину, а вопреки ему».

«Во-вторых, — утверждал Фролов, — страна действительно развивалась, но общий уровень мировой экономики позволял в тот период добиваться определенных успехов волюнтаристскими методами руководства». В каких исторических рамках существовал во всем мире такой необыкновенный порядок вещей, Фролов не уточнял.

«В-третьих, высокий уровень дисциплины, меньший размах коррумпированности, воровства и бесхозяйственности был обусловлен не только жесточайшими, поистине драконовскими; методами принуждения, но в первую очередь морально-политическим революционным подъемом

общества». Получалось, что подъем энтузиазма 30-х годов происходил «вопреки Сталину». Фролов добавлял: «Когда были выбиты лучшие из лучших, и сместилась мораль целого слоя, и наступил период коррупции». Под «лучшими из лучших» Фролов, видимо, имел в виду лиц, репрессированных в 30-х годах. Хотя среди таковых было немало людей достойных, факты свидетельствуют о том, что коррупция имела место и в 20-х годах. Не случайно в сентябре 1922 года при Совете труда и обороны РСФСР была создана комиссия по борьбе против взяточничества, которую возглавил председатель ОГПУ Ф.Э. Дзержинский. В то же время утверждать, что коррупция расцвела после репрессий 1937—1938 гг., значит искажать факты. Коррупция стала значительно активнее развиваться с середины 50-х годов, пока не стала настоящим бедствием в 80-х годах.

«И, наконец, цена, заплаченная за экономическое развитие страны, была непомерной... Все это было сверхдорогой платой за индустриализацию». Спору нет, военные методы коллективизации, о которых писал Фролов, имели и значительный «контрпродуктивный эффект». Их следствием явились и усугубление голода в деревне, и неоправданные жестокие репрессии по отношению ко многим крестьянам. Однако Фролов умалчивает о том, что без индустриализации страна была бы обречена на поражение, оккупацию, физическое уничтожение десятков миллионов советских людей и порабощение оставшегося в живых населения Советской страны.

Сталин, его теоретические мысли, его практические дела излагались в искаженном, примитивно-карикатурном виде. В своей статье «О путях совершенствования политической системы социализма» Е. Амбарцумов писал: «Унаследованная от Сталина концепция партии-монолита устарела, да и, строго говоря, столь же лишена смысла, как и сравнение советских людей с винтиками... Обеспечением социальной привилегированности и исключительности, с одной стороны, запугиванием и террором с другой, Сталин поставил аппарат себе на беспрекословную службу».

С одной стороны, Амбарцумов придумал мнимую «концепцию партии-монолита», которую якобы выдвинул Сталин. Он игнорировал усилия Сталина по развитию критики и самокритики в рядах партии, поощрению дискуссий, в

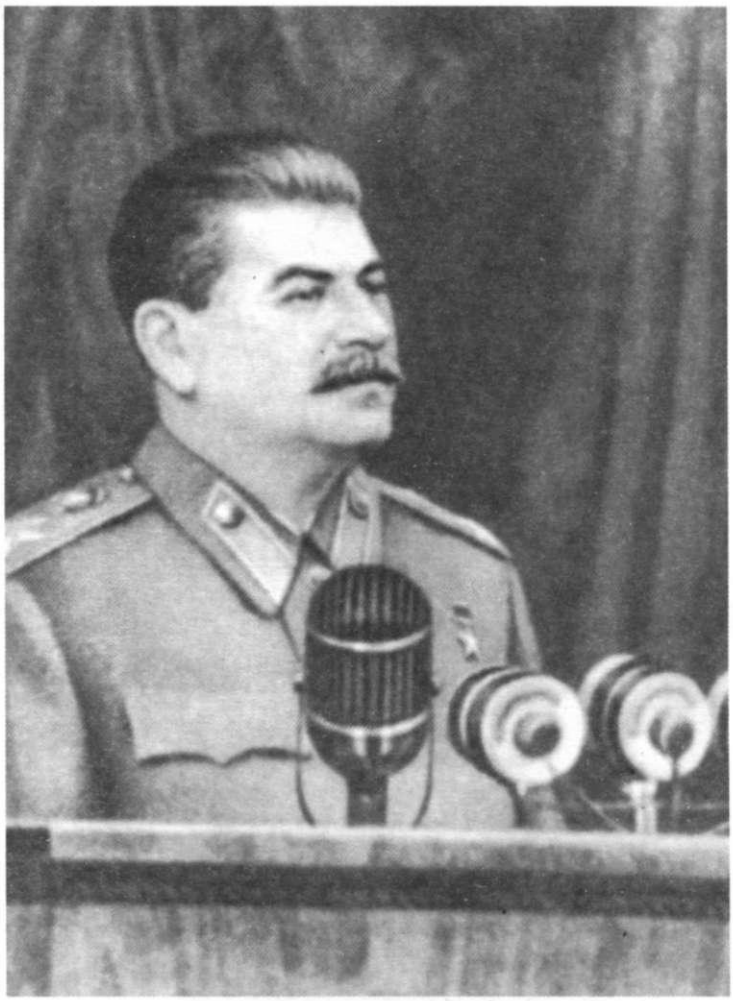
том числе и при обсуждении вопросов государственной важности. Амбарцумов умалчивал о борьбе Сталина против бюрократизации партии и ее аппарата, о его предупреждениях об опасности партии оторваться от народа, о его усилиях добиться состязательности среди кандидатов на ответственные руководящие посты.

С другой стороны, атакуя идею укрепления партии, Амбарцумов игнорировал историческую реальность сталинских лет, когда без сплоченной партии нельзя было ни создать современную промышленность, ни победить в Отечественной войне.

Сваливая все беды, случившиеся с нашей страной, на Сталина, в своей статье «От гражданской войны к гражданскому миру» В. Сироткин обвинил Сталина в приходе нацистов к власти в Германии. Произвольно цитируя Бухарина и Сталина относительно социал-демократии и преувеличивая возможности советского руководства повлиять на внутриполитические события в Германии, Сироткин утверждал, что «Сталин опрокинул продуктивную идею Бухарина, которая могла остановить в Германии фашизм».

Катехизисом новой истории сталинских лет должны были стать положения, изложенные академиком А. Сахаровым в его статье «Неизбежность перестройки»: «Возникла новая общественная сила, олицетворением которой надолго стал Сталин... «Мандат» на власть он получил от бюрократии... Новая сила показала свои «зубы», ликвидировав нэп... Что было потом — известно. Насильственная коллективизация и раскулачивание, разорение крестьянства ради темпов индустриализации. Голод с чудовищной изоляцией обреченных на смерть районов. Практически никакой помощи умирающим с голоду. Именно в это время вывоз хлеба и леса на Запад достигает максимального уровня. Потом «великий террор», охвативший не только старую революционную гвардию и военачальников, но и все живые силы общества с трагическим апогеем в 1937 году. Потом многое другое...»

Обратив внимание лишь на трагичные стороны тех лет, Сахаров умалчивал о «многом другом». Об индустриализации, подготовившей нашу страну к Великой Отечественной войне. О существенных сдвигах в модернизации сельского хозяйства. О создании действовавших успешно по

Выступление И.В. Сталина 9 февраля 1946 года перед избирателями Сталинского района города Москвы. В нем Сталин сказал: «Я считаю, что избирательная кампания есть суд избирателей над коммунистической партией нашей страны, как над партией правящей. Результаты же выборов будут означать приговор избирателей».

Переговоры И.В. Сталина с премьер-министром Уинстоном Черчиллем и послом США в СССР Авереллом Гарриманом в августе 1942 года. Вернувшись в Лондон, Черчилль в своем выступлении в палате общин 8 сентября 1942 года сказал: «Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить».

Ялтинская конференция. *Слева направо* сидят: У. Черчилль, Ф.Д. Рузвельт, И.В. Сталин. Стоят за ними *слева направо:* министр иностранных дел Великобритании А. Иден, государственный секретарь США Э. Стеттиниус, заместитель министра иностранных дел Великобритании А. Кадоган, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов.
Вспоминая это событие в своем выступлении 21 декабря 1959 года, Черчилль сказал: «Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали и, странное дело, почему–то держали руки по швам».

И.В. Сталин
на Потсдамской
конференции
(17 июля – 2 августа
1945 года).

И.В. Сталин на трибуне XIX съезда КПСС. *В президиуме сидят в первом ряду слева направо:* Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.А. Булганин, Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, Д.С. Коротченко, Ж. Шаяхметов, О.В. Куусинен. *Во втором ряду сидят слева направо:* В.М. Андрианов, А.Б. Аристов, А.И. Ниязов, Н.С. Патоличев.

«Великий Сталин – знамя дружбы народов СССР!»
Плакат конца 40–х годов.

«Под водительством Великого Сталина – вперед
к коммунизму!»

И.В. Сталин в рабочем кабинете в Кремле.
Из журнала «Огонек» (март 1953 года).

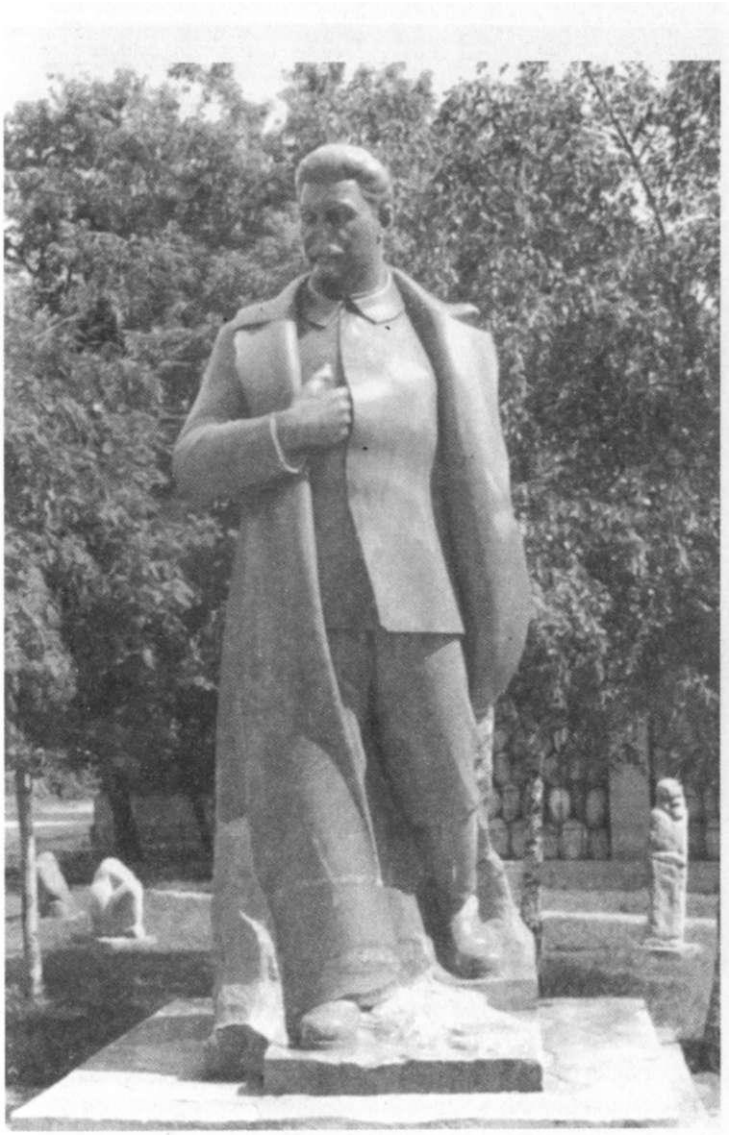
И.В. Сталин в гробу.

Руководители партии и правительства выносят гроб с телом И.В. Сталина из Дома союзов. *Слева направо:* Н.М. Шверник, Л.М. Каганович, Н.А. Булганин, В.М. Молотов, неизвестный военный, Г.М. Маленков, Л.П. Берия.

Траурный митинг на Красной площади 9 марта 1953 года.
Выступает Г.М. Маленков.

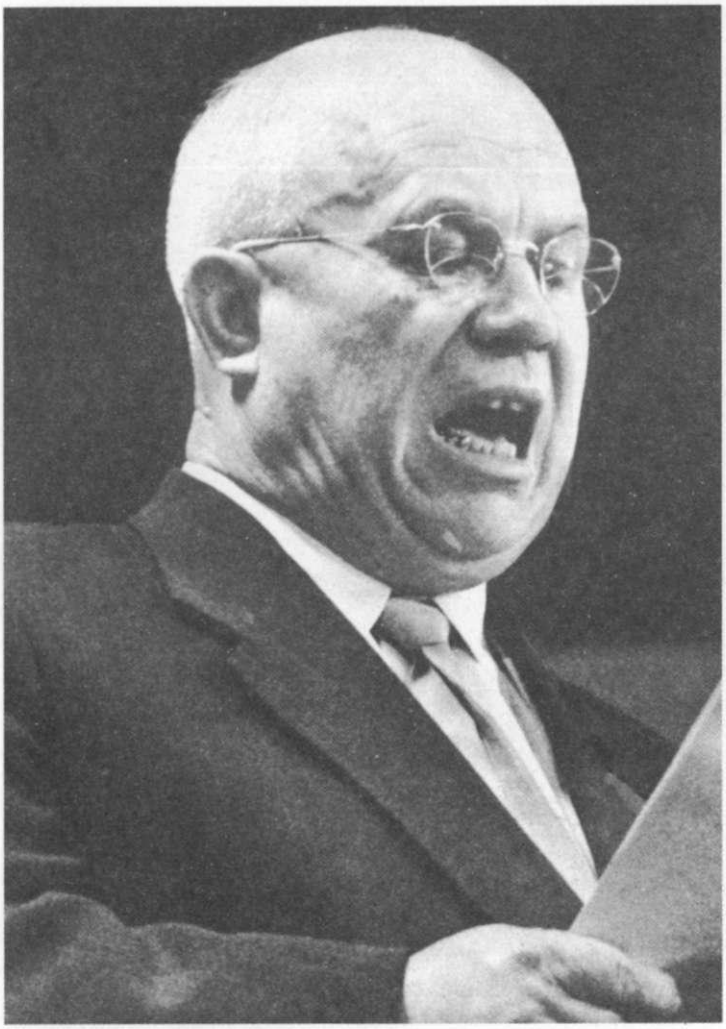
Скульптура И.В. Сталина.

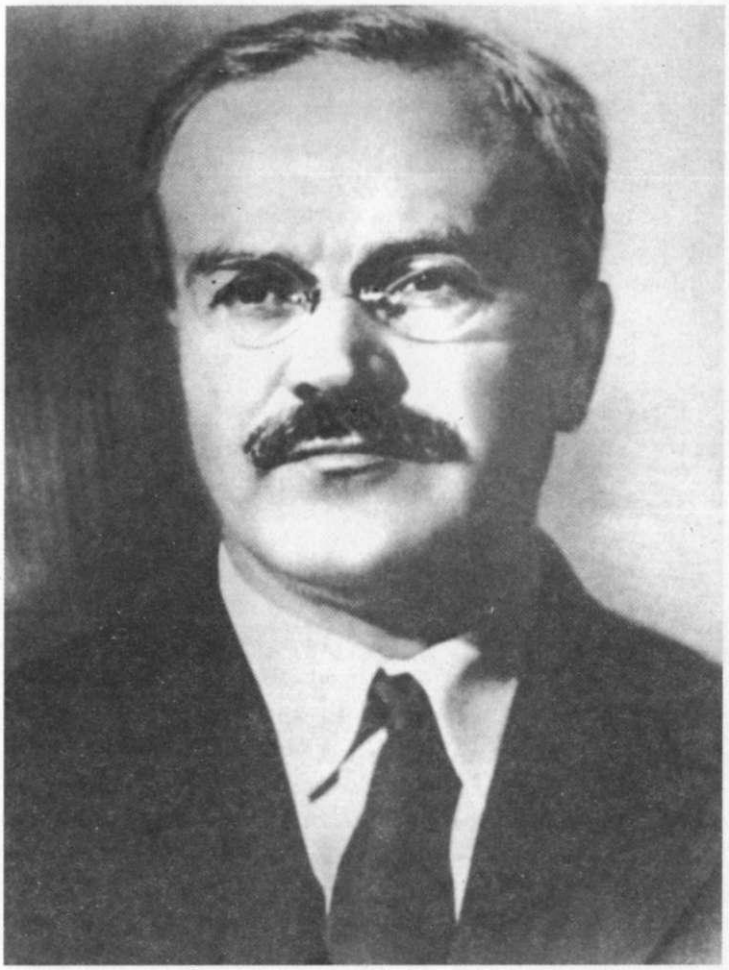
Л.П. Берия – первый заместитель Председателя Совета Министров СССР. Министр внутренних дел СССР после смерти И.В. Сталина. Он первым выступил с обвинениями в адрес Сталина, а, по свидетельству В.М. Молотова, 1 мая 1953 года уверял, что он «убрал Сталина». В июне 1953 года снят со всех постов и расстрелян в декабре 1953 года.

Г.М. Маленков – Председатель Совета Министров СССР после смерти И.В. Сталина. Он первым стал цитировать частное письмо Карла Маркса, написанное в 1877 году историку, немецкому социал–демократу Вильгельму Блоссу, в котором говорилось о «неприязни» Маркса «ко всякому культу личности». Был смещен с поста Председателя Совета Министров СССР в феврале 1955 года и назначен министром электростанций СССР. В 1957 году был объявлен членом «антипартийной группировки», в последующем был исключен из КПСС.

Н.С. Хрущев – Первый секретарь ЦК КПСС с сентября 1953 года. 27 февраля 1956 года Хрущев выступил на закрытом заседании XX съезда КПСС с докладом «О культе личности и его последствиях». Так был рожден миф XX съезда – самый живучий миф XX века.

В.М. Молотов – Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр иностранных дел, в котором Н.С. Хрущев видел опаснейшего соперника. Молотов решительно выступал против попыток Хрущева дать однозначно отрицательную оценку Сталину. В 1957 году был объявлен членом «антипартийной группировки» и в последующем исключен из КПСС.

К.Е. Ворошилов – Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1953 – 1960 годах. Возражал против атак Хрущева на Сталина. В 1961 году объявлен членом «антипартийной группировки».

Л.М. Каганович – Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР в 1953 – 1957 годах. Поддерживал Молотова и Ворошилова в их критике позиции Хрущева по Сталину. В 1957 году был объявлен членом «антипартийной группировки» и снят со всех высоких постов.

Н.А. Булганин – Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР и министр обороны СССР в 1953 – 1955 годах, Председатель Совета Министров СССР в 1955 – 1957 годах. Сначала активно поддерживал Хрущева в его нападках на Сталина, затем был снят со всех постов и объявлен членом «антипартийной группировки».

всей стране учреждений бесплатной медицины и образования. О культурной революции в стране, покончившей с безграмотностью и поднявшей уровень образованности советских людей. О сталинской конституции, покончившей с неравенством в представительстве крестьян в Советах и дискриминацией по отношению к представителям «эксплуататорских классов», а также священников. О прекращении очернительства дореволюционной отечественной истории и репрессий по отношению к церкви. О невероятно поднявшемся международном авторитете Советского Союза. О великой победе над Германией и ее союзниками, ставшей возможной лишь благодаря усилиям Советской страны во главе со Сталиным. О создании ракетно-ядерного щита, за участие в котором академик был щедро награжден советским правительством во главе со Сталиным.

Однако поскольку Сахаров уже давно превратился в неоспоримого «гуру» для значительной части советской интеллигенции, его заведомо ущербная интерпретация событий сталинских лет стала для многих неоспоримым пособием для оценки советской истории.

Подробно на сталинской теме остановились в своей беседе Глеб Павловский и историк Михаил Гефтер. Отвечая на вопрос Павловского о «месте разоблачений и критики Сталина в перестройке», Гефтер говорил: «В иные минуты нет ничего важнее, чтобы кто-то решился сказать: король гол! Но проходит время, и оказывается, что эта простота мало что объясняет. Не то ли произошло у нас? Сначала миг прозрения, приоткрытая тайна. Еще бы усилие, еще бы совсем немного смелости... Решись в те годы Хрущев на обнародование сохраненных временем обстоятельств убийства С. М. Кирова, может, и ходы назад были бы если не вовсе закрыты, то неизмеримо труднее». Таким образом, историк утверждал, что обвинения Хрущева в адрес Сталина и его намеки были недостаточными. Надо было, считал он, обвинить Сталина в убийстве Кирова. То обстоятельство, что все попытки Хрущева доказать ответственность Сталина за убийство Кирова провалились из-за отсутствия каких-либо реальных фактов, не смущало Гефтера.

Словно он не был профессиональным историком, Гефтер, подобно Рыбакову, произвольно приписывал Сталину

не только те дела, которые он не совершал, но и мысли, которые он никогда не излагал. Утверждая, что в первые дни после Победы он, Гефтер, испытывал помимо радости также «странное ощущение — какой-то опустошенности... Но если нами владела неуверенность вместе с жаждой жизни, то Сталин в этом же чувствовал опасность для себя. Видел ли он в этих молодых людях в шинелях без погон будущих декабристов, овладел ли им прежний страх оказаться ненужным, подстрекавший его искать и создавать чрезвычайные ситуации, вернулся ли он к эйфории 1939 и 1940 годов, когда, казалось ему, Мир становился его единоличным поприщем?» Откуда все это взял **историк** Гефтер? Ведь историкам и не только им было хорошо известно, что в течение двух предвоенных лет Сталин работал не покладая рук, так как прекрасно сознавал, какая чудовищная опасность грозит Советской стране с запада и востока. **Историк** Гефтер исходил из того, что все социальные и внутриполитические потрясения, которые происходили в СССР, были делом рук Сталина, порождением его «страхом оказаться ненужным». **Историк** Гефтер повторял вздорную байку столичной интеллигенции о том, что Сталин видел в солдатах Красной Армии, вернувшихся с войны, бунтарей, готовых свергнуть Советскую власть, так как они были якобы в восторге от всего увиденного ими в странах, освобожденных ими от гитлеровской оккупации.

Отвечая на вопрос Павловского («Вы считаете Сталина неизбежной фигурой нашей истории?»), **историк** Гефтер отвечал: «тут двойная зависимость, от которой не отговориться проклятиями или «сбалансированными» разведениями в сторону — процесса и его центральной фигуры. Сталин не был неизбежен изначально, но его неизбежность нарастала из года в год... Он строил, и весьма искусно, свою нужность. И утверждая ее, придавал всему совершающемуся такие черты, которые делали его все более необходимым. Его политическое поведение, его лексику, весь его инструментарий нагнетания напряжений, дабы ими усиливать свою нужность и выходить из каждой такой экстремальной ситуации все более непременным: победителем и вызволителем из бед, и тем, и другим». По словам **историка** Гефтера, Сталин — это «архитектор своеобразного (и также нового циклизма)». Отвечая на вопрос Павловского («Итак,

«сталинский» образ жизни — это прежде всего утрата альтернативы?»), **историк** Гефтер отвечал: «Я бы предпочел не просто об утрате, а об уничтожении альтернативы».

Получалось, что, продолжая кампанию по осуждению «культа личности» Сталина, Гефтер приписывал Сталину необыкновенные способности. Он якобы творил историю так, что он становился для нее необходимым, заставлял историю развиваться некими новыми циклами и сделал общественное развитие безальтернативным.

Советский историк Гефтер, автор большого числа работ по истории, главный редактор многотомной «Всемирной истории», постоянно утверждал в своих трудах, что действия правителей и других видных политических и государственных деятелей определяются объективными обстоятельствами. Попробовал бы кто-нибудь из авторов статей, готовившихся для «Всемирной истории», утверждать, что тот или иной деятель преуспевал в формировании исторической реальности по своей воле и в угоду своим прихотям! Как бы ему досталось от **советского историка и марксиста** Гефтера!

Но, может быть, теперь Гефтер, освободившись от «пут сталинизма», стал говорить правду? Однако все государственные руководители XX века, бывшие свидетелями деятельности Сталина, а также многие другие наблюдатели, включая историков, объясняли его действия необходимостью отвечать на тогдашние «вызовы времени», требования конкретной обстановки. Не было никого, кто бы утверждал, что Сталин искусственно формировал проблемы и делал это с целью стать «победителем». И эту чушь писал человек, который значительную часть своей жизни проработал **профессиональным историком** и приобрел большую известность как таковой.

Впрочем, далее в ходе беседы М. Гефтер говорил о «неумолимости» возникновения ряда проблем развития России и признавал, что «Сталин, конечно, не единственный автор» этой «неумолимости». Он признавал, что «капиталистическое окружение — не бред маньяка». Однако Гефтер вспоминал о том, что он — историк, лишь для того, чтобы сказать: «Но я — историк, пытающийся взвесить реальность и сознающий, какую невероятную силу набрала при Сталине власть слов». Противопоставляя Сталину Ленина,

Гефтер придумывал, как якобы по-разному толковали эти два вождя понятие «отсталость»: «В устах Ленина не один смысл, а несколько, связанных и противоборствующих. В них — и прошлое, и предстоящее, последнее, притом не в результате поражения, краха, даже застоя... «Отсталость» — знак обретения (знаний, умений, достатка), своего рода залог устойчивости, защиты от бюрократического монстра, преследовавшего его как дневной кошмар. Но вышло не по Ленину, и «отсталость» превратилось в слово-клеймо, слово-улику. Им изобличали, подхлестывали друг друга». Эти слова Гефтера завораживали, подобно шаманским заклинаниям, и многие читатели не замечали того, что маститый историк не приводил никаких примеров для подтверждения своих утверждений.

Голословные утверждения, вступавшие в вопиющее противоречие с исторической наукой и фактами, безапелляционные суждения, построенные на упрощенных и ложных схемах, подкреплялись Гефтером эмоциональными образами. Не случайно в беседе немало внимания было уделено разбору фильма «Покаяние».

Многие авторы, включая М. Гефтера, постоянно прибегали к цитированию ленинского «Письма к съезду» для того, чтобы лишний раз посрамить Сталина и заявить о его «неправомочности» возглавлять страну после 1924 года. Подробно на этом остановился С. Дзарасов в своей статье «Партийная демократия и бюрократия: к истокам проблемы».

А раз Сталин был «неправомочен» возглавлять страну, то его надо судить, хотя бы заочно. Поэтому в своей статье «Кого мы прячем? Зачем?» писатель Даниил Гранин сурово осуждал тех, кто, подобно Нине Андреевой, выступил против кампании очернительства советского прошлого, а заодно настаивал на проведении суда над Сталиным. Писатель был категоричен: «Порожденные застойным периодом, который сам логически порожден сталинизмом, они и сегодня смыкаются с защитниками Сталина. Используя Сталина, обрушиваются на перестройку, списывают на нее коррупцию, аварии, благо все подобные вещи теперь публикуются. Они не только тормозят — они пытаются дать задний ход перестройке, им ведь ничего не грозит. Сталина и сталинизм недостаточно осудить, их, по-видимому, следует судить по всем законам права и этики». Это был один из первых при-

зывов судить советское прошлое, которые затем повторялись в Прибалтике, Польше, на ассамблее ПАСЕ. Авторы этих призывов имели практические цели: потребовать от нашей страны «компенсацию» за «преступления» советского прошлого, особенно сталинского прошлого.

Хотели того отдельные авторы статей или нет, но сборник в целом стал манифестом антисталинизма, под знаменем которого осуществлялся разгром нашей страны. В своем предисловии к сборнику ее ответственный редактор Ю.Н. Афанасьев, выразив пожелание, чтобы «эта книга дала читателям новую пищу для раздумий», одновременно высказывал необычную для автора только что вышедшей книги мысль: «чтобы она поскорей устарела». Он писал: «Пусть эта книга спустя, скажем, три-четыре года будет интересной только историкам, поскольку проблемы, в ней поставленные, будут отчасти решены, а отчасти потребуют новой постановки». Очевидно, что программные требования, изложенные в статьях сборника, были временными, предназначенными для краткосрочного пользования, и ответственный редактор знал об этом. Не через три-четыре года, а раньше многие авторы, заверявшие в своей верности идеям Маркса, Ленина, а также в своей преданности советскому, социалистическому строю, отреклись и стали в ряды воинствующих антикоммунистов, сторонников капиталистического пути развития страны. «Новая постановка» «поставленных проблем» означала резкий поворот от лозунгов «улучшения» социалистического строя к его разгрому. Слова Афанасьева означали, что он и другие деятели того, что стали именовать затем «демократическим движением», прекрасно знали, куда направлена демагогическая критика бюрократии и хула против Сталина.

Об этом же свидетельствовали и слова Л. Баткина, который утверждал, что «перестройка... еще не началась...Мы находимся в самом начале долгой, мучительной и захватывающе интересной эпохи. Судите сами, достоверно ли и оптимистично ли это предположение». Баткин оказался отчасти прав: «мучительная эпоха» стала «долгой». Нельзя не признать и то, что ее трагические события захватывали всеобщее внимание и вызывали жгучий интерес к текущим новостям. Однако вряд ли можно признать оптимистич-

ным прогноз относительно наступления «долгой, мучительной... эпохи».

Выдвигая долгосрочные прогнозы, авторы сборника думали и о самом ближайшем будущем. Поэтому в заключительном очерке от имени издательства сборник предлагался в качестве руководящего пособия для предстоявшей летом партийной конференции. Последние строки сборника гласили: «Вопросы дальнейшего движения советского общества, партии по демократическому пути станут центром дискуссий на XIX всесоюзной партийной конференции. Пусть книга поможет делегатам, станет для них наказом, вобравшим в себя мысли и надежды значительной части советского общества».

В своем докладе на первом заседании конференции 28 июня 1988 года М.С. Горбачев объявил ключевой задачей перестройки — реформу политической системы страны. Объясняя ее необходимость, он говорил: «Дело, товарищи, прежде всего в том — и это мы с вами должны сегодня признать, — что на известном этапе политическая система, созданная в результате победы Октябрьской революции, подверглась серьезным деформациям. В результате стали возможны и всевластие Сталина и его окружения, и волна репрессий и беззаконий. Сложившиеся в те годы командно-административные методы управления оказали пагубное воздействие на различные стороны развития нашего общества. В эту систему уходят своими корнями многие трудности, которые переживаем и сейчас». Было очевидно, что Горбачев полностью принимал позицию многих авторов сборника «Иного не дано».

При этом он выражал удовлетворение тем, что в обществе «возникла новая общественно-политическая атмосфера — открытости, свободы творчества и дискуссий, объективного, непредвзятого исследования, критики и самокритики. Идет подлинная революция сознания, без которой невозможно созидание новой жизни».

Эту «революцию сознания» Горбачев увидел в «нашей публицистике, художественных и научных изданиях». Хотя Горбачев не называл статьи, книги или «научные издания», было очевидно, что он давал позитивную оценку публикациям, которые издавались под контролем А.Н. Яковлева и его помощников. Горбачев приветствовал «небыва-

лый по масштабу, откровенности, интеллектуальной насыщенности разговор о путях обновления социализма, об истории и современности. И это замечательно. Партия высоко ценит нарастающий вклад интеллигенции в реализацию перестройки. Мы приветствуем активизацию общественной, политической деятельности представителей науки, образования, культуры».

Заметив, что «в целом процессы в сфере культуры развиваются на здоровой основе», Горбачев сделал оговорку: «Мы допустили бы необъективность, погрешили против истины, если бы сказали, что они идут без противоречий, без издержек, которые иногда выходят за рамки социалистических ценностей». Он осудил «безответственность в подходах к серьезным проблемам». Но тут же он перевел критику в прямо противоположном направлении, сказав, что «среди интеллигенции проявляются... консерватизм, неприятие новизны... Немало таких, кто с раздражением воспринимает творческие поиски, а нарастающее многообразие принимает за отклонение от принципов социалистического искусства. Это понятно: слишком долго одинаковость, монотонное однообразие, серость выдавались за эталоны прогресса». Горбачев объяснял выступления против очернительства советской истории так: «Нет у нас еще и привычки к дискуссиям, к инакомыслию, к свободной состязательности. Не хотелось бы драматизировать положение. Да для этого и нет особых оснований. Но не замечать такие явления, проходить мимо них было бы неразумно».

Однако под конец доклада Горбачев значительно резче обрушился на тех, кто осуждал антисталинскую и антисоветскую кампанию, заявив: «Сейчас в процессе восстановления истины и справедливости, отказа от всего, что деформировало социалистическую идеологию и практику, разрушения стереотипов и догм, некоторые утверждают, что это якобы размывание принципов, основ социализма, очернение его истории. С этим нельзя согласиться, товарищи. Нельзя категорически! (Аплодисменты.) Мы не имеем права допустить, чтобы перестройка споткнулась о камни догматизма и консерватизма, о чьи-то предрассудки и амбиции. Речь идет о судьбе страны, о судьбе социализма. И мы обязаны разъяснить остроту ситуации тем, кто еще не

осознал ее. В этом главном для всех нас вопросе компромиссов быть не может. (Аплодисменты.)»

Естественно, что Горбачев получил полную поддержку со стороны лидеров либеральной интеллигенции, отчасти представленной на конференции (тут были Тенгиз Абуладзе, Виталий Коротич, Георгий Арбатов, Отто Лацис и ряд других видных либералов), но главным образом находившейся за стенами Кремлевского дворца съездов. В своем выступлении на конференции председатель правления Союза театральных деятелей РСФСР Михаил Ульянов отметил сходство между антисталинскими публикациями последнего времени и докладом Горбачева на конференции. Он говорил о том, что «в общем, все уже вроде сказано. И глубоко, и подробно. И в докладе Михаила Сергеевича Горбачева, и в бесчисленных выступлениях публицистики, которую мы все с такой жадностью читаем».

Повторяя обычное для либеральной интеллигенции извращенное толкование тоста И.В. Сталина на приеме в честь участников Парада Победы, М. Ульянов противопоставил его статье Ленина «О чистке партии», опубликованной в «Правде» в 1921 году. Известно, что Сталин предложил «выпить за здоровье людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма, но без которых все мы — маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим». Ленин же в своей статье заявлял: «В оценке людей, в отрицательном отношении к «примазавшимся», к «закомиссарившимся», к «обюрократившимся» указания беспартийной пролетарской массы, а во многих случаях и указания беспартийной крестьянской массы, в высшей степени ценны». И хотя трудно было обнаружить непримиримое противоречие в этих высказываниях, в каждом из которых была дана высокая оценка рядовых людей, их деятельности или суждений, Ульянов с торжеством объявлял: «Итак, Сталин за «винтики», Ленин — «указания беспартийной пролетарской массы... в высшей степени ценны». Вот вам две позиции».

На подобных же логических нестыковках, прикрытых шаблонными заявлениями о том, что «демократия нужна как кислород», что «бюрократы» проводят «бесконечные совещания», что надо поощрять критику, Ульянов построил свое выступление. Выразив свою признательность сле-

дователю Гдляну, который, по словам актера, так замечательно работает, что «знаменитый Мегрэ в подметки не годится» ему (вскоре Гдлян был уличен в применении незаконных методов ведения следствия), Ульянов особо поблагодарил яковлевскую статью в «Правде» против Нины Андреевой. Он уверял, что статья Андреевой «застала нас врасплох» и назвал историю с ее публикацией «горькой и жутковатой».

Наиболее высокие оценки М. Ульянов приберег для Горбачева. Выступив с предложением ограничить пребывание на каком-либо посту одним сроком, а на второй срок избирать лишь тех, кто получит не менее двух третей голосов, Ульянов тут же заявил: «Но нам нужен Михаил Сергеевич Горбачев на посту генерального секретаря на максимально большой срок. Слишком слабы наши демократические шлагбаумы, чтобы не бояться какой-нибудь напасти в виде «отца и учителя». (Аплодисменты.) А Горбачеву мы верим. Поэтому предлагаю на третий срок выбрать только Горбачева как чрезвычайное решение. (Аплодисменты.) Это исключение, а не правило, ибо сейчас идет социальная революция. В революции, на переправе коней не меняют, как говорят. Лидера нельзя менять во время такого серьезнейшего события».

Ни Горбачев, ни кто-либо другой из присутствовавших не попытался указать Ульянову на то, что конференция не должна была переизбирать генерального секретаря. Но, возможно, М. Ульянов сам это знал. Просто от избытка восторга перед Горбачевым он решил показать свою готовность поддержать его на будущем съезде партии. Видимо, либеральная интеллигенция не считала, что изъявление таких верноподданнических чувств противоречит демократизации общества и борьбы против культа личности.

И все же среди делегатов конференции явно преобладали те, кто не разделял взгляды либеральной интеллигенции. Это проявилось в ходе выступления первого секретаря правления писателей СССР В. В. Карпова. Когда, перечисляя «книги, привлекшие всеобщее внимание читателей не только нашей страны, но и за ее пределами», он назвал книгу Рыбакова «Дети Арбата», в зале возник «шум», как было записано в стенограмме конференции. О том, что это был «шум» недовольных, свидетельствовали следующие

слова Карпова: «Ну, нравится — не нравится — это ваше дело, я говорю, что привлекли внимание эти книги».

Хотя в своих выступлениях на конференции руководители КПСС различных уровней произносили ставшие дежурными фразы о необходимости «углублять перестройку», некоторые руководители союзных республик выражали беспокойство антисоветским характером ряда выступлений в печати. Так, первый секретарь ЦК Компартии Латвии Б.К. Пуго признал: «Процессы роста национального самосознания проходят неоднозначно. Кое-кто, неверно поняв принципы социальной справедливости, пытается требовать для себя получше кусок из союзного пирога, хотя куда вернее всем нам вместе прибавить в работе и сделать этот пирог побольше. У нас в республике тоже, к сожалению, находятся люди, которые спекулируют на национальных чувствах, разжигают страсти, пробуждают давние обиды и в итоге порождают новые. С такими людьми нам не по пути, — решительно заявлял Пуго. — Они тянут в тупик, а мы хотим разумного решения проблем, которые действительно накопились в республике за годы застоя».

В выступлении же первого секретаря ЦК Компартии Эстонии В.И. Вяляса проблемы обострения идейно-политической борьбы в республике объяснялись исключительно «нежеланием и неспособностью» «понять новизну ситуации», «стремлением» «действовать старыми методами, подменяя решение назревших проблем частичными уступками». Вяляс говорил, что «в условиях демократизации, гласности, процесса переоценки прежних ценностей, происходит рост национального самосознания. Это не простой процесс, не без издержек, некоторых перехлестов, но он закономерен». Иных критических высказываний в адрес растущей активности неформальных движений, многие из которых носили откровенно антисоветский характер, Вяляс не высказывал.

В то же время Вяляс заявил, что он выступал на конференции КПСС не только от имени коммунистов Эстонии, но и организаторов 100-тысячного митинга на Певческом поле в Таллине. Вяляс подчеркивал, что делегация коммунистов Эстонии получила «напутствие на небывалом по эмоциональному заряду и масштабам митинге, организованном по инициативе недавно родившегося у нас массово-

го движения народного фронта в поддержку перестройки». Делегация Компартии Эстонии представила свои предложения в виде развернутого меморандума.

Предложения «в области экономической и социальной политики» предусматривали передачу функций «управления экономики (кроме сферы обороны)... из союзной компетенции, из совместной компетенции СССР и союзных республик в компетенцию республик. К ведению республик необходимо отнести решение вопросов регулирования цен, тарифов и оплаты труда, финансовой и кредитной политики в пределах произведенного национального дохода». Предлагалось также «конкретизировать понятие государственной собственности в СССР, установив в Конституции СССР, что государственная собственность страны (за исключением сферы обороны) состоит из государственной собственности всех союзных республик, которые являются полноправными распорядителями этой собственности, национального дохода на своих территориях». О том, что значительная часть государственной собственности Эстонии была создана за счет всего Союза, в предложениях не упоминалось.

Явно откликаясь на требования Народного фронта Эстонии и других новых общественных организаций, предложения по национальной политике и межнациональным отношениям содержали требование о праве Эстонии «на свое гражданство и государственный язык». При этом не говорилось, как эти права будут сочетаться с общесоюзным гражданством и статусом русского языка в Эстонии. Хотя предложение о регулировании «демографической ситуации в сторону увеличения доли коренного населения» в Эстонии прямо не говорило о вытеснении «некоренного населения», трудно было представить, каким иным образом авторы документа собираются реализовать свою программу об «увеличении доли коренного населения».

Первым в программе «в области демократизации государственной и общественной жизни» стояла задача: «осудить массовые репрессии периода культа личности (в Эстонии в 1941 и 1949 годах) как преступления против человечности». (Вопрос о депортациях постоянно использовался в пропаганде Запада на Прибалтику.) Особо оговаривалась

необходимость Эстонии и других республик «иметь... свои представительства в соседних странах и государствах с многочисленной эмиграцией (имея в виду эмигрантов этой национальности)». Программа предусматривала «определить статус общественных организаций и других форм проявления гражданской инициативы», установления «гарантий их участия в разработке политического курса и управления общественными и государственными делами». Программа требовала «шире привлекать их к разработке и осуществлению важных государственных решений».

Руководство Компартии Эстонии делало вид, будто не видит противоречий между «ленинизмом» и программами Народного фронта Эстонии и других организаций. Как показали дальнейшие события, под покровом «восстановления ленинских норм» выдвигались требования, отвечавшие планам отделения Эстонии от СССР. Никто на конференции не попытался обратить внимание на сходство различных положений меморандума, представленного делегацией Эстонии, с давнишними требованиями, выдвигавшимися эмигрантами и их западными покровителями. Разница была лишь в том, что последние не прикрывали свои требования выхода из Эстонии фразами о «восстановлении ленинских норм».

Впрочем, выступление Вяляса и его меморандум не привлекли особого внимания многих из миллионов советских людей за пределами Прибалтики, хотя в те дни они напряженно следили за работой конференции. Гораздо больший интерес вызвали события вокруг конфликта между Б.Н. Ельциным и остальными членами Политбюро. Выступление Ельцина и ответ ему Лигачева стали предметом многочисленных споров и пересудов. Тогда стала знаменитой фраза Лигачева: «Борис, ты не прав!», которую он дважды повторил, обращаясь к Ельцину. Но было очевидно, что Ельцин не поддавался увещеваниям. Он продолжал свою конфронтацию с руководством КПСС, начавшуюся с осени 1987 года. В то же время вскоре стало ясно, что в своем соперничестве с руководителями страны Ельцин был готов опереться на те круги, которые требовали решительного слома советской системы.

Всеобщее внимание привлекло и выступление писателя Юрия Бондарева, содержавшее резкую критику политики

Горбачева и ее последствия. В своей речи 29 июня 1988 года он осудил тех, кто принялся «разрушать старый мир до основания,... вытаптывать просо, которое кто-то сеял... разрушать фундамент еще не построенного дворца». Писатель призывал: «Нам не нужно, чтобы мы, разрушая свое прошлое, тем самым добивали бы свое будущее». Он с возмущением говорил о призывах «исключить из школьных программ... произведения Шолохова» и «вместо них включить «Дети Арбата». Он говорил о публикациях, в которых «журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия» внедряют ненависть в гены», что «стабильность является самым страшным». Он цитировал «молодого человека», который писал «такие слова о старшем поколении: «Неужели вы еще не поняли, что мы вас уже разгромили? Все средства массовой информации, телевидение, видео, радио, печать в наших руках. Громят вас ежедневно, бьют вас. Прошло время ваших песен».

Бондарев разоблачал антисоциалистический характер «прорабов перестройки». Он говорил: «Наша экстремистская критика со своим деспотизмом, бескультурьем, властолюбием и цинизмом в оценках явлений как бы находится над и впереди социалистического прогресса. Он хочет присвоить себе новое звание «прораба перестройки». На самом деле исповедует главный свой постулат: пусть расцветают все сорняки и соперничают все злые силы; только при хаосе, путанице, неразберихе, интригах, эпидемиях литературных скандалов, только расшатав веру, мы сможем сшить униформу мышления, выгодную лично нам. Да, эта критика вожделеет к власти и, отбрасывая мораль и совесть, может поставить идеологию на границу кризиса».

Выступая против разрушения основ советского общества, писатель заявлял: «Мы против того, чтобы наше общество стало толпой одиноких людей, добровольным узником коммерческой потребительской ловушки, обещающей роскошную жизнь чужой всепроникающей рекламой».

Ю.В. Бондарев впервые поставил под вопрос и правильность «горбачевской перестройки». Писатель сравнил «перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка».

В своем выступлении председатель Советского комитета защиты мира Г.А. Боровик попытался опровергнуть Ю.В. Бондарева. Он также воспользовался образом самолета, исходя из того, что «самолет-Родина» стоял на лугу. «Только вдруг обнаруживается, что это не луг вовсе, на котором стоит самолет, а болото. Опасное, засасывающее. Еще немного — и гибель... С великим, невероятным трудом пилоты подняли самолет над болотом, над лесом подняли. А летные качества ведь неважные. И заржавело многое, и комья грязи. Тяжело, но летит. И вдруг кто-то из пассажиров спрашивает: «Как же так? Самолет подняли, а куда лететь — не знаете?» А другой говорит: «Вы лишили нас веры. Мы верили, что сидим на лугу, а оказалось, что сидим на болоте». Но самолет-то взлетел! Все-таки взлетел! И в нем — наша вера. Пока что мы еще кружимся, видимо, над болотом. Но долго нельзя — горючего может не хватить. И садиться обратно тоже нельзя — гибель. Мы все — экипаж нашего самолета».

Правда, Боровик оговорился, что его «сравнение Родины с самолетом хромает». На деле «хромала» попытка Боровика опровергнуть Бондарева. Во-первых, в своем выступлении Боровик невольно вынужден был подтвердить правоту Бондарева, объявив, что «самолет подняли в воздух», не думая о наличии посадочной площадки. Во-вторых, жизнь подтвердила предвидения Бондарева относительно провала перестройки по-горбачевски, быстрого превращения «прорабов перестройки» социалистического общества в могильщиков социализма и превращения советских людей в «узников коммерческой потребительской ловушки». Если же воспользоваться образом Боровика, то последовавшие события можно описать так: «самолет», направляемый «прорабами перестройки», после хаотичных кружений угодил в топкое болото.

В то же время сравнение Боровика «доперестроечной» жизни с болотом, в котором мог погибнуть Советский Союз, позволяло убеждать советских людей в том, что под руководством Горбачева они чудом уцелели от неминуемой катастрофы и поэтому ему следует безоговорочно верить и впредь.

Несмотря на выступление Бондарева, а также глухое ворчание ряда делегатов по поводу публикаций либераль-

ной печати, XIX конференция КПСС поддержала Горбачева и его политику. В резолюции «О гласности», с докладом о которой выступил А.Н. Яковлев, не было высказано ни единого критического слова в адрес антисоветских публикаций последнего времени. Напротив, в резолюции однозначно положительно оценивалась «обстановка гласности в деятельности... средств массовой информации» и заявлялось, что «утверждение открытости и правдивости... позволили партии, всему народу лучше понять свое прошлое и настоящее». Резолюция осудила «попытки сдерживать гласность в деятельности... средств массовой информации».

В своем заключительном выступлении на конференции М.С. Горбачев говорил, что «одной из героинь конференции была гласность... И хотя мнения были не однозначные, но, думаю, и здесь мы в конечном счете сошлись на том, что необходимо всячески поддерживать средства массовой информации, их работу по разгребанию, расчистке от всевозможных негативных явлений, доставшихся нам от прошлого, стимулированию смелых, неординарных, интересных людей, настоящих героев перестройки». О том, что обращение к прошлому означает, прежде всего, изображение советской истории как времени массовых репрессий, свидетельствовала концовка его выступления. М.С. Горбачев напоминал о предложении Н.С. Хрущева на XXII съезде КПСС «о сооружении памятника жертвам репрессий». Заявив, что «поднимался этот вопрос и на XXVII съезде партии, но не получил практического решения», Горбачев погрешил против истины. Два года назад такой вопрос на съезде не «поднимался». Теперь Горбачев провозглашал: «Восстановление справедливости по отношению к жертвам беззакония — наш политический и нравственный долг. Давайте, исполним его сооружением памятника в Москве».

Подводя итог конференции, Горбачев излучал оптимизм. Он уверял, что «конференция дает четкий ответ: через демократизацию, экономическую реформу и преобразование политической системы мы сделаем перестройку необратимой; через революционную перестройку мы придем к качественно новому, гуманистическому и демократическому облику социализма».

Глава 13
ПРОЦЕСС ПОШЕЛ...

Вряд ли кто-нибудь из делегатов конференции ожидал, что через три с половиной года после ее закрытия партия будет распущена и запрещена, Советский Союз — ликвидирован, а «социализм» станет бранным словом. Но эти события стали логическим следствием успеха Горбачева на партийной конференции, который вдохновил его сторонников в руководстве КПСС и за его пределами. После завершения партконференции А.Н. Яковлев полностью взял под свой контроль идеологическую деятельность ЦК КПСС.

В ходе своей поездки в Прибалтику, состоявшейся летом 1988 года, А.Н. Яковлев провел немало бесед с партийными руководителями и интеллигенцией трех республик. В своих публичных выступлениях в Риге и Вильнюсе, опубликованных в газетах «Советская Латвия» и «Советская Литва», Яковлев недвусмысленно осудил недавнее заявление Е.К. Лигачева, который сказал: «Мы исходим из классового характера международных отношений... Иная постановка вопроса вносит лишь сумятицу в сознание советских людей и наших друзей за рубежом». Публичное осуждение того, что еще недавно считалось аксиомой советской идеологии, означало отказ от непримиримой борьбы с идейно-политической кампанией, которую страны Запада при помощи выходцев из Прибалтики вели в течение десятков лет против Советской власти в Эстонии, Латвии и Литве. Одновременно в ходе своих бесед Яковлев дал понять, что надо поддерживать неформальные общественные движения, вне зависимости от их идейно-политической ориентации. Во время своего пребывания в Риге, как свидетельствует М.Ю. Крысин, А.Н. Яковлев назвал осуждение националистических настроений «аморальным». По сути, он открыл «зеленую улицу» курсу на выход Эстонии, Латвии и Литве из СССР.

Зная его ближе, тогдашний председатель КГБ СССР и член Политбюро В.А. Крючков вспоминал: «Яковлев не воспринимал Союз, считал нашу страну империей, в которой союзные республики были лишены каких бы то ни было свобод. К России он относился без тени почтения, я ни-

когда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе... Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру нашей победой в Великой Отечественной войне... Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу... Именно Яковлев сыграл едва ли не решающую роль в дестабилизации обстановки в Прибалтике... В Прибалтийских республиках он всячески поддерживал националистические, сепаратистские настроения, однозначно поддерживал тенденции на их отделение».

Позиция Яковлева и молчаливое одобрение этой позиции Горбачевым вдохновляли националистов и в других республиках СССР. Развертыванию их пропаганды способствовало крикливое осуждение сталинской национальной политики. Истерические заявления о «сталинской тюрьме народов» позволили реанимировать многие споры по поводу границ между республиками, их статуса в общесоюзном государстве. Достаточно было сказать, что те или иные решения были приняты по инициативе Сталина или в его время, и можно было отрицать законность этих решений. Объявление в разгар антисталинской кампании о том, что вхождение Нагорного Карабаха в состав Азербайджана было следствием решения Сталина, не могло не спровоцировать в начале 1988 года кризис, потрясший до основания две закавказские республики, а заодно весь СССР.

Сейсмические волны потрясения в Карабахе отозвались в кровавых событиях в Сумгаите и Баку, перекинулись через Каспий и привели к резне «турок-месхетинцев» в Фергане. Карабахский кризис нашел своих «двойников» в кровавых столкновениях в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, приведших к расколу некогда единых союзных республик по этническому признаку. В пучину гражданской войны оказался брошен Таджикистан. Миллионы людей покидали свои родные дома, опасаясь безжалостных расправ.

Рассказывая о положении в Молдавии, М.И. Кодин напоминал о тогдашнем лозунге националистов: «Чемодан! Вокзал! Россия!» Он вспоминал, как 7 ноября 1989 года

было сорвано проведение традиционного военного парада в Кишиневе: «Активисты Народного фронта отсекли танки и после хилой демонстрации трудящихся впервые вышли отдельной колонной с лозунгами: «Армия — за Днестр!», «Долой диктатуру коммунистов!», «Долой колонизаторов!» и т.п.»

«10 ноября, в День милиции, многотысячная толпа штурмовала здание МВД республики, несколько сотен человек с обеих сторон пострадали. В тот же день был создан гражданский комитет с целью захвата власти в республике, который потребовал отставки правительства и с 16 ноября призвал ко всеобщей забастовке. Республику сотрясали митинги и демонстрации, их число превысило почти 200. Народный фронт усилил нажим на лиц еврейской национальности, хотя заверял раввина Кишинева, что «евреям нечего бояться», и только в 1989 году из Молдавии выехали 5 тысяч евреев, многих из них избивали на вокзале и в аэропорту».

Объявление Сталина преступником не могло не активизировать националистические силы Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Белоруссии, Западной Украины и Молдавии. Они выдвигали требование признать незаконным советско-германский договор о ненападении 1939 года. На этом основании они требовали не только выхода из состава СССР, но и уплаты колоссальных денег за мнимый «ущерб», нанесенный им «советскими оккупантами». На этом же основании они требовали запрета русского языка и изгнания «некоренного населения».

В масштабах же всей страны под предлогом освобождения от сталинизма и в точном соответствии с рекомендациями заокеанских советологов стала развертываться кампания по внедрению идей «антисталинских альтернатив»: бухаринской и троцкистской. В феврале 1988 года были реабилитированы все участники процесса так называемого «право-троцкистского центра» во главе с Бухариным (кроме Г.Г. Ягоды). В стране большими тиражами вышла книга Стивена Коэна «Бухарин». По случаю 100-летия со дня рождения Бухарина во многих газетах страны были опубликованы большие статьи, посвященные ему.

В статье «Гибель и воскресение Бухарина», опубликованной в «Советской культуре», Э. Вериго и М. Капустин

ставили вопрос: «Преемником КОГО был Бухарин?» и подводили читателя к мысли о том, что истинным наследником Ленина должен был по всем статьям стать Бухарин. Они прямо утверждали, что Сталин «не обладал законным правом на наследство, силой узурпировал его». Чтобы восстановить легитимность, авторы статьи публиковали перечень известных лиц с одним добавлением: «Маркс, Энгельс, Ленин, Бухарин». Так просто и незатейливо в сознание людей внедрялась мысль о посмертной победе Бухарина над Сталиным, о торжестве бухаринской альтернативы над наследием Сталина.

В печати стали публиковаться статьи, восхвалявшие Троцкого. Особенно старался Вадим Роговин, опубликовавший впоследствии книгу «Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы». Роговин уверенно отвечал: альтернатива была, и она была «троцкистской».

Однако бухаринская и троцкистская альтернативы «сталинизму» послужили лишь временными прикрытиями для демонтажа социалистической общественной организации. Часто употреблявшиеся Горбачевым слова: «Процесс пошел!», которые он произносил, с удовлетворением оценивая ход «перестройки», приобретали зловещий смысл: процесс разрушения шел бесконтрольно и приобретал необратимый характер.

Теневая экономика, десятилетиями вызревавшая в СССР, теперь получила возможность легализоваться. Благая идея мобилизовать предприимчивость людей и коммерческие механизмы для удовлетворения недостаточно удовлетворяемых потребностей людей с самого начала оказалась на службе хорошо организованных криминальных организаций. Эти силы имели тесные связи с коррумпированной частью правящего слоя страны. Вопреки сомнительным исследованиям Заславской, криминализированные круги активно поддержали горбачевскую перестройку. Привыкнув к быстрым и случайным обогащениям в период своей нелегальной деятельности, новый класс предпринимателей стремился как можно быстрее получить спекулятивную прибыль. Их лозунгом стали слова: «Куй железо, пока Горбачев!»

Под флагом борьбы со «сталинизмом» развернулось уничтожение советского хозяйства, системы социального

обеспечения, образования, культуры, сложившихся национальных отношений, государственного устройства. Под огнем разнузданной критики оказались целые направления народного хозяйства, по которым продукция страны лидировала во всем мире. Нет сомнений в том, что организация советской экономики нуждалась в совершенствовании, многое нужно было радикально модернизировать, а от чего-то отказаться. Однако глашатаи «перестройки» огульно объявляли заводы и фабрики — ненужной данью «сталинской гигантомании», гидроэлектростанции — экологически вредными, колхозы и совхозы — преступно созданными организациями, а экономику — убыточной и растратной.

По словам М.И. Кодина, «вся... отвергнутая жизнью группа псевдоноваторов-экономистов», о которых он писал, рассказывая о провале экономических реформ во времена Брежнева и Косыгина, «снова вылезла из подворотни. Убогий на экономическое мышление М.С. Горбачев взял их себе в подельники по развалу народнохозяйственного комплекса великой страны. Да, советская экономика действительно требовала перемен, но при условии вдумчивого, грамотного и аккуратного вмешательства, а не бесцеремонного обращения с огромным хозяйством. Помощником у генсека стал академик из этой команды Н. Петраков. Пресса изо дня в день забивала сознание общества бредовыми статьями вернувшегося из США Бирмана, а также А. Аганбегяна, С. Шаталина, П. Бунича, Г. Попова». Их выступления поддерживали некоторые журналисты, вроде Селюнина, Нуйкина и Черниченко, еще хуже разбиравшихся в экономических проблемах страны. Эти публикации были перенасыщены нападками на сталинскую «затратную» экономику.

Следствия тотальной атаки на организацию экономики страны, поддержанной Горбачевым, не заставили себя долго ждать. По словам Крючкова, «в 1988 году обозначилось, а в 1989 году стало более очевидным сокращение темпов прироста в промышленности и сельском хозяйстве. В 1990—1991 годах он пошел уже с минусом. Упал жизненный уровень. Страна вступила в полосу глубокого и всестороннего кризиса».

Атаке подвергались созданные в сталинские годы науч-

но-исследовательские институты, университеты и вузы, техникумы, училища и школы, театры и музеи, кинотеатры и библиотеки, целые научные направления, системы образования, артистические школы. Спору нет, в 80-х годах стало очевидным, что научно-исследовательские учреждения науки, образования и культуры нуждались в модернизации, особенно технической, резком обновлении информационной техники. Однако не было никаких оснований для демагогических заявлений глашатаев «перестройки», вроде генерала Д.Д. Волкогонова, утверждавшего, что при Сталине было создано «всеобщее образование довольно низкого качества», и осуществлялось «приобщение широких масс» лишь «к азам духовной культуры». И это говорилось о советской системе образования, которая после запуска первого советского спутника Земли служила для американцев примером для подражания! И это говорилось о культуре, знакомство с образцами которой в течение всех лет советской власти вызывало восхищение людей во всем мире! Невежественные «перестройщики» утверждали, что вся наша наука, которая в поразительно быстрые исторические сроки вывела страну на самые передовые рубежи научно-технического прогресса, была в плену догматического «сталинизма», а потому не выдерживает сравнения с западной. Однако в это же время Запад старался заполучить как можно больше блестяще подготовленных советских научных специалистов.

Под вопли о «произволе» карательных органов СССР разрушались органы правопорядка, разведка и контрразведка. Под крики о «советской агрессии» уничтожались вооруженные силы страны. Одной из мишеней для «нападок стала армия, — писал В.А. Крючков. — В открытую говорили об иждивенчестве военнослужащих, их третировали, били по командному составу, стали доказывать невыгодность для Советского Союза продолжения линии на удержание стратегического паритета, что якобы лишь мешает Западу развивать торгово-экономические отношения с нами, а Советский Союз ввергает в ненужные расходы».

Признание всех действий Сталина преступными позволяло поставить под вопрос законность всей системы международных отношений, сложившейся после Ялты и Потсдама. Антисоветские и антисоциалистические силы в ГДР,

Польше, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии получили мощное идейно-политическое оружие для борьбы против существовавших строев и за выход из военно-политического блока с СССР. В этих странах совершались то «бархатные», то кровавые революции и к власти приходили правительства, объявлявшие о своем желании выйти из Варшавского договора.

Широкомасштабное отступление СССР на международной арене стало возможным после завершения встречи М.С. Горбачева и Дж. Буша-старшего на Мальте 2—3 декабря 1989 года. Анатолий Громыко назвал эту встречу «политическим и дипломатическим Чернобылем».

Сделка на Мальте между Горбачевым и Бушем предусматривала невмешательство Союзного правительства в процессы, развивавшиеся в Прибалтике, а также в странах Центральной и Юго-Восточной Европы при активном участии США и других стран Запада. «На Мальте, — указывал Анатолий Громыко, — Горбачев проиграл по всем статьям, однако демонстрировал наигранный оптимизм и считал, что наконец-то может доверять Бушу. Вопреки здравому смыслу Горби считал, что США не будут форсировать объединение Германии и не поставят советско-американские отношения в зависимость от «прибалтийской проблемы». У него укрепилось мнение, что «дядя Сэм» оплатит сдачу советских позиций хорошей финансовой помощью. Горбачев так ее и не дождался... Встреча на Мальте войдет в историю дипломатии как «советский Мюнхен». После него, как любил говаривать Михаил Сергеевич, «процесс пошел». Как Нерон сжег Рим, так и Горби, наслаждаясь властью, ослепленный ею, разваливал свое государство, и судьбы миллионов соотечественников... В современной мировой истории нет более печальных и постыдных страниц, чем издевательство над СССР, допущенное после Мальты».

Не удивительно, что на Западе с ликованием встречали любимого «Горби», награждая его титулом Лучшего Немца, присуждая ему Нобелевскую премию мира и одаривая многими другими наградами.

Тем временем последствия капитуляции на Мальте не заставили себя долго ждать. Получив соответствующие сигналы из Вашингтона, сепаратисты перешли в решительное наступление. 11 марта 1990 года на заседании Верхов-

ного Совета Литовской ССР было принято решение о провозглашении независимости Литвы. Решение литовского Верховного Совета открыло новую фазу в остром политическом кризисе, вышедшем за пределы СССР. Действия литовского руководства сопровождались активными выступлениями за выход из состава Союза во многих республиках и областях страны. Требования об отделении своих республик выдвинули Верховные Советы Эстонии и Латвии, многие деятели Белорусского народного фронта и украинского движения «Рух».

В апреле 1990 года, как отмечал историк М.Ю. Крысин, «главы правительств Эстонии, Латвии и Литвы подписали соглашение об экономическом сотрудничестве, а в мае того же года на встрече в Таллине договорились о возобновлении действия «Балтийского договора о единстве и сотрудничестве от 1934 года». В своих действиях по расколу СССР руководители трех республик получали большую поддержку от руководства РСФСР. Как писал М.Ю. Крысин, уже в июне 1990 года «главы правительств прибалтийских республик встретились с недавно избранным председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным и заручились его поддержкой в борьбе за независимость».

М.И. Кодин пишет: «Главный удар по союзному Центру в 1989–1990 годах осуществляли республики Прибалтики, Украина и Россия. Особенно злобно нападала на руководство СССР «Демократическая Россия», на которую работало почти все Отделение экономики АН СССР. Это прежде всего академики А. Аганбегян, С. Шаталин, Н. Петраков, Т. Заславская, Г. Арбатов и самый активный среди них О. Богомолов».

Национал-сепаратисты получали моральную и материальную поддержку от тех, кто разваливал СССР из Москвы. «Межрегиональная группа» депутатов во главе с Ельциным, Афанасьевым, Поповым, Станкевичем постоянно декларировала свою солидарность с национал-сепаратистским движением в Прибалтике. Они поддерживали спекуляции сепаратистов на репрессиях 40-х годов в этом регионе и клеймили «сталинизм».

Эти выступления получали всестороннюю поддержку и щедрую помощь от стран Запада. В уже цитировавшемся выше выступлении М. Тэтчер в Хьюстоне «железная леди»

утверждала, что деятельность «народных-фронтов» «не потребовала больших средств: в основном это были расходы на множительную технику и финансовую поддержку функционеров». Аналогичные суждения высказали и руководители спецслужб США, снятые в телефильме К. Семина «Империя добра». Они цинично заявляли, что организовать «революции» на территории СССР было легко: достаточно было предоставить американскую заработную плату сравнительно небольшому числу «диссидентов». Правда, Тэтчер признавала, что «весьма значительных средств потребовала поддержка длительных забастовок шахтеров».

Планы, составленные в штабах НАТО, выполнялись, хотя и с известными модификациями. Советологи совершенно верно оценили ключевую роль фигуры Сталина для уничтожения СССР. Наступление против Сталина под благовидными предлогами восстановления справедливости, нарушенной в отношении сотен тысяч человек, привело к разрушению всего созданного под руководством Сталина или в развитие его начинаний. Вопрос о том, чего было больше в деяниях Сталина — разрушительного или созидательного, разрешался в ходе разгрома его наследия. За напоминание о несправедливостях и беззакониях, совершенных в годы его правления, руководители страны платили несоразмерную цену: международными позициями страны, границами 1945 года, экономикой, наукой, культурой, системой социальной защиты, основами морали и, наконец, самим Союзом ССР. Поскольку же Сталин постарался соединить революционные нововведения с российской традицией, то удар по сталинскому наследию неизбежно сокрушал тысячелетние основы российской державы. Созидательной же альтернативы сталинскому наследию у Горбачева, Яковлева, Фалина, Черняева и других не было. «Социалистические альтернативы» оказались миражом, рожденным фокусничеством ловких политических иллюзионистов.

В этой нездоровой обстановке разрушалась способность людей отличать «черное» от «белого» и сознание людей стремительно деградировало. Под видом «освобождения» от «пут сталинского наследия» воскресали многие давно забытые суеверия и виды шарлатанства, которые всегда обеспечивали жулью возможность для легкого обогащения. Десятки миллионов людей смотрели одну за другой

программу Кашпировского. «Целитель» уверял, что он может с помощью гипноза заставить вырасти волосы на лысой голове и избавить больных от различных болезней. Миллионы людей в это время ставили стаканы с водой и тюбики с мазями, которые «заряжал» с телеэкрана бывший телеоператор Чумак. Неслучайно в стране в конце 80-х годов вдруг распространилась игра в «наперстки», которая была давно описана еще в рассказе О. Генри про нравы глухой американской провинции начала XX века.

Активно распространялись всевозможные шарлатанские ревизии мировой истории. Прежде распространявшиеся лишь ротапринтным способом сочинения математика Фоменко и его последователей ныне выпускались огромными тиражами. В них доказывалось, что мировая история короче на пару тысячелетий, что ни монгольского нашествия, ни самой Монголии не было, так как слово «Монголия» — это искаженное греческое слово «Мегалополия», то есть «Многогородье», что Куликовская битва представляла собой небольшую стычку между русскими князьями в Москве и многое другое, повергавшее профессиональных историков в предынфарктное состояние. Теперь этими бреднями зачитывались миллионы читателей и многие из них верили в эту чушь.

Не удивительно, что в такой атмосфере, когда различия между правдой и ложью, обманом и честностью исчезали, демагоги и популисты собирали обильный урожай людских симпатий. Любой болтун, обещавший решить острейшие проблемы страны в кратчайшие сроки, хотя бы за 500 дней, воспринимался с доверием. Любой демагог, призывавший все национальные края «глотать суверенитета столько, сколько вам влезет», вызывал всенародный восторг. В депутаты страны избирались целые редколлегии органов печати и ведущих массовых телепередач, прославившихся демагогичностью и пустозвонством. Популярные артисты, знакомые с государственными делами лишь во время исполнения ими ролей видных деятелей страны, без труда побеждали на выборах людей, умудренных государственным опытом, потому что они могли со слезой произнести страстные монологи о страданиях узников ГУЛАГа и с профессиональным мастерством изобразить из себя борцов против «сталинизма».

Опираясь на стремление одних изменить строй и убрать препоны на пути накопления собственности, одурачив других лозунгами «перестройки» и «демократии», Горбачев остался у руля управления страной, продолжая процесс ее разрушения. При попустительстве миллионов коммунистов и значительной части советских людей руководство страны продолжало идти «дальше... дальше... дальше!» Несмотря на явное банкротство его политики, Горбачев сумел найти поддержку среди большинства делегатов Съезда народных депутатов СССР, избравших его весной 1990 года президентом СССР, и среди большинства делегатов XXVIII съезда КПСС, переизбравших его летом 1990 года Генеральным секретарем ЦК КПСС.

В то же время в резолюции съезда по политическому отчету ЦК КПСС признавалось, что со времени XXVII съезда и XIX конференции партии в стране усилились «кризисные явления», обострилась ситуация в обществе и партии. Резолюция гласила: «Страна переживает трудное время... Серьезную социальную напряженность и справедливое недовольство населения вызвали фактический развал потребительского рынка, усиление дефицита, обесценение рубля. Обострились социально-экономические проблемы села. Резкое ослабление государственной и трудовой дисциплины, рост преступности, насилия, сопровождающиеся гибелью людей, появлением беженцев; коррупция, спекуляция, пьянство и наркомания, упадок нравственности вызывают тревогу, усложняют политическую обстановку. Опасность для настоящего и будущего страны представляет бедственное состояние науки, образования, культуры, здравоохранения... Съезд отмечает: обострение межнациональных отношений застало партию врасплох. ЦК зачастую не владел инициативой при урегулировании конфликтов, мирился с половинчатыми мерами в центре и на местах».

Однако эти и другие свидетельства острейшего кризиса объяснялись, прежде всего, «недооценкой со стороны ЦК КПСС сложностей преодоления наследия бюрократической командно-административной системы». Одновременно в резолюции говорилось, что «большинство коммунистов... не несут ответственности за преступления Сталина и его сообщников». Иных оценок Сталину дано не было. Ре-

золюция подтверждала верность прежнему курсу и уверяла в «необратимости перестройки».

В своем выступлении по итогам политического отчета ЦК КПСС съезду Горбачев также объяснял возникший в стране кризис последствиями правления Сталина. Он говорил: «Не все, что скопилось в душной и репрессивной атмосфере сталинщины и застоя и теперь выплеснулось на поверхность, оказалось приятным и конструктивным. Но с этим приходится считаться». Он отвергал критику его политики, высказанную многими делегатами съезда, заявив: «На съезде сталкивались мнения о том, что дала перестройка. Были попытки оценить ее на аптекарских весах, при помощи четырех действий арифметики. Это несерьезно, товарищи. О таком явлении, как перестройка, революционное преобразование общества, нужно судить по новым критериям, критериям исторического масштаба... Несмотря на критические оценки отчетного доклада, я не отказываюсь ни от чего, что там сказано, потому что все это обдумано и взвешено. Главный позитив достигнутого — общество получило свободу. Она раскрепостила энергию народа...»

Однако к концу 1990 года «раскрепощенная энергия» явно вышла из-под контроля. Даже Горбачев ощущал неминуемость краха. В сентябре 1990 года Черняев записывает монолог Горбачева: «Толя! Что делать-то? За что ухватиться? У народа отвисает челюсть — куда податься!... Как соединить?» По словам Черняева, Герострат XX века заявлял: «Я ни о чем не жалею. Раскачал такую страну! Кричат «Хаос!», «Полки пустые!», «Партия разваливается!» «Порядка нет!»... А как иначе? История пока иначе не делается. Как правило, такие большие повороты сопровождаются большой кровью. У нас удалось до сих пор ее избежать... А дефициты и полки пустые... переживем. Нет. Не жалею ни о чем. И не боюсь».

В конце 1990 — начале 1991 года недовольство Горбачевым в народе стало резко возрастать. Черняев записывал в своем дневнике: «В очередях... брызжут слюной бабы, матерятся мужики при одном упоминании имени Горбачева... вспоминают райские времена при Сталине и Брежневе». Люди, еще недавно слепо принявшие антисталинскую пропаганду, стали отвергать ее. Порой можно было увидеть ав-

томашину, к стеклу которой был приклеен фотопортрет Сталина.

Вопреки антисталинской пропаганде и в ее разгар, кинорежиссер Юрий Озеров создавал новый фильм «Сталинград», посвященный Великой Отечественной войне. Как и в предыдущих случаях, я был приглашен на роль переводчика Сталина в сцене его переговоров с Черчиллем в августе 1942 года. Фильм снимался в Большом Кремлевском дворце. Однако события, спровоцированные всесоюзной антисталинской кампанией, ломали планы создателей фильма: беспорядки в Тбилиси в ноябре 1988 года привели к отмене рейсов самолетов и актер, исполнявший роль Сталина, не прибыл на съемку. На первый день съемок отсняли встречу «Черчилля» в Кремле, но без «Сталина». На второй день актер опять не смог прилететь из Грузии. Решение, которое было принято Озеровым, было неожиданным: снять общим планом сцену в Екатерининском зале Кремлевского дворца, а на место «Сталина» посадить любого человека из съемочной группы, которому оказались бы впору костюм «Сталина» и его парик. По оценке Озерова и его коллег, таким человеком оказался я.

Когда я утром прибыл на студию, то, к моему удивлению, меня срочно стали переодевать и гримировать соответствующим образом. Через час, одетый в мундир «Сталина», его сапоги, в его парике и с приклеенными усами, я въезжал в автобусе «Мосфильма» в Боровицкие ворота Кремля. (Я невольно вспомнил песню, которой открывал когда-то свои концерты хор имени Пятницкого. В ее первом куплете говорилось о том, как «в Боровицкие высокие ворота выезжает Сталин из Кремля».) Разумеется, в отличие от настоящих артистов, игравших эту роль (в этом фильме все сцены, в том числе и сцена в Кремле на ближнем плане, были в последующем отсняты в студии в исполнении актера Арчила Гомиащвили), я не мог должным образом сыграть Сталина, хотя я старательно повторял все реплики, которые мне суфлировал помощник режиссера, а В. Трошин, игравший Ворошилова, Н. Засухин, игравший Молотова и английский актер Р. Лэйси, игравший Черчилля, давали мне профессиональные советы. И все же появление человека в гриме «Сталина» вызывало все ту же реакцию, которую я прежде наблюдал на съемках «Освобожде-

ния» и «Битвы за Москву». Правда, на этот раз на съемочной площадке не было толпы народа, но охранники Кремлевского дворца старались по очереди сфотографироваться со «Сталиным», а разговоры в съемочной группе неожиданно приняли ностальгический характер о сталинском времени. Потоки лжи, вылитые на Сталина, не сумели вытравить добрую память о нем.

В это время многие люди обнаруживали очевидные несообразности лживых сочинений на «сталинскую тему» и зачастую не потому, что были «сталинистами». Так, О.В. Мартышин, сын упомянутого выше преподавателя В.В. Мартышина, ознакомившись с публикациями в «Огоньке» бывших коллег своего отца, в которых искажалась история о поведении Василия в артиллерийской школе, представил для публикации в «Учительской газете» весной 1991 года личное письмо И.В. Сталина В.В. Мартышину, которое до тех пор не было известно историкам. С тех пор это письмо заняло важное место среди работ, характеризующих личность И.В. Сталина. Как и его отец, не побоявшийся в 1938 году написать письмо Сталину с критикой поведения Василия, О.В. Мартышин не испугался возможных несправедливых обвинений в разгар антисталинской истерии: он сам не был сторонником Сталина и не является таковым и ныне. Доктор юридических наук был лишь озабочен восстановлением правды. Возникал вопрос: сколько же других письменных и устных свидетельств о жизни Сталина и его деятельности было утрачено только из-за того, что люди испугались выступить в защиту исторической правды и трусливо подчинялись политической конъюнктуре?

Между тем кампания по дискредитации Сталина продолжалась, и чем дальше, тем становилась грязнее. Хотя «письмо Еремина» было признано фальшивкой всеми видными исследователями деятельности Сталина, включая Роберта Таккера и Роберта Конквеста, «грязное подозрение» (по словам советолога Даллина) вновь «сгодилось» через три десятка лет с лишним. Осенью 1988 года в журнале «Дружба народов» была опубликована глава «Дублер» из повести писателя Алеся Адамовича «Каратели». Как отмечал А.В. Островский, «эта публикация едва ли не впервые в советской печати содержала обвинение И.В. Сталина

в сотрудничестве с царской охранкой». В публикации цитировалось известное «письмо Еремина».

За писателем последовали и ученые. Профессор Г. Арутюнов и профессор Ф. Волков в своей статье «Перед судом истории», опубликованной в «Московской правде» от 30 марта 1989 года, отвечая на вопрос читательницы С. Антоновой, пожелавшей узнать, правду ли написал Алесь Адамович, открывали свой ответ словами: «Черты грубости, коварства, нелояльности, капризности в характере Сталина, а главное — стремление к неограниченному правлению в партии и государстве, неразборчивость в средствах достижения целей — все это и породило, как отмечал Д. Волкогонов, «демона и злодея». Соединив ленинские слова из «Письма к съезду» с категоричным вердиктом Волкогонова, авторы уверяли, что один из них (Арутюнов) еще в 1961 году обнаружил в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства письмо, из которого следовало, что «демон и злодей» был агентом царской полиции. Письмо было подписано Ереминым и дословно соответствовало «пйсьму», обнародованному Левиным в 1956 году. Авторы статьи добавили к известной фальшивке пересказ версии А. Орлова и высказывания О.Г. Шатуновской, которая утверждала, будто, по словам С. Шаумяна, «Сталин был агентом царской Охранки с 1906 г.».

Правда, все попытки найти это «письмо Еремина» в московском архиве, которое, по словам авторов статьи, там хранилось, оказались тщетными по той простой причине, что оно находилось в США. И все же активное использование «письма Еремина» заставило отечественных исследователей заняться изучением этой фальшивки, так как они не знали о том, что она была уже опровергнута зарубежными исследователями. В то же время они смогли внести свой вклад в разоблачение нелепостей сфабрикованного письма. В статье «Был ли Сталин агентом Охранки?», опубликованной в журнале «Вопросы истории КПСС» (1989, № 4), а затем в журнале «Родина» (1989, № 5), Б. Каптелов и З. Перегудова обратили внимание на то, что «письмо Еремина» составлено с вопиющими нарушениями правил делопроизводства тех лет: «угловой штамп документа... существенно отличается от типографски выполненного штампа. Вместо

«Заведующий Особым отделом Департамента полиции» — «МВД. Заведывающий Особым отделом Департамента полиции». В просмотренных нами материалах Особого отдела за 1906—1913 гг. мы не встретили ни одного штампа, который был бы идентичен приводимому ни по расположению строк, ни по шрифту». По оценке исследователей, «недоумение вызывает и штамп входящей документации», «из Особого отдела не мог выйти документ с приведенным выше исходящим номером». С таким номером было обнаружено другое письмо по поводу «дерзкой выходки трех неизвестных злоумышленников» по отношению к городовому. Авторы утверждали, что «согласно правилам дореволюционного правописания, в материалах Департамента полиции вместо отчества — Петрович, Васильевич, Виссарионович — указывается Иван Иванов, Михаил Петров, Иосиф Виссарионов. В так называемом письме Еремина читаем: «Иосиф Виссарионович».

Б. Каптелов и З. Перегудова указали на то, что из текста «письма» «можно понять, что Сталин был участником Пражской конференции, хотя известно, что на конференции в ЦК он был избран заочно». Заметили они и то, что «Енисейского Охранного отделения», куда было адресовано «письмо Еремина», никогда не существовало. Хотя среди жандармов в этом крае был Железняков, но его звали не «Алексей Федорович», как указывалось в «письме Еремина», а «Владимир Федорович», и служил он не в Охранном отделении, а в Енисейском розыскном пункте. Авторы также установили, что подпись Еремина не похожа на ту, что поставлена в «письме». Авторы разыскали рапорт Еремина о предоставлении ему отпуска перед переводом из Санкт-Петербурга в Гельсингфорс от 10 мая 1913 г. и циркуляр директора департамента полиции С. Белецкого об освобождении Еремина от его обязанностей в связи с его назначением начальником Финляндского жандармского управления от 19 июня, т.е. почти за месяц до даты, обозначенной в «письме Еремина». Авторы уверенно заключали: «Эти документы, свидетельствующие о том, что Еремин никак не мог подписать документ за № 2898 от 12 июля 1913 г., и позволяют нам утверждать, что документ не является подлинным».

Авторы статьи обнаружили, что версия Левина о пере-

ходе Сталина на службу царской полиции строится на том, что ее автор проявил элементарное невежество: он не учел разницу между григорианским и юлианским календарным стилем. Мнимый арест Сталина 15 апреля 1906 г., после которого, по утверждению Левина, он выдал Авлабарскую типографию и стал сотрудничать с полицией, не мог иметь места, так как в это время Сталин уже давно находился в Стокгольме, где с 10 до 25 апреля происходил IV съезд партии. Дело в том, что Левин брал дату разгрома Авлабарской типографии по старому стилю (15 апреля), а дни работы съезда — по новому стилю (23 апреля—8 мая). Не заметили этой вопиющей неграмотности и отечественные ученые Г. Арутюнов и Ф. Волков, которые не только повторили версию Левина, но к тому же присвоили себе «лавры» открывателей фальшивого «письма Еремина».

Б. Каптелов и З. Перегудова не ограничились разоблачением фальшивки Левина. В связи с тем, что в конце 80-х гг. широко публиковались ссылки на якобы имевшие место высказывания С. Шаумяна о том, что Сталин был связан с царской полицией, авторы статьи замечали, что «слухи о причастности Сталина к провокации возникло давно, еще в 1910 г. Поводом к ним послужили провалы Бакинской организации, которые всегда порождали в организации взаимные подозрения... Причем подозревался не только Сталин, но и другие члены организации. Об этом мы узнали из донесений сотрудников, освещавших деятельность местного комитета. В 1909—1914 гг. в Бакинском Охранном отделении и ГЖУ (Губернское жандармское управление. — *Прим. авт.*) работало более 10 секретных сотрудников, они давали сведения по социал-демократическому движению и были достаточно информированы».

Б. Каптелов и З. Перегудова перечислили фамилии этих агентов полиции и привели примеры их донесений. Процитировали они и донесение агента по кличке «Фикус», под которой скрывался Николай Степанович Ериков, по паспорту Бакрадзе Давид Виссарионович. В донесении Ерикова-Фикуса за март 1910 года говорилось: «В Бакинском комитете все еще работа не может наладиться. Вышло осложнение с «Кузьмой» (псевдоним С. Шаумяна. — *Прим. авт.*). Он за что-то обиделся на некоторых членов комитета и заявил, что оставляет организацию. Между тем присланные

Центральным комитетом 150 рублей на постановку большой техники, все еще бездействующей, находятся у него, и он пока отказывается их выдать. «Коба» несколько раз просил его об этом, но он упорно отказывается, очевидно, выражая «Кобе» недоверие».

Комментируя это донесение «Фикуса», Б. Каптелов и З. Перегудова замечали: «Именно на основе этого сообщения пошли слухи о том, что Шаумян не доверял Сталину и якобы считал его провокатором». Очевидно, что крайне небрежное обращение с фактами позволило А. Адамовичу сделать из этого донесения «Фикуса» версию, что Сталин-то и был «Фикусом», выдававшим партийные тайны полиции. Ведь, если Сталин был «Фикусом», то получается, что он писал доносы на себя самого.

Б. Каптелов и З. Перегудова привели и другое донесение «Фикуса», сделанное им через 10 дней: «Упоминаемый в месячных отчетах (представленных мною от 11 августа минувшего года за № 2681 и от 6 сего марта за № 1014) под кличкой «Молочный», известный в организации под кличкой «Коба» — член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль, принадлежавшую ранее Прокофию Джапаридзе [арестован 11 октября минувшего года — донесение мое от 16 октября за № 3302], задержан, по моему распоряжению, чинами наружного наблюдения 23 сего марта».

«К необходимости задержания «Молочного» побуждала совершенная невозможность дальнейшего за ним наблюдения, так как все филеры стали ему известны и даже назначаемые вновь, приезжие из Тифлиса, немедленно проваливались, причем «Молочный», успевая каждый раз обмануть наблюдение, указывал на него и встречавшимся с ним товарищам, чем, конечно, уже явно вредил делу».

Это донесение «Фикуса» служит Каптелову и Перегудовой убедительным свидетельством лживости всех обвинений Сталина в связях с царской полицией, которые выдвинули Адамович, Арутюнов и Волков. Добросовестные исследователи не испугались разнузданной антисталинской пропаганды, царившей в обществе, и разоблачили давнишнюю фальшивку, которой попытались воспользоваться конъюнктурщики от науки и литературы.

К этому времени организаторам антисталинской кампании стало ясно, что, несмотря на множество статей, передач в эфире, художественных и «документальных» фильмов, в стране нет ни одной биографии Сталина. Поэтому в марте 1990 года Политиздат выпустил тиражом в 100 тысяч экземпляров переведенную с венгерского языка книгу «Сталин», написанную Ласло Белади и Тамашом Краусом. В предисловии к своей биографии Сталина авторы подчеркивали, что «самую значительную и авторитетную оценку его личности дал Л.Д. Троцкий». Следующим автором, работа которого была отмечена авторами, был Исаак Дейчер. Оценивая же вклад «буржуазно-консервативных историков», авторы отмечали, что те «критически подходят к оценке Сталина, однако их подход имеет большой недостаток — они не видят, что Сталин не является естественным и *закономерным продолжателем дела* В.И. Ленина и Октябрьской революции». Оба автора явно отдавали предпочтение выводу Дейчера о том, что Сталин был «органическим продуктом, естественным порождением российской действительности и российской революции». Не вызвала у авторов возражений и оценка Бухарина, сравнившего Сталина с Чингисханом. Явно авторы отдавали предпочтение троцкистским и бухаринским оценкам Сталина.

В то же время Белади и Краус противопоставляли Сталину представителей «революционных, марксистских течений — К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, Р. Люксембург, А. Грамши, Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий, Д. Лукач». Сталин же изображался «продуктом» России и даже Центральной Азии (Чингисхан). В этих оценках Сталина, России, Советской страны чувствовалось влияние модного в то время «еврокоммунизма».

Судя по цитатам, содержавшимся в книге, авторы активно использовали также биографию Сталина, написанную Робертом Таккером, а также книги Солженицына, Роя Медведева. Заметно было и влияние недавно опубликованных произведений советских авторов. Авторы ссылались на книги А. Рыбакова и Ю. Трифонова, статьи Г. Бакланова, высказывания ряда бывших репрессированных лиц, опубликованные в последнее время в советской печати. Такой выбор источников во многом предопределил однобокое освещение фигуры Сталина. Как и Таккер, Белади и

Краус воспользовались мемуарами Иремащвили, на основе которых был сделан вывод о том, что еще в детстве Сталин был «замкнутым и чрезвычайно упрямым по характеру», «был раздражителен и применял хитрые аргументы в дискуссии». Следуя сложившейся западной традиции в освещении Сталина, Белади и Краус писали, что «ход его мысли был прост и прямолинеен. Эти особенности стиля можно объяснить как внутренним движением души, так и влиянием обучения в духовной семинарии». Авторы уверяли, что еще в юности «многие товарищи были недовольны его грубостью и манерой поведения». Описывая Туруханскую ссылку, авторы утверждали, что там «Сталин жил подчеркнуто замкнуто, ни с кем не общаясь».

Характеризуя деятельность Сталина в 1917 году, Белади и Краус писали «об общей слабости оценки обстановки Сталиным». Даже его роль основного докладчика на VI съезде партии и на других важнейших совещаниях большевиков в то время объяснялась авторами просто: «виднейшие теоретики партии по разным причинам не могли присутствовать на этих совещаниях». Роль И.В. Сталина в организации Октябрьского восстания была сведена к нулю ссылкой на то, что «в известной книге Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» его имя не упоминается среди руководителей восстания».

Рассказывая о деятельности Сталина в годы Гражданской войны, авторы, хотя и заявили, что он «сравнительно редко участвовал в разработке и осуществлении военных планов», оговорились: «Недооценка задач, которые он решал, была бы серьезной ошибкой. Более того, это привело бы к неверному толкованию событий Гражданской войны». И все же и здесь авторы не избежали повторения оценок Троцкого. Авторы писали: «Грубость постепенно проявлялась не только в отмене оперативных военных приказов... Характерно, что Троцкий, оценивая положение Сталина, сравнивал его с положением, которое занимали в царской армии великие князья».

Признавая возросшую роль Сталина в руководстве партии в начале 20-х годов, авторы писали: «Организационный талант Сталина развертывался по мере дальнейшего строительства бюрократического аппарата. Централизация, которую он провел, в конечном итоге поглотила не

только местные бюрократические структуры, но и саму демократию. Сталин понимал, к чему может привести возрастание роли аппарата. Он признал прежние российские основы иерархического построения. Трагичность положения заключалась в том, что Сталин именно в этом видел основное направление исторического развития страны, отметая все другие возможные варианты. Под знаком простоты, целесообразности и практичности он расчищал дорогу перед системой командно-административной власти, военной дисциплины и послушания... Представляется совершенно очевидным: Сталин не сразу, а постепенно начал отходить от большевизма... Поворотной точкой в этом смысле был 1925 год — начало разгрома оппозиции».

Осудили авторы и сталинскую идею «построения социализма в одной стране». Они назвали ее «серьезным препятствием для теоретического переосмысления любых проблем, связанных с социализмом». Фактически поддержав борьбу Троцкого, Зиновьева и Каменева против этой идеи, Белади и Краус восхваляли Рютина и деятельность его группы против Сталина и руководства страны. Повторили авторы и версию о противостоянии Сталина и Кирова. Они утверждали: «Создание и сохранение неограниченной личной диктатуры Сталина стало возможным только после того, как была уничтожена та альтернатива, которую представлял собой Киров. Оценивая масштабы арестов и казней, авторы не скупились на цифры, утверждая, что число репрессированных только в 1936—1939 годах «затронули 4—5 миллионов человек, приблизительно 10 процентов из них было расстреляно», а ссылаясь на Р. Медведева, писали, что «контингент ГУЛАГа... насчитывал 12—13 миллионов человек».

При этом авторы объясняли такое количество репрессированных и казненных злой волей Сталина. Следуя традиционному со времен Троцкого и Хрущева истолкованию Сталина и его деятельности, они утверждали: «Сталин далеко переступил рамки репрессивных мер, которые были необходимы для сохранения его личной диктатуры. Здесь на первый план выступают черты его личности, независимые от исторической обстановки, проявляется чрезвычайно мстительный характер этого человека. Отличительной чертой характера Сталина было то, что он никогда не забы-

вал и никогда не прощал ни конфликтов, имевших место еще в дореволюционный период, во время дискуссий в партии, ни критики, нападок в адрес своей персоны. Особенно он не терпел людей самостоятельных, которые не нуждались в его указаниях».

Повторили авторы и хрущевскую легенду о поведении Сталина в первые дни Великой Отечественной войны. Вопреки фактам, они уверяли, будто «через два дня после того, как началась война, Сталин покинул Москву, Кремль». В истолковании причин первых поражений Красной Армии Белади и Краус также следовали за Хрущевым. Они утверждали, что «довольно долгое время Сталин был неспособен порвать с догмой, гласившей, что войну нужно вести на территории противника». Как голословно утверждали авторы, Сталин «испытывал тягу к абстрактному схематизму, часто недооценивал силу противника и переоценивал собственные способности». Вопреки фактам они повторяли обычное для антисталинистов обвинение в адрес Сталина, заявляя, что «его не волновали потери. Он не хотел или не мог вести войну с меньшими потерями». Ссылаясь на некие мемуары «советских военачальников», некие работы «историков», а также авторов «литературных произведений, разбиравших действия Сталина», Белади и Краус утверждали, что «в случае продуманной, тщательной и эффективной подготовки к войне немецкое наступление можно было бы остановить не у Волги и Курска, а значительно раньше, причем с меньшими людскими и материальными потерями».

Правда, Бедали и Краус признавали, что Сталин «был способен учиться и делать выводы из ошибок начального периода войны и что в результате этого мог самостоятельно разбираться в вопросах военной стратегии». Ссылаясь на воспоминания военных, венгерские авторы решительно отвергали хрущевскую байку про глобус, по которому Сталин якобы планировал боевые операции Красной Армии. Кроме того, они приводили цитату Г.К. Жукова, который давал высокую оценку Сталину как Верховному Главнокомандующему.

Подводя же итоги жизни и деятельности Сталина, Белади и Краус заявляли, что он не сумел приблизиться к воплощению в жизнь идеалов марксизма-ленинизма. «Но что

же было создано вместо этого? Какими реальными итогами мог гордиться Сталин? — вопрошали авторы. И отвечали: «Он мог гордиться построением централизованной диктатуры, организованной сверху по правилам строгой иерархии, на вершине которой стоял он сам, обладавший неограниченной властью. «Сталинская революция» уничтожила капиталистические отношения и связанные с ними остатки общественных групп. Однако она вновь частично воспроизводила их, поскольку не разрабатывала социалистических альтернатив производству, обладавшему одновременно экономичностью и в то же время обобществленному. Сталинское экономическое устройство нашло воплощение в своеобразном соединении командно-бюрократических отношений с стимулированным, иллюзорным рынком или черным рынком».

Будучи в плену абстрактных идей о социалистическом идеале и отрываясь от конкретной исторической реальности, Белади и Краус объявляли цели Сталина фантастическими и писали, что «утопия Сталина находила воплощение, прежде всего, в его навязчивой идее «догнать и перегнать» западные страны в экономическом отношении». О том, что эта цель была поставлена Сталиным перед Второй мировой войной и достижения СССР в ходе решения поставленной Сталиным задачи во многом способствовали Победе над гитлеровской Германией и ее союзниками, авторы умалчивали.

В последнем абзаце своей книги авторы писали: «Вот уже 36 лет, как Сталин мертв, но идеалы социализма все еще остаются неосуществленными. Конечно, это нельзя рассматривать как личную ошибку Сталина или как его преступление, а не то он сам, как в сталинские времена его жертвы, превратится в своеобразного козла отпущения».

Хотя Белади и Краус повторили почти все антисталинские стереотипы, бывшие в ходу в конце 80-х годов, их книга уже не отвечала тому уровню бешеной антисталинской пропаганды, которая была развернута в нашей стране. Во-первых, авторы делали ряд оговорок, признавая некоторые достоинства Сталина. Во-вторых, из заключительного вывода следовало, что они не разделяют тон и содержание разнузданной антисталинской кампании, которая велась в Советском Союзе.

Поэтому организаторы антисталинской кампании во главе с А.Н. Яковлевым требовали более «зубастой» книги о Сталине отечественного производства. Эту задачу взялся выполнить директор Института военной истории АН СССР Д.Д. Волкогонов. К 1990 году двухтомник Д.Д. Волкогонова «Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина», общим объемом более чем 1200 страниц, был завершен, а в середине 1990 года он поступил в продажу.

Свое изложение биографии Сталина с рождения до 1917 года Волкогонов ограничил 15 страницами. Вряд ли это было случайным. В противном случае ему пришлось бы более подробно говорить о том, что Сталин был выходцем из народа, о его борьбе против царского строя, который в то время все еще сурово осуждался правящими кругами СССР. Начиная более подробное повествование о жизни Сталина с 1917 года, автор тут же старался обнаружить у него самые различные малоприятные качества: «угрюмый грузин», «ему был чужд аристократизм духа», «без большого полета мысли и фантазии». Для этого Волкогонов активно прибегал к цитированию высказываний Троцкого о Сталине: «практик без должного теоретического кругозора, без широких политических интересов и без знания иностранных языков».

В начале своей книги ее автор торжественно провозглашал: «Суд истории вечен», а заключение книги озаглавил: «Вердикт истории». Волкогонов старался создать впечатление, что его «приговор» базируется на неопровержимых документальных свидетельствах. Первый же документ, приведенный в книге, был подписан С.Н. Кругловым, занимавшим при Сталине пост наркома, а затем министра внутренних дел СССР с 1945 по 1953 год. Затем на протяжении книги были приведены и другие материалы из архива С.Н. Круглова. Однако внимательное чтение этих документов свидетельствовало о том, что они имели весьма отдаленное отношение к Сталину или вовсе не имели такого отношения. Тут были представлены: справка С. Круглова о побеге группы заключенных 23 июня 1948 года, просьба Круглова выделить кирзу для голенищ сапогов от 18 сентября 1946 года, письмо Круглова об обмороке фельдмаршала Паулюса от 29 февраля 1952 года, сопроводительная записка Круглова в связи с направлением им проекта о

строительстве лагерей и тюрем, его справка о ходе выполнения плана в Печорском угольном бассейне за 1948 год, его же справка о задержании учеников, бежавших из школ ФЗО, его же справка о работе, проделанной архивистами МВД по выявлению автографов Ленина и Сталина в различных архивах страны и прочие, случайно набранные документы, никак не раскрывающие деятельность Сталина.

В книге было немало документов и за подписью Л.П. Берии. Однако большинство из них касались таких частных вопросов, как организация специального поезда для транспортировки советской правительственной делегации на Потсдамскую конференцию, освобождение из немецкого концлагеря вдовы и дочери Эриста Тельмана, пуск теплоцентрали Челябинского металлургического завода и т.д.

Создается впечатление, что содержимое нескольких архивных папок было без разбору перепечатано в машбюро Института военной истории, а затем отпечатанные письма, справки и другие документы были наугад разбросаны по книге в сопровождении ядовитых комментариев Волкогонова. Эти документы должны были создать впечатление, будто автор проделал глубокую научно-исследовательскую работу, а фамилия Берии и должность министра внутренних дел СССР Круглова должны были создать впечатление о том, что автору удалось раскрыть самые сокровенные тайны Кремля.

Наличие в книге документов *по частным и мелким вопросам* (воспроизведены были, например, замечания Сталина на предложении о запуске стратостата: «Как быть?» «Я против») создавали иллюзию, что автор книги настолько глубоко проник в тайны Сталина, что ни для Волкогонова, ни для читателя его книги уже ничего неизвестного не осталось. В то же время каждый из этих документов использовался для беспощадного «обличения» Сталина.

На самом же деле Волкогонов использовал прием, к которому прибегли адвокаты Додсон и Фогг из романа Диккенса о Пиквикском клубе. Эти ловкачи старались обвинить мистера Пиквика «в нарушении обязательств жениться» с помощью записок, которые тот писал своей экономке миссис Бардл с просьбой подогреть воду или купить чай. Точно так же внимательное прочтение документов из книги Волкогонова показывало, что записки, телеграммы, при-

казы, которыми, как конфетти, засыпал автор читателей, позволяли ему скрыть отсутствие у него каких-либо серьезных доказательств, подтверждающих его обвинения в адрес Сталина. В то же время, чтобы как-то скрасить обилие деловых бумаг в своем повествовании, Волкогонов позволял себе вольности, которые недопустимы для документального произведения. По примеру Солженицына и Рыбакова Волкогонов постоянно вводил в повествование совершенно неправдоподобные длинные «внутренние монологи» Сталина.

Несмотря на претензии на документальную обоснованность и даже художественность, двухтомное сочинение Волкогонова представляло собой лишь огромное собрание проклятий в адрес Сталина. На протяжении 1200 страниц Волкогонов именовал Сталина «палачом», «монстром», утверждал, что он «исходил злобой», «кипел желчью». Волкогонов писал: «Сталин всей своей жизнью, деяниями, устремлениями доказал, что Хам антисвободы может быть кровавым, чудовищно страшным». На 1200-й странице книги Волкогонов увенчал свою характеристику словами: «Я еще не мог себе представить, в какие низины человеческого духа и безнравственности мне придется заглянуть».

Стремясь представить Сталина олицетворением крайнего зла, Волкогонов убрал из своего поля зрения все, что могло показать его созидательную деятельность. Для освещения роли Сталина в развитии обороны, хозяйства, науки, техники, образования, культуры, социальной сферы, организационного строительства (а эти дела отнимали у Сталина львиную долю времени) Волкогонов не смог найти ни одной строчки на 1200 страницах книги.

В своем «Вердикте Истории» Волкогонов объявил главным преступлением Сталина следующее: «Истолковав по-своему ленинизм, диктатор совершил преступление против мысли». Волкогонов уверял, что страна оказалась ввергнутой в трагические события из-за того, что место Ленина занял Сталин: «К великому несчастью для русской революции, история остановила, вопреки воле Ленина и интересам будущего, свой выбор на Сталине — идеальной кандидатуре «певца» и «творца» бюрократии и террора». Вследствие этого «Сталин... все более отходил в сторону от ленинской концепции... Гуманистическая сущность лени-

низма в сталинских «преобразованиях» была утрачена». «В сталинском наследии не осталось (и не могло остаться!) ничего позитивного». Генерал-историк заключал: «Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть, что не ленинизм виноват в появлении сталинизма. Это его антипод, сумевший ловко закамуфлироваться в марксистские одежды».

Однако прошло всего четыре года, и самозваный «Судья Истории» Дмитрий Волкогонов не оставил камня на камне от своего приговора Сталину, уничтожив саму основу своих обвинений в его адрес. Через четыре года Волкогонов фактически объявил: то, что он принимал в 1990 году за эталон чести, достоинства, государственного ума, гуманизма и других качеств, оказалось совершенно негодным предметом. В 1994 году Волкогонов писал: «Его (Ленина. — *Прим. авт.*) мятежный дух не знал границ, не хотел ограничиваться национальными рамками и абсолютно не был связан соображениями морали... Ленин был готов к самосожжению не только своей собственной души, но и всей человеческой цивилизации... Вождь был готов на гибель огромной части русского народа, лишь бы оставшиеся на этом пепелище дожили до мирового пожара... Ибо верно отмечает Бердяев: «Ленин — антигуманист, как и антидемократ». Добавим — абсолютный».

Как можно расценить врача, который для лечения болезни предлагает спасительное средство, а затем через четыре года объявляет его ядом? Что можно ожидать от дома, при сооружении которого строитель полагался на расхваливаемые им измерительные приборы, а через четыре года тот же строитель объявляет, что приборы давали искаженные показатели, а поэтому дом не мог не рухнуть? Вряд ли такой врач или такой строитель считались бы достойными представителями своих профессий и, скорее всего, они были бы лишены права лечить и строить. Однако историк Волкогонов был по-прежнему почитаем как замечательный исследователь и его книги находили своих читателей.

Крушение модели «социализма с человеческим лицом» произошло по тем же причинам, по каким рухнула антисталинская конструкция Волкогонова. Обещания Горбачева, Яковлева, Фалина и других, что устранение сталинского наследия из советской жизни высвободит огромный потен-

циал созидательной энергии, не сбылись. Как реактор Чернобыльской АЭС, превратившийся то ли в результате ошибок оператора, то ли по иным причинам из источника созидательной энергии в радиоактивный вулкан, «перестроенное» Горбачевым советское общество вместо сил созидания стало извергать ядовитые продукты распада.

Характеризуя действия Горбачева в последние месяцы его правления, Воротников замечал: «Будучи человеком нерешительным, даже малодушным, Горбачев часто становился в тупик, когда жизнь выдвигает перед ним острые вопросы. Не находя компромиссных решений, бросается из одной крайности в другую. Продолжая на словах проявлять принципиальность, решительность, верность идеалам социалистического строя, он на деле выпускает из рук руководство страной. Мечется, принимает скороспелые решения, кого уговаривает, кому грозит, но многие его уже не воспринимают всерьез. Прибегает к помощи своих зарубежных друзей — покровителей, пугает их мировым развалом, если рухнет СССР. Они успокаивают его обещаниями. Но все их заверения остаются пустыми словами. Это и понятно, сохранение единого, мощного государства — Советского Союза — не в их интересах. Страна катится вниз, а он любыми средствами цепляется за призрак власти».

«Процесс», развязанный Горбачевым и его единомышленниками, шел к своему логическому концу. Стремясь уничтожить все, что прямо или косвенно шло от Сталина, чиновники, жаждавшие увековечить свое привилегированное положение для себя, своей семьи и потомков, претенденты на роль диктаторов и министров новых мини-государств, жулье, стремившееся легализовать свой бизнес и превратиться в мультимиллиардеров, лицедеи и писаки, требовавшие несметных гонораров за свое надругательство над советским прошлым, психически больные неудачники, страдавшие от сознания своей ничтожности и никчемности, трусливые обыватели, послушно повторявшие вздорные сплетни, — все они могли торжествовать: делу Сталина был нанесен сокрушительный удар и созданная им великая держава погибала.

Глава 14
В АНТИСТАЛИНСКОМ МИРЕ

Прогноз британских генералов, обещавших крушение Советской власти и СССР на август 1985 года, окончательно осуществился примерно через 6 лет после намеченного ими срока. События в августе 1991 года стали кульминацией хаоса, развязанного Горбачевым и его сторонниками.

Горбачев предпринимал отчаянные попытки удержаться на плаву. Одной из таких попыток стало секретное решение от 28 марта 1991 года о создании Комитета по чрезвычайному положению под руководством Г.И. Янаева, о чем писал в изданном в 2007 году учебном пособии «Парламентаризм в России» А.И. Лукьянов. В личной беседе Анатолий Иванович вспоминал, как Горбачев пригласил его для участия в тайном заседании этого Комитета 25 апреля 1991 года. На этом заседании, состоявшемся в кабинете Горбачева и под его председательством, обсуждался вопрос об официальной печати Комитета. (Сам А.И. Лукьянов отказался войти в состав Комитета, так как это не соответствовало его положению Председателя Верховного Совета СССР.)

Одновременно Горбачев пытался заручиться и поддержкой тех, кто разрушал общество. Вопреки воле советского народа, выраженной в ходе референдума 17 марта 1991 года, когда за сохранение Союза проголосовало 113, 5 миллиона человек, или 76,4% принявших участие в голосовании, Горбачев шел на уступки национал-сепаратистам в ходе переговоров в Ново-Огареве по новому союзному договору.

К этому времени, учитывая активную роль Ельцина в дестабилизации СССР, западные страны все в большей степени стали склоняться к ориентации на него вместо Горбачева. Как вспоминала Тэтчер в Хьюстоне, хотя «большинство экспертов были против кандидатуры Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности... состоялись соответствующие контакты и договоренности и решение о «проталкивании» Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России, и сразу же была принята декларация о суверенитете России». 25 апреля 1991 года в аналитической

справке ЦРУ говорилось: «Борис Ельцин стал врагом номер один старого порядка». Справка подчеркивала: «Ельцин — единственный лидер, пользующийся массовой симпатией и поддержкой как в своей собственной республике и, что важнее всего, — на Украине... Он постепенно и с большими трудностями толкает движение России к автономии». В справке признавалось крайнее падение авторитета Горбачева и его неспособность держать ситуацию под контролем.

В то же время авторы справки не исключали возможность создания «Комитета национального спасения», который попытается восстановить целостность Советского государства. Эти возможные действия аналитики из ЦРУ заранее окрестили «путчем» и предложили принять меры по его предотвращению. (Характерно, что слово «путч», которое использовали аналитики из ЦРУ, затем применялось яковлевскими средствами массовой информации для характеристики событий 19—21 августа.)

Неизвестно, знали ли в Вашингтоне или нет о том, что Горбачев сам выступал инициатором создания Комитета по чрезвычайному положению, но в любом случае США решили дать президенту СССР такую информацию, демонстрируя ему, что видят в нем своего союзника и готовы его поддержать в борьбе против вероятных «путчистов». Не исключено, что таким образом они попытались дать понять Горбачеву, что рассчитывают на то, что он отмежуется от выступлений председателя КГБ СССР В.А. Крючкова и других руководителей силовых структур на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года, в которых они с тревогой говорили об углублении политического кризиса в стране.

Как свидетельствовал помощник М.С. Горбачева А.С. Черняев, 21 июня 1991 года американский посол в Москве Мэтлок попросил срочно его принять. В ходе встречи с Горбачевым Мэтлок сказал: «Господин президент! Я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же, немедленно, встретиться с вами и передать следующее: американские службы располагают информацией, что завтра... будет предпринята попытка отстранить вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить вас». Хотя Горбачев прекрасно знал о

создании Комитета, он постарался как можно теплее выразить свою признательность послу и называл его «товарищем».

Через день Буш-старший лично говорил по телефону с Горбачевым и заверил его в том, что Ельцин, прибывший в США сразу же после победы на президентских выборах в РСФСР, будет взаимодействовать с Горбачевым. Оба участника разговора осудили выступления в Верховном Совете 17 июня 1991 года. Так под давлением Буша Горбачев отмежевался от тех, с кем сотрудничал в рамках секретного Комитета по чрезвычайному положению.

Одновременно Горбачев и лица, отвечавшие за идеологическую работу ЦК КПСС, старались поддерживать антисталинскую кампанию, под прикрытием которой осуществлялось разрушение советского строя. Это проявилось в содержании проекта новой программы КПСС, опубликованного 9 августа 1991 года. Политика Сталина, которая еще 4 года назад оценивалась Горбачевым в его юбилейном докладе неоднозначно (например, положительно оценивались достижения по модернизации советской экономики), теперь подвергалась огульным поношениям. В программе говорилось: «Трагедия нашего общества состояла в том, что начатое дело строительства социализма было до крайности искажено и отягощено ошибками, произволом и грубыми извращениями принципов социализма и народовластия. Ленинская новая экономическая политика (нэп), открывавшая возможность движения к социализму через многоукладность, сочетание интересов разных социальных слоев, освоение достижений наиболее развитых стран, была свернута и отброшена сталинским руководством. Место многоукладности и рыночных отношений заняли монополия государственной собственности и административно-распределительная система. Принцип материального стимулирования подменили уравниловка и обезличка. Политика гражданского мира и сотрудничества была заменена установкой на обострение классовой борьбы. Вместо развития демократических институтов все шире использовались методы принуждения и репрессий».

Для характеристики сталинского времени не находилось ни одного позитивного момента, ни единого объяснения трудностей или ошибок объективными условиями общест-

венного развития или международного положения. В проекте программы говорилось: «Созидательную энергию народа сковало политическое всевластие партийно-государственной бюрократии, нетерпимость к демократии и гласности, идеологический диктат, вульгаризировавшийся марксизм. Тем самым фактически был сделан выбор в пользу тоталитарной системы, «казарменного» социализма. КПСС безоговорочно осуждает преступления сталинщины, оборвавшей жизни, искалечившей судьбы миллионов людей, целых народов. Этому нет и не может быть никаких оправданий. Уже в те годы многие коммунисты поднимали голос протеста против политики лидеров, узурпировавших власть в партии и государстве. Но с ними расправились как с «врагами народа». Значительная часть партии была физически уничтожена. Трагедия коммунистов этой эпохи в том, что им не удалось воспрепятствовать тоталитарной диктатуре, которая привела к тяжелым последствиям для страны, дискредитации идей социализма. За десятилетия господства тоталитарной системы партия превратилась во многом в рычаг сверхцентрализованного административного управления обществом. Это обернулось бюрократизацией внутрипартийных отношений, сращиванием партийного аппарата со структурами власти и управления. К минимуму была сведена возможность объективного анализа процессов общественного развития, влияния рядовых коммунистов на выработку реальной и эффективной политики».

Зато проект программы позитивно оценивал XX съезд. Утверждалось, что «он породил большие надежды. Были осуждены массовые репрессии, произошел отказ от многих элементов тоталитарного режима, начались поиски новых форм экономической жизни».

Нетрудно увидеть, что проект программы взял на вооружение лексику антисоветских авторов и ораторов («тоталитарный режим», «казарменный социализм», «партийно-государственная бюрократия», «административно-распределительная система», «сталинщина»), к которой прежде в партийных документах не прибегали. Видимо, таким образом руководство КПСС демонстрировало свою солидарность с «Мемориалом» и другими организациями либеральной оппозиции.

Хотя в проекте программы провозглашалась верность

марксистско-ленинскому учению, в нем содержались заверения, что это не противоречит «общечеловеческим ценностям», о которых постоянно говорила яковлевская пропаганда: «Восстанавливая и развивая исходные гуманистические принципы учения Маркса, Энгельса, Ленина, мы включаем в наш идейный арсенал все богатство отечественной и мировой социалистической мысли. Мы рассматриваем коммунизм как историческую перспективу, общественный идеал, основанный на общечеловеческих ценностях, на гармоничном соединении прогресса и справедливости, свободной самореализации личности». Программа завершалась на бодрой ноте: «Социализм, демократия, прогресс — таковы цели Коммунистической партии Советского Союза. Мы убеждены, что эти цели отвечают интересам народа. Будущее за обществом, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Однако было очевидно, что заигрывание с антисоветскими и антисоциалистическими силами не могло помочь Горбачеву и его союзникам. Характеризуя обстановку того времени, А.И. Лукьянов писал: «Все более властно и угрожающе звучат призывы радикальных «демократов» идти дальше — покончить с «изжившим себя социализмом», объявить главным приоритетом частную собственность и частное предпринимательство, создать в стране парламентскую и муниципальную системы западного образца, вытравить из сознания народа коллективистскую идеологию и, в целом, «вернуться на дорогу мировой цивилизации... Нажим сторонников капитализации общества, именовавших себя демократами и поборниками различных народных фронтов, нарастал с каждым днем. Перед лицом слабо организованной, отвыкшей от серьезной политической борьбы и разрушаемой реформизмом своих лидеров Коммунистической партии сколачивается разнородный, но мощный блок общественных сил, которых объединило одно — неприятие социализма. Под давлением этого блока, спекулировавшего на реальном недовольстве населения и густо сдобренного национализмом, началось постепенное, а затем все более быстрое отступление сторонников социализма и Советской власти, защитников Советской федерации, людей, при-

верженных тому конституционному строю, который существовал в нашей стране. Пик этой конфронтации пришелся на конец лета — начало осени 1991 года».

А.И. Лукьянов вспоминал: «Пытаясь спасти социалистическую ориентацию общества, защитить Конституцию СССР, сохранить Советский Союз от развала и остановить скатывание страны в еще более глубокий кризис, наиболее близкие сподвижники союзного президента, собравшись на одном из загородных объектов КГБ, обсудили сложившуюся ситуацию в связи с намечавшимся на 20 августа подписанием Союзного — а фактически конфедеративного договора, решили направить к президенту делегацию. Приехав в Крым, эти товарищи (Бакланов, Шенин, Болдин и Варенников) предложили Горбачеву немедленно ввести в отдельных местностях страны чрезвычайное положение, о котором до этого уже велась речь». Фактически речь шла о том, чтобы начать осуществление плана создания Комитета по чрезвычайному положению, который был принят еще в марте 1991 года.

Накануне событий 19 августа Буш вновь предупредил Горбачева о возможности «путча». Тем самым США опять предупреждали Горбачева, что видят в нем союзника лишь постольку, поскольку он не будет поддерживать чрезвычайные меры.

В этих условиях Горбачев занял двойственную позицию. По словам Лукьянова, «предложение о чрезвычайных мерах президентом принято не было. Однако, отвергнув его, президент и пальцем не пошевелил, чтобы удержать тех, кто выступал за введение чрезвычайного положения». Как подчеркивает Лукьянов, «разговор носил товарищеский, доверительный характер и Горбачев, прощаясь, пожал каждому руку... Оставшись на своей форосской даче, он своим бездействием лишь стимулировал введение этих чрезвычайных мер». Слова Пушкина, сказанные им в адрес Александра I, подходили еще лучше для характеристики первого и последнего президента СССР:

«Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда».

Попытка членов советского правительства и ряда других видных деятелей страны во главе с вице-президентом СССР Г.И. Янаевым остановить процесс распада, создав Государственный комитет чрезвычайного положения (ГКЧП) 19 августа 1991 года, оказалась безуспешной. В ответ президент России Б.Н. Ельцин объявил членов советского правительства «путчистами». Аббревиатура «ГКЧП» стала в последующем использоваться как синоним слова «путч».

Об абсурдности обвинения членов ГКЧП в мятеже справедливо писал А.И. Лукьянов: «Можно ли считать «заговором» акцию, организаторы которой заранее ставят о ней в известность президента, а тот не предпринимает ни одного шага, чтобы ей воспрепятствовать?» К этому следует добавить и то, что члены ГКЧП просто воплощали в жизнь давно задуманную Горбачевым акцию. Лукьянов также замечал: «Возможен ли «путч» или «мятеж» при сохранении всех существующих высших и местных органов власти, управления, правосудия и при оставлении за ними всех их полномочий. Наконец, что это за «государственный переворот», который направлен на защиту, а не свержение конституционного строя, на укрепление законной власти, на сохранение государства? Знает ли современная история еще один такой «государственный переворот»? Думаю, что нет».

Многолетняя антисталинская пропаганда сыграла значительную роль в формировании представлений о ГКЧП. Ельцин и его сторонники именовали ГКЧП «хунтой неосталинистов». Однако, вопреки зловещей роли, которую ГКЧП должен был сыграть в соответствии с внедренными в общественное сознание представлениями о сталинизме, временная власть не бросила в застенки ни одного «борца за свободу», не отдала ни единого приказа о разгоне демонстрантов. Приказ ГКЧП о комендантском часе в Москве не соблюдался, а присутствие танков, введенных по его приказу в столицу, оказалось чисто декоративным. Самороспуск ГКЧП через два с половиной дня после его создания показал не только неспособность «хунты» совершать какие-либо значительные злодеяния, но и вообще осуществлять решительные действия.

В то же время сторонники Ельцина, собравшиеся у здания Верховного Совета РСФСР (или Белого дома), изо-

бражали из себя участников «народной революции» против «хунты». Они даже соорудили нелепые самодельные баррикады, которые никто не собирался штурмовать. Когда к «Белому дому» подошли танки, «защитники» пытались остановить их. При этом никто из правительства РСФСР не объяснил им, что танки прибыли с ведома Ельцина. В дальнейшем «защитники» были уверены, что танкисты перешли на сторону «восставших», хотя экипажи бронемашин лишь четко выполняли приказы своего начальства. Мало кто заботился о том, чтобы информировать «массовку» о смысле происходивших событий.

Явно подражая Ленину, призвавшему в апреле 1917 года с броневика бороться за Советскую власть, Ельцин взобрался на танк и оттуда призывал к сопротивлению ГКЧП. Однако, словно подтверждая фразу Карла Маркса о том, что история повторяется, развиваясь первый раз как драма, а второй раз — как фарс, игра в революцию была доведена в августе 1991 года до абсурда, по мере того как трагедия и драма вульгарно и нелепо соединялись с ситуациями водевиля и репризами клоунады. Следствием абсурдного «сражения» на Садовом кольце Москвы, вызванного вздорными слухами и непониманием «защитниками Белого дома» действий бронетранспортера, была трагическая гибель трех молодых людей. Патетические монологи политических лидеров с балкона Белого дома, в которых выражалось возмущение пленением президента СССР в Форосе, сменялись выступлением Геннадия Хазанова, веселившего публику своими язвительными пародиями на Горбачева.

За кулисами балагана у Белого дома разворачивалась грандиозная международная интрига, направленная на уничтожение нашей страны. О том, что США держали руку на пульсе событий, свидетельствует решение Коржакова переправить Ельцина в американское посольство в те часы, когда российскому руководству стало казаться, что состоится штурм Белого дома. Очевидно, что такое решение было согласовано с представителями США в Москве. Машина, в которой сидел пьяный Ельцин, уже двигалась в сторону американского посольства.

Однако президент России очнулся и, узнав, куда он едет, приказал повернуть назад. Лишь поэтому Ельцин не стал еще одним политическим эмигрантом США. Как вспо-

минала Тэтчер в Хьюстоне, «Б. Ельцину была оказана существенная помощь во время событий августа 1991 года... Сторонники Ельцина удержались, причем он обрел значительную... реальную власть над силовыми структурами».

Однако кое-кто был недоволен «недостаточным» сотрудничеством Ельцина с Западом. В своей книге «По ту сторону отчаяния» Валерия Новодворская писала, что на месте Ельцина она бы «под предлогом борьбы с ГКЧП вызвала бы войска НАТО и США и под их прикрытием провела бы реформы, как американцы в Японии после 1945 года. С декоммунизацией, десоциализацией и десоветизацией. С разгоном КГБ. С роспуском КГБ. С запретом на профессии (в выборных органах и суде) для коммунистов от секретаря райкома и гэбистов из V отдела... С роспуском всех структур власти... С политическими процессами над теми, кто участвовал в политических репрессиях». Примерно такие же требования выдвигались в разъяренной толпе, свергавшей памятник Дзержинскому в центре Москвы 22 августа 1991 года. В те дни правили бал смердяковы, требовавшие оккупации страны иностранными войсками и разрушения ее государства.

Объясняя причины поражения ГКЧП, его участники говорили о возникших внутренних противоречиях, нерешительности одних, растерянности других. Значительную долю ответственности за это поражение несло руководство КПСС, которое продолжал возглавлять М.С. Горбачев. Как это часто бывало во времена гражданских войн или даже предвоенных ситуаций в таких войнах, большинство народа заняло нейтральную позицию. В.А. Крючков писал: «ГКЧП не призывал своих сторонников выходить на улицу и в случае необходимости силовым путем защищать советскую власть. Партийные организации на местах, как и КПСС в целом, были растеряны, большая часть коммунистов пребывала в состоянии полного бездействия, подавляющее большинство граждан находилось в состоянии пассивного ожидания и не примыкало ни к той, ни к другой стороне».

Весьма символично, что похоронный митинг стал самым массовым событием, ознаменовавшим триумф «августовской революции» 1991 года. Траурные мелодии перемежались с ликованием, звучавшим почти во всех средст-

вах массовой информации. Газета «Россия» от 31 августа 1991 года писала: «Сегодня мы все, россияне, находимся как бы на одном из пиков горной системы истории. Рушатся тоталитаризм, империя, насильственно насажденные Идолы. На новом витке осуществляется возврат к пути развития, исключающему насилие над естеством, в лоно цивилизованных государств».

В своем новогоднем обращении накануне нового 1992 года Борис Ельцин объяснил нынешние трудности страны тем, что предыдущие 74 года Россия провела в «глубокой яме». Августовские победители уверяли, что страна находится на пороге перехода к счастливой жизни. В конце 1991 года президент России Б.Н. Ельцин заверил, что реформы займут даже не 500 дней, как обещали Григорий Явлинский и его коллеги по разработке соответствующего плана, а всего 6—8 месяцев, то есть 180—240 дней. Столь смелых обещаний не давал ни один советский руководитель.

В разгар эйфории после событий августа 1991 года обозреватель газеты «Известия» Альберт Плутник писал: «Будущее всегда как таинственный остров. Каким он окажется в свете сегодняшних перемен?.. Островом сокровищ или всего лишь миражем, в очередной раз возникшим перед взором усталых мореплавателей?» По логике журналиста для страны было бы лучше, если бы корабль «СССР» причалил в бухту «Острова сокровищ», а не «Таинственного острова». Вольно или невольно, но ожидания журналиста сбылись: маниакальный поиск «золота КПСС», заговоры, схожие с теми, что устраивали пираты Сильвера, и уничтожение СССР, подобное взрыву «Эспаньолы», напоминали сюжет известного романа Роберта Стивенсона. Возможно, что для жителей нашей страны было бы лучше, если бы они оказались на «Таинственном острове», вроде того, куда попали герои романа Жюля Верна, сумевшие преобразить пустынный остров в цветущий край.

Для описания последующих событий лучше всего подойдет другой роман Жюля Верна. То, что случилось с народами СССР, можно сравнить с мытарствами, выпавшими на долю героев романа Жюля Верна «Пятнадцатилетний капитан». Подобно тому, как Негоро, подложив топор под корабельный компас, направил «Пилигрим» в Африку вместо Южной Америки, «прорабы перестройки», подсу-

нув народам СССР жупел сталинизма, увели страну от социализма в капитализм. Известно, что обманывать путешественников «Пилигрима», оказавшихся в Анголе, помог Негоро его сообщник Гэррис, который уверял бедолаг, что увиденные ими африканские жирафы являются южноамериканскими страусами. Точно так же яковлевские СМИ долго уверяли, что управляемые криминальным людом «кооперативы» являются «ростками» «социализма с человеческим лицом», а развал СССР означает новый этап в развитии сотрудничества народов страны. Как известно, вместо своей «гасиенды» Гэррис завел героев романа в плен к работорговцам.

Политический спектакль 1991 года, сочетавший элементы клоунады и пьесы из театра абсурда, увенчался грандиозным обманом зрителей. Могучий союз республик превратился в скопление нескольких независимых государств, лишь часть из которых была формально соединена соглашением о «Содружестве». Впоследствии разъединившиеся части единого Союза годами не могли договориться даже о самых простых формах кооперации, которые давно стали привычными в отношениях между различными государствами мира. Эти обломки недавно целого были внутренне непрочными и подвергались мощному давлению центробежных сил, готовых разорвать новые «независимые государства» на еще более мелкие образования. В то время как Западная Европа, веками разделяемая войнами и конфликтами, приняла единую валюту и ликвидировала границы, вековые хозяйственные и политические связи нашей страны разрывались.

Казалось, что хозяйство страны из твердого состояния перешло в газообразное. Значительная часть материальных богатств и производственных мощностей бесследно испарилась. Нет сомнения в том, что жесткая система централизованного управления экономикой нуждалась в переменах. Однако совершившаяся метаморфоза уничтожила не только недостатки, но и многочисленные достоинства прежнего порядка. Вместо кристаллически четкой сталинской системы управления, построенной на государственном планировании и отчетности перед государством, возникло облако из хаотически движущихся хозяйственных единиц, не признающих не только плановой, но и налоговой дисциплины.

Уплата налогов, осуществление элементов государственного планирования и программирования, контроль над производством по целому ряду параметров и другое, давно ставшее аксиомами для самого «свободного» рыночного хозяйства Запада, не признавалось творцами макроэкономического развала страны и новыми богачами, выросшими из недр теневой экономики и уголовных структур.

В рыночную стихию, словно заполненную инертным газом, легко проникали иностранные компании, не встречая никакого сопротивления, кроме чиновников, требовавших непомерных взяток за право орудовать на рынках новых независимых государств. Западные фирмы заполняли отечественный рынок своими разнообразными товарами, которые были оплачены либо все более возраставшими долговыми обязательствами новых государств, либо хищнической распродажей невосполнимых естественных ресурсов.

В сталинское время динамично развивавшуюся страну можно было уподобить быстро летевшему вперед телу. Теперь целеустремленное движение вперед единого тела сменилось хаотическими перемещениями мелких частиц, постепенно оседавших на дно. Страна быстрого развития стала краем падения производства, которое, начавшись в конце «перестройки», долго не прекращалось.

Отречение от наследия Сталина не могло не превратить страну в антипод тому, чем была страна при Сталине. Заводы и фабрики, научно-исследовательские институты и учебные заведения, созданные в годы Сталина или в осуществление его планов развития страны, оказались без средств к существованию. Целые отрасли промышленности, развитие которых начиналось по сталинским решениям, остановили свое производство. Города, созданные в годы сталинских пятилеток, превращались в города-призраки. В конце XX века в мире не было столь огромного массива стран, экономика которых годами либо сокращала объем своего производства, либо топталась на месте.

Насмешки над сталинскими словами «труд стал делом чести, доблести и геройства» обернулись уничтожением созидательной трудовой деятельности для многих людей, оказавшихся без работы. Десятки миллионов людей сводили с трудом концы с концами, занимаясь мелким предпринимательством. Старт сталинских пятилеток, начатый в го-

ды, когда бывшие инженеры после разрухи Гражданской войны были вынуждены мастерить зажигалки, повторялся на их финише в гораздо более грандиозных масштабах — миллионы инженеров, высококвалифицированных техников, доктора и кандидаты наук, геологи, специалисты по ракетной технике, биологи торговали гвоздями, сооружали гаражи, работали сторожами на автостоянках. Правда, некоторые мелкие предприниматели были в восторге от изменения в своих занятиях. Не по годам растолстевший юнец, спекулировавший акциями компании МММ, признавался телерепортеру в своей горячей любви к новым порядкам: «При Советской власти мне приходилось вкалывать, стоя у станка, а теперь я за день зарабатываю по сто долларов».

Принцип социального равенства, который лежал в основе сталинского социализма, был заменен принципом вопиющего социального неравенства. Ни в одной стране мира, включая сохранившиеся кое-где феодальные деспотии, не существовало в конце XX века столь резкого разрыва в материальном положении между богатой верхушкой и наиболее бедными слоями общества. Бурное строительство коттеджных поселков, принадлежавших новым богачам, сопровождалось резким сокращением возможностей получить квартиру для большинства жителей страны. В то время как разбогатевшие верхи направлялись на собственные виллы, расположенные на Ривьере и других курортных местах мира, большинство бывших советских людей отказались от поездок на отдых из-за резкого повышения цен на транспорт и общего снижения своих доходов. В то время как меню состоятельных людей становилось все более разнообразным и изысканным, тульские шахтеры сообщали в 1998 году телерепортеру, что с наступлением лета они могут, помимо хлеба, хотя бы есть еще и траву. Военкоматы обнаруживали, что значительное число новобранцев страдают дистрофией и кое-где они создавали специальные лагеря, чтобы подкормить новое армейское пополнение, прежде чем оно приступало к воинской службе. Отчаявшиеся люди кончали жизнь самоубийством, а число самоубийц быстро возрастало.

Прекратила свое существование пионерская организация, являвшаяся эффективным средством воспитания де-

тей. Попытки же создать альтернативные детские организации часто оказывались несостоятельными. Миллионы детей из семей, обнищавших или изгнанных из родных очагов, оказывались без присмотра. Многие из них попрошайничали. Картины, которые, по словам Сергея Михалкова, ожидали страну в случае ее оккупации гитлеровской Германией, становились явью: «Красный галстук не носили, хлеб на улице просили у окон и у дверей». И в стране уж не осталось «пионерских лагерей».

В антисталинском мире жалкое существование стали влачить театры, музеи, библиотеки и другие учреждения культуры, развитию которых Сталин придавал огромное значение. Как и в годы войн, в первой половине XX века работники культуры прилагали самоотверженные усилия, чтобы сохранить еще не распроданные сокровища музеев и галерей, задержать в России артистов, еще не уехавших в бессрочные зарубежные гастроли. Разорение и упадок отечественной культуры сопровождались активным вторжением вульгарной массовой культуры, импортированной из Запада или сработанной в нашей стране по западным образцам.

Сотрудники научно-исследовательских институтов Москвы, еще недавно восторженно вслушивавшиеся в речи вождей «Демократической России» и зачитывавшиеся статьями Попова и Шмелева, оказались без средств к существованию. Их исследования, их опыт, их степени и звания, которые служили свидетельствами их положения в среде интеллигенции, никому не были нужны в мире, который был создан при активном участии верхов столичной интеллигенции.

Победа врагов нашей страны над ней была одержана без жертв со стороны Запада. Втянутые в кампанию борьбы со сталинизмом, народы СССР стали столь же беспомощными, каким стал в руках Братца Лиса Братец Кролик, прилепившийся к Смоляному Чучелку.

Сбывалось то, о чем, по словам запомнившейся с детства михалковской «Были для детей», мечтали фашисты: «Чтоб командовали всюду Гансы, Фрицы и Гертруды». Международный Валютный Фонд и другие мировые банки, фонд Сороса, — заокеанские советники, люди чужеземного происхождения, командовали всюду. Мнение зарубежных

коммерсантов, их стандарты поведения, их манера говорить, слова и чужая речь вторгались в нашу жизнь, и хотя скорее не «по-немецки», а по-английски, «даже дома» по-английски говорил телеэкран, управлявший сознанием людей. Им помогали «мальчики из Чикаго», прошедшие в американских университетах курсы монетаристской школы. Вместе с ними спешили приобщиться к мировой цивилизации люди, почему-то именовавшиеся «новыми русскими», хотя главным в их мировоззрении, стиле поведения, манерах, речи было стремление отречься от всего русского. Вообразив себя новыми «профессорами Преображенскими», верхи и обслуживавшая их часть творческой интеллигенции с презрением говорили о народе как о «шариковых» и «совках», не способных приобщиться к западной цивилизации.

Нарочитой демонстрацией роскоши новые владыки страны подчеркивали свое коренное отличие от сталинского образа жизни. Превращение кремлевских кабинетов Сталина из строгого штаба по руководству страной в череду залов с инкрустированными полами и бронзовыми статуями царей знаменовало и замену бывшего хозяина Кремля своим антиподом. Вместо Сталина, работавшего почти без отдыха до глубокой ночи, страна получила президента, который являлся на работу от силы пару раз в неделю на пару часов и по несколько раз в год отправлявшегося в отпуск. Если Сталин тщательно готовился к обсуждению любого вопроса, привлекал к его обсуждению лучших специалистов и выверял каждую букву готовившегося постановления, то первый «всенародно избранный» президент РФ, находясь часто в нетрезвом состоянии, не глядя, подписывал бумаги, подготовленные соперничавшими кликами безответственных и корыстных царедворцев. Поэтому нередко постановления президента РФ противоречили друг другу, а часто и здравому смыслу. Если Сталин оставил своему сыну и дочери наследство в 900 рублей на сберкнижке, то количество иностранной валюты и земельных участков, принадлежащих первому президенту РФ и его дочерям, было таково, что западная печать сбилась в своих подсчетах.

Сталинская строгая требовательность к моральному облику государственных служащих сменилась вседозволен-

ностью. Первый мэр Москвы и один из вождей «Демократической России» Гавриил Попов оправдывал взяточничество как вид заработка служащих. Россия быстро превратилась в одну из самых коррумпированных стран мира.

Разложение нравов принимало самые разнообразные формы. Широко распространилась прежде запрещенная порнография. Повсюду создавались притоны. Десятки тысяч девушек и молодых женщин стали предметом экспорта России в качестве товара для сферы сексуальных услуг.

Родители продавали своих детей за рубеж, зачастую не задумываясь, что ждет их там: превращение в объекты насилия или гибель от садистов. С начала 90-х годов до 2005 года из России только в США было вывезено 49 тысяч детей. На продаже детей наживались коррумпированные чиновники, требовавшие огромных подношений за оформление этих сделок.

Либерализация законов под предлогом преодоления «тоталитаризма», а также растущая коррумпированность правоохранительных органов привели к резкому росту преступности. Число убийств по сравнению с последними годами советской власти выросло раза в три и превысило 30 тысяч человек за год. Еще большее число людей погибало медленно, отравляемое некачественным импортным спиртом, а также импортными продуктами сомнительного качества. Потребление наркотиков росло бешеными темпами. Неудивительно, что рост населения в России остановился, а затем стал сокращаться по миллиону с лишним в год.

По мере того как население страны уменьшалось, ее богатства стремительно расхищались. Будучи глубоко антинациональными по своему мировоззрению и ставя во главу угла лишь себя и свои семьи, представители правящего слоя страны стремились вывезти как можно больше богатств из России, чтобы обосноваться за ее пределами.

Миллионы людей стали жертвами мошеннических операций, осуществленных основателями МММ, «Властилины», «Чары» и других финансовых пирамид. Мошенническое ограбление населения осуществлялось при явном попустительстве властей, нередко причастных к этим авантюрам. Финансовый кризис, начавшийся 17 августа 1998 года, почти ровно через 7 лет после начала «эры демократиче-

ских реформ», стал ярким проявлением авантюризма и коррупции власть имущих. Этот кризис развеял мираж успешного движения страны по пути становления эффективной рыночной экономики. Российский капитализм, рожденный как антипод сталинскому социализму, оказался худосочным «искусственником», который развивался лишь за счет быстрой распродажи невосполнимых природных богатств.

Положение ельцинской России в мире было полной противоположностью мировому положению СССР при Сталине. Плоды Победы, во имя которой создавались мощная оборонная промышленность и могучие вооруженные силы, были бездарно растрачены. Картины Победы (советский флаг на крыше Рейхстага, Жуков, приказывающий Кейтелю подписать акт о безоговорочной капитуляции, немецкие боевые знамена, брошенные к подножию Мавзолея Ленина, Сталин в Потсдаме) обрели своих антиподов (пьяненький президент России, пытающийся дирижировать оркестром в Берлине во время вывода российских войск из Германии, осквернённые памятники воинам-освободителям в странах, освобождённых Красной Армией, Лебедь, подписывающий соглашение в Хасавьюрте). Великая страна, решавшая судьбы планеты, в одночасье превратилась в сборище плохо соединенных провинций в границах времен начала царствования Алексея Михайловича Романова. Держава, оказавшаяся способной сокрушить не победимую до тех пор никем армию Германии, усиленную войсками ее союзников, стала страной, проигравшей войну против бандформирований в Чечне в 1996 году.

Контраст между сталинским и антисталинским мирами был очевиден. Кроме того, события, происшедшие в конце 80-х — начале 90-х годов, невольно поставили под сомнение многие из «убойных» аргументов антисталинской пропаганды. Ведь еще со времен Хрущева для доказательства «безумия» Сталина говорилось об абсурдности обвинений партийных руководителей в измене ленинизму, желании расчленить СССР, стремлении реставрировать капитализм. Но к началу 1992 года советские люди стали свидетелями того, как партийные руководители Горбачев, Ельцин, Яковлев, а также лидеры республиканского и областного масштаба вышли из партии, отреклись от коммунистических принципов,

раскололи страну и стали спешно реставрировать капитализм. Многие приходили к выводу, что подобные обвинения в адрес партийных руководителей в 20-х–30-х годах также не обязательно могли быть абсурдными.

Развеян был и миф о «демократичности» августовских победителей, который противопоставлялся «сталинскому тоталитаризму». В первые же дни после победы «августовской революции» новый строй, победивший под лозунгами демократии, вступил на путь подавления политических прав, запретив КПСС, объединявшую к концу 80-х годов около 20 миллионов человек. Значительная часть наиболее политически активных граждан страны оказались членами запрещенной организации, что не могло не деморализовать общество. Видный деятель «демократических сил» пародист Александр Иванов предлагал всех неблагонадежных арестовать и посадить на стадион по примеру действий генерала Пиночета в Чили в сентябре 1973 года. Прославленные актеры и писатели, собравшиеся в Бетховенском зале Большого театра, обещали всемерную поддержку президенту Борису Ельцину перед референдумом в апреле 1993 года.

Благодаря такой моральной поддержке «демократической общественности» власти действовали все грубее и жестче, прибегая к разгонам массовых демонстраций оппозиции в Москве 23 февраля 1992 года, 1 мая 1993 года и 22 июня 1993 года. Жертвами жестоких избиений часто становились лица пенсионного возраста. О готовности властей прибегнуть к насилию для подавления свобод и конституционных прав свидетельствовал разраставшийся с начала 1992 года конфликт между президентом и Верховным Советом России, избранным на основе советской конституции. Как и все конституции СССР и союзных республик 1977–1978 годов, она была разработана на основе сталинской конституции 1936 года.

После серии угрожающих действий Б.Н. Ельцин в марте 1993 года ввел «Особый порядок управления страной» (ОПУС), что вызвало острейший политический кризис, чуть не увенчавшийся отстранением президента от власти. Растущая конфронтация между президентом и Верховным Советом привела, в конечном счете, к разгону Ельциным парламента 21 сентября 1993 года. После почти двух не-

дель противостояния, в ходе которого августовские «защитники Белого дома» теперь требовали взять это здание штурмом, не считаясь с жертвами, произошла кровавая расправа с сотнями людей, выступивших в защиту законно избранного парламента. Кровопролитие, учиненное властями 3—4 октября 1993 года, совершилось при активной поддержке многих видных представителей интеллигенции, приветствовавших в коллективных письмах действия властей. Новая конституция, принятая в декабре 1993 года под нажимом властей, предоставляла огромные права президенту и сильно ограничивала роль парламента. И все же президента России не устраивал состав вновь избранной Государственной думы, а поэтому он предпринимал попытки разогнать ее в феврале 1994 года и в марте 1996 года.

Несмотря на то что восприятие подавляющим большинством населения страны событий с конца 80-х годов как катастрофы, Ельцин и его окружение сохраняли власть в своих руках. Этому в немалой степени способствовала манипуляция общественным сознанием власть имущими. Многие люди, отдавая отчет в порочности нового строя, в то же время испытывали страх перед новой гражданской войной. Другие надеялись на то, что режим сам по себе сгниет, а тяжелые годы пройдут как страшный сон.

Следует также учесть, что какая-то часть населения улучшила свое положение при ельцинском строе. Доходы ряда людей выросли (главным образом за счет резкого ухудшения положения остальной части населения). Фантастически же обогатившиеся «новые русские», составлявшие менее одного процента населения, и быстро обогащавшееся коррумпированное чиновничество особенно активно стремились удержать полученные богатства. Эти люди старались убедить себя и других в том, что лишь после 1991 года началось движение к счастливой жизни всей страны, а все, что было до тех пор, представляло собой лишь провал в историческом развитии России.

Но стремились убедить себя в том, что советское прошлое представляло собой лишь кошмар, и некоторые люди, не выигравшие от крушения советской власти. Страх перед социальными потрясениями, неизбежными в случае очередной смены строя, заставлял этих людей преувеличивать значимость тех благ, которые они обрели благодаря при-

соединению страны к мировому рынку. Обилие прежде дефицитных товаров (хотя по высоким, а то и недоступным ценам), открытие границ (хотя загранпоездки стоили немалых денег), снятие запретов на распространение информации (хотя это сопровождалось пропагандой вседозволенности, порнографии и насилия) заставляли многих забывать о цене за эти обретения. (О том, что за обретение доступа к мировому рынку вовсе не надо было платить развалом своей страны и хозяйства, деградацией культуры и морали, свидетельствовал опыт Китая.) Миллионы бывших советских людей вели себя как простаки из народных сказок, получившие в ходе ряда обменов иголку за корову, как жители Африки в XIX веке, продававшие своих собратьев в рабство и свои земли колонизаторам за горсть стеклянных бус, зеркальца и несколько железных топоров и довольные «выгодными» сделками.

Антисталинизм же служил удобным объяснением для оправдания вопиющих пороков нового порядка, злоупотребления властей, пассивности ограбленного населения. Антисталинизм был нужен и политическим шулерам, рвавшимся к власти. Поэтому число жертв «сталинских репрессий» в их пропагандистских материалах неуклонно росло. Свою политическую кампанию недолго просуществовавшая партия «Вперед, Россия!» сопровождала шоу с размахиванием плакатов на Ленинском проспекте Москвы. На плакатах Советская власть обвинялась в уничтожении 100 миллионов человек.

На телеэкранах беспрестанно показывали зарубежные, а потом и отечественные фильмы с использованием документальной хроники, в которых Сталин изображался чудовищем. Письменные сочинения о Сталине становились все более фантастичными, все менее опиравшимися на реальные события прошлого.

Широко распространялись сочинения В.Б. Резуна. Избрав себе псевдонимом «Виктор Суворов», этот бывший разведчик из ГРУ, приговоренный советским судом за измену к смертной казни, явно мстил своей Родине, а поэтому стремился ударить ее как можно больнее — обвинив СССР и лично Сталина в подготовке нападения на гитлеровскую Германию. Повторив официальное объяснение Гитлера и Геббельса для оправдания нападения на нашу страну 22 ию-

ня 1941 года, Резун использовал самые вздорные аргументы для обоснования своих обвинений Сталина и его правительства. В ход были пущены абсурдные истолкования аббревиатур советских танков, байки, якобы рассказанные эмигрантами в Аргентине, сомнительные воспоминания престарелых жителей Западной Украины, произвольное цитирование мемуаров советских военачальников и откровенные домыслы. Жонглируя номерами воинских соединений и именами советских генералов с наглостью профана из рассказа Марка Твена «Как я редактировал сельскохозяйственную газету», Резун сочинял бредовые истории про коварного Сталина, готовившегося нанести вероломный удар по миролюбивому и доверчивому Гитлеру.

Версии Резуна были поддержаны Эдвардом Радзинским. В своей книге «Сталин», вышедшей в свет в начале 1997 года, он также уверял читателей в том, что Сталин готовил нападение на Германию. Книга Радзинского должна была прийти на смену быстро устаревшему двухтомнику Волкогонова, поскольку к 1997 году власти уже давно отвергли Ленина и ленинизм, которых защищал генерал-историк от Сталина в своем сочинении.

В отличие от Волкогонова, Радзинский решил описать жизнь Сталина не с 1917 года, а с его рождения. Вопреки фактам, Радзинский изображал отличника учебы, участника веселых детских игр и солиста хора в духовном училище озлобленным малолетним негодяем. Игнорируя факты, Радзинский старательно создавал впечатление, будто до революции Сталин занимался главным образом ограблением банков и организацией поджогов на нефтепромыслах. Радзинский даже придумал, что повреждение руки у Сталина, вызванное несчастным случаем в детстве, случилось в ходе ограбления банка в Тифлисе в 1907 году. На самом деле Сталин никогда лично не принимал участие в так называемых «экспроприациях» и не раз протестовал в подпольной большевистской печати против поджогов на нефтепромыслах, которые лишь мешали деятельности большевиков в Баку.

Явно испытывая нехватку подлинных материалов для дискредитации Сталина, Радзинский, как Волкогонов, Солженицын и Рыбаков, прибегал к придуманным «внутренним монологам» Сталина. Обвиняя Сталина в сотрудничестве с

гитлеровской Германией, Радзинский даже сочинил версию о встрече Сталина с Гитлером, якобы состоявшейся в октябре 1939 года. Получить эти «сведения» Радзинскому помог некий Старый Железнодорожник (возможно, тот же, который поведал Бореву про вагоны для вывоза евреев из Москвы в Сибирь). Правда, на сей раз Старый Железнодорожник оказался не в Ташкенте, а во Львове.

Изложению деятельности Сталина в годы Великой Отечественной войны Радзинский уделил 57 страниц из 626 страниц своей книги. Однако немало из этих страниц посвящено рассказу о взаимоотношениях между режиссером Каплером и дочкой Сталина Светланой. Поэтому у Радзинского не нашлось места для рассказа о большинстве сражений, подготовкой которых руководил Сталин. Здесь нет упоминаний о Курской дуге, «операции Багратион» и Берлинской битве, а факты о битвах под Москвой и Сталинградского сражения вопиющим образом перепутаны. Здесь нет упоминания Одессы, Севастополя, Брестской крепости, но зато нашлось место для Сочи, Сокольников, «знаменитого катка на Петровке», Люберец, Пироговской улицы, где Сталин во время войны не появлялся и где военных действий не велось.

Хотя Радзинский упомянул Жукова, он вряд ли разобрался, чем был занят прославленный маршал в годы войны. Скорее всего, Радзинский не сумел разузнать, чем занимался и Сталин в эти годы. Очевидно, что он даже не удосужился пролистать работу Сталина «О Великой Отечественной войне», в которой многие его приказы подписаны наркомом обороны Сталиным. Радзинский же утверждал, что в годы Великой Отечественной войны наркомом обороны СССР был Г.К. Жуков. (Он занимал пост министра обороны СССР в 1955—1957 годах.)

Если верить Радзинскому, то получается, что летом 1941 года советские войска лишь панически бежали от наступавших немцев. Он писал: «Страшный июль продолжался... Армия стремительно отступала, катилась к Москве». В этой связи писатель Владимир Бушин справедливо заметил: «Если уж так и катилась, то почему же вслед за ней на своих мощнейших моторах за какие-нибудь два-три месяца не докатился до Москвы непобедимый вермахт? Ведь у него было такое колоссальное техническое превос-

ходство над Наполеоном, который уже 15 сентября ночевал в Кремле».

Победу под Москвой Радзинский, как и немецкие генералы, объяснял тем, что морозы действовали лишь на немцев, но не на русских солдат. В доказательство он привел свидетельство некоей обитательницы дачного поселка Николина Гора: «Сибирские части накануне сражения стояли прямо в нашем лесу. Румяные парни в белых, новеньких полушубках. Они умудрялись спать стоя, прислонясь к дереву. Храп был страшнейший». Получалось, что «сибиряки», которые беззаботно «храпели» во время морозов, убивавших немцев, обладали нечеловеческой морозоустойчивостью и именно этим объяснялась неспособность немцев одолеть Красную Армию.

А что же делал Сталин в дни битвы за Москву? Если верить драматургу Радзинскому, то Сталин лишь организовывал театральные постановки. По мнению Радзинского, решение Сталина остаться в Москве, а не эвакуироваться в Куйбышев с Советом народных комиссаров было спектаклем, нарочито устроенным Сталиным, чтобы убедить людей в том, что он «еще царь». Радзинский приглашал читателей посмеяться и над другими «выдумками» Сталина. Выступления Сталина на торжественном собрании 6 ноября на станции метро «Маяковская» и с трибуны Мавзолея Ленина 7 ноября Радзинский насмешливо классифицировал в соответствии со своими узко профессиональными представлениями: «новые постановки великого режиссера».

Даже разгром немцев под Москвой, осуществленный по плану Сталина, был подвергнут Радзинским осмеянию. Драматург нашел его слишком варварским: «Миллионы его (то есть Сталина. — *Прим. авт.*) солдат уже погибли, обескровив наступавших. Он (Сталин. — *Прим. авт.*) уже насытил бога войны. Древняя восточная стратегия торжествовала — как во времена былых империй, он, измотав врага, готовился бросить в бой свежие войска. И сделать это он решил у стен столицы». Подменяя факты словесной трескотней, Радзинский создает у читателей впечатление, что Сталин побеждал Гитлера недостойным способом, прибегнув не к тем цивилизованным средствам, которые были якобы характерны для фюрера, а к кровожадным методам восточных деспотов. Получается, что, если бы Сталин был

цивилизованным современным человеком, он бы не стал наматывать противника, а капитулировал так, как поступали «цивилизованные» правители западноевропейских стран весной 1940 года. К счастью для нашей страны, Верховным Главнокомандующим страны в 1941 году был Иосиф Сталин, а не Эдвард Радзинский.

Под конец книги Радзинский повторил байки из фольклора столичной либеральной интеллигенции о якобы готовившихся в начале 1953 года жутких событиях (выселение всех евреев страны в Сибирь, казни некоторых из них на Лобном месте, развязывание Сталиным третьей мировой войны против стран почти всей планеты и прочие кошмары), от которых мир был спасен лишь смертью Сталина.

По образцу книги Радзинского была написана и коротенькая книжонка А.Н. Гордиенко «Иосиф Сталин», вышедшая в свет в апреле 1998 года. Не удовольствовавшись повторением обвинений Сталина в личном участии в налете на банк в Тифлисе в июне 1907 года, Гордиенко описывал, как Сталин и Шаумян быстро растратили награбленные 15 тысяч рублей. (На самом деле известно, что при попытке обменять за границей деньги, захваченные во время «экспроприации», все большевики, включая Камо, были схвачены полицией.)

Как и Радзинский, Гордиенко повторял давно разоблаченную версию об организации Сталиным убийства Кирова. Гордиенко даже придумал красочную сцену, в которой убийца Кирова Николаев в ходе допроса «упал перед Сталиным на колени и закричал на весь кабинет: «Вы же сами мне прика...» (стоявшие рядом офицеры НКВД быстро кинулись к убийце и заткнули ему рот)». При этом Гордиенко ссылался на Хрущева, хотя даже тот ничего похожего не говорил и не писал.

Как и Радзинский, Гордиенко приводил в свидетели Резуна-«Суворова» для доказательства «вины» Сталина за подготовку нападения на Германию. Но если Радзинскому для изложения событий войны понадобилось 57 страниц, то Гордиенко уложился на неполных 4 страницах, сумев все же обвинить Сталина в неумении руководить военными действиями.

В подкрепление этих «биографий» Сталина были опубликованы и фальшивые мемуары, которые давно распро-

странялись на Западе. Еще в 1955 году были опубликованы вымышленные «Заметки для дневника» наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова («Notes for a Journal»). В 1965 году были изданы фальшивые «Материалы Олега Пеньковского» («The Penkovsky Papers»). В 1973 году были изданы сфабрикованные «Материалы Лаврентия Берии» («The Beria Papers»). В 90-х годах в нашей стране стали усиленно распространяться изделия тех же фальшивомонетчиков от имени людей, которые на самом деле или якобы были близки к Сталину.

Большим тиражом была выпущена книжка «Исповедь любовницы Сталина». Утверждалось, что некий Леонард Гендлин обработал воспоминания певицы Большого театра В.А. Давыдовой. С первых же страниц книжки, на которых утверждается, что весной 1932 года в правительственной ложе Большого театра вместе со Сталиным и другими членами Политбюро находились Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков (к этому времени исключенные из партийного руководства, а потому не допускавшиеся в правительственные ложи), ясно, что ее автор понятия не имеет об истории страны. Когда же героиня книги «зарывается в песок» на пляже в Сочи, ясно, что автор не в ладах и с географией страны, так как очевидно, что он слыхом не слыхал про пляжи из гальки этого южного города.

В конце книжки появлялись русские сани, на которых Маленков в середине 30-х годов увозил примадонну Большого театра от домогавшихся ее любви Пастернака, Пильняка, Вышинского, Тухачевского, Ягоды, Зиновьева, Берии и Сталина. Поездка на санях под звон бубенцов по заснеженной дороге создавала впечатление, что книжка сочинялась на основе представлений о России, рожденных из беглого знакомства с русскими романсами XIX века и еще более беглого знакомства со справочником о видных фигурах в СССР в XX веке. И все же и эта вульгарная фальшивка вызвала доверие у многих читателей, полагавших, что «наверное, автор кое-что знает».

Еще одной фальшивкой, использованной для дискредитации Сталина, стали опубликованные «воспоминания» Бориса Георгиевича Бажанова, который в 1928 году бежал из СССР, а до этого работал в секретариате Политбюро ЦК ВКП(б). Оказавшись за рубежом, Б.Г. Бажанов еще в 1930

году опубликовал свои воспоминания. Наблюдения Бажанова использовал Исаак Дейчер в своей биографии Сталина. Дейчер приводил такое высказывание Бажанова: «Этот страстный политический деятель не имеет... грехов. Его не интересуют ни деньги, ни удовольствия, ни спорт, ни женщины. Женщины, помимо его жены, для него не существуют». На основе этого замечания Бажанова Дейчер делал вывод: «Его личная жизнь безупречна».

Но вот в нашей стране были опубликованы новые воспоминания Бажанова, которые, если верить их содержанию, были написаны в середине 70-х годов прошлого века. В книге утверждалось, что ее автор не просто описал личные впечатления, но опирался на архивы Политбюро, которые подолгу и внимательно изучал. Однако с первой же главы воспоминаний возникают подозрения, что автор книги не имеет элементарных знаний о нашей стране. Так, он сообщает, что его соседом по лаборатории был некий Саша Володарский, который «был братом литерского комиссара по делам печати Володарского... убитого летом 1918 года». Как известно, настоящая фамилия Моисея Марковича Володарского была Гольдштейн. Стало быть, фамилия его брата также должна была быть Гольдштейн, а не Володарский. Как известно, псевдонимы революционеров не принимали их родные братья и сестры, иначе Дмитрий Ульянов был бы Дмитрием Лениным, а Мария Ульянова была бы Марией Лениной.

Далее говорится, что в начале 1922 года Бажанов стал работать в аппарате ЦК РКП(б) и Л.М. Каганович поручил Бажанову написать за него статью, а затем поручил ему же «слушать и править» политический отчет ЦК, который должен был сделать на съезде РКП(б) В.И. Ленин. На самом деле Каганович в ту пору никак не мог поручать Бажанову писать за него статьи или «слушать и править» доклад Ленина, хотя бы потому, что жил не в Москве и не работал в аппарате ЦК партии, а находился в Туркестане, где работал в партийном руководстве этого края.

Во второй главе говорится о том, как после XI съезда партии «в апреле – мае» 1922 года Бажанов подготовил проект нового устава партии. В книге утверждается, что этот устав должен был заменить тот, что был принят во времена подполья. На самом деле устав времен подполья был

заменен новым еще в 1919 году. Решение же о новой переработке устава партии было принято не после XI съезда, а во время съезда, в марте 1922 года.

В ходе работы над проектом устава, говорится в книге, Бажанов хотел сделать партию более открытой. Однако в резолюции XI съезда о новом уставе партии говорилось, что он должен был воспрепятствовать проникновению в партию «карьеристских элементов». Поэтому требования для приема «непролетарских лиц» не облегчались, а ужесточались. Очевидно, что автор понятия не имеет об уставе партии, принятом в 1922 году, а потому вряд ли мог участвовать в его подготовке. К тому же вся история о единоличном создании устава партии Бажановым разит хлестаковщиной. Известно, что над подобными документами работали, по крайней мере, десятки людей. Между тем в книге утверждается, что лишь Бажанову пришло в голову переделать устав впервые после 1903 года, и он сделал это в одиночку.

Не меньше фантазии автор проявил и в рассказах о том, как и почему шла внутрипартийная борьба. Создается впечатление, что он и не подозревает о том, что между Лениным и Троцким велась острая политическая борьба с 1903-го до середины 1917 года. Подлинный Бажанов не мог не знать, что заявление о «диктатуре партии» было сделано Зиновьевым в 1923 году и именно за этот тезис его долго осуждали во всех парторганизациях страны. Мнимый же Бажанов уверяет, что тезис о «диктатуре партии» был выдвинут Сталиным.

Явно не знает автор и многих известнейших событий партийной дискуссии 1927 года. Он сочинил речь Троцкого на ноябрьском пленуме ЦК 1927 года, безбожно перевирая выдвинутый Троцким «тезис о Клемансо» и его обвинения руководства партии в термидорианстве. Путать эти заявления Троцкого мог лишь человек, не живший в это время в СССР. Можно усомниться даже в том, что автор книги был знаком с Бажановым.

Сомнения в подлинности авторства Бажанова усиливаются при чтении глав, содержащих рассказы о Сталине. По словам автора, 9 августа 1923 года постановлением Оргбюро ЦК Бажанов был назначен «помощником секретаря ЦК т. Сталина». С 4-й главы («Помощник Сталина — секре-

тарь Политбюро») начинаются «разоблачения Сталина», в которых повторены многие известные байки о Сталине (включая рассказ о том, как Сталин из Кремля утопил Эфраима Склянского в американском озере). Но автор добавил и немало нового к мифам о Сталине.

В книге утверждается, что однажды Бажанов зашел в кабинет Сталина и застал его «говорящим по одному телефону. Точнее, не говорящим, а слушающим». Почему-то в считаные секунды Бажанов догадался, что Сталин подслушивает чужой разговор с помощью специального устройства. Автор пишет: «Сталин поднимает голову и смотрит мне прямо в глаза тяжелым пристальным взглядом. Понимаю ли я, что открыл?.. Конечно, понимаю, и Сталин это видит... Понятно, что за малейшее лишнее слово по поводу этого секрета Сталин уничтожит меня мгновенно. Я смотрю тоже Сталину прямо в глаза. Мы ничего не говорим, но все понятно и без слов... Думаю, Сталин решил, что я буду хранить его секрет».

Вскоре Бажанов якобы узнал о том, что специальное устройство, которое позволяло Сталину подслушивать разговоры Троцкого, Зиновьева, Каменева и других членов Политбюро по телефону, было сооружено неким «чехословацким коммунистом, специалистом по автоматической телефонии». «Как только установка была закончена и успешно заработала», секретарь Сталина «Каннер позвонил в ГПУ Ягоде и сообщил от имени Сталина, что Политбюро получило от чехословацкой компартии точные данные и доказательства, что чехословацкий техник — шпион. Зная это, ему дали закончить его работу по установке автоматической станции, но теперь его надлежит немедленно арестовать и расстрелять». Так якобы и произошло.

Даже если предположить, что Сталин на самом деле подслушивал чужие телефонные разговоры и решил уничтожить создателя сложного устройства, то следует учесть, что в 1923 году ОГПУ возглавлял не Ягода, а Дзержинский, остававшийся во главе этой организации вплоть до своей смерти в 1926 году. Поскольку Дзержинский был полновластным руководителем ОГПУ, Сталин не мог действовать через его голову, да еще в таком сомнительном деле, и обращаться к Ягоде, который лишь недавно пришел на работу в ОГПУ из системы Внешторга. К тому же, в отличие от 1937

года, в 20-х годах аресты коммунистов производились в единичных случаях. После Гражданской войны в 20-х годах не было случаев расстрелов коммунистов. Тогда было немыслимо представить себе арест и расстрел иностранного коммуниста. Кроме того, вызывает сомнения техническая возможность создания описанного в книге устройства для подслушивания телефонных разговоров, так как автоматические телефонные линии возникли позже.

И опять-таки, даже если принять слова автора за чистую монету, не ясно, почему Сталин пощадил Бажанова, но не чехословацкого коммуниста. Эту версию можно принять, лишь слепо поверив утверждению о том, что Бажанов к этому времени стал одним из влиятельнейших людей в стране, хотя об этом никто не подозревал. Уверяя, что Сталин государственными делами не занимался, а лишь подслушивал чужие разговоры, автор пишет: «Я постепенно дошел до того, что, в сущности, начал выполнять то, что должен делать Сталин — указывать руководителям ведомств, что надо сделать то-то и то-то. Я давал дельные советы, сберегавшие время и силы, касавшиеся не только формы, но и сути движения всяких государственных дел. Ко мне обращались все чаще и чаще. В конце концов я понял, что явно превышаю свои полномочия и делаю то, что по существу должен был делать генсек ЦК». Однако, как пишет автор, Бажанов отказался от возможности стать вождем великой страны, так как он разочаровался в коммунизме. Хотя временно Бажанов остался на своей работе, он якобы стал искать способы покинуть СССР.

Уверенность в том, что «мемуары Бажанова» — это беззастенчивое вранье, усиливается во время чтения последних глав книги, посвященных побегу Бажанова из СССР. В книге говорится, что Бажанову под предлогом охоты удалось перейти в Туркмении советско-персидскую границу 1 января 1928 года, поскольку «вся застава была пьяна». (Кажется, что автор черпал свои представления о пограничной заставе в Туркмении по фильму «Белое солнце пустыни».) Правда, Бажанов был под постоянным надзором сопровождавшего его чекиста Максимова. Но Бажанов якобы перехитрил своего охранника и завел его в Персию, а затем убедил идти с ним дальше.

Затем Бажанов, не зная ни слова по-персидски, сумел

не раз перехитрить местное начальство, а заодно гнавшихся за ним по Персии чекистов и доехать до границы с Британской Индией. Тут Бажанов непонятно на каком языке «разговорился» с людьми из племени белуджей, которые снарядили ему караван. Объясняя, как Бажанов оплачивал свои поездки по Персии и Британской Индии, автор сообщал: «Когда мы покинули советский рай, у нас не было ни гроша денег, и до сих пор все путешествия шли за счет Его Величества Шаха. С этого момента «платил» Его Грациозное Величество Английский Король. По крайней мере, ни я, ни вождь племени не имели на этот счет никаких сомнений».

Путешествие двух беглецов на верблюдах по Белуджистану подозрительно напоминает рассказ о том, как Бендер и Корейко ехали через Казахстан. Рассказ же о том, как Бажанов советовал в июне 1941 года Альфреду Розенбергу не воевать с русским народом и предупреждал теоретика «третьего рейха» о том, что Германию ждет неминуемое поражение, напоминает байку генерала Епанчина о том, как он в возрасте десяти лет давал в 1812 году совет Наполеону покинуть Россию и помириться с русским народом.

И все-таки, несмотря на сходство с некоторыми отрывками из российских литературных произведений, многие слова и обороты в книге «русского Бажанова» наводят на мысли об ее англо-американском происхождении. Некоторые фразы являются грубой калькой с английского. Например, приведенные выше слова «Грациозное Величество» применительно к английскому королю вызывают подозрение, что здесь переводчик прибег к побуквенному переложению на русский язык английского слова «gracious». А это слово по-русски означает не «грациозный», а «добрый», «милосердный», «милостивый». Последнее значение лучше всего использовать в данном контексте, так как речь идет о «милостивом» монархе, по «милости» которого (а не по причине его «грациозности») «Бажанов» путешествовал по Индии.

Калькой с английского является и фраза: «лейтенанты Сталина». Поскольку в тексте имеются в виду не офицеры армии, а «помощники Сталина», видимо, автор в оригинале употребил обычные для англоговорящих людей слова

«Stalin's lieutenants». («Lieutenant» означает не только «лейтенант», но и «помощник». Известно, что в 20-е годы лейтенантов в СССР не было.) Плохим переводом с английского является и фраза «имел привилегию слушать». Обычную для англоговорящих людей фразу «had a privilege to listen» лучше было бы перевести «ему довелось слушать», чтобы она не выдавала английского происхождения. Фраза, в которой говорится, что деятельность Троцкого по руководству советским железнодорожным транспортом «ничего не дает, кроме конфуза», на английском языке, возможно, звучала так: «produces nothing except confusion». А поскольку слово «confusion» на английском языке означает не «конфуз», а «путаница» или «беспорядок», то фразу следует перевести: «из этого ничего не получается, кроме путаницы». Речь шла именно о «путанице» в делах, которая, по утверждению автора, последовала вследствие неумелых действий Троцкого.

Скорее всего, «мемуары Бажанова» были сочинены на английском языке, а стало быть, не Бажановым. Ведь, как говорится в «мемуарах», Бажанов едва мог объясняться на этом языке, а потому не мог постоянно сбиваться на характерные для англоговорящего человека слова и фразеологические обороты. В то же время в «мемуарах» были использованы отдельные места из подлинных воспоминаний Бажанова 20-х годов. (В частности, и те слова Бажанова о Сталине, которые цитировал Дейчер, хотя их появление в книге, наполненной грубыми и примитивными антисталинскими выпадами, выглядит нелепо.) Очевидно, что «мемуары» были сфабрикованы в советологических кругах США или Великобритании и не лучшими специалистами, а теми, кто лишь поверхностно и понаслышке узнал кое-что об СССР и его истории.

Поскольку книга без сомнения является фабрикацией, лживость содержащихся в ней сведений не подлежит сомнению. Тем удивительнее, что эта грубая фальшивка, скорее всего, сработанная в США или Англии 30 лет назад, рекомендована в предисловии, подписанном старшим научным сотрудником ИРИ РАН В.А. Шестаковым, как книга, которая «представляет несомненный интерес и для историков и, особенно, для широкой аудитории, представителей нового поколения». Известно, что благодаря такой реко-

мендации немало читателей приняли грубую подделку за документ, правдиво и точно описывающий Сталина и его время.

О том, что фальшивку приняли за подлинный документ, свидетельствует также справка о Бажанове, содержащаяся в книге «Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь». (Автор — К.А. Залесский; подписан в печать в сентябре 2000 года.) В справке говорится: «По собственным воспоминаниям, являлся автором нового Устава ВКП(б)». Остальные сведения, содержащиеся в справке (подготовка Бажановым статей и выступлений для Кагановича, побег в Персию, в ходе которого «ему удалось обмануть посланных за ним сотрудников ГПУ» и прочее) также взяты из «мемуаров Бажанова». А ведь статус «энциклопедического словаря» вызывает доверие к опубликованной в нем информации, и читатель может поверить, будто в своей книге «Бажанов» на самом деле правдиво «описал террористические методы Сталина, систему принятия политических решений в СССР и т.д.»

В то же время противники Сталина продолжают использовать старые вымыслы, стараясь принизить Сталина. Они изображают его примитивным существом, случайно оказавшимся во главе великого государства. Так, в книге Леонида Млечина «Смерть Сталина» (М., 2003) использованы уже давно разоблаченные антисталинские байки, вроде историй о «таинственной» гибели Камо или про убийство польских офицеров в Катыни. Млечин бездоказательно утверждал: «Некоторые историки и врачи уверены, что он (Сталин. — *Прим. авт.*) был психически нездоров, что он страдал паранойей, манией преследования и этим объясняются массовые репрессии в стране, его беспредельная жестокость и безжалостность». С каких пор историки стали диагностировать психическое здоровье отдельных людей? Какие врачи были «уверены» в нездоровье Сталина, Млечин умалчивал, ибо таковых не существовало.

Пожалуй, наиболее ярким примером морального и интеллектуального падения антисталиниста стала книга Бориса Илизарова «Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива». Спору нет, Илизаров заведомо взялся за трудное дело: попытаться истолковать характер Сталина и раскрыть его мысли, разбирая пометки, которые

тот оставлял на полях книг. Однако к книгам из сталинской библиотеки был допущен человек, явно не способный понять ни смысл сталинских пометок, ни содержание произведений, которые комментировал Сталин.

Сообщая, что он пять лет бился над расшифровкой помет Сталина на нескольких десятках книг, Илизаров лишь расписался в своей интеллектуальной беспомощности. Порой в своих потугах истолковать надписи Сталина Илизаров напоминает персонажа из романа Герберта Уэллса «Человек-невидимка», который, случайно завладев материалами гениального изобретателя невидимости Кемпа, пытается на досуге расшифровать смысл химических формул: «Брови его сдвинуты, и губы шевелятся от усилий. «Шесть маленькое два сверху, крестик и закорючка. Господи, вот голова была!... Сколько тут тайн, удивительных тайн... Эх, доискаться бы только! Уж я бы не так сделал, как он... Я бы... эх!».

Но возможно, что Илизаров кое-чего добился бы в своих трудах, если бы не его позиция. Провозгласив принцип «эмоционально высвеченной научной истории», Илизаров с первой же страницы книги не скрывает своей ненависти к Сталину. Любая надпись, оставленная Сталиным на полях книги, оборачивалась в сознании Илизарова против Сталина. Например, Сталин воспроизводит слова венгерского деятеля и приводит их перевод. Для Илизарова это лишь повод для презрительного замечания о том, что Сталин не владел венгерским, а пользовался словарем и вообще-то плохо знал языки. Между тем, судя по библиографическим заметкам в книге, не только венгерский, но и другие иностранные языки не знакомы Илизарову.

Стремление Илизарова втиснуть любую карандашную отметку, сделанную Сталиным, в прокрустово ложе стереотипов, характерных для либеральной интеллигенции, приводило его к крайним логическим натяжкам. Слово «Учитель», которое не раз написал Сталин на обложке одной книги, позволило Илизарову сделать уверенный вывод, что Сталин сравнивал себя с Иисусом Христом, а затем без конца иронизировать над этим сравнением, которое якобы сделал Сталин.

Повторяя расхожие оскорбительные выпады против Сталина, типичные для своей среды, Илизаров старался

вызвать у читателей брезгливое отношение к Сталину, но не мог не достичь обратного эффекта. Навязчивое внимание к вопросам половой жизни, зачастую не имеющим никакого отношения к Сталину (например, полностью воспроизведено личное письмо Троцкого к своей жене, в котором говорится об их интимных отношениях с использованием ненормативной лексики), вызывает лишь омерзение к книжке Илизарова и подозрение в болезненной извращенности ее автора.

Автор хватается за любой материал, который мог бы бросить тень на Сталина. Письмо какой-то странной женщины 1938 года Сталину о том, что она встречалась с некоей особой, которая, возможно, была какой-то родственницей Сталина, а потом исчезла, приводит Илизарова к выводу, что эта якобы исчезнувшая женщина была незаконным ребенком Иосифа Джугашвили, рожденным якобы в результате его насилия над неизвестной женщиной. И якобы за это он и был исключен из семинарии. Нужно не только очень ненавидеть Сталина, но и быть полным невеждой в российской истории, чтобы поддерживать такую версию. Ведь за подобное преступление исключением из семинарии дело бы не ограничилось.

Повествуя о слухах вокруг любовных похождений Енукидзе, Илизаров без всяких оснований обвиняет Сталина в том, что тот добился отстранения этого деятеля, чтобы скрыть собственные грехи. (О том, что отставка Енукидзе была связана с участием его в заговорщической деятельности, позже писали в своих книгах Баландин, Миронов, Жуков.)

Книга Илизарова изобилует и грубыми логическими ошибками. Так, для того, чтобы доказать, что «Сталин думал о себе как об исторической личности исполинских масштабов», Илизаров цитировал Барбюса, который излагал свои мысли, а не Сталина. Илизаров утверждал, что «на каком-то этапе Сталин сравнивал себя с Петром Великим». Единственное публичное высказывание Сталина о Петре I был сделано в его беседе с писателем Эмилем Людвигом. «Эмиль Людвиг: ... Первый вопрос, который я хочу вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого? Сталин: «Ни в каком роде. Истори-

ческие параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна». Но по «логике» Илизарова именно поэтому Сталин сравнивал себя с Петром Великим!

Путаные, помпезные и лишенные логики рассуждения Илизарова, в которые он постоянно пускается (например, разглагольствование о том, что Цезарь, а также другие великие правители прошлого наказаны тем... что они вошли в историю), заставляют усомниться и в рассудке автора. Однако изъяны своего интеллекта автор прикрывает повторением антисталинских шаблонов, давно набивших оскомину.

Дословно повторяя Бориса Ельцина, демагогически жаловавшегося на то, что «Краткий курс» врезался в его голову (хотя вызывало большое сомнение, что какая-либо историческая информация могла сохраняться в голове постоянно пьющего президента РФ), Илизаров утверждал: «Основные конструкции «Краткого курса» до сих пор громоздятся в умах тех, кто жил и учился на территории СССР, и даже тех, кто учится сейчас в России и многих странах СНГ». И это при том, что «Краткий курс» был запрещен с 1956 года, а после 1956 года историки партии делали все для того, чтобы в своих сочинениях об истории КПСС уничтожить хотя бы намек на «конструкции «Краткого курса»!

Постоянно утверждая, что «Краткий курс» не имел никакого отношения к подлинной истории, Илизаров не раз продемонстрировал свое вопиющее незнание советской истории. В своей книге он утверждает, что Сталин произвольно менял исторические даты, а поэтому якобы произвольно перенес день Победы «на несколько дней». И это доказывает, что Илизаров понятия не имеет об обстоятельствах подписания актов о безоговорочной капитуляции Германии в Реймсе 7 мая и в Берлине 8 мая 1945 года, что и определило разницу в датах дней Победы на Западе и в СССР.

В своей книге и в своих выступлениях по телевидению Илизаров упорно настаивал на том, что Сталин повторял репрессии ровно раз в десять лет. (При этом в одной из телепередач Илизаров утверждал, что эти повторы были следствием церковного воспитания Сталина, так как якобы православие заразило его мистической верой в силу цифр.) Илизаров объявил, что пики репрессий в СССР

имели место в 1927 году, 1937 году и 1947 году. А поэтому, рассуждал Илизаров, следующий пик репрессий пришелся бы на 1957 год, если бы Сталин остался к этому времени жив.

Однако известно, что в 1927 году массовых репрессий не было. Продолжавшиеся со времен Гражданской войны вооруженные столкновения между властями и крестьянством в 1927 году сошли к минимуму, а поэтому именно в этом году число осужденных по политическим мотивам было самым низким за годы Советской власти. В этой обстановке Советское правительство приняло решение к 10-й годовщине Октябрьской революции отменить смертную казнь. Правда, в конце 1927 года были исключены из партии и высланы из Москвы несколько десятков видных руководителей троцкистско-зиновьевской оппозиции. Однако именно эти люди тогда призывали «повернуть огонь против кулака и нэпмана», то есть развернуть репрессивную политику.

Известно также, что хотя в 1947 году продолжались столкновения между националистическими формированиями на западе страны и войсками МВД и немало жителей Литвы, Латвии, Эстонии, западных областей Украины и Белоруссии были осуждены за антигосударственную деятельность, к этому времени в основном завершились судебные расследования по делам тех, кто сотрудничал с немецко-фашистскими захватчиками. Это позволило Советскому правительству в мае 1947 года вновь отменить смертную казнь за все виды преступлений.

Что же касается репрессий, которые должны были якобы состояться в 1957 году, то Илизаров писал: «О скорой смерти он явно не задумывался, а готовил страну к очередной масштабной дыбе. Но наш мир устроен так, что всему приходит свой срок. Сталин умер в тот момент, когда подготовил очередную удавку своему рабски покорному, пресмыкающемуся советскому народу».

Комментируя это заявление Илизарова, историки Рудольф Баландин и Сергей Миронов замечали: «Трудно даже определить, что здесь больше: глупости, пошлости? подлости? самодовольства? Но явно преобладают злоба и ненависть к советскому народу. Кто это написал? Некто Б.С. Илизаров — архивист с ограниченными знаниями, ни-

чтожным, судя по всему, жизненным опытом и огромными претензиями. Положим, умственную недостаточность можно простить. Но как расценить огульное, оскорбительнейшее охаивание огромного многонационального народа?»

Эти литературные фальшивки, а также другие лживые сочинения о Сталине не могли не оказывать своего воздействия на общественное сознание населения. К тому же сочинения Радзинского, Резуна и других популяризировались на телеэкране и подкреплялись другими лживыми телеверсиями, авторы которых беспрестанно обливали грязью все советское прошлое.

Еще с последних лет перестройки выработались определенные шаблоны изображения Сталина и сталинского времени на телевидении. Стало считаться обычным, чтобы в любой передаче, в которой речь шла о 30-х — начале 50-х годов, упоминался ГУЛАГ, а Сталина иронично называли «отцом народов», хотя при жизни его так не называли. Редкий юбилей актера, писателя, композитора, художника, ученого, талант которого расцвел в сталинское время и был высоко оценен лично Сталиным, обходился без замечаний теледиктора о том, как мучился юбиляр под «гнетом» «сталинского режима», как он лишь чудом уцелел, как он втайне ненавидел Сталина и боролся против него. Портреты Сталина и кинохроника с изображением его выступлений обычно сопровождали тексты о миллионах человеческих жертв и жестоких репрессиях.

Эта постоянная пропаганда находила подтверждение в учебниках по истории для школ, средних специальных и высших заведений, а потому оказывала воздействие на умы жителей России.

Часть 5
СТАЛИН НА РУБЕЖЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Глава 15
ЗАЩИЩАЯ СТАЛИНА В 90-Х ГОДАХ

Несмотря на сохранение власти в руках Ельцина и его окружения, несмотря на не прекращавшуюся антисоветскую и антисталинскую пропаганду, многие люди все больше задумывались о причинах и обстоятельствах катастрофы, постигшей нашу страну. Контраст между советской жизнью и постсоветскими реалиями был не в пользу последних. Многие люди казнили себя за то, что поверили обещаниям авторов сборника «Иного не дано» и других публикаций конца 80-х годов. Их лживость становилась все более очевидной. Резкий поворот средств массовой информации от призывов к «очищению ленинизма от сталинизма» и лозунга «больше социализма» к антикоммунизму и антисоциализму, от требований бороться с коррупцией к оправданию коррумпированности и расхищению народного добра, от заявлений в преданности «делу демократии» к истерическим призывам «раздавить» законно избранный Верховный Совет подорвали у многих людей доверие к газетам, журналам, теле- и радиопередачам, обслуживавшим новый правящий класс.

Все эти обстоятельства привели к тому, что после нескольких десятилетий забвения, после многолетнего злобного очернения его имени, Сталин, олицетворяя противоположность тому, что творилось в России, стал возвращаться на политическую сцену. В это время на бетонных заборах, стенах домов или иных поверхностях люди нередко писали свои проклятия Ельцину и его правительству, которые обрекли их на нищету. Слова «Банду Ельцина под суд!» были наиболее безобидными среди таких надписей. В то же время фотограф запечатлел и надписи «Сталин был прав», «Сталин, вернись!».

Уже в начале 1992 года на демонстрациях оппозиции появлялись самодельные плакатики с фотографиями Сталина. Вскоре такие демонстрации, особенно в Дни Победы, стали сопровождаться призывами в честь Сталина, которые выкрикивались через усилители. Из каких-то неведомых хранилищ извлекались старые портреты Сталина, которые вместе с его новыми портретами люди несли в центр столицы.

На этих демонстрациях и митингах звучали давно забытые песни о Сталине. Песни советской поры, в которых куплеты о Сталине были давно убраны или изменены, исполнялись в прежних редакциях. На московских улицах гремели слова: «Золотыми буквами мы пишем всенародный Сталинский закон», «Артиллеристы! Сталин дал приказ», «Тогда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый маршал в бой нас поведет!»

Здесь можно было приобрести кассеты с записями не только довоенных песен, но и новых песен, сочиненных и исполняемых Александром Харчиковым и другими «бардами сопротивления». Тут были песни на слова Ф. Чуева, Т. Керба, Н. Рачкова, Я. Осадчей, И. Куликова, С. Базурина, Б. Гунько. В этих песнях вспоминались драматические события осени 1941 года, говорилось о том, как народ шел по зову Сталина на защиту страны, изображалась фантастическая картина ночного парада оживших защитников страны под руководством Сталина. Здесь была и запись знаменитой песни времен войны Александра Вертинского, посвященной Сталину. Были и переложенные на музыку юношеские стихи Сталина. Тут же продавались и видеокассеты с записями фильмов «Великое зарево», «Оборона Царицына», «Великая клятва», «Сталинградская битва», «Третий удар», «Падение Берлина», «Незабываемый 1919-й» и других, в которых среди действующих лиц был Сталин.

На таких митингах можно было приобрести и небольшие брошюры, авторы которых решительно отвергали господствовавшие в обществе антисталинские представления (например, А. Голенков «Предлагаю «объяснить» Сталина», А. Шабалов «Одиннадцатый удар товарища Сталина», Ф. Маренков «Государь и погань»). Одной из первых крупных книг, изданных в противовес сложив-

шимся версиям о Сталине, стала работа В.М. Жухрая «Сталин: правда и ложь».

Были созданы организации, пропагандировавшие деятельность Сталина (например, «Союз Советских Сталинистов»). На выборах 1996 года в Государственную думу руководители ряда левых организаций страны во главе с Виктором Анпиловым выдвинули своих кандидатов от «Сталинского блока за СССР». Некоторые из этих организаций издавали периодически газеты (например, газета «За Родину, за Сталина!»). Эти организации нередко проводили собрания, на которых обсуждались доклады о деятельности Сталина.

В начале ноября 1994 года в одной из аудиторий МГУ состоялся международный семинар, на котором обсуждался вопрос о теоретическом наследии Сталина. В нем приняли участие руководитель «Общества защиты В.И. Ленина» В.А. Лаврин, руководитель ВКП(б) А.А. Лапин, поэт Феликс Чуев, а также представители компартий Великобритании, Италии, Индии, Канады, Албании, Бразилии, Дании и других стран мира.

Правда, в начале 90-х годов сторонников Сталина было немного. К тому же их количество сильно преуменьшали проправительственные средства массовой информации, распространявшие сюжеты в новостях, в которых показывали стареньких женщин с не менее старенькими портретами Сталина в руках. При этом старательно преуменьшалось число участников митингов и демонстраций, организованных оппозицией. Так формировалось представление о том, что людей, защищающих Сталина, немного, а по мере их старения они исчезнут.

Однако с начала 90-х годов в оппозиционной печати («Правда», «Советская Россия», «День», а затем «Завтра», «Молния», «Большевистская правда» и другие газеты) все чаще стали публиковаться статьи, разоблачавшие лживые представления о Сталине, навязанные Хрущевым, а затем яковлевской пропагандой.

В серии статей, опубликованных в газете «Советская Россия» с 19 декабря 1992 года по 6 марта 1993 года под общим названием «Кадры решают все», известный публицист Владимир Сергеевич Бушин подробно и доказательно опроверг аргументы многочисленных хулителей Сталина.

Отвечая им, В.С. Бушин, в частности, писал: «Сталин — из племени победителей... Его шесть раз арестовывали, бросали в тюрьмы, ссылали, и он пять раз бежал, притом даже из Нарымского края Сибири, во что трудно поверить Волкогонову или Окуджаве. Сталин сумел одолеть такого матерого, коварного и сильного противника, как Троцкий. Разгромив орды Гитлера, он вынудил его совершить для надежности двукратное самоубийство с помощью яда, а потом пули, — так страшна была фюреру встреча с победителем. Сталин вернул земли, утраченные по бездарности царя и в ходе передряг революции. Он вывел Россию на небывалый во всей ее истории уровень мировой сверхдержавы. Его трепетали и ненавидели враги, но боготворил родной народ».

О том, что многие люди сохранили светлую память о Сталине, свидетельствовали высказывания из их писем, направленных Бушину и приведенных им в одной из статей: «Инвалид войны В.М. Корягин: «Я не сталинист, но Сталина уважаю за то, что создал могучее государство, насмерть стоял вместе с нами в годы войны. Недаром сейчас миллионы ветеранов войны вспоминают его и говорят: «Поднять бы Сталина хоть на неделю!»... Гурченко из Владивостока: «Никакие волкогоновы, яковлевы, горбачевы, медведевы не изменят нас, а нас миллионы. Не изменят нашего отношения к человеку, который спас Россию от гибели. Он сумел привить любовь к Родине, сплотить все национальности»... Л.Н. Шадрина из Сухого Лога: «Мое отношение к нему не изменится. Волкогоновы и прочие не могут затмить все то светлое, что связано с именем Сталина. Я выросла в детдоме. Хорошо помню день смерти Сталина. Все взрослые, а с ними и мы, дети, плакали... Ну хоть один из тех, что сейчас поносят наше прошлое, подумал о том, какой принял Россию Сталин?»... В. Н. Любезный из Брянска, сын Героя Советского Союза, рассказывает, что мальчишкой своими глазами видел в 1943 году, как у деревни Обжи на Брянщине с криком «За Родину! За Сталина!» сам взорвал себя гранатой наш партизан, окруженный немцами. И пишет: «Не вредно было бы разобраться, как этот грузин сумел выиграть такую войну, когда вся Европа покорилась Гитлеру уже через месяц после вторжения, как сумел создать могучую империю. Вот когда достигнут тако-

го нынешние президенты, тогда и получат моральное право судить о прошлом». А.Н. Гжибовская из Москвы: «Я благодарю Бога, что война была при Сталине. А если бы это случилось сейчас? Страшно подумать». А.Ф. Смыгин из Ленинграда: «Сталин был истинным Отцом, Другом, Учителем и Вождем всех народов... Спасибо Вам за защиту Отца!... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Обращаясь к одному из хулителей Сталина, Бушин писал: «Приходите, Медведев, я покажу вам мешок таких писем».

Разоблачая невежество и моральную низость антисталинистских пигмеев в этих и многих других статьях, Бушин оружием едкой иронии атаковал А.М. Адамовича, В.П. Астафьева, Г.А. Арбатова, Е.Г. Боннэр, Ф.М. Бурлацкого, Д.А. Волкогонова, О.Р. Лациса, А.Н. Мерцалова, Д.Н. Мерцалову, В.Д. Оскоцкого, Э.С. Радзинского, А.Н. Яковлева и многих других. В.С. Бушин нередко сравнивал нынешние сочинения авторов, в которых они проклинали советский строй и его руководителей, с их же работами, в которых они прежде выступали с апологетикой Советской власти и подхалимствовали перед советским правительством. В.С. Бушин опровергал измышления телепередач, статей и других материалов СМИ, посвященных советской истории, указывая на многочисленные фактические ошибки, логические неувязки, откровенные подтасовки.

В своем открытом письме Виктору Астафьеву Владимир Бушин убедительно показал, что известный писатель, объявивший все советские книги по истории Великой Отечественной войны лживыми, понятия не имеет о подлинной истории и даже не умеет читать военно-исторические карты. Последнее обстоятельство «помогло» Астафьеву неверно истолковывать ход боевых действий на советско-германском фронте. Бушин писал: «Право же, очень трудно понять, какой жизнью шестьдесят с лишним лет жил и живет человек или что с ним случилось, если он до сих пор не знает смысл простейших условных обозначений на военных картах. Откуда он взял, кто ему внушил (ведь вычитать это он нигде не мог!), что стрелка на карте непременно означает армию и что, следовательно, по числу стрелок разного цвета можно судить о количественном соотношении боровшихся сил?»

В своем фельетоне «Сталинизмус унд мерцализмус» Бушин приводил многочисленные примеры того, как «обличители сталинизма» Мерцаловы (которые в советское время лихо разоблачали западных фальсификаторов истории Второй мировой войны) не знают элементарных вещей о военном искусстве и противоречат сами себе. Бушин обратил внимание на то, что антисталинский труд Мерцаловых был издан в Эдинбурге под названием «Крах сталинской дипломатии и стратегии». Бушин иронизировал: «Тот самый крах, что увенчался знаменем Победы над Рейхстагом и актом капитуляции Германии».

В своем фельетоне «Театр одного павлина» В.С. Бушин не раз цитировал книгу Э. Радзинского «Сталин», сопровождая эти цитаты ироническими комментариями. Высмеяв утверждения Радзинского о том, что в первые дни войны Сталин забросил военные дела и долго пребывал в состоянии прострации, Бушин писал: «Радзинский не отрицает, что в те дни Сталин занимался и военными делами: «В его мозгу уже формировалась (несмотря на жуткую прострацию. — *В. Б.*) кровавая мысль восточного полководца: приберечь резервы, сохранить свежие дивизии». Да... Прав был тот, кто сказал: «Мудрость имеет свои пределы, а ее противоположность безгранична». Наш баталист прожил жизнь в полной уверенности, что западные цивилизованные полководцы никогда и в уме не держали кровавую мысль о том, чтобы беречь резервы, сохранить свежие силы, а бросали в сражение сразу все, что имели. В этом их великое превосходство над восточными полководцами, не способными обойтись без кровавых мыслей о резерве».

Если поверить Радзинскому, писал Бушин, то оказывается, что Сталин всю войну «создавал образ немца-зверя». Бушин комментировал: «А они, фашистские захватчики-то, были очень славные ребята, такие покладистые, деликатные. Об этом и у Солженицына, любимого писателя Радзинского, прочитать можно. Уж этот их разукрасил в своем полубессмертном «Архипелаге»!... Гитлер в свое время обещал: «Мы воспитаем молодежь, перед которой содрогнется мир». И воспитал, да не только молодежь. И мир содрогнулся перед такими делами, как Освенцим и Бабий Яр, Краснуха и Хатынь... Но разве это для Солженицына и

Радзинского основание, чтобы думать о немцах плохо. А вот Сталин, видите ли, думал и даже говорил об их зверствах. У деликатного же Радзинского всего несколько строк об этом, причем весьма странных. Например: «Истребление евреев мобилизовало против Гитлера эту динамичную группу населения». Да, сказано очень странно. Выходит, что если бы Гитлер не тронул евреев, то они не «мобилизовались» бы против него, не встали вместе со всем народом на защиту Советской Родины. Автор клевещет на своих соплеменников».

Многие из работ В.С. Бушина были впоследствии опубликованы в сборниках «Победители и лжецы», «Честь и бесчестие нации», «За Родину! За Сталина!» и других.

Большое значение для переоценки роли Сталина коммунистами страны имела статья одного из видных руководителей КПРФ Юрия Белова «Сталин и Россия», опубликованная 20 октября 1994 года в газете «Советская Россия». В начале статьи автор разоблачал политиканскую подоплеку «перестроечных» публикаций о Сталине. Он писал: «Великая личность требует исследования. Вместо этого обществу было навязано прокурорское расследование эпохи Сталина. В годы перестроечного варварства его развенчание потребовалось для вынесения приговора советской истории России. Разрушение великой державы изнутри нельзя было осуществить, не подвергнув шоку историческое сознание народа. Те, кто в начальные годы перестройки кричал на всех перекрестках о своей приверженности диалектике, бесстыдно пренебрегли именно диалектическим подходом в оценке Сталина. Проще был предъявить эпохе обвинительное заключение, зная, что ее имя неотделимо от истории народа».

Осуждал Белов и «развенчание культа Сталина», предпринятое Хрущевым, так как оно «производилось по технологии одномерных оценок в варианте «или — или»... Поскольку сам культ личности в соответствии с директивным партийным воззрением был явлением черным, то все, что связывалось с именем Сталина, представлялось в черном цвете».

Ю. Белов указывал на глубокие противоречия Сталина и его времени: «Противоположности в великой личности соединятся далеко не гармонично... Сталинская эпоха — эпоха жестокости и величия». В то же время Белов обра-

щал первоочередное внимание на решение Сталиным «жестокого противоречия между геополитической уязвимостью России, ввиду ее экономической, индустриальной отсталости, и необходимостью преодолеть эту уязвимость».

Белов высказывал убеждение в том, что «именно Сталин после смерти Ленина был востребован отечественной историей. Ни Троцкий, ни Каменев, ни Зиновьев, ни Бухарин не отвечали многовековой традиции политической истории России — централизации государственной власти для защиты великой многонациональной общности людей перед опасностью извне». Говоря о противостоянии Сталина и Троцкого, Белов подчеркивал, что «Сталин учитывал национально-исторические особенности и национально-государственные интересы России. Троцкий пренебрегал ими... Сталин был патриотом своего Отечества. Он хорошо знал историю России, глубоко усвоил русскую культуру, сознавал ее общенациональный характер». В то же время Белов отмечал: «Понимая, что Россия — СССР не может существовать иначе как будучи великой державой, Сталин использовал классовый метод борьбы со всеми, кто становился на пути построения державного социализма».

Признавая преждевременность попыток «дать окончательное заключение по Сталину и сталинской эпохе», Белов утверждал: «Тщательное, всестороннее изучение ее необходимо, чтобы возродить великую страну».

Хотя этот вывод были готовы поддержать многие коммунисты, было очевидно, что не все были согласны с мыслями Белова о том, что было главным в деятельности Сталина. Об этом свидетельствовала статья «Человек абсолютной власти» Бориса Славина, опубликованная в «Правде» ко дню рождения Сталина 21 декабря 1994 года. Комментируя замечания Сталина, оставленные им на полях прочитанных им книг, Славин демонстрировал нелепость попыток оглупить Сталина, предпринимавшихся многими авторами в период перестройки. Но в то же время Славин старался доказать, что Сталин, будучи «человеком власти, притом абсолютной... подчинил этой доминанте всю свою жизнь». Славин доказывал сходство позиций Сталина и Троцкого по отношению к революционно-

му насилию. Он писал: «Троцкий и Сталин явно переоценивали роль террора в революции». Славин завершал свою статью осторожным выводом: «К личности Сталина нельзя подходить с заранее готовым шаблоном: гений или злодей? Ему было свойственно все: и взлеты ума и мечтательность. Эти качества не оправдывают и не усугубляют его черты как политика, который руководил Россией 30 лет: они объясняют их».

Значительную роль в пересмотре предвзятого отношения к Сталину сыграли беседы публициста Виктора Кожемяко с целым рядом видных литераторов, ученых и государственных деятелей, которые публиковались в газете «Советская Россия» в 1997—1999 годах. В предисловии к одной из своих бесед В.С. Кожемяко писал: «Сталин... Какой вихрь противоречий возникает до сих пор, когда звучит это имя! Спор идет с такой страстностью, будто обсуждается политик, активно действующий сегодня, а не ушедший из жизни почти 45 лет назад». Признавая изменения, происшедшие в его отношении к Сталину за эти годы, В.С. Кожемяко справедливо говорил, что они характерны для многих его сверстников. Он писал: «Возвращение Сталина в наше сознание и нашу жизнь, причем возвращение отнюдь не в карикатурном виде, какой ему усиленно пытались и пытаются придать, поучительно во многих отношениях... Конечно, поэт был прав: большое видится на расстоянии. Виднее становится для нас — и, надеюсь, со временем будет еще виднее — и Сталин».

Беседуя с В.С. Кожемяко, писатель М.М. Лобанов говорил, что до 90-х годов он никогда не писал о Сталине «ни панегириков, ни обличений — видимо, не пришло еще тогда время для понимания самого существенного в Сталине, для меня, по крайней мере. Пришло оно теперь, увы, так поздно. Пришло с разгромом нашего великого государства, великим строителем которого был Сталин... Пришло время для более всестороннего осмысления роли Сталина в нашей истории. Прежде всего, как великого государственника».

В своей беседе М.М. Лобанов рассказывал о книге «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи», составителем которой он являлся. Эта книга была издана в 1995 году в популярной серии «Всемирная история

человечества: Тайные страницы истории». Книга содержала сведения из многочисленных документов и отрывки воспоминаний о жизни Сталина, начиная с его детства и кончая его последними днями. Приводились также размышления о Сталине многих выдающихся писателей и государственных деятелей различных стран мира. Подводя итог этим высказываниям, Михаил Лобанов писал: «В глубоко противоречивой личности Сталина выразился дух самой эпохи с ее социально-историческими конфликтами, потрясениями внутри России, мировой войной, противостоянием разрушительных и созидательных сил. Жестокое время выразилось в нем в той неразрешимой многомерности, которая не оставляет в соотнесенности с этим явлением даже и у его противников... История, избравшая Сталина для своих провиденциальных целей, несомненно откроет новые неожиданные стороны в этом великом государственном деятеле».

В своих беседах В.С. Кожемяко подробно расспрашивал своих собеседников об их отношении к Сталину, не избегая при этом самых острых вопросов. Подзаголовок к одной из бесед так и назывался: «острые вопросы». Кожемяко ставил те вопросы, которые перекликались со штампами антисталинской пропаганды: «Говорят, что все держалось на страхе»; «Репрессии были ведь не только в 1937—1938 годах. А коллективизация, раскулачивание?». Упоминая о достижениях Советского Союза при Сталине, Кожемяко замечал: «Однако остается вопрос, какой ценой это достигалось. «Лес рубят — щепки летят» — подлинно ли употребление Сталиным этой пословицы в определенном смысле?» Такие вопросы придавали беседам глубину и позволяли раскрыть многие наиболее сложные стороны в жизни и деятельности И.В. Сталина.

Ответом на пропагандистские стереотипы были свидетельства очевидцев сталинского времени. Одной из собеседниц Кожемяко была старейшая русская, советская журналистка Елена Микулина. Выражая возмущение антисоветской пропагандой, она замечала: «Перед хлесткой фразой прошлое бывает беззащитно. Но существует такое понятие, как свидетельство очевидца, незаменимое для любого расследования, в том числе и исторического, социально-политического».

Таким показанием очевидца стала книга Елены Микулиной «Я — свидетель». В ней она рассказала, как в 1929 году Сталин откликнулся на ее просьбу написать предисловие к ее сборнику очерков о жизни трудящихся страны. Отвечая на вопрос Кожемяко («А разговор со Сталиным чем запомнился больше всего?»), Микулина ответила: «Уважительностью, с которой отнесся он ко мне, совсем зеленой журналистке. И доверием. Его предложение поехать в совхозы, зерновые фабрики, создававшиеся в Заволжье, свидетельствовало ведь о том, что он мне доверяет!»

Свидетелем истории выступил в беседе с В.С. Кожемяко и бывший министр обороны Дмитрий Язов. С одной стороны, Маршал Советского Союза свидетельствовал как участник Великой Отечественной войны. С другой стороны, — как один из ведущих специалистов военного дела. С самого начала беседы Язов отверг тезис о том, что советские люди «победили не благодаря, а вопреки Сталину».

Назвав это утверждение «полным абсурдом», «злонамеренным изначально», «ставящим все с ног на голову», Язов заявлял: «Скажу откровенно, я не совсем разделяю позиции некоторых товарищей, которые Жукова называют Маршалом Победы. При всем моем величайшем уважении к нему, восхищении и поклонении. Но если Жуков — Маршал Победы, то Сталин кто тогда?... Так ни одна военная операция без согласования Сталина и утверждения им не проводилась, и Ставка была при нем. И ни одну операцию, ни один полководец на уровне фронта, армии сам не обеспечивал, а обеспечивал народ. Народом же руководил политический деятель Сталин. Мы, с одной стороны, говорим, что война была войной моторов. С другой стороны, на войну было поставлено все. И фронт, и тыл работали на войну. Кто руководил фронтом и тылом? Сталин. Мы говорим — Коммунистическая партия, а Генеральным секретарем ВКП(б) был Сталин. Председателем Совнаркома, то есть главой правительства, и народным комиссаром обороны был Сталин. Председателем Государственного комитета обороны СССР. Он же — председатель Ставки Верховного Главнокомандования и Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР. Причем все это... не по

названию только, как сегодня мы видим некоторых «верховных», а по существу, на деле! Сталин в своих руках сосредоточил все решающие рычаги власти в стране, что диктовалось военной необходимостью. И он гениально справился с этим. И без этого наша победа была бы невозможна. Вот почему роль Сталина в Великой Отечественной войне и в достижении Великой Победы трудно переоценить!... Еще раз подчеркну, что руководить борьбой такого гигантского масштаба и сложности раньше не приходилось ни одному полководцу».

Сам Кожемяко и его собеседники указывали на очевидный вздор, которым были наполнены антисталинские сочинения. Порой их лживость опровергалась в середине 90-х теми, кто первоначально распространял или поддерживал их. М. Лобанов замечал: «Помнится, убеждали нас, что известный снимок Ленина и Сталина в Горках — монтаж. Так тогда нужно было. Теперь нужно другое — и Радзинский уже великодушно признает с телеэкрана: нет, снимок тот подлинный».

В беседе с профессором Ричардом Косолаповым Виктор Кожемяко напоминал: «Вы же помните, например, «убойный» тезис, получивший хождение во время «перестройки»: якобы выдающийся ученый Бехтерев вынес в 20-х годах медицинский диагноз Сталину — паранойя, за что был отравлен. Ссылались при этом не на кого-нибудь, а на внучку самого Бехтерева. Теперь она, тоже академик и выдающийся специалист в области человеческого мозга, признается со страниц газеты: не было никогда такого диагноза! «Это была тенденция объявить Сталина сумасшедшим, в том числе с использованием якобы высказывания моего дедушки, но никакого высказывания не было, иначе бы мы знали, — говорит Наталия Петровна Бехтерева. — А кому-то понадобилась эта версия. На меня начали давить, и я должна была подтвердить, что это так и было. Мне говорили, что они напечатают, какой Бехтерев был храбрый человек и как погиб, смело выполняя врачебный долг». Как подчеркивал позже В.С. Кожемяко, опровержение Н.П. Бехтеревой было опубликовано в газете «Аргументы и факты» (1995, № 3).

Поддерживая В. Кожемяко, Р. Косолапов в своей беседе требовал отрешиться и от антисталинских штампов и лож-

ных представлений, внедренных в общественное сознание с XX съезда и закрепленных в ходе пропагандистской кампании «перестроечного» времени. Казалось бы, Р. Косолапов мог примкнуть к тем, кто атаковал Сталина, вымещая на нем невзгоды, выпавшие на долю его родных и близких. Р. Косола́пов сообщал: «Мой отец после славной военной страды не миновал тюрьмы, отбыл 6 лет в Ныроблаге Молотовской (Пермской) области. От него я узнал о ГУЛАГе во много раз больше, чем из писаний Солженицына. Однако «одиссея» отца не стала определяющей в его и моем отношении к Советской власти вообще, к Сталину в частности. Я вовремя осознал, что это слишком узкая мерка для осмысления всемирно-исторических явлений и что систематическое использование ее для подобной цели может повернуть общество вспять. Как видите, все так и получилось».

Косолапов приводил убедительные примеры, которые опровергали распространявшиеся с конца 80-х годов представления о непримиримом антагонизме Ленина и Сталина. С одной стороны, он подчеркивал, что «Сталин, несомненно, считал себя учеником и продолжателем дела Ленина». Косолапов замечал: «Сталин преподал всем последующим советским руководителям наглядный нравственный урок, которому те не вняли. Обратите внимание: он **единственный** из «первых лиц» не опрокидывал, а поднимал авторитет своего предшественника. Могут возразить, что речь идет ведь о Ленине. Но такие «демократы», как Горбачев и Александр Яковлев, Волкогонов и Латышев, прекрасно показали, что готовы *за зеленые сребреники облить помоями* хоть самого Христа. Сталин же свято хранил память о Ленине, несмотря на сложные взаимоотношения с ним в его последние годы, и не изменил своей клятве, данной над гробом вождя».

С другой стороны, Р. Косолапов подчеркивал, что «Ленин очень высоко ставил Сталина и доверял ему больше других. Именно это настораживало ближайших знакомых семьи, точнее, Н. Крупской — Зиновьева и Каменева, а также Троцкого, которые у постели больного Ленина затеяли интригу... Отношения Ленина со Сталиным были поставлены на грань разрыва, но его удалось избежать, хотя Хрущев и пробовал доказать обратное». Позже, Р. Косолапов

подробно остановился на теме «Сталин и Ленин» в статьях, опубликованных в «Правде» в конце декабря 1999 – начале 2000 гг.

Еще до этих публикаций в 1995 году был издан сборник «Слово товарищу Сталину» под редакцией Ричарда Косолапова. В предисловии к сборнику Р. Косолапов обращал внимание на то, что торжество врагов Сталина парадоксальным образом заставляло многих людей резко пересматривать оценки Сталина: «Серая мгла, которой своекорыстно постарались окружить имя и образ Сталина определенные силы, наконец-то, рассеивается под влиянием их же собственных мерзких творений. Пляшущая канкан контрреволюция в Советском Союзе и России уже промыла многим соотечественникам глаза кровью жертв 4 октября. Бред «перестройки» и «рынка» без производства, развальных «реформ» и распродажи страны, ее искусственного обнищания и вымирания все чаще пересекается со сверкающей сталинской мыслью и волей. Не только мне и моим друзьям, всем россиянам *есть, с чем сравнить* нынешнюю нашу убогую действительность».

Всего под редакцией Р. Косолапова было издано пять томов сочинений И.В. Сталина, что существенно дополняло неизданное до конца при его жизни многотомное собрание сочинений. В этих томах были опубликованы многие письма и выступления Сталина, которые никогда не были изданы при его жизни. Эти тома стали ценнейшим источником для всех, кто занимался изучением жизни и деятельности Сталина.

Все чаще предпринимались попытки составить описание жизни Сталина, очищенное от наслоений клеветы. Были опубликованы краткие биографии Сталина (например, брошюра «И.В. Сталин. Штрихи к биографии» под редакцией К. Ткаченко). В 1997 году вышла в свет книга «Иосиф Сталин: Жизнь и наследие» Сергея Семанова и Владислава Кардашова, изданная в серии «Российские судьбы». Это была первая подробная биография Сталина, написанная в нашей стране после смерти Сталина не его врагами.

В своем вступлении авторы писали: «**СТАЛИН** – кто же он?... Его поносили враги у нас и за рубежом, начиная с 20-х годов, продолжается это по сию пору, причем накал

страстей ничуть не спадал с годами. Пожалуй, возрастает... Ныне его портреты — с разными оценками — мелькают на митингах и на страницах печати куда чаще, чем наших современников. Почему же? А потому, что Сталин есть осуществленный в жизни феномен российской истории и культуры, он противоречив и трагичен, как сама эта культура. Для того, чтобы понять это, нужна малость — спокойно-объективное описание его деятельности и уроков, им оставленных. Именно эту задачу, и только ее, ставили перед собой авторы».

К биографии прилагались некоторые документы (переписка И.В. Сталина со своей матерью и М.А. Шолоховым, запись беседы И.В. Сталина с Р. Ролланом, статьи, приказы и речи Сталина). Прилагалась и статья Юрия Смирнова «Сталин и атомная бомба», написанная на основе записи И.В. Курчатовым беседы с И.В. Сталиным.

К 120-летию со дня рождения И.В. Сталина была опубликована объемистая книга Григория Липартелиани «Сталин Великий». В своей книге с подзаголовком «Частные попытки исследования феномена личности И.В. Сталина» автор привел много справочных материалов о жизни Сталина, а для объяснения «феномена личности Сталина» он активно использовал исторические параллели и даже высказывания философов античности. Главный вывод автора гласил: **«Сталин был и остается ВЕЛИКИМ мыслителем, политиком, дипломатом, государственным деятелем и полководцем»**.

Значительный вклад в изучение жизни Сталина внес один из виднейших отечественных историков Н.Н. Яковлев, опубликовавший в 2000 году книгу «Сталин: путь наверх». В своей книге Н.Н. Яковлев особо подчеркивал патриотизм Сталина. Он писал: «Еще в годы Гражданской войны он стоял за восстановление государственности России под главенством русских». Давая оценку времени, когда Сталин занял ключевые посты в руководстве страной, Яковлев заявлял: «Ни один объективный наблюдатель не мог не признать — Советский Союз стремительно набирает темпы, превращая в явь то, за что умирали герои и мученики Октябрьской революции. А у руля в стране — Сталин».

Большой популярностью пользовалась с начала 90-х го-

дов художественная книга В.Д. Успенского «Тайный советник вождя», первые части которой стали публиковаться в конце 80-х годов. В начале своей книги автор писал о своем стремлении «разобраться в том, что связано с жизнью и деятельностью выдающегося человека нашей эпохи — Иосифа Виссарионовича Сталина». Для этой цели автор избрал главным героем своей книги выходца из среды царских офицеров, который стал «тайным советником» Сталина в Гражданскую войну. Такое писательское решение позволило писателю давать оценку Сталину с позиции убежденного патриота России, который сначала был далек от сталинского мировоззрения.

Публикации о Сталине были разными по своему характеру, а их авторы нередко существенно расходились по своим воззрениям. Порой же авторы, стремясь оправдать действия Сталина, прибегали к заведомо сомнительным материалам. Так, пытаясь дать ответ на хрущевское обвинение Сталина в уходе от дел после нападения Германии 22 июня 1941 года, в одном из таких материалов утверждалось, что с 21 июня у Сталина было острое респираторное заболевание и, мол, поэтому он не был в Кремле в течение нескольких дней после начала войны. (На самом деле в эти дни Сталин был здоров и постоянно находился в кремлевском кабинете с 22 по 28 июня.) Сомнительными представлялись и некоторые справки, которые были якобы подготовлены для Сталина его разведчиками в июне 1941 года. (В одной из них упоминалась Малайзия, которая, как известно, не существовала до 1963 года.)

В то же время появилось и немало хорошо документированных работ. Некоторые из публикаций о Сталине представляли собой собрания его опубликованных трудов в сопровождении комментариев (например, сборник «Неизвестный Сталин»). Были опубликованы сборники ранее не публиковавшихся писем Сталина своей матери, дочери и другие документы семейной переписки (например, книга «Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива»).

Парадоксальным образом антисталинская кампания, развязанная Горбачевым и его помощниками, привела к параличу тех механизмов, посредством которых долго держались под запретом правдивые свидетельства о вкладе Ста-

лина в достижения нашей страны. Уже в 1989–1991 годах были опубликованы воспоминания поэта Константина Симонова, который, помимо личных воспоминаний, собрал немало рассказов о Сталине близких к нему людей. Много наблюдений о жизни Сталина сохранил в своих воспоминаниях его личный охранник А. Рыбин. Публикации книг Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым», «Так говорил Каганович», «Солдаты империи» позволили получить новый материал о жизни и деятельности Сталина со слов его коллег по Политбюро, а также других участников встреч со Сталиным.

Существенно обогатили представления о Сталине и ряд воспоминаний бывших сталинских наркомов. В конце 80-х годов были опубликованы мемуары бывшего наркома вооружений Бориса Ванникова, в которых, в частности, рассказывалось о том, как по распоряжению Сталина он был доставлен из тюрьмы в Кремль, а там ему было предложено возглавить один из наркоматов оборонной промышленности.

В 1988 году вышла в свет книга воспоминаний руководителя оборонного производства В.Н. Новикова «Накануне и в дни испытаний», в которой приведено множество примеров того, как Сталин осуществлял руководство оборонной промышленностью, помогал быстрому внедрению в производство различных видов оружия и боевой техники.

Интересные наблюдения и суждения о деятельности Сталина приводились в беседе В. Литова с бывшим министром сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктовым, опубликованной в журнале «Молодая гвардия» в апреле 1989 года. В 1998 году вышла в свет книга Н.К. Байбакова «От Сталина до Ельцина», содержавшая интереснейшие рассказы о встречах автора со Сталиным и его глубокие оценки деятельности Сталина по руководству хозяйством страны.

В 1999 году был выпущен сборник «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства», в котором были собраны записи бесед академика РАН Г.А. Куманева с В.М. Молотовым, А.И. Микояном, Л.М. Кагановичем, П.К. Пономаренко, управляющим делами Совнаркома Я.Е. Чадаевым, а также с Г.К. Жуковым, А.М. Василевским, С.К. Тимошенко, А.Е. Головановым, И.Х. Баграмяном,

Н.Г. Кузнецовым, А.А. Новиковым, А.В. Хрулевым. Эти беседы, в которых были раскрыты новые стороны деятельности И.В. Сталина в годы войны, стали ценным и часто используемым источником для понимания событий того времени.

Новые страницы из жизни Сталина открылись в «Хронике одной семьи. Аллилуевы – Сталин», написанной Владимиром Аллилуевым. Книга предлагала иные объяснения личной жизни Сталина, чем те, которые содержались в книгах Светланы Аллилуевой, и она также стала ценным источником для написания работ о Сталине и его времени.

Если Волкогонов использовал допуск к архивным материалам лишь для того, чтобы подогнать их содержание под сложившиеся со времен Хрущева стереотипные оценки Сталина, то после ознакомления с этими материалами ряд добросовестных исследователей, в том числе отнюдь не склонных восхищаться Сталиным, создали работы, уничтожающие устойчивые антисталинские шаблоны. Даже введение в научный оборот «Тетради записи лиц, принятых И.В. Сталиным» не оставило камня на камне от утверждений того, что Сталин в первые дни войны бросил руководство страной.

Несмотря на негативное отношение к Сталину, историк Евгений Громов в своей книге «Сталин: Власть и искусство» (М., 1998), опираясь на реальные свидетельства, сумел создать объективное исследование, в котором детально сказано и о глубоких познаниях Сталина в вопросах литературы и искусства, и его продуманной политике в области культуры.

Даже в книге Владимира Пятницкого, сына репрессированного видного деятеля Коминтерна Иосифа Пятницкого («Заговор против Сталина». М., 1998), изобилующей выпадами против Сталина, содержались факты, которые доказывали, что многие члены ЦК ВКП(б) в июне 1937 года тайно сговаривались выступить против Сталина и лишь один из участников этого тайного сговора сообщил о нем Сталину. Таким образом, становилось ясно: недоверие Сталина ко многим членам ЦК не было беспочвенным.

Большинство же новых публикаций объединяло стрем-

ление разоблачить многолетнюю ложь о Сталине. В них доказывалась беспочвенность многих обвинений, выдвинутых против него в конце 80-х годов. Так, в своей книге «Катынский дневник» (М., 1995) Ю.И. Мухин привел массу доказательств в пользу того, что обвинение советского руководства в уничтожении польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском опирается на грубые фальшивки и заведомо ложные показания.

В то же время ряд авторов привели свидетельства о том, что для обвинений в 30-х годах ряда советских руководителей в заговорщической деятельности были веские основания. А. Рыбин обращал внимание на свидетельства в пользу заговора Г.Г. Ягоды. В своей книге «Заметки о Бухарине» (1989), а затем в статье «Был ли заговор Тухачевского?», опубликованной в журнале «Слово» (№ 12, 1991), автор данной книги привлек внимание к некоторым фактам о заговоре советских военачальников в 30-х годах, которые уже давно были известны за рубежом из книги бывшего переводчика А. Гитлера Пауля Шмидта. Вскоре в нашей стране были опубликованы воспоминания шефа германской разведки Вальтера Шелленберга, который также исходил из реальности заговора Тухачевского.

Эти свидетельства подрывали основу под одним из важнейших обвинений против Сталина, когда утверждалось, что он лишь в силу патологической подозрительности решил уничтожить все командные кадры Красной Армии накануне войны. В дальнейшем по предложению главного редактора журнала «Слово» А.В. Ларионова и сотрудника этого журнала А.В. Тимофеева я опубликовал на страницах трех номеров этого журнала за 1995 год статью «Мифы о Сталине». В ней я постарался опровергнуть некоторые наиболее распространенные мифологизированные представления о покойном генералиссимусе. Эти публикации получили немало позитивных откликов.

Приближение к новому веку и новому тысячелетию позволило многим в нашей стране задуматься и о тысячелетней судьбе России и о драматических событиях ее истории в XX веке. По мере того, как увеличивалось расстояние, отделявшее настоящее от советского времени, многие люди стали глубже оценивать исторический опыт, накопленный за 74 года Советской власти.

Одним из тех, кто предложил свой оригинальный взгляд на советскую историю, был литературовед Вадим Кожинов. Хотя в его двухтомном произведении «Россия. Век XX» история нашей страны рассматривалась главным образом под углом зрения событий в мире литературы, Кожинов дал глубокие оценки сложных и противоречивых процессов, происходивших во всей стране в течение прошедшего века. Выступая с позиции патриота России, Кожинов писал: «Революция — это, конечно же, трагическая, даже предельно трагическая пора в истории России. Но несостоятельны те авторы, которые пытаются представить революционную трагедию как нечто «принижающее», даже чуть ли не «позорящее» нашу страну. Во-первых, жизнь и человека и любой страны несет в себе трагический смысл, ибо люди и страны смертны. А во-вторых, трагедия и с религиозной, и с физической точки зрения отнюдь не принадлежит к сфере «низменного» и «постыдного»; более того, трагедия есть свидетельство *избранности*».

В Сталине Кожинов видел адекватного исполнителя противоречивой исторической роли: руководителя революции и, одновременно, вождя страны в период затухания эксцессов революции. Называя многих видных партийных руководителей, ставших «жертвами репрессий» 37—38 годов, Кожинов показывал, что именно они были инициаторами крайних мер в ходе коллективизации, именно они настаивали на разжигании репрессий в 1937 году. Кожинов обратил внимание и на значительную роль Н.С. Хрущева в репрессиях 30-х — начала 50-х годов. Указал Кожинов и на призывы ряда представителей «либеральной» интеллигенции той поры прибегать к жестоким репрессиям, не щадя при этом даже детей и подростков.

Вадим Кожинов убедительно доказывал несостоятельность многих антисталинских мифов. Он разоблачил абсурдность утверждений Радзинского, Мерцаловых и Соколова относительно потерь Красной Армии в ходе войны, которые эти авторы объясняли почти исключительно негативными последствиями деятельности Сталина. Оценивая итоги войны, Кожинов обращал внимание на то, что следствием Победы стало «полное «оправдание» всего того, что свершилось в стране с 1917 года». При этом Кожинов ссылался и на речь Сталина от 9 февраля 1946 года, и на запись

писателя Пришвина в своем дневнике от 18 марта 1951 года: «После разгрома немцев, какое может быть сомнение в правоте Ленина». Таким образом, Кожинов указал на признание русским патриотом Пришвиным правоты политики Сталина, обеспечившего «разгром немцев» под «знаменем Ленина».

Но если Вадим Кожинов признавал лишь историческую закономерность революции, осуществленной в России, то Сергей Кара-Мурза в своей двухтомной книге «Советская цивилизация» дал недвусмысленную позитивную оценку этой революции. Он подчеркивал, что «в 20—30-е годы», то есть в сталинскую эпоху, «в СССР стал складываться особый тип хозяйства и жизни советских людей... Вся сила советского строя и чудесный рывок в развитии хозяйства были связаны с тем, что, обобществив средства производства, советская Россия смогла ввести *«бесплатные»* деньги, ликвидировать ссудный процент, укоротить монетаризм... Советский строй в целом был уникальной, чудесным образом достигнутой точкой во всем пространстве социально-экономических вариантов жизнеустройства».

Переосмысление исторического пути, пройденного страной в советское время, позволило известному философу и социологу Александру Зиновьеву в своей книге «Русский эксперимент», опубликованной в 1995 году, прийти к выводу: «Результатом революции 1917 года явился грандиозный процесс созидания и побед. Советский Союз (бывшая Российская империя) превратился в сверхдержаву, перед которой трепетала вся планета. Она стала великим соблазном для угнетенных народов и классов планеты... Революция 1917 года спасла Россию от гибели, продолжила историю ее как великой державы, сохранив и умножив лучшие ее достижения. Считать советский период русской истории черным провалом есть чудовищная ложь... А что явилось результатом «революции сверху» после 1985 года? Разрушение всего достигнутого за годы советского строя, деградация во всех сферах общества, распад страны, деморализация всего населения, отчаяние, превращение страны в колонию Запада».

Оценивая достижения сталинской эпохи, Александр Зиновьев писал: «Мы одержали победу в самой страшной в истории войне и над самым сильным и жестоким из когда-

либо воевавших противников. Подчеркиваю: мы, советские люди, прежде всего, а не западные противники гитлеровской Германии... Оглядываясь назад, я хочу сказать, что сталинская оценка мировой политической ситуации была совершенно правильной... Сталин сумел мобилизовать все силы планеты на защиту нашей коммунистической страны. И добился немыслимого успеха. Как политический деятель он оказался на несколько порядков выше всех политиков Запада вместе взятых. Именно его превосходство над ними принесло ему ненависть со стороны политических пигмеев, как прошлого, так и настоящего в гораздо большей мере, чем его жестокость и репрессии. Если бы он потерпел неудачу, к нему отнеслись бы более милостиво, как это делают сейчас в отношении Гитлера».

Эти оценки сталинского периода отечественной истории были предложены разными мыслителями, которых объединяла их независимость от политической конъюнктуры.

И все же усилия, отражавшие стремление сказать правду о Сталине и его политике, оставались вне внимания значительной части общественного мнения страны. Подавляющее большинство бывших советских людей избегали участия в митингах, на которых распространялись указанные печатные материалы. Поэтому многие в России оставались в неведении о том, что их превратные представления о Сталине убедительно опровергнуты, что существуют публикации, в которых приведены веские свидетельства о подлинной жизни и деятельности Сталина, уничтожающие многолетнюю клевету против него.

Дело было в том, что «весовые категории» публикаций врагов Сталина и его защитников были разными. Так, биография Сталина, написанная Семановым и Кардашевым, была выпущена тиражом в 5 тысяч экземпляров. Книга же Радзинского была опубликована 75-тысячным тиражом. Беседы Куманева о Сталине с виднейшими деятелями советской эпохи были изданы тиражом в 3000 экземпляров. А возмутительная халтура «Гендлина» распространялась в 100 тысячах экземпляров. Правдивая книга о Великой Отечественной войне «Подвиг и подлог» Г.А. Куманева, в которой была дана объективная оценка Сталина с указанием его верных действий и его ошибок,

была издана тиражом в одну тысячу экземпляров. Книжки же Резуна разошлись тиражами в несколько миллионов экземпляров. Стало быть, шансы на то, что невежественное вранье Резуна будет прочитано и усвоено, в несколько тысяч раз превышают шансы на получение читателями сведений из книги Куманева, не оставляющих камня на камне от мифов «Ледокола».

Неравными были и шансы оказать воздействие на общественное сознание публикации о Сталине и его времени в газетах и журналах оппозиционного направления по сравнению с потоком антисталинских публикаций, распространявшихся другими органами печати. К тому же их аудитория была несопоставима по сравнению с количеством телезрителей, постоянно внимавших антисталинским телепередачам.

Глава 16
ПРЕПОДАВАНИЕ АНТИСТАЛИНИЗМА

Многие из превратных представлений о Сталине и его времени в сознание людей внедрялись во время учебы. Несмотря на известный разнобой в содержании учебников и учебных пособий для школ, средних специальных и высших учебных заведений, сложившиеся с конца 80-х годов каноны относительно того, как следует освещать Сталина и его эпоху, не менялись, а в чем-то ужесточались.

Для того чтобы обнаружить это, нет необходимости анализировать подробно содержание всех школьных или вузовских учебников, поскольку антисталинские положения переходят из одного в другой, за редкими исключениями. Поэтому обратимся лишь к некоторым из них, взятым наугад: Орлов А.С., Георгиев В.А. Полунов А.В., Терещенко Ю.Я. «Основы курса истории России» для поступающих в вузы старшеклассников и студентов неисторических вузов (М.: Простор, 2000), В.И. Моряков, В.А. Федоров, Ю.А. Щетинин «История России для поступающих в вузы» (М.: Проспект, 2006), «Отечественная история» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по неисторическим специальностям под редакцией Р.В. Дег-

тяревой и С.Н. Полторака (М.: Гардарики, 2007), «История России» для учащихся системы среднего профессионального образования (под редакцией П.С. Самыгина. М.: Проспект, 2007).

Первые упоминания о Сталине в учебниках появляются обычно с рассказов о событиях 1917 года. В учебнике 2006 года Морякова и других Сталин назван впервые в связи с включением его в состав Совнаркома 26 октября 1917 года. В учебнике 2000 года Орлова и других Сталин, помимо этого, упомянут и в связи с его вхождением в состав Военно-революционного комитета ЦК партии большевиков накануне Октябрьского восстания. В учебнике же 2007 года Дегтяревой и Полторака вместо этих фактов помещено несколько замечаний об отношении Сталина к идее мировой революции в его статьях и выступлениях 1917 года. Авторы стремятся доказать, что Сталин тогда отдавал приоритет этой идее. Авторы настойчиво стремятся доказать утопичность тех идей, которыми руководствовались все большевики, включая Сталина. В пособии говорилось: «Разрабатывая концепцию мировой революции, Ленин и его сторонники неоднократно ошибались в своих предсказаниях и выводах. Сейчас это очевидно, это следует из содержания более чем 500 ленинских работ». Лишь учебник Самыгина ничего не говорит о Сталине в 1917 году.

В учебнике 2000 года Сталин упомянут как соавтор «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» 1918 года. Больше о деятельности Сталина в 1918—1921 годах не сказано ни слова. Молчанием обойдена деятельность Сталина в годы Гражданской войны и в остальных вышеупомянутых учебных пособиях.

В учебнике 2000 года отмечены также разногласия между Лениным и Сталиным по поводу форм сотрудничества между РСФСР и другими советскими республиками в 1922 году. Однако ни слова не было сказано о том, что Сталин был главным докладчиком на I Всесоюзном съезде Советов, на котором был подписан Договор об образовании СССР. Примерно так же изложены эти события и в учебнике 2006 года.

В остальных же учебниках к Сталину возвращаются лишь в связи с рассказом об обострении внутрипартийной борьбы в последние месяцы жизни В. И. Ленина и после его

смерти. Об этом речь идет и в учебнике 2000 года: «После смерти Ленина в руководстве началась борьба. Еще осенью 1923 г. Л.Д. Троцкий выступил с критикой бюрократизма партийного и государственного аппарата, который, по его мнению, гнездился в насаждаемой И.В. Сталиным системе «назначенчества», т.е. в назначении руководителей «сверху». Троцкий предлагал выбирать их «снизу». Он также указал на два источника пополнения рядов партии — партийные ячейки на предприятиях и учащаяся молодежь. Троцкого поддержали несколько десятков партийных деятелей. В ходе дискуссии Троцкого обвинили во фракционности, стремлении к личной власти. Когда же осенью 1924 года Троцкий в статье «Уроки Октября» выделил свою особую роль в революции 1917 года, выдвинув концепцию «двух вождей» (он и Ленин), его сняли с важных постов председателя Реввоенсовета и Наркомвоенмора, а его сторонники были направлены в провинцию на перевоспитание». Из этих фраз может создаться впечатление, что Троцкий пострадал за справедливую критику «бюрократа» Сталина. В таком духе была изложена и дальнейшая история борьбы Сталина и его сторонников против разных оппозиций. Этот конспективный рассказ венчался фразой: «К своему 50-летию (декабрь 1929 г.) И.В. Сталин пришел единоличным лидером Коммунистической партии и Советского государства».

Об этих же событиях в учебнике 2006 года сказано: «После смерти В.И. Ленина (январь 1924 г.) раскололся интегрирующий разные точки зрения партийный центр — Политбюро, и борьба за личное лидерство, начавшаяся в большевистской верхушке еще с осени 1923 г., разгорелась в полную силу». Выделив ряд этапов этой борьбы, авторы учебника писали: «Оппозиционеры были не согласны с тезисом И.В. Сталина о «возможности построения социализма в одной стране». Они продолжали утверждать: социалистический строй в отсталой крестьянской России может утвердиться лишь после победы пролетарской революции на индустриальном Западе. Оппозиционные силы резко критиковали экономическую политику ЦК, требуя свернуть рыночные отношения в экономике. Дружно выступали они и против «зажима демократии», разделившей компартию, по их выражению, на «два этажа — верхний, где ре-

шают, и нижний, где узнают о решении». Оппоненты генсека призывали рядовых партийцев взять под действенный контроль вознесшийся на недосягаемую высоту партаппарат — вплоть до ЦК и Политбюро, требовали восстановить свободу фракций. Исход внутрипартийной борьбы, в конечном счете, зависел тогда от позиции наиболее влиятельной и авторитетной группы в партии — старой гвардии. Обосновавшись на «верхнем этаже» ВКП(б), большевистская гвардия вовсе не желала поступаться правами и льготами в пользу рядовых коммунистов... Нетрудно понять, почему на каждом новом витке борьбы против сменявших друг друга оппозиций И.В. Сталин и его соратники (Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, С.М. Киров, В.М. Молотов и др.) неизменно получали поддержку подавляющей части старой большевистской гвардии». Рассказав о поражении оппозиции, авторы подводили итог: «Тем самым был сделан второй (после избрания на должность генсека) шаг на пути к утверждению в партии и стране режима личной власти И.В. Сталина».

Таким образом, политика Сталина и его сторонников объяснялась их чисто корыстными мотивами. Одновременно оппозиционеры изображались как борцы за справедливость и демократию. Тенденция так характеризовать внутрипартийную борьбу 20-х годов была усилена в учебнике 2007 года Дегтяревой и Полторака. Говоря о «Письме к съезду» Ленина, авторы уверяют, будто «Ленин предупреждал партию о жестокости и властолюбии Сталина», допуская явную передержку в интерпретации ленинских слов. Вся внутрипартийная борьба изложена так: «Сталину удалось отстоять свою единоличную власть. Умело лавируя в различных политических ситуациях, он смог нейтрализовать своих конкурентов».

Рассказ о событиях 20-х годов в учебнике 2007 года П.С. Самыгина ограничивается указанием на то, что «на первые роли в руководстве партией и страной выдвигается группа прагматиков во главе со Сталиным, сконцентрировавшая в своих руках огромную власть, взявшая под контроль партийный аппарат и номенклатуру. Партийный аппарат постепенно вытесняет со своих постов оппозицию, выдвинув идею о необходимости в кратчайший ис-

торический срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

Однако авторы не ограничиваются объяснением событий 20-х годов «прагматизмом» Сталина и вскоре сообщают, что выбранный руководством страны «вариант экономического развития способствовал нарастанию тоталитарных начал в политической системе советского общества, резко усиливал необходимость в широком применении административно-командных форм политической организации». После этого следует целая глава под названием «Становление тоталитарного режима в СССР в 30-е годы».

В перечне «признаков тоталитарного политического режима» авторы назвали: «полное бесправие человека»; «полиция и спецслужбы наряду с функциями обеспечения правопорядка выполняют функции карательных органов и выступают в качестве инструмента массовых репрессий»; «подавление любой оппозиции и инакомыслия посредством систематического и массового террора, в основу которого положено как физическое, так и духовное насилие»; «подавление личности, обезличивание человека, превращение его в однотипный винтик партийно-государственной машины»; «государство стремится к полной трансформации человека в соответствии с принятой в нем идеологией».

В разделе, озаглавленном «Сущность сталинского тоталитаризма», подчеркивалось, что в «тоталитарной» советской системе «выстраивалась своеобразная пирамида партийно-государственного управления, вершину которой прочно занимал Сталин как Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)».

Здесь ни слова не сказано о правах на труд, отдых, образование и прочие социальные права, которыми пользовались впервые в мире советские люди. Здесь ничего не найти про реальную деятельность Советов в интересах широких народных масс, давно признанную всеми честными исследователями Советского государства, включая зарубежных. Здесь не говорится о том, что повышенные требования для консолидации советского общества были обусловлены тяжелейшей международной обстановкой и постоянной угрозой войны. Видимо, стереотипные положения о «тоталитаризме» были буквально списаны с учеб-

ников по антикоммунизму, которые распространялись в США в период маккартизма и гонения на левые силы.

Во всех учебниках отрицательные оценки Сталина усиливались по мере перехода к описанию событий конца 20-х — начала 30-х годов. Так, рассказывая о борьбе между Сталиным и «правыми» в конце 20-х годов, авторы учебника 2000 года писали: «Две основные концепции («бухаринская» и «сталинская») определились после XIV партсъезда. Концепция Н.И. Бухарина была связана с продолжением НЭПа. Это была концепция триединой цели: создание тяжелой промышленности, добровольное кооперирование крестьян, повышение благосостояния народа. Бухарин считал, что одновременное решение трех задач составляет суть партийного курса на индустриализацию страны. На рубеже 1929—1930 годов эта концепция была отвергнута. Бухарина обвинили в мелкобуржуазности, в уклоне вправо. Вторая, левая, концепция была намечена Л.Д. Троцким, но развита и реализована И.В. Сталиным... Сталинская концепция предполагала свертывание НЭПа, резкое усиление роли государства в развитии экономики, ужесточение рабочей дисциплины и общего режима в стране... Реализация сталинской концепции... потребовала огромных капиталовложений, которые в условиях отсутствия иностранных кредитов предстояло изыскать в собственной стране. И они были изысканы через ликвидацию многоукладности, огосударствление всех сфер экономики, резкое усиление государственной эксплуатации трудящихся».

Учебник 2006 года более осторожно высказался по поводу выбора из двух альтернатив. Там сказано: «Оценивая сейчас дискуссии тех далеких лет, одни историки поддерживают позицию Н.И. Бухарина, а другие разделяют сомнения сторонников генсека. Они полагают, что модель Бухарина «с научной точки зрения была труднореализуемой в тех условиях»... По их подсчетам, при сохранении нэпа в сложившемся его виде экономику СССР ожидали 1—2% ежегодного роста при увеличении населения на 2% в год. В такой ситуации доля национального дохода страны к середине 30-х гг. могла составить лишь 15% уровня США, в то время как в 1913 г. она равнялась 30%». Однако, заронив сомнения в правильности бухаринской альтернативы, авторы учебника не прекращали атак на Сталина. Особым на-

падкам была подвергнута политика Сталина в ходе коллективизации. Учебник 2006 года ставил под сомнение и утверждение Сталина о превращении СССР из страны аграрной в индустриальную.

Но если учебник 2006 года признавал, что «за 1929—1937 гг. страна совершила беспрецедентный индустриальный скачок», то учебник 2007 года утверждал: «Внутренняя политика Сталина — поощрение штурмовщины, подмена громкими фразами реальных программ ускоренного развития промышленности — задержала превращение страны в настоящую индустриальную державу». В учебнике 2007 года утверждалось, что «Сталин и его единомышленники фальсифицировали итоги первой пятилетки».

Особого накала нападки на Сталина достигали в рассказах о событиях середины 30-х годов. Авторы учебника 2000 года повторяли вымышленную версию о том, что на выборах нового состава ЦК на XVII съезде партии «против Сталина проголосовала значительная часть делегатов». (На самом деле лишь несколько человек проголосовало против него.) Далее говорилось: «Более того, некоторые из них предложили С.М. Кирову баллотироваться на пост секретаря ЦК ВКП(б), пост генерального секретаря ликвидировать, а Сталина переместить на пост председателя СНК СССР. (На самом деле речь шла о том, чтобы пост председателя СНК СССР занял ведущий руководитель страны, как это было при В.И. Ленине. Подобные предложения были направлены не против Сталина, а против Молотова. — *Прим. авт.*) Об этом стало известно Сталину. Его последующие действия свидетельствовали о том, что он решил любой ценой искоренить тайную партийную оппозицию, которая в ином случае могла собрать большинство делегатов и отстранить его от власти. Поводом к расправе над оппозицией стало убийство 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова. Началась серия чисток партии».

Перечислив судебные процессы тех лет, авторы учебника объявляли Сталина инициатором поворота к преследованиям, ссылаясь на его выступление на февральско-мартовском пленуме 1937 года: «Выступление И.В. Сталина явилось обоснованием массовых репрессий против коммунистов, трагическим символом которых стал 1937 год («ежовщина»). Точных и официальных данных о чис-

ле репрессированных коммунистов нет. По данным историков, их численность превысила 1,3 млн человек (из 3 млн членов партии и кандидатов в 1934 г.)... С конца 30-х годов власть Сталина, который непосредственно контролировал силовые наркоматы, стала не только безграничной и бесконтрольной, но и безусловной. Режим личной власти достиг вершины. Административно-командная система управления страной приобрела деспотические формы».

В учебнике 2006 года по поводу событий середины и конца 30-х годов сказано: «*Последней попыткой* старой гвардии дать бой генсеку стал XVII съезд партии в январе 1934 г., на котором значительная часть делегатов проголосовала против включения И.В. Сталина в состав ЦК. 1 декабря 1934 г. был убит один из видных руководителей компартии С.М. Киров. Тайна этого политического преступления не разгадана до сих пор. Но то, что оно развязало руки И.В. Сталину для физического устранения мешавших ему людей, — бесспорный исторический факт. В стране начались массовые аресты «врагов народа». Всего к 1939 г. было репрессировано более 2 млн человек... Посредством террора *из общественно-политической* и культурной жизни страны устранялась лучшая, свободомыслящая часть нации, способная критически оценивать действительность и происходящие в ней процессы и потому уже одним фактом своего существования представлявшая основное препятствие на пути окончательного утверждения личной власти И.В. Сталина (показательно, что среди репрессированных доля лиц с высшим образованием почти втрое превышала общесоюзный уровень)». Последнее не удивительно, так как среди арестованных и расстрелянных преобладали люди, занимавшие руководящие посты и часто имевшие более высокое образование, чем среднестатистический гражданин СССР *тех лет*.

Ту же версию про XVII съезд партии и убийство Кирова повторял и учебник 2007 года Дегтяревой и Полторака, но в более жестком варианте. Утверждалось, что против Сталина «голосовали около 300 делегатов, а часть делегатов просила Кирова согласиться баллотироваться на пост Генсека. (На самом деле отдельных выборов на пост Генерального секретаря тогда не проводили. — *Прим. авт.*)... Исто-

рики до сих пор спорят о причастности к убийству Сталина. Но независимо от того или иного ответа, этот террористический акт Сталин использовал для устранения своих политических соперников и развязывания массового террора... Массовые репрессии достигли пика в 1937—1938 гг., когда за два года были репрессированы миллионы человек... Общее число жертв превысило 2 млн человек». Как сказано выше, общее число казненных за все годы Советской власти было в 3 раза меньше.

Совершенно очевидно, что авторы учебников объясняли сложные и противоречивые политические события 1934—1939 годов исключительно стремлением Сталина сохранить и укрепить свою личную власть. Они игнорировали очевидные свидетельства борьбы внутри партии и советского общества, которая выразилась в сопротивлении партийных руководителей различного уровня новой конституции 1936 года, их страхе перед альтернативными выборами, разработка ими «квот» на высылки и расстрелы сотен тысяч человек. Авторы учебников не желали замечать факты о массовом доносительстве и шпиономании, охватившей страну, как это всегда бывает в периоды политических потрясений. Они игнорировали и то обстоятельство, что Сталин не мог физически держать под своим контролем все общественно-политические процессы. Авторы учебников умалчивали о предложении Сталина относительно учебы всех партийных руководителей снизу доверху и выдвижении новых лиц на руководящие посты, внесенном им на февральско-мартовском пленуме 1937 года. Они предпочитали хрущевскую интерпретацию речи Сталина на этом пленуме.

Словно сговорившись, все авторы учебников повторяли, что перед войной было репрессировано 40 тысяч военных руководителей (на самом деле в 2 раза меньше) и что этим самым был нанесен непоправимый удар по боеспособности Красной Армии.

Снова повторялись хрущевские и «перестроечные» объяснения поражений Красной Армии в первые месяцы войны. В учебнике 2006 года говорилось о «серьезных ошибках в разработке военной доктрины, в оценке характера начального этапа войны... в определении направления главного удара. И.В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с

СССР будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, чтобы лишить нашу страну богатых экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. Господствовал тезис о том, что СССР в случае нападения на него будет вести наступательные боевые действия на чужой территории малой кровью и превратит их в войну гражданскую — мирового пролетариата с мировой буржуазией».

В учебнике 2007 года Дегтяревой и Полторака утверждалось, что «накануне Великой Отечественной войны были допущены колоссальные просчеты и преступные действия... Тактику оборонительных действий руководство армии не изучало, поскольку она была объявлена вредительской и пораженческой. В соответствии с политическими амбициями сталинского руководства Красная Армия училась только наступательным действиям на территории противника. Донесения, полученные по каналам разведки о скором нападении Германии на СССР, сталинским окружением рассматривались как дезинформация. По объективным и субъективным причинам Советский Союз к лету 1941 г. к войне готов не был».

В учебнике 2007 года Самыгина утверждалось: «И. Сталин не верил в возможность войны даже тогда, когда она стала очевидной, но в то же время опасался провокаций. Таким образом, временный компромисс с Германией, достигнутый путем слома всей внешнеполитической линии Советского Союза 30-х гг., не был достаточно эффективно использован. Стремясь решить свои внешнеполитические задачи, советское руководство в условиях тоталитарной диктатуры не допускало демократического механизма решений, обсуждения альтернативных вариантов. Эта система не позволила эффективно распорядиться накопленным с большим трудом военным потенциалом и поставила страну на грань гибели».

Объективные обстоятельства, способствовавшие тому, что в 1939—1941 годах германская армия обладала самым мощным военным потенциалом и умело использовала тактику блицкрига, авторы учебников игнорировали. Умалчивали они и об ошибках многих советских военачальников. В поражениях Красной Армии 1941 года винили Сталина и только его.

После рассказа о нападении Германии во всех учебниках сухо упоминалось о создании Ставки Верховного Главнокомандования и Государственного комитета обороны и о том, что эти оба органа управления вооруженными силами и всей страны возглавил И.В. Сталин. Далее же о Сталине упоминали либо в связи с поражениями Красной Армии, либо с появлением его приказов, которые истолковывались однозначно как жестокие и нелепые.

Подводя итоги Великой Отечественной войны, авторы некоторых учебников старались возложить значительную часть вины на Сталина и все советское руководство за потери, понесенные советским народом. Для этого в учебнике 2006 года потери Красной Армии были увеличены почти на 3 миллиона и доведены до 11,4 млн. Авторы учебника утверждали: «Невиданные потери Советского Союза явились следствием как целенаправленно проводившейся нацистами установки на тотальное уничтожение российской государственности и народа, так и небрежения советских политических и военных руководителей жизнями соотечественников. История Великой Отечественной войны изобиловала примерами того, как затевались неподготовленные и технически не обеспеченные наступления».

Им вторят авторы учебника 2007 года Дегтяревой и Полторака: «Победа еще раз показала бесчеловечную сущность сталинской системы, ее пренебрежение к людям, их жизни. Отсюда «трагедия победы», которую добывали не только воины и свободные труженики тыла, но также миллионы невинно осужденных и спецпоселенцев».

Рассказ о начале послевоенной жизни Советской страны служит авторам учебников новым поводом для атак на Сталина. Характеризуя первые послевоенные годы, авторы учебника 2000 года писали: «Международная обстановка вскоре после войны резко обострилась. Началась «холодная война». Авторы даже не попытались сказать хотя бы слово о том, как США и их союзники старались удушить СССР экономической дискриминацией и одновременно разрабатывали планы ядерного нападения на нашу страну. Они утверждали: «Вместо сотрудничества возникла конфронтация. Руководство СССР взяло курс на немедленное «завинчивание гаек» в отношении интеллигенции... Духовный террор сопровождался террором физическим».

Почти дословно повторяли эти фразы авторы учебника 2007 года Самыгина: «Международная обстановка вскоре после войны резко изменилась. Курс на сотрудничество со странами Запада сменился концепцией противостояния капиталистическому лагерю. В этих условиях руководство СССР перешло к осуществлению политики «завинчивания гаек» в отношении интеллигенции... Духовный гнет сопровождался и физическим террором... Режим личной власти Сталина, установившийся с конца 30-х гг., достиг своего апогея».

Авторы учебника 2006 года утверждали, что состояние советского общества после войны «вызывало серьезное беспокойство И.В. Сталина и его окружения, ибо там явственно обозначились процессы, подтачивавшие устои режима личной власти... Столкнувшись с симптомами политической нестабильности, нараставшего общественного напряжения... сталинское руководство» предприняло меры. Их «суть... заключалась в укреплении личной власти диктатора, усилении партийно-государственного контроля над различными сферами общественной жизни, в борьбе с вольномыслием, сплошь и рядом перераставшей в прямые репрессии... Жертвами репрессий стали тогда десятки тысяч человек, приговоренных к расстрелу или к разным срокам лишения свободы». Авторы назвали среди них заместителя председателя Совета Министров СССР Н.А. Воскресенского, видимо, имея в виду Н. А. Вознесенского. Авторы умалчивали, что среди посаженных и расстрелянных в те годы было немало сообщников гитлеровских оккупантов, а также членов националистических бандформирований, орудовавших на западе СССР и истреблявших мирных советских жителей.

Повторяя тщательно заученную формулу, авторы учебника 2007 года так писали о послевоенном времени: «Руководство СССР взяло курс на немедленное «завинчивание гаек» в отношении интеллигенции». Новым было добавление о том, что в начале 1953 года страна оказалась на грани очередного тура репрессий: «Тринадцатого января 1953 г. «Правда» опубликовала статью под названием «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», обвинявшую ряд известных медиков в убийстве Жданова, Щербакова, Горького, Куйбышева и др.» Между тем известно,

что обвинения в убийстве «Горького, Куйбышева и др.» были выдвинуты не в 1953 году, а в ходе процесса 1938 года и по тем обвинениям тогда же были вынесены приговоры. Далее авторы утверждали: «Шпиономания захлестнула советское общество. Некоторые историки считают, что Сталин начал «дело врачей» как подготовительный этап к смещению Берии. Смерть Сталина остановила грядущую волну репрессий, возможно сопоставимую с 1937 г. В связи с этим А. Авторханов, например, выдвинул гипотезу о возможном убийстве Сталина».

Несмотря на различия в изложении событий, совершенно очевидно, что для всех учебников характерна однозначно отрицательная оценка Сталина, полное умолчание о его деятельности в интересах нашей страны и взваливание на него вины за все беды, которые с ней случились. Для такой характеристики Сталина авторы учебников опирались на мнение его политических врагов, в том числе на искаженную статистику и явные домыслы. Таким образом, те, кто хотел не получать плохих оценок по истории, должны были добросовестно зазубривать рассказы про «добрых» Троцкого и Зиновьева, боровшихся против бюрократа Сталина, «месть» Сталина делегатам XVII съезда за то, что кое-кто из них голосовал против него, бредни Рыбакова про подготовку Сталиным убийства Кирова, примитивные объяснения причин событий 1937–1938 годов, убогую попытку объявить Сталина виновником поражений Красной Армии. Отличник же должен был знать назубок фразу про «закручивание гаек» и про подготовку Сталиным новых репрессий в 1953 году. При этом, возможно, их оценки были бы отличными, даже если бы они называли Вознесенского Воскресенским, Горького путали со Ждановым и утверждали, будто испытание первой советской атомной бомбы состоялось в 1948 году (как сказано в одном из этих учебников). В то же время ясно, что ученики получили бы плохие оценки, если бы они рассказали о подлинной роли Сталина в модернизации нашей страны, ее сплочении накануне войны. Они стали бы двоечниками, если бы заикнулись о руководстве Сталиным страной и ее вооруженными силами в годы Великой Отечественной войны, о срыве Советским Союзом под его руководством планов Запада по

превращению СССР и значительной части всего мира в ядерную пустыню.

О том, что все попытки изменить что-либо в освещении отечественной истории и роли Сталина будут решительно пресекаться, свидетельствовала кампания, развернутая весной 2008 года против пособия для учителей «Новейшая история России. 1945—2006 гг.» А. Филиппова и Л. Полякова. Осторожное замечание авторов пособия о том, что «влияние психологических особенностей Сталина на политико-экономическое развитие скорее было вторичным по сравнению с ролью объективных обстоятельств», вызвало вал истерических воплей «Эха Москвы» и других средств массовой информации. Авторов обвиняли в возрождении культа личности Сталина.

Развернутая атака на пособие была предпринята в письме заместителя директора Института российской истории РАН Владимира Лаврова и старшего научного сотрудника Института российской истории РАН Игоря Курляндского. С необыкновенной прозорливостью авторы письма обнаружили «просоветскую и просталинскую направленность» на первых же страницах пособия. Даже осторожное замечание Филиппова о том, что «Советский Союз не был демократией, но он был примером лучшего, справедливого общества для многих миллионов людей во всем мире», привело авторов письма к выводу, что «читатель оглушается» таким «выводом». Но как бы Лавров и Курляндский ни относились сейчас к советскому строю, им трудно отрицать, что как в недавнем прошлом, так и сейчас, сотни миллионов людей на планете видели и видят в СССР пример лучшего, справедливого общества.

Видимо, учитывая ценность грантов из стран Запада для сотрудников институтов РАН, Лавров и его соавтор Курляндский спешили раскланяться перед зарубежными спонсорами. Они с возмущением писали о том, что в книге Филиппова «замалчивается антизападная направленность самого коммунистического государства, не отказавшегося и после войны от идеи мировой пролетарской революции; последняя воплотилась в создании пояса государств-сателлитов со сходными коммунистическими диктатурами. Заметив, что «правящие круги США стремились к мировому господству», автор должен был не умолчать, что руково-

дство ВКП(б) и СССР стремилось точно к тому же. Автор замалчивает и то, что многочисленные беззаконные и дикие акции внутри страны провоцировали западные демократии к противостоянию с СССР. И почти ничего не сказано о сооруженном Сталиным «железном занавесе», который изолировал СССР от всего остального, не зависимого от нас мира. Фактор «холодной войны» с Западом подается автором как якобы главный, обусловивший суровую сталинскую мобилизацию, централизацию и само ужесточение режима, при которых «не могло быть и речи о демократизации внутреннего строя»... Филиппов молчит о том, что ужесточение режима вытекало из самой сути сталинского тоталитарного государства, не терпевшего никаких альтернативных моделей общественной жизни и никакого инакомыслия». Правда, авторы почему-то не повторили излюбленной формулы про «закручивание гаек» Сталиным в 1946 году.

И хотя авторы письма признают, что «вроде бы большинство неприятных фактов сталинской диктатуры упомянуто», они бдительно замечают, что эти упоминания сделаны «как-то нехотя, вскользь, скороговоркой, без должного анализа и четких оценок этих фактов и явлений. Они подаются как «издержки модернизации», досадные отклонения от общего позитивного вектора развития в великую сталинскую эпоху. Филипповым последовательно затушевывается роль Сталина в послевоенных репрессивных кампаниях: борьбе с «космополитизмом», погромных идеологических акциях в сфере литературы и искусства, ужесточении лагерного режима, фабрикации ленинградского дела и «дела врачей», разгроме генетики и т.д. Автор обычно возлагает ответственность за эти «эксцессы» на безымянные «власть» и «государство».

Вывод Лаврова и Курляндского суров, как донос времен 1937 года: «Конечно, подобные умолчания неспроста. Если их не делать, то объективное освещение истории подведет к выводу о Сталине как преступнике против народов СССР, против отечественной культуры и духовности, против человечества и человечности. Именно от этого объективного вывода автор пытается увести учителей и учеников».

Особенно возмутила Лаврова и Курляндского глава в

книге Филиппова «Споры о личности Сталина», которую они назвали «наиболее путаной и несостоятельной в научном плане». Сдержанные замечания Филиппова об «исторической противоречивости» этой личности» вызывают у Лаврова и Курляндского подозрение, что Филиппов «от прямого честного ответа... уклоняется. Но дальнейшее повествование полностью высвечивает его оправдательную позицию по отношению к Сталину и сталинизму».

Использование Лавровым и Курляндским приемов, характерных для доносов 1937 года (к каковым прибегал и Карякин 20 лет назад, атакуя Нину Андрееву в своей статье про «ждановскую жидкость»), объясняется просто. Став самозваными следователями и судьями над событиями 1937 года и тогдашними людьми, антисталинисты убеждены в том, что они-то никогда не могут быть похожими на доносчиков, следователей и судей того времени. И именно поэтому они с необыкновенной легкостью заражаются инквизиторским стилем разоблачительства, характерным для 1937 года. Именно поэтому они так легко видят чудовищную преступность в словах и поступках, которые лишь свидетельствуют о наличии у других людей иного мнения. Именно поэтому они требуют жестокого осуждения людей, вина которых состоит лишь в том, что они мыслят по-иному.

Подобно тому, как в 1937 году в разоблачении мнимых «врагов социализма» особенно усердствовали те, кто еще недавно был далек от социалистических и коммунистических идей, ныне особенно усердствовали в разоблачении мнимых врагов «демократии» те, кто еще сравнительно недавно напоказ выставлял свою преданность коммунизму и ленинизму. Не удивительно, например, что Юрий Карякин, соавтор книги «Ленин как политический мыслитель», изданной в 1981 году и восхвалявшей вождя мирового пролетариата, стал требовать выноса тела Ленина из Мавзолея, а затем, став твердокаменным антикоммунистом, объявил на весь свет по телевидению, что «Россия сошла с ума», узнав о поражении наиболее антисоветских партий на выборах 1993 года. Не удивительно, что Лавров, получивший в конце 80-х годов научную степень за исследование вклада Ленина в развитие международного ком-

мунистического движения, присоединился к Карякину и стал писать послания с призывом вынести тело Ленина из Мавзолея.

Как всегда бывало в истории, перевертыши стремятся рьяно доказать свою причастность к тому стану, в ряды которого они переметнулись. Поэтому бывший популяризатор деятельности Ленина Лавров с негодованием заявляет (а Курляндский его поддерживает): «Очевидно, Филиппову не известно, что власть государей в России имела нравственные ограничители: их православную веру, осознание себя как помазанников Божиих и своей ответственности перед Богом за судьбу России и ее народа... А эти ограничители нередко действовали куда надежнее, чем демагогические коммунистические конституции. Ведь соответствующих духовно-нравственных табу у Ленина и Сталина не было и быть не могло».

Как это характерно для неофитов, Лавров и Курляндский плохо ориентировались в том лагере, к которому они сравнительно недавно примкнули. Поэтому когда Филиппов, характеризуя разные оценки Сталина, процитировал книгу Антонова-Овсеенко, Лавров и Курляндский объявили последнего «малоизвестным публицистом». Лавров и Курляндский требовали, чтобы вместо Антонова-Овсеенко Филиппов привел «цитаты из А.И. Солженицына, А.А. Ахматовой, И.А. Бунина, Г.Н. Владимова, И.А. Ильина, Л.З. Копелева, Б.Ш. Окуджавы, Г.П. Федотова, В.Т. Шаламова и других крупных деятелей культуры, давших объективную оценку Сталину как одному из главных преступников и злодеев в мировой истории». Между тем Антонов-Овсеенко, являющийся автором ряда книг о Сталине, занимает заметное место среди антисталинистов. Никто из перечисленных Лавровым и Курляндским авторов не написал ни одного исследования специально о Сталине. Более того, у ряда из перечисленных авторов можно найти восторженные высказывания о Сталине (например, стихи Анны Ахматовой по случаю 70-летия И.В. Сталина, опубликованные в журнале «Огонек», или отдельные замечания Ивана Бунина в годы Великой Отечественной войны).

Демонстрируя агрессивное невежество, авторы письма полностью дезавуировали все высокие оценки Сталина, ко-

торые были даны Черчиллем (хотя покойный британский премьер не давал им такого поручения). Во-первых, они сообщают, что не нашли эти высказывания в подлиннике. Во-вторых, принимая собственный уровень морали и сознания за норму, они объявляют, что Черчилль делал их в угоду политической конъюнктуре: «У. Черчилль произносил панегирики Сталину в годы войны, но они были политически мотивированы и вряд ли отражали искреннюю позицию британского антикоммуниста». О том, что Черчилль, оставаясь убежденным антикоммунистом, мог отдавать должное уму Сталина, его талантам государственного деятеля и полководца, «историкам» Лаврову и Курляндскому не приходит в голову.

Вердикт Лаврова и Курляндского безапелляционен: «Проанализированные органичные недостатки книги для учителей делают ее непригодной как методологической основы преподавания отечественной истории. Книга декларирует своей главной задачей формирование четкой гражданской позиции у школьников, но на деле служит воспитанию циничных и безнравственных людей, готовых строить свою жизнь по принципу «цель оправдывает средства». Мрачны же перспективы преподавания истории в нашей стране, когда ее судьбы вершат такие «историки», как Лавров!

Если всякие попытки сделать хотя бы осторожные шаги в направлении объективного изложения отечественной истории пресекались, то всемерно пропагандировалась изощренная методика по внедрению антисоветских и антисталинских стереотипов. На страницах Интернета было размещено подробное описание урока на тему «Эпоха Сталина. Итоги и перспективы».

В начале урока учитель задает вопрос: «Что сложнее сделать — дать оценку человеку или эпохе, какое ваше мнение?» В разработке говорится: «Ученики должны прийти к выводу, что это одинаково сложно, так как историческая эпоха — это поступки людей, произошедшие совсем в других, чем наши, исторических условиях». Учитель: «А нужно ли нам с вами пытаться оценить то, что произошло? Если да, то для чего?» Ребята считают, что это необходимо, так как позволяет нам избегать ошибок

прошлого и знать достоверные, а не искаженные исторические факты».

«Учитель: «Да, задача у нас сложная. Но мы должны с ней справиться, и чтобы вам было легче определить свое отношение к сталинской эпохе, я предлагаю вам два четверостишия:

Спасибо товарищу Сталину
За нашу счастливую жизнь.
За детство счастливое наше,
За наши чудесные дни.

Нина Швецова

...Вспоминая это время
Как смерч, как гром, как правды крах,
Я только вижу страх над всеми...
Оркестры, митинги и страх.

Н. Коржавин

Эти стихи написаны об одном и том же времени, но они противоположны по своей сути и отражают противоположные точки зрения на эпоху. Пускай каждый из вас в конце урока определит, какое из них наилучшим образом отражает то время. И я попрошу вас высказать свою точку зрения, но это потом, а сейчас давайте обратимся к документам. Мы изучаем историю только через свидетельства современников событий, если их нет, то остаются только наши предположения. Для того чтобы дать объективную оценку, давайте узнаем, как оценивали эпоху современники».

«Работа с документами и заполнение таблицы (ученики совместно с учителем, основываясь на документах и знаниях, полученных прежде, заполняют таблицу «СССР начала 50-х гг.».

«Положительные стороны: 1) Индустриализация СССР (одна из трех стран, способных независимо от других произвести любой вид продукции). 2) Международный авторитет СССР. 3) Крупнейшая военная держава. 4) Всеобщее образование. 5) Стабильность. 6) Цель».

«Отрицательные стороны. 1) Плановая экономика, сверхцентрализация. 2) Диспропорции в экономике. 3) Уничтожение крестьян как класса. 4) Идеологический диктат. 5) Низкий уровень жизни населения. 6) Духовный кризис общества. 7) Массовые репрессии, террор».

«Учитель: «У вас есть одна минута, чтобы вы самостоятельно написали в тетради вывод».

«Ученики: «СССР к началу 50-х гг. представлял собой мощную военно-промышленную сверхдержаву, чье могущество было основано на страхе, силе и жесткой эксплуатации населения».

«Учитель: «Кто из вас сейчас готов высказать свое отношение к той эпохе? Дайте свою личную оценку эпохи. Какое из высказываний вам ближе, почему?» Скорее всего, ученики выскажут отрицательное отношение к сталинскому периоду истории страны».

Следующим этапом является выработка в сознании учащихся неприятия тех, кто не разделяет антисталинские представления. «Учитель: Тогда давайте обратимся к некоторым современным точкам зрения на эту проблему». Учитель раздает ученикам данные опросов ВЦИОМ, проведенных в канун пятидесятилетия смерти Сталина, в которых отражается тенденция идеализации политики Сталина. «Учитель: «Прокомментируйте, пожалуйста, данные документы. Почему меняется отношение людей к Сталину и его эпохе?»

«Работа с документом: Письмо в редакцию журнала «Новое время». (Очевидно, письмо носит антисталинский характер и осуждает сторонников Сталина.)»

«Учитель: «Как бы вы теперь ответили на вопрос «Почему меняется отношение людей к Сталину и его эпохе? Согласны вы с автором или нет? Чего не хватает нам с вами сейчас? Какие уроки можно извлечь из этого страшного периода жизни страны? Нужно ли и дальше публиковать материалы, документы, свидетельствующие о геноциде народа, о преступлениях Сталина и его окружения? (Четко определить цели развития: демократия, правовое государство — и дать людям уверенность в завтрашнем дне, дать им надежду и веру.) Что нужно сделать, чтобы наша страна начала двигаться вперед? Возможно ли повторение сталинизма в России?» (Возьмите во внимание данные социологических опросов)».

«Работа с документом: высказывание Александра Яковлева. Учитель: «В чем причина сталинизма, по мнению автора документа?» Ученики, работая с документом, должны прийти к мысли, что залогом того, чтобы тоталитаризм в

нашей стране не повторился, должно стать воспитание граждан, гражданской ответственности, желание молодых людей построить гражданское общество, стремление жить в правовом, демократическом государстве. Но, прежде всего, они должны начать с себя».

«Учитель зачитывает цитату из М. Гефтера: «Сталин актуален в меру его присутствия в нас и в меру нашего освобождения от него», а затем стихи Б. Чичибабина:

«А в нас самих, труслив и хищен,
Не дух ли сталинский таится,
Когда мы истины не ищем,
А только нового боимся?

Я на неправду чертом ринусь,
Не уступлю в бою со старым,
Но как тут быть, когда внутри нас
Не умер Сталин?»

«Учитель: И еще один пример, который вас должен, я надеюсь, многому научить. (Рассказ педагога об обстоятельствах смерти Сталина). Ученики должны прийти к выводу: «Все диктаторы кончают одинаково если не при жизни, то после смерти». Народ и история выносят им, в конце концов, справедливую оценку».

«Учитель: Так какие выводы мы можем для себя сделать, как должен жить человек, к чему он должен стремиться? Давайте с вами еще раз вернемся к тем высказываниям, которые были приведены в начале нашего урока. Какое из них отражает истинное лицо эпохи?»

Предполагается, что после такой обработки сознания ученики дадут «правильный» ответ, выразив предпочтение стихам Натана Коржавина и осудив стихи Нины Швецовой, а заодно Сталина и его эпоху.

Разумеется, при обработке сознания студенческой аудитории антисталинисты прибегают к более изощренным приемам. Примером этого является программа «научно-образовательного форума «И.В. Сталин: миф, осмысление, преодоление», проведенного в Российском государственном гуманитарном университете в марте 2003 года.

В рассказе о форуме сказано, что он «начался с открытия выставки, подготовленной сотрудниками Государственного исторического музея и Всероссийского музея де-

коративно-прикладного и народного искусства, на которой представлены уникальные плакаты сталинской эпохи, демонстрирующие пропагандистские средства и методы идеализации личности Сталина как «отца народов», друга детей и продолжателя дела Ленина и т.д. На выставке представлена как классика жанра, так и редкие экспонаты, отражающие различные аспекты мифотворчества и господства идеологии при тоталитарном режиме. Как заметила куратор выставки Т.Г. Колоскова, по представленным плакатам можно проследить выстраивание новой иерархии вождей СССР, а также эволюцию настроений общества до и после смерти И.В. Сталина». Хотя организаторы форума создают впечатление объективности в выборе экспонатов, их отношение к Сталину и его времени определено фразами о «мифотворчестве» «тоталитарного режима» и ироническими высказываниями об «отце народов».

Далее сказано, что «центральным событием форума стала презентация мультимедийного информационно-образовательного проекта «XX съезд». Понятно, что таким образом хрущевский доклад стал главным средством оценок Сталина и его времени. При этом организаторы форума старательно подводили студентов к мысли о том, что они добровольно принимали антисталинские установки: «Данный проект представляет собой одно из видений универсальной образовательной модели XXI века, когда происходит самостоятельное постижение студентами сущего с помощью преподавателя, а не перемещение знаний из головы преподавателей в головы студентов. На мультимедийном диске «XX съезд» представлен не только XX съезд, размежевавший эпохи, но совокупность фактов, факторов и явлений, составлявших тот исторический, социальный и идеологический контекст, в котором, подобно грому среди ясного неба, раздался с самой высокой государственной трибуны призыв к разоблачению культа личности Сталина».

Для идейной обработки сознания использовались самые разнообразные средства: «В программе «Кино Сталина, Сталин в кино» искусствовед А.М. Шемякин столкнул два кинематографических мира – мир сталинского кино, создающий миф о Сталине и сталинской эпохе, и мир кино постсталинской эпохи (вплоть до нашего времени, пред-

ставленного фильмом А. Германа «Хрусталев, машину!»), развенчивавшего этот миф. Перед аудиторией прошла история демифологизации образа Сталина с 50-х гг. до 2000-х, построенная на эпизодах из знаковых картин каждого из десятилетий».

Чтобы создать впечатление о своей объективности и продолжить развенчание Сталина и его времени, по словам организаторов программы, «первый день Форума завершился концертом солистов хора РГГУ из г. Иваново, которые исполнили песни сталинской эпохи, среди которых были как военные и патриотические песни, так и романсы». Очевидно, эта концертная программа должна была подвести студентов к тем же мыслям, какие внедряли в умы школьников на уроке по внедрению негативного отношения к Сталину и его времени. Скорее всего, песенная культура сталинской эпохи изображалась как искаженное изображение «мрачной реальности». Теперь студенты могли снисходительно посмеиваться, выслушивая песни тех лет, так как они были уверены, что получили полную информацию о том, что на самом деле творилось в сталинские годы. Точно так же школьники, получив заряд антисталинизма, могли теперь посмеяться над стихами Швецовой.

Форум продолжался в ходе круглых столов: «Факультет истории, политологии и права ИАИ РГГУ провел круглый стол на тему: «Формирование образа мира средствами науки и образования в сталинскую эпоху». Главными темами докладов и последующей дискуссии было восприятие «своего» и «чужого» в советском обществе, его закрытость и влияние науки и образования на самоидентификацию общества и государства. Участники круглого стола «Сталин и гуманитарные науки», проводимого Институтом лингвистики, обсуждали сталинское влияние на языкознание, логику, литературоведение, психиатрию и антропологию. В ходе обсуждения разгорелась бурная дискуссия по поводу сталинского учения о нациях, сыгравшего решающую роль в укреплении марксистского влияния на гуманитарные науки». Очевидно, что не везде дискуссии шли так гладко, как ожидали их организаторы.

«Участники круглого стола «Память науки: биология в сталинскую эпоху», в числе которых были член-коррес-

пондент РАН Л.М. Чайлахян и доктор физико-математических наук В.В. Смолянинов, обсуждали проблемы, обусловившие сталинскую кампанию борьбы с «буржуазной биологией», последствия этой кампании, определившие развитие естественных наук, раскол научного сообщества и судьбы советских ученых. Участники круглого стола «Проектное мышление сталинской эпохи» под руководством М.П. Одесского обсуждали статус естественных наук при тоталитарном режиме. В ходе обсуждения затрагивались как вопросы онтологического характера, так и культурные феномены гуманитарных наук эпохи. В заключение круглого стола Институт новых образовательных технологий РГГУ представил проект создания и применения учебно-исследовательского комплекса нового поколения на примере материалов по истории тоталитарного режима». Постоянное использование слов «тоталитарный режим» видимо определяло характер обсуждения на этих круглых столах.

«На круглом столе «Сталин и искусство, Сталин и культура», организованном факультетом истории искусства, обсуждался культурологический контекст складывания культа личности, его социокультурные основы и различные аспекты советской культуры сталинской эпохи. В Институте филологии и истории прошел круглый стол «Сталин и литература» под руководством Г.А. Белой. В обсуждении приняли участие виднейшие исследователи русской истории и литературы, обсудившие специфику литературного процесса и литературного быта сталинской эпохи. После докладов участники конференции проанализировали парадигму социалистического реализма и детерминировавшие его стилистические и художественные факторы. Михаил Вайскопф, автор книги «Писатель Сталин», резюмируя интереснейшую полемику, назвал социалистический реализм направлением системной псевдоправды, основанной на тотальной лжи». Очевидно, оценки Михаила Вайскопфа были признаны главным выводом из дискуссии.

Об активном участии в организации и ведении форума иностранцев свидетельствует и заключительная фраза отчета о нем: «Форум завершился мультимедийной презентацией «Иконография Сталина в плакате», представленной

доктором К. Вашиком по материалам уникального собрания русских и советских плакатов РГБ, Института русской и советской культуры им. Ю.М. Лотмана и Рурского университета (Бохум, Германия)».

Так, создавая у студентов иллюзии непредвзятого подхода к Сталину и его времени и свободного обмена мнениями по этим предметам, организаторы форума закрепляли внедренные еще со *школьных времен антисталинские* стереотипы. Подобные мероприятия проводились не только в РГГУ, а во многих высших учебных заведениях страны. Преподавание антисталинизма стало одним из идейных основ общественно-политического строя современной России.

Глава 17
ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ

Получалось, что внедрению в общественное сознание антисталинских представлений в школах, средних специальных и высших учебных заведениях, через средства массовой информации, особенно электронные, противостояли лишь отдельные публикации в отдельных оппозиционных газетах и отдельные книги и брошюры, выпускавшиеся крайне малыми тиражами. Тем не менее значительная часть населения России отторгала антисталинизм.

На это обратили внимание руководители Центра исследований политической культуры России (ЦИПКР) С. Васильцов и С. Обухов в своей публикации «Иосиф Сталин: неоконченная эпитафия», опубликованной в газете «Советская Россия» от 5 марта 1996 года. Ссылаясь на социологические обследования, проведенные Центром, они обратили внимание на неоднозначность влияния антисталинской пропаганды на общественное сознание. С одной стороны, указывалось в статье, судя по данным опроса ЦИПКР 1989 г., окажись Сталин «каким-то чудом среди кандидатов в союзные депутаты... за него решилось бы проголосовать этак 2—3 процента наших соотечественников, не более». С другой стороны, «опросы нашего Центра еще горбачевской

поры наглядно показывали, что лишь сравнительно узкий слой населения, не больше 17 процентов, соглашался с мнением, будто все публикуемое о Сталине есть правда, и требовал новых, столь же громких разоблачений. Куда более осторожную и даже настороженную позицию уже тогда — в разгар яковлевских «откровений» и реабилитаций — избрал другой сектор общества, вобравший в себя 23 процента граждан. Эти еще верили, что и телевещание, и радио, и газеты якобы сообщают им достоверные данные. И все-таки в их сознание проклевывалось и некое «но». Мол, осуждение Сталина «не должно превращаться в огульное охаивание всех достижений народа».

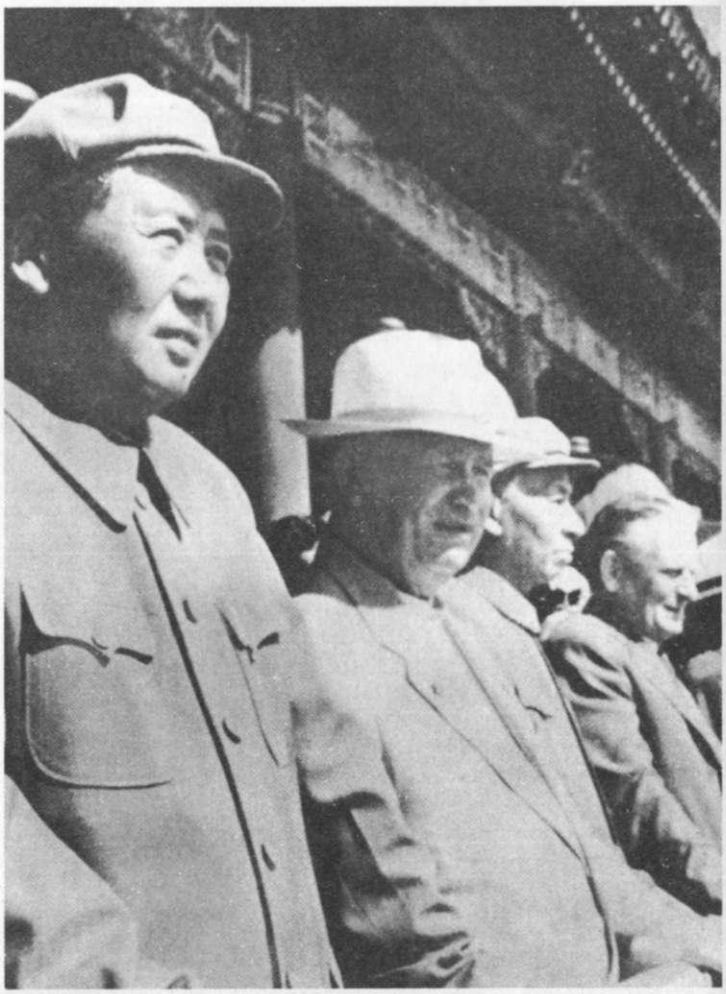
«А как же большинство? — спрашивали авторы статьи. — Сталкиваясь лицом к лицу с захлестнувшим страну развалом, оно в соотношении 8:1 отказывалось усматривать истоки этого развала в пресловутом «возрождении сталинизма». Бороться, как полагали четыре пятых населения, надлежало совсем с другим, куда более страшным и конкретным — с полным бессилием государственной власти, с некомпетентностью руководящих кадров, с национализмом и сепаратизмом на местах и пр. Решающая доля жителей, не меньше 60 процентов, уже поставленных в те дни на край существования Союза, не просто отмахивалась от навязывавшихся ей «разоблачительных» пассажей антисталинской направленности. Нарастало и ширилось их осознанное отторжение. «Приковывая наше внимание к Сталину, — заявляли они, — кое-кто пытается увести народ в сторону от сегодняшних проблем и безобразий... Нас снова хотят лишить истории».

Ссылаясь на «материалы зондажей 1990—1991 годов», авторы статьи утверждали, что «не меньше 80 процентов наших современников куда как осторожно относились» к ярлыку «сталинист». «А по крайней мере треть населения считала, что «у нас шла речь просто-напросто об очередном «ярлыке», который навешивают на людей, выступающих против охаивания всего нашего общества».

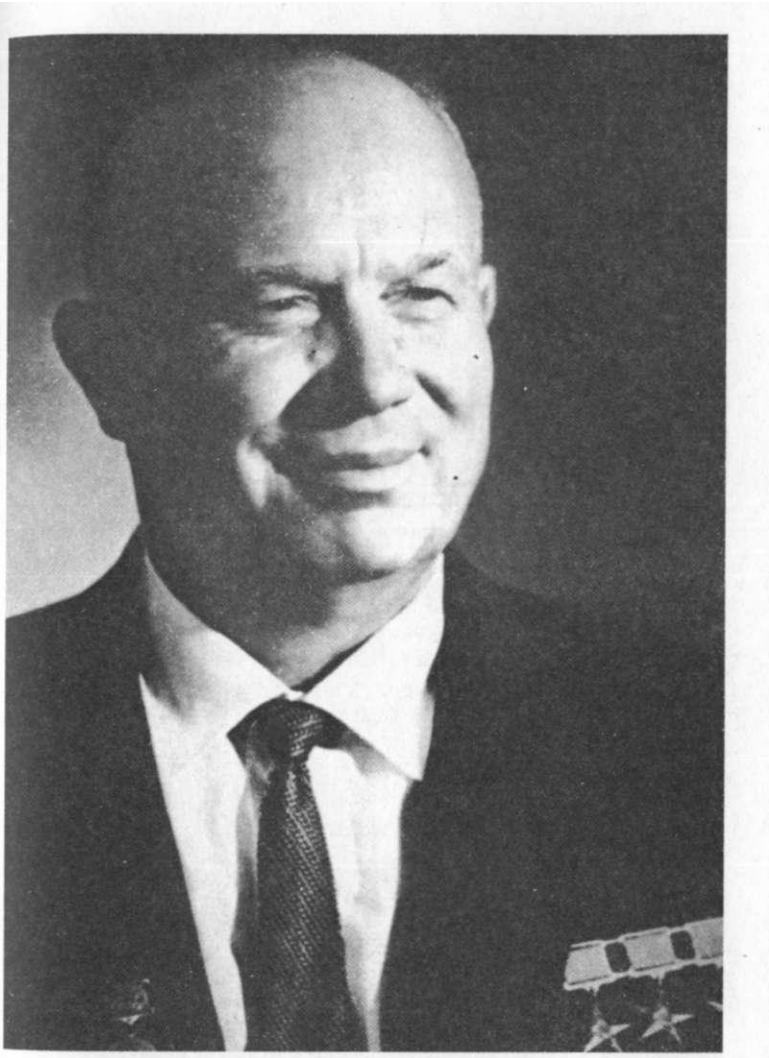
Новым фактором, повлиявшим на изменение отношения к Сталину, стало, по словам авторов статьи, «убийство Союза ССР...» «Историю своей страны следует принимать такою, какова она есть. Конечно, в минувшем было немало всякого, в том числе и дурного; однако в целом это история

А.И. Микоян – заместитель Председателя Совета Министров СССР, активно поддерживал Н.С. Хрущева в его нападках на Сталина. Оставался в руководстве страны вплоть до марта 1966 года.

Мао Цзэдун, Н.С. Хрущев, Председатель Китайской Народной Республики Лю Шаоци, президент Чехословакии Антонин Новотный на трибуне на площади Тяньаньмынь в Пекине во время празднования 10–летия Китайской Народной Республики. Разногласия между Н.С. Хрущевым и китайским руководством во главе с Мао Цзэдуном, в том числе и по вопросу об оценке роли И.В. Сталина, во многом способствовали расколу между СССР и КНР.

Н.С. Хрущев в 1963 году. К этому времени он стал трижды Героем Социалистического Труда и лауреатом международной Ленинской премии Мира. В октябре 1964 года он был снят с постов Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров и отправлен на пенсию. После этого стал писать свои мемуары, содержавшие нападки на Сталина.

Л.И. Брежнев – с октября 1964 года Первый (затем Генеральный) секретарь ЦК КПСС. С 1977 года стал также Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Получил звание Маршала Советского Союза и стал кавалером ордена Победы. Стараясь проводить курс на стабилизацию общественно–политической жизни, Брежнев и его коллеги по руководству страны упорно уходили от изменения оценок Сталина, принятых на XX съезде КПСС.

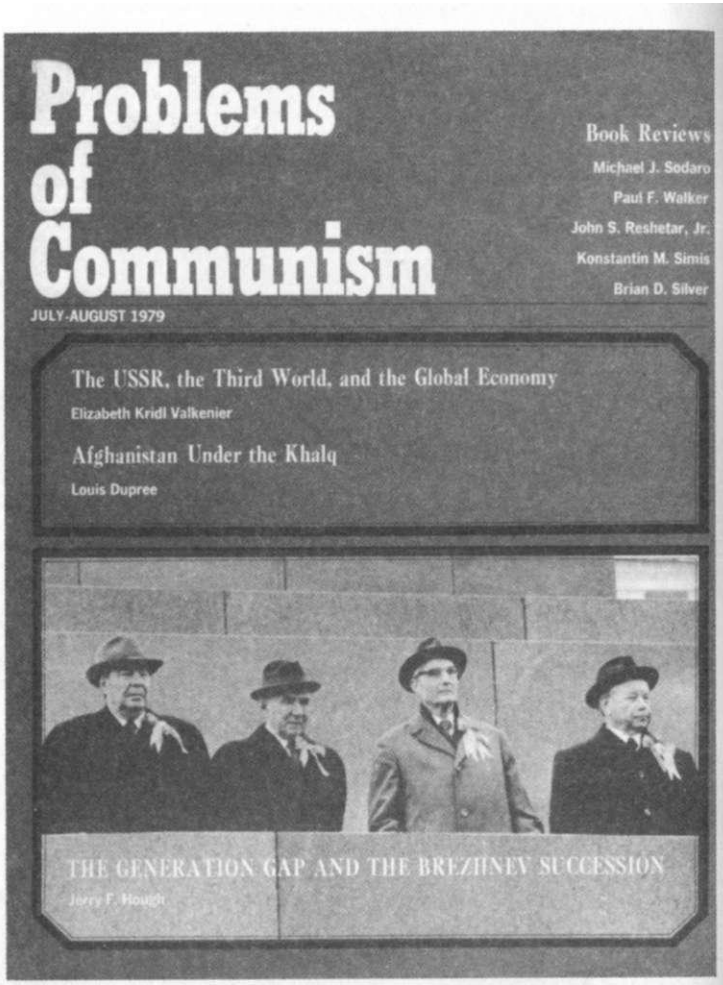
Л.И. Брежнев в кругу ветеранов войны, защищавших Малую Землю.

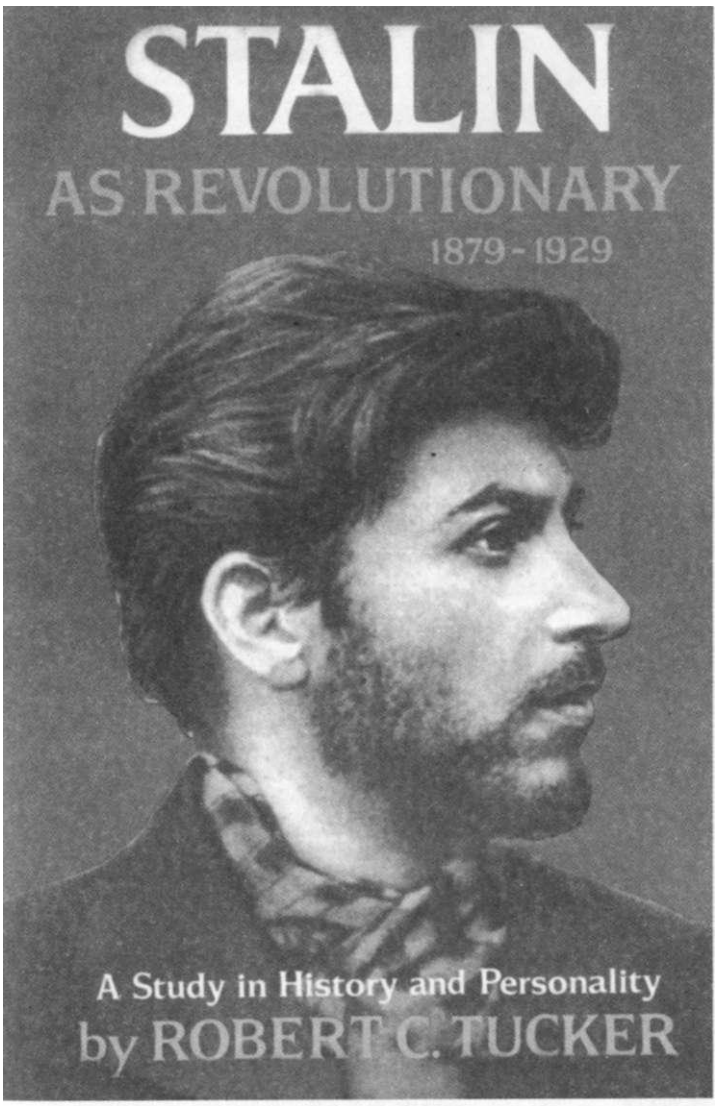
Сцена из фильма «Битва за Берлин». *Сидят слева направо:* Ю. Дуров в роли Уинстона Черчилля, С. Яськевич в роли Франклина Делано Рузвельта, Бухути Закариадзе в роли Иосифа Сталина. За ними стоит автор книги Юрий Емельянов в роли переводчика.

На съемках фильма «Битва за Берлин» из сериала «Освобождение» в апреле 1970 года. *На первом плане слева направо:* режиссер Юрий Николаевич Озеров, Юрий Емельянов, будущий автор данной книги, Бухути Закариадзе в роли И.В. Сталина.

Американские советологи проявляли пристальное внимание к проблеме старения советского руководства. На обложке американского журнала «Проблемы коммунизма» вынесено название статьи Джерри Хаффа «Разрыв в поколениях и проблемы наследников Брежнева». На снимке изображены руководители партии и правительства на трибуне Мавзолея Ленина. *Слева направо:* Л.И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. И. Косыгин, секретари ЦК КПСС М.А. Суслов и А.П. Кириленко.

Американские советологи написали немало работ о Сталине и его времени. Одна из биографий Сталина была написана Робертом Таккером.

В США активно публиковались воспоминания, дискредитировавшие Сталина. Одной из таких книг стала книга Милована Джиласа «Беседы со Сталиным». М. Джилас был одним из ведущих руководителей послевоенной Югославии, но в начале 50–х годов был снят со всех постов, а затем и подвергнут репрессиям.

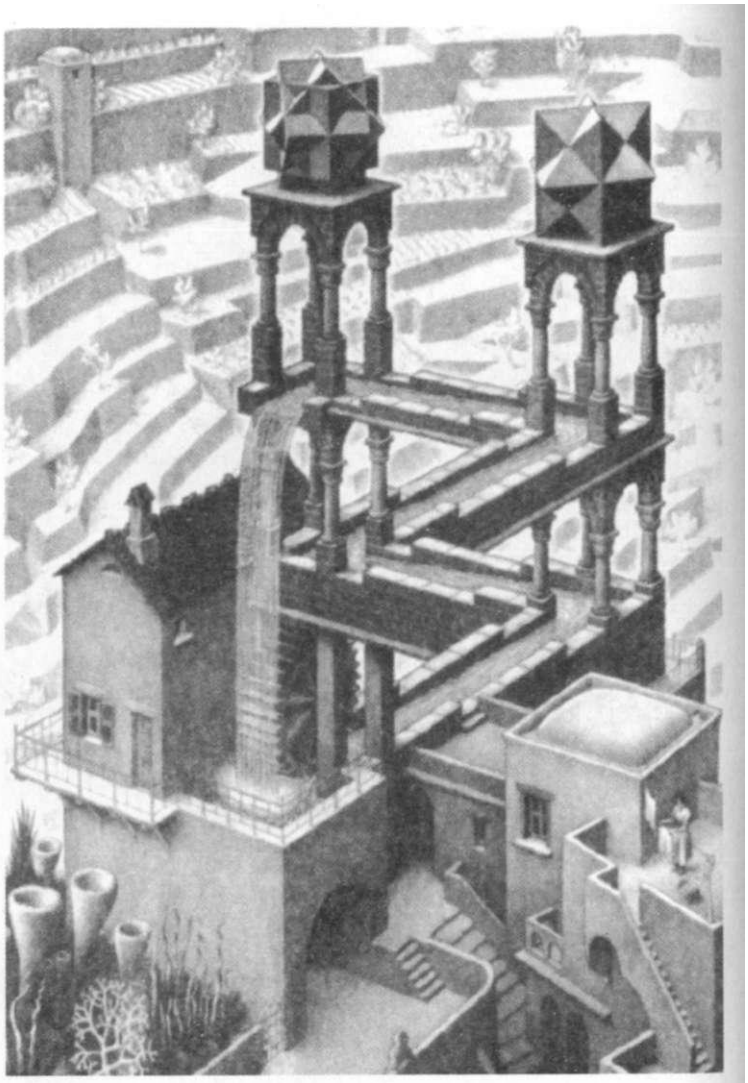

Широко распространялись в США и других странах Запада книги с воспоминаниями Светланы Аллилуевой, покинувшей СССР в 1967 году.

Некоторые приемы антисталинской пропаганды напоминали трюки, с помощью которых создается иллюзия «уменьшения» и «увеличения» людей. На снимке изображено помещение, в котором стены сконструированы так, что создается иллюзия прямоугольности. На самом деле пропорции искажены так, что зритель не замечает, что женщина, стоящая в правом углу, значительно ближе к нам, чем стоящая в левом углу. Размеры же стены в правом углу уменьшены так, что женщина упирается в потолок.
На самом деле женщины равных размеров.

Зачастую организаторы антисталинской пропаганды ловко подменяют логику иллюзией логики. Их приемы можно проиллюстрировать на рисунках Маурица Эшера, великого мастера «невозможных» изображений. Он создавал фигуры, которые невозможно построить на деле. В его домах нельзя было понять, где верх, а где низ.

Слева направо: Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, В.В. Гришин. По мнению американского советолога Джерри Хаффа, высказанному им в журнале «Проблемы коммунизма» летом 1979 года, Ю.В. Андропов, ставший в 1982 году Генеральным секретарем ЦК КПСС, К.У. Черненко, занявший этот же пост после смерти Ю.В. Андропова в феврале 1984 года, В.В. Гришин, которого прочили на пост Генерального секретаря ЦК КПСС после смерти К.У. Черненко в марте 1985 года, не имели шансов долго возглавлять КПСС и СССР.

М.С. Горбачев – Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985 – 1991 годах, президент СССР в 1990 – 1991 годах. Джерри Хафф и другие американские советологи уже летом 1979 года увидели в секретаре ЦК КПСС М.С.Горбачеве того человека, который скоро возглавит КПСС и СССР. С тех пор к нему было приковано особенно пристальное вниманиевсех влиятельных людей в американском руководстве.

А.Н. Яковлев – член Политбюро и секретарь ЦК КПСС, именовавшийся часто «архитектором перестройки». Один из инициаторов и организаторов массовой антисталинской кампании в конце 1987 года. Имелись сведения о том, что еще в конце 50–х годов, в период своей учебы в США, он был завербован ЦРУ. Когда Председатель КГБ СССР В.А. Крючков доложил об этом М.С. Горбачеву в 1990 году, последний решительно отверг это подозрение.

Э.А. Шеварднадзе – член Политбюро ЦК КПСС и министр иностранных дел СССР в 1985 – 1990 годах, сторонник М. С. Горбачева до декабря 1990 года. Впоследствии – президент Грузии.

Н.И. Рыжков – член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР в 1985 – 1990 годах. Активно поддержал Горбачева в дискуссии по письму Нины Андреевой.

А.А. Громыко – член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР в 1957 – 1985 годах, Председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1985 – 1988 годах. В своем двухтомнике воспоминаний «Памятное» высоко оценил И.В. Сталина как государственного деятеля. Однако в ходе дискуссий по проекту доклада М.С. Горбачева о 70–летии Октября и по письму Нины Андреевой делал двусмысленные заявления.

В.И. Воротников – Председатель Совета Министров, а затем Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР. Выражал свое беспокойство по поводу роста атак на советскую историю. На первых порах поддержал письмо Нины Андреевой. В ответ Горбачев заявил о расколе в Политбюро и стал угрожать своей отставкой.

В.М. Чебриков – член Политбюро ЦК КПСС, Председатель КГБ СССР в 1985 – 1988 годах. На заседаниях Политбюро не раз высказывал озабоченность кампанией по очернению советской истории.

Е.К. Лигачев – член Политбюро и секретарь ЦК КПСС. Не раз выступал против очернения советской истории. Стал объектом острых нападок Горбачева, Яковлева и послушных им средств массовой информации.

Статуя «Большая Тройка» работы Зураба Церетели, размещенная в волгоградском Музее-панораме.

21 декабря 2006 года. Коммунисты Москвы во главе с руководителем ЦК КПРФ Г.А. Зюгановым возлагают цветы к могиле И.В. Сталина у Кремлевской стены.

великого народа — ее следует изучать, помнить и с открытыми глазами использовать ее уроки в нашей жизни» — вот тот мировоззренческий рубеж, от которого примерно с 1992 года взял начало ныне подходящий к завершению этап пересмотра взглядов на Сталина. **Люди обращались за поиском ответов на злобу дня в прошлое, а сталкивались с... загадкой Сталина».**

Постепенная эволюция оценок Сталина совершалась в ходе признания величия дел, совершенных под его руководством. И хотя опрашиваемые еще не были готовы признать огромную позитивную роль Сталина в этих достижениях, они все более активно признавали значимость этих дел. В статье говорилось: «Победа над мировым фашизмом в Великой Отечественной войне, столь неотделимая от его имени? Ее как чуть ли не последнюю нашу гордость — при распаде прочих ценностей — продолжали поднимать на щит до 70 процентов населения. Сталинское воссоединение западных украинских и белорусских земель с советскими республиками Украина и Белоруссия, возвращение Прибалтики в Российское государство, прочие военно-дипломатические успехи, так яростно оспаривавшиеся в канун распада СССР всевозможными сепаратистами? Ставить под сомнение законность и значимость этих событий соглашались всего 14 процентов наших соотечественников. Тогда как свыше половины из них бескомпромиссно утверждали: играми вокруг давно уже лишенных всякой юридической силы документов (вроде пакта Молотова — Риббентропа) можно добиться только одного — подвести основу под развал союзного государства. Столь же немного (каких-нибудь 15—20 процентов населения) соглашалось потом признавать в качестве главного завоевания последних лет и само уничтожение «социалистической империи». **Попросту говоря, главные итоги государственной работы Иосифа Сталина во многом сохранили свой особый общественный престиж, несмотря на все обрушенные на них наветы и уничижения».**

Авторы статьи подчеркивали, что с начала 90-х годов произошли новые события, заставившие людей пересматривать отношение к Сталину, навязанное обществу в конце 80-х годов: «Чудовищный груз последних лет, особенно чеченская война и появление сил НАТО у российских гра-

ниц... закат политической звезды Ельцина в известном смысле сопровождали новый восход массового интереса к Сталину». В статье приводились «приписки на полях социологических анкет» ЦИПКР: «Нам ведь прямо голову продолбили рассказами об ужасах и бессмыслицах сталинизма. Говорили, что Сталин карал и простых, и государственных людей, и целые народы по надуманным обвинениям, за вещи, о которых и речи не могло быть в действительности. За планы, например, растащить по клочкам Союз, за службу на иностранные державы, за вредительские попытки сгубить наш народ. Говорили, что все это от его болезни, от шизофрении, что такие опасности ему мерещились. А что оказалось? Как раз все это нам сейчас и устроили... Как все это понимать? Получается, Сталин почти везде прав?»

Руководители ЦИПКР отмечали провал попыток представить Сталина «чем-то мелким и низменным». Они указывали, что «высказываниям насчет того, что Сталин «был типичным уголовником» и «параноиком, одержимым манией убийства и насилия», продолжает верить всего лишь один из шести наших сограждан. Даже в глазах тех, кто стойко не приемлет Сталина, он выглядит самым серьезным и даже «уважительно» воспринимаемым злом. «Может быть, он и гений, но гений темный, злой», — так можно обобщить воззрения до трети россиян».

«А вот для большинства, для 60—65 процентов граждан, все выглядит иначе. Для одних Иосиф Виссарионович является трагическим примером жизненного перерождения незаурядного человека. Для других он — провидец, сумевший в свое время и по-своему предотвратить ту судьбу, что все-таки досталась после его смерти, в наши дни, на долю возведенной им державы. В глазах третьих память о нем сегодня стала объектом агрессии и мести со стороны потомков тех самых антинациональных сил, которым он некогда помешал добить Россию».

«Эпитафия же Генералиссимусу относительного большинства ныне здравствующих русских и россиян (примерно 35—38 процентов населения) в целом проста и категорична: **«Так или иначе, но Сталин создал и выпестовал величайшую мировую державу. На что нынешние его критики и ненавистники оказались совершенно неспособны!» И вывод этот, похоже, неокончателен».**

Тем временем кризис ельцинской политики, особенно остро проявившийся в дни дефолта 1998 года и, в конечном счете, вынудивший «всенародно избранного президента» за несколько часов до наступления нового 2000 года уйти в отставку, заставлял даже прежних приверженцев перестройки и реформ пересматривать свои взгляды на советское прошлое. В своей книге Г.Л. Липартелиани привел данные социологического опроса, опубликованного в «Известиях» 21 декабря 1999 года. Хотя позиция организаторов опроса существенно отличалась от позиции ЦИПКР, что отражалось в формулировках, предложенных опрашиваемым, их ответы свидетельствовали, что те настроения, которые обнаружились исследованиями ЦИПКР, подтвердили «Известия». Получалось, что хотя к этому времени 32% россиян считали Сталина жестоким тираном, столько же—32% считали, что какие бы ошибки и пороки ему ни приписывались, самое важное — под его руководством советский народ вышел победителем в Великой Отечественной войне. 30% опрошенных считали, что «мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях». Совершенно очевидно, что за год до начала нового века лишь треть населения безоговорочно разделяла навязываемые пропагандой и школой однозначно отрицательные оценки Сталина.

Завершение ельцинского времени и начало путинского периода ознаменовались усилиями, направленными на стабилизацию обстановки в стране. Были очевидны признаки поступательного движения экономики. Были приняты меры против национал-сепаратизма, криминальных группировок и многое другое. Популярность Путина заметно выросла по сравнению с Ельциным. Опросы свидетельствовали, что лишь 1% граждан России согласился бы вернуться в ельцинское время. Официальная пропаганда восхваляла Путина за вывод страны из отчаянного положения, а 90-е годы стали называть «лихими», характеризуя их как время разгула преступности и бандитизма.

Но это не означало, что послеельцинские правительства отвергли наследие ельцинизма. Путин никогда прямо не критиковал своего предшественника. Хотя Путин признал крушение СССР трагедией, он не раз осуждал политику времен Сталина и выражал признательность своему предшественнику за ликвидацию советских порядков.

Между тем несмотря на то, что СМИ постоянно писали о переломе в экономическом развитии, происшедшем после 2000 года, успехи страны были заметно преувеличены. Рост производства и ВНП происходил в основном за счет бурного развития нефтегазового производства и продажи углеводородов за границу. Сохранялась и даже усугублялась пропасть между богатыми и бедными. В стране сохранялась и даже разрасталась коррупция чиновничества. НАТО продвигал свои позиции к границам России по мере того, как в бывших союзных республиках совершались «цветные революции», сфабрикованные и оплаченные Вашингтоном.

В то же время власть имущие и обслуживающие их лица и организации продолжали убеждать, что правительство самоотверженно защищает национальные интересы страны, а жизнь рядовых граждан после падения Советской власти резко изменилась к лучшему. Последний вывод настойчиво повторяли, например, авторы книги «Реальная Россия», представлявшей собой комментарий к исследованию по проблемам социальной стратификации, осуществленный компанией «Ромир мониторинг».

Комментируя итоги исследования, руководитель исследовательского проекта Михаил Тарусин и его соавторы утверждали: «Центральный... результат исследования—60% социально активного населения выиграли от перехода к рынку — убеждает в необратимости реформ и продолжении экономического роста куда сильнее, чем сухие цифры официальной статистики. Осталось только прекратить жаловаться на «плохую жизнь», поверить в себя и найти свой лифт наверх». Вот так просто! Выбери подходящий лифт и нажми на кнопку верхнего этажа! На следующей странице книги этот вывод написан крупными буквами на фоне зеленого квадрата и звучит так: «60% социально активного населения страны выиграло от реформ и живет **в разы** (выделено мною. — *Прим. авт.*) лучше, чем жил средний гражданин времен позднего СССР, — к такому неожиданному для современного смыслового пространства страны выводу пришли мы, анализируя результаты исследования «Социальная стратификация российского общества».

Чтобы подтвердить этот «неожиданный вывод», авторы книги привели на многих страницах диаграммы, из которых

следует, что за последние 15 лет в стране появилось гораздо больше сотовых телефонов, стиральных машин-автоматов, персональных компьютеров и автомобилей. Эти четыре предмета упомянуты в книге гораздо чаще, чем «диван, чемодан, саквояж, картина...» в известном стихотворении С. Маршака. Они как рефрен сопровождали бесконечные заявления об улучшении жизни в России. Создается впечатление, что увеличение числа этих предметов — главное достижение России за последние 15 лет.

Однако если обратиться к «сухим цифрам» обследования «Ромир мониторинга», то становится ясно, что всеми этими четырьмя предметами обладает меньшая часть населения страны. Данные опроса свидетельствуют, что автомобили 1997—2004 годов выпуска имелись в 2005 году у 16,3% опрошенных, персональные компьютеры — у 17,7%, стиральные машины-автоматы — у 31,4%, сотовые телефоны — у 40,8%. А как же насчет 60% россиян, которые якобы стали жить **«в разы** лучше»? К почти ритуальному заклинанию из четырех названий предметов были присоединены еще четыре: печь СВЧ, которая имелась у 15,3% опрошенных, дисконтная карта (имелась у 7%), видеокамера (у 6,2%), цифровая зеркальная фотокамера (у 3,2%). (То есть к дивану, чемодану, саквояжу, картине были добавлены корзина, картонка и маленькая собачонка.) После таких прибавок выяснилось, что у 37,4% опрошенных не имелось ничего из перечисленного. Стало быть, у 62,6% опрошенных имелся хотя бы один из упомянутых предметов. Может, авторы были убеждены в том, что приобретение хотя бы одной из этих вещей (например, мобильного телефона, или видеокамеры, или печи СВЧ) делает жизнь любого из нас **в разы** лучше?

Нет, скорее всего, ответ иной. Ведь авторы пишут не о 60% населения, а о **«60% социально активного** населения», которые «выиграли от реформ». Кто же относится к этим «социально активным»? Возможно, ими не стали считать пенсионеров, на долю которых среди опрошенных пришлось 31,2%. Возможно, среди них не учитывались «неработающие», но «не пенсионеры» (9,7%). Про большинство людей, находящихся в этих категориях, никак нельзя сказать, что они «выиграли от реформ». Да и сами авторы, выделив 15,2% опрошенных в категорию «бедных», указали,

что среди них на пенсионеров приходилось 77%, на безработных—9,5%.

Но возьмем данные по сельским жителям, среди которых преобладают активно работающие люди. Из данных исследования следует, что у 10,4% опрошенных не хватало денег даже на еду, у 41,3% на еду хватало денег, но «покупка одежды — серьезная проблема», у 36,3% хватало денег на еду и одежду, но «было бы трудно купить холодильник или стиральную машину».

Может быть, в таком положении оказались лишь сельские жители? Данные исследования убеждают в ином. У 7,7% из всех опрошенных не хватало денег на еду, у 34% хватало денег на еду, но «покупка одежды — серьезная проблема», у 39,6% хватало денег на еду и одежду, но «было бы трудно купить холодильник или стиральную машину».

А ведь во «времена позднего СССР» таких проблем для подавляющего большинства населения не существовало. Хотя в начале 80-х годов в нашей стране не было мобильных телефонов, персональных компьютеров, видеокамер, цифровых камер (тогда они еще нигде в мире не производились), в СССР, как указывалось выше, сравнительно быстро решили проблему обеспечения холодильниками и стиральными машинами, а также телевизорами большинства населения (а не его меньшинства).

Но, разумеется, наличием холодильника и стиральной машины, а также компьютера и мобильного телефона не исчерпывается благополучие населения. Прославляемая авторами книги постсоветская жизнь лишила население многих бесплатных социальных благ и сделала их доступными лишь для подавляющего меньшинства населения. Авторы уверяют, что эти блага станут доступными, если сесть на нужный «лифт» и поехать на верхний этаж капиталистического общества. На это, видимо, отчасти надеются и те опрошенные, которые хотели бы «иметь собственный бизнес». (Правда, 52,6% опрошенных заявили, что они не хотели его иметь.) Но оказывается, что среди тех, кто «хотел иметь собственный бизнес» (25,3%) или «скорее хотел бы» (11,3%) подавляющее большинство (68,1%) объясняли причину невозможности удовлетворить свое желание просто: «отсутствием первоначального капитала». (То есть «имею желание, но не имею возможности», как и среди других

причин невозможности заняться бизнесом были названы: «отсутствие навыков предпринимательства», «чиновничий бюрократизм», «боязнь вымогательства, рэкета», «страх неудачи в бизнесе», то есть реальные проблемы современного предпринимательства в России, а не нежелание «поверить в себя» и неумение «найти свой лифт наверх».

Также очевидно, что большинство опрошенных не верили в скорое наступление «достойной жизни» в России. На вопрос, «когда наступит достойная жизнь у россиян?», 17,4% ответили «через 11—20 лет», 22% — «более чем через 20 лет», 25,9% — «никогда». Лишь 1,1% ответили, что «она уже наступила».

Удивительно ли, что лишь меньшинство опрошенных пребывали в состоянии душевного равновесия (2,7% опрошенных оценили свое душевное состояние как «превосходное», 5,6% — «очень хорошее», 37,3% — «хорошее»)? Зато 38,5% оценили свое душевное состояние как «посредственное», 10,9% — как «плохое», 2,1% — как «очень плохое», а 2,2% — как «крайне тяжелое».

Жизнь для многих стала либо тупым существованием, либо отчаянной ежедневной борьбой за право жить. 35,7% опрошенных выбрали утверждение: «просто живу, как живется», а 29,5% опрошенных выбрали утверждение: «жизнь — это непрерывная борьба за выживание».

Разрушив советскую жизнь, реставраторы капитализма возродили старый буржуазный принцип «человек человеку волк». Поэтому неслучайно лишь 14,3% расценили современные отношения между людьми как «спокойные, дружелюбные», зато 54,6% признали их «нейтральными, безразличными», а 30% — «напряженными, враждебными».

О степени враждебности в обществе свидетельствуют замечания социологов службы «Ромир мониторинг», проводивших данное обследование: лишь в половине случаев люди соглашались отвечать на их вопросы. Остальная часть населения встречала социологов враждебно и не пускала их к себе. Возможно, в них видели представителей враждебных им властных структур.

О росте отчужденного отношения к власти и ее институтам свидетельствовали оценки нынешнего строя и его институтов. Хотя в средствах массовой информации в стране постоянно твердили о торжестве в нашей стране с

начала 90-х годов демократии, то есть народовластия, лишь 1,2% опрошенных сочли, что «реальная власть в России принадлежит народу» (возможно, что это люди, которые решили, что «достойная жизнь уже наступила», а «народ» — это они). Зато 40,3% ответили, что реальная власть находится в руках олигархов, а 21,2% — что она принадлежит президенту.

Обследование показало, что доверие к институтам власти упало в России до предела. Лишь 11,7% опрошенных заявили, что они «полностью доверяли руководителю области», 10,4% «полностью доверяли руководителю города, села», 6,5% «полностью доверяли средствам массовой информации», 7,2% «полностью доверяли милиции», 9,3% «полностью доверяли правительству РФ».

Лишь фигура президента вызывала больше доверия у опрошенных. 27% опрошенных «доверяли ему полностью», а 45,8% — «скорее доверяли». Видимо, по этой причине Путин стал «палочкой-выручалочкой» существующего строя, а его популярность использовалась для побед правящей партии.

Однако популярность Путина не отражалась на доверии ко многим общественно-политическим институтам, включая средства массовой информации, которые так мастерски управляли сознанием советских людей в конце 80-х годов. В ходе указанного обследования лишь 6,5% сказали, что они полностью доверяли средствам массовой информации. 29,3% заявили, что они «скорее доверяли». 36,5% сообщили, что они «скорее не доверяли», а 23,8% им «полностью не доверяли». А это, в частности, означало, что беспрестанная антисоветская и антисталинская пропаганда в передачах Сванидзе, Млечина, Радзинского и других не вызвала доверия у большинства телезрителей. А возможно — активное отторжение у многих из них.

Однако средства массовой информации убаюкивали население сказками о необратимости перемен, о том, что сторонники Советской власти — это маргиналы постсоветского общества и скоро перемрут, что сторонников Сталина станут показывать в музеях как реликтов отжившей эпохи. Поэтому настоящим шоком для этих самозабвенных глухарей стали данные репрезентативного экспресс-опроса 1600 россиян, проведенного Всероссийским центром изучения

общественного мнения (ВЦИОМ) с 28 февраля по 3 марта 2003 года, накануне 50-летия со дня смерти Сталина. Ниже представлены ответы на одни и те же вопросы опрашиваемых в 100 населенных пунктах 40 регионов страны. Сначала дается мнение, предложенное в ходе опросов, а затем — число процентов опрошенных в 1998, 1999 и 2003 годах, которые его поддержали:

«Какие бы ошибки и пороки ни приписывались Сталину, самое важное — что под его руководством народ вышел победителем в Отечественной войне». (31, 32, 36)

«Сталин — жестокий, бесчеловечный тиран, виновный в уничтожении миллионов невинных людей». (27, 32, 27)

«Только жесткий правитель мог поддержать порядок в государстве в тех условиях острой классовой борьбы и внешней угрозы». (15, 20, 20)

«Сталин — мудрый руководитель, который привел СССР к могуществу и процветанию». (16, 20, 20)

«Политика Сталина привела к тому, что страна оказалась неподготовленной к войне в 1941 году». (14, 18, 18)

«Наш народ никогда не сможет обойтись без руководителя такого типа, как Сталин, рано или поздно он придет и наведет порядок». (12, 18, 16)

«Сталин исказил идеи Ленина, создал строй, далекий от идеалов подлинного социализма». (10, 8, 9)

«Сталина злобно поносят люди, которым чужды интересы русского народа и нашего государства». (4, 5, 6)

«Сталин продолжил дело, которое начато было Лениным и другими революционерами-большевиками». (6, 6, 5)

«Мы еще не знаем всей правды о Сталине и его действиях». (27, 30, 27)

Затруднились ответить (10, 8, 6).

Хотя доля людей, поддержавших негативные оценки Сталина и действия, была значительной, очевидно, что она не превышала долю тех, кто находил в деятельности Сталина позитивные стороны. Немало было и тех, кто полностью поддерживал Сталина и проводившуюся им политику. При этом сообщалось, что, по данным ВЦИОМ, в 1990 году с симпатией к Сталину относилось только 8% опрошенных. Совершенно ясно, что за 90-е годы и первые годы нового столетия число положительно оценивавших Сталина и его деятельность существенно возросло.

Эти выводы подтверждали данные опроса, проведенного накануне 5 марта 2003 года компанией «Башкиров и партнеры». Опрос показал, что хотя большинство жителей страны — около 60% — не хотели бы возвращения в Кремль Иосифа Виссарионовича, около 30% россиян не возражали бы, если бы Иосиф Сталин снова вернулся к руководству страной. При этом его роль в истории страны назвали в целом положительной 47% респондентов. 43% опрошенных считали эту роль негативной.

О том, что в стране и ее столице есть много людей, которые чтят память Сталина, свидетельствовал вид Красной площади 5 марта 2003 года. В этот день процессия людей шла к могиле Сталина более двух часов. Когда я достиг могилы Сталина, его памятник буквально утопал в цветах. К этому времени уже сложилась традиция возлагать цветы на могилу Сталина на Красной площади 5 марта и 21 декабря. Коллективное возложение цветов к могиле Сталина совершалось также в дни советских праздников.

Признание значительной роли Сталина в отечественной и мировой истории отразилось в проведении в Москве выставок в марте 2003 года, посвященных 50-летию со дня смерти Сталина. Одна выставка «Сталин. Человек и символ» была организована в Музее современной истории России, другая («Между прошлым и будущим») проводилась в Госархиве. На выставках были представлены многочисленные фотографии, печатные материалы, иллюстрирующие жизнь и деятельность Сталина, его личные вещи. На выставке в музее было немало и подарков Сталину из тех, что более полувека назад я видел в этом же здании, когда тут находился Музей революции.

Создатели выставок старались представить два прямо противоположных взгляда на Сталина. И на той, и на другой выставке по монитору непрерывно шел фильм, посвященный похоронам И.В. Сталина. Но на выставке в музее был установлен и другой монитор, по которому шел антисталинский фильм Генриха Боровика «Большой театр товарища Сталина».

На выставке в музее можно было увидеть известные в сталинское время картины: «Утро нашей Родины», «Встреча передовиков сельскохозяйственного производства с членами Политбюро», знамена и вымпелы с изображением

Сталина, много советских плакатов, посвященных ему. Были выставлены и письма детей о Сталине, рапорты Сталину. Но, словно оспаривая эти свидетельства любви к Сталину и прославления его заслуг, на стенах выставки можно было увидеть и антисталинские плакаты, выпущенные в конце 80-х годов, экспонаты о лагерной жизни.

На выставке в Госархиве были выставлены личные вещи Сталина, его посмертная маска, фотографии его московской квартиры, неизвестные до сих пор письма Сталина (например, его письмо по поводу предложения Египта в ООН о запрещении применения атомного оружия), документы о его болезни и смерти. Но тут же было представлено немало материалов, характеризовавших жизнь заключенных до 1953 года.

На выставке в Госархиве посетителям предлагали заполнить небольшую анкету и записать вкратце свои воспоминания о днях прощания со Сталиным. Судя по тому, что работа выставок была продлена, интерес к ним немалый, а судя по активно заполненным журналам с отзывами, посетители активно реагировали на содержание выставок. Как и в проводившихся тогда опросах, мнения о Сталине резко разделялись.

Об устойчивости поворота от господства антисталинских установок свидетельствовал и опрос, проведенный Центром исследований политической культуры России. Исследование проводилось с 10 по 16 декабря 2004 года накануне 125-летия со дня рождения Иосифа Сталина.

Результаты этого опроса «Политика Сталина глазами россиян» таковы:

Ошибочная, преступная—24%.

Верная, неизбежная—22%.

Трудно сказать—33%.

Иное, нет мнения, без ответа—21%.

Тему о несправедливых преследованиях «врагов народа» поддержали 24% россиян, среди них больше всего граждан в возрасте старше 65 лет, а также молодежи от 18 до 25 лет.

22% опрошенных солидаризировалось «с жесткой политикой сталинской поры». Здесь доминировали избиратели, которым 46—55 лет. Большая, чем в среднем, поддержка сталинских «крутых мер» у граждан в возрасте 26—35 лет и

56–65лет. Более половины респондентов уклонились от откровенной оценки тех сталинских мер, среди молодежи 18–25 лет таких две трети. Самую полную поддержку и одобрение сталинская политика получила, когда речь зашла о спросе с разного рода «элит». Жесткий контроль за деятельностью любого государственного человека, начальника, специалиста нашел сегодня поддержку у 62% опрошенных россиян.

125-летие И.В. Сталина было отмечено по решению руководства КПРФ торжественным собранием. 18 декабря 2004 года зал Дворца культуры «Красный Октябрь» был переполнен. В фойе продавались многочисленные книги о Сталине, распространялись печатные материалы, специально подготовленные к юбилейной дате. В ходе собрания, которое вели первый секретарь МГК КПРФ В.Д. Улас и артистка Т. Денисенко, были показаны хроникальные фильмы, запечатлевшие выступления Сталина в 1937, 1941 и 1952 годах, звучали песни, посвященные Сталину.

С воспоминаниями о Сталине выступил генерал-майор артиллерии Артем Федорович Сергеев, который рассказывал о дружбе Сталина с Кировым, о внимании Сталина к различным сторонам развития советских вооруженных сил. Сергеев подчеркивал: «Самыми большими радостями Сталина были те успехи, которых достигало государство под его руководством». Вспомнил Сергеев и о том, как Сталин старался воспитывать своих родных детей и его, приемного сына, в патриотическом духе.

С большой речью, посвященной Сталину, выступил председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов. Накануне празднования в «Правде» и «Советской России» была опубликована его большая статья «Строитель державы», выпущенная одновременно отдельной брошюрой. Руководитель российских коммунистов подчеркивал: «Со Сталиным связаны самые трагические и великие страницы нашей истории... Тот, кто ищет простых и прямолинейных решений при анализе сталинской эпохи, обречен на неудачу. В вопросе о Сталине плодотворен только диалектический метод». Обратив внимание на то, что «в последние годы — на фоне усугубляющегося кризиса, разрухи и хаоса — интерес к личности Иосифа Сталина постоянно растет», Зюганов выделил те стороны теоретического наследия Стали-

на и его практической деятельности, которые являются особенно актуальными в наши дни. Он подчеркнул: «Для нас, марксистов, использовать наследие Сталина сегодня означает не слепо следовать букве его работ и порядку действий, а понять и использовать ту методологию, с которой он сам подходил к вопросу об опыте предшественников».

О том, что становилось главным для современных коммунистов в деятельности Сталина и его теоретическом наследии, свидетельствовали названия разделов работы Зюганова: «Геополитический поворот Сталина»; «Державе быть!»; «Семья народов»; «Самодостаточная экономика»; «Государство и церковь: новая «симфония»; «Кадры снова решают все».

За полтора года до этого, накануне 50-летия со дня смерти И.В. Сталина, Г.А. Зюганов опубликовал статью «Сталин и российская компартия сегодня». В ее заключении он писал: «Иосиф Виссарионович Сталин без остатка отдал нашему государству весь свой громадный талант, неукротимую энергию, гигантскую волю. Под его руководством Советская страна стала мировой державой. Одержала Великую Победу. Сталин верил в наш народ, и народ верил ему, был готов на вдохновенный, созидательный труд во имя счастливого будущего. При нем наши люди ощутили свою силу, поверили в себя, показали уникальную способность достигать самых высоких целей, двигаясь вперед победной поступью. Мы можем и должны творчески опираться на его наследие — в духе наших дней и современных задач».

Очевидно, что Компартия Российской Федерации не только решительно отвергала идейное наследие Горбачева и Яковлева и отказывалась от антисталинских положений проекта программы КПСС, опубликованной в начале августа 1991 года, но и возвращалась к идейно-теоретическому наследию Сталина. Являясь крупнейшей оппозиционной партией, получая на выборах президента и депутатов Государственной думы от одной пятой до трети голосов избирателей, неоднократно побеждая на региональных выборах, КПРФ представляла значительную часть общественного мнения России. Это обстоятельство не могло не отражаться на настроениях всего населения страны.

О сохранявшейся в стране значительной поддержке Сталина свидетельствовали данные опроса ВЦИОМ, проведенного 29—30 января 2005 г. Сообщалось, что «добрая половина россиян, как и два года назад, в целом позитивно оценивают роль Сталина в жизни страны. Более того, увеличилась доля тех, кто считал, что Сталин сыграл «безусловно позитивную роль» (с 16% до 20%), и сократилась доля тех, кто был менее уверен в своих положительных оценках (с 35% до 30%). Доля же тех, кто негативно оценивает роль Сталина, практически не изменилась (с 35 до 37%)».

В этом же сообщении говорилось, что «люди среднего возраста относятся скорее негативно к сталинскому правлению, тогда как скорее положительное отношение наблюдается не только среди респондентов старших возрастных групп, но и среди молодежи (18—24 лет), где доля позитивно оценивающих роль Сталина в жизни страны превышает долю оценивающих ее негативно—46% против 39% соответственно». Во-первых, это означало, что люди, которые были непосредственными свидетелями сталинского времени, активнее отторгали байки о Сталине. Во-вторых, это свидетельствовало о том, что зубрежка антисталинских учебников, изощренная методика по внедрению в умы школьников и студентов антисталинских представлений оказались скорее «контрпродуктивными».

«Еще более любопытный факт, — подчеркивалось в сообщении, — почти половина (42%) жителей страны считают, что современной России нужен такой политик, как Сталин. Остальные 52% категорически против. Убежденность в необходимости «нового Сталина» демонстрируют, прежде всего, старшие возрастные группы: среди респондентов старше 60 лет. Так считают 60%, против—32%. Полагают, что России и сегодня нужен такой политик, менее трети опрошенных 18—24 лет (31%), тогда как противоположного мнения—62%. В средней возрастной группе (35—44 лет) это соотношение составляет 35% к 65%.

Поскольку это обследование проводилось в год 60-летия Победы, то много вопросов было связано с деятельностью Сталина в годы Великой Отечественной войны. В сообщении об итогах опроса говорилось, что более половины опрошенных (58%) были уверены в том, что Сталин внес

значительный вклад в победу Советского Союза в Великой Отечественной войне. Чаще других этой точки зрения придерживались люди в возрасте от 55 лет (68%), жители сел (65%), приверженцы КПРФ (85%). Противоположное мнение, согласно которому роль Сталина в победе нашей страны была незначительной, респонденты разделяли в три с лишним раза реже (18%).

Деятельность Сталина во время Великой Отечественной войны положительно оценивали 40% опрошенных. Отчасти положительно, отчасти отрицательно—31%, полностью отрицательно—11%. Однозначно положительные оценки чаще дали приверженцы КПРФ (64%), люди в возрасте от 55 лет (50%), респонденты с образованием ниже среднего (46%). Неоднозначную оценку деятельности Сталина чаще прочих давали люди, доверяющие Владимиру Путину, и респонденты со сравнительно высокими доходами (по 37%). И это было естественно: антисталинизм был основой идеологических установок тех, кто восторжествовал после 1991 года и достиг известного уровня благополучия. Оппозиция нынешнему строю выражалась и к возрождению положительного отношения к Сталину.

Доля отрицательных оценок по сравнению со средним уровнем была выше среди лиц с высшим образованием (18%). И это было также не удивительно: именно лидеры интеллигенции были в первых рядах антисталинистов, именно интеллигенция подвергалась особенно сильному воздействию антисталинской пропаганды через литературу, журнальные публикации конца 80-х годов, а затем через систему образования.

Респондентам были заданы вопросы о заслугах Сталина в период войны и о том, что в его деятельности в эти годы подлежит осуждению. Различные заслуги Сталина отметили 59% опрошенных. Они чаще всего говорили о наличии у Сталина организаторского таланта, об обеспечении в стране дисциплины и порядка в условиях войны как о необходимом условии нашей победы («железная дисциплина», «порядок в стране», «все держал в ежовых рукавицах»)— 20%. Близки к этим ответы, в которых речь идет о характере, качествах Сталина — жестокости, целеустремленности, решительности, умении взять на себя ответственность, — которые, собственно, и проявились в его организаторской

деятельности («оправданная жесткость», «его волевой и сильный характер», «жестокость – нельзя было по-другому»)—12%. 5% респондентов были убеждены в том, что Сталин разрабатывал стратегические планы военных операций, руководил войсками, организовывал работу тыла. Довольно много было тех, кто заявлял, что без Сталина вообще была бы невозможна победа в этой войне («без него не было бы победы», «если бы не Сталин — нас Германия захватила бы»)—8%. Упоминались также действия Сталина по созданию антигитлеровской коалиции, организации работы промышленности для нужд фронта, говорилось о подборе талантливых военачальников.

В другой части ответов акцент сместился на характеристики советского народа — его сплоченность, стойкость, патриотизм (12 %). Сталину в этих высказываниях отводилась роль лидера, который смог мобилизовать эти качества, «настроил людей на победу», либо символа, объединявшего людей («за него шли в бой, он был символом»).

О вине Сталина перед страной в годы войны говорили в процессе опроса 53% респондентов. Чаще всего упоминались репрессии, массовые аресты, геноцид собственного народа («террор против своего народа», «концлагеря», «без вины виноватых убивал», «геноцид против своего народа»)—24%. О жестокости, деспотизме, мнительности Сталина как причинах массовых репрессий упомянули 11% россиян («жестокосердие», «Сталин не думал о людях», «мания преследования»). Упрекнули Сталина в некомпетентности и безответственности, в стратегических ошибках и преступлениях, повлиявших на ход войны и совершенных как в довоенные, так и в военные годы, 20% опрошенных («уничтожение военной элиты», «развалил армию перед войной», «профукал начало войны», «некомпетентность в военных делах», «не подписал Женевскую конвенцию», «все, что касается пленных»). Было бы удивительно, если бы в стране, где эти утверждения постоянно внедрялись в сознание людей, доля таких ответов была бы меньшей.

Другой социологический опрос, проведенный аналитическим Центром Юрия Левады, установил, что 37% россиян не хотели бы установки памятника Сталину в связи с 60-летием победы СССР во Второй мировой войне. 29% зая-

вили, что им это безразлично, а поддержали предложение о создании такого монумента—29%. Хотя за установление памятника выступало меньшинство, было очевидно, что полтора десятка лет назад это меньшинство было совсем крошечным.

В 2005 году требования признания заслуг Сталина в Великой Отечественной войне усилились в дни подготовки к празднованию 60-летия Победы. Все шире звучало требование вернуть Сталинграду его героическое название. Частичной уступкой этому требованию стал указ президента России Путина о замене надписи «Волгоград» на «Сталинград» на плите у могилы Неизвестного солдата в Александровском саду. В ряде городов страны были приняты решения о том, чтобы воздвигнуть новые памятники Сталину. Известный скульптор Зураб Церетели соорудил несколько памятников, посвященных Ялтинской конференции. Они должны были быть установлены в Ялте, в Волгограде и на Поклонной горе в Москве.

В ответ противники Сталина развернули активную кампанию. Составной частью этой кампании стал выпуск на телеэкраны новых сериалов, направленных на дискредитацию Сталина и его эпохи. В бой были брошены вновь «Дети Арбата», но на сей раз в виде телесериала. Для новой антисталинской кампании была сочинена «Московская сага» и спешно сформирован «Штрафбат».

Как по команде, за месяц до 9 мая 2005 года в основных аналитических передачах ведущих каналов телевидения стал дебатироваться вопрос: «Можно ли по случаю юбилея Победы воздвигать памятники Верховному Главнокомандующему Великой Отечественной войны И.В. Сталину?» При этом телеведущие этих передач (Сорокина, Соловьев, Познер) не скрывали своего глубоко отрицательного отношения к этой идее. Их яростно поддерживали режиссеры Марк Розовский и Андрей Смирнов, писатели Григорий Бакланов и Василий Аксенов, профессор литературы Чудакова, руководитель московского дома фотографии Свиблова. Несмотря на обилие участников в этих передачах, большинство из них повторяли одну и ту же мысль, изложенную еще в байках столичной интеллигенции 60-х годов: на протяжении Великой Отечественной войны и даже до

нее Сталин делал все возможное, чтобы наша страна потерпела поражение.

Как и прежде, эмоции били через край, а исторические факты безбожно искажались. Филолог Борис Соколов, помогая Марку Розовскому в передаче Соловьева «К барьеру», утверждал, что немецкие потери в годы войны были в 10 раз меньше советских. (Всего за неделю до этого Соколов в передаче у Познера говорил, что советские потери были в 8 раз больше немецких). Поскольку же, по данным новейших исследователей, отечественных и западных документов, общее число немецких потерь и их союзников на советско-германском фронте составило 8 649 500 человек, то, если поверить Соколову, то получается, что Красная Армия потеряла не то 69 196 тысяч, не то 86 495 тысяч человек. Может создаться впечатление, что после войны в СССР остались в живых лишь дети, женщины, мужчины преклонного возраста и инвалиды войны.

В пылу дискуссии Марк Розовский утверждал, что 21 июня немецкий солдат, коммунист, переплыл пограничную реку и сообщил, что завтра начинается война. Сталин же в ответ приказал расстрелять этого немецкого коммуниста, сказал с пафосом Розовский. И это несмотря на известные свидетельства о том, что после появления на советском берегу немецкого перебежчика Сталин 21 июня стал предупреждать многих руководителей областей, республик и военных округов о возможности нападения Германии, и по распоряжению Сталина была разработана директива о приведении пограничных войск в боевую готовность. А после появления второго перебежчика Сталин осведомился, доведена ли директива до сведения войск.

Аргументы, выдвигавшиеся актерами, режиссерами, литературоведами, без труда опровергались военными историками. В ходе двух «круглых столов», проведенных весной 2005 года в редакции «Правды», участники Великой Отечественной войны генерал-лейтенанты А.И. Ширинкин, Н.Ф. Червов, генерал-лейтенант и профессор В.В. Серебрянников, В.В. Суходеев и другие (в том числе и автор этой книги) опровергали вздорные заявления Бориса Соколова, Марка Розовского и других.

В своем выступлении заместитель главного редактора «Правды» Б.О. Комоцкий подчеркивал важность опровер-

жения антисталинских телеверсий: «В жульническом подходе теперешней власти к образу Сталина и его роли в годы войны высвечивается сама суть политики этого режима... Берутся великие советские достижения и присваиваются. В данном случае — присваивается история. Да и к тому же и девальвируется, принижается, как это наглядно видно в целом ряде телесериалов, прошедших накануне 60-летия Победы. В них показан и Сталин. Но как? Главное желание авторов — оболгать этого выдающегося человека, исказить его роль и значение в организации Великой Победы. Поэтому наша задача — открыть и показать подлинный масштаб этой исторической личности». К сожалению, в то время как читательская аудитория этих «круглых столов» составляла несколько десятков тысяч, зрительская аудитория теледебатов насчитывала несколько десятков миллионов человек.

Несмотря на то что Розовскому вяло и нерешительно противостоял депутат Госдумы Митрофанов, число телезрителей, выступивших за установку памятников Сталину, было лишь ненамного меньше тех, кто выступил против них. Активное выступление в ходе подобных дискуссий за увековечение памяти Сталина вызывало смятение у их организаторов. Ведущая передачи «Основной инстинкт» Сорокина сокрушалась по поводу того, что «Дети Арбата», «Московская сага» и «Штрафбат» не переубедили многих телезрителей, и поэтому предложила объявить мораторий на дискуссии о Сталине.

Но моратория не было объявлено. С начала 2006 года по новому кругу стали раскручивать в виде телесериала роман «В круге первом». Перед зрителями предстал «Сталин», до предела оглупленный стараниями Солженицына, режиссера Панфилова и актера Кваши.

Со своим очередным моноспектаклем на сталинскую тему выступил в марте 2006 года Эдвард Радзинский. На первых порах можно было подумать, что за годы работы над книгами о прошлом страны драматург кое-что узнал о законах истории, так как он вдруг стал говорить о роли таких объективных факторов, как неизбежность революции в России, социально-психологические последствия Первой мировой войны. Но флер «объективности» оказался очень тонким. На деле Радзинский остался верен основным положениям своей книги, демонизирующей Сталина. В то же

время, верный театральным приемам, сценарист Радзинский говорил на разные голоса, сурово оглядывал зал взглядом, который должен был быть похож на «сталинский взор», тянулся вверх и подскакивал, показывая, как был высок памятник Сталину на Волго-Донском канале. Подражая не то прославленному врачу, ставящему диагноз тяжелой болезни, не то Эркюлю Пуаро, разоблачающему преступника, Радзинский делал шокирующие заявления скучающим тоном, как будто он перегружен информацией, которая может потрясти нервы неопытных, и небрежным жестом руки отметая возможные сомнения в своей правдивости, снисходительно бросал в зал: «Я читал это...», «Я видел собственными глазами...», «Мне рассказывал...» Казалось, что перед зрителями человек, исчерпавший до дна все тайны Кремля.

Под мрачную музыку, сопровождавшую его моноспектакль, Радзинский говорил о том, что памятник Сталина на Волго-Донском канале был окружен трупами птиц, которых убивали электротоком, чтобы они не садились на памятник. А в летнее время на берегах Цимлянского водохранилища, уверял Радзинский, появлялись кости и черепа строителей канала. Бронзовая фигура Сталина в окружении птичьих и человеческих трупов представлялась столь же жуткой, как гора черепов на картине Верещагина «Апофеоз войны». Не случайно режиссер передачи тут показал женщину в зале, которой, по всем признакам, стало плохо.

За шаманскими ужимками и кривляньями Радзинского, пытавшегося запугать зрителей образом кровожадного Молоха, стояла вполне определенная политическая цель. Явно в угоду Западу Радзинский снял с правительств Великобритании и США ответственность за развязывание «холодной войны». Вопреки фактам, Радзинский уверял, что правительства Великобритании и США отмежевались от речи Черчилля в Фултоне от 5 марта 1946 года с объявлением «холодной войны». Радзинский умолчал о том, что, начиная с осени 1945 года, в Пентагоне постоянно составлялись планы ядерных бомбардировок СССР. При этом каждый последующий план расширял масштабы ядерного опустошения нашей Родины, а эти планы подкреплялись нараста-

нием военных приготовлений США и их союзников на границах СССР.

Радзинский объявлял причиной «холодной войны» страх Сталина перед тем, что советские солдаты, побывав в освобожденных ими странах, а также в Германии, захотят, подобно декабристам в начале XIX века, побывавшим в 1813—1814 годах в странах Западной Европы в ходе войн против Наполеона, изменить общественный строй в нашей стране. По логике Радзинского получалось: если декабристы решили установить в России порядки, похожие на те, что существовали в Западной Европе после французской революции, то советские солдаты после 1945 года желали учредить в СССР фашистские порядки. Не замечая нелепости в своих рассуждениях, Радзинский уверял, что, вернувшись из Центральной и Юго-Восточной Европы, красноармейцы принесли «новый дух», а носителем этого «духа» стали Зощенко и Ахматова. (Правда, эти писатели не участвовали в освободительном походе Красной Армии, а потому вряд ли их стоило сравнивать с Павлом Пестелем.) При этом Радзинский смело противопоставлял Сталина Ахматовой и Зощенко, как равнозначные фигуры по степени их влияния на общественно-политическую жизнь страны.

В точном соответствии с курсом ПАСЕ на объявление Советской страны преступной, Радзинский повторял известную еще Бореву байку о том, что перед своей смертью Сталин готовил третью мировую войну. При этом он ссылался на никому неизвестную речь Сталина, которую он якобы произнес на никому неизвестном совещании зарубежных компартий. Радзинский уверял, будто Сталин сказал, что у социалистического лагеря есть временные преимущества, которыми следует немедленно воспользоваться. Поэтому, по логике Радзинского, смерть Сталина явилась благом для страны. Одновременно Радзинский запугивал собравшихся тем, что призрак Сталина все еще бродит по стране, а Россия, скорее всего, обречена на новые беды, поскольку не прислушивается к его предупреждениям об угрозе возрождения сталинизма.

Казалось, антисталинская волна, поднятая телеканалами, достигла своей цели. Памятники участникам Ялтинской конференции работы Церетели не были открыты в

День Победы. Но все же, вопреки стараниям антисталинистов, в поселке Мирный был открыт памятник Сталину. До конца 2005 года барельеф с изображением Сталина был восстановлен на колонне у «Дороги жизни» в Красногвардейском районе Санкт-Петербурга. Памятник Сталину был открыт в городе Дигора (Северная Осетия). В Дагестане был открыт музей Сталина. На Сахалине решили разместить один из монументов Церетели. Сообщали, что в День Победы к памятнику Сталину собирались жители города Ишима. Эти отдельные события свидетельствовали о том, что, несмотря на информационную монополию антисталинистов, все большая часть народа России стала отвергать ложь о Сталине.

Следствием сдвига в настроениях общественности стали и перемены в содержании даже яростно антисталинских телепередач. В своей статье «Хотели оглупить, но поглупели сами», опубликованной в «Правде» за 14—15 ноября 2006 года, Лариса Ягункова перечислила целый ряд антисталинских фальшивок, от использования которых теперь вынуждены отказаться авторы телепередач и телесериалов, посвященных сталинскому времени.

Эти сдвиги в интерпретации сталинской темы проявились в телесериале «Сталин. LIVE», показанном в начале 2007 года. Его продюсер Любомиров в ходе презентации телесериала говорил: «Сталин — это история, это — эпоха, это — мечта людей о справедливом человеке, о жестком руководителе, правителе... Я считаю: в XX веке — это крупнейшая историческая фигура». В то же время Любомиров подчеркивал, что он не является сторонником Сталина и его идей.

Создатели телесериала постарались занять «нейтральную» позицию, «равноудаленную» от положительных и отрицательных оценок. Возможно, чтобы не растерять свою аудиторию, телеканал НТВ, не отказываясь от прежних грубых и огульных нападок на Сталина и тем самым поддерживая настроения ярых антисталинистов, стремится найти способ привлечения внимания и тех, кто «завис» между положительной и отрицательной оценкой Сталина. Видимо, для них и предназначен сериал, в котором признание достоинств Сталина «уравновешено» повторением многих антисталинских клише.

Рост положительного отношения к Сталину со стороны различных групп населения регистрировали многие социологические обследования. Опрос общественного мнения, проведенный центром Юрия Левады среди российской молодежи в возрасте от 16 до 19 лет в середине 2007 года, показал, что 54% подростков в России считают, что Сталин принес стране больше пользы, чем вреда. А 46% не согласились с утверждением, что Сталин был жестоким диктатором. 17% считали, что Сталин не несет никакой ответственности за массовые репрессии, а 40% сказали, что вина Сталина, как ее пытаются представить, преувеличена.

Кроме того, опрос, проведенный под заголовком: «Поколение Путина: политические взгляды российской молодежи», показал, что нынешняя молодежь в большинстве своем считает развал СССР трагедией, а две трети опрошенных назвали США соперником и врагом.

В средствах массовой информации с беспокойством констатировалось, что в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в марте 2008 года и приуроченного к 55-й годовщине смерти И. Сталина, «наибольшие затруднения у молодежи 18—24 лет вызвал вопрос о жертвах сталинских репрессий. В частности, 88% респондентов не смогли назвать ни одной фамилии репрессированных». По мнению 48% опрошенных в ВЦИОМ, Россия при Иосифе Сталине развивалась скорее в неверном направлении. Вместе с тем 37% опрошенных придерживались противоположного мнения — они считают вектор развития страны в тот период правильным. При этом 15% россиян затруднились ответить на этот вопрос.

Совершенно очевидно, что явное преобладание антисталинских установок в сознании населения страны в конце 80-х годах завершилось. И это несмотря на не́ прекращавшиеся атаки на́ Сталина в средствах массовой информации и вдалбливание антисталинских представлений в средней школе и других учебных заведениях. В то же время наличие в обществе противостоящих мнений о Сталине не могло не быть источником постоянных споров. Неоднократно выступая с начала 2001 года в передачах С.Д. Селивановой на радиостанции «Резонанс», Н.С. Иванова по «Народному радио», Н.А. Буховца по телеканалу «Телевик» Восточного округа Москвы, а также в различных аудиториях, мне не

раз пришлось выслушивать прямо противоположные оценки Сталина и принимать участие в острых дискуссиях по поводу Сталина и его времени.

Но рассказ о спорах, которые не прекращаются, о Сталине, о тех, кто продолжает чернить его память, и тех, кто дает им отпор, был бы не полон, если не сказать несколько слов об освещении Сталина в материалах всемирной электронной паутины.

Глава 18
СТАЛИН В ИНТЕРНЕТЕ

О том, насколько велик интерес пользователей Интернета к Сталину, свидетельствует хотя бы такой факт. Фамилия «Сталин», набранная мною летом 2008 года в поисковой системе «Яндекс», присутствовала на 8 миллионах страниц. Ельцин же, бывший президентом России с 1991 по 1999 год, то есть в период бурного развития сети Интернета, и являвшийся в эти и последующие годы постоянным предметом обсуждения пользователей всемирной электронной сети, был упомянут на 5 миллионах страниц. Заметно отставали от Сталина по количеству упоминаний его идейно-политические противники — Хрущев (2 миллиона страниц), Троцкий (953 тысячи), Бухарин (307 тысяч).

Достаточно набрать имя Сталина, как тут же на экране появляются предложения посмотреть открытки с изображением Сталина и заказать его портреты в рамках. Тут же — предложения посмотреть видеофильмы про Сталина, ознакомиться с песнями о нем, прочесть краткие и подробные биографии Сталина, статью С. Миронина «Сталин, вставай!», а также материалы газеты «Дуэль», сопровождавшиеся надписью «Сталин давал людям то, чего им не хватает сейчас».

Однако тут же можно было найти и аннотации явно антисталинских материалов. В одной из таких аннотаций сообщалось: «Захоронение в Тосково — одно из сотен по всей территории бывшего СССР, где агенты Сталина умертвили до 10 миллионов человек». Если таких захоронений были сотни, то получалось, что «агенты Сталина умертвили»

несколько миллиардов человек, то есть примерно столько, сколько сейчас живет на планете.

Подобного рода материал о сталинском времени я прочел в Интернете еще несколько лет назад. Он содержал обычный набор антисталинской пропаганды для англочитающей аудитории. При этом справочник «Internet. Русские ресурсы» рекомендовал этот материал в качестве «джентльменского набора» знаний о России. Из этой небольшой справки можно было узнать, что фамилия «Сталин» на русском языке означает «сталь», что при нем в деревне проводилась «Коллективизация», а в городах — «Индустриализация». Кроме того, во всей стране осуществлялся «Великий Террор»: «с 1935 по 1941 г., Сталин преследовал любого, которого подозревал в том, что тот выступал против него или государства. Выполняя сталинские приказы, глава тайной полиции Лаврентий Берия и его офицеры хватали всех подозреваемых в обществе: старых большевиков, новых членов партии, красноармейцев, интеллектуалов и кулаков (процветавших крестьян)... Из 20 миллионов арестованных, семь миллионов были расстреляны на месте, а других отправили в гулаги для исправления... За несколько десятилетий Советский Союз потерял целое поколение самых мужественных, творческих и преданных граждан — ум и душу нации».

Развивая тему «сталинских репрессий» среди интеллигенции, авторы справки пишут: «Партийный лидер Ленинграда Андрей Жданов, развернув «Ждановщину», преследовал ленинградских писателей и художников по так называемому «ленинградскому делу». В результате поэты Маяковский и Есенин покончили жизнь самоубийством. Жданов разрешал лишь искусство «Социалистического Реализма», которое, по его словам, «помогало процессу идеологической трансформации в духе социализма». Никто не смог избежать чисток и даже сам Жданов лишился милости Сталина и был казнен в 1948 году».

Из содержания «джентльменского набора» следует, что лишь крестьяне оказывали пассивное сопротивление этим репрессиям: «многие из них предпочли сжечь свои урожаи, но не отдать свою землю». Результатом этого стал «голод, распространившийся по стране, от которого погибло 10 миллионов человек».

Эти сведения предшествуют рассказу о Великой Отечественной войне, который открывается словами: «В 1941 году Гитлер вторгся в СССР, где к этому времени от армии остался лишь жалкий скелет, а население голодало и было затерроризировано». По этой причине, утверждается в справке, немцы смогли подойти вплотную к Москве, взять в блокаду Ленинград и уничтожить более 20 миллионов человек. Каким образом были разбиты немецкие захватчики, «джентльменский набор» умалчивает.

Нельзя сказать, что справка представляет собой сплошной вымысел. Среди видных деятелей сталинского времени были Лаврентий Берия и Андрей Жданов. Современниками Сталина были Есенин и Маяковский, трагические обстоятельства гибели которых до сих пор заставляют разрабатывать различные версии. Действительно, в начале 30-х годов был массовый голод в деревне, а во второй половине 30-х годов — массовые репрессии. В нашей истории было и «ленинградское дело». Сталиным был сформулирован принцип «социалистического реализма».

Однако, как и во всяком мифе, подлинные события и лица искажены в соответствии со спецификой этого жанра, а слова об индустриализации и коллективизации, блокаде Ленинграда, битве под Москвой тонут в море вымысла. Такое мифологизированное описание деятельности Сталина и его времени подобно плану земного континента, на котором перевраны многие географические названия, вместо полноводных рек и озер простираются пустыни, а горные хребты возвышаются там, где плещется море. Видимо, начав искажать образ Сталина, клеветники не могли остановиться на полпути, и им пришлось переврать всю советскую историю, превратив Есенина и Маяковского в жертвы «ленинградского дела», расстрелять Жданова и создать Гитлеру условия для легкой победы над СССР, которую, судя по тексту справки, он не мог не одержать.

Подобные изделия примитивного антисталинизма и сейчас можно найти на страницах Интернета. Однако им противостоят публикации иного уровня и содержания. В Интернете можно найти немало глубоких исследований, представленных в электронных версиях различных книг, статей и рефератов о Сталине. Немало статей появлялось к годовщинам рождения или смерти Сталина. Примером та-

ких выступлений в Интернете стала статья «Сталин как проблема», написанная известным историком и публицистом Юрием Крупновым в 2005 году.

В ней он писал: «Почти 60 лет назад СССР победил гитлеровскую Германию. А 52 года назад умер Сталин, под руководством которого и был разгромлен нацизм и построен тот СССР. Много простых людей плакало в дни траура. Они ясно переживали, что вместе со Сталиным уходит целая эпоха и наступает что-то новое, неизвестное. Они плакали, потому что чувствовали: Сталин — это всемирно-историческая проблема, проблема нашей российской государственности....Его славят или клянут, пытаясь окончательно разрешить его проблему, а он с каждым годом становится все интереснее и загадочнее. И разве случайно, что, по данным месяц назад проведенного опроса ВЦИОМ, более 40% россиян ждут сегодня «нового Сталина»? Что же это за проблема? Это проблема достоинства личности и народа, которые в чрезвычайных и, казалось бы, безысходных обстоятельствах в совместном творчестве создают вершинное явление своей тысячелетней истории».

Крупнов ставил вопросы, ответы на которые пытались дать многие люди, непредвзято подходившие к феномену Сталина: «Каким образом еще вчера неиндустриальная страна оказалась в состоянии победить фактически всю Европу? Как люди поднимались в атаку и шли, и умирали, чтобы сначала выстоять, а потом и победить? Что это за магическая формула «За Родину! За Сталина!», которая вопреки всему объединяла страну? Как можно было, по известному определению Уинстона Черчилля, «принять страну с сохой», а оставить ее «с атомной бомбой»?» Автор был убежден, что «мы никогда ничего не поймем в России и мире, пока не увидим, что сталинский период российской истории является вершинным и, возможно, уже никогда недосягаемым. Это не апология Сталина. Это вообще не про то. Это медицинский, что называется, факт. Этот факт озвучили и Черчилль, и де Голль, все крупные политики середины прошлого века. Жорес и Рой Медведевы — отнюдь не сталинисты, наоборот, известные борцы с «последствиями культа личности». Но они однозначно считают Сталина безусловным первым мировым лидером середины XX века: «Превращение СССР в супердержаву и появление двухпо-

лярного мира... было в первую очередь связано с деятельностью Сталина. Другие лидеры, от которых зависели судьбы людей в минувшем столетии, Гитлер, Мао Цзэдун, Рузвельт, Черчилль, Ганди, Тито, Хомейни, Мандела, стоят уже в следующем ряду, так как их влияние имело не всемирный, а региональный характер». (Медведев Ж.А., Медведев Р.А. Неизвестный Сталин. М.: Права человека, 2001. С. 76)».

Крупнов был убежден в том, что ««схватить» и правильно поставить сегодня проблему Сталина означает получить шанс на спасение страны... Проблема Сталина состоит в том, чтобы открыть — как он сумел это сделать? Ведь сегодня нам предстоит то же самое. Мы либо преодолеем свою слабость и восстановим государственность, либо нас окончательно вычеркнут из истории, отправив... в банановую Московию-крепость или ...голыми и подыхающими в «развитый мир»... И проблема Сталина для нас сегодня, в частности, означает то, что 2005 год может не стать таким «годом великого перелома». И страна не сумеет выйти на новый курс. Перестать быть слабыми, значит, научиться ставить и решать свои главные проблемы как мировые, всеобще значимые. Пока мы сами не определим для себя Иосифа Виссарионовича Сталина как проблему, нас будут не только, как всегда, клевать, но и попросту приговаривать к небытию и приведут этот приговор в исполнение».

Противостоящие оценки Сталина в публикациях, представленных в Интернете, неизбежно вызывали на его форумах дискуссии, нередко острые и продолжительные. Форумы, посвященные Сталину, были изложены на 4 миллионах страниц. Сейчас пользователь Интернета может посетить самые различные форумы: «За Сталина», «Иосиф Виссарионович Сталин», «Сталин и дети» и многие другие. Объявления о некоторых форумах сопровождались краткими фразами: «Узнай правду!», «Что касается Сталина, то, если почитать www.stalin.su, то можно прийти к выводу, что не такой уж плохой мужик был, и многое делалось за его спиной», «Чем дальше от Сталина, тем ближе к Гитлеру».

В ходе дискуссий на форумах противоборствующие стороны использовали многие аргументы, которые уже не раз появлялись в литературе по сталинскому вопросу. В то же

время, поскольку эти споры зачастую вели не профессиональные историки, то в них допускались фактические ошибки, нередко весьма существенные.

Вот фрагменты из типичной дискуссии на форуме «Iosif Stalin». Один из ее участников говорит: «Нельзя думать, будто Сталин, кроме раскулачивания, коллективизации и репрессий, ничего больше и не сделал. При нем в стране стала развиваться тяжелая промышленность и энергетика. СССР из аграрной страны, какой он был в 20-е годы, к пятидесятым годам превратился в развитую индустриальную страну. Как говорится, Сталин принял страну с сохой, а оставил с ядерной бомбой. Конечно, все это было достигнуто во многом за счет репрессий, но я даже боюсь себе представить, что бы было с нашей страной, если бы Сталин был более мягкотелым, как Горбачев, например».

«Нельзя также недооценивать его роль в Великой Отечественной войне. Это сейчас принято считать, что войну выиграл народ, а Сталин ровным счетом ничего не сделал. Я не пытаюсь приуменьшить роль народа. Она, несомненно, велика, но и Сталинская дипломатия тоже очень многое дала для победы. Можно вспомнить Тегеранскую и Ялтинскую конференции, которые привели, в конечном счете, к открытию второго фронта».

Участник дискуссии явно ошибся: второй фронт был открыт за несколько месяцев до Ялтинской конференции. В то же время, продолжая обсуждать эту конференцию, он справедливо замечает, что Сталин «был ключевой фигурой на этой встрече, так как именно на долю СССР пришлась вся тяжесть Второй Мировой войны. И американский президент, и английский премьер это прекрасно понимали, а мы с вами, похоже, пренебрегаем своей историей. Скоро, наверное, даже наши дети будут думать, что Вторую Мировую выиграли союзники».

Это выступление резко атакует его оппонент: «Что касается Сталина: СССР стал индустриальной страной благодаря 30 млн человек, закопанных в землю. Во время войны единственное, что сделал Сталин — это действительно договорился с союзниками. А остальное... Столько жертв в начале войны — кто виноват? Пересажал всех грамотных командиров, придумал штрафников, приказ «Ни шагу назад!» — да, базара нет, очень много сделал. И войну выигра-

ли, кроме самого народа, — Жуков, Ракоссовский (так в тексте. — *Прим. авт.*), Конев и т.д. Да Сталин уже и Москву готов был сдать... К тому же, что касается развития страны — в то время в народе существовала какая-то эйфория, типа «построим новое государство» и т.д., и народ без всяких репрессий построил бы заводы и все остальное... Потому что хотел... И не надо Сталина сравнивать с Петром — это две большие разницы...»

В дискуссию вступает третий участник: «Задумаемся еще раз над теми, кто был до Сталина, кто был рядом с ним. Разве Ленин или Иудушка Троцкий пролили меньше русской крови, чем Сталин? Разве массовые потери русских войск были только в Великую Отечественную войну, и их не было в Первую Мировую? Мы можем, покопавшись в нашей давней и недавней истории, задать массу подобных вопросов. И ответив на них, увидеть, что во всей нашей истории было немало любителей рубить головы, вешать, пороть, класть собственных солдат не считано и т.д. и т.п. ...»

«Только после Сталина Россия (СССР) стала одним из двух лидеров мировой цивилизации, разделяющей со своим историческим соперником монополию на ядерное оружие, лидирующей в освоении космоса, имеющей свою самодостаточную экономику, свой собственный научный потенциал, дающий возможность при желании обходиться в решении научно-технических проблем своими силами. Только после Сталина Россия стала самой образованной страной мира. Только после Сталина русский язык стали в массовом порядке учить не только иностранные шпионы и этнографы, а десятки тысяч специалистов в разных областях знания».

Сопоставляя сталинское время с современностью, участник дискуссии замечает: «Раньше человек гордился, что живет в такой сильной и процветающей стране. Инженеры и ученые были высшей кастой. А сейчас?... Олигархи и продажные чиновники с образованием в 9 классов — это элита. Никто сейчас не хочет работать, все хотят украсть, дограбить все до конца, и жить на руинах нищей страны, сидя на мягком сиденье своего черного Бумера. Посмотрите, во что сейчас превращается Красноярск. В город сферы обслуживания. Заводы разоряются, а магазины растут как на грибах. Но пока что у нас есть ядерное оружие и огромные за-

лежи ресурсов мы будем нести свое существование в этой стране».

«Новый Сталин нужен России. Но именно Сталин, а не Троцкий или Буденный. Нужен лидер, способный затормозить Россию на спуске в дикость и грязь. Нужен лидер, осознанно поднимающий сталинское знамя построения российской технократической цивилизации. Должен ли этот лидер быть жесток? По необходимости, да. Но не более того. Ведь Сталин был не громовержцем, упивающимся своей мощью, а тихим, внимательным и скромным человеком, никогда не говорившим: «Я решил». Хотя такие проблемы, как, к примеру, Чечня, новый лидер обязан решить быстро, жестко, безжалостно к бандитам, но без пролития русской крови, как это блестяще сделал Сталин в 1944 году».

В ответ на экране появляется реплика: «Ну да, за американские денюжки Сталин сделал Россию великой». Автор реплики получает отпор: «И много он этих денюжек получил?»

Снова слово берет антисталинист: «Во-первых, по-моему, сравнивать потери в Первую мировую войну и во Вторую — не стоит, глупо. Про Ленина и Троцкого отдельный разговор — тоже хороши. Во-вторых, с чего ты взял, что СССР стал самой образованной страной вообще, и именно после Сталина, в частности? И кого ты подразумеваешь под историческим соперником? А то, что стали какие-то социалисты учить русский язык — конечно, бесспорно, огромнейшее достижение сталинизма... Магазины растут — и что? Давай их всех убьем, или лучше отправим строить заводы, пусть дохнут».

«А то, что Сталин, оказывается, был тихим, внимательным, скромным человеком... Чикотилло тоже, кстати, был тихим и скромным. Ангелочки... Нужен нам сейчас сильный лидер, бесспорно, но он должен быть честным, порядочным, *желающим* добра стране, а не шизонутым маньяком, с манией преследования, строящим какое-то эфимерное (так в тексте. — *Прим. авт.*) величие страны на крови и костях соотечественников, к тому же лучших их представителей. Все загубленные жизни и судьбы людей напрочь перечеркивают все построенное Сталиным. И я вообще поражаюсь, что сейчас, когда все известно про дела Кобы, нахо-

дятся люди, пытающиеся защищать этого человека... Немцам тоже можно ставить памятники Гитлеру — а что, при нем Германия была мощной страной, самой мощной в Европе, все боялись и т.д. P.S. В космос кстати полетели через 8 лет после смерти Сталина — где здесь его заслуга?»

Ему в ответ пишут: «Бóльшая часть задела по ракетной технике была создана именно при нем. Если бы работы начались только после его смерти, то не был бы СССР никогда великой космической державой... Ответь пожалуйста на вопрос, как ты думаешь, что было бы с нашей страной, если бы не было Сталина, или если бы он был «белым и пушистым»?».

В схожем духе проходит и дискуссия на форуме «QWERTY». Участник дискуссии под псевдонимом «Puissance» открывает дискуссию словами: «По фактическому приказу Сталина был убит мой прадед, тем не менее не могу сказать, что Сталин был России не нужен, что он творил только зло. Да, он нечестно захватил власть: Ленин перед смертью, в своем письме (22-й год, кажется) писал, что он всячески против того, чтобы Сталин взял власть в свои руки. Да, он убил много невинных людей, но ведь разве иными способами можно было бы поднять экономику и тяжелую промышленность за четыре пятилетки, которые выполнялись в 4 года, именно в то время зародилось Стахановское движение, именно тогда были сооружены множество заводов, фабрик. А сколько было сделано ГУЛАГом, ведь, положа руку на сердце, демократическими методами тот грандиозный труд не свершить за столь короткий срок. И, что бы, кто ни говорил, он выиграл Вторую мировую. Согласен, что если бы он не истребил практически все военное начальство (в том числе и за Жуковым уже пришли, если бы не война, то и его бы убили), возможно, войну мы бы выиграли меньшей кровью, но с другой стороны, никто другой не смог дать отпор Гитлеру, только СССР. Известны случаи, когда доблестные американско-англо-французские войска бежали, оставляя свои блокпосты, базы и укрепления, при виде бойцов Красной армии (это уже было после Второй мировой войны, ближе к 60-м). (Эта история такая же фантастическая, как и рассказ о том, что «за Жуковым уже пришли». — *Прим. авт.*) Именно Сталин создал самую сильную армию, именно при Сталине весь мир нау-

чился уважать нашу страну. Когда Сталин умер, миллионы РЫДАЛИ!»

«Но, с другой стороны, миллионы загубленных душ в СССР и Восточной Европе, десятки миллионов разбитых семей, система доносов, тот же самый ГУЛАГ, подавление любого инакомыслия и культ личности (думаю, что было за завертывание еды в газету с портретом вождя, все знают), список можно продолжать! Лично я не знаю, как относиться к этому человеку!»

В дискуссию включается участник под псевдонимом «Shadow Flack»: «Сталин сам и его политика — та вещь, которая подтверждает то, что все в жизни невозможно поделить на черное и белое. Но вообще, можно выделить две вещи — в геополитике Сталин был гением, и никто не сделал столько, чтобы отодвинуть потенциального противника от границ страны. Также работы Сталина по национальному вопросу до сих пор изучаются в институтах. Он, правда, не очень хорошо разбирался в людях, поэтому в его окружении появились такие как Берия, всякие генералы, продолжавшие твердить о кавалерии в то время, когда немцы разрабатывали сверхскоростные пушки, ракетную технику и прочее».

«...Что касается загубленных в лагерях людей — вот что было, то было. Правда, число жертв в последнее время любят преувеличивать. Он был жестоким восточным диктатором, и этого нам больше не надо. Но он же делал все для своей страны и хоть и, совершив страшные ошибки, сумел их исправить, и именно при нем победили такого врага, с которым не смогла бы справиться ни одна другая страна. По крайней мере, в отличие от тех, кто правит нами последние 19 лет, он не был предателем, заботящемся только о своем брюхе. И боюсь, что, будь в то время у нас у власти кто-то вроде Брежнева, мы бы проиграли ту войну».

«Нам нужен человек с такой же силой воли, не боящийся того, что о нем будут писать нелестные слова в учебниках истории, но опирающийся на закон, а не на страх. Люди должны не бояться того, что кто-то на них «настучит» и за ними приедут, а знать, что если они совершат преступление, то их ждет суровое наказание по закону».

В дискуссию вступает некий «Frick», который замечает: «Когда говорят о том, что человек не очень хорошо разби-

рается в людях, обычно добавляют — это плохой руководитель. Мы слишком привыкли к плохим руководителям низшего, среднего и высшего звена, поэтому не реагируем, когда плохой руководитель управляет нашей страной. А надо бы...»

Позиция Frick'а становится понятной, когда он прибегает к традиционному аргументу антисталинистов: «По поводу победы в войне, не благодаря, а скорее вопреки действиям Сталина. Такого количества неадекватных приказов и назначений не знала еще ни одна страна. Я скорее приму к сведению комментарий Бисмарка по поводу войны с Россией и несравненное мужество наших отцов и дедов, чем политический и военный «гений» Сталина!»

Frick'а поддерживает Wins, который пишет: «Чесно (так в тексте. — *Прим. авт.*) говоря, мне наплевать на политику Сталина, я при ней не жил и не знаю всех подробностей. Несмотря на то, что он поднял уровень тяжелой промышленности и создал самую сильную армию (как было написано выше) его нельзя было назвать хорошим руководителем, т.к. кроме этого существует еще множество важных отраслей — все они при Сталине находились в упадке. Ну, а если рассматривать его как вождя нации — то действительно он зделал (так в тексте. — *Прим. авт.*) много для нашей страны, сумел защитить, и удержать границы — не то, что некоторые которые все отдают. Он был своего рода культом нации — кто то его уважал, кто то боялся, а кто-то тихо ненавидел. Но с другой стороны он погубил множество невинных людей — ведь без этого можно было и обойтись».

Участник форума, назвавший себя «финансовым служащим», написал: «Мне говорили историки, что нам нужен такой руководитель как Сталин, но, правда, говорили они это, добавляя, что он был очень жесток. Сталин правил, а не жирел. Считаю, что Сталин должен быть примером для наших политиков (убрав его жестокость). Мне кажется, что Сталин был лучшим политиком 20 века».

В спор вступает участник под псевдонимом «Summer navsegda»: «Ненавижу сталина (Он постоянно пишет фамилию Сталина с маленькой буквы, даже если она открывает новое предложение. — *Прим. авт.*) и политику его руководства. Весь мир осуждал Гитлера, а созданное нелюдем — сталиным намного хуже. Даже вред от действий Ле-

нина, не сравним со зверствами сталина! Ради укрепления собственной власти был готов на все. Убил гения военного дела того времени Тухачевского, а надо было вместо него кретинов, пославших на танки конницу. Ни один нормальный человек не сможет ради собственных целей убить другого. сталин убивал миллионами. Что же он сделал хорошего? Сижу, думаю... не могу ответить на этот вопрос! Все его методы были кровавыми и неоправданно жестокими».

Ему отвечает «Штирлиц»: «Сталин как человек был сильным, решительным и тактичным. Но он нанес огромнейший удар по политике СССР, если так можно выразиться, нанял тупоголовых НКВД-шников, с помощью которых расстреливал всех подряд».

В ответ «Summer navsegda» объясняет, кто является, по его мнению, «хорошим правителем»: «Хорошим был Арагорн! Убивал орков, боролся со злом. Хорошим можно назвать: Петра Великого, Бисмарка... Но уж никак Ивана Грозного или Наполеона!» Сравнение участником дискуссии персонажей Толкина с деятелями мировой истории заставляет заподозрить, что он молод и является поклонником жанра «фэнтэзи».

В дискуссию вступает «Гражданин империи». Он заявляет: «Прочитав все вышестоящее, я убедился, что пропагандистская западная машина работает на всех парах. Все минусы социализма Отечества раздуваются до неестественных размеров, в то время как плюсы (коих было предостаточно) замалчиваются и опять же преподаются обществу как минусы всякого рода ненавистниками и неолибералами, расхваливая в то же время куда более худший режим новой «России», в которой население впервые за все время в истории сокращается за мирное время, ветераны ВОВ причисляются к преступникам, Легионеры СС почитаются как освободители, а за Уралом еще немногого не хватает для полного отсоединения всех независимых республик от состава РФ».

«Капитализм — уходящая формация общественного развития, — пишет «Гражданин империи». — Посткапиталистический строй, или «новый социализм», по мнению американского профессора Харрингтона, будет строем более гуманным, с доминированием народных самоуправляющихся предприятий, в которых средства и плоды про-

изводства будут принадлежать самим производителям. Станет девизом старая истина «Кто не трудится — тот не владеет». Не пропадет, а будет тщательно изучаться уникальный 70-летний опыт социалистического строительства в СССР, принесший впервые в истории огромные социальные блага людям: бесплатное, признанное лучшим в мире образование, бесплатное медобслуживание, дешевый транспорт, почти даровая почтовая связь, бесплатное получение жилья, низкая квартплата, доступный каждому отдых в санаториях, домах отдыха, турбазах, дешевые продукты питания, стабильные цены. Основы всего этого были заложены в государственности Лениным и Сталиным».

«История, как и религия, совместима с ложью. Предвзятость ведет к искажению истории и ошибочным выводам. Некоторые политики нарочито ненасытно клевещут на прошлое великой страны, состязаясь меж собой. В некоторых случаях даже зарубежные исследователи нередко поправляют их. Так в 1997 году в Оксфорде вышла книга «История России», написанная историками, работавшими в рассекреченных Российских архивах. Ученые показали роль России в освоении окраин и опровергли вымыслы «о десятках миллионов жертв сталинского террора» (например, Солженицын оценил число расстрелянных Сталиным в 67 млн человек; примерно такую же цифру назвал другой фантаст — Яковлев). Как отмечает руководитель научного труда профессор Грегори Фриз, «если отбросить всю пропаганду, мифы и тайны, то число погибших во время чисток конца тридцатых не превысит 700 тыс. человек».

«Правдивые данные о сталинских репрессиях приводит историк И. Полыханов, подтверждая их весьма солидным документом — докладной запиской, подготовленной тремя деятелями — Генеральным прокурором СССР Р. Руденко, министром внут. дел С. Кругловым и министром юстиции К. Горшениным — на имя секретаря ЦК КПСС Хрущева от 1 февраля 1954 г., в ней констатируется — за время с 1921 за контрреволюционные преступления было осуждено 3 млн 777 тыс. 380 человек, в том числе приговоренных к высшей мере—642 980 чел.».

«Яковлев, например, не успокоился и насчитал жертв с 17 года аж больше 100 млн, причем включил в цифру 27 млн советских людей, которые погибли на войне или стали

жертвами зверств фашизма на оккупированных территорий. Эта «сенсация» была опубликована Интерфаксом 29 октября 2001 года».

«Английский историк Грей в своей книге «Сталин — человек истории» (1979 г.) с искренним уважением пишет об огромных заслугах Сталина, сумевшего превратить отсталую страну в «современное промышленное государство». По мнению ученого, вождь возвышался над остальными людьми благодаря своему великому уму, непреклонной воле, мужеству и грубой прямоте. Сталин был одержим идеей о том, что он призван изменить историю, повести Россию вперед и обеспечить ее безопасность и мощь, построить новое общество, в котором «русский народ обретет покой, справедливость, изобилие, и всех, кто стоял на пути к этой грандиозной исторической цели, Сталин считал врагами, подлежащими уничтожению». Грей убежден, что искаженное представление о Сталине сложилось отчасти по вине Троцкого и его последователей.

«Победа в ВОВ — это исторический триумф социализма, и, прежде всего, советского народа. Сталин был убежден, «когда победит мировая коммунистическая система (а он все дела вел к этому), главным языком на земле, языком межнационального общения станет язык Пушкина и Ленина. Жуков говорил о Сталине как о человеке, который не принимал поспешных решений, умевшем перешагнуть через свое Я ради интересов Родины».

«Да, Сталин чувствовал свою неспособность вести боевые операции в тяжкий для страны и Отечества 42-й год, потому он предложил Жукову пост заместителя Верховного Главнокомандующего. Жуков вначале отказался, ссылаясь на свой характер, и что потому им будет трудно работать вместе. Но Сталин сказал: «Обстановка угрожает гибелью стране, надо спасать Родину от врага любыми средствами, любыми жертвами, а что касаемо наших характеров — давайте подчиним их интересам Родины». После этого Сталин почти не принимал военных решений, не посоветовавшись с маршалом».

«Страна и народ осудили репрессивные методы правления Сталина, но и отдают должное его заслугам в укреплении государства, его военному и дипломатическому искусству... Сталин потому ненавистен Западу и его сторонни-

кам внутри России, что он похоронил планы Запада и его закулисных сил на овладение миром, создал равновесную всему Западу мощную державу, с которой уже никто не мог тягаться».

«... Атомный вызов, брошенный Америкой человечеству ради достижения мирового господства, был остановлен СССР, ставшим в 1949-м ядерной державой, и в этом неоценима заслуга Сталина. Вообще про Сталина можно много написать, только вот в форум это не поместится... Так что, товарищи, читайте, делайте выводы, и отвечайте, буду весьма рад ответить на ваши вопросы, хотелось бы только оговорить, что выкрики типа «я не согласен, это полный бред» не принимаются и расцениваются, как нежелание вникать в суть вопроса».

Всего хорошего, товарищи!»

Начавший дискуссию «Puissance» критикует «Гражданина империи» за «максимализм взглядов», но признает, что в его рассуждениях «есть парочка разумных зерен... Первое — это то, что Сталин, как политик, личность и вправду — великая. Да, он крамольщик, заговорщик, жестокий тиран, который плел интриги и уничтожал руководство из страха быть свергнутым, но он НАВЕЛ ПОРЯДОК!!!!!! Второе — жертв сталинских репрессий не более двух миллионов... сейчас эти цифры кажутся немыслимыми... но в принципе, если сейчас взять и осудить и приговорить к расстрелу всех воров и взяточников, а также оборотней в погонах... и т.п, то я дико сомневаюсь, что число приговоренных окажется меньше!!!!!! Так значит, может быть, это и есть ЦЕНА ПОРЯДКА!!!!!!»

Продолжая, «Puissance» замечает: «Когда русские с бутылкой зажигательной смеси бежали на танки, они кричали: «За РОДИНУ, за Сталина!» Наверное, эта личность что-то стоила, раз за него шли на верную смерть!»

Расценив предыдущие выступления как проявления «культа личности» и отголоски «социалистической пропаганды», «Summer navsegda» контратаковал. «Конечно же, — писал он, — нужно изучать и ни в коем случае не забывать опыт построения развитого социализма в отдельно взятой стране. Такие ошибки снова недопустимы! Ведь только во время всеобщего безумия и паранойи в государстве, людей, освобожденных из концлагеря, сажали за предательство,

подвергали допросам. Героев превращали в мразь-предателей!»

«Трудно не отметить еще одну «заслугу» сталина. Моя бабушка как-то спросила у тети — преподавателя философии: «А зачем нужна твоя философия? С ней грядку не вскопаешь!» Она искренне была убеждена в своей правоте. И таких людей воспитывали и делали эталоном общества! Анекдот того времени: «В очках, а еще толкается!» Естественно, безграмотное стадо контролировать легче, чем культурное общество».

Признав, что «уровень образования создали отличный», «Summer navsegda» восклицал: «И вместе с этим цензура была жесточайшей! Гения современности — Солженицына выслали. Как тут не похвалить ЦК КПСС? Перечислив же «остальные социальные «блага» (бесплатное медобслуживание, дешевый транспорт, почти даровая почтовая связь, бесплатное получение жилья, низкая квартплата, доступный каждому отдых в санаториях, домах отдыха, турбазах, дешевые продукты питания, стабильные цены), «Summer navsegda» привел такой пример: «Отец по долгу службы жил в ГДР. Однажды к нему приехал мой дед. Зайдя в магазин, он заплакал. Человеку так и не смогли объяснить, зачем он воевал! Об эфемерности доступности квартир, хорошего медобслуживания, думаю, говорить не стоит. Конечно, живя за железным занавесом, никто и не подозревал о существовании лучшего. Все нищие, все оболваненные, все счастливые... Почему-то по прошествии времени все забывают о том, что для покупки детской шубы надо было драться в очередях, именно драться!!!... Интересно, почему, если так было хорошо и страна была такой замечательной, в СССР был дефицит всего для всех, кроме политической элиты, а на западе — профицит? Возможно, сталин и превратил страну в промышленно развитую. Но развит был ВПК и все, что с ним связано».

Он продолжал: «Пусть цифры об убийствах и преувеличены, но они же есть. Есть годы репрессий. Пусть, таким образом изверг и навел порядок. В стране меньше стало воров, убийц, то, чего сейчас у нас с вами навалом. Но это же не метод! Цель не оправдывает средства!»

««Кто не трудится — тот не владеет» — абсолютно согласен. И я — «за» на все 100%!!! Маркс тоже глупостей не пи-

сал. Что же было при большевиках и сталине в частности? Запрещалась текучесть кадров, работодателей ругали за увольнения. Плотник-бездельник 4-го разряда (пусть он будет самым низким) приходил к начальнику и говорил: «Я ничего не делаю и делать не буду. Давайте так: я по собственному желанию ухожу, а вы мне разряд повыше». Он уходит с работы уже в 3-ем разряде. Что имеем в итоге? Плотник-бездельник первого разряда ничего не трудясь владеет квартирой, телевизором и т.д. Встает вопрос, за чей счет? За счет другого работающего, трудящегося. Не похоже на «Кто не трудится — тот не владеет».

«Summer navsegda» резюмировал: «сталин проводил политику выгодную исключительно ему. Ему выгодно было управлять страной. Чтобы ее не потерять, он перестал принимать военно-стратигические решения. (Так в тексте. — *Прим. авт.*) Вывод: когда интересы страны и нелюдя совпадали, стране было хорошо!»

Ему ответил «финансовый служащий»: «В твоей писанине сильных слов мало, все, что ты написал можно легко оспорить». За Сталина вступился новый участник — «Гавр», сказав, что «он в начале своего срока сумел более или менее поднять страну. С его подачи был нэп: возьми любой учебник истории или экономики. (Почему-то никто не попытался опровергнуть это ошибочное высказывание. — *Прим. авт.*) Дальше война — и тут Сталин после паники и бегства сумел взять себя в руки и неплохо провел кампанию и прибавил к владениям СССР пару территорий. Во время войны и послевоенное время было много репрессий — а как бы ты себя повел, когда б стоял у власти в такое время?»

«45—53 гг. — восстановление страны после войны и в 53 году приходит Хрущев, засевает всю страну кукурузой и в стране 3 года голод, так что за слезы твоего дедушки надо винить не Сталина, а уже более позднее правительство. И кстати, большинство твоих примеров связано не с эпохой Сталина, а с периодом, связанным с Хрущевым, Брежневым, Черненко и т. д.».

«Сталину по большому счету в вину можно поставить то, что он действительно слишком много пролил крови и несколько испортил отношения с Китаем на какой-то период времени. Но если брать в целом, Сталин грамотный ру-

ководитель, делал то, что было необходимо тогда. Ты представляешь, что бы творилось в разрушенной войной огромной стране, не будь жесткого тоталитаризма? А ты, я думаю, понимаешь, что происходит с русским человеком, если нету сдерживающего фактора. Так вот таким фактором и был Сталин со своей политикой...»

«Гавра» попытался поправить «Финработник»: «Это после Сталина отношения с Китаем начали портиться, т.к. Хрущев критиковал политику Сталина, а у Китая была похожая политика, естественно, эта критика сталинской политики Китаю не нравилась».

Наконец, слово снова взял «Гражданин империи». Отвечая «Summer navsegda», он писал: «Многие считают, что социализм в СССР был воплощен наиболее ярко и полно, таким, каким он и должен быть. Неправда. СССР был социальным государством, не самым лучшим, но социальным. Summer navsegda, описывая несостоятельность СССР в равной мере описывает недостатки военного времени, в которое они, бесспорно, были». В то же время «Гражданин империи» решительно возражал своему оппоненту: «Не могу признать, что общество до Сталина было более грамотным, чем в его бытность вождем скорее, наоборот. И не могу согласиться, что это делалось эталоном общества. Помните лозунг «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». Ведь уже в конце 70-го г. интеллигенция составляла внушительную часть советского общества. Куда более бескультурным общество делается в наши светлые «демократические» (беру в кавычки, ибо в России не демократия, а невесть что) дни, когда сокращаются бюджетные места в вузах, умирает старый преподавательский состав, которому на смену заступить некому, а в глубинке вообще Институты закрываются».

«Про нищету, мягко говоря, заблуждение. Насколько я помню, СССР был на 25-м месте в мире по уровню жизни. Сейчас Россия — на 57-м месте. Каждый год пенсионеры, жители Севера умирают от голода и холода тысячами. 1 млн в год. 80 млн чел. живут за чертой бедности».

«Вся истина в том, что у Сталина действительно была оборотная сторона. Ужасная и кровавая. Не такая огромная, как ее невероятно гипертрофируют нынешние СМИ. Забывают все о другой, лицевой стороне — огромной, не-

оценимой пользе для государства, страны и народа в последующее время... Сталин после войны говорил: «Мы отстали от запада на 50—100 лет, нам нужно пробежать оставшийся промежуток в 10—15 лет, иначе нас сомнут». (На самом деле это было сказано за 10 лет до начала войны в 1931 году. — *Прим. авт.*) Нынешняя Россия на часы не смотрит и не торопится никуда бежать, пребывая в наивном уверении, что ее никто не сомнет».

Отвечая на замечание «Summer navsegda» по поводу «плотника 3-го разряда», «Гражданин мира» писал: «Опять не удержусь, чтоб привести пример с улицы: сейчас никто нормально не трудится на производстве. С голоду в глазах мутно. Стало уже нормальным, *когда что-то крадешь с* предприятия (кирпичи, побелку или еще что), а директор зарплаты своим работникам не платит, имеет сто заместителей и живет сытно». На этом дискуссия завершилась.

Подобные дискуссии велись на сотнях форумов, посвященных Сталину и его времени. Приведенные выше отрывки из дискуссий на двух форумах позволяют увидеть типичное столкновение мнений тех участников социологических опросов, которые занимают противоположные позиции по сталинскому вопросу. Здесь представлены активные противники Сталина, его защитники и те, кто не может определить свою позицию по отношению к Сталину.

В то же время нетрудно увидеть, что глубокий анализ зачастую подменяется перебрасыванием давно апробированных аргументов. Многие из антисталинских аргументов не выдерживают серьезной критики. Они представляют собой перепевы давно сложившихся представлений о борьбе Сталина против народов СССР. Их зачастую подкрепляют весьма алогично подлинными домашними преданиями или сочиненными фантастическими воспоминаниями. Я не раз выслушивал и те, и другие. Так, для доказательства того, что Красная Армия не имела оружия и «заваливала» немцев трупами, приводилась история, возможно, подлинная о том, как родная тетя рассказчицы, будучи дорожной регулировщицей, искала с другими бойцами оружие, чтобы быть вооруженной на своем посту. Однако они обнаружили лишь вагоны с валенками. По принципу «дважды два — стеариновая свечка» эта история должна была доказать невооруженность всей Красной Армии.

Другой человек, пытаясь доказать, что Сталин слепо верил Гитлеру после заключения советско-германского договора о ненападении, ссылался на воспоминания своей бабушки. Эта престарелая особа уверяла, что накануне начала войны везде на московских улицах висели портреты Гитлера. Подобный бред нередко используется в качестве «убойных аргументов» против Сталина.

В то же время в дискуссиях о Сталине непременно звучат темы современной жизни, с которой участники гораздо лучше знакомы, чем с событиями более чем полувековой давности. И это свидетельствует о том, насколько сталинская тема пронизывает жизнь современных людей, их воспоминания о прошлом, их мысли о настоящем и будущем.

Ярким проявлением значительного места Сталина в спорах, которые ведутся в Интернете, стали предварительные итоги проекта «Имя России. Исторический выбор— 2008». В ходе Интернет-голосования предлагалось выбрать историческую фигуру, которая могла бы олицетворять нашу страну. Известно, что подобные «выборы», проведенные в Англии, привели к тому, что «именем страны» стал Уинстон Черчилль. На Украине таким стал Ярослав Мудрый.

Перед началом опроса, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Комсомольская правда» («Итогового результата не боитесь? Вдруг «главный герой российской истории» — это Брежнев? Или Сталин?»), один из организаторов опроса, первый заместитель генерального директора телеканала «Россия» А.М. Любимов уверенно отвечал: «А чего бояться? Надо понимать, что любой выбор — это эмоциональное решение общества».

Корреспондент «Комсомольской правды» как в воду глядел. На 11 июля 2008 года в ходе выборов «имени России» лидировал И.В. Сталин, получив 198 040 голосов. На третьем месте был В.И. Ленин. Эти результаты повергли организаторов проекта в панику. Уже 10 июля «Литературная газета» и ряд других органов печати получили от Любимова письмо, в котором он уверял, будто на «www.nameofrussia.ru» была DdoS атака в виде flood attack. Одновременно и массированно с нескольких сайтов прошло голосование за Сталина. Конечно, его влияние — чудовищ-

ное! деструктивное! — на нашу страну огромное. Предлагаю отметить его вклад флэшмобом за Николая Второго».

К середине 14 июля Сталин по-прежнему лидировал, получив более 250 тысяч голосов. На втором месте был Николай II—225 тысяч голосов, на третьем — Ленин—160 500 голосов. Очевидно, что быстрый взлет популярности последнего российского императора (с 101 тысячи до 225 тысяч за три дня) свидетельствовал о том, что указания Любимова были выполнены.

«Литературная газета» комментировала события в Интернете в заметке под заголовком «Доигрались». Газета телепрограмм «Антенна» в подборке высказываний под тревожным заголовком «Неужели имя — Сталин?» старалась опровергнуть результаты опросов в подзаголовке «Насколько можно доверять Интернет-голосованиям?» Отвечая корреспонденту «Антенны», Александр Любимов утверждал: «Это временный результат... Сейчас кандидатов слишком много». Высказывая «некоторое беспокойство» и в то же время выражая надежду, что «страна, которая выбрала в свое время президента Ельцина... не может двинуться назад», Любимов признавал: «Мы не можем вычеркнуть из истории России Сталина или Ленина».

Комментируя предварительные итоги проекта, Андрей Райзфельд писал в «Советской России»: «Честно признаюсь, был очень рад, когда увидел, что в число лидеров опроса «Имена России» с огромным отрывом от всех прочих вошло имя И.В. Сталина. И это несмотря на оголтелую, истерическую кампанию по его очернению. С другой стороны, вызывает удивление присутствие в этом списке Николая Второго. Честно говоря, гораздо большего уважения достойна Екатерина Вторая или князь Потемкин Таврический... Итоги голосования по именам России, с одной стороны, показательны, что никакая ложь не способна держать народ в заблуждении; с другой стороны — показывает, как можно манипулировать людьми».

Такая оценка подтверждается и примерами дискуссий, которые ведутся в Интернете. С одной стороны, избитые клише антисталинистов, подобранные из антисталинских передач и публикаций. С другой стороны, очевидно, что некоторые участники форумов, защищавшие Сталина, свободно владеют статистическим материалом и пользуются

ссылками на серьезные публикации. Не исключено, что некоторые из них постоянно вооружают себя самой последней информацией по сталинской теме, которую они извлекают не только из Интернета, но также из книжной, газетной и журнальной продукции последнего времени.

Глава 19
СТАЛИНОВЕДЕНИЕ В XXI ВЕКЕ

Несмотря на бурное распространение информации через Интернет и сохраняющуюся популярность телевидения, несмотря на резкий спад тиражей газет, журналов и книг, печатное дело остается важным средством знакомства людей с последними достижениями общественной мысли. Как и в Интернете, вопрос о Сталине по-прежнему занимает важное место в печатной продукции. Более того, кажется, что интерес к Сталину среди читателей с началом нового века постоянно возрастает. Об этом я могу судить по личному опыту.

Когда в 1999 году я сказал на встрече с руководителями издательства «Вече», что мог бы написать книгу о Сталине, мое предложение было отвергнуто ответственным лицом издательства за реализацию книжной продукции. Он уверенно сказал, что рынок насыщен книгами о Сталине. Казалось, он был прав: к этому времени в книжных магазинах можно было без труда найти антисталинские книги Волкогонова, Радзинского, Гордиенко. Правда, порой можно было обнаружить и книги Семанова и Кардашова, Громова и других авторов, изданные менее крупными тиражами и написанные с иных позиций. И это не считая множества небольших брошюр, посвященных Сталину. Однако главный редактор издательства С.Н. Дмитриев не согласился с мнением своего коллеги, и я начал работать над тем, что в 2002 году превратилось в дилогию: «Сталин. Путь к власти» и «Сталин. На вершине власти». Затем дилогия была дважды переиздана.

Почти одновременно с выходом в свет моей дилогии в издательстве «Янтарный сказ» была опубликована двухтомная книга В.В. Карпова «Генералиссимус». Вскоре

двухтомник Карпова был выпущен также в издательстве «Вече» несколькими тиражами и стал наиболее читаемой книгой о Сталине в начале нового века. Участник Великой Отечественной войны и автор нескольких книг о Жукове и других советских военачальниках В.В. Карпов посвятил большую часть своей работы событиям 1941—1945 годов. Особое внимание в книге Карпова было уделено важнейшим операциям Великой Отечественной войны и роли Верховного Главнокомандующего Сталина в их проведении. Не скрывая его ошибок, Карпов показал огромный вклад Сталина в Победу.

Подводя итог своим оценкам Сталина, писатель привел многочисленные хвалебные слова о нем, сказанные видными государственными и общественными деятелями различных стран, включая высказывания президента Финляндии Ю.К. Паасикиви и патриарха Александрийского Христофора. Обращаясь к своим читателям, В.В. Карпов писал: «А теперь, я надеюсь, что мы с вами одинаково понимаем и оцениваем житие и бытие Сталина Иосифа Виссарионовича. И поэтому не расстаемся, а будем жить вместе в нашем доме, как единомышленники — вы в своих делах и заботах, а я где-нибудь в книжном шкафу или на книжной полке. И может быть, иногда, взглянув на корешок этой книги с названием «Генералиссимус», вы подумаете: «Очень мудрый и прочный был человек. Да, культ личности был, но и личность была! Ах, как нашей многострадальной России-матушке сегодня не хватает такой личности!»

Известно, что фразу о «личности» и «культе личности» сказал Михаил Шолохов. Я также воспользовался этим высказыванием великого русского писателя в своем выступлении в мае 2003 года в Центральном доме литераторов во время вручения мне Юрием Васильевичем Бондаревым международной премии имени М. Шолохова за дилогию о Сталине. Во время вручения премии присутствующие писатели, среди которых были Арсений Ларионов, Сергей Михалков и другие члены Комитета по Шолоховским премиям, подчеркивали необходимость изучения жизни и деятельности Сталина. А вскоре в продаже появились десятки новых книг о Сталине, написанных разными авторами. Спрос на литературу о Сталине не прекратился, а продолжал расти.

Явно отвечая растущим потребностям читателей, авторы писали подробные биографии Сталина, которые зачастую не укладывались в один том. Одним из наиболее солидных исследований жизни и деятельности И.В. Сталина стала еще неоконченная «Политическая биография Сталина» Н.И. Капченко. Ее два тома посвящены жизни и деятельности И.В. Сталина с 1879 по 1939 год. Стремясь как можно более глубоко и взвешенно подойти к оценке Сталина, автор внимательно сопоставлял разных авторов его биографий, приводил наиболее точные свидетельства его жизни. Подводя итог двум томам своего труда, Н.И. Капченко в заключение второго тома писал: «В работе многократно подчеркивался исключительно противоречивый характер как самой личности Сталина, так и эпохи, главные черты которой он отразил в своей деятельности. В своих оценках и выводах я оставлял большое поле для сомнений и размышлений — как для читателя, так и для себя. Это продиктовано самой личностью нашего главного персонажа, но в еще большей степени характером и особенностями описываемой эпохи... Я стремился смотреть фактам в глаза и делал на их базе соответствующие выводы. Старался также соблюдать объективность и в подборе самих фактов, чтобы не складывалась заведомо односторонняя картина». Эта самооценка Капченко верно отражала его позицию, содержание и стиль его работы.

Стараясь, по его словам, «рассмотреть, по возможности, в целостном и систематическом виде всю его (Сталина. — *Прим. авт.*) политическую биографию», Капченко критиковал изданные до сих пор книги о Сталине, указывая, что «едва ли можно с достаточным основанием утверждать, что они дают нам целостную, сравнительно полную систематически стройную и логически выдержанную политическую биографию Сталина».

Капченко подчеркивал: «Историческая наука не должна быть инструментом в политической и идеологической борьбе. Ее смысл и назначение совсем в ином — она должна служить своеобразным мостом между прошлым и настоящим, она призвана сохранять связь времен, без которой история любой страны лишается самого своего содержания, становится обедненной и обкарнатой... Сейчас потребность в такой правде особенно велика, поскольку страна находит-

ся в таком состоянии, которое трудно даже четко определить».

В отличие от Н.И. Капченко, Святослав Рыбас и Екатерина Рыбас в двухтомном произведении «Сталин. Судьба и стратегия» старались интерпретировать деятельность Сталина как продолжение тех усилий по модернизации страны, которые начали некоторые дореволюционные руководители России. Поэтому авторы привлекли обширные цитаты из исторических исследований, относящихся к дореволюционному периоду, воспоминаний видных государственных деятелей царской России и Белого движения, переписку руководителей белой эмиграции.

В то же время авторы активно использовали самую новую информацию из последних томов сочинений Сталина, собранных Р. Косолаповым, переписки М.А. Шолохова с И.В. Сталиным, опубликованной в книге «Писатель и вождь» (М., 1997), а также множество новых исследований по сталинскому времени, опубликованных уже в XXI веке. Из этих книг, как правило, приводились обширные цитаты. Новая информация существенно обогатила содержание книг.

Отдавая должное заслугам Сталина, авторы не скрывали его ошибок и трагичных сторон жизни советских людей в сталинское время. Они приводили статистику о репрессиях против богатых крестьян и их сторонников, жертвах голода 30-х годов. Они цитировали личные письма Сталина и декреты того времени, из которых следовало, что руководство страны во главе со Сталиным прибегало к жестоким мерам, чтобы добиться решения поставленных задач. В то же время активное привлечение разнообразных документов позволило авторам показать, что Сталин принимал чрезвычайные меры по облегчению положения голодавших крестьян, нередко прямо противоречившие только что принятым суровым декретам. Рыбасы подчеркивают: «Когда говорят, что в 1932—1933 годах проводилась политика геноцида, это либо заблуждение, либо делается для дискредитации Сталина. Но его деятельность настолько трагична, что подобные фальсификации только опошляют историю и затемняют ее смысл». Оценивая его деятельность в эти годы, авторы приходят к

выводу: «Большего этот человек не мог сделать в тех рамках, которые он определил для страны».

Аналогичным образом они оценивают и усилия Сталина в ходе подготовки к Великой Отечественной войне. Они писали: «Сталин не успел полностью решить поставленную им в 1931 году задачу — за десять лет догнать западные страны, «пробежав» путь, на который у них «ушло сто лет». Казалось, он сделал все, что мог».

Постоянно показывая исторический контекст деятельности Сталина, авторы не раз обращают внимание на те суровые альтернативы, в пределах которых он был вынужден действовать. Они пишут: «Собственно, вся история этого человека — непрерывная череда ужасных выборов». Проделанная авторами работа позволила им дать такую оценку Сталина: «Этот волевой, аскетичный, интеллектуальный, жестокий лидер появился как революционное возмездие за ошибки и преступление имперской элиты, разрушившей Российское государство. Сталин — оборотная сторона незавершенных преобразований Витте и Столыпина. Он воссоздал государство и сделал его сверхдержавой, опираясь на исторические традиции России». Одновременно авторы подчеркивают всемирное значение Сталина: «Он почти реализовал Великую мечту, дал поколениям людей 1930–1940 годов всего мира новое измерение человеческого существования».

Авторы не претендуют на завершение исследования Сталина. Они предупреждали: «Настоящего анализа до сих пор нет, и это очень опасно. Не потому, что нет понимания роли этой личности, в конце концов, она уже принадлежит Истории, а не нам, а потому что неосмысление его деятельности, привязанной к условиям того времени, не дает России возможности осознать свое положение и перспективы в постоянной борьбе стран и народов нашей планеты за мировые ресурсы, за собственное выживание и право жить согласно своим культурным традициям. Дело не в Сталине, а дело в России, как мировом явлении, которая пережила за тысячу лет несколько катастроф и смогла подняться. Отвергая Сталина с его безжалостной рациональностью, Россия не захотела знать обстоятельств его появления и поплатилась за это».

Чем глубже осуществлялось исследование Сталина, тем

яснее становилось для исследователя, насколько важна точность и объективность в изучении этого человека. Примером такого исследования жизни Сталина явилась книга А.В. Островского «Кто стоял за спиной Сталина?» Судя по содержанию книги, ее автор самым добросовестным образом поработал в архивах дореволюционного времени, особенно в архивах российской полиции. Плодом его усилий стала книга, которая сняла ряд неясностей в биографии Сталина. Хотя не всегда можно согласиться с выводами, которые делает автор из собранной им информации, ее точность не подлежит сомнению. Не только читатели, но и исследователи получили от Островского труд, который служит надежным источником сведений о революционной деятельности Сталина, а также его окружения.

Откликаясь на растущий интерес к Сталину, издатели старались представить писателям старые и новые свидетельства о нем. Они были затребованы для пересмотра его дела в суде Истории, где до тех пор вершили расправу визгливые пигмеи. К 50-летию со дня смерти Сталина издательство «Алгоритм» опубликовало серию книг под названием «50 лет без Вождя. Сталиниана». В эту серию были включены разные книги, включая художественные произведения (например, книга Николая Никонова «Иосиф Грозный»). Здесь были представлены книги авторов, писавших в разное время и имевшие разные, нередко противоположные взгляды на Сталина и его время: книга эмигранта Сергея Дмитриевского «Сталин. Предтеча национальной революции», впервые опубликованная в Берлине в 1931 году, книга Александра Зиновьева, которая также была издана в эмиграции в 70-х годах («Сталин — наша слава боевая»). Эти книги были написаны людьми, занимавшими в момент их написания негативную позицию по отношению к СССР. Тем ценнее содержавшиеся в них признания о выдающейся роли Сталина в отечественной истории.

Хотя Дмитриевский считал в 1931 году, что «Сталин уже пройденный этап революции», он признавал: «Сталин... нужен был для того, чтобы практически поставить в порядок дня задачу роста национального самосознания великого народа. Он нужен был для того, чтобы острым плугом стальной воли и безграничной власти перепахать

русскую землю, выкорчевывая из нее все старое. Он нужен был для того, чтобы заложить материальный фундамент здания новой национальной империи. Это сделано. На взрыхленной почве вырастают новые люди и новые идеи».

В своей книге Александр Зиновьев показывал, как он эволюционировал от ненависти к Сталину к отторжению своего антисталинизма. Одновременно он доказывал порочность антисталинских стереотипов, которые продолжали царить в общественном сознании различных стран мира: «Все, что говорят критики нашей истории и нашего общества, пронизано чудовищной антидиалектичностью, непростительной в наш век буйства науки». Отвечая на обвинения в адрес Сталина и его политики, Зиновьев замечал: «В это время начала складываться новая социальная структура общества, новые формы неравенства. Сталинизм был попыткой остановить этот неумолимый процесс. Отсюда — особо жестокие репрессии в отношении представителей нарождающихся господствующих классов... Или возьмите, к примеру, коллективизацию. Чего только о ней не наговорили! Ошибка! Преступление! Бессмысленная жестокость!.. И ни слова о ее великой исторической роли... Вот возьми сталинские репрессии в отношении командного состава Красной Армии... Да, в какой-то мере это ослабило Красную Армию и способствовало поражениям в начале войны. Но только ли это? И это ли главное? Мы-то с тобой знаем, каким был командный состав нашей армии до чистки. Не будь чистки, мы не имели бы таких поражений в начале войны, но мы проиграли бы войну. Сталин (инстинктивно или сознательно, не могу судить) поступал правильно, намереваясь обновить командный состав армии».

Не отделяя себя от сталинского времени, Зиновьев писал: «Для меня сталинизм есть целая эпоха... То было время великого (великое — не обязательно хорошо) социального творчества. Многие исторические открытия делались на наших глазах. И мы сами принимали в них участие в качестве материала для творчества и в качестве творцов... Великая эпоха ушла в прошлое, осужденная, но не понятая... Я прожил лучшую часть жизни в эту эпоху. В нее вложена моя душа. Я не хочу ее оправдывать — не бывает преступных эпох. Бывают трагические эпохи, в которые совершает-

ся много преступлений. Но трагедия не есть преступление».

В серии «Сталиниана» была опубликована упоминавшаяся выше книга Евгения Громова, в которой критические замечания в адрес Сталина сочетались с подробным разбором его недюжинных познаний в искусстве и литературе.

Немало критических высказываний в адрес предвоенной политики Сталина высказал и Александр Орлов, автор книги «Сталин: в преддверии войны», которая также была опубликована в «Сталиниане». Перечислив «грубые просчеты в отношении времени нападения Германии на Советский Союз, опоздание с директивой о приведении войск в боевую готовность, запоздалые и половинчатые меры, к тому же не доведенные до конца, по развертыванию армий первого эшелона на соответствующих определенных направлениях», А. Орлов в то же время подчеркнул «огромную заслугу И.В. Сталина» в том, что «в ходе войны он сумел постичь вершины политического и стратегического руководства страной и армией, стать государственным деятелем международного масштаба, с которым вынуждены были считаться лидеры великих держав — США и Англии. Он сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии СССР как сверхдержавы».

В изданной в этой же серии книге Владимира Суходеева «Сталин в жизни и легендах» автор собрал многочисленные отрывки из воспоминаний и различные рассказы о Сталине, иллюстрирующие его жизненный путь и деятельность с детских лет до смерти. Свою книгу В.В. Суходеев предварял замечанием: «При рассмотрении жизни и деятельности Сталина предстает грандиозная панорама эпохи, охватывающей конец XIX века, весь бурный XX век с его великими событиями... эпохи, испытавшей революционно преобразующую деятельность одного из величайших исторических деятелей человечества — Сталина... Как никто другой из современных ему политиков нынешних, Сталин понимал ход всемирной истории, понимал и то, что может и должен сделать именно он, Сталин».

В.В. Суходеев подчеркивал, как ненавистен врагам нашей страны «Сталин — революционер, Сталин — марксист-ленинец, Сталин — политик, Сталин — государственный

деятель, Сталин — полководец, Сталин — борец за мир и демократию».

С иных идейных позиций, но столь же высоко оценивал заслуги Сталина Сергей Семанов, автор опубликованной в «Сталиниане» книги «Сталин. Уроки жизни и деятельности». Автор утверждал: «Сегодня, во всеоружии исторического опыта и с опорой на все недавно открывшиеся документы, не подлежит ни малейшему сомнению, что подлинным собирателем Великой России и продолжателем русского Православия и Самодержавия стал Иосиф Сталин». При внешнем различии оценок Сталина, зачастую они лишь раскрывали разные стороны и следствия его сложной, многогранной политической и государственной деятельности. Дать всеобъемлющую оценку Сталину было нелегко.

Серию книг «Сталин. Великая эпоха» выпустили издательства «Яуза» и «ЭКСМО». В одной из книг этой серии были опубликованы застольные речи И.В. Сталина 1933—1945 гг., собранные и тщательно прокомментированные Владимиром Невежиным.

Большую серию книг о сталинском времени под названием «Эпоха Сталина» опубликовало издательство «Вече». В этой серии была опубликована, в частности, книга Роберта Иванова «Сталин и его союзники. 1941—1945 годы». Детально осветив дипломатическую деятельность Сталина в годы Великой Отечественной войны, автор обратил внимание на то, как было важно «обеспечить нормальное функционирование (антигитлеровской. — *Прим. авт.*) коалиции. И необходимо констатировать, что свою часть этой задачи Сталин выполнил на уровне, который абонировал ему самое почетное место в истории борьбы с фашистскими агрессорами, в мировой истории в целом». Характеризуя Сталина как личность, Р. Иванов писал: «Иосиф Джугашвили удачно выбрал себе псевдоним. Это, действительно, был человек стального характера, мужественный и непреклонно целеустремленный в решении задач, которые он себе ставил».

Крупной работой Владимира Суходеева, позволившей всесторонне изучать деятельность И.В. Сталина, стала изданная под его редакцией «Энциклопедия. Сталин» (Москва: Алгоритм, 2006). В «Энциклопедии» были представле-

ны статьи, иллюстрирующие самые различные стороны и этапы жизни Сталина, его современников, исторические вехи сталинского времени.

Особое внимание В.В. Суходеев уделял исследованию роли Сталина в Великой Отечественной войне. Этому была посвящена вышедшая в 2005 году его книга «Сталин. Военный гений». Автор констатировал: «Факты, исторические документы и воспоминания военачальников... показывают И.В. Сталина как выдающегося полководца, его определяющую роль в грандиозных победных сражениях Великой Отечественной войны Советского Союза, победном завершении Второй мировой войны». В то же время В. Суходеев замечал: «Образ Сталина — военного и политического стратега — неразрывно сочетался с деятельностью Сталина-дипломата. Его дипломатическая деятельность и его заветы актуальны и в наше тревожное время». Этой же теме была посвящена книга В. Суходеева «Стратег Великой Победы», опубликованная в 2007 году.

Автор данной книги также постарался отразить деятельность Сталина в годы Великой Отечественной войны в книгах «Трагедия Сталина. 1941—1942», «Десять сталинских ударов. Триумф генералиссимуса», «Маршал Сталин», «Сталин. Генералиссимус Великой Победы», которые были опубликованы в 2006—2008 годах в издательствах «ЭКСМО», «Яуза» и «Издатель Быстров».

В тех же издательствах были опубликованы книги Арсена Мартиросяна («Кто привел войну в СССР? Сенсационные разоблачения» и «Трагедия 22 июня: блицкриг или измена? Правда Сталина»), в которых исключительно позитивно оценивалась роль Сталина в ходе подготовки к войне и в годы Великой Отечественной войны.

О роли Сталина в Великой Отечественной войне шла речь и в ряде книг Юрия Мухина, опубликованных в этих же издательствах. Среди читателей большой популярностью пользовалась и книга Юрия Мухина «Убийство Сталина и Берия». Хотя трудно согласиться с позицией автора, стремившегося во что бы то ни стало доказать чистоту помыслов Л.П. Берии, Ю. Мухин привел немало новых свидетельств о сталинском времени (несомненный интерес представляет, например, история о создании Е.Г. Лединым мощной взрывчатки и поддержки этого изобретателя

И.В. Сталиным). Главный вывод автора был таков: «Сталин делал для советского народа все, что мог, и делал столько, сколько может сделать гениальный человек по уму и трудолюбию».

Явно откликаясь на потребность читательской аудитории, многие авторы уже на обложках своих книг подчеркивали великую роль Сталина в истории XX века. Так, на обложке к книге Олега и Ольги Грейг «Здравствуй, Сталин!» (М., 2005) было напечатано: «Иосиф Сталин был величайшей личностью XX столетия – сын грузинского народа, горец, а какую оставил о себе славу! Такую, от которой русский народ стал еще более величествен в своем трагизме существования». Аннотация к книге Олега Платонова «Бич божий: эпоха Сталина» (М., 2004), напечатанная на ее обложке, открывалась словами: «Сталин – один из величайших деятелей мировой истории – смело может быть поставлен в один ряд с Александром Македонским, Карлом Великим и Наполеоном. Он был одним из тех, кто создавал великие сверхдержавы, тяжесть служения которым была не под силу его наследникам». На обложке своей книги «Сталин. Красный монарх» Александр Бушков назвал Сталина самым могущественным и великим императором «за всю историю планеты Земля». На обложке книги Владлена Дорофеева «Сталинизм: народная монархия» сообщалось: «Человека, возродившего Советскую империю, победившего во Второй мировой войне, создавшего ядерный щит и меч нашей Родины, объявили садистом, пьяницей и дегенератом... Эта книга раскрывает истину о великой роли И.В. Сталина в российской истории XX века, рассказывает о его великих заслугах перед Россией, о безмерной любви советского народа к своему гениальному вождю в сравнении с личностью Николая II».

Многие авторы, изучавшие Сталина и его время, приходили к выводу о том, что его деятельность была обусловлена крайне жесткой альтернативой, стоявшей перед страной. Говоря о переходе СССР под руководством Сталина к реализации программы индустриализации и коллективизации, М. Калашников в своей книге «Третий проект» утверждал: «По всем аналитическим выкладкам выходило, что впереди – недолгая, но мучительная агония Советской России. И дальше – конец. Либо после военного пораже-

ния, либо из-за экономической катастрофы. В конце двадцатых страна сползала к новой национальной Хиросиме... Когда вам в тысячный раз примутся твердить о страшных преступлениях параноика и мегаломаньяка Сталина, о кошмарах его террора, вспомните-ка наши слова. Закройте глаза и подумайте: а каков был выбор? В конце двадцатых годов страна сползала к новому хаосу, крови, голоду и эпидемиям. Представьте себе все это. И «парад суверенитетов», и дикую резню, и тьму всяких батек с атаманами. И пришествие бывших белых, способных принести с собой только жажду мести и кровавые расправы, но никак не капиталы для возрождения страны — потому что капиталов они давным-давно лишились. Видите миллионы трупов? И еще иностранных интервентов. Японцев в Забайкалье, например. Нам пришлось видеть документальные кадры того, как японские каратели закапывают в землю людей в оккупированном Китае. Камера выхватывает лицо связанного китайца, на которого летят комья земли. Страшное лицо обреченного... Думаете, русских ждало иное?»

Приводя это высказывание из книги Калашникова, В.С. Поликарпов в своей книге «Сталин — властелин истории. Великий планировщик советской цивилизации» (Ростов-на-Дону, 2007) пояснил: «Несколько лет назад группа историков, экономистов и математиков провели комплексное исследование в рамках суперсовременного научного направления математической истории. Суть состоит в моделировании истории, проверке альтернативных вариантов возможного развития событий. Исследователи потратили три года времени и немалые средства спонсоров, чтобы просчитать различные варианты развития Советского Союза с конца 1920-х годов. Результаты оказались ошеломляющими — различные альтернативы сталинской стратегии, основанные на программах правой и левой оппозиции, и рецепты, предлагавшиеся специалистами-экономистами старой закалки в 1920-е годы, вели в итоге к гораздо большим жертвам среди советского народа, чем в реальной истории. **Все эти альтернативы неизбежно заканчивались коллапсом государства и полным распадом системы уже во второй половине 1930-х гг.** Между ними имелось только одно различие: катализатором распада по одним вариантам становилась проигранная война, а по другим — дошед-

шие до цивилизационной схватки противоречия между городом и деревней».

В своей книге Калашников писал: «Гигантские жертвы были, как мы видим, обязательным условием российской динамики. Разница состояла только в одном, но решающем обстоятельстве. В реальной истории, в сталинском мире эти жертвы были положены на алтарь материализации новой реальности, строительства нового мира, на развитие и процветание. А в других вариантах (к счастью, не реализованных), несмотря на весь их кажущийся гуманизм и привлекательность их программ, жертвы оказались бы совершенно напрасными, бессмысленными, ведущими лишь к деструкции и хаосу, полному и окончательному уничтожению русской цивилизационной матрицы».

Из этого Поликарпов делал вывод: «В качестве планировщика **И. Сталину удалось сделать невозможное, а именно: ему удалось не только предотвратить катастрофу, коллапс Советского Союза, но и обеспечить его подъем».** Поликарпов утверждал: «Сталин доказал на практике, в рамках одной страны, возможность управляемой, т. е. планово-предсказуемой и инженерно-сконструированной, жизни человечества... Все дело в том, что **И. Сталин выражал ментальность основной массы населения Советского Союза, он знал все сильные и слабые стороны советского народа и осуществлял на практике его устремления».**

Сначала в газете «Советская Россия», а затем отдельным изданием была выпущена книга Ю.В. Качановского «Диктатура Сталина: уроки и выводы». Высказав ряд критических замечаний в адрес Сталина, Качановский провел сравнение между состоянием государства в нынешние времена и при Сталине. Автор подчеркивал: «Несокрушимая воля Сталина была направлена на то, чтобы сделать страну могучей и непобедимой, чтобы с каждой пятилеткой улучшать условия жизни народа, жилье, питание, доступ к культуре, медицине, образованию. Сталин жестко заставлял весь партийный и государственный аппарат, всех должностных лиц, чтобы они свою волю мобилизовали на решение этих задач. Сегодня ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВОЛИ в России НЕТ. Страна брошена в стихию».

Убедительные аргументы, опровергавшие многочисленные обвинения в адрес И.В. Сталина, представил Иван Ти-

мофеевич Шеховцев в своем четырехтомном труде «Дело Сталина — «преступника» и его защитника» (Харьков, 2004).

Некоторые авторы постарались дать опровержения наиболее распространенным антисталинским стереотипам. Одним из произведений такого рода стала книга Сигизмунда Миронина «Сталинский порядок». В ней автор привел веские аргументы против семи «мифов о Сталине» (о «голодоморе» 1932–1933 годов, о «большом терроре» 1937–1938 годов, о «геноциде» переселенных народов, о «ленинградском деле», о «сталинском антисемитизме», о «паранойе Сталина в последние годы жизни», о «разгроме Сталиным советской генетики в 1948 году»).

Еще более обширную программу по разоблачению клеветы против Сталина осуществил Арсен Мартиросян, написав пять книг в серии «200 мифов о Сталине»: «Сталин — биография вождя», «Сталин и репрессии 20–30-х годов», «Сталин и Великая Отечественная война», «Сталин и достижения СССР», «Сталин после войны». Содержание хорошо документированного пятитомника может служить пособием для опровержения подавляющего большинства широко распространенных антисталинских штампов.

В то же время, видимо, спешка в работе (пять книг были написаны менее чем за год) привела к появлению ряда неточностей и сомнительных положений. Так, Мартиросян категорически отверг как миф утверждение о том, что «Сталин просил союзников прислать дивизии на советско-германский фронт» (миф № 46). Между тем в своем обращении к Черчиллю от 13 сентября 1941 года Сталин писал: «Мне кажется, что Англия могла бы без риска высадить 25–30 дивизий в Архангельск или перевести их через Иран в южные районы СССР по примеру того, как это имело место в прошлую войну во Франции. Это была бы большая помощь. Мне кажется, что такая помощь была бы серьезным ударом по гитлеровской агрессии».

Трудно согласиться и с рядом безапелляционных критических оценок автора относительно деятельности Г.К. Жукова, а также ряда других видных политических деятелей. Надо надеяться, что плодовитый автор исправит

отдельные огрехи и продолжит работу над разоблачением антисталинских мифов.

Значительный вклад в разоблачение антисталинских мифов внес американский сталиновед Гровер Ферр. В своей книге «Антисталинская подлость» он подробнейшим образом по пунктам разобрал доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда. Приведя неопровержимые доказательства, Г. Ферр пришел к однозначному выводу: «Все «разоблачения» Хрущева, в сущности, неправдивы». Книга сопровождалась мночисленными документами, включая хрущевский доклад. Ферр ставит под сомнение справедливость многих реабилитаций. Он приводит факты, свидетельствующие об ответственности Р. Эйхе и ряда других реабилитированных советских руководителей за развязывание репрессий, ответственность за которые была затем огульно возложена на Сталина.

В опубликованной уже после его смерти книге Вадима Кожинова «Правда сталинских репрессий» известный русский мыслитель поставил один из наиболее болезненных вопросов, связанных с оценкой роли Сталина. Всестороннее исследование истории России, а также революций в различных странах мира, состояний общественного сознания, а также поведения различных социальных классов и этно-культурных прослоек во время гражданских войн и революций позволило ему прийти к выводу: «Внедренная в умы версия (в сущности, просто нелепая), согласно которой террор 1937-го, обрушившийся на многие сотни тысяч людей, был результатом воли одного стоявшего во главе человека, мешает или даже вообще лишает возможности понять происходившее. В стране действовали и разнонаправленные устремления, и, конечно же, бессмысленная, бессистемная лавина террора, уже неуправляемая «цепная реакция» репрессий... В этом сочинении я стремился показать, что движение истории определяется не замыслами и волеизъявлениями каких-либо лиц (пусть и обладавших громадной властью), а сложнейшим и противоречивым взаимодействием различных общественных сил, и «вожди» в конечном счете только «реагируют» – притом обычно с определенным запозданием (как было при введении нэпа или при повороте середины 30-х годов к «патрио-

тизму») на объективно сложившуюся в стране — и мире в целом — ситуацию».

Разоблачая бессовестные манипуляции с количеством репрессированных, В.С. Бушин в своей статье «Доколе коршуну кружить?» привел цитату из письма Э.Г. Репина. По словам Бушина, Репин обратил внимание на различные цифры «жертв политических репрессий», которые фигурировали у ряда авторов. А. Яковлев назвал 30 миллионов, А. Солженицын—60 млн, И. Хакамада—90 млн, В. Новодворская—100 млн. В своем письме Э.Г. Репин писал: «В конце 90-х годов А.Н. Яковлев, долгие годы возглавлявший Комиссию по реабилитации, ответил на вопрос дотошного корреспондента о количестве реабилитированных жертв политических репрессий, выдавил цифру: около 1,5 млн. человек. Но тогда встает колоссальный вопрос о судьбе остальных жертв — по Яковлеву—30–1,5=28,5 млн, по Солженицыну—60-1,5=58,5 млн, по Хакамаде 90-1,5 млн= 80,5 млн, по Новодворской 100—1,5=98,5 млн человек».

«Ответов может быть только два: 1. Или десятки миллионов осуждены за контрреволюционные антигосударственные преступления правильно и реабилитации не подлежат; 2. Или цифры жертв являются плодом полоумной фантазии и бешеной ненависти к нашему прошлому названных лиц».

Комментируя слова Репина, Бушин писал: «Но первый ответ ни одна кликуша демократии за двадцать лет своего камлания ничем подтвердить не смогла. Увы, приходится признать единственно верным ответ второй».

В то же время ряд авторов приводили факты, свидетельствовавшие о том, что ряд видных репрессированных лиц, которые были затем реабилитированы, были виновны в организации антигосударственных заговоров. В первые годы нового столетия появились книги, в которых приводились новые факты о внутриполитической борьбе в руководстве СССР. Свою оригинальную версию о переплетении заговора военных во главе с М. Тухачевским с действиями британской разведки предложил А.Б. Мартиросян в своей книге «Заговор маршалов. Британская разведка против СССР».

На основе многочисленных документов Сергей Минаков в своей книге «Сталин и заговор генералов» подробно

описал борьбу различных группировок в руководстве Красной Армии накануне войны. Это позволило автору сделать вывод: «Возникновение «генеральских группировок»... можно квалифицировать как «военный заговор». Наметившуюся же в этом процессе тенденцию к объединению разрозненных оппозиционных «генеральских группировок» в единую — под «знаком Тухачевского»... Сталин и его окружение не без определенных оснований квалифицировали как «заговор Тухачевского».

В своих книгах «Клубок» вокруг Сталина» и «Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева» Р. Баландин и С. Миронов привели немало других фактов, свидетельствующих о том, что различные заговоры, которые спровоцировали репрессии 1937–1938 годов, не были фантазией Сталина. Особо они остановились на заговоре против Сталина, организатором которого был секретарь ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Говоря же о событиях на июньском Пленуме ЦК ВКП(б), авторы писали: «Так все-таки существовал ли заговор против Сталина и заговорщики ли выступали против него на июньском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года? Факты свидетельствуют о том, что заговор был, но вряд ли с целью смещения Сталина с поста генсека (хотя это, возможно, не исключалось) и уж тем более не планировалось убийство вождя. Было стремление ряда крупных партийных работников противостоять опасным решениям пленума. Но и это, как бывает в военное или предвоенное время, воспринималось недопустимым, преступным неподчинением руководству».

Глубоко исследовали заговоры 30-х годов известные историки мировых разведок А.И. Колпакиди и Е.А. Прудникова в своей книге «Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи».

Крупным прорывом в исследовании событий 30-х годов явилась книга Юрия Жукова «Иной Сталин». По сути, автор предложил принципиально новую интерпретацию событий в СССР в 30-х годах. Тщательно проанализировав сведения из печати и стенограмм пленумов ЦК, сессий ЦИК СССР и другие материалы, доктор исторических наук Юрий Жуков утверждал, что Сталин, опираясь на узкую группу своих сторонников в Политбюро (Молотов, Каганович, Ворошилов и другие), а также ряд других лиц, гото-

вил широкую политическую реформу в СССР. Главным в этой реформе была новая конституция. Юрий Жуков приводит веские свидетельства того, как многие партийные руководители сопротивлялись конституционной реформе, видя в ней угрозу своему положению.

Одновременно Юрий Жуков писал об усилиях Сталина по выдвижению к руководству страны новых руководителей, обладавших высшим образованием и имевших опыт работы на современном производстве. Важным элементом политической реформы Сталина являлось требование альтернативности в ходе выборов Советов всех уровней. Сопротивление этой реформе значительной части партийного руководства страны стало, по оценке Жукова, причиной смертоубийственной междоусобицы 30-х годов. При этом Жуков подчеркивал, что такие деятели, как Р. Эйхе, Н. Хрущев и другие, выступили инициаторами развязывания массовых репрессий, чтобы воспрепятствовать демократизации жизни в СССР и сохранить за собой привилегированное положение.

Ю. Жуков утверждал, что «полной неудачей завершилась попытка группы Сталина реформировать политическую систему Советского Союза». И все же, как он отмечал, в конечном счете многие представители нового поколения советских руководителей заняли видные посты в партийном и государственном аппарате страны.

Оригинальная интерпретация Жуковым острых событий 30-х годов свидетельствовала о возможности нового взгляда на Сталина и его время, по мере того как историки освобождались от давления политической конъюнктуры. Своей книгой Юрий Жуков показал также, что для новых выводов о деятельности Сталина достаточно хотя бы внимательно и непредвзято проанализировать имеющиеся давно открытые материалы.

В своей книге «Сталин. Тайны власти», опубликованной в 2005 году, Юрий Жуков продолжил свое исследование государственной деятельности Сталина, полагаясь на глубокий анализ документов, которые были впервые введены в научный оборот. Он сумел показать сложную картину борьбы, которая шла в советском руководстве с конца 30-х годов вплоть до смерти И.В. Сталина. Хотя вероятно, не все могут полностью согласиться со всеми выводами автора,

нет сомнения в том, что Жуков сумел привести немало свидетельств о наличии сложных и противоречивых процессов, происходивших в советском руководстве.

Начало нового столетия было отмечено появлением ряда книг, в которых впервые в исследовательский оборот вводились новые свидетельства о жизни и деятельности Сталина. Так, А.В. Тимофеев с помощью детей видных советских военачальников восстановил их подлинные мемуары, которые лишь в урезанном виде были опубликованы в советское время (А.Е. Голованов, «Дальняя бомбардировочная...», М, 2005; «Главный маршал авиации Голованов». М., 2001; «Генерал армии Тюленев», М., 2005).

Несмотря на то что многие документы о государственной деятельности Сталина остаются закрытыми, в последние годы были опубликованы многие ранее неизвестные документы. Некоторые из них вышли в сборнике «Запрещенный Сталин», подготовленном Василием Соймой (М., 2005).

В своей статье «Возвращение Сталина», опубликованной в «Правде» от 11–16 июня 2004 года, А.И. Лукьянов рассказал о проделанной им еще в 1962 году работе по изучению вклада Сталина в создание конституции 1936 года. Он сообщал, что в ходе подготовки конституции И.В. Сталин составил более 900 документов. Ряд статей конституции были включены в его редакции. Лукьянов отмечал, что, в отличие от Бухарина, предлагавшего ограничить упоминание о правах советских граждан декларацией, Сталин настоял на разработке отдельных статей о правах на труд, отдых, бесплатное образование и здравоохранение, на социальное обеспечение в старости и на случай болезни. В этой же статье А.И. Лукьянов рассказал об усилиях И.В. Сталина добиться назначения П.К. Пономаренко на пост Председателя Совета Министров СССР вместо себя. В статье говорилось: «Только неожиданная смерть Сталина помешала выполнить его волю».

Газеты «Правда» и «Советская Россия» периодически публиковали материалы о жизни Сталина. Многие авторы этих публикаций стремились раскрыть суть сталинских идей и показать их актуальность для современной жизни. В своей статье «Мы — люди особого склада», опубликованной 11 января 2003 года, главный редактор газеты «Совет-

ская Россия» Валентин Чикин остановился на деятельности Сталина как руководителя Коммунистической партии. Обращая внимание на проблемы, с которыми столкнулся Сталин после смерти Ленина, и используя сталинские слова, Чикин подчеркивал: «Очень хотелось Генсеку, чтобы будущие партийные руководители усвоили самое сущее в *партии ленинизма* — ее органическую цельность. *Это не только* ***сумма*** *партийных организаций, это единая* ***система*** *этих организаций.* Это деятельный организм, чутко реагирующий на все проявления жизни и всегда избирающий точный вектор движения. Чем сильна партия ленинизма? Единством воззрений и действий. Единством цели и воли служить трудовому народу. Единой железной дисциплиной. Доколе все эти факторы слаженно взаимодействуют — мы идем от победы к победе. Если возникают сбои, что-то ржавеет и крошится — ждите поражений. Здоровье партии как живого организма — в зоне риска. Тем более, если ее искусно инфицируют».

Рассказав о разгроме оппозиций, Чикин писал: «Борьба с оппортунизмом изнурительна физически и духовно, болезненна как радикальное очищение, расточительна по времени и энергии, но она необходима для сплочения всех здоровых сил, для прорыва в служении народному делу». В то же время Чикин подчеркивал: «Как мыслитель и практик, высоко ставящий диалектику, Сталин понимал и санитарную роль оппозиции. Вызывало опасения, что с ее разгромом у партии проявятся иные слабости. Не расцветет ли пышным цветом то самое администрирование, которым пугали оппозиционеры? Не превратятся ли живые клетки партийного организма в пустые канцелярские учреждения?.. Не станут ли люди смотреть на вождей снизу вверх, страшась обмолвиться по их адресу словом критики? И не возникнут ли свои «сверхчеловеки», за что мы еще вчера клеймили кичливого Троцкого?.. Он впрямую заговорил об этой своей обеспокоенности в те же 20-е годы, когда руины оппозиции еще не опали. Говорил на съездах партии, на массовых собраниях и конференциях и даже с комсомолом».

Сталин, по словам Чикина, сделал «поворотным моментом всей партийной работы... сосредоточение внимания на жизненных интересах широких масс. Ориентир большой

политики — на рядового труженика. Решительное вовлечение его в жизнеустройство общества, внимание к его оценкам и суждениям, к его «маленькому», но ценному опыту. Все это закладывает основы для развития подлинной демократии. Политиканы навязывают нам ложную альтернативу: либо у нас есть группировки, и тогда есть демократия, либо вы запрещаете группировки, и тогда нет демократии. А мы не так понимаем демократию. Для нас это значит поднять активность, пробудить сознательность партийных масс, вовлечь их не только в обсуждение общезначимых вопросов, но и в управление страной».

Обратил внимание Чикин и на то значение, которое придавал Сталин развитию критики и самокритики. Он приводил слова Сталина: *«Легкая победа над оппозицией есть величайший плюс для нашей партии. Но она таит в себе свои особые минусы, состоящие в том, что партия может проникнуться чувством самодовольства, чувством самовлюбленности и почить на лаврах... Вот почему я думаю, что если критика содержит хотя бы 5—10 процентов правды, то и такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно... История говорит, что самые большие армии гибли оттого, что они зазнавались, слишком много верили в свои силы, слишком мало считались с силой врагов, отдавались спячке, теряли боевую готовность и в критическую минуту оказывались застигнутыми врасплох. Самая большая партия может быть застигнутой врасплох, самая большая партия может погибнуть, если она не учтет уроков истории, если она не будет ковать изо дня в день боевую готовность своего класса. Быть застигнутым врасплох — это опаснейшее дело, товарищи. Быть застигнутым врасплох — это значит стать жертвой «неожиданностей», жертвой паники перед врагом. А паника ведет к распаду, к поражению, к гибели».*

Слова Сталина, приведенные Чикиным, содержали сбывшееся предвидение судьбы, которая была уготована КПСС в конце 80-х — начале 90-х годов. Вместе с тем было очевидно, что редактор «Советской России» расценивал высказывания Сталина как поучительные и для современных коммунистов.

Тема «Наш современник — Сталин» стала главной на заседании «круглого стола», созванного Московским го-

родским комитетом КПРФ. Материалы «стола» были опубликованы в «Правде» за 4—9 марта 2004 года. Открывая заседание, первый секретарь МГК В.Д. Улас ставил вопросы: «Почему вновь пробудился широкий интерес к личности Сталина? Какие выводы из этого надо сделать для нашей партии с учетом того положения, в котором она находится, а также для всей нашей страны, особенно на фоне того, что мы потеряли?» Отвечая на эти вопросы, Улас подчеркивал: «Все основные достижения социализма так или иначе ассоциируются с ним... Нужно использовать этот интерес, чтобы дать переоценку тем историческим искажениям, которые утвердились с легкой руки Хрущева, взглянуть на Сталина и его эпоху диалектически».

О том, что интерес к Сталину раскрывает глубокие противоречия в обществе, подробно говорил С.П. Костриков: «Когда идет молодой человек и на груди у него написано: «Моя Родина — СССР» — это не только вызов нынешним обстоятельствам. Это и историческая память о великой державе, великих завоеваниях в любой сфере — от побед спортивных и т.д. ... А для либералов Сталин — это сплошь мрачные воспоминания. Само упоминание имени Сталина вызывает у них самые жуткие ощущения. Поэтому либералы должны вроде бы его вычеркнуть из истории. Но... все эти «штрафбаты», все эти «московские саги», «арбатские дети», говорухинские фильмы и т.д. — это все равно обращение к Сталину. Это почти детские ощущения, когда так и тянет снова открыть какую-то страшную книжку. Сталин настолько их задевает, что они пытаются таким образом... самоутвердиться. Обращаются к нему снова и снова, лепят из него какого-то урода, сами же этого страшилы пугаются и начинают всех нас им запугивать».

Обратил внимание С. Костриков и на противоречивое отношение властей России к Сталину: «Во властных структурах, в нынешней элите борются, по крайней мере, две тенденции, если не больше, по поводу того, что делать со Сталиным и его наследием. Сталин иногда этой власти нужен, потому что она начинает говорить с точки зрения великодержавности, и тут (никуда не денешься) надо опираться на какую-то историю. А где у нас великодержавность была? Это либо царская Россия, либо великий Советский Союз. Но и ведь сама власть противоречива: с одной стороны, она

рядится в тогу псевдопатриотов, с другой стороны, проводит исключительно либеральные экономические решения, те, что называются реформами, которые полностью ликвидируют все остатки социализма в нашей стране».

О творческом наследии Сталина на примере разработки им марксистской теории по крестьянскому вопросу говорил историк В. А. Сахаров. Об актуальности мыслей Сталина относительно общего кризиса капитализма выступил Ю.Ю. Ермолавичюс. В своем выступлении супруга Сергея Кострикова Елена Гавриловна Кострикова остановилась на теме «Сталин как великий геополитик». Она подчеркнула, что проблемы, которые решал Сталин, «очень созвучны тем, с которыми сейчас сталкивается наша страна в теперешнем урезанном ее виде».

Подводя итоги дискуссии, А.П. Потапов напоминал: «В «перестройке» именно через очернение Сталина начался процесс, который в итоге привел в очернению, а затем уничтожению социализма. Дискредитацию имени Сталина они использовали как архимедов рычаг. И вот сейчас, когда они, казалось бы, достигли того, чего хотели — власть у буржуазии, сросшейся с криминалом и с чиновничеством, парламент послушно голосует за все, что ему скажут, и т.п., — тем не менее борьба со Сталиным и социализмом продолжается... Мы со своей стороны должны активнее нести людям правду о Сталине и о его эпохе. Надо находить возможность доводить эту правду до общества. Иначе нашу правду власть окончательно закроет своей неправдой».

Выступления на этом «круглом столе» были записаны и подготовлены к печати В.С. Кожемяко, который продолжал проводить беседы с живыми свидетелями сталинского времени. Эти беседы публиковались на страницах «Правды» и «Советской России». Многие из них были собраны в опубликованном в 2007 году сборнике «Лица века».

Существенным вкладом в изучение жизни Сталина стала книга «Беседы о Сталине» (М., 2006), представляющая собой собрание уникальных свидетельств приемного сына Сталина — Артема Сергеева, которые он поведал в беседах с журналисткой Екатериной Глушик. В своих воспоминаниях А. Сергеев рассказал о дружбе Сталина с Кировым, о Сталине как отце, его детях. Углубила исследование темы «Сталин и его семья» документально обоснованная книга

О.С. Смыслова «Василий Сталин. Заложник имени» (М., 2003).

К сожалению, стремясь расширить источниковедческую базу, ряд авторов оказались жертвами недобросовестных людей, фабрикующих документы. Так благодаря доверчивости ряда авторов были широко растиражированы фальшивки о мнимых соглашениях между советскими и гитлеровскими государственными учреждениями, вымышленные отчеты о национальном составе репрессированных в 30-х годах и подобные сочинения. Использование таких «документов» лишь дискредитирует стремление очистить сталинское время и Сталина от многолетних наслоений лжи. Подрывает авторитет публикаций и небрежность в датах, цифрах, именах, что зачастую вызвано спешкой при подготовке книг к печати. (К сожалению, автор должен признать и свою вину за ряд досадных опечаток в первых изданиях дилогии о Сталине.)

Поразительным образом авторы, которые нашли убедительные аргументы, разоблачающие указанные выше фальшивки, нередко сами стали жертвами фальшивок. Некоторые из них слепо повторяют версию о том, что Маркс и Энгельс являлись агентами международных финансовых кругов. Впервые эта версия была изложена в материале «Красная симфония», грубо сфабрикованном в кругах белой эмиграции. Повторяют они и известную фальшивку о шпионаже Ленина в пользу Германии. Оправдывая свою позицию, они заявляют о необходимости «отсечь Сталина от Ленина, Маркса, Энгельса». Однако подобная позиция свидетельствует лишь о том, что, несмотря на положительное отношение к Сталину, они плохо разбирались в его идейно-политических взглядах и фактически встали на путь еще худшей фальсификации, чем та, которую они увидели в работах других авторов.

Несмотря на указанные разногласия в позициях авторов указанных выше книг и статей, всех их объединяло стремление серьезно разобраться в оценке Сталина. В то же время эти разногласия позволяли увидеть, насколько не прост предмет их исследования. Взгляд на Сталина только с одной точки зрения, даже не связанный с предвзятым отношением к нему, не позволял увидеть всех граней его деятельности, оценить достаточно полно его личность.

Поскольку в данной главе невозможно проанализировать все работы, опубликованные даже в нашей стране с начала нового века о Сталине, автору пришлось ограничиться лишь некоторыми из них. И все же можно сказать, что большинство новых исследований о Сталине и его времени опровергли многие клеветнические сочинения интеллектуальных и моральных пигмеев, позволили по-новому осмыслить сталинскую эпоху. Многочисленные авторы, придерживающиеся разных идейно-политических взглядов, в ряде фундаментальных работ реально описали противоречивые события тех лет, не скрывая ни их трагизма, ни их героического величия. Каждая новая работа о Сталине, содержавшая неизвестные прежде документы или оригинальные оценки его деятельности, становилась новой ступенью в исследовании этой великой личности и свидетельствовала об углублении понимания советской истории.

Не скрывая ответственности Сталина за просчеты, ошибки и его роль в нарушениях законности, авторы этих работ нашли новые убедительные свидетельства правоты сталинской политики, мудрости Сталина. Из их работ становится ясно, что русский народ, все советские люди, доверившие Сталину руководство страной, не были стадом забитых рабов, как об этом твердят интеллектуальные и моральные пигмеи, а проявили, по словам Сталина, «ясный ум, стойкий характер и терпение».

Появление целого ряда новых исследований, введение в оборот новой информации о Сталине и его времени существенно обогатило тех, кому не безразлична история нашей страны. Углубленный подход к исследованию Сталина, характерный для большинства книг XXI века, контрастировал с легковесным, истеричным стилем антисталинских публикаций и их убогим содержанием, которое по своей сути мало изменилось за последние полвека. В то время как Волкогонов и другие спешили вынести свой «окончательный приговор» на основе своих лжесвидетельств, добросовестные сталиноведы отдают себе отчет в том, что последнее слово о Сталине еще не сказано и предстоит еще немало сделать для того, чтобы дать ответ на многие вопросы о его жизни и деятельности.

(Вместо заключения)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБРЕЧЕННОСТЬ АНТИСТАЛИНИЗМА.

Хотя очевидно, что историю страны творят не герои, а весь народ, нет сомнения в том, что состояние общества в значительной степени определяется отношением народа к тем, кто возглавлял его в трудные годы испытаний. Те руководители, чьи имена неразрывно связаны с борьбой за независимость своей родины, вдохновляют народ на новые подвиги и победы. В то же время те руководители, кто потерпел поражение, могут вызывать чувство жалости, но, как бы ни была трагична их судьба, они не должны становиться примерами того, как надо руководить страной. В этом случае страна обречена повторить поражения, которые были совершены при активном участии таких неудачных руководителей.

Франция до сих пор вдохновляется образом спасительницы Отечества Жанны д'Арк, а ее гимном является песня французских революционеров, защитивших родину от нашествия ведущих стран Европы. Вряд ли Франция осталась бы в ряду великих держав мира, если бы французы избрали в качестве идеала несчастного Людовика XVI и его семью. Отвергли они и знамя Бурбонов, как символ навязанной им извне реставрации.

Центр столицы Великобритании украшен памятником великому победителю адмиралу Нельсону, а не изображением несчастного Карла I. Вряд ли Британская империя долго просуществовала, если бы англичане выше всех почитали казненного короля, разбитого солдатами Кромвеля.

Превыше всего в США чтят президентов-победителей Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона и Авраама Линкольна, но не президента Южной конфедерации Джефферсона Дэвиса и ее генералов. Что бы ни писали о «благородстве» южан, они потерпели поражение. Вряд ли США стали великой державой, если бы там прославляли Дэвиса, генерала Ли и других.

Прекрасно зная об ошибках Мао Цзэдуна, китайцы чтят память Великого Кормчего и хранят в мавзолее его забальзамированное тело. Вряд ли Китай достиг нынешних успе-

хов, если бы в 1987 году восторжествовали диссиденты Китая, пытавшиеся сжечь портрет Мао на главной площади страны.

Хотя Сталин считал полезным судить строго победителей, чтобы они не зазнавались, он прекрасно понимал, какое значение имеет память о великих руководителях для патриотического настроя в обществе. Не случайно в трудные ноябрьские дни 1941 года Сталин в своих выступлениях перечислял имена тех, кто олицетворял величие нашей Родины. Имя самого Сталина вдохновляло бойцов фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны и вело к Победе. Нет сомнения в том, что если бы наша страна избрала в качестве идеалов Ельцина, Горбачева, Хрущева, Троцкого, Бухарина, Керенского или Николая II, она была бы обречена потерпеть те же поражения, которые были характерны для этих правителей.

История нашей страны свидетельствует о том, что огульное охаивание Сталина и его деятельности всякий раз вело нашу страну по неверному пути. Это проявилось в деятельности антисталиниста Троцкого, который предлагал нашей стране заведомо порочную, авантюристическую альтернативу. Развязывание антисталинской кампании Хрущевым не случайно совпало с разрушительными тенденциями в развитии нашей страны, кризисными явлениями в экономике, обострением внутриполитической борьбы, рискованными международными авантюрами. Вряд ли можно признать случайным то, что развал нашей страны начался под аккомпанемент антисталинской кампании, развязанной Горбачевым и Яковлевым и продолженной Ельциным. Напротив, всякий раз ослабление антисталинских настроений свидетельствовало о росте позитивных тенденций в нашем обществе.

Это нельзя объяснить случайностью или мистикой. Подчинение догмам антисталинизма — это свидетельство нездорового состояния общественного сознания. Вера взрослых людей в сказку про тирана, приносившего лишь зло многим миллионам людей в течение 30 лет, отражает деградацию представлений о сложностях общественного развития и упадок исторических знаний. Готовность поверить в антисталинские байки отражает неспособность разбираться во внутренних противоречиях общества и учиты-

вать противоречивость человеческой личности. Желание придерживаться раз и навсегда принятых антисталинских установок свидетельствует об умственной лени, нетребовательности к себе, несамостоятельности мышления и самомнении. Воздействие антисталинских установок усиливается по мере роста обывательского эгоцентризма, убежденности в своей исключительности и своей всегдашней правоте, по мере отторжения общественных ценностей и общественной морали, по мере нежелания изучать подлинную историю.

Антисталинизм в нашей стране торжествовал всякий раз по мере распространения лживой веры в возможность легкого достижения счастливой жизни. Когда значительная часть советских людей верила в байки Хрущева про Сталина, она так же легкомысленно принимала его программу обгона США по производству мяса и молока за 2—3 года и построения материально-технической базы коммунизма за 20 лет. Когда многие советские люди приняли за чистую монету фантазии Рыбакова, они были готовы слепо верить Горбачеву, обещавшему им златые горы в ближайшие 2—3 года. Когда многие советские люди стали зачитываться антисталинскими сочинениями из сборника «Иного не дано», они поверили в необходимость отвергнуть все, что они имели в советское время, в надежде получить чудесную жизнь за 500 дней или даже немедленно, купив акции МММ. Суровая история героического и трагичного создания великой державы отвергалась и распространялась слепая вера в возможность найти быстрый и облегченный путь к счастливой доле.

Антисталинизм торжествовал в нашей стране всякий раз, когда значительная часть населения избирала в качестве своих поводырей негодных руководителей. Так было в период хрущевской «оттепели», которая чуть не обернулась неконтролируемым «половодьем». Так было в ходе горбачевско-яковлевской перестройки. Ущербность или злокозненность идейных вождей антисталинизма наносили непоправимый вред общественному сознанию людей, заводили их в пропасть.

Еще в 1993 году, заклеймив невежество и духовное убожество создателей телефильмов о Сталине, выпущенных в 90-х годах («Сталин», «Ближний круг», «Монстр», «Валта-

саровы пиры»), Владимир Бушин в своем очерке «Кадры решают все» сравнил интеллектуальный и духовный уровень хулителей Сталина, выступивших в этих фильмах, и тех выдающихся деятелей мировой культуры, которые высоко оценивали достижения СССР и деятельность самого Сталина. Бушин писал: «Читатель, постройте мысленно две шеренги. В одной — Р. Роллан, А. Барбюс, Г. Уэллс, Б. Шоу, Л. Фейхтвангер, Т. Драйзер, Ш. О'Кейси, Р. Тагор, П. Неруда, Х. Лакснесс, Б. Рассел, Э. Хемингуэй. Вот это кадры!... А против них — А. Ананьев, А. Борщаговский, Д. Волкогонов, Е. Габрилович, А. Жигулин, Ю. Карякин, А. Новогрудский, Л. Разгон, Т. Гладков, Ю. Чередниченко... Вот такое противостояние. Его осмысление поможет нам оценить фильм «Монстр» с достаточной основательностью».

Создается впечатление, что свою малозначительность антисталинисты, перечисленные Бушиным, старались компенсировать атакой на Сталина. Все они, подобно Волкогонову, торжественно изрекали «вердикты истории» и возвеличивали себя, стараясь низвергнуть Сталина. Однако их оценки Сталина были не оригинальны, а представляли собой развитие давнишних нападок Троцкого и положений доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС, пошлейших баек либеральной интеллигенции, сочиненных еще в 60-х годах, и оценок западных советологов, обусловленных конъюнктурой «холодной войны». Изображая из себя грозных и мужественных обличителей, упомянутые антисталинисты атаковали Сталина в то время, когда подобные высказывания стали нормой, одобряемой верхами страны. Клеймя события ушедшей истории, они лицемерно скрывали пороки современного общества, которые развились и сохранялись, в том числе благодаря их усилиям по осквернению советского прошлого.

Разительное отличие между представителями «двух шеренг» в их значимости для мировой культуры проявилось и в характере их оценок Сталина. Антисталинские литераторы, упомянутые Бушиным, полностью отрицали позитивный вклад Сталина в развитие родной страны, спасение ее и всего мира от угрозы порабощения и уничтожения. Сконцентрировав внимание лишь на тяжелых страницах советской истории, они старались возложить ответственность за беды советских людей (а также народов других стран) ис-

ключительно на Сталина. Они изображали Сталина примитивным существом, способным лишь на грубые ошибки, мстительные поступки и жестокие преступления. Они утверждали, что Сталин действовал исключительно в личных, корыстных интересах и обожал приносить вред другим людям.

В своих оценках они не пытались глубоко оценивать историческую эпоху, в которой жил и работал Сталин, или сопоставлять его с другими видными государственными деятелями того времени. Кажется, им было недоступно прибегать к таким сравнениям и мыслить такими категориями. Их оценки были лишены исторической и психологической глубины. Они были однообразно злыми, одинаково упрощенными и нередко сводились к грубой брани. Это не удивительно. Антисталинизм — это не глубокая критика Сталина и его деятельности, а огульная и шаблонная клевета на него. Между тем именно эти лица и их единомышленники формировали значительную часть общественного мнения нашей страны в конце 80-х — начале 90-х годов.

В отличие от перечисленных Бушиным антисталинистов, названные им выдающиеся писатели и мыслители XX века не ограничились высказыванием своей положительной оценки Сталина, а давали ему глубокие характеристики, порой изложенные в крупных литературных произведениях. Их работы отличались эмоциональной окраской — от восторженной книги Барбюса до холодно-рассудительного очерка Чарльза Сноу. Но все их высказывания объединяли глубина и широта мышления, характерные для этих выдающихся писателей и мыслителей XX века. Поэтому многие их оценки оправдались дальнейшим ходом исторических событий.

Еще до начала Второй мировой войны широкую известность получила книга знаменитого французского писателя Анри Барбюса о Сталине. В ней он писал: «История его жизни — это непрерывный ряд побед, непрерывный ряд чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили навсегда. Это — железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила — это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя со-

бранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей».

«Если Сталин верит в массы, то и массы верят в него. В новой России — подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии и берет свои истоки в низах. Человек, чей профиль изображен на красных плакатах — рядом с Карлом Марксом и Лениным, — это человек, который заботится обо всем и обо всех, который создал то, что есть, и создаст то, что будет. Он спас. Он спасает... Человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата. Сталин есть центр, сердце всего того, что лучами расходится от Москвы по всему миру».

Эти слова писал человек, который не дожил до Второй мировой войны. Однако, будучи выдающимся мыслителем, Барбюс твердо верил в торжество Советского Союза под руководством Сталина. Он обращал внимание на те качества Сталина, которые ставили его выше вождей мирового фашизма, выше политических деятелей дооктябрьской России и ряда других стран мира. А. Барбюс писал о Сталине: «Он никогда не стремился превратить трибуну в пьедестал, не стремился стать «громовой глоткой» на манер Муссолини или Гитлера, или вести адвокатскую игру по типу Керенского, так хорошо умевшего действовать на хрусталики, барабанные перепонки и слезные железы слушателей; ему чуждо гипнотизирующее завывание Ганди».

Рассматривая Сталина в контексте внутриполитической борьбы в СССР, знаменитый немецкий писатель XX века Лион Фейхтвангер выделял те его качества, которые обеспечили ему победу над Троцким: «Едва ли можно представить себе более резкие противоположности, чем красноречивый Троцкий с быстрыми, внезапными идеями, с одной стороны, и простой, всегда скрытный, серьезный Сталин, медленно и упорно работающий над своими идеями, — с другой... У Льва Троцкого, писателя, — молниеносные, часто неверные внезапные идеи; у Сталина — медленные, тщательно продуманные, до основания верные мысли. Троцкий — ослепительное единичное явление. Сталин — поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов. Троцкий — быстро гаснущая ра-

кета, Сталин — огонь, долго пылающий и согревающий... Сталин... близко знает нужды своих крестьян и рабочих, он сам принадлежит к ним, и он никогда не был вынужден, как Троцкий, искать дорогу к ним, находясь на чужом участке... Сталин видит перед собой грандиознейшую задачу, которая требует отдачи всех сил даже исключительно сильного человека...»

По мнению английского писателя Чарльза П. Сноу (он не был упомянут В.С. Бушиным), Сталин заметно выигрывал и при сравнении его с ведущими государственными деятелями Великобритании и США XX века: «Одно из множеств любопытных обстоятельств, имеющих отношение к Сталину: он был куда более образован в литературном смысле, чем любой из современных ему государственных деятелей. В сравнении с ним Ллойд Джордж и Черчилль — на диво плохо начитанные люди. Как впрочем, и Рузвельт. Черчилль в унынии старости впервые в жизни раскрыл книги Джейн Остин и Троллопа. Сталин же... изучал классическую литературу еще школьником... Насколько можно судить, личные вкусы Сталина были основательны и серьезны... Театральные вкусы Сталина были еще основательнее».

Хотя Сноу не встречался со Сталиным (о чем он весьма сожалел), мнение этого писателя особенно интересно, потому что он продолжил характерный для Антони Троллопа и ряда других английских писателей анализ межличностных конфликтов, неизбежно возникающих в любом коллективе. Но, если Троллоп и другие описывали эти конфликты, как правило, языком сатиры, Сноу в своих романах о мире науки беспристрастно излагал ход острой внутрицеховой борьбы, которая зачастую сопровождает жизнь ученых мужей. Он детально рассказал о заговорах и контрзаговорах, которые плетут сторонники различных научных школ, о соперничестве за посты, позволяющие им открыть путь для развития того или иного направления науки. В этой борьбе нередко прибегают к жестким, а порой и безжалостным способам. Личный опыт, осмысленный Сноу в его литературных произведениях, позволил ему лучше понять особенности политической борьбы, в которой участвовал Сталин, и избежать плоского и истеричного морализатор-

ства, в которое часто погружались лицемерные антисталинисты.

Сноу писал: «Сталина и других не понять, если думать, что они стремились к власти ради нее самой... Сталин, совершенно очевидно, верил: обладая властью, он в силах спасти страну и спасти революцию... Внешне борьба носила личностный характер, ибо велась и протекала в узком кругу, но борьба эта не сводилась всего лишь к захвату и удержанию постов и должностей. Придавая битве за власть слишком много черт личностных, мы искажаем ее облик».

Характеризуя государственную деятельность Сталина скупо и без прикрас, Сноу писал: «К 1934 году он преуспел в том, чтобы, нет, не сделать Советский Союз сильным, но — вывести его на путь обретения силы...Он был разумен, но обезличенно беспощаден, убежден, что его режим (и, разумеется, его личное положение) должны оставаться неприкосновенными. Сталин знал об опасностях автократического правления, в заговорах разбирался как никто: извне ему грозила отнюдь не вероятная, а весьма определенная перспектива неизбежной войны, заговоры были вероятны — в партии, в армии. За тридцать лет до того, он возглавлял тайные революционные организации, секретнейшие из секретных, и знал: единственный противовес тайным организациям — тайная полиция. Сталин был готов использовать ее и использовал тайную полицию как никто прежде ее не использовал. Ему нужно было уничтожить, и он уничтожил самое возможность альтернативного правительства: не только оппозицию, но и тень оппозиции в самых отдаленных закоулках, откуда могла бы выйти другая администрация. С помощью таких мер он, режим, страна выстояли в войне. После войны времени на передышку не было вовсе. Ему приходилось приглядывать за Америкой, вооруженной атомными бомбами... От деревянных сох к атомным реакторам».

В последних словах Сноу перефразирует широко известное в Англии и приведенное выше в данной книге изречение Уинстона Черчилля. Эти слова известны, кажется, всем, кроме заместителя директора Института российской истории РАН Владимира Лаврова и старшего научного сотрудника Института российской истории РАН Игоря Кур-

ляндского, утверждавших, что высказывание Черчилля сочинено.

Хотя Лавров и Курляндский настаивают на том, чтобы в методическое пособие для нынешних учителей были обязательно включены грубые выпады в адрес Сталина Шаламова, Владимова и Копелева, может быть, им стоило ознакомиться с глубокими мыслями Сноу о Сталине. Может быть, и ученикам школ профессионального обучения, которые должны заучить десяток признаков «советского тоталитаризма» и повторять о «бесправии» советских людей, было бы интересно ознакомиться с тем, что на этот счет говорил классик мировой литературы Теодор Драйзер. В 1944 году он писал: «Ленин и Сталин установили новые понятия социальной справедливости, и не только социальной справедливости, но свободы, включающей в себя образование, средства существования, право каждой личности жить в мире и развиваться». Может, это позволит учителям и ученикам задуматься о том, что в мире существовали иные оценки Сталина, кроме тех, которые ныне предлагают в российских учебниках и методических пособиях, одобренных Лавровым, Курляндским и другими.

Небесполезно было бы российским учителям и ученикам познакомиться и с высказыванием великого чилийского поэта Пабло Неруды в его мемуарах: «Вот моя позиция: темные стороны периода культа личности, о которых я не знал долгие годы, не могли вытеснить из моей памяти образ Сталина, который сложился у меня с самого начала, — образ строгого к себе, как анахорет, человека, титанического защитника русской революции. Помимо всего, война возвеличила этого невысокого человека с большими усами; с его именем бойцы Красной Армии шли на штурм гитлеровской крепости и не оставили от нее камня на камне».

Ту же закономерность, которую обнаружил В.С. Бушин при сравнении двух групп литераторов, можно увидеть, если расширить границы его «шеренг». Как известно, при жизни Сталина никто не проводил социологических опросов, в которых выяснялось бы отношение к нему. Однако огромное количество опубликованных высказываний о Сталине различных людей, которые встречались с ним по работе, а также выдающихся деятелей мирового сообщества, которые могли дать верную оценку его государственной

деятельности, позволяет говорить, что подобие такого опроса состоялось. В этом своеобразном опросе приняли участие не только зарубежные писатели, но и выдающиеся государственные деятели тех лет, полководцы Красной Армии и вооруженных сил союзников в годы Второй мировой войны, видные организаторы производства, выдающиеся ученые, советские писатели, композиторы, кинематографисты, журналисты, артисты, дипломаты разных стран, высшие церковные иерархи, специалисты различных отраслей науки и техники, рядовые служащие, рабочие, солдаты.

В ходе этого «опроса» подавляющее большинство его участников дало высокую или высочайшую оценку Сталину и его деятельности. Зачастую они высоко оценивали вклад Сталина в ту область человеческой деятельности, с которой они были хорошо знакомы в профессиональном отношении. Авиаторы и авиаконструкторы восхищались его познаниями в самолетах и самолетостроении. Такой же высокий уровень владения профессиональными знаниями проявлял Сталин в других областях современного вооружения по свидетельству многих специалистов. Кинематографисты отмечали его высокий уровень понимания специфики кинематографии. Музыканты признавали, что он прекрасно разбирался в музыкальных произведениях и исполнительском искусстве. Дипломаты разных стран считали его непревзойденным мастером международных переговоров. Даже те государственные руководители, которые были враждебны целям Сталина (такие, как У. Черчилль), высоко оценивали его как своего коллегу, восхищаясь тем, как он в течение почти тридцати лет возглавлял СССР в столь трудный исторический период, и высоко оценивали достижения СССР под его руководством.

Но помимо упомянутых Бушиным литераторов, в мире имеется немало и других лиц, которые в разное время дали исключительно низкую оценку Сталину и его деятельности. Среди них преобладают люди, которые никогда не были лично знакомы со Сталиным, такие как А. Солженицын, А. Рыбаков, Э. Радзинский, Б. Илизаров и другие. (Незнакомство со Сталиным не мешало им пытаться анализировать ход его мыслей и даже сочинять его «внутренние монологи».) Те же люди, которые знали Сталина лично и под-

вергли его поношению, как правило, вошли в историю сокрушительными поражениями в своей политической деятельности (например, Л.Д. Троцкий, Н.С. Хрущев, Милован Джилас). Среди политических банкротов, которые атаковали Сталина, были и те, которые к тому же никогда не были знакомы лично со Сталиным (например, М.С. Горбачев, А.Н. Яковлев, А.С. Черняев и другие). Наконец, среди антисталинистов значительную часть составляют политические перевертыши, которым ничего не стоило радикально менять свои взгляды в угоду политической конъюнктуре и ради личной выгоды. Неудивительно, что в их оценках преобладают демагогическая ложь, злобная зависть неудачников и убогое, наспех сочиненное вранье хронических конъюнктурщиков.

Представим обратное: все крупные государственные деятели XX века, все советские военачальники, организаторы производства, советские и иностранные деятели науки и культуры, инженеры, техники и рабочие, лично знакомые со Сталиным и его деятельностью, единодушно осуждали бы и всячески поносили бы его. А в защиту его выступили бы такие историки, как Волкогонов, Лавров, Илизаров и Латышев, такие экономисты, как Гавриил Попов и Егор Гайдар, такие писатели, как Радзинский и Рыбаков, такие политические деятели, как Горбачев, Яковлев и Черняев. Возможно, в этом случае всем мыслящим людям пришлось бы усомниться в заслугах Сталина.

И все же социологам удалось выяснить, как на самом деле оценивали Сталина те, кто жил вместе с ним, трудился и сражался на полях войны, кто воплощал в жизнь его замыслы. Они смогли провести посмертный опрос тех, кто, по словам Неруды, «шли на штурм гитлеровской крепости». В опубликованном Московским государственным университетом в 2005 году исследовании «Социология Великой Победы» имеется глава «Жизненные ценности военнослужащих периода Великой Отечественной войны». Она написана Н.В. Момотовой и В.Н. Петровым на основе контент-анализа писем фронтовиков, направленных ими домой в годы войны.

В разделе главы «Отношение к личности И.В. Сталина» авторы пишут: «Среди бойцов особенно высок был авторитет И.В. Сталина, принявшего в августе 1941 г. обязанно-

сти Верховного Главнокомандующего. И.В. Сталину армия и народ верили и надеялись на него. Это нашло отражение в письмах фронтовиков, где они пишут о Сталине как великом вожде и учителе советского народа». «Эти действия уже сейчас показывают всему миру, как наша Красная Армия и весь советский народ умеют выполнять указания нашего любимого учителя — Иосифа Виссарионовича». Лозунг «За Родину! За Сталина!» вдохновлял бойцов, призывал их на подвиги. В письме Леонида Степановича Немудрого жене и детям мы находим строки: «А если я отдам жизнь, то за Вас, за Родину, за Сталина». Готовность к самопожертвованию во имя счастья родной семьи автора изначальна, как и свобода и независимость Родины. И в то же время нельзя не отметить, что имя Сталина, его авторитет, уважение к нему для автора одна из высших ценностей».

В разделе «Жизнь автора письма как ценность» говорилось, что «осознавая жизнь как высшую ценность, авторы... откровенно признали, что могут пожертвовать собственной жизнью во имя ценностей, признанных таким образом этими авторами важными и значимыми: «За Родину, за Сталина».

Социологам удалось запечатлеть чувства героев Советской страны, таких как Зоя Космодемьянская, молодогвардейцы, миллионы советских воинов, которые шли на смерть с именем Сталина на устах. Нет сомнения в том, что мнение героев Великой Отечественной войны, устранивших ценой своих жизней угрозу порабощения человечества и уничтожения многих народов мира, неизмеримо значительнее для оценки Сталина, чем мнение некоторых современных пользователей Интернета, знающих о Сталине по внедренным в их сознание лживым версиям и вздорным семейным байкам. Нет сомнения в том, что люди, отдавшие предпочтение Сталину в трудные годы испытаний, сумели добиться грандиозных побед в труде и боях, сделать нашу страну великой супердержавой. Нет сомнения и в том, что, став страной победившего антисталинизма, Россия под руководством пигмеев интеллекта и морали была на долгие годы отброшена назад в своем развитии и могла гордиться лишь прогрессом в распространении мобильных телефонов за последние 15 лет.

Катастрофа, в которую наша страна была ввергнута под

знаменем антисталинизма, была предопределена его содержанием. Рожденный ненавистью к великому руководителю Советской страны, антисталинизм изначально представлял собой собрание демагогических и лживых версий политиканов, пытавшихся бросить вызов Сталину при жизни или после его смерти. Это скопление клеветнических утверждений с каждым годом обрастало, как снежный ком, клеветническими измышлениями, сочинявшимися всеми, кто спешил присоединиться к походу против давно умершего генералиссимуса. Результатом стало появление лжи, подобной той, о которой в романе А. Конан Дойла «Долина страха» Шерлок Холмс говорил: «Ложь, Ватсон, — огромная, большая, грохочущая, навязчивая, бескомпромиссная ложь встречает нас с самого порога!»

Обращая внимание лишь на тяжелые стороны сталинского времени, вопиющим образом искажая статистические данные о смертности в СССР, числе арестованных и казненных в 30-х — начале 50-х годов, кощунственно жонглируя сведениями о жертвах фашистских захватчиков, выхватывая из контекста отдельные фразы и сочиняя слова, якобы сказанные Сталиным, обращая внимание на его отдельные поступки, скрывая другие и придумывая третьи, антисталинисты создали многочисленные мифы о Сталине, не имеющие ничего общего с правдой истории. (Арсен Мартиросян насчитал 200 таких мифов, но, наверное, их еще больше.) В то же время лживость этих мифов такова, что они не выдерживают столкновения с объективными историческими фактами. Подлинная история убивает антисталинизм, поэтому антисталинизм разрушает историческую науку, стремясь ее уничтожить. Не случайно, торжество антисталинизма сопровождалось расцветом в нашей стране шарлатанских антиисторических сочинений и вопиющим упадком исторических знаний среди населения. Антисталинизм — это одно из проявлений антиисторизма.

Распространение антисталинизма сопровождается отторжением опыта отечественной истории и даже географии нашей страны. Антисталинизм паразитирует и на незнании зарубежной истории и жизни других стран. Антисталинизм становится все более влиятельным, если люди начинают верить в сказки про вечно беззаботную и счастливую историю зарубежных стран и проклинать несчастную долю

своего отечества. Антисталинизм разрушает духовный потенциал страны. Удивительно ли, что антисталинизм получает активную поддержку из-за рубежа?

Зарубежный антисталинизм вырос на почве многовековой ненависти к России. Клевета на Сталина и сталинское время, пронизывающая принятую ассамблеей ПАСЕ резолюцию по запрету коммунистической идеологии от 25 января 2006 года, продолжает традицию русофобии. Эту же традицию продолжают заокеанские антисталинисты. Антисталинской клеветой была пропитана церемония открытия памятника «жертвам коммунизма» в Вашингтоне президентом США. Буш и его команда, залившие кровью Ирак и Афганистан, выступают с лицемерным осуждением «сталинских преступлений». Вслед за своими покровителями спешат отметиться руководители стран Прибалтики и ряда бывших социалистических стран Европы, которые объявили коммунистическую символику, а также изображения Ленина и Сталина вне закона. О том, что врагами Сталина являются все те же, кто шел порабощать и уничтожать советских людей, свидетельствуют постоянные шествия бывших эсэсовцев в Прибалтике, открытие им памятников, прославление сотрудничавших с гитлеровскими оккупантами бандеровцев на Украине. Под лозунгами осуждения «голодомора», «депортаций», «пакта Молотова — Риббентропа» они требуют немыслимых компенсаций с России. Как и прежде, антисталинизм остается знаменем похода против России.

Солидарность с антисталинскими диверсиями Запада, с фашиствующими режимами, клевещущими на Сталина и сталинское время, проявляют новые смердяковы в нашей стране. О том, что таких смердяковых немало, свидетельствуют данные опросов общественного мнения и те блицопросы, которые происходят порой в ходе телепередач. Когда скандально известная Валерия Новодворская требовала в передаче «К барьеру!», чтобы народы нашей страны извинились перед народами Прибалтики за «преступления», то до одной трети телезрителей поспешили с ней согласиться. Антисталинизм — это одно из проявлений антипатриотизма.

История последних лет показала банкротство антисталинизма в нашей стране. По мере того как рассеялись миражи, порожденные теми, кто утверждал, что «иное не дано»,

кроме антисталинизма, многие люди стали пробуждаться от дурмана. Многие стали осознавать, что на «поле чудес», обильно политом антисталинским ядом, не вырастут деревья, покрытые золотыми монетами, что дяди из-за океана, звавшие к освобождению от последствий «сталинской тирании», вовсе не добрые, что за разрушение державы, создававшейся под руководством Сталина, приходится платить тяжелую цену. Многие стали понимать, что при всех сложностях, противоречиях и трагизме сталинской эпохи она была, прежде всего, временем великих подвигов и великого созидания. Они начали приходить к выводу, что под знаменем антисталинизма происходит разрушение и порабощение нашей страны, уничтожение ее великой культуры и истории.

Совершенно очевидно, что аргументы, к которым прибегали интеллектуальные пигмеи, пытавшиеся осудить Сталина, обанкротились. Сама жизнь разоблачила несостоятельность клеветы на Сталина и рассеяла миражи антисталинских альтернатив. Однако разоблачение лживых версий не заставило многих антисталинистов отречься от своих взглядов. Судя по их поведению, они не испытывают чувства вины за то, что обманули миллионы людей, призывая их покончить с «наследием Сталина» и разрушить великую страну. С характерным для них сочетанием наглости и тупости они продолжают твердить давно разоблаченные фальшивки, скрывая вклад Сталина в преобразование нашей страны и Великую Победу, утверждая, что Сталин не сумел создать развитую экономику, а Победа была одержана «вопреки ему». Они отмахиваются от новых исследований и, пользуясь своей монополией в средствах массовой информации и системе образования, замалчивают их.

Антисталинисты пользуются склонностью людей довольствоваться некогда сложившимися суждениями для объяснения прошлого нашей страны. Они эксплуатируют провалы памяти, а также умственную лень, усиленную самоуверенностью в своих познаниях (нередко несовершенных, а то и глубоко ошибочных). Антисталинисты опираются на нежелание многих людей серьезно задуматься о роли государства, об отечественной истории, об ответственности каждого за судьбу страны, противопоставляя этим предметам лишь проблемы своего личного бытия. Они па-

разитируют на давних обидах, зачастую высказанных не по адресу. Антисталинизм — проявление ограниченности и неподвижности мысли, враг интеллектуального прогресса нашей страны.

Очевидно, что катастрофа 90-х годов пробудила часть населения страны от власти химер антисталинизма. Но неужели нужны новые катастрофы, чтобы подавляющее большинство населения страны осознало, что антисталинизм является орудием его духовного порабощения?

Судьба нашей страны зависит не от интенсивной эксплуатации богатств земель российских, собранных и защищенных нашими предками. Надеяться на вечное использование запасов нефти и газа не приходится. Россия может двинуться вперед только за счет интеллектуального прогресса. Однако такой прогресс возможен не только за счет развития научно-технических знаний. Глубокие научные открытия и их освоение под силу лишь тем, кто научился овладевать культурно-историческим богатством своей страны, кто освободил свой ум от власти примитивной лжи, кто сознает свою ответственность перед Родиной. Поскольку антисталинизм — это разновидность лжеистории и антипатриотизма, освобождение от его власти становится важнейшим условием развития общественного сознания.

Освобождение от пут антисталинизма не означает забвения тяжелых страниц советского прошлого, в том числе и сталинского. Поверхностному антисталинизму следует противопоставить углубленное изучение отечественной истории со всеми ее противоречиями и сложностями. Дело вовсе не в том, чтобы быстренько изменить оценку Сталина с «минуса» на «плюс». Подобные скоропалительные и поверхностные перемены не ведут к пониманию истории нашей страны и ее руководителей.

Изучая сталинскую эпоху, следует глубоко задуматься о всей истории нашей страны, сочетании в ней величия и трагизма, о роли государства и государственных деятелей, их зависимости от неумолимых факторов общественного развития. Для этого необходимо отказаться от механистических представлений и попытаться мыслить диалектически. Для этого надо отрешиться от обывательской уверенности в своей способности выносить упрощенные суждения и от обывательской привычки послушно повторять готовые

формулировки, высказанные самозваными гуру в компании знакомых или с телеэкрана. Поэтому преодоление наследия антисталинизма представляется непременным условием для движения нашей страны вперед.

Известны слова Сталина, которые затем воспроизводили В.М. Молотов и А.Е. Голованов: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет ее!» Поскольку товарищ Сталин, как правило, делал верные прогнозы на далекую перспективу, ясно, что «ветру истории» еще предстоит немало потрудиться, чтобы развеять тот мусор, который продолжают нести на могилу Сталина враги нашего народа.

Перечень основных использованных материалов

Аллилуев В. Хроника одной семьи. Аллилуевы — Сталин. М., 1995.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. М., 1990.

Андреева Н. Неподаренные принципы. Саранск, 1993.

Антонов-Овсеенко А. Театр Иосифа Сталина. М., 2000.

Баграмян Х.С. Так начиналась война. М., 1977.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 2002.

Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М., 1998.

Баландин Р.К. Маленков. Третий вождь Страны Советов. М., 2007.

Баландин Р., Миронов С. «Клубок» вокруг Сталина. М., 2007.

Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. М., 2003.

Белади Ласло, Краус Тамаш. Сталин. М., 1990.

Бережков В. Рядом со Сталиным. Москва, 1998.

Бережков В. Тегеран. 1943. Москва, 1968.

Берия С. Мой отец — Лаврентий Берия. М., 1994.

Борев Ю. Сталиниада..М., 1990.

Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1958.

Бурлацкий Ф.М. Никита Хрущев. М., 2003.

Бушин В. За Родину! За Сталина! М., 2003.

Бушин В. Победители и лжецы. М., 1995.

Бушин В. Честь и бесчестие нации. М., 1999.

Бушков А. Сталин. Красный монарх. М., 2004.

Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973.

Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января—5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. (В двух томах). М., 1959.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. (В двух книгах). М., 1990.

Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. (В двух книгах). М., 1994.

Воротников В.И. А было это так... М., 1995.

Ворошилов К.Е. Рассказы о жизни. М., 1971.

В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991). М., 2006.

Гендлин Л. Исповедь любовницы Сталина. Минск, 1994.

Генерал армии Тюленев. Сборник документов и материалов. (Составители Н.И. Тюленева, В.К. Саблин, А.В. Тимофеев), М., 2005.

Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.
Главный маршал авиации Голованов. Сборник документов и материалов. (Составители О.А. Голованова и А.В. Тимофеев). М., 2001.
Голенков А. Предлагаю объяснить Сталина. М., 1995.
Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... М, 2005;
Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987.
Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1988.
Грачев А. Кремлевская хроника. М., 1994.
Грейг Олег, Грейг Ольга. Здравствуй, Сталин. М., 2005.
Гришин В.В. От Хрущева до Горбачева. М., 1996.
Гордиенко А.Н. Иосиф Сталин. Минск, 1998.
Громов Е. Сталин: власть и искусство. М., 1998.
Громыко А.А. Памятное (В двух книгах). М., 1988.
Двадцатый съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. (В двух томах). М., 1956.
Девятнадцатая Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. (В двух томах). М., 1988.
Дмитриевский С. Сталин. Предтеча национальной революции. М., 2003.
Дорофеев В. Сталинизм: народная монархия. М., 2006.
Еременко А.И. На западном направлении. М., 1959.
Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1969.
Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003.
Жуков Ю. Сталин: Тайны власти. М., 2005.
Жухрай В.М. Сталин: правда и ложь. М., 1996.
Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
Зиновьев А. Русский эксперимент. М., 1995.
Зиновьев А. Сталин – нашей юности полет. М., 2002.
Зюганов Г.А. Строитель державы. М., 2004.
Иванов Р.Ф. Сталин и союзники. 1941–1945 годы. М., 2005.
Илизаров Б. Тайная жизнь Сталина. По материалам его библиотеки и архива. М., 2003.
Иного не дано. М., 1988.
Иосиф Виссарионович Сталин. Сборник. (Составитель Маркова Л.В.). М., 1994.
Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М., 1949.
И.В. Сталин. Штрихи к биографии. (Под редакцией К. Ткаченко). М., 1995.
Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., 1993.
История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. (В шести томах), М., 1960–1965.
История России. Среднее профессиональное образование. Учебник. Под редакцией П.С. Самыгина. М., 2007.
Каганович Л.М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного и советско-государственного работника. М., 1996.
Калашников М. Третий проект. М., 2005.
Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. Том 1 (1879–1924). Тверь, 2004.

Капченко Н.И. Политическая биография Сталина. Том 2 (1924–1939). Тверь, 2006.
Кара-Мурза С.С. Советская цивилизация. (В двух книгах). М., 2002.
Карпов В.В. Генералиссимус. (В двух книгах). Калининград, 2002.
Качановский Ю.В. Диктатура Сталина: уроки и выводы. М., 2004.
Кодин М.И. Поверженная держава. Записки очевидца. М., 2007.
Кожемяко В. Лица века. М., 2007.
Кожинов В. Правда сталинских репрессий. М., 2006.
Кожинов В. Россия. Век XX. 1901–1939. М., 1999.
Кожинов В. Россия. Век XX. 1939–1964. М., 1999.
Колпакиди А.И., Прудникова Е.А. Двойной заговор. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся путчи. М., 2000.
Конев И.С. Сорок пятый. М., 1966.
Косолапов Р. Слово товарищу Сталину. М., 1995.
Коэн С. Переосмысливая советский опыт. Политика и история с 1917 года. Вермонт, 1986.
Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995.
Куманев Г.А. Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2000.
Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999.
Крысин М.Ю. Прибалтийский фашизм. История и современность. М., 2007.
Крючков В. Личное дело. (В двух книгах). М., 1996.
Лигачев Е.К. Предостережение. М., 1998.
Липартелиани Г. Сталин Великий. М., 2001.
Лукьянов А.И. В водовороте российской смуты. М., 1999.
Лукьянов А.И. Парламентаризм в России. М., 2007.
Лукьянов А.И. Переворот настоящий и мнимый. М., 1993.
Маленков Г.М. Речь на пятой сессии Верховного Совета СССР. 8 августа 1953 года. М., 1954.
Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. М., 1992.
Маренков Ф. Государь и погань. М., 1995.
Мартиросян А.Б. 200 мифов о Сталине. Сталин – биография вождя. М., 2007.
Мартиросян А.Б. 200 мифов о Сталине. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2007.
Мартиросян А.Б.. 200 мифов о Сталине. Сталин и репрессии 20–30-х годов. М., 2007.
Мартиросян А.Б.. 200 мифов о Сталине. Сталин и достижения СССР. М., 2007.
Мартиросян А.Б. 200 мифов о Сталине. Сталин после войны. М., 2007.
Мартиросян А.Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М., 2003.
Мартиросян А.Б. Трагедия 22 июня. Блицкриг или измена? Правда Сталина. М., 2006.
Медведев Р. О Сталине и сталинизме. М., 1990.
Мерецков К.А. На службе народу. М., 1970.
Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.
Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
Миронин С. Сталинский порядок. М., 2007.

Моряков В.И., Федоров В.А., Щетинов Ю.А. История России для поступающих в вузы. Учебник. М., 2006.
Млечин Л. Смерть Сталина. Вождь и его соратники. М., 2003.
Мухин Ю.И. Катынский дневник. М., 1995.
Мухин Ю.И. Убийство Сталина и Берия. М., 2003.
Невежин В. Сталин о войне. Застольные речи 1933–1945 гг. М., 2007.
Некрасов В. Тринадцать «железных» комиссаров. М., 1995; Неизвестный Сталин. М., 1994.
Некрич А.М. 1941 22 июня. М., 1965.
Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. М., 1989.
Над Н. Как убивали Сталина. М., 2008.
Никонов Н. Иосиф Грозный. М., 2003.
Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. Воспоминания. М., 1988.
Новодворская В. По ту сторону отчаяния. М., 1993.
Орлов А. Сталин: в преддверии войны. М., 2003.
Орлов А.С., Георгиев В.А., Полунов А.Ю., Терещенко Ю.Я. Основы курса истории России. М., 2000.
Островский А.В. Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004.
Отечественная история. Учебное пособие. Под редакцией Р. В. Дегтяревой и С.Н. Полторака. М., 2007.
Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В.Сталина с Президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (В двух томах), М., 1957.
Платонов О. Бич Божий: эпоха Сталина. М., 2004.
Поликарпов В.С. Сталин — великий планировщик советской цивилизации. Ростов н/Д, 2007.
Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Главный редактор А.А. Фурсенко. М., 2003.
Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998.
Радзинский Э. Сталин. М., 1997.
Реальная Россия. М., 2006.
Риббентроп Иоахим фон. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М., 1996.
Роговин В. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992.
Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1972.
Рыбаков А. Дети Арбата. М., 1988.
Рыбас С., Рыбас Е. Сталин. Судьба и стратегия. (В двух книгах). М., 2007.
Рыжков Н.И. Десять лет великих потрясений. М., 1995.
Сахаров В.А. Политическое завещание Ленина. М., 2003.
Семанов С., Кардашов В. Иосиф Сталин: Жизнь и наследие. М., 1997.
Семанов С.Н. Брежнев. Правитель «золотого века». М., 2002.
Семанов С.Н. Сталин. Уроки жизни и деятельности. М., 2002.
Сергеев А., Глушик Е. Беседы о Сталине. М., 2006.
Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988.
Смыслов О.С. Василий Сталин. Заложник имени. М., 2003.
Советская историческая энциклопедия. Том 13. М., 1971.
Сойма В. Запрещенный Сталин. М., 2005.
Соловьев Б., Суходеев В. Полководец Сталин. М., 1999.
Социология Великой Победы. М., 2005.

Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи. Сост. Лобанов М. М., 1995.
Сталин И.В. Сочинения. Т. 14—16 М.: Писатель, 1997.
Сталин И.В. Сочинения. Т 17—18 Тверь, 2004, 2006.
Сталин. Энциклопедия. Составитель В.В. Суходеев. М., 2006.
Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
Суворов В. (Резун В.). День-М. Когда началась вторая мировая война? М., 1994.
Суворов В. (Резун В.). Ледокол. Кто начал вторую мировую войну. М., 1992.
Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950 годы. М., 1999.
Суходеев В.В. Сталин в жизни и легендах. М., 2003.
Суходеев В.В. Сталин. Военный гений. М., 2005.
Суходеев В.В. Стратег Великой Победы. М., 2007.
Тегеран. Ялта. Потсдам. М., 1971.
Тюленев И.В. Через три войны. М., 1960.
Успенский В.Д. Тайный советник вождя. М., 1992.
Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. М., 1999.
Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937.
Ферр Г. Антисталинская подлость. М., 2008.
Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1999.
Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС. М., 1959.
Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.
Чуев Ф. Каганович. Шепилов. М., 2004.
Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998.
Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.
Шабалов А. Одиннадцатый удар товарища Сталина. Ростов н/Д., 1995.
Шатров М. Дальше... дальше... дальше! Дискуссия вокруг одной пьесы. М., 1989.
Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. (В 2 томах). М., 1958.
Шеховцов И.Т. Дело Сталина-«преступника» и его защитника. Харьков, 2004.
Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. (В 2 книгах). М., 1985.
Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. М., 1984.
Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1967.
Яковлев Н.Н. Сталин: путь наверх. М., 2000.

Amalrik Andrei. Will the Soviet Union Survive Until 1984? N.Y., 1971.
Churchill Winston S. Memoirs of the Second World War. (Abridgement). Boston, 1987.
Conquest Robert. The Great Terror. Harmondsworth, 1971.
Conquest Robert. Stalin. Breaker of Nations. London, 1991.
Crankshaw Edward. The New Cold War. Moscow v. Pekin. London, 1963.
Deutscher Isaac. The Prophet Outcast. Trotsky. 1929—1940. Oxford. 1987.
Deutscher Isaac. Stalin. A Political Biography. London, 1966.
Djilas Milovan. Conversations with Stalin. N. Y., 1962.
Galbraith John. The New Industrial State. London, 1967.
Hough Jerry. How the Soviet Union is Governed. Harvard University Press, 1979.
Hacket John et al. The Third World War. August 1985. N.Y., 1980.

Jonge de, Alex. Stalin and the Shaping of the Soviet Union. N. Y., 1986.
Khrushchev Remembers. With the Introduction, Comments and Notes by Crankshaw Edward. London, N. Y., 1971.
Kilzer Louis C. Churchill's Deception. The Dark Secret That Destroyed Nazi Germany. N. Y., 1994.
Kimball Warren. Forged in War. Churchill, Roosevelt and the Second World War. London, 1997.
Toffler Alvin. The Third Wave. N. Y., 1980.
Tucker Robert. Stalin as revolutionary, 1879—1929. A Study in History and Personality. 1973.
Ulam Adam S. Stalin. The Man and the Era. Boston, 1987.

Периодика

Аргументы и факты. 1985—1991.
Дружба народов. 1987—1991.
За семью печатями. 2006.
Знание — сила. 1985—1991.
Знамя. 1987—1991.
Известия. 1991.
Известия ЦК КПСС 1989—1991.
Исторические архивы. 1993—1999.
Комсомольская правда. 2007—2008.
Журнал Московской Патриархии. 1953, № 4.
Литературная газета. 1985—1991.
Литературная Россия. 1987—1991.
Молодая Гвардия. 1987—1991.
Московские новости. 1985—1991.
Наш современник. 1985—2008.
Новый мир. 1987—1991.
Огонек. 1987—1991.
Правда. 1949—2008.
Россия. 1991.
Советская культура. 1988.
Советская Россия. 1988—2008.
Учительская газета. 1991.
The New York Times Book Review. 1956, October.

Оглавление

(Вместо предисловия)
«Победителей можно и нужно судить» 5

ЧАСТЬ 1. ЧТО СКРЫВАЛОСЬ ЗА ВОСХВАЛЕНИЯМИ СОРАТНИКОВ? 24
Глава 1. Загадка смерти Сталина 24
Глава 2. Берия — первый обвинитель Сталина... или его убийца? 54
Глава 3. Маленков против культа личности Сталина 70

ЧАСТЬ 2. ХРУЩЕВ ПРОТИВ СТАЛИНА 81
Глава 4. Перед XX съездом КПСС и в ходе него 81
Глава 5. Миф XX съезда 98
Глава 6. Оттепель оборачивается половодьем 123
Глава 7. Зигзаги Хрущева в оценках Сталина 130

ЧАСТЬ 3. ПОЛУЗАПРЕТНАЯ СТАЛИНСКАЯ ТЕМА 155
Глава 8. Почему при Брежневе возникла ностальгия по Сталину? 155
Глава 9. Антисталинский синдром столичной интеллигенции 199
Глава 10. Stalin made in the USA 224

ЧАСТЬ 4. АНТИСТАЛИНСКОЕ ЦУНАМИ 256
Глава 11. Горбачевское пугало сталинизма . . 256
Глава 12. Куда направляли советский самолет «прорабы перестройки»? . . . 307

Глава 13. Процесс пошел... 336
Глава 14. В антисталинском мире 364

ЧАСТЬ 5. СТАЛИН НА РУБЕЖЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ 401
Глава 15. Защищая Сталина в 90-х годах . . . 401
Глава 16. Преподавание антисталинизма . . . 423
Глава 17. Противоречия в общественном мнении России 447
Глава 18. Сталин в Интернете 472
Глава 19. Сталиноведение в XXI веке 493

(Вместо заключения)
Историческая обреченность антисталинизма . . . 518

Перечень основных использованных материалов 535

Юрий Емельянов

СТАЛИН ПЕРЕД СУДОМ ПИГМЕЕВ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *О. Супрун*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, к. 5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.10.2008.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 4000 экз. Заказ № 1619.

Отпечатано в типографии
ОАО "Издательство "Самарский Дом печати".
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreigneller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreigneller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративными клиентами,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

И.В. Сталин был убит дважды. Сначала – в марте 1953 года, когда умерло его бренное тело. Но подлинная смерть Вождя, гибель его честного имени, его Идеи и Дела всей его жизни случилась тремя годами позже, на проклятом XX съезде КПСС, после клеветнического доклада Хрущева, в котором светлая память Сталина и его великие деяния были оболганы, ославлены, очернены, залиты грязью.

Повторилась вечная история Давида и Голиафа – только стократ страшнее и гаже. Титан XX века, величайшая фигура отечественной истории, гигант, сравнимый лишь с гениями эпохи Возрождения, был повержен и растоптан злобными карликами, идейными и моральными пигмеями. При жизни Вождя они не смели поднять глаз, раболепно вылизывая его сапоги, но после смерти набросились всей толпой – чтобы унизить, надругаться над его памятью, низвести до своего скотского уровня.

Однако ни одна ложь не длится вечно. Рано или поздно правда выходит на свет. Теперь это время пришло. Настал срок полной реабилитации И.В. Сталина. Пора очистить его имя от грязной лжи, клеветы и наветов политических пигмеев.

Эта книга уже стала культовой. Этот бестселлер признан классикой сталинианы. Его первый тираж разошелся меньше чем за неделю. Для второго издания автор радикально переработал текст, исправив, дополнив и расширив его вдвое. Фактически у вас в руках новая книга. Лучшая книга о посмертной судьбе Вождя, о гибели и возрождении Иосифа Сталина.

ISBN 978-5-699-31529-1

интернет-магазин
OZON.ru
ЯУЗА